

Е.П. Серапионова

**Карел
КРАМАРЖ
и
РОССИЯ**

**1890-1937
ГОДЫ**

НАУКА

Frank Ramsey

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Е.П. Серапионова

**Карел
КРАМАРЖ
и
РОССИЯ**

1890-1937 годы

*Идейные воззрения,
политическая активность,
связи с российскими
государственными
и общественными
деятелями*

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
С32

Ответственный редактор
доктор исторических наук А.Л. ШЕМЯКИН

Рецензенты:
доктор исторических наук Г.Ф. МАТВЕЕВ,
кандидат исторических наук М.А. РОБИНСОН

Серapiroнова Е.П.

Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / Е.П. Серapiroнова; [отв. ред. А.Л. Шемякин]; Ин-т славяноведения РАН. — М.: Наука, 2006. — 512 с. — ISBN 5-02-033997-0 (в пер.).

В книге повествуется о жизни и деятельности чешского политика, депутата австрийского парламента, русофила, одного из лидеров идеиного течения неославизма, а затем первого чехословацкого премьера К. Крамаржа. Основанная на документальных и мемуарных источниках, в том числе из личного архива, монография позволяет по-новому взглянуть на его геополитические концепции и практическую политику. Будучи женатым на русской Н.Н. Хлудовой (Абрикосовой), Крамарж имел прочные связи с Россией, был знаком с российскими министрами, военными, политиками, общественными деятелями, учеными, писателями. Он — автор проектов славянской федерации (1914 г.), российской конституции (1919 г.), труда о причинах русской революции — “Русский кризис”. Велика и разнообразна его помощь русским эмигрантам “первой волны” по всему миру.

Для историков и более широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-315

ISBN 5-02-033997-0

©Институт славяноведения РАН, 2006

©Серapiroнова Е.П., 2006

©Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

*Памяти моего научного руководителя
Александра Харитоновича Клеванского
посвящается*

От автора

В кратком предисловии не хочется рассказывать о содержании работы. Заинтересовавшийся читатель прочтет до конца, менее терпеливый — пролистает, составив свое представление о главном герое, случайный — посмотрит иллюстрации. Но всем вам я заранее благодарна за то, что из потока всевозможной книжной продукции вы выбрали эту книгу, хотя это не художественный роман, а историческое повествование.

Куда важнее сейчас поблагодарить всех тех, кто помогал в работе над книгой и в ее выходе в свет: прежде всего потомков Надежды Крамарж Н.Н. Птицыну и ее сына Д.А. Птицына за увлекательный рассказ о предках, а также предоставленные мне фотографии из семейного альбома. Огромная благодарность моим коллегам и друзьям из Чехии и Словакии Л. Белошевой, М. Главачке, В. Доубеку, Я. Рыхлику, И.П. Савицкому, Л. Гарбулевой, Т. Ивантишиновой, а также работникам чешских и словацких архивов и библиотек за помощь в сборе материалов, консультации и неизменное внимание во время моих командировок в эти страны.

Благодарю сотрудника Института Российской истории РАН О.В. Будницкого за любезно предоставленный мне документ из британского архива г. Лидса, а также коллегу по Институту славяноведения РАН В.И. Косика за опубликованную переписку супругов Крамарж и философа И.А. Ильина.

Большое спасибо работникам российских архивов АВПРИ, РГАСПИ, ГАРФ, РГВА, РГИА, где пришлось потрудиться.

Я крайне признательна ответственному редактору А.Л. Шемякину, рецензентам Г.Ф. Матвееву и М.А. Робинсону, сотрудникам Института славяноведения РАН Г.П. Мурашко, Г.П. Мельникову, Г.П. Гришиной, И.И. Костюшко,

М.И. Леньшиной, взявших на себя труд прочесть и сделать ценные замечания, последней также за большую помощь в подготовке книги к изданию, а также Б.Н. Флоре за советы по привлечению дополнительной литературы и Л.Е. Горизонтову за предоставление книги польского автора А. Гизы о неославизме.

Особую благодарность приношу своему супругу, историку А.В. Фадееву — первому редактору и самому суровому критику моих текстов, а также дочери Е.А. Фадеевой за советы по оформлению книги и помощь в восстановлении старых фотографий.

Введение

*

Обращение к жизни и деятельности видного чешского политика, русофила, Карела Крамаржа (1860 – 1937) обусловлено рядом обстоятельств. Первое – это желание еще раз вспомнить о славянской идее, рассмотреть формы, которые она приобретала в разное время от раннего славянофильства 30 – 40-х годов XIX в. до так называемой новой славянской политики начала XX столетия, прояснить такие понятия, как “славянская взаимность” (подчеркивавшее культурно-историческую и религиозную близость славян) и панславизм (часто, особенно на Западе, понимаемый как реакционные и агрессивные стремления к политическому объединению славян под эгидой России); определить место и значение в этом ряду неославизма, одним из создателей и активным пропагандистом которого выступал Крамарж. Неослависты ратовали за культурное и экономическое сближение славян, но их противники справа видели в этом скрытый австрославизм, а оппоненты слева – замаскированный старый панславизм, якобы инспирированный официальной Россией.

Второе – необходимость рассмотреть отношение чехов к России и их выбор внешнеполитической ориентации: Восток или Запад. Для народов, проживающих в Центральной Европе, на европейском историческом перекрестке, это был и есть вопрос вопросов. Другими словами, восприятие ими России как страны – традиционной покровительницы и защитницы славянского мира, либо, наоборот, как великодержавной поработительницы, ведущей экспансионистскую политику подчинения и поглощения “малых народов”.

С этим комплексом вопросов в какой-то степени связана борьба идей внутри любого общества между сторонниками “национальной” ориентации, подчеркивавшими своеобразие традиций и устоев каждой нации, и ее противниками, выступавшими за универсальность исторического развития, следование общеевропейским образцам, т.е. борьба консервативных и

либеральных начал. Это противостояние было характерно для философии многих народов. Возьмем, к примеру, спор между западниками и славянофилами в России о правильности выбора: либо в русле общеевропейских тенденций, образцом для которых являются экономически и политически развитые страны Запада, либо особого российского пути, отличного как от западного, так и от восточного в силу промежуточного положения России между этими полюсами. Отголоски этого извечного спора проявляются и сегодня в попытках объяснить своеобразие исторического развития России тем, что она не европейская, а в лучшем случае "евразийская" страна.

При анализе философских идей и политологических концепций, конечно, необходимо учитывать, что их возникновение и существование во многом зависело от экономического состояния России (т.е. от привлекательности союза с ней) и расклада сил на международной арене в конкретный исторический момент. Не случайно славянская идея крепла, распространялась и использовалась зачастую в условиях внешней опасности (Первая и Вторая мировые войны).

Несмотря на существование не просто великого множества как философских, так и исторических трудов по славянскому вопросу, но и целой отрасли науки — славяноведения, представляющей собой комплекс исследований в области лингвистики, литературоведения, культурологии, этнологии, социологии, истории и политологии славянских народов, — обращение к этим сюжетам в начале нового XXI века кажется вполне оправданным и своевременным.

Карел Крамарж как личность интересен не только системой своих историко-философских и геополитических взглядов, но и практической деятельностью в качестве депутата австрийского парламента, одного из лидеров младочехов, первого премьера Чехословацкой республики, с 1918 г. лидера партии Национальных демократов. Но в данном исследовании его взгляды и политическая активность будут рассматриваться лишь по отношению к России.

Чешский политик имел обширнейшие связи с российскими государственными, политическими и общественными деятелями, ведь Россия стала для него вторым домом из-за женитьбы на Надежде Николаевне Абрикосовой (в девичестве Хлудовой). Он часто и подолгу бывал в России, посещая не только столицы, но и окраины, часто проводя лето в имении жены в Крыму.

Наследие Крамаржа насчитывает многочисленные речи, статьи, книги¹, в том числе обширнейший труд "Русский кризис"². В этой работе Крамарж рассматривает причины событий 1917 г. и победы большевиков, анализирует их политику в пер-

вые годы Советской власти, а также указывает пути выхода из "кризиса", рисует те основы, на которых, по его мнению, можно построить новое здоровое российское общество и государство. Некоторые его мысли на удивление актуально звучат и сейчас, хотя обнаружены они были еще в 20-е годы прошлого столетия.

* * *

Нельзя сказать, что о Крамарже не писали, — библиография о нем составляет несколько десятков книг и статей. Это произведения совершенно разного характера и жанра. Работы Томаша Гарриг Масарика и Эдварда Бенеша³ с критикой внешнеполитических концепций Крамаржа, на которые он живо реагировал и полемизировал с их авторами, можно рассматривать и как своеобразный источник. Воспоминания его соратников и друзей, опубликованные в основном в 30-е годы XX в. (в том числе и российских эмигрантов⁴), также представляют собой скорее часть источниковой базы.

В то же время еще при жизни Крамаржа начинают публиковаться его биографические портреты⁵, принадлежавшие перу как приверженцев и последователей, так и рьяных оппонентов. Количество книг и брошюр о нем увеличивается сразу после его смерти. Спор относительно роли Крамаржа в чешской истории и о значении его политики обостряется в годы так называемой послемюнхенской "второй республики"⁶.

Личность Крамаржа вызывала интерес историков и в период после Второй мировой войны (специальные исследования начинают появляться в 60—70-е годы XX в.). Отношение Крамаржа к России привлекло внимание немецкого ученого Г. Лемберга, с конца 60-х годов занимавшегося этими сюжетами, который опубликовал несколько интересных статей, в том числе о позиции Крамаржа на Парижской мирной конференции⁷ и о его визите к Деникину в 1919 г.⁸

Чешские ученые К. Герман и З. Сладек⁹ в самом начале 70-х выпустили совместную монографию¹⁰, охватывавшую весь период политической активности К. Крамаржа и посвященную его славянской политике. Авторы использовали опубликованные и неизвестные ранее архивные материалы, работы самого Крамаржа, воспоминания и достаточно обширную литературу. Естественно, не со всеми их утверждениями можно согласиться, но эта книга была определенным шагом в исследовании взглядов и политической деятельности Крамаржа и долгое время оставалась единственной монографией по теме.

Серьезное исследование английского историка Б.М. Гарвера¹¹, вышедшее в 1978 г. в Лондоне, посвящено истории партии

младочехов, которую продолжительное время возглавлял Крамарж. О партии младочехов написана и работа Т. Войтеха¹². Этой же темы касается в одной из своих статей американский исследователь Стенли Б. Винтерс¹³. В других статьях он рассматривает чешскую политическую мысль последней трети XIX в.¹⁴ и практическую деятельность Крамаржа как депутата австрийского парламента¹⁵.

Одной из последних монографий, посвященных К. Крамаржу, стала книга немецкого историка М. Винклер¹⁶, в которой в основном исследуются идеи Крамаржа, его образ мыслей, и лишь во вторую очередь говорится о его политической деятельности. Автор отмечает, что Крамарж интенсивно занимался политическими проблемами своего времени, но не являлся выдающимся мыслителем, она подчеркивает противоречивость и эклектичность его взглядов, нерешительность и промежуточность позиции, не позволяющие отнести его к какому-то определенному направлению.

В чешской историографии 90-х годов XX в. представлены работы, затрагивающие, как правило, какую-нибудь одну сторону деятельности, период жизни Крамаржа, его собственность¹⁷. Стали появляться статьи об огромной помощи Крамаржа русским эмигрантам в 20 – 30-е годы¹⁸, о его взаимоотношениях с Масариком¹⁹, Рашином²⁰, о позиции на Парижской мирной конференции²¹, о пражской вилле²². Взглядам Крамаржа на "русский вопрос" и его "русской" политике значительное место отводится в монографиях пражского историка И.П. Савицкого²³. Личность Крамаржа привлекает внимание и молодых чешских исследователей: в Карловом университете под руководством М. Главачки и В. Доубека подготовлен ряд дипломных работ о К. Крамарже, часть из них опубликована в виде журнальных статей²⁴.

В отечественной историографии следует особо выделить книгу российского историка З.С. Ненашевой²⁵, большое внимание в которой уделено неославизму как идейному течению начала XX в. В этой связи рассматривается и деятельность Крамаржа в качестве одного из лидеров движения неославистов. Восприятию Крамаржа российским консулом в Праге Жуковским посвящена статья этого же автора²⁶. В работах Е.Ф. Фирсова наряду с другими вопросами рассматривается деятельность Крамаржа на посту лидера Национально-демократической партии Чехословакии²⁷. Масштабы помощи русским эмигрантам со стороны чехов Крамаржей раскрываются в обстоятельной монографии Е.В. Чиняевой²⁸ и ряде ее более ранних статей²⁹. Сюжеты, связанные с отношением Крамаржа к русским эмигрантам, затрагивались в монографии автора данной

книги "Российская эмиграция в ЧСР (1920 – 1930-е годы)", в последние годы ряд мною опубликован и ряд статей о К. Крамарже и его супруге³⁰.

Из новых работ стоит также отметить вышедший по инициативе редакции ежегодника "Россика" блок материалов авторов из США, России, Чешской республики, посвященных отношению К. Крамаржа к России³¹. В журнал вошли статьи Стенли Б. Винтерса "Славизм Карела Крамаржа на рубеже XX века", З.С. Ненашевой "Чехи, Крамарж и российская дипломатия в начале XX века", Е.П. Серапионовой "Образ К. Крамаржа в российской публицистике начала XX века", уже публиковавшиеся ранее две статьи Я. Шетржиловой "Вилла Крамаржа", а также "Карел Крамарж – отец русской эмиграции" в переводе на русский язык, статьи З. Сладека "Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты", А. Копрживовой "Крамарж и Братство для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехословакии". Кроме того, в подборку материалов вошли подготовленные для печати З. Сладеком отрывки из рукописи В. Климы "Масарик и Крамарж", воспоминания проф. Б. Немца о Кареле Крамарже, три завещания Карела Крамаржа. Как видно уже из названий работ, содержание тематического выпуска ежегодника достаточно разнообразно: охвачены разные периоды и различные стороны деятельности Крамаржа, его отношения с виднейшими чешскими политиками. Объединяет все материалы тема русофильской ориентации Крамаржа. Редколлегия журнала и авторы статей были едины в постановке цели – объективно оценить политическую деятельность Крамаржа. И хотя авторы ни в коей мере не были ограничены в высказывании собственной точки зрения, во многих моментах их мнения, оценки и суждения совпадают. В 2003 г. к 65-летию со дня смерти Крамаржа статьи этого тематического выпуска "Россики" вышли на чешском языке отдельной книгой³².

Но тема Крамарж и Россия, на наш взгляд, этим не исчерпана, ей и посвящается настоящая книга. Работа задумана не как детальная биография К. Крамаржа, а скорее как описание его жизни и деятельности, в связи с "российскими сюжетами" и введенное в контекст более широких проблем – внешней политики России и Австро-Венгрии, славянской идеи и славянского движения, внешнеполитической ориентации чешских политиков и борьбы между ними, истории российской эмиграции. Политические взгляды и отношение Крамаржа к России, его связи и контакты с российскими общественными и политическими деятелями также являются предметом изучения. Это попытка не только рассказать читателям об истории Чешских

земель и Чехословакии конца XIX — первой трети XX в., но и рассмотреть отдельные моменты отечественной истории.

Необходимо также отметить, что в историографии существуют диаметрально противоположные характеристики К. Крамаржа, политика и человека, от восторженных — как “вождя нации”, честного, неподкупного, глубоко порядочного³³, до крайне негативных — как политика амбициозного, не отличавшегося ни дальновидностью, ни гибкостью, крайне правого националистического направления³⁴. (Скорее всего, это лишь доказывает, что оценки исторических личностей практически всегда субъективны, а кроме того нередко зависят от политической конъюнктуры.) В настоящее время проявляется тенденция к более взвешенным характеристикам политической деятельности и личности К. Крамаржа в целом. Хотя, надо признать, что ему не везло: в межвоенной ЧСР, если исключить работы его сторонников и поклонников к юбилеям с явной идеализацией “героя” (по законам жанра), в официальной историографии его больше критиковали из-за противоречий с правящей группировкой “Града”, сложившейся вокруг Масарика и Бенеша; в послевоенной социалистической Чехословакии — называли реакционером и фашистом за неприятие большевиков и Советской России, а после 1989 г., когда внешнеполитический вектор резко изменился с восточного на западный, — многих не устроило его упрямое русофильство, которое называли наивным, ошибочным, архаичным.

* * *

Если говорить об источниковой базе исследования, то ее основу составляют архивные материалы Чешской республики и Российской Федерации. Прежде всего это личный фонд К. Крамаржа, хранящийся в Архиве Национального музея в г. Праге (ANM. F. 2 Pozůstalost K. Kramářa), содержащий документы личного происхождения — свидетельства, паспорта, аттестаты, справки, заметки, а также его обширнейшую переписку. Из российских материалов автор пользовалась документами Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), хранящимися в фондах Особого политического отдела (№ 135), Второй (газетной) экспедиции канцелярии МИД России (№ 139), Канцелярии министра иностранных дел (№ 133), Политархива (№ 151), Коллекции документальных материалов из личных архивов чиновников МИД (№ 340). В этих фондах собраны секретные донесения, депеши, телеграммы, записки, заметки, письма российских дипломатических представителей и агентов в МИД, в том числе из Вены и Праги. Определенный интерес представляют также материалы Государственного

архива Российской Федерации (ГАРФ), а именно фонды 1820 — Петербургского клуба общественных деятелей, 1821 — Комитета славянской взаимопомощи, некоторые личные фонды, например, 541 — Д.Н. Вергуна, документы Российского заграничного исторического архива (РЗИА). Отчасти использованы и материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), а именно фонд Петроградского (Петербургского) телеграфного агентства (1358), фонд Д.Н. Вергуна (909) и некоторые другие. Ряд материалов содержится также в Российском государственном военном архиве (бывшем Особом), в фонде по истории создания чехословацкого государства (1198).

Весьма важным для данной темы источником является чешская и российская пресса, воспоминания современников, опубликованные документы и материалы и, безусловно, произведения самого Крамаржа.

- ¹ Основные работы К. Крамаржа: *České státní právo* (1896); *Les parties politiques et la situation parlementaire en Autriche* (1889); *Dějiny české politiky od roku 1879* (1909); *Ruská krise* (1921); *Na obranu slovanské politiky* (1926); *Československý stát a Slovanstvo* (1927); *Paměti* (1938).
- ² *Kramář K. Ruská krise*. Praha, 1921; *Крамарж К. Русский кризис* / Пер. с чешск. А.С. Изгоева с доп. и изменениями автора. Прага; Париж, 1925.
- ³ См., например: *Масарик Т.Г. О новославизме* // Речь. 1908. 24 дек.; *Veneš E. Moje odpověď Dru Karlu Kramářovi*. Praha, 1929.
- ⁴ См., например: *Славянская заря* (Прага). 1920. 9 февр.; *Лебедев В.И. Россия, славянство и интервенция* (по поводу русской политики д-ра Крамаржа) // Воля России. Журнал политики и культуры (Прага). 1922. № 6(34). С. 19 — 27; Бюллетень Союза русских инженеров и техников в Братиславе. 1937. № 8.
- ⁵ *Život — Dílo — Práce vůdce národa* Praha, 1937. Díl 2: Redigoval Vladimír Sís.
- ⁶ Подробнее см.: *Rataj J. O autoritativní národní stát. Ideologické proměny české politiky v druhé republice 1938 — 1939*. Praha, 1997. S. 53, 99 — 101.
- ⁷ *Lemberg H. Karel Kramářs Russische Aktion in Paris 1919* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, N.F. 14. 1966. S. 400 — 428. Эта ст. в пер. на чешск. яз. помещена в сб.: *Lemberg H. Porozumění Češi-Němci-Východní Evropa 1848 — 1948*. Praha, 1999. S. 134 — 165.
- ⁸ *Lemberg H. Karel Kramářs Reise zu Denikin. Ein tschechischer Politiker im russischen Bürgerkrieg* // *Felder und Vorfelder russischer Geschichte: Studien zu Ehren von Peter Scheibert* / Hrsg. I. Auerbach, A. Hillgruber u. G. Schramm. Freiburg; Br., 1985. S. 220 — 240. См. пер. ст. на чешск. яз. в сб.: *Lemberg H. Porozumění... S. 165 — 188*.
- ⁹ Позднее этот автор написал целый ряд интереснейших статей о русской эмиграции в Чехословакии и о Крамарже, см: *Слагек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии* // *Советское славяноведение*. 1991. № 6. С. 24 — 36; *Sládek Z. Ruská emigrace v Československu (Problémy a výsledky výzkumu)* // *Slovanský přehled*. 1993. С. 1. S. 1 — 13; *Russkaja akcija O ruské pomocné akci tentokrát polemicky* // *Ruská a ukajinská emigrace v ČR v letech 1918 — 1945*. Praha, 1995. Sv. 3. S. 20 — 25; *České prostředí a*

- ruská emigrace (1918–1938) // Духовные течения русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике 1919–1939. Прага, 1999. С. 7–47.
- ¹⁰ *Herman K., Sládek Z.* Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971.
- ¹¹ *Garver Bruce M.* The Young Czech Party, 1874–1901. L., 1978.
- ¹² *Vojtech T.* Mladočeši a boj za politickou moc v Čechach. Praha, 1980.
- ¹³ *Stanley B.* Winters Kramář, Kaizl, and the Hegemony of the Young Czech Party, 1891–1901 // Czech Renaissance of the nineteenth century: Essays Presented to Otakar Odložilík in Honour of His Seventieth Birthday. Toronto, 1970. P. 282–302.
- ¹⁴ *Stanley B.* Winters Austroslavism, Panslavism, and Russophilism in Czech Political Thought, 1870–1900 // Intellectual and Social Developments in the Habsburg Empire from Maria Theresa to World War I. N.Y.; L., 1975. P. 175–202.
- ¹⁵ *Stanley B.* Winters "Tactical Opportunism": Karel Kramář's Adaptation of Palacky's Concept of the Bohemian "Staatsrecht" // Bohemia. 2000. B. 41, H. 1. S. 23–33.
- ¹⁶ *Winkler M.* Karel Kramář (1860–1937) Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers. München, 2002.
- ¹⁷ *Šetřilová J.* Kramářova vila // Dějiny a současnost. 1993. Č. 3. S. 49–51; *Valenta A.* Karel Kramář // Střední Evropa. 1995. № 51, Roč. 11. S. 44–65; *Vykoupil L.* Karel Kramář a jeho novoslovanství ve 20 a 30 letech // Sborník vojenské akademie v Brně. Rada C-společenskovední. Brno, 1994. S. 263–266; *Stanley B.* Winters "Tactical Opportunism". P. 23–33; *Сепану-онова Е.П.* Три виллы К. Крамаржа // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 313–322; *Она же.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // Родина. 2001. Январь–февраль. С. 132–138; и др.
- ¹⁸ *Šetřilová J.* Karel Kramář – Otec ruské emigrace // Ruská a ukrajinská emigrace v ČR v letech 1918–1945 (sborník studií-2) Praha, 1994. S. 72–85.
- ¹⁹ *Kučera M.* Príspevek k výkladu vzájemného vztahu K. Kramáře a T.G. Masaryka // České země a Československo v Evropě XIX a XX století: Sborník práce ke 65 narozeninám prof. dr. Roberta Kvačka. Praha, 1997. S. 127–153; *Čechurová J.* Kramář a Masaryk // Historický obzor. 1998. Roč. 9, № 3/4. S. 71–74.
- ²⁰ *Šetřilová J.* Druhý či první muž strány? Ke vztahu Aloise Rašína a Karla Kramáře // Historický obzor. 1994. Roč. 4, № 5. S. 114–118.
- ²¹ *Šauer J.* Karel Kramář na mírové konferenci v Paříži // Mezinárodní vztahy. 1993. Č. 3. S. 84–93.
- ²² *Šetřilová J.* Kramářova vila // Dějiny a současnost. 1993. Č. 3. S. 49–51.
- ²³ См.: *Savický I.* Osudová setkání Češi v Rusku a Rusové v Čechach 1914–1938. Praha, 1999; *Савицкий И.* Прага и зарубежная Россия (Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага, 2002.
- ²⁴ *Lustigová M.* Kramářův pohled na Rusko // Historický obzor. 2003. Č. V–VI. S. 116–123; *Pekař R.* Milostné listy Karla Kramáře Naděždě Nikolajevně Abrikosové // Slovanský přehled. 2004. Č. 1. S. 129–163.
- ²⁵ *Ненашева З.С.* Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984.
- ²⁶ *Ненашева З.С.* Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии российского консула в Праге // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 123–130.

- 27 *Фирсов Е.Ф.* Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 1920-е годы. М., 1989; *Он же.* Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М., 1997.
- 28 *Chinyaeva E.* Russians outside Russia. The Émigré Community in Czechoslovakia. 1918–1938. München, 2001.
- 29 *Chinyaeva E.* Ruská emigrace v Československu: vývoj ruské pomocné akce // *Slovanský přehled: Časopis pro dějiny střední, východní a jichovýchodní Evropy.* 1993. Č. 1. S. 14–24; *Čiřtájevá J.* Česká společnost a ruská emigrace // *Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945 (sborník studií-2)* Praha, 1994. S. 46–65.
- 30 *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 25, 117, 134, 142, 154; *Она же.* Три виллы К. Крамаржа С. 313–321; *Она же.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // *Родина.* 2001. № 1/2. С. 134–138; *Она же.* К. Крамарж о федерализме и проблемах будущего государственного устройства России // *Славяноведение.* 2001. № 5. С. 43–52; *Она же.* Крымский рай – “Барбо”. В поисках виллы Надежды и Карела Крамарж // *Крымский альбом 2001.* Феодосия; Москва, 2002. С. 83–90; *Она же.* Т.Г. Масарик и К. Крамарж: отношение к России // *Европейские сравнительно-исторические исследования.* Вып. 1: Европейское измерение политической истории. М., 2003. С. 124–144; *Она же.* Т.Г. Масарик, К.П. Крамарж и русская эмиграция // *Славяноведение.* 2003. № 4. С. 60–66; *Она же.* Покровительница русской эмиграции // *Русское слово.* 2003. № 5. С. 16–17.
- 31 *Rossica V–VI (2000–2001).* Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике. Praha, 2001.
- 32 *Karel Kramář.* Studie a dokumenty k 65. výročí jeho úmrtí. Praha, 2003.
- 33 *Sís V.* Předmluva // *Život–Dílo–Práce vůdce národa.* Praha, 1937. Díl 2. S. 1–9.
- 34 *Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней.* М., 1988. С. 263.

Глава 1

Начало пути

*

Родился Карел Крамарж 27 декабря 1860 г. в небольшом городке под названием Высоке над Йизероу, приблизительно в 90 км на северо-восток от Праги у подножья гор Крконош. Это был район смешанного чешско-немецкого населения. Его земляками были такие видные политические и общественные деятели, как, например, юрист и политик Карел Томичек, писатель и политик Антал Сташек. Наиболее известный из его земляков юрист, либерал, один из ведущих деятелей Национальной партии Франтишек Ладислав Ригер (1818 – 1903) родился в Семилах, но в школу ходил в Высоком¹. Позднее он оказал значительное влияние на Карела-гимназиста.

Его отец – Петр Крамарж (1834 – 1907), был сыном крестьянина Йозефа Крамаржа из Станова и Каролины, дочери Йозефа Нечаска, пекаря из Высоке над Йизероу. Родился он 27 февраля 1834 г. Дед Карела Йозеф был высоким смуглым статным горцем, человеком честным, пользовавшимся уважением соседей. Йозеф Крамарж знал грамоту и любил читать. Занимался он крестьянским трудом и торговлей. Оба его сына Йозеф и Петр ходили в либерецкую немецкую школу. Умер Йозеф Крамарж молодым в 1847 г. от воспаления легких. Дети еще были школьниками. Их опекун, сосед Земан, и отдал Петра учиться на каменщика. В 20 лет Петр Крамарж стал мастером-строителем. Был он человеком работающим, целеустремленным, отличным профессионалом, работу которого ценили и у которого всегда было много заказов. Он строил дома, школы, фабрики. Железная воля и умение держать слово привели его к успеху. Со временем Петр становится преуспевающим предпринимателем². В Семилах в 70-е годы XIX в. он выстроил небольшой кирпичный завод, в 1902 г. расширившееся предприятие было оснащено современным оборудованием, а руководить заводом с этого времени П. Крамарж поставил своего друга Йозефа Водседялека. В 90-е годы XIX в. в Либштате отец Карела купил ткацкую фабрику. После смерти П. Крамаржа в январе 1908 г. предприятия перешли к его сыну Карелу. Об отце известно

еще, что политикой он занимался на низовом уровне, как человек энергичный и пользовавшийся доверием он входил в органы местного самоуправления. Его политические симпатии были на стороне младочехов³, что, вероятно, впоследствии повлияло на взгляды сына.

Мать Карела, Мария, происходила из крестьянской семьи. Ее отец Франтишек Водседажек был уроженцем Высоке над Йизероу, а мать Анна — дочерью Вита Гладика, крестьянина из Трече. Венчание Петра и Марии состоялось в 1857 г. в костеле Высоке над Йизероу. А спустя три года там же проходили крестины их сына — Карела. Всего у Петра и Марии родились пятеро детей, но все кроме Карела умерли в детстве⁴. В свидетельстве о его рождении указывалась вера — римско-католическая⁵. Крестным отцом его стал Йозеф Паточка, крестной матерью — тетя Анна Водседажкова.

В 1875 г. семья переехала в Семилы. Здесь на главной улице напротив костела П. Крамарж выстроил собственный дом. Отец много работал, именно здесь начался его стремительный подъем наверх. Кроме работы, были и любимые занятия. Петр Крамарж увлекался театром, сам исполнял главные роли в любительских спектаклях, комедиях, драмах и даже операх. Он любил музыку и пение, состоял членом, а затем и руководителем певческого коллектива "Йизерана"⁶. По воспоминаниям знавших его людей, он обладал звучным глубоким басом. Любовь к музыке, особенно к скрипке и пианино, передалась и Карелу: будучи уже взрослым он музицировал дома на пианино, часто импровизируя. Сын, так же как и отец, любил театр, причем в качестве не только зрителя, но и актера и исполнителя отдельных партий. Антал Сташек, работая адвокатом в Семилах, был одновременно режиссером любительской театральной труппы, в которой молодой Крамарж, приезжая на каникулы домой, пробовал свои силы⁷. Петр Крамарж передал наследнику и такие черты характера, как честность и независимость.

Дела шли успешно, кирпичный завод и усовершенствованная ткацкая фабрика в Либштате обеспечили безбедную жизнь семье и возможность обучения сына⁸. Единственный ребенок был любимцем родителей. Невзирая на распространённое мнение, что один ребенок в семье вырастает эгоистом, не будем спешить с выводами. Даже если взрослому Крамаржу, как отмечают некоторые исследователи⁹, и была свойственная надменность и эгоцентризм, то вряд ли это можно объяснить лишь положением любимого и единственного чада. Из его переписки с родителями, наоборот, следует, что он был очень внимательным и заботливым сыном, не забывал писать им из разных мест, куда забрасывала его судьба¹⁰.

Карел рос в комфортной обстановке, чувствуя защищенность и любовь, что придавало ему уверенности в своих силах, воспитывало здоровое честолюбие, желание первенствовать. Родителям было чем гордиться: учился Карел весьма неплохо. Он закончил четыре класса начальной школы в родном городе, затем два года учился в немецкой средней школе в Либерце, где совершенствовал немецкий язык. В 1871 г. Карел приехал в Прагу и поступил в реальную гимназию на Малой стране, в стенах которой осваивал науки вплоть до 1879 г. Гимназия была открыта в 1865 г. Ее первым директором стал талантливый педагог, публицист, литератор Вацлав Зелены, активный сторонник идеи славянской взаимности. Гимназия славилась не только по всей Чехии — в ней учились поляки, болгары¹¹. Позднее, зрелым политиком, Крамарж вспоминал: "Я приехал в Прагу десятилетним ребенком в 70-е годы с гор и увидел засилье немцев. Мы приветствовали взятие русскими Плевны (во время Русско-турецкой войны в 1877 г. — *Е.С.*), в домах наших политических лидеров часто висел портрет царя-освободителя"¹².

От отца Крамарж унаследовал патриотизм и честность. Родителей он любил и почитал. Отец всегда был для него примером для подражания, с ним он постоянно находился в дружеских отношениях. В 1877 г. они вместе ездили в Париж на Всемирную выставку¹³. К матери Карел относился с нежностью и заботливостью.

Материальных трудностей Карел не испытывал, иногда он подрабатывал пением в церковном хоре, но это не вызывалось материальной необходимостью¹⁴. Карел пошел в отца и был хорошим музыкантом. В хоре собора св. Вита на Градчанах он играл первым альтом. Неплохо музицировал на рояле, выступал в концертах, устраиваемых малостранской музыкальной школой¹⁵.

Учился Карел с охотой, много времени уделял изучению языков и чтению. Французский был необязательным предметом, но Карел выучил его факультативно. Английский и русский он изучал позднее частным образом. Любимыми предметами его были классические языки, особенно греческий. Среди своих одноклассников он распространял книги и журналы, а в старших классах Карел сам выпускал ученический журнал. Как и многие его ровесники, он писал стихи, сюжетами для которых часто служила чешская история, правда, это были стихи для себя, он никогда не стремился их обнародовать.

Неплохо удавалась ему и проза, за сочинения его хвалили. Уже с гимназических лет стали проявляться способности Карела как оратора. Ему поручали выступать от класса на собраниях. Он обладал неплохими аналитическими способностями и

блестящей памятью. Учителя считали его талантливым учеником, хотя иногда у него возникали конфликты с некоторыми из них. Любимыми преподавателями Карела были директор гимназии В. Зелены, перед которым он преклонялся и которого считал видным политиком и умелым оратором, а также словесник В. Гилмар¹⁶. После второго года обучения шла специализация по классам — гимназические и реальные. Карел, вопреки ожиданиям отца, который хотел видеть его продолжателем своего дела, выбрал гимназический класс с углубленным гуманитарным образованием. Уже тогда в 1873 г. под влиянием выступлений лидера старочехов Ф.Л. Ригера в возрасте 12 лет Крамарж решает изучать право и заниматься в будущем политикой, хотя отец и отговаривал его, советуя и заклиная выбрать реальное образование с упором на технические предметы¹⁷.

В аттестате зрелости у Карела по всем предметам оценки "отлично", кроме математики, за которую будущий предприниматель и политик имел на балл ниже¹⁸. К свидетельству об окончании гимназии прилагалась и рекомендация для поступления в университет. В гимназии Карел был душой компании и заводилой. Он приятельствовал с Войтехом Кебрле, ставшим впоследствии профессором классической филологии, Алоисом Чесаны, будущим журналистом, парламентским репортером партии старочехов, и Ченеком Либихом. В старших классах самым близким другом его стал Станислав Прахенский, сын юриста, депутата старочехов в рейхсрате. Чешский историк Яна Нова отмечает, что дружба и любовь к родине много значили для Карела с гимназической скамьи¹⁹. Нередко учащиеся гимназии принимали участие в национальных манифестациях²⁰. Гимназисты в то время живо интересовались как внутренней, так и внешней политикой, много читали, обсуждали литературные новинки и театральные премьеры. Отслеживались и бурно обсуждались события Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Настрой был патриотический, учащиеся серьезно мечтали служить народу. Политические взгляды Крамаржа формировались под влиянием прессы, которую он привык читать с гимназических лет. В старших классах он уже подписывался на газету "Národní listy".

После окончания гимназии Карел решил получить высшее юридическое образование. В 1879 г. зимний семестр он учится на юридическом факультете в Берлинском университете, летний семестр — в университете Страсбурга. Затем на протяжении трех лет²¹ изучает право на юридическом факультете Пражского университета К. Фердинанда²², принимает участие в деятельности студенческого патриотического объединения. Одним из преподавателей Карела в Праге был его будущий сто-

ронник по партии Й. Кайзл, читавший лекции по народному хозяйству. Доценты, а затем профессора А. Браф, Л. Гейровский и Й. Ступецкий преподавали соответственно политэкономии, римское право и австрийское гражданское право. Крамарж учился также у профессоров Э. Отта, А. Ранды и М. Талиржа; именно последний утвердил его степень доктора права в апреле 1884 г.²³ Юридическое образование, бесспорно, в будущем облегчало его законотворческую деятельность в качестве депутата парламента.

Студентом Карел много путешествует: в 1881 г. он пишет родителям из Берлина, в 1882 г. присылает домой открытки с видами Флоренции и Рима²⁴.

Весной 1884 г. Карел Крамарж защитил диссертацию и стал доктором общего права²⁵. Летний семестр он опять проводит в Берлине, слушая лекции по экономике проф. Шмоллера и посещая лекции и семинары известного экономиста А. Вагнера, развивавшего отвлеченные социалистические теории и выступавшего против неограниченного экономического либерализма. Эти идеи оказали влияние на молодого Крамаржа: он стал отрицать не только экономический либерализм, но и радикальные социалистические идеи. Идеалом для него служило сильное государство, которое ограничивало бы власть капитала и выполняло социальные функции помощи угнетенным и нуждающимся. По отзывам общавшихся с ним в то время людей Крамарж обладал обширными знаниями, сильной волей, внутренней самодисциплиной, был самоуверен и решителен, любил дискутировать и быть в центре внимания²⁶.

В семинаре Вагнера Крамарж познакомился с некоторыми ставшими позднее известными деятелями и, в частности, с будущим главой Русского государственного банка (1903–1909 гг.), министром торговли и промышленности (1909–1915 гг.) С.И. Тимашевым. Они поддерживали отношения и впоследствии. В феврале 1905 г. Тимашев в письме Крамаржу благодарил его за присланную брошюру о России, вспоминал о годах учебы у Вагнера, сообщал, что руководит теперь государственным банком²⁷. Если верить пословице "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты", может быть, небезынтересна характеристика Тимашева. По воспоминаниям современников и коллег по государственной службе, он был сухим, мало общительным, недостаточно самостоятельным, подверженным влиянию окружающих, но вместе с тем человеком, безукоризненно честным, искренним и порядочным, большой работоспособности, благожелательным и деловым²⁸. Это, конечно же, не значит, что характеристика Тимашева полностью подходила Крамаржу, в чем-то они были похожи, в чем-то противоположны. Тимашеву впос-

ледствии отводилась значительная роль в экономических планах неославистов. Его сын проф. Н.С. Тимашев жил после революции в эмиграции в Праге, где возглавлял отделение общественных наук в совете Русского народного университета²⁹.

Но вернемся к Крамаржу. В 1884 г. Карел приехал в Париж, и два семестра провел в "Ecole libre des sciences politiques" ("Свободной школе политических наук"), слушал лекции Леруа-Болье³⁰. Здесь он учился вместе с будущими выдающимися дипломатами, журналистами, публицистами и политиками. Крамарж отлично знал немецкий и русский, в Париже усовершенствовал французский язык. Из Франции он на три летних месяца уезжает в Лондон, где знакомится с английской жизнью, работает в библиотеке Британского музея, посещает Ирландию и скандинавские страны³¹. На английском он читал, но говорил не очень хорошо. В 1885 — 1886 гг. Крамарж продолжает образование у Вагнера в Берлине, готовит первые научные работы о бумажных деньгах в Австрии. Затем последовало длительное пребывание в Вене (1886 — 1890)³². Там Крамарж работал в архивах, изучал документы по истории финансов и государственному устройству Австрии первой половины XVIII в. Анализируя архивные документы, он делает вывод о возможности отстаивать чешское историческое государственное право. Эти документы Крамарж использует позднее в книге "Чешское государственное право" и других произведениях. К. Крамарж приобрел весьма солидную подготовку в области права и экономики (в основном финансов), достаточно широкие знания по истории и социологии, более общие — по философии и искусствоведению. Благодаря финансовой поддержке отца, он получил блестящее по тому времени европейское образование. В 1886 г. была опубликована одна из его первых работ "Бумажные деньги в Австрии с 1848 г.", которая вызвала повышенный интерес в финансовых кругах страны³³. Она была написана на основе архивных изысканий в Вене и посвящена проблемам управления и финансов Габсбургской монархии. Гораздо позднее к 50-летнему юбилею К. Крамаржа, говоря о его научных заслугах, газета "Новое время" писала: "При более близком знакомстве с экономическими трудами К.П. Крамаржа приходится жалеть, что злободневная политика помешала ему развиться в крупный авторитет в этой области, столь необходимой всему славянскому племени"³⁴.

Действительно уже в 80-е годы XIX в. Крамарж увлекся политикой. Й. Кайзл ввел его в группу своих единомышленников, привлек к работе в журнале "Čas" ("Час"), где Крамарж с 1888 г. публиковал вводные статьи о политических проблемах.

Что же представляла собой Австро-Венгрия последней трети XIX столетия и, в частности, ее Чешские земли? Монархия Габсбургов, отсчитывающая свою историю в Центральной Европе с 1526 г., была населена многочисленными народами, ни один из которых не имел преобладания. В количественном отношении лидировали славяне, но они были весьма разрозненны. Кроме того, славянские народы проживали в разных частях государства — австрийской и венгерской (Цислейтании и Транслейтании). "Земли Чешской короны": Чехия, Моравия и Силезия — имели статус "наследственных". Территория расселения чехов не вполне совпадала с границами земель. В Чешских землях проживало значительное число немцев, некоторое количество поляков и евреев. Процессы национального возрождения, начавшиеся в конце XVIII в., имели тенденцию не к политической консолидации и внутреннему единению Австрийской империи (как, скажем, в Италии и Германии), а, наоборот, к разъединению и в дальнейшем возможному распаду государства. Именно поэтому представители династии Габсбургов стремились удержать государственное единство абсолютистскими методами правления.

XIX век принес значительные изменения в социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов империи, в том числе и чехов. Революции 1848 — 1849 гг. стали определенным рубежом в европейской истории³⁵. В Австрийской империи революция приняла ярко выраженный национальный характер³⁶. Чешские либералы сыграли основную роль в выработке политической программы австрийских славян — австрославизма, у истоков которого стояли граф Л. Тун, К. Гавличек-Боровский и Ф. Палацкий³⁷.

В ходе революции были созданы конституционные формы правления, отменены пережитки барщины, подписан указ о равноправии чешского и немецкого языков, признано право всех сословий на представительство в сейме и создание высших учреждений Чешского королевства в Праге.

Поражение революции привело к временному восстановлению абсолютизма. Однако это не означало полного возврата к дореволюционным порядкам. В 50-е годы были проведены реформы в области государственного управления и либерализация экономических отношений. Крестьяне получили гражданские права и стали собственниками земли. Отменялись многочисленные цеховые ограничения и обеспечивалась свобода предпринимательства.

Военные поражения австрийской армии в 1859³⁸ и 1866 годах³⁹, повлияли на пересмотр основ государственной политики

австрийского императора Франца Иосифа (вступившего на престол в 1848 г.), привели к отказу от абсолютистских форм правления и предоставлению так называемой Февральской конституции 1861 г. В результате были обновлены конституционные отношения, введены земские сеймы в провинциях, созданы условия для политической деятельности.

Первой либеральной политической партией в чешских землях стала Национальная партия, которая возникла в 1860 г. В программных документах партии содержались требования национального и языкового равноправия, обеспечения основных гражданских прав, экономической свободы и расширения самоуправления⁴⁰. В партии со временем обозначилось два течения: умеренно-либеральное (старочехи) и либерально-демократическое (младочехи).

В 1867 г. Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгрию, формой правления стала дуалистическая монархия, состоящая из двух отдельных парламентских монархий Цислейтании и Транслейтании, имеющих единого монарха. Согласно новой конституции королевства и земли Цислейтании являлись отдельными государственными единицами, объединенными представительством в рейхсрате. Конституция провозглашала политические права и свободы граждан. Что касается национальных прав, то признавалась автономия земель, имеющих собственные сеймы.

Вместе с открытием конституционной эры в Австрии 60-х годов XIX в. в чешском обществе начались процессы модернизации. Чешские либеральные и консервативные партии соперничали за право представлять свой народ в общественной жизни. Культурные и просветительские союзы и общества пропагандировали национальный язык, газеты и журналы высказывались против неравноправия чехов.

Экономическое развитие Чешских земель характеризовалось расцветом капиталистического предпринимательства, распространением фабричной системы, основанной на использовании угля и пара, и возникновением крупных торговых рынков. Изделия из дерева, стекла и металла, а также сельскохозяйственная продукция богемских и моравских фермеров поступали в различные части империи и за рубеж. Земледельцы и предприниматели начали соревноваться с земельной аристократией за политическое влияние. Железнодорожная и телеграфная сеть связала большинство городов и сел. Городское строительство и стремительный рост населения городов, связанные с притоком туда рабочего и ремесленно-торгового люда, давали импульс для распространения городского уклада жизни. Все это сопровождалось национальным культурным подъемом.

Однако положение чехов в монархии продолжало оставаться неравноправным. Существовала монополия немецкого языка в правительственных учреждениях. Немецкие чиновники преобладали в государственных учреждениях как Вены, так и Праги. Чешские политические лидеры выступали против дуалистической системы, используя тактику бойкота Богемского сейма и Австрийского рейхсрата. С целью давления на австрийское правительство чешские политики участвовали во Всероссийской этнографической выставке, проходившей в мае 1867 г. в Москве. Они обратились с меморандумами и призывами о помощи к Франции и галицийским полякам, опубликовали декларации с требованиями единства, автономии и неделимости исторических "Чешских коронных земель". В прессе и на массовых публичных собраниях система дуализма подвергается острой критике. Начавшиеся в 1871 г. чешско-австрийские переговоры закончились провалом⁴¹. Это привело к внутреннему кризису в Национальной партии и выделению из нее в конце 1874 г. Национальной партии свободомыслящих (младочехов).

Развитие Чешских земель в 80 – 90-е годы XIX в. характеризовались окончательным завершением промышленной революции, переходом к интенсивному способу ведения сельского хозяйства. Кроме того началась активная деятельность чешских политиков в парламенте и сейме (после 16 лет пассивной оппозиции). Одновременно на политическую сцену выходят новые политические течения и партии.

Итак, в 80-е годы К. Крамарж начинает политическую деятельность в рамках нового политического течения "реалистов" вместе с Йозефом Кайзлем (1854 – 1901)⁴² и Томашем Масариком (1850 – 1937)⁴³. В 1886 г. был основан журнал "Čas", где впоследствии все они публиковали статьи. Крамарж познакомился с Масариком в 1887 г. через Кайзла, его ближайшего в то время сподвижника. Летом – осенью 1888 г. эти три фигуры и составили центр группы "реалистов"⁴⁴. Вот как Масарик описывает начало их политической активности: «Тогда таких нас было несколько, сперва – немногочисленная группа молодых профессоров: Кайзл, Крамарж, ну и Гейровский⁴⁵ и Резек⁴⁶; считали "нашим" и Голла⁴⁷, но это неправильно. У нас не было реальной политической программы, просто мы держались вместе, как представители своего поколения. Хотелось нам как-то улучшить жизнь и отношения, поднять уровень печатных изданий, преподавания в университете – однако это не было отчетливой программой, скорее направлением научно-критическим. Кайзл был экономист, Крамарж готовил основательную публикацию⁴⁸ о деятельности чешской придворной канцелярии в Вене, упраздненной во времена Марии Терезии⁴⁹»⁵⁰. Далее Маса-

рик рассказывает, что Паздирек поместил в "Slavische Warte" статью об их группе, где называл их "позитивистами". Масарик порекомендовал ему заменить это слово и назвать их "реалистами", — таким образом, это название и закрепилось за ними. Сначала они вели переговоры о вступлении в партию "старочехов", однако их желание влиять на партийную печать вызвало возражение "старочешских" журналистов, и им пришлось расстаться. Крамарж еще в 1889 г. в письме к Масарику высказывал свои опасения против договора реалистов со старочехами во главе с Ф.Л. Ригером⁵¹. В другом письме он настаивал на сближении с младочехами⁵². В 1889 г. на выборах в рейхсрат победили "младочехи". Правда, по словам Масарика, большой разницы в программах "старочехов" и "младочехов" в то время уже не было. Будущий первый президент Чехословакии вспоминал, что, посмеиваясь, называл Кайзла реалистом "старочешским", Крамаржа — реалистом "младочешским", а себя "реалистом реалистическим"⁵³.

Младочехи находились на подъеме, им требовались новые люди в парламенте, и реалисты вступили в партию младочехов для участия в следующих парламентских выборах. Приняли их младочехи "прекрасно", и после выборов 1891 г. реалисты уже в качестве членов их партии становятся депутатами венского парламента. Крамарж был избран депутатом от родного края. В своей первой предвыборной программе он требовал свободы слова, печати, союзов и собраний, децентрализацию, введение всеобщего избирательного права, справедливого избирательного порядка, создания районных представительств, национальной школы, сотрудничества с другими славянами, равноправия народов Австрии и федеративного государственного устройства. Первую предвыборную публичную речь он произнес 12 февраля 1891 г. в Горжицах⁵⁴. В апреле он вошел в состав налогового комитета и выступил с первой речью в парламенте. В начале его парламентские выступления были посвящены финансовым и экономическим вопросам. Крамаржу тогда исполнилось 30 лет, и он относился к Кайзлу и Масарику как к старшим, более опытным друзьям. За своеобразную поучающую манеру говорить (скорее всего связанную с преподаванием) Кайзл и Крамарж называли Масарика "пастырем", а сам Крамарж, будучи по возрасту значительно младше, получил прозвище "дитя"⁵⁵.

Вскоре, однако, возникли разногласия между реалистами и партией младочехов. Большая часть младочехов была настроена весьма радикально и считала своим долгом состоять в постоянной оппозиции к Венскому правительству. В результате разных столкновений между Масариком и членами партии возник

конфликт. Позднее в 1894 г. он сложил свои депутатские полномочия и отозвал мандат. Кайзл и Крамарж сохранили свое членство в партии. Впоследствии Масарик, объяснял этот свой шаг "политической неподготовленностью" и отмечал, что споры того времени были для него лишь удобным поводом для выхода из партии⁵⁶. Кроме того Масарик вспоминал, что политика младочехов отпугивала его своей двойственностью: "в Праге — одна, в Вене — другая; дома депутаты бурлили, а в Вене правительство связывало им руки, уступая в пустяках"⁵⁷. Кайзл начал вести полемику с руководством партии в печати. Крамарж выбрал третий путь: в младочешском клубе депутатов он стал отстаивать точку зрения о том, что задача партии не в радикальных выступлениях, а в постоянной, последовательной, "позитивной" работе. В декабре 1891 г. он выступил с критикой одного из старых членов партии Э. Грегера⁵⁸, за его остро оппозиционную антиправительственную речь в парламенте.

Крамарж хорошо представлял себе обстановку в Вене, так как долго жил там, вращался в венских общественных кругах, имел связи с правительственными чиновниками и информированными журналистами. Он знал, что внутривластная политика австрийского правительства в значительной мере определялась императором и внешней зависимостью Австро-Венгрии прежде всего от Германии⁵⁹. Крамарж с самого начала принадлежал к умеренному крылу партии свободомыслящих. Некоторые исследователи между тем считают, что ему был присущ критицизм и манера всесторонне обдумывать и обсуждать проблему⁶⁰.

Крамарж вначале пытался примирить Масарика с исполнительным комитетом партии, отговаривал его от планов создания третьей промежуточной партии между консерваторами и радикалами. С помощью Кайзла и Крамаржа Масарик стал готовить выход независимого ревю "Naša doba"⁶¹. Первый номер вышел осенью 1893 г., но Крамаржу номер не понравился, и он отказался сотрудничать в этом издании.

В начале 90-х годов Крамарж выступал в печати за реорганизацию системы государственной власти в монархии Габсбургов и представил свой план ее федерализации. Он выделил четыре группы земель: чешскую территорию в составе Чехии, Моравии и Силезии; польскую — Галиции и Буковины, австро-немецкую — Верхней и Нижней Австрии и Зальцбурга, немецкой части Штирии и Каринтии, Тироля, Форарльберга; и югославянскую — словенской части Штирии, Каринтии и Крайны, Истрии, Горицы, Триеста и Далмации. Крамарж ратовал за единство и административную самостоятельность Чешских земель, за создание, помимо сеймов Богемии, Моравии, Силезии, Гене-

рального сейма всех Чешских земель. Он считал необходимым четко разделить функции центра и окраин и установить конституционное равновесие между федерацией и территориями.

В конце 1892 г. Крамарж произнес большую программную речь в парламенте, отстаивая три центральных момента своей государственно-правовой доктрины: 1) единство и неделимость земель Чешской короны; 2) договорный характер отношений с династией Габсбургов; 3) законодательную и административную самостоятельность чешской территории по отношению к остальным частям монархии⁶². Можно сказать, что Крамарж не удовлетворился пассивным принятием государственно-правовой доктрины. На основе глубокого изучения реформ государственного управления, проведенных во времена Марии Терезии, он пришел к выводу и убедительно доказал в книге "Чешское государственное право" (1896), что вышеобозначенные реформы изменили фактические отношения в монархии, но никак не повлияли на чешское государственное право. Отсюда Крамарж выводил право на автономию Чешских земель внутри Австро-Венгрии, а при обновлении чешского государственного права считал необходимым создание действенного реального союза Чешских земель с другими землями Цислейтании.

Крамарж также полагал, что государственное право есть общее право как чехов, так и немцев, живущих в Чешских землях. Его вывод звучал несколько необычно для ортодоксальных защитников чешского государственного права. Крамарж полагал, что вопрос состоит в отношении Чешских коронных земель к габсбургской династии и остальным ее землям⁶³. Дело в том, что сосуществование чехов и немцев в Цислейтании характеризовалось постоянным противостоянием в представительных органах.

Вот что повествуется в исторической справке о "сеймовой борьбе" чехов и немцев, хранящейся в архиве Российского министерства иностранных дел: Чешский сейм и основа управления краем были введены в жизнь Февральской конституцией 1861 г. В 1863 г., когда сейм отклонил предложение Палацкого⁶⁴ о пересмотре сеймового наказа и устава о выборах, состоялась первая обструкция чехов, отказавшихся приступить к выборам депутатов в рейхсрат. Эта обструкция чехов продолжалась свыше 15 лет. За этот период, в связи с осложнениями между Австрией и Пруссией, венское правительство заигрывало с чехами и даже обещало коронацию в Праге и пересмотр порядка выборов. Но с назначением министерства Бейста (1867) правительству удалось образовать в сейме при помощи аграриев немецкое большинство, которое выслало своих депутатов в рейхсрат. Правительство распорядилось перенести регалии чешских королей

в Прагу, что и произошло с большой торжественностью 28 августа 1867 г. Чехи, настаивавшие на соблюдении чешского государственного права, решили представить сейму декларацию, но немецким большинством она была отклонена. В Вене между тем, в связи с назревавшей Франко-прусской войной, обозначилось течение, склонявшее императора к утверждению так называемых "фундаментальных статей" (определявших положение Чехии в составе Австро-Венгрии), выработанных старочешской партией. Под влиянием венгерских политических кругов во главе с графом Д. Андраши, предполагавшийся коронационный ландтаг не состоялся. Император отказался утвердить требования старочехов и новое министерство Ауэсперга опять составило в сейме немецкое большинство. К 1871 г. старочешская партия, проводившая пассивную оппозиционную политику, мало по малу потеряла под собой почву, так как немцы, пользуясь отсутствием чешских депутатов в рейхсрате, добивались необходимых им мер для усиления немецкого элемента в Чехии. На смену старочехам пришла партия младочехов, принявшая решение выслать в рейхсрат своих депутатов. В 1880 г. министерство Таафе выдало распоряжение об обязательности приема прошений на чешском языке в административных и судебных инстанциях Чехии, имевшее большое значение для дальнейшей борьбы. Так как немцы плохо владели чешским языком, приходилось назначать в немецкие районы Чехии чиновников из чехов, и это распоряжение явилось основой выдвинутой тогда же немцами идеи о полном отделении немецких районов.

В 1882 г. чехи одержали еще одну победу: рейхсрат утвердил изменение в порядке выборов аграриями депутатов в законодательное собрание. Прежде выборы проходили одним блоком, и немцы проводили большинство своих депутатов. По новому закону выборы должны были проходить в пяти отдельных районах, и чехам удалось отвоевать несколько мандатов. Одновременно был изменен порядок выборов от Торговых палат Праги, Пильзны и Будеевиц. В результате и здесь немцы потеряли большинство. Не удалось и провести в сейме решение об отделении немецких районов. Теперь уже немцы перешли к обструкции (1886). Сейм был распущен. На новых выборах в 1889 г. явную победу одержали младочехи. Правительство же попало в затруднительное положение, так как немцы грозили выйти из Рейхсрата. Тогда состоялось первое назначение в Прагу графа Туна, принадлежавшего к чешским аграриям, либерала по убеждениям, сторонника коронационной идеи и чешско-немецкого соглашения. Первая попытка соглашения в 1890 г. не удалась, и борьба чешского и немецкого элементов продолжалась⁶⁵.

Столь подробный очерк чешско-немецких отношений имеет непосредственное отношение к теме исследования, так как оживление в конце XIX — начале XX в. славянской идеи и зарождение неославянского движения прямо связано с чешско-немецким противостоянием, борьбой чехов за равноправие с немцами в рамках Австро-Венгрии.

Крамаржа и Масарика в начале их политической деятельности связывал повышенный интерес к социальным вопросам, России и славянству вообще. Масарик говорил, что с юных лет проблемой, которая интересовала его больше всего, было славянство. Уже в гимназии он учил польский, а в Вене принялся за русский. По его словам, он читывался русской литературой, и был ее крупнейшим знатоком. Он исследовал русское славянофильство, обратив внимание на его связь с православием. Первые поездки в Россию он совершил в 1887 и 1888 гг., побывав в Варшаве, Санкт-Петербурге, Москве, Киеве и Одессе, плавал третьим классом в трюме парохода по Черному морю. Во время путешествий по России Масарик познакомился с филологами-славистами В.И. Ламанским⁶⁶, Т.Д. Флоринским⁶⁷, побывал в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого. С последним он много спорил о непротивлении злу насилием. Масарик был убежден в необходимости борьбы "против всяческого зла и по всем линиям"⁶⁸.

Из России Масарик по собственному признанию вынес "любовь к русскому народу и неприятие официальной политики и признанной властями интеллигенции"⁶⁹. Однако, как отмечают специалисты⁷⁰, интерес к славянству у Масарика никогда не был ориентирован преимущественно на Россию. Он уделял большое внимание польскому вопросу, словацким проблемам, позднее югославянским делам⁷¹. Крамаржа, наоборот, нередко упрекали в том, что его славянство — это прежде всего Россия, без которой он не представлял будущего славянских народов.

Вместе с тем и Масарик, и Крамарж выступали против наивного славянофильства чешских политиков, которые на самом деле мало что знали о славянстве и России, не читали и не говорили на славянских языках. В беседах с Карелом Чапеком Масарик заявлял: "Я не терплю пустой болтовни о славянстве, так же как не выношу квасного патриотизма"⁷². Масарик, Кайзл и Крамарж, который в начале находился под влиянием своих более старших сподвижников, в партии младочехов выступали против слепого русофильства, выдвигая основной целью самостоятельность Чешских земель в рамках Цислейтании⁷³.

С самого начала своей политической карьеры Крамарж включился в борьбу за всеобщее избирательное право, считая, что задачей государства являлось привлечь рабочих к общественной жизни. Он выступал против того, чтобы депутаты пар-

ламенты одновременно могли состоять на государственной службе. При обсуждении в парламенте в 1894 г. торгового договора Россией Крамарж высказался за сближение с этой славянской державой и введение обязательного изучения русского языка в средней школе. Естественно, что это выступление чешского парламентария не осталось незамеченным в России.

В том же году Крамарж стал депутатом Чешского земского сейма, где также развивал активную деятельность, выступая с критикой наместника чешских земель Туна, настаивая на его ответственности перед сеймом и за право контроля сеймом правительства. Вскоре Крамарж стал ведущим оратором как в рейхсрате, так и в земском сейме, специалистом не только в финансово-экономических вопросах, но и в политике. Начиная с 1896 г. вплоть до Первой мировой войны он становится постоянным членом австрийской делегации, занимаясь вопросами внешних сношений. Осенью 1897 г. чешский деятель стал председателем бюджетного комитета, а спустя месяц и первым замом председателя австрийского парламента. Постепенно известность Крамаржа как политика перерастает границы Австро-Венгрии.

¹ *Nová J.* Karel Kramář — student a české střední školství druhé poloviny 19. století // *Časopis národního muzea — řada historická.* 2000. 169. Č. 1/2. S. 56.

² *Sís V.* Karel Kramář. Život a dílo. Praha, 1930. S. 7–8.

³ Либерально-демократическая партия, возникшая в 60-е годы XIX в. сначала как течение в рамках Национальной партии во главе с братьями Э. и Ю. Греграми и К. Сладковским. Младочехи ориентировались на городскую мелкую буржуазию и зажиточных крестьян, выступали против союза с "историческим дворянском", за ликвидацию остатков феодализма в деревне, расширение компетенции общинного самоуправления. Окончательный раскол Национальной партии произошел в 1874 г., когда младочехи на своем съезде в Праге заявили о разрыве со старочехами и создании младочешской Национальной партии свободомыслящих. В принятой программе обосновывалась необходимость использовать сейм и рейхсрат для защиты чешских национальных интересов, а именно признание автономного статуса земель чешской короны, расширение компетенции органов земского, окружного и общинного самоуправления, улучшение образования, стимулирование национальной промышленности и торговли, поддержка крестьян и рабочих. В программе содержалось требование демократической реформы рейхсрата и введения всеобщего и равного избирательного права при выборах в сейм.

⁴ *Nová J.* Op.cit. S.56.

⁵ *Archiv Národního Musea.* (Далее: ANM.) F. K. Kramář. Kart. 1

⁶ *Kamenický J.* Petr Kramář (In memoriam otce dra Karla Kramáře) // *Z hor jsme.* Sborník vydaný u příležitosti zbudování pamětní busty na rodném domě dra Karla Kramáře. Praha, 1927. S. 10.

- ⁷ *Stašek A.* O mých stycích s drem Kramářem a s jeho rodinou // S hor jsme... S. 52.
- ⁸ *Sís V.* Op. cit. S. 9.
- ⁹ *Herman K., Sládek Z.* Slovanská politika K. Kramáře. Praha, 1971. S. 5.
- ¹⁰ ANM 2. Kart. 2, 784—915.
- ¹¹ *Nová J.* Op. cit. S. 57—59.
- ¹² *Kramář K.* Na obranu Slovanské politiky. Praha, 1926. S. 48.
- ¹³ *Sís V.* Op. cit. S. 14.
- ¹⁴ *Nová J.* Op. cit. S. 63.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Ibid.
- ¹⁷ Ibid. S. 65—66.
- ¹⁸ ANM. F.K. Kramář. Kart. 1.
- ¹⁹ *Nová J.* Op. cit. S. 64.
- ²⁰ *Sís V.* Op. cit. S. 18.
- ²¹ ANM. F.K. Kramář, Kart. 1
- ²² В 1882 г. Пражский университет разделился на чешский и немецкий. Последний был назван в честь Фердинанда I Австрийского (1835—1848).
- ²³ *Winters S.B.* "Tactical Opportunism": Karel Kramář's Adaptation of Palacký's Concept of the Bohemian "Staatsrecht" // Bohemia. 2000. P. 25. Bd. 41, H 1.
- ²⁴ ANM. F. K. Kramář Kart. 2.
- ²⁵ Ibid. Kart. 1
- ²⁶ *Sís V.* Op. cit. S. 28.
- ²⁷ ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- ²⁸ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 525; *Вутте С.Ю.* Избранные воспоминания 1849—1911. М., 1997. Т. 1. С. 249.
- ²⁹ *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20—30-е годы). М., 1995. С. 88.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 541. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.
- ³¹ *Sís V.* Op. cit. S. 29.
- ³² ANM. F. K. Kramář. Kart. 2.
- ³³ *Kramář K.* Papiergeld in Österreich seit 1848. Wien, 1886.
- ³⁴ Новое время. 1910. 5 дек.
- ³⁵ Европейские революции 1848 г. "Принцип национальности" в политике и идеологии. М. 2001. С. 5.
- ³⁶ Там же. С. 135.
- ³⁷ Там же. С. 305, 306, 314, 315.
- ³⁸ В войне с сардинским королем Виктором Эмануилом II, которому оказал помощь Наполеон III, Австрия потеряла Ломбардию.
- ³⁹ Австрия, в результате неудачной войны с Италией и Пруссией, была вынуждена уступить Наполеону Венецию, который передал ее Италии.
- ⁴⁰ *Politické programy českých národních stran 1860—1890.* Praha, 2000. S. 9—11.
- ⁴¹ *Winters S.B.* Austroslavism, panslavism, and russophilism in czech political thought, 1870—1900 // Intellectual and Social Development in the Habsburg Empire from Maria Theresa to World War I.
- ⁴² Йозеф Кайзл (1854—1901) — чешский прогрессивный политэконом, профессор чешского университета в Праге.
- ⁴³ Томаш Гарриг Масарик (1850—1937) — первый чехословацкий президент, профессор философии.

- ⁴⁴ Kučera M. Příspěvek k výkladu vzájemného vztahu K. Kramáře a T.G. Masaryka // České země a Československo v Evropě XIX. a XX. Století: Sborník prací k 65. narozeninám prof. dr. Roberta Kvačka. Praha, 1997. S. 130.
- ⁴⁵ Леопольд Гейровский (1852–1924) – чешский юрист.
- ⁴⁶ Антонин Резек (1853–1909) – чешский писатель.
- ⁴⁷ Ярослав Голл (1846–1929) – чешский историк-позитивист.
- ⁴⁸ Работа не была закончена. Крамарж начал обдумывать реформы чешской политической жизни. Однако использовал это исследование для обоснования своих выводов о необходимости реформ.
- ⁴⁹ Мария Терезия (1717–1780) – австрийская эрцгерцогиня с 1740 г., провела ряд реформ, укрепивших феодально-абсолютистское государство.
- ⁵⁰ Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 82.
- ⁵¹ Франтишек Ладислав Ригер (1818–1903) – чешский политик, экономист, лидер партии старочехов.
- ⁵² Kučera M. Op. cit. S. 132–133.
- ⁵³ Чапек К. Указ.соч. С. 82.
- ⁵⁴ Šis V. Op. cit. S. 54.
- ⁵⁵ Korrespondence T.G. Masaryk – Bendřich Hlaváč. Praha, 2001. S. 43.
- ⁵⁶ Чапек К. Указ.соч. С. 221.
- ⁵⁷ Там же. С.84.
- ⁵⁸ Эдвард Грегр (1827–1907) – чешский политический деятель, вместе с братом Юлиусом Грегром основал партию младочехов и газету либерального толка "Народни листы" (1860).
- ⁵⁹ Valenta A. Karel Kramář // Střední Evropa. 1995. № 51. Roc. 11. S. 45.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ Интересно, что на издание этого журнала Крамарж дал 50, его невеста Н.Н. Абрикосова – 100, а Кайзл – 5 золотых. См.: Kučera M. Op. cit. S. 142.
- ⁶² Подробнее об этом см.: Ненашева З.С. Общественно-политическая мысль в чешских землях в конце XIX – начале XX века. М.,1994. С. 68–70.
- ⁶³ Valenta A. Op. cit. S. 46.
- ⁶⁴ Франтишек Палацкий (1798–1876) – крупнейший чешский историк, политический деятель, философ.
- ⁶⁵ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. Д. 2. Л. 18.
- ⁶⁶ Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) – известный русский славист, славянофил, проф. Санкт-Петербургского университета.
- ⁶⁷ Флоринский Тимофей Дмитриевич – проф. Киевского университета (1854–1919), славист, с 1884 г. редактор "Славянского ежегодника", автор труда "Славянское племя" (1907).
- ⁶⁸ Чапек К. Указ. соч. С. 80.
- ⁶⁹ Там же С. 78.
- ⁷⁰ Doubek V. T.G. Masaryk a česká slovanská politika 1882–1910. Praha, 1999. S.18.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² Чапек К. Указ. соч. С. 80.
- ⁷³ Herman K., Sládek Z. Op. cit. S. 13–14.

Глава 2

Знакомство с Россией

*

Первый визит Карела Крамаржа в Россию состоялся в 1890 г. Он увидел Россию эпохи Александра III (1881 – 1894). Самого Александра и его политику современники и историки оценивали по-разному. Историк С. Любош, например, писал: “Вся политика Александра III, и внешняя и внутренняя, очень выгодно отличается от политики других Александров, первого и второго. Она была чужда колебаний и противоречий, она не знала никаких зигзагов и поворотов, не было в этой политике ничего неопределенного и неожиданного. Она была, эта политика, последовательна, выдержана и цельна”¹. Очень высокую характеристику, как “великого императора”, дал Александру III в своих воспоминаниях финансист и государственный деятель С.Ю. Витте (1849 – 1915). Он писал: “Напрасно лица, не знавшие Александра III, рисуют его как человека реакционного, как человека жесткого, как человека ограниченного и тупого... У императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений”². Витте отзывался об Александре III как о прекрасном семьянине и образцовом хозяине, указывая, что у него никогда слово не расходилось с делом. Главнейшую заслугу императора Витте видел в том, что он “процарствовал 13 лет мирно, не имея ни одной войны, кроме самой ничтожной экспедиции в Ахалтеке³, но он дал России эти 13 лет мира и спокойствия не уступками, а справедливой и непоколебимой твердостью”, не поступааясь честью и достоинством России, “поднял международный престиж России без пролития капли русской крови”⁴.

Вместе с тем надо иметь в виду, что Александр III вступил на престол при весьма неблагоприятных обстоятельствах, потрясенный убийством отца — царя-освободителя Александра II. После нескольких месяцев колебаний во многом под влиянием своего советника и бывшего любимого преподавателя К.П. Победоносцева новый император взял курс на отказ от политики реформ. А.Ф. Керенский называл Победоносцева “негласным диктатором России”, “великим инквизитором”, вместе с тем ха-

рактируя его как блестяще и глубоко образованного человека, профессора Московского университета, одного из лучших знатоков гражданского права, обладающего "сильным и едким критическим умом"⁵. Победоносцев считал демократические идеи "великой ложью нашего времени" и убедил и себя, и нового императора, что только в «железных тисках бюрократического самодержавия, под надзором официальной обездушенной церкви, русский "склонный к анархии" народ может держать на своих плечах страшную махину империи"⁶. Впоследствии уже Крамарж, вспоминая и характеризуя этот период российской истории, назовет Победоносцева "величайшим преступником против России", ее "злейшим врагом"⁷. Началась эпоха реакции: либеральные министры были уволены в отставку, власти получили широкие полномочия вводить чрезвычайное положение, право административного ареста и ссылки, ограничивалась свобода печати, органов самоуправления, ужесточалась цензура, была ликвидирована автономия университетов, запрещались любые студенческие объединения. Открывались церковно-приходские школы, а земские школы ставились под строжайший контроль, запрещалось принимать детей простолюдинов в гимназии. Урезались выборность и бессловность земств, где дворянство получило подавляющее большинство. Эта реакция сверху, по мнению Керенского, совпала с глубокой апатией снизу. Убийства царя, давшего свободу и землю, не могли понять крестьяне, не могла принять и интеллигенция. Культурные люди, в большинстве своем склонные к либерализму и передовым социальным идеям, растерялись, "озлобились на революцию", "бросились в сторону от всякой политики"⁸. Началась так называемая эпоха "малых дел", которая означала отказ от высокой политики и проповедь необходимости позитивной работы по устройству повседневной жизни, удовлетворению культурных запросов людей. Именно к концу 80-х годов наибольшим успехом пользовались идеи Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилем, усилился интерес к его учению и творчеству, стали возникать "толстовские" колонии.

Однако некоторые современные исследователи⁹ уверены, что курс Александра III все-таки невозможно назвать политической контрреформой, так как реакция не коснулась главного — экономической политики, где принимались меры, обеспечивающие развитие капитализма: понижение выкупных платежей, перевод крестьян на обязательный выкуп, создание ипотечных госбанков (Крестьянского, Дворянского). Политика министров финансов Н.Х. Бунге, И.А. Вышеградского и С.Ю. Витте ускорила капиталистическую индустриализацию России. В 80-е годы завершился промышленный переворот, городское население

ние России к началу 90-х годов XIX в. увеличилось в 2,5 раза по сравнению с 1861 г., наметилась тенденция к подъему производства и усилению его концентрации (в 90-е годы по некоторым данным, концентрация русской промышленности была выше германской¹⁰). В этот же период стали возникать первые картели, росло число промышленных предприятий, по темпам развития промышленности и размаху железнодорожного строительства Россия вышла на одно из ведущих мест в мире¹¹. Процессы модернизации захватили как экономику, так и общественную жизнь.

Итак, весной 1890 г. Крамарж решил предпринять ознакомительную поездку в Россию. Много пропутешествовав по западным странам, получив образование на Западе, он решил составить свое представление о великой славянской державе, познать экономическую и культурную жизнь страны, познакомиться с русскими людьми.

Масарик, посетивший Россию в 1887 и 1888 гг., дал младшему соратнику ряд ценных советов и рекомендаций, способствовал некоторым знакомствам (в частности, обеспечил визит к Л.Н. Толстому). Контакты двух чешских политиков в это время были весьма тесными. Крамарж каждую неделю писал Масарику из России¹². В начале марта он выехал из Вены в Санкт-Петербург. Путь Крамаржа в Петербург и Москву лежал через Варшаву, где он встретился с профессором-славистом Й. Первольфом¹³, хорошо знавшим не только российскую историю, но и современную Россию, представления чехов о ней, русско-польские отношения. Он много занимался историей славян, накопил огромный материал. Россию обожал и считал ее страной будущего¹⁴.

В Петербурге Крамарж задержался ненадолго. Уже в начале апреля он отправился в Москву, где провел два месяца. Благодаря рекомендательным письмам, привезенным из Праги, в российских столицах Крамарж свел знакомства с писателями, учеными, главным образом профессорами Московского университета, предпринимателями и политиками. Среди его новых знакомых оказались братья Николай¹⁵ и Константин¹⁶ Яковлевичи Гроты. Их отец Яков Карлович Грот был академиком, профессором русской литературы и истории, брат отца К.К. Грот — статс-секретарем, членом Государственного Совета. Они происходили из семьи голштинского богослова, при Екатерине II переселившегося в Россию. Я.К. Грот в 1853 г. получил кафедру в Александровском лицее и вел занятия с августейшими детьми великого князя Александра Николаевича. Мать Николая и Константина — Наталья Петровна, в девичестве Семёнова. Ее братья Николай и Петр были сенаторами.

П.П. Семенов-Тянь-Шанский — известный географ, путешественник, член Государственного Совета. Еще в 1861 г. Гроты всей семьей ездили на воды в Чехию, жили в Теплице. В 1867 г. семья побывала в Вене и опять в Чехии, посетив ряд городов. Особо глубокое впечатление произвела на них Прага, а также радушный прием, оказанный чехами семье русского академика.

Я.К. Грот, будучи в Чехии, по рекомендации А. Патеры и И. Коларжа, пригласил для подготовки сыновей в гимназию молодого учителя, чеха О.А. Шебора. Последний в том же году прибыл в Санкт-Петербург, около года жил в семье Гротов, став другом семьи. В 1868 г. Шебора поступил в университет, а через несколько лет окончив курс, остался в России, впоследствии стал профессором латинского языка и словесности в Историко-Филологическом институте и Санкт-Петербургском университете. Связи с Чехией не прекращались у Гротов и далее. В 1882 г. Я.К. Грот и сыновья еще раз посещают Чехию. Все эти моменты определили интерес братьев к славянскому вопросу, их доброе отношение к Чехии и чехам. Кроме того, необходимо сказать, что людей науки того времени сближала схожесть, а зачастую и идентичность полученного образования, прекрасное знание языков.

В России было принято после окончания университетских курсов продолжать образование в Европе. Интересно, что, например, Н.Я. Грот учился год в Германии, в Берлине и Страсбурге. В Берлине он познакомился с историком и богословом, социальным мыслителем, одним из разработчиков проекта крестьянской реформы, славянофилом Ю.Ф. Самариным. В Страсбурге он, как и Крамарж, слушал лекции Вебера¹⁷. Волновали их и общие идеи: Н.Я. Грот проявлял живейший интерес к религиозно-философским статьям Л.Н. Толстого, с которым он довольно близко познакомился в конце 80-х годов в Москве. Славянский вопрос был и в центре внимания К.Я. Грота, ученика славянофила Владимира Ивановича Ламанского. Некоторые идеи К.Я. Грота и К. Крамаржа достаточно близки: о противоположности и борьбе германского и славянского миров, федерации славян под эгидой России, необходимости существования сильной великой России, скепсис в отношении Запада, уверенность в его антагонизме с Россией¹⁸. Поэтому знакомство Крамаржа с этими людьми было отнюдь не случайным.

Крамарж завязал знакомство с философами Львом Михайловичем Лопатиным¹⁹ и Эрнестом Леопольдовичем Радловым²⁰, другом Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого Николаем Николаевичем Страховым²¹ и братьями Евгением и Сергеем Николаевичами Трубецкими²². Все это были люди одного круга, хорошо знакомые между собой, в большинстве своем близкие по воз-

расту. Их профессиональный интерес к философии и психологии позволяет считать, что Т.Г. Масарик первым вошел в их круг, а затем способствовал их знакомству с Крамаржем. Правда, случилось и наоборот: встретившись с Владимиром Сергеевичем Соловьевым²³, Крамарж впоследствии знакомит с ним Масарика²⁴. Позднее, уже в эмиграции в Праге, русский писатель Василий Иванович Немирович-Данченко рассказывал о впечатлениях В. Соловьева о К. Крамарже: "Как-то зашла речь об Инсарове, болгарине, герое Тургеневского романа. Жаль, заметил Соловьев, что он тогда не мог знать еще К.П. Крамаржа. Вот настоящий чудесный тип для талантливого писателя. Сколько в нем силы... Для меня он являлся типом бойца за народ!"²⁵

Что касается других знакомств, состоявшихся во время первого посещения Крамаржем России, следует отметить его встречи с академиками В.И. Ламанским²⁶ и Александром Николаевичем Пыпиным²⁷, с членом Государственного Совета, товарищем обер-прокурора Синода Владимиром Карловичем Саблером²⁸. Кроме того Крамарж установил связи с некоторыми журналистами и предпринимателями.

Чешский политик посещал лекции, был вхож в общество, наносил светские визиты, занимался в библиотеках, внимательно следил за новостями, наблюдал российскую действительность, участвовал в дискуссиях.

Будучи человеком обстоятельным, и желая изучить Россию "изнутри", увидеть как можно больше и как можно лучше понять ее, Крамарж не считал возможным ограничиться знакомством со столичной жизнью, а мечтал побывать на окраинах страны и в ее глубинке. В апреле 1890 г. из Москвы он пишет Масарику о своих планах ехать в начале мая во Владикавказ, Тифлис, Баку и Самарканд. Оттуда Крамарж планировал вернуться через Казань, Астрахань, Саратов и Сызрань. В конце июля он предполагал, проехав через Нижний Новгород, Москву и Рязань, посетить поместье знаменитого русского географа П.П. Семенова-Тян-Шанского (родственника Гротов). Далее его маршрут направлялся на юг: через Тулу, Киев в Одессу и Крым к берегам Черного моря на морской курорт в Алупку. Возвратиться домой Крамарж хотел через Константинополь, Софию, Белград, возможно и Будапешт, через Боснию и Герцеговину²⁹. Большинство его планов осуществилось. Известно, что он побывал в Тифлисе и в Баку. Не удалось чешскому политику получить разрешение на посещение Самарканда, несмотря на посредничество посла Австро-Венгрии в Петербурге барона А. Эренталя³⁰, с которым Крамарж познакомился в Петербурге, и в дальнейшем поддерживал отношения в Вене.

Крамарж видел не только российские города, но и деревню. Месяц он гостил на Волге в деревне Васильевка у своего дяди Йозефа Крамаржа, который работал управляющим в имении Д. Самарина³¹. Позднее Крамарж вспоминал, что во время длительного путешествия по Волге в 1890 г. он "был у родственника, состоявшего управляющим огромным имением (30 000 десятин)". Родственник был учеником Ламбла и в Чехии являлся "весьма ревностным работником в сельскохозяйственных союзах"³². В русской деревне Крамарж был удивлен весьма экстенсивным ведением хозяйства. Он не мог понять, почему крестьяне не вносят удобрения на обрабатываемые участки, не заботятся о поднятии урожайности. Здесь он написал несколько статей для журнала "Čas", совершал длительные прогулки по окрестностям.

Затем Крамарж уехал на три недели в Крым, в Алупку. А в начале сентября через Одессу отправился в Константинополь, оттуда в Софию, где провел два дня, а затем через Белград и Бухарест вернулся в Вену. А в скором времени поехал в Семилы навестить родителей.

Крамарж объехал много российских городов и весей. Далеко не каждый россиянин мог и может похвастаться столь разнообразными маршрутами путешествий по своей стране. В общем и целом Крамарж пробыл в России около полугода. Свои наблюдения о российской жизни он впоследствии опубликовал в журнале "Čas" под названием "Впечатления из России"³³, сосредоточившись в основном на характеристике польско-русских отношений.

В самом начале заметок он пишет о субъективности своего взгляда и о том, что для западных славян, способных быстро и хорошо понять культурную и экономическую жизнь в западных странах, Россия все же остается загадкой, так как это совершенно другой мир. Он писал: "В общем, вы найдете там и знакомые вещи, бедность и богатство, разделение общества, общеевропейские политические фразы о либерализме и реакции, все достижения новейшей техники, но все это имеет такую русскую окраску, что покажется вам новым. А рядом с этим вы увидите столько самобытного, своего, столько зарождающихся новых форм культурной жизни, что в замешательстве стоите перед этим своеобразием и богатством общественных явлений, пока полностью не проникнитесь духом русского народа, не поймете его истоков и развития, географического положения этой огромной империи и ее истории"³⁴. Он считал, что чехи, воспитанные на западной культурной традиции, очень плохо подготовлены для восприятия российской действительности.

Это восприятие Крамаржем России было близко к впечатлениям Масарика, который в своем труде "Россия и Европа" (1913 г.) писал: "В Англии, Америке и других подобных странах я не нашел ничего удивительного; даже самые новые явления там казались мне лишь естественным продолжением того, что я вижу и переживаю дома. Совсем другое дело Россия: мне казалось, что как славянин я довольно хорошо чувствую в русской литературе то, что называется духом языка и народа; я полагал, что русская жизнь, какой она представляется мне из произведений русских писателей, отражает и мой внутренний мир, мир моих ощущений, поскольку этот славянский мир, с его характерно славянской интимностью мне сродни. И все же Россия поразила меня!"³⁵ По мнению Масарика, в России все выглядело совершенно иначе, чем в западных странах, хотя Россия "той же породы, обладает теми же качествами, что и Европа". Он подчеркивал, что Россия — тоже Европа; "Европа не чужда России по своей сути, но все же пока еще и не совсем своя"³⁶.

Крамарж полагал, что трудности восприятия западными славянами, в частности чехами, России нельзя ставить им в вину, так как они долгое время были практически исключены из славянского общения, славянского мира. Чтобы понять этот мир, необходимо его изучать, знать язык и литературу, особенно русскую, просто петь "Гей, славяне!" недостаточно. Наоборот, заслугой перед славянством Крамарж считал то, что чехи сохранили свою национальную жизнь, традиции, обычаи, язык. Среди чехов было много выдающихся филологов-славистов, и первоначально славистика развивалась именно в области филологии. Теперь же, по мнению Крамаржа, надо было развивать славянскую социологию, культурные связи между славянскими народами. Задачу своих заметок о России Крамарж видел в том, чтобы представить чешской общественности свои суждения как очевидца о славянах и России. Он писал, что в Чехии существуют два взгляда на Россию: согласно первому, там все плохо (этот взгляд распространяли поляки, немецкая и английская журналистика), согласно второму, — наоборот, все прекрасно (так судили славянофилы, в этом инстинктивно проявлялся их протест против немцев). Крамарж стремился избежать этих крайних суждений, представив свои впечатления о России.

Крамарж не идеализировал российскую действительность. Его, например, поразило, что, когда он пересекал границу, у него из немецкой книги Рейнгарда о русской литературе вырезали 13 страниц со статьей о Герцене: "Это у меня, иностранца, — недоумевал Крамарж, — очевидно, чтобы я не распространял ее в России"³⁷.

Достаточно много внимания он уделял польско-русским отношениям. При этом старался не вставать на точку зрения одной из сторон, а разобраться в том, как же строить эти отношения в дальнейшем. Польско-русский спор он рассматривал в более широком контексте интересов всего славянства, справедливо полагая, что от его решения будет зависеть развитие взаимосвязей в славянском мире. Крамарж был уверен в том, что Россия должна определить свою позицию в славянском вопросе и путем компромиссных решений обеспечить, с одной стороны, свободное развитие славян внутри страны, а с другой — государственное и экономическое единство. Отказ от взаимных претензий, укрепление культурного сотрудничества между русскими и поляками, согласно мысли Крамаржа, положительно сказался бы не только на политических контактах двух народов, но и на политическом единстве всего славянства. Он критиковал претензии поляков на единую Польшу с границами вплоть до Киева, которые они пытались обосновать принципом исторического права. Он справедливо отмечал, что ни Пруссии, ни Австрии, которые также принимали участие в разделах Польши, таких требований поляки не предъявляли. Вместе с тем он не мог согласиться и с теми русскими, для которых польский вопрос вообще не существовал, и которые смотрели на Польшу как на несколько русских губерний. Чешский политик считал, что урегулирование польско-русских отношений отвечало бы интересам обеих сторон³⁸. Крамарж был против того, чтобы рассматривать поляков как "мучеников западной цивилизации", защищавших Европу от "московского варварства". Он выдвигал идею о том, что современной культурной задачей является демократизация общества, улучшение морального и материального положения его низших слоев, предоставление им права участия в общественной жизни. Принимая во внимание низкий уровень образования русского народа и его неготовность к конституционным свободам, Крамарж не соглашался как с теми, кто вообще отрицал возможность конституции для России, так и с теми, кто хотел ее ввести немедленно. Он видел трудности на этом пути, не только в "злой воле автократов", но и в объективном процессе исторического развития и социального устройства огромной империи.

Вместе с тем, он замечал и ростки положительные, очень ценил великие реформы Александра II. Крамарж отказывался принять тезис о "русском варварстве", приводя в пример высокий уровень и всемирное значение русской литературы. Он писал, что поляки действительно являются представителями западной цивилизации, но в ее наименее привлекательном виде, причиной чего является политика польской шляхты по отноше-

нию к крестьянам. Экономическое развитие польских земель в составе российской империи шло достаточно динамично, а политические, административные ограничения и начавшаяся русификация были связаны прежде всего с постоянными выступлениями поляков против России (во времена Александра I поляки имели больше свобод, чем сами русские³⁹). К тому же Крамарж подчеркивал, что в прошлом единая Польша также была далека от совершенства в смысле государственного устройства, а господство поляков в Галиции в настоящем демонстрировало недостатки их управления, бедность деревни и национальные притеснения русинов.

Однако Крамарж был решительным противником насильственной русификации, считая, что она рождает лишь ненависть ко всему русскому. Речь шла о противостоянии как бы двух национализмов — польского и русского. Обязанностью России было, по словам Крамаржа, предотвратить новую польскую революцию, дать полякам автономию⁴⁰. В целом, говоря о русско-польских отношениях, Крамарж подчеркивал, что они слишком уж обременены эмоциями и чувствами в ущерб здравому смыслу⁴¹. Он писал: "Между поляками и русскими лежит пропасть ненависти, и обе стороны делают все возможное, чтобы никто не отважился на попытку эту пропасть преодолеть. А преодолеть ее надо"⁴².

Но среди поляков Крамаржу удалось встретить людей, которые достаточно объективно судили об отношении к России. Этому более реалистическому пониманию положения дел способствовал наглядный пример судьбы поляков в Познани. Политика систематической германизации поляков со стороны Германии показывала, что могло бы произойти с поляками, если бы они все оказались под ее властью. Поэтому Крамарж сделал для себя вывод о том, что не все потеряно, и что есть надежда на русско-польское соглашение. Первый шаг в этом направлении, по его мнению, должна была сделать Россия, и это было бы не проявлением ее слабости, а осуществлением славянской задачи. Для этого необходимо улучшить положение низших слоев польского общества, предоставить полякам возможность (пусть под русским контролем) получать образование на родном языке. Он полагал, что со временем вероятным было бы предоставить более широкое самоуправление крестьянам, оказывать поддержку низшему духовенству, ввести свободу религиозного вероисповедания. По мысли Крамаржа, необходимо заботиться об экономическом процветании польских крестьян. Польские средние школы и университеты, под русским контролем, не представляли бы никакой опасности для России. Обучение нужно было сделать дешевым и доступным, а польский

язык — равноправным в государственных учреждениях. Все это можно кратко свести к трем задачам: демократизации Польши, систематическому воспитанию польской интеллигенции на более широкой народной основе и предоставлении свободы польскому языку.

Все эти меры лишь способствовали бы культурному сближению обоих народов. А после того, как поляки заслужили бы доверие России, им была бы предоставлена полная внутренняя автономия. Кроме того, Крамарж считал, что сами поляки должны пересмотреть свою политику в отношении русинов. От этого выиграли бы все славянские народы⁴³.

Крамарж, до этого зная Россию по литературе и искусству, старался как можно лучше лично узнать и оценить российскую действительность, особенности географического положения, исторического развития, философию и культуру страны. Более других вопросов его занимали политические отношения, возможности демократических перемен в России. Он видел, насколько сложна здесь проблема свободы, как для интеллигента, так и для мужика, как в экономике, так и в юриспруденции, как в науке, так и в религии. Он понял, что недовольство и революционные настроения в обществе из-за твердого правительственного курса не находят открытого проявления, но не исчезают, а накапливаются, создавая взрывоопасные очаги.

Крамарж считал, что Россия еще не созрела для политических свобод на основе европейского парламентского конституционализма. Выход он видел в создании атмосферы, гарантирующей дальнейшие реформы, прежде всего в области образования, социального, культурного развития и экономического обеспечения общества⁴⁴. Позднее, размышляя о русской интеллигенции, Крамарж упоминал о своих странных впечатлениях при знакомстве с некоторыми русскими либералами. Так, один из людей передовых взглядов, либерал Михаил Михайлович Стасюлевич⁴⁵ прямо с раздражением сказал Крамаржу, что государство — это враг. "Я в качестве приверженца кафедр социализма приписал это устарелому экономическому либерализму, — вспоминал Крамарж, — и долго эти слова служили для меня как бы символом отсталости русских либералов"⁴⁶. Только много позднее, как признавался Крамарж, он понял "трагическую правду и полную своевременность этого восклицания"⁴⁷. Чешский политик видел пороки самодержавия, ему не нравилось политическое бесправие русской интеллигенции. Крамарж отмечал, что люди совершенно разных политических убеждений — и славянофилы, и А.И. Герцен, и М.А. Бакунин, и П.Л. Лавров, и Л.Н. Толстой, пришли к одному общему выводу: "прочь от государства!"

Крамарж побывал у Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Свои впечатления от поездки туда Крамарж описал в журнале "Čas". 5 мая Крамарж в сопровождении своего знакомого профессора университета, хорошо знавшего Толстого, выехал по курской железной дороге в Тулу. Оттуда до Ясной Поляны еще 17 верст добирались на лошади. Уже вечерело, когда они въехали на гору, где располагалось имение Толстого. Толстой очень сердечно приветствовал профессора Г. (так в тексте. — Е.С.) как старого знакомого, а Крамаржа — как его и Масарика приятеля, хотя гости и оторвали его от отдыха после работы в поле. Если Масарик обсуждал с Толстым философские сюжеты, спорил относительно идеи непротивления зла насилием, Крамарж в разговоре с русским писателем касался вопросов социальной политики, морального и материального положения трудящихся. Далее разговор перешел на спиритизм, высмеиваемый Толстым.

Гости переночевали в имении графа, их разместили в библиотеке. На следующее утро они погуляли в парке, встретили двух бедно одетых мужиков, пришедших к Толстому за книгами. В восемь утра вышел и сам писатель, принес книги для мужиков, хотел прогуляться с новым чешским знакомым, но пошел сильный дождь. Писатель пригласил Крамаржа в свой кабинет, где читал ему недавно законченный им эпилог "Крейцеровой сонаты", где излагал свои взгляды на брак. Он жаловался Крамаржу на непонимание в семье. Перед отъездом говорили о православии. Крамаржу была интересна точка зрения Толстого на роль православия в будущем, в культурном развитии славян, как синтеза между интеллектуальными и моральными потребностями человека. Толстой же ответил, что видит будущее не в официальной религии, а в народе, в его духе⁴⁸. Крамаржа тронула искренность Толстого, огромная любовь русского писателя к человечеству. Общение с Толстым позволило ему почувствовать и в себе какие-то внутренние перемены, желание стать лучше. Глубокое впечатление от поездки в Ясную Поляну заставляло Крамаржа часто вспоминать русского писателя и мыслителя.

Однако в философских и социальных взглядах великого гуманиста Крамарж усматривал много противоречий. Позднее, размышляя о Толстом, Крамарж писал, что на него ложится львиная доля ответственности за русскую катастрофу: "Его литературно столь блестящая, а реально столь не глубокая борьба против всякого государственного управления, против судов, против всего, что является фундаментом упорядоченного цивилизованного общества, была разлагающим ядом для русской интеллигенции, привыкшей постоянно ошибочно обобщать мрачную русскую действительность и строить на этом априор-

ные принципы своего отщепенства от государства"⁴⁹. Интересно, что такая характеристика Л.Н. Толстого во многом перекликается с той, которую великому русскому мастеру слова дал историк А.А. Кизеветтер, живший после революции в эмиграции в Праге. В своих воспоминаниях Кизеветтер писал: "Конечно, роль Льва Толстого в духовной жизни русского общества была громадна. Но, разбираясь в существе этой его роли, приходишь к любопытным наблюдениям. Толстой воздействовал на общественную массу, — не говоря о членах его специальной паствы, которая никогда не была очень велика, — не содержанием своей проповеди, а теми дарами своей могучей души, которые, в сущности говоря, содержанию этой проповеди как раз противоречили. Толстой проповедовал философию непротivления злу, а в основе своей натуры он был прирожденным бунтарем-протестантом. Восстать против господствующего течения — вот в чем состояло всегда непосредственное влечение его души, и восстать бурно, гневно и стремительно, так, чтобы все вздрогнули и почували, какая неудержимая сила протестующего напора надвинулась на них"⁵⁰.

Сопоставляя эту нигилистическую антигосударственную позицию русской интеллигенции с отношением чехов к Австро-Венгрии, Крамарж видел между ними большую разницу. Он указывал, что интеллигенция Чехии знала тяжелый нравственный разлад между национальным сознанием и естественным стремлением принять участие в государственной жизни в интересах своего народа, знала конфликт между долгом национальным и государственным. Крамарж отстаивал необходимость так называемой "позитивной политики". Он указывал, что "сознательная политика замещения должностей враждебного государства своими людьми не есть пассивное либо эгоистическое подчинение существующим условиям, но весьма действенная подрывная работа против национально враждебного государства"⁵¹. Российское самодержавие, по мнению Крамаржа, было виновно в том, что русская интеллигенция, "как бы ни меняла свои взгляды и своих пророков, всегда поклонялась бакунинскому "всеобщему разрушению"⁵². Как государственный, Крамарж мог объяснить, но не принять подобные взгляды русских интеллигентов.

Вывод Крамаржа о неготовности России к европейскому парламентскому конституционализму возможно свидетельствовал о его разочаровании уровнем политической зрелости российского общества. На эту разочарованность молодого политика от поездки в Россию обращает внимание чешский автор Венцовский. Но его слова о том, что настроения российских интеллигентов, разделявших славянофильские убеждения, пока-

зались Крамаржу националистическими⁵³, противоречат воспоминаниям самого Крамаржа о своем первом визите в Россию. В работе "В защиту славянской политики" он выразил свои впечатления следующим образом: "Мы сначала чехи, потом славяне. Русские — сначала славяне, потом русские"⁵⁴.

Как бы там ни было, никто не отрицает, что знакомство Крамаржа с Россией сильно повлияло на дальнейшее формирование его политических взглядов. Контакты с русскими славистами определили его дальнейший интерес к славянству и славянской идее. Он не только отслеживал работы своих знакомых, но серьезно изучал и труды их предшественников-славянофилов, И.С. Аксакова и Н.А. Хомякова, а также Н.Я. Данилевского и Р.А. Фадеева.

Кроме того, это путешествие перевернуло его личную жизнь. Рассказывая о первом приезде Крамаржа в Россию, невозможно не упомянуть о встрече, определившей его судьбу, сказавшейся на взглядах и политической деятельности. В 1890 г. в Москве в одном из светских салонов, которые в то время являлись центрами общественной жизни, он знакомится со своей будущей супругой Надеждой Николаевной Абрикосовой.

Позднее в одном из писем к Надежде Николаевне в новогоднюю ночь 1890 — 1891 гг. он вспоминал все свое пребывание в России, и их знакомство: "А сегодня я думаю обо всей моей поездке, снова чувствую все возрастающий интерес, давно забытую радость жизни, вновь обретенную в России. Опять вижу Петербург, где я без отдыха посещал общество, полный энтузиазма, желания все узнать и все увидеть. А потом Москва... Вижу, как сижу в психологическом обществе, а в двух шагах от меня Вы, в черном, серьезная... Посматриваете на меня так мимолетно без интереса, как будто я веду бесконечный разговор о незначительном... Я снова испытываю чувство, которое не могу описать, когда я Вас впервые увидел у вас дома, совсем другой, чем в том научном обществе, и все-таки это Вы же... Передо мной появляется Тарасовка, с тем красивым поворотом, когда Луна играла своим бледным светом... А потом Толстой, и общество у Вас, когда я нашел Вас такой грустной, меланхоличной и неповторимой. И опять чувствую, как я тогда не хотел уходить, как я стоял на лестнице, и как господин Зверев еще раз вернулся, чтобы с Вами попрощаться, а я тоже хотел вернуться, не понимая, почему человеку надо уходить, когда он так хорошо себя чувствует... И до сих пор вижу, как А.А. (Алексей Алексеевич Абрикосов — муж Надежды Николаевны. — Е.П.), уже весь в нетерпенье, обнял Вас за пояс и увел Вас, а я остался с господином Зверевым, и мы говорили о Толстом, а я пытался Вас сравнивать с Россией...

А потом был Кавказ со своими видами потрясающей красоты и Тифлис с господином Саравьевым, с которым мы о Вас так много говорили. Я опять вижу Арарат и Волгу. Два месяца проведенные там казались мне сном, таким тихим и спокойным, в нем есть лишь одна роза, такая красивая и большая, часть воспоминаний и надежд... И наконец спускается ночной мрак, мое счастливое настроение исчезает, и в плохом расположении духа вижу Казань и опять Москву, а в Алупку я приезжаю в таком настроении, которое Вы знаете так же хорошо, как и я. Как передать, что я чувствую, когда думаю об Алупке... Человек спрашивает себя, правда ли это, могло ли это быть правдой, возможно ли это, столько света в одном образе... Но это правда, эти воспоминания не что иное как оживающая страсть, поэзия, счастье.

Приходит полночь! С этой надеждой на Алупку вступаю в новый год, и эта ночь наполняет мое сердце такими надеждами... Пусть будет этот год для Вас добрым и счастливым, пусть он принесет Вам здоровье и то счастье, о котором мечтает Ваше сердце, пусть Вы вновь будете веселой и здоровой! — Не хочу думать о нашем расставании в Алупке и в Севастополе. Лучше была новая встреча у Олега в Константинополе в первый вечер, а потом в Софии, в восточном экспрессе, в Белграде, в Оршове на Дунае, в Бухаресте и в Синаи! Это те воспоминания, которые забыть невозможно!"⁵⁵

Тут трудно что-либо добавить или прокомментировать, можно лишь сказать, что впечатления о поездке у Крамаржа были окрашены ярко эмоционально, любовь к Надежде Николаевне слилась у него с любовью к России, а образ любимой — с образом ее страны.

¹ Страницы Российской истории. М., 1995. С. 295.

² *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания, 1849—1911 гг. М., 1997. Т. 1. С. 274.

³ В 1880—1881 гг. под командованием генерала М.Д. Скобелева была предпринята военная экспедиция в Средней Азии против туркмен-текинцев, в результате которой к России присоединили Ахалтекинский оазис.

⁴ *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 277.

⁵ *Керенский А.Ф.* История России. Иркутск, 1996. С. 185.

⁶ Там же. С. 185—186.

⁷ *Крамарж К.П.* Русский кризис / Пер. с чешск. А.С. Изгоева с дополн. и изм. авт. Прага; Париж, 1925. С. 31.

⁸ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С. 186.

⁹ См., например: *Драган Г.Н.* История России. М., 1997. С. 111—112.

¹⁰ *Керенский А.Ф.* Указ. соч. С.192.

¹¹ *Мишевцева Э.П., Фадеев А.В.* Россия в новое время. М., 1993. С. 152.

¹² *Kučera M.* Príspevek k výkladu vzájemného vztahu K. Kramáře a T.G. Masaryka // *České země a Československo v Evropě XIX a XX století:*

- Sborník práce ke 65 narozeninám prof. dr. Roberta Kvačka. Praha, 1997. S. 134.
- ¹³ Йозеф Первольф (1841 – 1892) – профессор из Чехии, работавший в течение 20 лет в Варшавском университете. Неоднократно бывал в Петербурге, где завязал связи с Пыпиным, Спасовичем, Ламанским, посещал Москву, Саратов и другие города. Был женат на неродной дочери русского писателя Д.Л. Мордовцева.
- ¹⁴ *Jirásek J. Rusko a my. Dějiny vztahů československo-ruských od nejstarších dob až do roku 1914.* Brno, 1945. Díl 3. S. 174 – 178.
- ¹⁵ Грот Николай Яковлевич (1852 – 1899) – философ, психолог, с 1886 г. профессор Московского университета, председатель Московского психологического общества, один из организаторов и первый редактор журнала “Вопросы философии и психологии”, начавшего выходить в 1889 г.
- ¹⁶ Грот Константин Яковлевич (1854 – 1934) – историк-славист, профессор Московского университета, ученик В.И. Ламанского, славянофил.
- ¹⁷ См.: Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей / Очерки и воспоминания гр. Л.Н. Толстого, Вл.С. Соловьева, О.А. Шебора, В.И. Шенрока, В.Н. Ивановского, Л.М. Лопатина, П.П. Соколова, А.И. Введенского, Ю.И. Айхенвальда, Э.Л. Радлова, Г.И. Челпанова, Д.В. Викторова, В.В. Розанова, Е.В. Спекторского; письма гр. Л.Н. Толстого, Н.Н. Страхова, А.Ф. Кони, Вл.С. Соловьева, кн. С.Н. Трубецкого, архиеп. Никанора и самого Н.Я. Грота. СПб., 1911.
- ¹⁸ О взглядах К.Я. Грота см.: *Jirásek J. Op. cit. Sv. 4. S. 24 – 29.* В более поздний период см.: *Робинсон М.А. К.Я. Грот – общественные взгляды и судьба в науке (начало 30-х годов) // Славянский альманах 1997. М., 1998. 196 – 210.*
- ¹⁹ Лопатин Лев Михайлович (1855 – 1920) – философ и общественный деятель, с 1892 г. экстраординарный профессор Московского университета, с 1894 г. соредактор журнала “Вопросы философии и психологии”, с 1899 г. председатель Московского психологического общества.
- ²⁰ Радлов Эрнест Леопольдович (1854 – 1928) – историк философии, переводчик, выпускник историко-филологического ф-та Петербургского университета, учился в Берлинском и Лейпцигском университетах, возглавлял философский отдел в Петербургской публичной библиотеке, с 1917 по 1924 г. был ее директором. В 1921 – 1922 гг. председатель философского общества при Петроградском университете. Знаком с Т.Г. Масариком, поддерживал с ним личную переписку.
- ²¹ Страхов Николай Николаевич (1828 – 1896) – философ и литературный критик, имел обширную переписку с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским.
- ²² Трубецкой Евгений Николаевич (1863 – 1920) – философ, правовед, публицист, общественный деятель один из организаторов Психологического общества при Московском университете. Проф. Киевского, с 1906 – Московского университета.
- ²³ Соловьев Владимир Сергеевич (1853 – 1900) – философ, поэт, публицист, литературный критик. Читал лекции в Московском и Петербургском ун-тах, оказал большое влияние на развитие религиозной философии конца XIX – начала XX веков и на русский символизм.
- ²⁴ *Kučera M. Op. cit. S. 134.*
- ²⁵ Неделя (Прага). 1930. 24 дек.

- 26 Ламанский Владимир Иванович (1833–1914) — русский историк, славист, академик, проф. Санкт-Петербургского ун-та, славянофил.
- 27 Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — русский ученый-славист, академик, известен трудами по литературоведению, этнологии, истории общественных движений и общественной мысли, публицист, сотрудничал в журн. "Современник", "Отечественные записки", "Вестник Европы".
- 28 Саблер Владимир Карлович (1847–1929) — землевладелец, юрист, личн. секр. вел. кн. Екатерины Михайловны. С 1881 г. член Святейшего синода. В 1892–1905 гг. товарищ оберпрокурора Синода, в 1911–1915 гг. оберпрокурор Святейшего синода, член Гос. Совета, Стас-секретарь, сенатор, действительный статский советник.
- 29 *Kučera M.* Op. cit. S. 133–134.
- 30 *Herman K., Sládek Z.* Slovanšká politika K. Kramáře. Praha, 1971. S. 10.
- 31 Самарин Дмитрий Федорович (1831–1901) — писатель, общественный деятель, гласный московского земства, брат славяноведа и публициста Юрия Федоровича Самарина (1819–1876), издатель его трудов.
- 32 *Крамарж К.П.* Русский кризис. С. 127.
- 33 *Vencovský F. Karel Kramář.* Život a dílo. Praha, 1992. S. 14.
- 34 *Čas.* 1891. N 1. S. 6.
- 35 *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. СПб., 2000. С. 10.
- 36 Там же.
- 37 *Крамарж К.П.* Русский кризис... С. 177.
- 38 *Čas.* 1891. N 2. S. 22–24.
- 39 *Čas.* 1891. N 5. S. 70.
- 40 *Ibid.* S. 71–72.
- 41 *Čas.* 1891. N 4. S. 52–55.
- 42 *Čas.* 1891. N 6. S. 84.
- 43 *Ibid.* S. 85.
- 44 *Vencovský F. Karel Kramář...* S. 14.
- 45 Стасюлевич Михаил Михайлович — редактор-издатель журн. "Вестник Европы". Журнал выходил в Петербурге в 1886–1919 гг. В 1909 г. на этом посту его сменили М.М. Ковалевский и К.К. Арсеньев.
- 46 *Крамарж К.П.* Русский кризис. С. 187.
- 47 Там же.
- 48 О визите в Ясную Поляну см.: *Sís V. Karel Kramář.* Život a dílo. Skizza. Praha, 1930. S. 39–43.
- 49 *Крамарж К.* Русский кризис. С. 244.
- 50 *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1997. С. 128.
- 51 Там же. С. 188.
- 52 Там же. С. 189.
- 53 *Vencovský F. Karel Kramář...* S. 14.
- 54 *Kramář K.* Na Obranu Slovanšké Politiky. Praha, 1926. S. 12.
- 55 Цит. по: *Pekař R.* Milostné listy Karla Kramáře Nadeždě Nikolajevně Abrikosové // *Slovanšký přehled / Review for Central, Eastern and Southeastern European History.* 2004. Č. 1. S. 131–132.

Глава 3

Надежда Николаевна Крамарж*

*

Известный театральный режиссер Владимир Иванович Немирович-Данченко в своих воспоминаниях о заграничной поездке Художественного театра в 1906 г. в Прагу пишет о Крамарже и его жене: "Пришел к нам и Крамарж, представитель национального объединения чехов; даже нарочно приехал для этого из Вены... В антракте он ходил на сцену, к актерам, к Станиславскому, приветливый, улыбающийся...

Он был с женой. Я встречался с ним однажды давно в Москве, у нее же в салоне, когда она еще была Абрикосова. Она была урожденная Хлудова, из рода крупнейших миллионеров Хлудовых, замужем за фабрикантом Абрикосовым. Как она сама, так и ее муж принадлежали к той категории московских купцов, которые тянулись к наукам, искусству и политике, отправлялись учиться за границу в Лондон, говорили по-французски и по-английски. От диких кутежей их отцов и дедов, с разбиванием зеркал в ресторанах, не осталось и следа.

Абрикосов, кондитерский фабрикант, участвовал в создании журнала философии и психологии, а у его красивой жены был свой салон. Здесь можно было встретить избранных писателей, артистов, ученых. В ее полуосвещенной гостиной раздавался смех Владимира Соловьева, тогдашнего кумира философских кружков, смех, замечательный какой-то особой стеклянностью, и который мне всегда казался искусственным; в углу дивана можно было видеть этого характерного красавца с длинными волосами и длинной бородой. Сколько русских актеров пользовались его фотографией, когда им надо было играть обаятельного ученого!

И вот однажды в этом салоне появился блестящий молодой политический деятель из Праги¹. Тут же Немирович-Данченко замечает: «В моей памяти никогда не удерживались подробно-

* В чешской транслитерации женская фамилия звучит как "Крамаржова". Мы будем придерживаться более привычного несклоняемого написания — Н.Н. Крамарж.

сти романтических историй, о которых шумели в Москве. Поэтому не могу удовлетворить любопытных читательниц рассказом о том, как брат славянин увлек красивую хозяйку московского салона, как она вышла замуж и как променяла Москву на "Златую Прагу" ...»². Вот об этой и в самом деле романтической истории речь пойдет ниже.

Основателем рода Хлудовых, из которого происходила Надежда Николаевна, был Иван Иванович (1786 — 1835) — человек чрезвычайно энергичный и предприимчивый, отличавшийся, так же как и его сыновья, большим природным умом и огромным трудолюбием. Эти качества были свойственны многим жителям этого района (окрестности г. Егорьевска Рязанской губернии), которых называли "гуслицы" или "гуслики" по имени речки Гуслиянки, протекавшей через город Егорьевск и впадавшей в Москва-реку. Они были ткачами-кустарями. Общими усилиями отец и сыновья, среди которых был и дед Надежды — Назар Иванович (1819 — 1858), — достигли значительного материального достатка, завели торговое дело в Москве, куда и переселились вскоре после наполеоновского нашествия, приписавшись к купцам. Имя их упоминается уже в 1824 г. Правда, о том, как они разбогатели, в Москве ходили самые невероятные слухи³. Жила семья в своем доме на Швивовой горке. Отец умер в 1835 г., оставив братьям Тарасу, Савелию, Назару, Алексею, Герасиму и Давыду в огромную по тем временам сумму — около 200 тыс. рублей. Братья основали Торговый дом "Т., С., А., Н., Г. и Д. Ивана Хлудова сыновья".

Старший брат Тарас (1805 — 1837), весельчак и мастер своего дела, был женат на Авдотье Степановне. Савелий Иванович (1806 — 1855) долгое время был холостяком, водил дружбу с Л.И. Кнопом — известным всей России владельцем Кренгольмской мануфактуры. По семейным преданиям, был он умен, начитан; женился на Евдокии Васильевне, их дом и фабрика располагались на месте современного театра на Таганке.

Назар Иванович Хлудов был женат на Марии Ивановне Борисовской и имел сына Николая — отца Надежды. О Назаре Ивановиче сохранилось мало сведений, так как умер он молодым, не дожив и до 40 лет.

Очень интересной личностью был еще один старший брат Назара, крестный Надежды Николаевны — Алексей Иванович (1818 — 1882), женатый на Авдотье Яковлевне Щербаковой. Кстати, он наряду с Л. Кнопом являлся одним из основателей Кренгольмской мануфактуры в окрестностях Нарвы. Исследователь русского купечества П.А. Бурьшкин цитирует книгу, изданную газетой "Таймс" и характеризующую эту мануфактуру: "Согласно мнению экспертов, некоторые русские мануфакту-

ры — лучшие в мире, не только с точки зрения устройства и оборудования, но также в смысле организации и управления. Например, Кренгольмская мануфактура в Нарве многими считается лучшим в мире по организации предприятием, не исключая и тех, которые находятся в Ланкашире. Эта мануфактура обладает руководящим персоналом, состоящим из 30 англичан, госпиталем, который стоит два миллиона франков. Там имеется более двух миллионов веретен и 4000 ткацких станков — рабочий городок с населением более 3000 человек. Все это выстроено и управляется по современным принципам, и принимая во внимание современные условия"⁴. Алексей пользовался репутацией "человека неподкупной честности, прямого, правдивого, трудолюбивого, отличавшегося силой ума и верностью взглядов"⁵.

В 1842 г. Алексей и Савелий Хлудовы решили построить в Егорьевске бумагопрядильную фабрику, она была пущена в ход в 1845 г. и насчитывала 15 тыс. веретен. За покупкой машин в Англию ездил Алексей Иванович, который заведовал коммерческой деятельностью. Впоследствии братья открыли в Англии свою контору с целью получения нужных материалов для фабрик без посредников.

Управлял конторой в Лондоне один из сыновей Алексея Ивановича — Иван. По отзывам современников, это был человек незаурядный, объехавший весь свет. Его письма из разных стран весьма интересны и назидательны, в дальнейшем даже опубликованы и с увлечением читались купечеством⁶. Иван Алексеевич прославился еще и тем, что во время гражданской войны в Америке, как и герой известного романа Маргарет Митчелл "Унесенные ветром" Ретт Батлер, с несколькими быстроходными шхунами прорвал морскую блокаду Юга, высадился на американском побережье, с большой выгодой продал там привезенное оружие и загрузил в обратный путь шхуны хлопком, который очень требовался в Европе. Однако во время шторма шхуны заметило сторожевое судно, они были окружены и арестованы. В результате операция дала 600 тыс. рублей убытка, но Алексей Иванович не рассердился на сына за авантюру, а наоборот гордился им, приписав неудачу Божьей воле⁷. П.Б.Струве так описал этого отпрыска рода Хлудовых: "Особенный размах предвещала деятельность Ивана Алексеевича Хлудова (1839 — 1868), который являет облик смелого русского предпринимателя, связывающего русскую предприимчивость и с Западом и с Востоком: он работает коммерческим волонтером в Бремене, открывает русскую контору в Ливерпуле и затем, стремясь завоевать для русской промышленности только что завоеванный русским оружием Туркестан, не достигнув

30-ти лет, умирает на этой работе в Самарканде. Этот Хлудов, по средней школе воспитанник петербургской немецкой Петершугле, идейно и общественно близок к московским славянофилам, с Иваном Аксаковым во главе"⁸.

Руководство фабричной деятельностью было возложено на Савелия Ивановича. В 1851 г. при Егорьевской бумагопрядильне братьями была основана и льнопрядильня. Впоследствии она переводится под Ярославль в Норский Посад. Через четыре года Савелий умирает, но фабрики под руководством Алексея Ивановича, а затем его сыновей, Михаила и Василия, продолжают развиваться. В 1869 г. братья получили разрешение на проведение железнодорожной ветки к Егорьевску от станции Воскресенск Московско-Казанской железной дороги, после сооружения которой производство стало стремительно развиваться. В 1875 г. было основано товарищество на паях, а в 1878 г. начала действовать механическая ткацкая мастерская на 140 станков.

После смерти Алексея (умер он в возрасте 65 лет, в карете по дороге из Купеческого клуба) дело продолжил его брат — Герасим Иванович (1822 — 1885), женатый на Пелагее Давыдовне Широкой, родной сестре Дарьи Давыдовны Широкой, жены основателя Тверской мануфактуры Абрама Саввича Морозова.

Родственные связи с Морозовыми укрепились и после женитьбы сына А.С. Морозова Абрама Абрамовича на дочери Алексея Ивановича Хлудова Варваре Алексеевне. Варвара Алексеевна была известна в Москве своей благотворительностью; после смерти первого мужа А.А. Морозова она состояла в гражданском браке с редактором газеты "Русские ведомости" проф. В.М.Соболевским⁹. Вл. Немирович-Данченко вспоминал о ней: "Это была очень либеральная благотворительница. Тип в своем роде замечательный. Красивая женщина, богатая фабрикантша, держала себя скромно, нигде не щеголяла своими деньгами, была близка с профессором, главным редактором популярнейшей в России газеты, может быть, даже строила всю свою жизнь во вкусе благородного сдержанного тона этой газеты. Поддержка женских курсов, студенчества, библиотек — здесь всегда можно было встретить имя Варвары Алексеевны Морозовой"¹⁰. Сын Варвары Алексеевны Михаил был известен в Москве под именем "Джентльмен", так как с него списал героя своей одноименной пьесы А.И. Сумбатов-Южин. Пьеса шла в Малом театре, ее пересмотрела вся Москва, знали и обсуждали ее героя. Михаил Абрамович был человеком образованным, писал под псевдонимом М. Юрьев, но больше всего прославился сказочным даже для Москвы карточным проигрышем:

в одну ночь в Английском клубе он проиграл известному табачному фабриканту и балетоману М.Н. Бостанжогло более миллиона рублей¹¹. В доме его жены Марьи Кирилловны при ее деятельном участии московские философы, включая князя С.Н. Трубецкого, устраивали чрезвычайно интересные религиозно-философские собрания¹².

Хлудовы были связаны родством и с другими известными купеческими родами. Так, дочь Герасима Ивановича Прасковья вышла замуж за одного из владельцев Трехгорной мануфактуры Константина Васильевича Прохорова, впоследствии вложившего капитал и в Норскую мануфактуру¹³. Алексей Иванович, выдав замуж дочь Татьяну, породнился и с семьей крупных промышленников Мамонтовых¹⁴. Мамонтовы были близко знакомы с русским историком М.П. Погодиным. По поручению последнего, Ф.И. Мамонтов виделся с известным чешским ученым Шафариком¹⁵.

К 70-летию со дня основания на фабрике уже имелось 194 850 прядильных и 7888 крутильных веретен при 2500 ткацких станках. Общее число рабочих составляло около 6400 человек, годовое производство пряжи и суровых тканей в денежном выражении достигало 16 млн рублей. Норская мануфактура, первоначально исключительно льнопрядильная, использовавшая кроме ярославского, вологодского, владимирского и вятского лен французский и бельгийский, также развивалась весьма успешно. С 1881 г. Товарищество Норской мануфактуры параллельно с производством льняных изделий стало выпускать хлопчатобумажную пряжу. Для ее выработки использовался в основном русский хлопок и в небольшом количестве американский¹⁶. Братья Хлудовы созданием прядильной фабрики и проведением железной дороги способствовали развитию российской промышленности и торговли, дали заработок тысячам жителей Егорьевского уезда.

Алексей и Герасим Хлудовы известны также как страстные коллекционеры. Алексей Иванович собирал древние русские рукописи и старопечатные книги, которые впоследствии завещал Никольскому Единоверческому монастырю в Москве. Герасим Иванович коллекционировал картины, преимущественно русской школы. Среди его собрания были работы Перова, Федотова, Брюллова, Капкова, Айвазовского, Боголюбова и Риццини. Алексей Иванович являлся активным общественным деятелем, в разные годы состоял членом коммерческого суда, почетным членом совета коммерческого училища, председателем Московского биржевого комитета, председателем московских отделений Департамента торговли и мануфактур, старшиной московского купеческого сословия.

П. Бурыйский приводит любопытную выдержку из "Исторического вестника" за 1893 г. о стиле жизни другого брата — Герасима Ивановича: "Дом свой Герасим Иванович вел на самую утонченную ногу, да и сам смахивал на англичанина. У него не раз пировали министры финансов и иные тузы финансовой администрации. Сад при его доме, сползавший к самой Яузе, был отделан на образцовый английский манер и заключал в себе не только оранжереи, но и птичий двор, и даже зверинец. Прожил Герасим Иванович более полжизни в этом доме безмятежно и благополучно, преумножая богатство, возвышая свою коммерческую репутацию, и сюда же был привезен бездыханным, от подъезда купеческого клуба, куда шел прямо из страхового общества, с миллионами только что полученной за сгоревшую язовскую фабрику премии¹⁷".

Хлудовы широко занимались благотворительной деятельностью. Ими были созданы богадельня, палаты для неизлечимо больных женщин, многочисленные бесплатные квартиры, ремесленная школа, детская больница. Торговый дом Хлудовых имел торговые отношения с Америкой, открыл свою контору в Ливерпуле, установил хлопковую торговлю со Средней Азией. Семьи были большие. Например, у Алексея Ивановича имелось четыре сына и три дочери. Браки заключались в основном внутри купеческого сословия; как уже упоминалось, Хлудовы имели родственные связи со многими известными родами предпринимателей и торговцев.

В воспоминаниях Н.А. Варенцова клан Хлудовых представляется несколько с другой стороны: "Хлудовы в Москве пользовались популярностью, но нельзя сказать, чтобы солидное, почтенное купечество относилось к ним хорошо из-за их поведения и образа жизни. Слухи о безумных кутежах и других противоморальных поступках разносились по Москве и на стариков купцов наводили ужас"¹⁸.

Он также писал о том, что сыновья Алексея Ивановича Хлудова, Михаил и Егор, славились своими загулами в загородном доме. Егор умер рано. Михаил Алексеевич был любимцем отца. Алексей Иванович говорил про него: "Я понимаю Михаила, хотя он безобразничает и безумно тратит деньги, но, где нужно и должно взять, — не упустит! Не станет свою старую карету переделывать и перемазывать, а, раз деньги есть, купит новую!"¹⁹. Он везде оставлял ореол "богатырчества", отличался беспредельной храбростью и непомерной физической силой, всех поражало и его магическое влияние на хищных зверей, подчинявшихся одному его взгляду. Он держал в своем доме двух ручных тигров, наводивших ужас на соседей и гостей. После очередной жалобы генерал-губернатору В.А. Долгорукову на само-

дурство Михаила ему пришлось отдать одного тигра в Зоологический сад, а второго — застрелить собственноручно, когда тот бросился на него ночью. На Ярцевской фабрике у Михаила Алексеевича был ручной волк, также свободно разгуливавший в доме, вскакивавший передними лапами на стол с угощением для гостей под смех хозяина. А в подвальном этаже он держал медведя, с которым любил побороться. Особенно прославился Михаил Алексеевич в Средней Азии, где с войсками участвовал в ее завоевании. Его удачу и помощь в снабжении армии провиантом высоко ценились командованием. Варенцов, попав в Азию в начале 90-х, много лет спустя после Хлудова, свидетельствовал, что рассказы о приключениях Михаила не прекращались, и его даже водили смотреть дом, где тот жил²⁰.

М.А. Хлудов участвовал добровольцем в Сербо-турецкой войне 1876 г. В 1875 г. в связи с герцеговинско-боснийским восстанием против Османской империи генерал М.Г. Черняев начал формировать в Москве отряд добровольцев. Финансировали экспедицию отряда братья Егор и Михаил Хлудовы и В.А. Кокорев. Вопреки желанию русского правительства М. Черняев и М. Хлудов в 1876 г. тайно выехали в Белград и вступили в сербскую армию. В 1877 г. Россия объявила войну Турции. За храбрость и героизм в сражениях в Сербии М. Хлудову Черняевым был вручен Георгиевский крест²¹. Судьба иногда причудливо перекрещивает жизненные пути. М. Хлудов с миссией генерала М.Г. Черняева побывал в Праге, где в толпе приветствующих их был и молодой Карел Крамарж. Вот как описывал этот эпизод политический сторонник К. Крамаржа и его биограф Владимир Сис: «12 января 1877 г. в Прагу приезжал русский генерал Черняев, который командовал в Сербо-турецкой войне всеми добровольцами славянской национальности. Прага его демонстративно приветствовала. Полиция была вынуждена блокировать отель "Штепан". На другой день Черняеву позволили навестить православный храм св. Николая, а потом он в сопровождении своего русского приятеля Михаила Хлудова уехал из Праги. Карел Крамарж не ходил в этот день в гимназию, а вместе с другими гимназистами махал шляпой генералу, и не думая тогда, что когда-то будет вхож в московский дом Хлудовых и привезет домой племянницу М. Хлудова»²². Михаил же кончил жизнь в сумашедшем доме.

Другой сын Алексея Ивановича, Василий, был очень обаятельным мужчиной, который производил впечатление на дам без особого труда. Любовных романов у него было не счесть. Да и мог ли он не нравиться дамам! — восклицает в своих воспоминаниях Варенцов. Он был лично знаком с Василием, состоял с ним в родстве по линии жены и описал его так: "С универси-

тетским образованием, музыкант, богатый, с красивым лицом и карими глазами, с обращением нежным и милым"²³. Василий владел большим домом на Ильинке, многочисленными магазинами, конторами и доходными имениями, разбросанными в разных губерниях. Василий Алексеевич увлекался в жизни многим, однако, начав что-то, быстро охладевал, и, не окончив дела, не добившись желаемого, переходил на другое. Одним из увлечений его была химия. В своем доме он устроил лабораторию, где с опытным провизором проводил исследования. Говорят, что им удалось открыть способ получения анилиновых красок. Но патент на открытие они не получили, так как это сделал кто-то другой, опередив их на несколько дней и заработав огромные деньги. Следующим увлечением стало изготовление скрипок, был приглашен известный мастер и открыта мастерская, но добиться создания скрипки со звучанием старинной не удалось. Как-то, путешествуя по Кавказу, В.А. Хлудов под впечатлением тамошних красот накупил земли в районе Сочи и начал производить большие агрокультурные работы в имении Раздольное: устраивал питомники, разводил виноградники, сады с плодовыми деревьями, производил большое количество чернослива, выгодно продавая его. Затем следовали увлечения религией, философией, спиритизмом, мистикой²⁴. В конце концов, он пытался изобрести вечный двигатель — перпетум-мобиле. Современники вспоминали о нем как об интереснейшем человеке, энциклопедичность которого поражала: когда он был в ударе, то его речь по любому предмету всегда отличалась яркостью и оригинальностью. Варенцов писал: "Посещение его известными лицами: Вл.Серг. Соловьевым, писателями-супругами Мережковскими, А.С. Шмаковым, музыкантами Танеевым и А.В. Соловцовым, проф. Н.Е. Жуковским, С.А. Муровцевым, генералом Драгомировым — были не как к богатому меценату с целью получить от него какой-нибудь интерес материальный, но по обществу, доставлявшему им удовольствие, принося им много любопытного и нового"²⁵. В обычной жизни Василий Алексеевич отличался большими странностями, рассеянностью, неловкостью, полным пренебрежением к правилам хорошего тона, шокируя хозяев тем, что мог в гостях затушить сигару о дорогую диванную подушку или залезть своей ложечкой в общую вазу с вареньем. По истине, человеческая натура сложна и противоречива.

Эта же двойственность относилась и к их отцу Алексею Ивановичу. Отмечая ум, предприимчивость, энергию, честность, порядочность и начитанность А.И. Хлудова, Варенцов сообщал и о некоторой мелочности характера последнего. Крестный Надежды тщательно пересчитывал сдачу, приносимую

лакеем, устраивая скандал из-за гривенника, до пота мог торговаться с извозчиком из-за пятак, при этом, узнав об убытке на Ярцевской фабрике в 100 тысяч рублей, сказал: "Пустяки! В этом году убыток в 100 тысяч рублей, в следующем прибыли 200 тысяч^{26!}"

Как мы видим, среди Хлудовых были яркие экстравагантные личности, с противоречивыми характерами, неутомимой энергией и не без таланта. Именно Хлудовы стали прототипами произведений русских писателей и драматургов, таких как А.Н. Островский, Н.С. Лесков, Н.Н. Карзин²⁷. Одна из представительниц рода Морозовых оставила в своих воспоминаниях следующую характеристику Хлудовых: "Хлудовы были известны в Москве как очень одаренные, умные, но экстравагантные люди, их можно было всегда опасаться, как людей, которые не владели своими страстями"²⁸. Многие родовые черты, как положительные, так и отрицательные, проявились и в характере Надежды Хлудовой. П.Б. Струве высоко оценивал роль рода Хлудовых в истории российского предпринимательства. «Род Хлудовых, — писал он, — к которому принадлежала Н.Н. Крамарж, занимает в истории русской "буржуазии" крупное и почетное место. Это — настоящие пионеры подлинной самобытной русской промышленности, своей энергичной и умной предприимчивостью сыгравшие в ее развитии весьма значительную роль. Целые области — по предмету текстильная (хлопчатобумажная) промышленность — и географически — Егорьевский уезд Рязанской губернии — носят печать духа и труда этих сильных людей. И замечательно: в их деятельности рука об руку идут творческое хозяйственное делание и такое же культурное строительство. Хлудовы двигают промышленное дело и в то же время от своих богатств широко благотворят, но не только благотворят: они умело и любовно собирают древние рукописи и благочестиво воздвигают храмы (Алексей и Давид Ивановичи Хлудовы!)... Все эти Хлудовы — люди крупных умственных запросов и большой действительности, и такова же была Надежда Николаевна Крамарж с властным и суровым, чисто русским, упором ее воли»²⁹.

Надежда Николаевна родилась 30 сентября 1862 г. Крестили ее 7 октября в Московской Борисо-Глебской церкви, что у Арбатских ворот. В ее метрической справке в графе родители указывалось: отец — потомственный почетный гражданин Николай Назарович Хлудов, мать — Надежда Ивановна (урожденная Залогина). Крестным отцом Надежды записан был Алексей Иванович Хлудов, крестной матерью — Авдотья Устиновна Залогина³⁰. Почти ничего не известно о детстве, воспитании и образовании Надежды, но в одном из писем К. Крамаржу (уже

после их свадьбы) она упоминала о своих прошлых неладах с матерью, которая, по ее словам, отравляла ей всю жизнь в родном доме до замужества.

17-ти лет отроду, 3 февраля 1880 г., Надежду выдали замуж за Алексея Абрикосова, которому в ту пору было 23 года. Род Абрикосовых был не менее славным.

Происходили Абрикосовы из крестьян села Троицкого Чембарского уезда Пензенской губернии. Родоначалником был Алексей Иванович Абрикосов, основавший кондитерское производство в Москве и Симферополе³¹. Семья сначала жила на Варварке, а затем на Покровке. В 1873 г. московская кондитерская мастерская была преобразована в фабрику. В следующем году Алексей Иванович открыл кондитерскую фабрику в Симферополе, а московскую передал сыновьям Николаю и Ивану. Сам он занялся выгодной в то время торговлей чаем. Кроме того Абрикосовы стали продавать в Москве свежие фрукты с Кавказа и из Крыма. Первыми в России они создали технологию консервирования фруктов и овощей. Кондитерское производство, несмотря на сильную конкуренцию, развивалось и процветало. На фабриках выпускалось более семисот наименований различных сладостей, начиная от карамели и кончая коврижками и бисквитами. Особо славилась яблочная и рябиновая пастила Абрикосовых. В 1879 г. в районе Красносельских улиц началось строительство новых корпусов кондитерской фабрики, сохранившейся до нашего времени и известной с детства любому москвичу (после Октября 1917 г. фабрике было присвоено имя революционера Бабаева).

В 1880 г. было образовано товарищество "А.И. Абрикосов и сыновья" с основным капиталом в 500 тыс. рублей. Один из сыновей (всего в семье было 22 ребенка!) изучал кондитерское дело на юге Франции. В Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Симферополе действовала сеть розничных магазинов, абрикосовские изделия продавались оптом по всей стране. К 1890 г. Товарищество производило продукции на 1,5 млн рублей в год. Алексею Ивановичу было присвоено звание потомственного почетного гражданина города Москвы, и он был пожалован в число действительных статских советников³². В 1899 г. ему было присвоено звание "Поставщика Двора Его Императорского Величества"³³.

Долгое время он был старостой церкви Успения Пресвятой Богородицы на Покровке, где и венчался его сын Алексей с Надеждой Хлудовой. Потомство Алексея Ивановича было солидным: из двадцати двух детей семнадцать дожили до преклонного возраста. Мальчики получали образование сначала в Москве, затем за границей. Как и Хлудовы, Абрикосовы вели боль-

шую благотворительную и общественную деятельность: при фабрике был бесплатный детский сад для работниц, был открыт родильный дом, психиатрическая лечебница, сооружена пристройка к консерватории. Много жертвовали госпиталям и ополчению, вдовам и сиротам во время Восточной (Крымской) войны. Супруг Надежды Алексей Алексеевич вместе с братом Николаем не только занимался делами фабрик, но и основал журнал "Вопросы философии и психологии"³³.

Почти ничего не известно о том, как складывалась жизнь у молодых Абрикосовых — Алексея и Надежды, был ли это вообще брак по любви или договор двух преуспевающих купеческих родов. У четы Абрикосовых родилось четверо детей: Надежда, Маргарита, Руфина (умерла в подростковом возрасте) и Лев. Любимицей Надежды была дочь Маргарита. Девочки воспитывались в частном пансионе мадам Фишер. Сын Лев получил образование сначала в Москве, а затем во Франции, где учился близ Тулузы в сельскохозяйственной школе³⁴. Матерью Надежда была строгой, детей не баловала, требовала от них хорошей успеваемости, отчета за истраченные деньги.

С Карелом Крамаржем чета Абрикосовых познакомилась в одном из московских салонов. Затем последовало приглашение Карела к ним в гости. Вскоре после знакомства супруги уехали в свое имение Тарасовка, а Крамарж отправился в дальнейшее путешествие по России на Волгу и Кавказ, получив от Абрикосовых приглашение заехать к ним на крымскую дачу. Взаимная симпатия Карела и Надежды проявилась почти сразу же, между ними завязалась переписка на французском. В посланиях, адресованных мадам Абрикосовой, ее новый чешский знакомый описывал красоты природы, делился своими дорожными впечатлениями, планами на будущее, мыслями о политике.

Дальнейшее сближение между ними произошло на даче Абрикосовых в Алушке, где две недели гостил Крамарж. Именно там и начался их роман. Затем последовало совместное путешествие четы Абрикосовых и Крамаржа по морю в Константинополь, Софию, Белград, затем в Бухарест и Синаю. В Румынии пути их разошлись: супруги возвратились в Россию, Крамарж вернулся к себе на родину. Но переписка между Надеждой и Карелом не прервалась.

В интересной семинарской работе, подготовленной на философском факультете Карлова университета в 2001 г. Радованом Пекаржем, рассматривались любовные послания Карела Крамаржа и Надежды Абрикосовой³⁵. В письмах Крамарж признавался, что много думает о ней, очень привык к общению и скучает. Он объяснял ей в пылких чувствах и писал, что никогда не изменит своего отношения к ней. В дальнейшем это

подтвердилось. Крамарж был весьма целостной натурой и однолюбом. Встреча с Надеждой, которая для других скорее всего стала бы лишь случайным увлечением, для него перевернула жизнь и определила дальнейшую судьбу. Никакие препятствия, которых у влюбленных было множество: замужество Надежды, дети от брака с Алексеем Алексеевичем, расстояние, разделявшее их, — не помешали Крамаржу добиваться любимой женщины. Письма шли долго, Крамарж не мог дождаться ответа, сам писал часто, промежутки между письмами составлял не более двух недель. Если долго не было письма из России, Карел слал телеграмму "Что случилось?" Иногда между влюбленными были размолвки в письмах, Надежда пыталась прекратить переписку, но Карел был пылко влюблен и настойчив.

Несколько месяцев спустя им предстояло новое свидание. Из-за болезни Надежды супруги Абрикосовы, по совету Крамаржа, в конце февраля 1891 г. приехали в Вену. Их приезд совпал с первыми выборами К. Крамаржа в парламент. Он был избран в австрийский рейхсрат подавляющим числом голосов, и в 30 лет стал самым молодым депутатом. Предвыборная суета и хлопоты не помешали ему трогательно заботиться о Надежде. Операцию ей делал друг Карела врач Э. Альберт. Накануне Крамарж признался ей в том, что имеет единственную надежду когда-нибудь соединиться с ней, без этого он не представлял свою жизнь. Хирургическое вмешательство прошло благополучно. Ежедневно Карел навещал ее в больнице, а по вечерам передавал ей коротенькие записки. Из Вены чета Абрикосовых отправилась к морю в Италию и Францию, а затем в Швейцарию. Как только закончилась парламентская сессия, Крамарж приехал к Абрикосовым в Швейцарию, откуда они должны были возвращаться в Россию. Уже в Вене вопрос о том, что Надежда оставит супруга, вероятно, был решен. Крамарж планировал с ней совместную жизнь. Вероятно, в Швейцарии Алексея Алексеевича поставили в известность. Супруги окончательно рассорились. Однако отношения Карела и Алексея все это время были корректными. Надежда не вернулась с мужем в Москву, а задержалась в Альпах. Крамарж из Вены приезжал к ней. Вместе они совершили путешествия в Зальцбург, Прагу, на фестиваль Р. Вагнера в Байрейт (Бавария). А в августе 1891 г. они расстались: Карел вернулся в Семилы, затем в Вену, Надежда уехала в Россию. После осенней сессии парламента они вновь встретились в Альпах, потом Надежда поселилась в венском отеле, Карел продолжал писать ей письма, хотя они ежедневно виделись.

В конце января в связи с окончанием действия заграничного паспорта Надежда Николаевна возвращается в Россию, но

живет не с мужем в Москве, а в имении Кузнецовка Курской губернии. Карел и Надежда опять расстаются, но Крамаржу удается в конце 1892 г. на короткое время выбраться в Петербург. Пребывание Надежды в России было вынужденным, так как вначале ее муж А. Абрикосов отказывался дать согласие на выдачу ей заграничного паспорта. Наконец паспорт был выдан. В документах того времени не было фотографий, но указывались приметы. В паспорте Надежды читаем: "Родилась в 1863 г.(?) Высокого роста, с продолговатым лицом, шатенка, глаза карие, правильно очерченный рот, соразмерный нос. Особая примета — шрам на лице³⁶". Летом 1893 г. влюбленным удалось провести несколько дней в Санкт-Морице (Швейцария). А с осени 1893 г. они практически живут вместе, расставаясь лишь на короткий срок. Но и эти короткие периоды между ними активная переписка. С начала они пишут друг другу по-французски, потом на смеси русско-чешской, так как Надежда учит чешский, а Карел совершенствует русский. Позже Карел пишет ей по-чешски, она, преимущественно, по-русски.

Безусловной заслугой Р. Пекаржа является то, что он не просто восстанавливает событийную сторону романа Крамарж — Абрикосова, но, используя письма как источник, пытается показать характеры двух героев, их привычки, вкусы, увлечения, пристрастия. Надежда представлялась влюбленному Крамаржу идеальной женщиной — красивой, благородной, элегантной, восхитительной. Он крайне ценил ее душевные качества — сердечность, силу характера, глубину переживаний, критический склад ума, умение поддерживать интересную беседу, — все это объединялось у него в понятии "широкой русской души". Вместе с тем Надежде была свойственна самовлюбленность, эгоизм (что, впрочем, было не чуждо и самому Крамаржу). Н. Абрикосова была "настоящей женщиной": любила общество, светские развлечения, театр, музыку, большое внимание уделяла туалетам и украшениям. Крамарж отмечал крайнюю противоречивость ее характера — бесконечную доброту и безоглядную злобу, азартность и хладнокровие, быструю смену настроений от терпеливости к отчаянию. При этом ее образ представлялся как весьма привлекательный и соблазнительный. Она любила жизнь во всех ее проявлениях, ценила красоту и преданность, была достаточно атеистически настроена. Человек это был сильный, страстный, увлекающийся, очень решительный, беспощадный и бескомпромиссный к тем, кого не любила. До конца жизни "Надечка" оставалась для Крамаржа "единственной и несравненной", хотя это не мешало ему делать ей отдельные замечания по поводу манеры одеваться и выставления на по-

каз дорогих украшений, что не приветствовалось в той среде, где вращался Крамарж (это было связано с разным воспитанием и различными традициями поведения даже в социально близких слоях чешского и русского обществ).

Карел для Надежды Николаевны тоже всю жизнь оставался на недосыгаемом пьедестале: самым умным, самым порядочным, самым патриотичным, в общем — самым-самым. Позднее она пестовала культ Крамаржа в семье, ревновала его к работе, друзьям, знакомым, считала, что его недооценивают, несправедливо забывают его заслуги перед новым Чехословацким государством. Но все это было уже потом...

Пока же с разводом дело у Абрикосовых не ладилось. С начала Алексей Алексеевич уговаривал Надежду одуматься и вернуться в семью. Даже через полтора года после того, как они расстались, Алексей Алексеевич не оставлял попыток вернуть жену. Ссылаясь на свою болезнь, в интересах детей, просил ее вернуться. Но, приехав в Москву и выяснив, что болезнь не серьезна и со здоровьем у мужа все в порядке, Надежда не пошла на примирение и требовала расторжения брачных уз. Наконец Алексей Алексеевич согласился на развод. Однако православная церковь не давала разрешения на расторжение брака Абрикосовых. И в 90-е годы получить развод в России было очень сложно, такие примеры были единичными. Разрешение давалось в крайних случаях: или по состоянию здоровья одного из супругов, или в качестве наказания одного из супругов за грубое попрание супружеских обязательств. Тогда на виновного в измене накладывалось наказание — запрет вступать в новый брак. Ни тот, ни другой повод для развода не устраивал Надежду, мечтавшую стать пани Крамаржевой. Виновной стороной должен был стать Алексей Абрикосов. В прошении о разводе 1896 г. Надежда Николаевна указывала, что уже несколько лет не живет с мужем, у него другая семья и дети от другой женщины. Это действительно было так, с той лишь разницей, что вторую семью он завел лишь тогда, когда понял, что Надежда к нему не вернется.

Второй, невенчанной женой Алексея Алексеевича стала, по слухам, цыганка А.А. Догудовская, которую Алексей также увел от мужа-помещика. В новой семье действительно было уже свое потомство. Дети Надежды и Алексея сначала жили с отцом. По воспоминаниям старшей дочери Надежды, самым счастливым в их жизни был короткий период до того, как отец сошелся с мачехой. Воспитательницей детей была Э.И. Янсон. Надежда Николаевна поддерживала отношения с детьми, часто переписываясь с ними, вместе проводя летние месяцы в Крыму. Маргарита и Лев навещали ее в Вене.

Для расторжения брака Абрикосовых Крамарж использовал свои связи в Константинополе. И, наконец, после долгих десяти лет, эти хлопоты увенчались успехом: очередное прошение Н.Н. Абрикосовой было удовлетворено, и церковь дала согласие на развод. В свидетельстве от 25 января 1900 г. указывалось, что решением Московского епархиального начальства, утвержденным Святейшим Правительственным Синодом, брак Абрикосовых расторгнут по супружеской неверности мужа. Причем Надежде Николаевне Абрикосовой было дозволено вступать в новое супружество, а Алексею Алексевичу — навсегда запрещено.

Свадьба Н.Н. Абрикосовой и К. Крамаржа состоялась в Крыму в середине сентября того же года. Свидетельство о новом браке за номером 207 от 17 сентября, гласило, что Карел Крамарж, родившийся 27 декабря 1860 г. в Гохштате Штаркснбахского округа в Чехии, римско-католического вероисповедания, проживающий в Семилах и Вене, доктор права, повенчан с бракоразводной женой потомственного почетного гражданина Н.Н. Абрикосовой. Венчал их священник Кореизской церкви Вознесения о. Василий (Попов) в Свято-Духовной церкви имения Гаспра. Уже после смерти Надежды Николаевны К. Крамарж написал достаточно краткие, но весьма лирические воспоминания "Моя жена", которые были опубликованы в Праге в 1937 г.³⁷ Начинаются воспоминания с описания их венчания: «В прекрасный крымский вечер 17 сентября 1900 г. мы приехали в часовню замка графини Паниной, где православный священник совершил венчание. Не только православный обряд наполнил меня глубоким впечатлением, но и вся очаровательная красота Крыма была незабываемым освящением нашего счастья. Море было тихим, спокойным, едва дышало, и в довершение торжественности настроения прямо в это время проходила из Севастополя освещенная эскадра, сопровождающая царский "Штандарт" (яхту³⁸. — Е.П.) с семьей царя в Ялту-Ливадию. Как все изменилось! Единственное осталось прекрасно и живо, как в вечер 17 сентября 1900 г. — то, что навсегда связало наши души»³⁹. Свидетелем со стороны жениха был поэт Йозеф Махар, а венец над головой невесты держал словенский славист Матиаш Мурко, позднее в 1932 — 1941 гг. возглавлявший Славянский институт в Праге и оставивший свои воспоминания⁴⁰.

Супружество четы Крамарж оказалось прочным и счастливым. Похожие противоречивостью и непредсказуемостью характеров — романтические и сентиментальные, с одной стороны, и трезвые и расчетливые — с другой, безумно щедрые и в то же время весьма экономные, — супруги на удивление не отталкива-

лись, а притягивались друг к другу, всю жизнь были очень близки между собой. Но брак их остался бездетным. Были и недоразумения, и размолвки. Надежда страдала от разлуки с детьми, с родиной. Однако взаимное чувство преклонения и уважения сохранилось до конца.

После свадьбы они уехали в Австро-Венгрию, Надежда стала австрийской подданной. Они жили то в Вене, то в Либштате. В Семилах с родителями Карела Надежда жить не захотела, рассудив, что лучше они будут приезжать в гости. С родителями Карела она переписывалась, дарила им подарки, но руководить собой не позволяла, особенно свекрови, которую волновали их большие затраты⁴¹. В одном из писем к ней Надежда писала: "Мы ничего не делаем, чтобы могло ухудшить наше финансовое положение. Долги со временем будут оплачены"⁴². 8 мая 1902 г. Надежда писала свекру из Вены: "Во вторник Карел едет в Будапешт, может быть и я с ним. Не столько хочется ехать в Пешт, но не хочу разлучаться с Карелом. Здесь я все время дома, дождь, скучно, холодно. Парламентские заседания до 10 июня, я хочу уехать в Москву. Возьму с собой Мину. Она с моей девушкой поедет в Крым, все там приготовит к нашему приезду. А я побуду со своей дочкой, которая сейчас сдает экзамены последние. Я уже рада, что с ее школой покончено, и она будет жить со мной в Вене. У нас в Крыму сейчас очень хорошо, много работы в саду, что я очень люблю. Я переписываюсь со своим садовником, но это не может заменить мне прекрасного Крыма"⁴³.

Во время парламентских сессий Крамарж бывал крайне занят в Вене, Надежда же скучала, Вену не любила, Прага ей нравилась больше. Но и в Праге она ни с кем особенно не сошлась, не подружилась. К чешскому обществу она привыкнуть не смогла, да и оно не очень-то ее жаловало. Надежде больше по душе было общение с соотечественниками, очень любила гостей из России, поддерживала дружеские контакты с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Вене Всеволодом Павловичем Сватковским. В письме к нему откровенничала: "Вы любезно отсылаете меня в Пражское общество, рекомендуя его держаться. Конечно, держусь его..., но не могу слиться с пражанами, все чувствую себя чуждым телом среди них, не прилипаю к ним и отпадаю. А вот в Вашем обществе я чувствую себя как в родной стихии, как птица в воздухе"⁴⁴. Она четко сознавала разницу национальных характеров русских и чехов: "У меня закваска иная", — сетовала Надежда Всеволоду Павловичу. Ее раздражала четкость, пунктуальность, экономность, некая семейная замкнутость чехов, простота и демократичность их стиля жизни. Пани Крамаржова старалась разобраться в своих чувствах, объяснить самой себе и Сватковско-

му в чем же дело. Но рационального объяснения не было, чувства захлестывали. "Жизнь здешнего человека, — писала она, — несравненно продуктивней жизни русских людей. Каждый гонит свою линию и не оглядывается по сторонам. Это импонирует. А нам надо то в пропасть заглянуть, то в поднебесье слетать, порой расплыться в мечтах. Это бесплодно, но пленяет. И вот, несмотря на это сознание и вопреки логике, я чувствую себя в здешнем обществе метром по отношению к сантиметрам, что, конечно, скрываю... В последнее время я прохожу через полосу такой гнетущей меланхолии"⁴⁵.

Супруги Крамарж интересовались литературой (в одном из писем Сватковскому Надежда замечала, что выслала ему понравившийся им с мужем роман). Им нравилась музыка Вагнера. Бывая в Москве, Надежда спешила в театр, будучи заядлой театралкой. В одном из писем Карелу она сообщала: "Днем одна иду в театр на очень хорошую историческую пьесу Островского, в которой участвует Ермолова"⁴⁶. В другом письме из Москвы писала, что была в Малом театре на пьесе "Дмитрий самозванец и Василий Шуйский", и очень высоко отзывалась о пьесе как о настоящем искусстве. "После нашего театра, замечала она, — уже нигде нельзя получать удовольствия"⁴⁷. Своей страсти к театру Надежда не изменила и в дальнейшем: уже после образования Чехословакии у нее была своя ложа в Национальном театре. Эта любовь к театру передалась по наследству потомкам Надежды: младший сын Льва Андрей Абрикосов (1906 — 1973) стал известным актером театра Е.Б. Вахтангова, актерскую династию продолжил и его сын.

Крамарж был занят политикой, супруга, тоскуя по родине, по детям, при первой возможности старалась уехать в Россию. Там в Крыму под Ялтой она еще в 1894 — 1895 гг. купила участок земли, где решила строить дачу. Основное строительство проходило в 1905 — 1908 гг., служебные помещения, флигель, галерея достраивались и усовершенствовались позднее. В качестве архитектора был привлечен известный чешский мастер Ян Котера. Белоснежное здание с колоннами было выполнено в греческо-ионическом классическом стиле, украшено статуями и фигурами крылатых чудовищ на крыше⁴⁸. Надежда была увлечена строительством, делала чертежи, наброски, давала советы по внутренней отделке, много времени посвящала устройству сада и парка, разбитому вокруг дома известным австрийским садово-парковым архитектором Томайером. Пани Крамаржова серьезно занималась цветоводством, изучала французские книги, заказывала во Франции семена, клубни и саженцы цветов, особенно славился ее розарий. В одном из писем она упоминала, что главный управляющий князей Долгоруких звонил

из Мисхора и спрашивал, может ли он осмотреть их дворец и парк⁴⁹.

Здесь, в новом доме, супруги проводили несколько летних месяцев, сюда приезжали к ним родные и знакомые. В 1905 г. здесь гостил отец Крамаржа Петр, сам опытный профессиональный строитель. Уже взрослые дети Надежды Маргарита и Лев (со старшей дочерью отношения не сложились) с удовольствием продолжали бывать у матери. В крымской вилле гостеприимно принимали русских и чешских друзей и даже друзей друзей, лично с Крамаржами до того не знакомых.

Надежда была богатой женщиной, единственной наследницей своих родителей, владелицей нескольких десятков паев Кренгольмской мануфактуры. Капитал был помещен в банке Лионский кредит и Азовско-Донском банке, проценты позволяли ей жить безбедно. Однако на строительство нужны были крупные суммы наличных денег, которые она занимала у мужа. Сохранились ее расписки Крамаржу на общую сумму около 65 тыс. рублей. Надежда предоставляла расписки, будучи озабочена наследственными делами: в случае ее смерти, если бы детям отошло ее имущество в России, то на них переходили бы и ее финансовые обязательства перед супругом.

У Надежды была не злокачественная опухоль, это заболевание очень влияло на ее отношение к жизни (во многих ее письмах повторяются слова о быстротечности человеческого бытия, необходимости брать от жизни все, жить сегодняшним днем). Ее волновали вопросы наследства. Она составляла и переделывала завещания, детально расписывая, что оставляет каждому из детей и мужу⁵⁰. В очередном завещании от 1912 г. Надежда обещала по 20 паев Кренгольмской мануфактуры каждому из детей и 8 оставшихся Центральной матице школьной в Праге. Крымское имение "Барбо" она оставляла в пожизненное владение мужу. А после его смерти имение следовало продать, вырученный капитал обратить в основной, проценты с которого шли бы на стипендии и премии, названные именем Карела Крамаржа, для поощрения славянской, преимущественно русской и чешской литературы, истории, науки и искусства⁵¹.

Вилла в Крыму получилась настоящей жемчужиной искусства, названа она была "Барбо", супруги обожали свою летнюю обитель, считая ее настоящим раем. Московские гостиницы, где останавливалась Надежда, казались ей после очаровательного крымского дворца "мизерными, грязными, некрасивыми"⁵². Но завещание Надежды Николаевны в отношении виллы исполнено не было. После революции она была национализирована, использовалась в качестве дома отдыха для партийной номенклатуры, затем как дом приемов для важных зарубежных

гостей, в настоящее время сохранилась в качестве "Гос. дачи", принадлежит, по слухам, налоговой инспекции, находясь за глухим забором, с охраной⁵³.

После окончательной отделки крымской виллы Надежда не успокоилась, а наоборот вошла во вкус со строительством и обустройством жилищ. Едва закончив с основными "дачными" постройками, она в 1911 г. начала сооружение дома в Праге. Вилла Крамаржей на Баште св. Томаша (проект архитектора Ф. Оманна)⁵⁴ и сегодня весьма известна, так как там расположена резиденция чешского премьер-министра. Денег на строительство не хватало, и супруги даже подумывали продать крымскую дачу и не кому-нибудь, а представителям царской семьи. Но Карел уговорил жену не расставаться с любимым детищем, он мечтал жить на вилле "Барбо" вечно, считал Ялту, в окрестностях которой она располагалась, много красивее Неаполя. Здесь ему хорошо не только отдыхалось, но и работалось.

Пражская вилла сооружалась с конца 1911 г. до мая 1915 г. И на этот раз Надежда Николаевна детально контролировала все работы, каждый день посещала стройку, во все вмешивалась, давала советы, сама делала эскизы внутренней отделки. Угодить ей было трудно, капризам не было счета, но в конце концов двухэтажное здание с 56 комнатами оказалось действительно достойным удивления и восхищения. Супруги переехали в новый дом за неделю до ареста Крамаржа. Там они жили и после образования Чехословакии. В этом доме принимали русских эмигрантов С.Д. Сазонова, П.И. Новгородцева, П.Б. Струве, Е.В. Спекторского, П.Д. Долгорукова, Е.Н. Чирикова, С.Г. Пушкарева и многих других.

После прихода к власти большевиков и потери крымской виллы Надежда Николаевна через какое-то время решает выстроить загородный дом на родине Крамаржа в Высокем над Йизероу. И снова она (уже немолодая женщина, к тому времени ей было уже далеко за 60) окунается в строительные хлопоты. Все это свидетельствовало об ее энергии и активности. На этот раз автором проекта "барского" дома и служебных построек стал русский эмигрант В.А. Брандт. Он же являлся архитектором храма Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище в Праге. Строительство длилось три года с 1927 по 1930. В этот период финансовое положение чехи Крамарж было уже не столь блестящим. В связи с экономическим кризисом доходы от предприятий Крамаржа были невелики (не было сбыта, цены падали, расплачивались заказчики маленькими частями). Материальная независимость Надежды Николаевны также была под вопросом. Со времени Первой мировой войны связь с правлением Крен-

гольмской мануфактуры, пайщицей которой она состояла, была потеряна, лишь с 1922 г. ее удалось восстановить. В письме от представителя правления Р.И. Прове сообщалось: "В общем надо сказать, что нашим фабрикам отчасти посчастливилось. От занятия германскими войсками мы во все не пострадали. После ухода немцев при царствовании большевиков здания и машины тоже остались нетронутыми, зато увезено было приблизительно на 10 миллионов германских марок разного товара. При вторичном наступлении на Нарву Красной Армии, когда последней была разрушена 1/4 города, опять-таки наши фабрики уцелели и продолжали работать, несмотря на то, что все снаряды, направленные в город Нарву, пролетали над зданиями фабрик... При заключении мира между Эстонией и Советской Россией все недвижимое имущество Кренгольма оказалось в нашем распоряжении за исключением двух лесных дач"⁵⁵. Но мануфактура переживала весьма тяжелое время. Причиной тому был не только кризис в текстильной промышленности, но и потеря после революционных потрясений русского рынка. В связи с этим сбыт продукции был очень ограничен, и фабрика работала далеко не на полную мощность. Перевод денег из Таллина в Прагу оказался нелегким делом. Доходы стали поступать в чешских кронах через Живностенский банк лишь в 1928 г. и были не очень большими⁵⁶. В связи с очередным строительством и крупными тратами на помощь русским эмигрантам супруги Крамарж были в долгах. Однако Надежда привыкла жить на широкую ногу. Дом сооружался и отделялся, что называется, с размахом. Строительными работами руководил О. Зитек и русский инженер И.В. Теофилов. Внутренняя отделка помещения выполнялась другом семьи проф. Я. Бенешем. Здание напоминало терем в древнерусском стиле. В доме были комнаты для гостей, столовая, спальни, кабинет с библиотекой, кухня и ванная комната. Стеллажи для книг 5 м длиной и высотой в 2 м 20 см и письменный стол были выполнены из мореного дуба, двери в столовой — из орехового дерева, четырехстворчатый шкаф в прихожей, стулья, рамы для зеркал — из бука. Одна только мебель для спален стоила 58 тыс. крон⁵⁷. Дом был окружен парком с липовой аллеей, садом, лугом и лесом, весь участок составлял более 10 га. Но в новый дом Надежда переехала уже очень больной, после тяжелого удара, от которого до конца оправиться она так и не смогла. Здесь в кругу близких друзей они отметили 30-летие брака.

Надежда Крамарж не только занималась обустройством жилищ, хлопотами о доме и супруге, налаживанием быта. Она

была очень близка с мужем, интересовалась его делами и проблемами, обсуждала с ним политику. Их взгляды во многом совпадали. Она разделяла неославистские идеи мужа. Довоенные политические симпатии ее были на стороне "октябристов", основные программные положения которых состояли в сохранении единства и неделимости Российского государства; развитии и укреплении начал конституционной монархии с народным представительством, основанным на общем избирательном праве; обеспечении гражданских прав; неотложности созыва Государственной думы, которая была призвана решить крестьянский и рабочий вопросы, проблему развития и укрепления начал местного самоуправления, взять на себя заботу о народном образовании, провести судебные и административные реформы, принять экономические и финансовые меры для процветания страны⁵⁸.

Надежда Николаевна крайне негативно относилась к большевикам, так же как и Карел считала необходимым вооруженную помощь антибольшевистским силам со стороны союзников, давала деньги для армии Врангеля, активно помогала русским эмигрантам. Она вела переписку и обсуждала политические вопросы со многими, в том числе с А.И. Гучковым⁵⁹ и И.А. Ильиным⁶⁰.

Надежда переживала за детей и внуков, оставшихся в России. Первый муж Алексей Алексеевич после революции с новой семьей оказался за границей, он умер в 1931 г. во Франции, а их дети остались в России. С дочерью Маргаритой, ее семьей и сыном Львом Надежда Николаевна по возможности поддерживала переписку, при оказии посылала им деньги. Достаточно регулярно денежные переводы шли от четы Крамаржей и оставшимся в России друзьям и знакомым. В 1928 г. от лейкемии умерла дочь Маргарита. Ее муж (Маргарита была замужем за своим двоюродным братом) Борис Абрикосов писал Надежде Николаевне: «Она любила вас благоговейной любовью, ценила ваши письма, вашу заботу о нас, всегда перечитывала ваши письма и думала над ними. И даже когда была в клинике, говорила мне: "Привези еще раз последнее письмо моей мамы и прочти его вслух"»⁶¹. После смерти дочери Надежда планировала взять к себе в Прагу внуку Татьяну, но заграничный паспорт получить в то время было нелегко. А позднее тяжелая болезнь Надежды помешала этим планам.

Надежда Николаевна скончалась 3 декабря 1936 г. и была похоронена в крипте православной церкви на Ольшанском кладбище в Праге в знак горячей любви и признательности русских эмигрантов Надежде Крамарж за помощь и поддержку. Письмо

с соболезнованиями прислал К. Крамаржу Т.Г. Масарик. Посмертно вышел сборник воспоминаний о Надежде Николаевне Крамарж на русском языке и в переводе на чешский. В нем П.Б. Струве, например, писал о Надежде Николаевне как о женщине властной, суровой, с чисто русским упорством воли⁶².

- 1 Цит. по: 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995. С. 354 – 355.
- 2 Там же.
- 3 *Варенцов Н.А. Хлудовы // Московский альбом. Воспоминания о Москве и москвичах XIX – XX веков. М., 1997. С. 113 – 114.*
- 4 *Бурыйшкін П. Москва купеческая: Воспоминания. М., 2002. С. 47.*
- 5 *Бурыйшкін П. Хлудовы // 1000 лет русского предпринимательства... С. 313.*
- 6 *Варенцов Н.А. Хлудовы. С. 113.*
- 7 Там же. С.115.
- 8 *Струве П. Упор воли. К характеристике Н.Н. Крамарж // Надежда Николаевна Крамарж. Прага, 1938. С. 70.*
- 9 *Бурыйшкін П. Москва купеческая... С.102.*
- 10 Цит. по: Там же. С. 103.
- 11 Там же. С. 104.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 122.
- 14 Там же. С. 135.
- 15 Там же. С. 143.
- 16 *Иоксимович Ч.М. Хлудовы // 1000 лет русского предпринимательства. С. 305 – 312.*
- 17 Там же. С. 314.
- 18 *Варенцов Н.А. Хлудовы. С. 113.*
- 19 Цит. по: *Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М., 1999. С. 207.*
- 20 *Варенцов Н.А. Хлудовы. С. 119.*
- 21 *Варенцов Н.А. Слышанное... С. 211.*
- 22 *Sís V. Karel Kramář. Život a dílo. Praha, 1930. S. 18.*
- 23 *Варенцов Н.А. Слышанное... С. 125.*
- 24 Там же. С. 93.
- 25 *Варенцов Н.А. Хлудовы. С. 129.*
- 26 Там же. С.117.
- 27 *Варенцов Н.А. Слышанное... С. 202.*
- 28 *Морозова М.К. Мои воспоминания // Московский альбом. М., 1997. С. 199. Цит. по: Варенцов Н.А. Слышанное... С. 731.*
- 29 *Струве П. Упор воли... С. 70.*
- 30 *Archív Národního Musea. (Далее ANM.) F. 2. K. Kramář. Kart. 108.*
- 31 1000 лет русского предпринимательства...С. 354.
- 32 *Рогатко С.А. Выдающиеся продовольственные предприниматели России. М., 1999. С. 11.*
- 33 Там же. С. 5 – 17.
- 34 *ANM. F.K. Kramář. Kart. 5. Rodinná korespondence.*
- 35 В 2004 г. Р. Пекарж опубликовал большую статью под тем же названием: *Peckař R. Milostné listy Karla Kramáře Naděždě Nikolajevně Abrikosové // Slovanský přehled. 2004. Č. 1. S. 129 – 162.*
- 36 *Ibid. Kart. 108.*

- ³⁷ См.: *Karel Kramář. Život-Dílo-Prace vůdce národa*. Praha, 1937. Díl 2. S. 89; *Odkaz a pravda Karla Kramáře*. Praha, 1939; *Velcovský F.* Op. cit. S. 70–74; ANM F. K. Kramář. Kart. 108.
- ³⁸ *Нечаев Г.А.* Судьба императорской яхты "Штафандарт" М., 2000.
- ³⁹ *Серационова Е.П.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьер-министра Чехословакии // *Родина*. 2001. № 1–2. С. 136.
- ⁴⁰ *Копрживова А.* Крамарж и "Братство для погребения православных русских граждан в Чехословакии" // *Rossica*. 2000–2001. V–VI. С. 72.
- ⁴¹ ANM. F. K. Kramář. Kart. 4. *Rodinna korespondence 1900–1905*. N. Kramářová tchánovi a tchyní.
- ⁴² Ibid. Kart. 4.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.) Ф. 340. Коллекция документальных материалов чиновников Министерства иностранных дел. Оп. 793. 1908–1914. Личный архив Сватковского В.П. Д. 1. Л. 7.
- ⁴⁵ Там же. Л. 7 об.
- ⁴⁶ ANM. F. Kramář. Kart. 4.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Подробнее о крымской вилле см.: *Серационова Е.П.* Три виллы Крамаржа // *Славянский альманах*. 1999. М., 2000. С. 314–316; *Она же.* Крымский рай – "Барбо" // *Крымский альбом 2001*. Феодосия–Москва, 2002. С. 83–91; *Serapionova E.* Hledání Kramářovy vily // *Slovanský přehled*. 2001. N 1. S. 125–128.
- ⁴⁹ ANM. F.K. Kramář. Kart. 4.
- ⁵⁰ Ibid. Kart. 108.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² Ibid. Kart. 4.
- ⁵³ Подробнее о вилле "Барбо" см.: *Серационова Е.П.* Крымский рай – "Барбо". В поисках виллы Надежды и Карела Крамарж // *Крымский альбом*. Феодосия; М., 2002.
- ⁵⁴ Подробнее о пражской вилле см.: *Šetřilová J.* Kramářová villa // *Dějiny a současnost*. 1993. Č. 3. Roč. 15. S. 49–51; *Mullerová A.* Kramářova villa ožila // *Střecha*. 1999. Č. 4. S. 8–22.
- ⁵⁵ ANM. F.K. Kramář. Kart. 73.
- ⁵⁶ Ibid.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ См. программу "Союза 17 октября" в кн.: *Российские либералы: кадеты и октябристы*. (Документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. С. 58–65.
- ⁵⁹ ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- ⁶⁰ *Ильин И.А.* Дневник, письма, документы (1903–1938). М., 1999. С. 259–262.
- ⁶¹ ANM. F.K. Kramář. Kart. 5 *Rodinná korespondence*. Děti a vnuci N. Kramář z prvního manželství.
- ⁶² Миссия. 1993. Окт. № 2.

Глава 4

Истоки неославизма: славянская идея в России и за рубежом

*

Некоторые историки полагают, что "осознание общности славянских народов прослеживается на всем протяжении их письменной истории", такие понятия, как "славянская общность", "славянское единство" вошли в оборот уже в XVI – XVII вв. в среде южных и западных славян, а в новое время эта идея получила дальнейшее развитие¹. Другие специалисты относят ее возникновение к началу деятельности св. Кирилла и Мефодия в IX в.²

Славянская идея знавала периоды расцвета и упадка, приобретала различные формы, находила отражение в отдельных философских и политических концепциях. До сих пор ученые спорят об истинном содержании таких понятий, как славянофильство, панславизм, славянская взаимность, неославизм³.

XVIII в. – век Просвещения, развития научной и философской мысли усилил внимание зарубежных славян к собственной истории, культуре, языку. Возрождение славянской идеи, идеи единства и объединения славян, тесно связано с развитием национального самосознания славянских народов во второй половине XVIII в. Многие славянские народы не имели собственной государственности, были неравноправны, их язык сохранялся в основном в сельской среде, культурные традиции во многом были утрачены. С последней четверти XVIII в. процесс национального возрождения стал быстро развиваться в среде южных и западных славян, достигнув к 40-м годам XIX столетия расцвета. Развивая собственную национальную культуру, славянские ученые обращали внимание и на другие родственные славянские народы. Теория славянского единства основывалась на исследованиях в области языкознания, установивших, что славянские языки развивались из единого праславянского языка. Сознание языковой близости вело к исследованиям в области устного народного творчества, мифологии, поэзии, а также быта и традиций славян. Так постепенно в умах, прежде всего, ученых развивалась идея "славянского единст-

ва", национальное самосознание каждого народа крепло как часть общеславянского. Ставилась задача — лучше познать родственные славянские народы, развивать с ними духовные контакты. В 1830—1840-х годах наибольших успехов в разработке теории славянского единства достигли чешские ученые⁴. Однако эта идея во многом представляла собой романтическую теорию, которую разделяла лишь небольшая группа энтузиастов, сама же теория была непригодна для практической реализации⁵. Идея "славянской взаимности" (т.е. поиск культурных, политических и иных оснований для славянского единения) не случайно укрепляется в период национального возрождения, которому было свойственно пристальное внимание к национальным корням, но подобные идеи являлись в основном "продуктом интеллигентского сознания"⁶. В XIX в. Прага стала центром научного мира славян. Чешские ученые разносили идеи взаимности по всему славянскому миру, а поскольку они упали на благодатную почву, то распространились, в том числе и в народе⁷. Одна из причин отождествления себя чехами как части мощного славянского племени состояла в первоначальной слабости чешского национального движения⁸. На протяжении XIX в. интегральные славянские тенденции в чешском обществе то усиливались, то ослабевали в зависимости от внутренней политической ситуации⁹. Распространению идеи славянской взаимности способствовало и осознание общности интересов, национальных потребностей и задач.

Среди русско-славянских контактов XIX в. выделялись связи России и словацкого народа, да и сам термин "славянская взаимность" вошел в историческую лексику после появления трактата Яна Коллара "О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими"¹⁰. Но если Коллар выступал за культурное единение славянских народов, то Людовит Штур видел путь освобождения славян от национального угнетения в политическом объединении с Россией. Позднее Ян Паларик развивал славянские идеи в духе равноправия славянских народов, национальной и религиозной терпимости¹¹.

Истоки зарождения славянских идей давно привлекали внимание историков, общественных и политических деятелей, написавших горы трудов по истории возникновения и распространения этих теорий.

Россию нередко обвиняли в панславизме, желании использовать естественную симпатию родственных народов и их тягу к мощной славянской державе исключительно в своих политических интересах, в целях колониальной, экспансионистской политики. Сам термин "панславизм" возник во враждебной славянам пангерманской среде¹², культивировался и среди венгров.

Славянофильство в России зародилось в первой половине XIX в. Основателями этого течения общественной мысли были поэт, богослов и философ Алексей Степанович Хомяков, братья Иван и Петр Васильевичи Киреевские, к которым вскоре присоединились такие мыслители, ученые и публицисты, как Иван и Константин Сергеевичи Аксаковы, Юрий Федорович Самарин, а позже Владимир Иванович Ламанский, Александр Федорович Гильфердинг и другие. Все они воспитывались на немецкой философии Шеллинга и Гегеля, весьма популярной в то время в российских университетах. Любопытно, что славянофильство являлось немецким по своему происхождению¹³.

Но славянофильство вызвало неодобрение и подозрительное отношение со стороны русского правительства. Общество также оказалось невосприимчиво к проповеди ранних славянофилов, а деятельность Хомякова и его соратников имела негативные последствия для них самих: к ним стали относиться с большим подозрением¹⁴. Их деятельность ограничивалась пределами Москвы, а они сами находились под наблюдением полиции. В 1847 г. был арестован Ф.В. Чижев, в 1849 г. арестам подверглись Ю.Ф. Самарин и И.С. Аксаков. Славянофилам было запрещено носить русскую одежду и бороду¹⁵.

Заметные расхождения существовали и во взглядах официальных российских кругов и возникшего позже, так называемого "охранительного" направления русской общественной мысли, представителем которого являлся историк М.П. Погодин¹⁶. В 40-е годы XIX в. он проводил мысль о необходимости изменить проавстрийский и отчасти протурецкий внешнеполитический курс России и подчеркивал важность сближения с национальными движениями славян в Австрии и Турции. Именно записки Погодина оказали значительное влияние на взгляды министра народного просвещения графа С.С. Уварова, сформулировавшего теорию официальной народности с триадой "православие, самодержавие, народность"¹⁷. Уваров различал два направления в славянском движении — революционное и культурно-просветительное, причем первое считал необходимым подавлять, а второе поддерживать¹⁸. В 30 — 40-е годы XIX в. в России начинается преподавание славяноведения, в университетах основываются кафедры истории и языка славянских народов. Российские ученые-слависты совершают путешествия по славянским землям. В России создаются славянские благотворительные общества, одной из основных целей которых являлась помощь студентам-славянам, получавшим образование в российских университетах.

В 60-е годы славянофильские теории уже главенствовали среди части российского общества и нашли специфическое

преломление в трактате "Россия и Европа" Николая Яковлевича Данилевского. Основными идеями этого произведения были: антагонизм России и западного мира, незначительность европейской культуры по сравнению с российской, миссионерская роль России в славянском мире и ее призвание — объединить славян под своей эгидой. При этом выдвигалась задача — сделать Константинополь столицей Российской империи и будущей славянской федерации даже путем военного столкновения Востока с остальной Европой, что привело бы, по мнению Данилевского, к триумфу "греко-славян над германо-романскими народами"¹⁹. Несмотря на шум и полемику вокруг книги Данилевского, она не стала программным документом для официальной политики, в ней выражались лишь частные взгляды отдельного лица. Затем на какое-то время славянофильские идеи вообще перестают быть популярными.

Новое оживление славянского движения было связано с событиями на Балканах, а затем участием России в войне с Турцией 1877 — 1878 гг. Лишь понемногу славянские идеи снискали сочувствие Петербурга, так как среди придворных они нашли могущественную покровительницу в лице графини Блудовой²⁰ — статс-дамы императрицы, пользовавшейся громадным влиянием в высшем свете столицы и особым расположением императорской фамилии²¹. МИД России под руководством канцлера А.М. Горчакова некоторое время сопротивлялся пропаганде вмешательства России в освобождение славян от турецкого ига, но затем последовал за общим настроением в пользу "братьев-славян". Кроме того одним из наиболее горячих сторонников славянской идеи являлся выдающийся поэт и блестящий рассказчик, крупный чиновник министерства иностранных дел и профессиональный дипломат Федор Иванович Тютчев, пользовавшийся большой симпатией в салоне графини Блудовой и при дворе²².

На это время славянофильские течения приобрели политическую окраску, но поход в 1877 г. не был предпринят по какому-либо определенному плану, а вся кампания 1877 — 1878 гг., по мнению российского дипломата С.Д. Сазонова, "носила явный характер импровизации, будучи начата после скороспелой и неудачной дипломатической подготовки и с недостаточными военными силами"²³.

Что касается "панславизма", то под этим понятием понималась скорее гипотетическая опасность, исходившая от Российской империи, которая якобы стремилась объединить славян в своих политических интересах²⁴. В реальности, мысль о необходимости создания единого славянского государства во главе с Россией возникла у "зарубежных" славян (хорвата Юрия

Крижанича и словака Людовита Штура)²⁵. И хотя достаточно убедительно доказано, что политический панславизм нельзя возводить в ранг официальной политики России²⁶, такие "обвинения" раздаются до сих пор.

Итак, необходимо отметить следующее: 1) идея славянского единства возникла не в России и 2) российские правительственные круги, особенно вначале, весьма негативно воспринимали не только политический панславизм, но и попытки обосновать культурно-историческое и религиозное родство славянских народов как основу для интенсивных контактов с национальными движениями зарубежных славян.

После подъема конца 70-х годов, связанного с русско-турецкой войной на Балканах, в 80—90-е годы в России движение за сотрудничество славян переживало явный кризис. В 1878 г. И.С. Аксаков за речь с критикой российской дипломатии был выслан из Москвы, Московский славянский комитет был разогнан²⁷. Ходатайство о возобновлении его деятельности, поданное в царствование Александра III, удовлетворено не было²⁸. Существовало лишь Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество.

Оживление славянского движения стало чувствоваться снова уже на пороге нового XX в. В 1898 г. в Праге прошли празднества в память Ф. Палацкого. В них приняли участие и представители из России. По случаю торжеств председатель императорской Академии наук великого князя Константин Константинович направил президенту Пражской академии приветственную телеграмму, где помимо всего прочего говорилось о самобытности чешского народа. Эта фраза в австро-венгерской прессе была "переведена" как "самостоятельность Богемии", в связи с чем на стол графу Петру Алексеевичу Капнисту легло донесение № 448 от 18 июня о неблагоприятном впечатлении Вены от приветственной телеграммы великого князя²⁹.

В этот же день из Будапешта в российский МИД поступило донесение князя Львова о шумном взрыве негодования по случаю "панславистских" манифестаций в Праге в честь Палацкого. В нем сообщалось: "Венгерцы видят в Пражских торжествах сильный подъем славянского духа, грозящий особенно Австрии, а затем и их отечеству; и подают совет своим государственным людям принять заблаговременно меры к предупреждению подобного явления среди славян Транслейтании"³⁰.

Можно сказать, что пражское мероприятие способствовало оживлению славянской работы в России. Уже в конце 1898 г. генерал-лейтенант Боголюбов, начальник Закаспийской области и командующий войсками в оной, составил записку на имя министра иностранных дел графа М.Н. Муравьева с целью активи-

зации деятельности Санкт-Петербургского благотворительного общества и учреждения в России "Всеславянской Матицы". Часть членов Общества во главе с генералом Боголюбовым хотели придать его деятельности более широкое, не лишенное политической окраски направление. Другие отказывались от подобных планов. Недовольные поставили целью сместить председателя Общества графа Игнатъева и членов Совета со своих постов, для чего ими была создана Ревизионная комиссия. В ее докладе говорилось, что Общество должно стать "духовным вождем и нравственной опорой всему угнетенному и раздробленному политически и духовно славянству"³¹. Петербургское славянское общество поддерживало нескольких славянских стипендиатов, издавало славяно-русские словари и брошюры для ознакомления славян с Россией и русского общества с жизнью славянских народов и их историей, устраивало празднества дней славянских апостолов св. Кирилла и Мефодия.

Планы придать его деятельности политический характер напугали чиновников российского МИДа. В записке министра иностранных дел на имя И.А. Горемыкина сообщалось о том, что в апреле 1899 г. новым председателем Общества стал отставной полковник В. Комаров. Там же указывалось, что его выступления во время празднования Палацкого в Праге были "крайне бестактны"³². Деятельность Общества было решено приостановить. Последовали протесты против этого решения. Я. Вацлик, бывший секретарь черногорских князей Даниила и Николая, направил записку М.Н. Муравьеву, в которой высказывался против закрытия Общества, предлагая изменить его устав, активизировать деятельность и ввести в его состав представителя правительства. Он указывал на необходимость распространить деятельность Общества на славянские земли с тем, чтобы противостоять антироссийской, антиславянской и антиправославной пропаганде³³. Разногласия внутри Общества продолжались. В июне 1899 г. его председателем был избран Афанасий Васильевич Васильев, товарищами (заместителями) председателя стали Василий Силович Кривенко и Василий Иванович Шемякин, секретарем Общества — Иван Александрович Баженов, а помощником секретаря — Всеволод Павлович Сватковский. Всего действительных членов Общества числилось 42 человека³⁴. Однако и после новых выборов во главе Общества встали сторонники политического направления деятельности, и в официальных кругах считали лучшим приостановить его деятельность³⁵. Окончательное решение было принято императором. 8 июля Горемыкин сообщил Муравьеву, что Николай II повелел отменить все результаты выборов, восстановить Игнатъева и других в должностях до истечения трехлетнего

срока, на который они были избраны. После этого был выработан проект нового устава. Целью Общества объявлялось содействие развитию славянской взаимности и духовному единению славян с Россией. Деятельность Общества предполагала помощь церквям, школам, народно-просветительным учреждениям и литературным предприятиям в славянских землях, содействие воспитанию и образованию молодых славян обоего пола в России, нравственной и материальной поддержке славян, желающих и способных трудиться для достижения целей Общества. Кроме того Общество планировало оказание как помощи приезжающим в Россию славянам в их временных затруднениях, так и славянам на их родине во время особых народных бедствий (голода, наводнений, разорения края и т.п.), а также тем нуждающимся русским людям, которые послужили славянскому делу. Деятельность Общества должна была выражаться в поддержании и развитии научных и литературных сношений с учеными и литературными обществами и с отдельными лицами в славянских землях. Согласно проекту устава, Общество брало на себя обязательства издавать научные и литературные сочинения, руководства и пособия, а также особый календарь, устраивать собрания, беседы, публичные чтения³⁶. Устав определял состав Общества и порядок избрания его членов. Совет Общества состоял из председателя, двух его товарищей и двенадцати членов. Члены делились на почетных, действительных и сотрудников. Ежегодный членский взнос составлял 10 рублей. Управление делами осуществляли три комиссии: распорядительная, благотворительная и издательская. Два раза в год проводились общие собрания — торжественные и обычные. Средства Общества состояли из основного, запасного и специального капиталов и поступлений от процентов с капитала, ежегодных членских взносов, пожертвований, церковных сборов и доходов от продажи изданий. Общество состояло в ведении Министерства внутренних дел, предоставляло ему ежегодные отчеты о своей деятельности и имело право открывать отделы в других городах³⁷.

Начиная с 1898 г. начали проводиться регулярные съезды славянских журналистов³⁸. В Праге было начато издание нового органа "Slovanský přehled". С 1900 г. в Вене два раза в месяц стал выходить журнал "Славянский век". Редактором-издателем его стал д-р философии Д.Н. Вергун³⁹. Перед изданием ставились следующие цели: дать русскому и славянскому читателю полное, ясное и правдивое представление о культурной жизни всего славянства; ознакомить южных и западных славян с русской речью настолько, чтобы русский язык со временем мог стать общеславянским языком для сношений славян между

собой; способствовать торговым сношениям западных славянских земель с Россией. Издание имело антинемецкую окраску. Так, его подписчикам бесплатно выдавалась карта немецких захватов в славянских землях (*Drang nach Osten*), с указанием немецких колоний в России, Галиции, Венгрии, на Балканах и в Малой Азии, а также немецких церквей, школ, газет, кредитных обществ, германских консульств⁴⁰. Журнал был иллюстрированный. В нем сотрудничали: В. Горлов, проф. К.Я. Грот, проф. А.Ф. Гусев, Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, И.В. Каменский, ген. А.А. Киреев, В.Н. Кораблев, академики Ф.Е. Корш и В.И. Ламанский, проф. А.И. Маркевич, В.В. Розанов, Н.В. Ястребов и многие другие.

На страницах российской и чешской печати велась дискуссия об общеславянском языке⁴¹. Активное участие в ней принимали И.П. Корнилов, В. Горлов, И. Голечек, В.П. Сватковский и др. Этот же вопрос обсуждался в Славянском благотворительном обществе в Петербурге докторами Соколовским и Вергуном, академиками Соболевским и Пыпиным, профессорами Будиловичем и Кулаковским, а также членами Общества Кораблевым, Васильевым, Гурко⁴².

Интерес к славянскому вопросу выразился в создании новых славянских организаций — от небольших кружков по изучению русского языка до общеславянских объединений⁴³. Один из таких кружков был образован в начале XX в. в Брно (Моравия) под руководством д-ра Веселы, а затем Яначека. В нем, по свидетельству очевидца, чехи на удивление быстро и успешно осваивали русский язык⁴⁴. На IV съезде славянских журналистов, проходившем в 1902 г. в Любляне, был учрежден Союз славянских журналистов⁴⁵. На VI съезде журналистов в Угорском Градиште представителем русской печати в союзе был избран Д.Н. Вергун. Правда, до 1907—1908 гг. русские почти не принимали участия в съездах славянских журналистов⁴⁶. В 1907 г. Союз славянских журналистов объединял восемь журналистских обществ (четыре чешских, две польских, одно словенское и одно галицко-русское) с 284 членами. Он ставил своей ближайшей целью выработку устава и привлечение к участию в работе балканских, венгерских, русских и американских славян⁴⁷.

На проводившихся съездах журналистов постепенно сглаживались противоречия между представителями славянских народов, возросла осведомленность органов печати. Но Центральное славянское телеграфное агентство основано не было, так как австрийское правительство отказало чешским представителям в концессии⁴⁸. Активизировало свою деятельность в славянских землях Санкт-Петербургское телеграфное агентст-

во⁴⁹. Связано это было с преобразованием Торгово-Телеграфного агентства, действовавшего с 1 января 1903 г. при министерстве финансов⁵⁰, в большое Санкт-Петербургское телеграфное агентство (1 сентября 1904 г.). Его директором назначен из МИДа А.А. Нератов. Было установлено тесное сотрудничество Агентства с посольствами и министерством иностранных дел России. Корреспондентам предоставлялась относительная свобода действий, и перед Агентством ставилась задача беспристрастного освещения событий⁵¹. Российским корреспондентом в Вене с 1902 по 1907 гг. был П. Фихтенгольц. После него с февраля 1908 г. этот пост занял В.П. Сватковский.

Постепенно славянские ученые и представители разных профессий начинают приглашать на свои периодические съезды коллег из славянских земель. Российские археологические съезды особо привлекали ученых-славян. На киевском съезде 1899 г., в котором участвовали представители почти всех славянских народов, возникла мысль об общем съезде славяноведов. Идея эта на самом деле осуществилась в Санкт-Петербурге в 1903 г.⁵². По инициативе проф. Флоринского Российской академией наук был созван предварительный съезд славяноведов. На нем, в частности, приняли решение начать издание славянской энциклопедии под редакцией академика Ягича.

В 1902 г. был выдвинут проект устройства в Петербурге Всеславянской Художественно-Промышленной выставки. Первоначально мероприятие планировалось на 1904 г. Было выработано положение о проведении выставки. В преамбуле говорилось, что выставка устраивается с высочайшего государя императора соизволения, под августейшим покровительством его императорского высочества великого князя Александра Михайловича, Славянским благотворительным обществом в Петербурге при участии Общества содействия русской промышленности и торговли⁵³. Выставка задумывалась с целью содействовать установлению непосредственных сношений и торгово-промышленного обмена русских с "родственными им обитателями других земель"⁵⁴. Выставка должна была дать наглядное представление о современном быте, племенных особенностях и хозяйственном положении всех славянских народов, их промыслах, художественных произведениях и искусстве. Пожертвованные и приобретенные на выставке предметы предполагалось сделать основой постоянного Всеславянского музея в России. Все славянские народы приглашались к участию. Был образован комитет по устройству выставки. Почетным председателем комитета избрали товарища министра финансов, тайного советника Владимира Ивановича Ковалевского. Выставка планировалась на три — четыре месяца. Места для показа экс-

понатов решили выделять бесплатно, а на провоз вещей по российским железным дорогам предоставить льготы. Возможна была продажа выставочных экземпляров. В приложении особо оговаривалось, что желательно получить те предметы, которые могли бы служить предметом торговли. К ним относились: а) разного рода ткани (шерстяные, льняные, бархатные, ковровые, ленты, сукно и др.); б) вышивки, кружева и золотошвейные изделия; в) мелкие изделия из дерева, а также мебель; г) изделия из металлов, включая оружие и предметы ювелирного искусства; д) изделия из кожи; е) керамические изделия (фарфор, глина, стекло, хрусталь); ж) музыкальные инструменты; з) игрушки; и) картины, художественные произведения; к) разные мелкие вещи.

Кроме того организаторы выставки приветствовали предоставление образцов полезных ископаемых, поделочного леса, сырых и полусырых продуктов, включая шерсть, волос, кожу, масло, табак и вино.

В качестве желательных экспонатов назывались этнографические и историко-археологические коллекции различных славянских народностей, собрания литературных сведений и материалов, которые целиком или частично должны были быть переведены на русский язык⁵⁵. Идея выставки не была воплощена в жизнь из-за начавшейся Русско-японской войны. Перенос сроков на 1905 г. также не привел к ее реализации ввиду революционных событий в России: ее проведение было отложено.

Возникшее в конце 60-х годов XIX в. в Чехии спортивно-патриотическое движение "Сокол" постепенно распространялось в других славянских землях, в том числе и в России. Впервые во всесокольском съезде в Праге русские "соколята" приняли участие в 1907 г. Это были ученики ялтинской гимназии. Они получили первый приз⁵⁶. Сокольское движение также способствовало сближению славян.

Славянское движение, активизировавшееся в конце XIX — начале XX в. в России и за рубежом, в частности в Чешских землях, постепенно стало развиваться в направлении сотрудничества по линии культурных и экономических связей. Связано это было прежде всего с позицией официальной России, взявшей в этот период курс на сближение с Австро-Венгрией. Еще в 1896 г. во время посещения Вены императором и Лобановым-Ростовским, министры иностранных дел двух стран достигли договоренности о поддержании постоянных контактов и сохранении статус-кво на Балканах⁵⁷. В апреле 1897 г. во время визита Франца Иосифа в Петербург Муравьев и Голуховский достигли принципиального соглашения, одобренного монархами. Оно предполагало полное невмешательство обеих держав в

балканские дела⁵⁸. В 1903 г. произошло свидание Николая II с Францем Иосифом в Штирии, в охотничьем замке в Мюрцштеге. Там было заключено так называемое "Мюрцштегское соглашение", на основе которого предполагались реформы македонской жандармерии⁵⁹. В 1906 г. между Россией и Австро-Венгрией было заключено новое торговое соглашение. Об этом сообщалось в письме министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева в Совет министров от 15 января того же года. В прилагавшейся записке говорилось о конвенции с новыми таможенными тарифами. Из Австро-Венгрии в основном вывозили сельскохозяйственные орудия, а экспортировали туда мясо и скот⁶⁰. Хотя противоречия между двумя империями продолжали существовать, австро-русские соглашения действовали около 10 лет (1897 – 1907). Но внешнеполитический курс Австрии на сближения с Россией изменился после ухода в 1906 г. с поста министра иностранных дел графа Голуховского⁶¹. Российский МИД, не желая обострения отношений с Веней, не поддерживал политических амбиций деятелей славянского движения. В сообщениях министра иностранных дел Владимира Николаевича Ламсдорфа от 10 июня 1903 г. на имя министра внутренних дел В.К. Плеве и председателя Славянского благотворительного общества в Петербурге говорилось о просьбе австро-венгерского посла барона Эренталя не посылать в качестве представителя печати или какого-либо учреждения редактора-издателя газеты "Свет" г-на Комарова на предстоящие в Праге торжества по случаю закладки памятника Яну Гусу. По словам Эренталя, присутствие Комарова расценивалось Веней как нежелательное ввиду его вызывающего образа действий во время торжеств в память Палацкого и на съезде славянских журналистов. Посол даже заявил, что в случае, если Комаров, приехав в Прагу, стал бы держаться прежнего образа действий, австро-венгерское правительство было бы вынуждено выслать его из пределов Габсбургской монархии⁶². В кратком ответе В.К. Плеве В.Н. Ламсдорфу говорилось, что Комаров не предполагает ехать в Прагу⁶³.

В российском обществе также существовал можно сказать осторожно-отрицательный взгляд на панславизм как идею политического единения славян под эгидой России. В апреле 1902 г. в газете "Новое время" появилась статья известного публициста М.О. Меньшикова о панславизме. В ней популярный автор отмечал, что "лет 20 назад много говорили о панславизме; почему-то в Европе считали его грозною возможностью, а у нас думали, что это наша национальная мечта... Теперь... панславизм просто-таки неинтересен никому, ни нам, ни западным славянам"⁶⁴. Далее автор вопрошал: "Что в сущности для нас

было бы приобрести эти бедные провинции с населением, говорящим на каких-то странных языках, менее понятных для нас, чем французский или немецкий языки?"⁶⁵ Не только нежелание портить отношения с Габсбургами, но и весьма прагматичный подход людей, определявших внешнюю политику России, к идее политического объединения славян (который был характерен для них и в последующий период) отразился в статье Меньшикова. Он писал: "При осуществлении панславизма трудно решить, что вложили бы западные братья на свой пай. Жизнеспособны ли они хоть в каком-либо отношении? Не пришлось ли бы великой России взять их себе на плечи, без того натруженные? В территории мы не нуждаемся; население же наше в 15 лет дает прирост, равный всему западному славянству. Вот почему Россия равнодушна к панславизму"⁶⁶. Далее Меньшиков продолжал: "Но и западные славяне, не имевшие с нами ни общей истории, ни общей культуры, довольно-таки безразличны к этой идее. Часть славянства даже враждебна ей"⁶⁷. В заключение статьи автор указывал, что "все они (славяне. — *Е.С.*) уже заранее чувствуют себя обиженными Россией, понимая, что роль солнца в общей системе принадлежит не им. Славяне корыстны, мы сентиментальны, — сочетание получается совсем не серьезное..."⁶⁸.

К.К. Крамарж с самого начала своей политической карьеры очень интересовался славянским вопросом. Знакомство с Россией, русскими славистами и любовь к русской женщине многократно обострили этот интерес. Основой внешнеполитической концепции Крамаржа, ставшего в начале XX в. лидером младочехов, было сближение Австро-Венгрии и России (идея не такая уж фантастическая в тот период). Крамарж стремился ограничить как экономическое, так и политическое влияние Германии на Австро-Венгрию, его желанием было видеть ее равной в отношениях с Германией. Именно с этой целью он ратовал в парламенте, делегациях (совместный орган Австрии и Венгрии, созданный для контроля за деятельностью общих министерств⁶⁹), в печати за союз Австро-Венгрии с Россией. При чем этой идеи вплоть до осени 1908 г. он придерживался весьма последовательно⁷⁰. Крамарж писал: "Для всей нашей политики, которую мы вели с середины 90-х, начиная с Бадени (премьер-министр Австрии. — *Е.С.*), было просто необходимо, чтобы Германия в Вене не выступала и не могла выступать как госпожа, чтобы не могла действовать во внутренней политике в пользу немцев, хотя бы потому, что сама должна была искать дружбы с Австрией..., чтобы не могла действовать против австрийских экономических интересов на внешних рынках"⁷¹. Во внутренней политике Крамарж выступал за равные права всех народов

Австрии. Позднее Крамарж признавался, что хотел сближения с Россией и Францией, так как думал, что таким образом "чехи и славяне приобретут большее влияние на австрийскую внешнюю политику, и что представителями Австрии не будут больше лишь немцы и венгры, в силу национальных и политических причин являвшиеся основными сторонниками германо-австрийского союза"⁷².

Не случайно поэтому, что именно Крамарж встал во главе так называемого неославистского движения. Хотя понятие "неославизма" было создано не им. Впервые этот термин появился в самом начале XX в. на страницах венского журнала "Славянский век"⁷³.

- ¹ Волков В.К. Славянская идея и русское национальное самосознание // Славянский альманах 1998. М., 1999. С. 5–6.
- ² См.: Известия Всеславянского Общества "Славия" в Москве. 1910. 1 июня.
- ³ См.: Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60.
- ⁴ Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 44–45.
- ⁵ См.: Доубек В. Между Веной и Москвой. Славянская концепция и образ России в чешском обществе XIX века // Родина. 2001. № 1/2. С. 103.
- ⁶ Там же. С. 163.
- ⁷ Там же. С. 104.
- ⁸ Там же. С. 105.
- ⁹ Там же. С. 109.
- ¹⁰ Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998. С. 6.
- ¹¹ Смирнов А.Н. Ян Паларик о славянской взаимности // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 121.
- ¹² Волков В.К. Указ. соч. С. 6.
- ¹³ Тезис о том, что русское славянофильство возникло на базе немецкой философии подтверждают современные исследователи. Иван Киреевский был лично знаком с Гегелем и Шеллингом. Оба брата Киреевские, а также Д.А. Валуев, А.И. Кошелев слушали лекции немецких философов в Берлинском университете. Константин Аксаков был воспитан на идеях Канта, Фихте, Шеллинга, находился под влиянием философии Гегеля, перед которым преклонялся и Ю.Ф. Самарин, см.: Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997. С. 8. Интересно, что и чешский исследователь В.Черны пишет, что "панславизм – чешский продукт из немецкого материала". См.: Černý V. Vývoj a zločiny panslavismu. Praha, 1995. S. 6. Считается, что впервые термин "панславизм" употребил словак Я. Геркель (1826), см.: Павленко О.В. Панславизм. С. 47. В. Доубек считает, что теория о непобедимости славянства во главе с Россией связана с философскими построениями немецкого ученого И.Г. Гердера, см.: Доубек В. Указ. соч. С. 106.
- ¹⁴ Пирожкова Т.Ф. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁵ Там же. С. 19.
- ¹⁶ Лаптева Л.П. Указ. соч. С. 38.

- ¹⁷ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* "Славянский вопрос" в мировоззрении графа С.С. Уварова // *Славянский альманах* 1997. М., 1998. С. 105 – 119.
- ¹⁸ Там же. С. 112.
- ¹⁹ *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁰ *Блудова Антонина Дмитриевна* – дочь министра народного просвещения Д.Н. Блудова.
- ²¹ *Извольский А.П.* Указ. соч. С. 104.
- ²² Там же.
- ²³ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Репринтное воспроизведение издания. Париж, 1927. М., 1991. С. 334.
- ²⁴ См.: *Родина*. 2001. № 1/2. С. 104.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002. С. 98.
- ²⁸ Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВПРИ.) Ф. 151. Политархив. 1898 – 1900. Оп. 482. Д. 5139. Л. 6 – 7.
- ²⁹ Там же. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Л. 5.
- ³¹ Там же. Л. 9.
- ³² Там же. Л. 23.
- ³³ Там же. Л. 21 об.
- ³⁴ Там же. Л. 33 – 34.
- ³⁵ Там же. Л. 41 – 44.
- ³⁶ Там же. Л. 47.
- ³⁷ Там же. Л. 51.
- ³⁸ Подробнее см.: *Фирсов Е.Ф.* Съезды славянских журналистов (1898 – 1912) // *Славянское движение XIX – XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения*. М., 1998. С. 147 – 170.
- ³⁹ *Дмитрий Николаевич Вергун (1871 – 1951)* – д-р философии, публицист, ученый-славист, археолог и архивист, член Общества славянской взаимности в Петрограде (1914). С 1918 г. приват-доцент Московского, а позднее проф. Иркутского университетов, сотрудник газеты "Новое время", редактор газеты "Великая Россия". В 1918 г. переехал в Киев, где занимал должность председателя Карпато-русского национального комитета. Проф. истории русской культуры в Высшем коммерческом училище в Праге. Д.Н. Вергун преподавал историю Прикарпатской Руси в русском народном ун-те, был редактором журналов "Русский Сокол" и "Русский сокольский вестник" (Прага). С 1945 г. проф. ун-та в Хьюстоне (США). В эмиграции являлся председателем Карпато-русского верховного комитета в Нью-Йорке.
- ⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
- ⁴¹ Новое время. 1900. 16(28) февр.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 9. Л. 45.
- ⁴³ *Ненашева З.С.* Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // *Родина*. 2001. № 1/2. С. 131.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 10. Л. 68.
- ⁴⁵ *Фирсов Е.Ф.* Указ. соч. С. 152.
- ⁴⁶ Новое время. 1908. 9(22) марта.
- ⁴⁷ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.
- ⁴⁸ Новое время. 1908. 8(21) марта.

- ⁴⁹ *Ненашева З.С.* Указ. соч. С. 131.
- ⁵⁰ Российский государственный исторический архив. (Далее: РГИА.) Ф. 1358. Санкт-Петербургское телеграфное агентство. Оп. 1. Д. 918. Л. 2.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 928. Л. 20 – 21.
- ⁵² Новое время. 1908. 9(22) марта.
- ⁵³ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Новое время. 1908. 9(22) марта.
- ⁵⁷ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1997. С. 110.
- ⁵⁸ Там же. С. 111.
- ⁵⁹ Свет. 1911. 19 ноября.
- ⁶⁰ РГИА. Ф.1276. Оп. 2. Д. 470. Л. 29; Ф. 23. Оп. 18. Д. 356. Л. 165.
- ⁶¹ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 27. Л. 13.
- ⁶² АВПРИ. Ф. 151. Политархив. 1899 – 1900. Оп. 482. Д. 5139. Л. 58.
- ⁶³ Там же. Л. 61.
- ⁶⁴ Новое время. 1902. 7 апр.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Подробнее о делегациях см.: *Исламов Т.М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI – XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 25.
- ⁷⁰ Новое время. 1910. 6 дек.
- ⁷¹ *Kramář K.* Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 23.
- ⁷² Ibid. S. 24.
- ⁷³ Новое время. 1910. 6 дек.

Глава 5

Во главе движения неославистов

*

Что же представлял собой неославизм? Какие идеи были положены в его основу? Кто представлял движение неославистов в России, Чешских и других славянских землях? Имело ли оно какие-либо результаты? Это те вопросы, на которые многие исследователи неоднократно пытались дать ответы. Из отечественных историков следует отметить работы З.С. Ненашевой, подготовившей и опубликовавшей две монографии и многочисленные статьи, в которых явление "неославизма" рассматривалось детально. Обобщая содержание одной из ее последних работ¹, неославизм можно представить следующим образом: это общеславянское движение начала XX в., в основе которого — идея единства славян как силы, призванной способствовать расцвету славянства в качестве этнополитической и этнокультурной общности. Возникновение его связано с изменениями во внешней и внутренней политике Австро-Венгрии и России, а также с политическими и социальными сдвигами в Центральной и Юго-Восточной Европе, приведшими к демократизации общества в регионе. "Неославизм, — пишет автор, — внятно заявил о себе на политической арене в 1907 — 1908 годах"². Формирование идеологии прошло трудный и достаточно длительный период. У истоков стояли видные ученые и публицисты из славянских стран и земель. Основной лозунг движения был позаимствован у Великой французской революции — свобода, равенство и братство. Именно так предполагалось строить отношения внутри славянского мира. Сотрудничество предполагалось прежде всего в экономике и культуре. Каждый участник движения рассматривал общеславянскую программу как средство обеспечения собственных политических и экономических интересов. Во внешней концепции преобладала ориентация зарубежных славян на Россию и антигерманская направленность, которые, как считает автор, "не были воплощены в реальной политике"³. Центральными событиями стали два славянских подготовительных съезда: в Праге (1908 г.) и Софии (1910 г.). Говоря о причинах неудачи неосла-

вистов, З.С. Ненашева проводит мысль о том, что попытки отделить культурное и экономическое сотрудничество от политических связей, обречены на провал. По ее мнению, лишь заинтересованность экономических и интеллектуальных элит, способных убедить в этом официальные структуры, может привести к практической реализации идею славянского сотрудничества. Все эти положения автора, безусловно, верны. Казалось бы, что к этому можно добавить, о чем еще можно было бы рассуждать?

Однако, обращаясь к источникам, приходишь к мнению, что понимание этого явления было неоднозначным даже среди людей, относящих себя к его сторонникам. Не ставя целью воссоздание всей картины движения неославистов, попытаемся лишь разобраться в принципиальных моментах его трактовки, в том, что вкладывал в это понятие Крамарж, а также постараемся выделить его роль в новой славянской политике.

На наш взгляд первый и главный вопрос, заслуживающий внимания, состоит в том, был ли отказ от политических задач, декларировавшийся большинством неославистов, вынужденным, тактическим шагом либо принципиальной идейной установкой?

Крамарж, позднее оценивая неославизм в работе "В защиту славянской политики", резко выступал против мнения Э. Бенеша о том, что это был просто компромисс между старым панславизмом и австрославизмом. Себя он считал противником австрославизма. И хотя эта его работа вышла в свет в 1926 г., он уверял, что "в наших взглядах на славянство сейчас ничего не изменилось"⁴. Крамарж считал, что ничего принципиально нового в неославизме не просматривалось, это была старая чешская славянская программа, которую пытались реализовать в новых условиях.

В политическом плане неославизм, по его мнению, предполагал не только сближение Австрии и России, но и использование новой обстановки, после создания в Российской империи Государственной думы, для внутренней организации славянства. Его целью было примирение "извечных врагов — русских и поляков", создание из славян реальной силы, которая имела бы большое значение в политическом развитии Австрии и России, и стала бы защитой от пангерманизма⁵.

Крамарж считал себя "отцом неославизма", о чем не боялся заявлять на заседаниях австрийской и венгерской делегаций⁶. Чешский политик был хорошо подготовлен в теоретическом плане, изучал славянофильское направление русской общественной мысли. Он оценивал славянофильство И.В. Киреевского и А.С. Хомякова как этически высоко миссионерское, идеа-

листическое и глубоко христианское. Чешский политик полагал, что идеи Михаила Петровича Погодина имели политическую окраску (в основе их был принцип триединства: самодержавие, православие и народность). Но славянофильство 30–40-х годов XIX столетия все же в основном касалось внутренней политики, в чем заключалось его принципиальное отличие от последователей.

Николай Яковлевич Данилевский, написавший в 1868 г. солидный труд "Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому", по мнению Крамаржа, видел славянский мир как федерацию независимых государственных единиц. Р.А. Фадеев выступал за славянский союз, в котором каждый народ имел бы самоуправление. Большинство славянофилов надеялись на то, что русский язык станет языком общения славян (ввиду всемирного значения русской литературы). Крамарж разделял понятия панрусизм и панславизм. Первое он считал внутренним российским вопросом. Кроме того, он резко выступал против того, чтобы ставить на одну доску панславизм и пангерманизм. Между ними, по его словам, было принципиальное различие. Если панславизм предполагал освобождение угнетенных и несвободных народов, их объединение, то пангерманизм — объединение свободных немцев для угнетения не немцев. Крамарж указывал, что панславистский писатель Фадеев выступал за свободу поляков. Панслависты не имели умысла угнетать другие народы.

Он также подчеркивал мысль, что труды Н.Я. Данилевского, Р.А. Фадеева, К.Н. Леонтьева не диктовались сверху, не были тождественны официальным доктринам, а отражали лишь их собственную, личную точку зрения. "Славянство для нас, — писал Крамарж, — никогда не имело агрессивных целей, даже в политической программе. Это защита от германизма и мадьяризации, гарантия европейского мира"⁷. Эти положения Крамаржа достаточно близки мыслям министра иностранных дел (1910–1916 гг.) С.Д. Сазонова⁸, который писал, что идея славизма, как культурно-национального самоопределения славянских народов, была превратно понята на Западе, окрестившим ее словом "панславизм". Реального значения это слово, с его точки зрения, никогда не имело, так как не обозначало никакого политически объединительного движения и "было придумано с целью устрашения западноевропейского общественного мнения призраком славянской опасности"⁹. И в этом отношении, как он считал, "панславизм" удачно выполнил свое назначение"¹⁰. Пугало панславизма широко использовалось в германской печати, чтобы создать в европейском общественном мнении противовес пангерманской агитации.

Вспоминая чешских политиков, Крамарж называл К. Гавличека-Боровского и Ф. Палацкого "австрославистами". Гавличек хотел сделать из Австрии притягательный центр для других славян, в частности украинцев. Однако Крамарж считал, что "поддержка самостийного, антирусского украинского движения лишь создает проблемы для отношений славян", в частности, чешских отношений со словаками¹¹.

Говоря о дальнейшем развитии чешской политики, лидер младочехов подчеркивал, что она была ни австрофильской, ни русофильской, а "славянской"¹².

Определения таких понятий, как панславизм, неославизм и австрославизм давали и сами русские участники славянского движения. Д.Н. Вергун считал лучшим выразителем идей панславизма Н.Я. Данилевского. Панславизм, согласно пониманию Данилевского, представлял собой политическое движение, стремящееся создать под главенством России союз пяти свободных славянских держав (Россия, Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия и Болгария) и трех "по крови полуславянских" (Румыния, Венгрия и Греко-Албания). Осуществление этого союза возможно было бы лишь после расового столкновения славянства с германством, отчасти с романским и мусульманским мирами, которые всячески будут противиться славянской гегемонии в "Евроазии". По мнению Вергуна, расцвет движения совпал с усилением военной мощи России в конце 80-х и начале 90-х годов XIX в. Однако искусная политика Бисмарка помешала использовать эту силу. Поражение России на Дальнем Востоке (в Русско-японской войне. — *Е.С.*) привело к значительному ослаблению движения. В этих условиях «на сцену выступил "неославизм", являющий собой движение отнюдь не политическое»¹³. Оно стояло на принципе неизменности существующих государственных границ и стремилось к взаимному сближению славян на экономической и "литературно-художественной почве"¹⁴. Австрославизм, в восприятии Вергуна, — идея чисто политическая. Она предполагала федерализацию Австро-Венгрии и превращение ее в автономные штаты не славянских и славянских народов. Австро-Венгрию, как культурное государство с широкими гражданскими свободами, австрослависты желали бы видеть в качестве центра притяжения для славян, живущих по соседству, в первую очередь поляков, малороссов, белорусов, а также для румын, сербов, албанцев и болгар. Вергун также утверждал, что нельзя смешивать "руссо-славизм" и "панруссизм". Последний он понимал как "близорукие мечты о возможности обезличивания и обрусения западных и южных славян, а "руссо-славизм" — как идею собирательную для русского народа и освобождения для "единоверных" юго-

восточных и "единокровных" западных народов, имеющую активно оборонительный характер¹⁵.

Неославизм понимался и как синтез славянофильского и западнического направлений вместе с признанием австро-венгерскими и балканскими славянами первенствующей и руководящей роли России в славянском сотрудничестве¹⁶.

Многие участники неославистского движения полагали, что в нем нет никаких отвлеченных идей, ничего нового. В основе его лежала одна совершенно бесспорная идея племенного единства, территориальной смежности и вытекавшей отсюда солидарности интересов. Об этом писал в "Národních Listech" ("Народних листах") редактор Ю. Грегр, заявлял на заседаниях московского общества славянской культуры С. Булгаков, с ним соглашался и польский профессор М. Здоховский¹⁷.

Достаточно оригинальную точку зрения на неославизм и австрофильство представил профессор Военно-Юридической академии генерал В.М. Володимиров в статье "Неославизм и австрославянство". Он полагал, что австрославизм — это стремление реализовать славянскую идею в пределах Австро-Венгрии путем культурного развития собственной нации, укрепления и увеличения ее силы, постепенного достижения господства славян во всей Австро-Венгрии или какой-либо ее части. Таким образом, идея австрославизма трактовалась им как "ославянивание" Австрии, перестройка ее государственного организма на началах федерации, достижение политического согласия с другими народностями. Для осуществления этих целей возможны были любые легальные пути. Австрославизм для Володимирова являлся славянофильством, вернее неославизмом, в пределах Австро-Венгрии. Он заявлял: "Ни мы, ни славяне не готовы к разрушению Австрии, политическому освобождению и самоопределению славян"¹⁸. Он объяснял это так: "Как ни велики успехи, достигнутые отдельными славянскими народностями в Австрии, эти народности все еще находятся в периоде сложения или образования будущей силы. Им предстоит еще слиться в большие государственные единицы, закрепить это слияние внутри себя и завершить объединением всех групп вместе. Но этот объединительный процесс займет весьма продолжительное время. Он может идти быстрее, если приобретет в нас сочувствие, опору и поддержку. Но мы сами очутились в том же периоде сложения сил, как и они (едва ли в силах оказать поддержку прямо сейчас)¹⁹. Именно поэтому, как он думал, славянский вопрос русскими и зарубежными неославистами и был поставлен на "единственно для него возможную в современных условиях" почву культурного, а не политического сотрудничества. Задачей ближайших дней Володимиров считал

"всестороннее культурное сближение и объединение на почве науки, литературы, искусства и экономических отношений, всестороннее взаимное друг с другом ознакомление путем постоянных и непрерывных сношений; всестороннюю культурную взаимную поддержку, помощь и содействие; непрерывный ряд личных знакомств и групповых общений, лекции, беседы, конференции и съезды, как средство выяснения основ нашего духовного единения"²⁰. Все это "под руководством общего, центрального органа" должно было, по его мысли, подготовить почву для "дружного стремления всех и к единению политическому и выработке его форм"²¹. Следовательно, культурно-экономическая программа неославизма частью его приверженцев трактовалась лишь как подготовительный этап для политического единства.

В другой статье, посвященной тем же сюжетам²², Володимиров писал, что "многих смущает мысль", будто совершившееся "славянизирование" Австрии может создать силу, соперничающую с Россией, государство столь же враждебное, как и немецкое. Сам он не видел серьезных оснований к таким опасениям, хотя и признавал их возможность. Рассуждая о возможном развитии отношений между Россией и зарубежными славянами, он отмечал: "В настоящее время на нас сосредоточены все надежды славянского мира; но разумеется, если мы безумием или роковыми ошибками нашей внешней и внутренней политики не оправдаем этих надежд, — симпатии славян к России заменим, по собственному неразумию, равнодушием, отвращением и даже ненавистью к нам, что вполне возможно, то славянству, конечно, придется искать других путей для обеспечения своей будущности, — вне России и без России"²³. Чтобы не допустить подобного, России необходимо было, по его мнению, стать просвещенным, культурным государством, ничем не уступающим другим европейским странам. "В своем государственном и общественном устройстве мы должны опереться на все виды свобод,... предусмотрительно обеспечить и свое и славянское будущее крепкими союзами, ... развивать... наши непрерывные сношения со всеми славянскими народами в свободных формах равенства и братства..."²⁴, — писал он. Эта точка зрения бурно обсуждалась членами и гостями Славянского благотворительного общества в Петербурге, разошедшимися с собрания после двух часов ночи²⁵.

Володимиров называл четыре фактора, способствовавших возникновению неославизма: угроза со стороны усиливавшейся Германии, временное ослабление России, ее новое государственное устройство и быстрый культурный рост австрийских славян. По его мнению, политический союз всех славянских го-

сударств как равноправных членом был необходим против немецко-австрийского засилья, против лозунга "Drang nach Osten". Но для того, чтобы эта борьба была успешной, надо прежде всего решить наболевший польский вопрос, который считал России повсюду препоны и являлся "одним из существенных факторов и при возникновении австрославизма". Австрославизм, как уже говорилось, Володимиров рассматривал как явление "вполне целесообразное и законное, как переходную форму к объединению славянской расы"²⁶. Открытое недружелюбие австрославистов, мечтавших о "европейской Славии" к России, которая, по их мнению, должна была стать "Славией азиатской", по отделению Малороссии и Польши, Володимиров объяснял исключительно большей культурностью австрославистов. При этом он надеялся, что, когда Россия в культурном отношении сравнится с ними, то это недружелюбие исчезнет само собой.

Первым оппонентом Володимирова стал И.В. Голечек из Праги. С одной стороны, выступая на собрании Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества, он приветствовал мысль Володимирова о необходимости выяснить отношение к Польше и общие идеи неославизма, но, с другой стороны, высказался против той части его концепции, которая касалась австрославистского движения. Чешский писатель считал, что культурная работа чехов и других австрийских славян не дала таких серьезных результатов, чтобы можно было в то время мечтать о славянской Австрии. Но даже, если бы и удалось ее создать, это ничуть не помогло бы славянству, так как против такой Австрии объединились бы все немцы и венгры. Единственно правильным решением Голечек считал идею федеративного устройства Австрии, но и ее он признавал едва ли осуществимой. Чех Рейман согласился с высказываниями своего коллеги и поддержал мысль о необходимости противостояния немцам. Ю.Н. Милютин обрисовал отношение старого славянофильства к неославизму, подчеркнув, что принципиальной разницы между ними нет. Австрославизм Милютин понимал как стремление Австрии подчинить себе тех славян, которые еще не подчинены ей. Это мнение разделяло большинство присутствовавших. В дискуссии также участвовали А.А. Башмаков, Н.Н. Львов, М.В. Красовский, П.А. Кулаковский, В.А. Маклаков, а также П.А. Ровинский и Д.Н. Вергун. По словам Красовского, австрославизм представлял собой полную антитезу всей славянской идеи. Интересно, что эта дискуссия о сущности неославизма велась уже спустя почти год после того, как прошел первый славянский съезд в Праге.

Поддержал Володимирова И.П. Филевич, выступив в печати со статьей "Неославизм — Австрославизм"²⁷. Он также считал, что в неославизме получила фактическое оправдание выдвинутая Палацким "идея австрийского государства". Австрославизм, по его мнению, находил примирение с реальными интересами славян, так как нисколько не мешал свободным взаимоотношениям граждан России и Австро-Венгрии. Для австрийских и русских славян открылась возможность взаимного общения при сохранении лояльности по отношению к своим государствам. Филевич писал: "Соображения Данилевского, решительно отрицавшего идею, выдвинутую Палацким, оказались, по-видимому, совершенно неосновательными"²⁸. Оценивая идейный результат Пражского съезда, Филевич высказал парадоксальное мнение, что, "не выдвигая никакой отвлеченной идеи..., ограничиваясь чисто практическими задачами, съезд вносил однако новую идею или точнее обосновал старую идею австрославизма, сообщая ей фактическое, то есть самое бесспорное оправдание"²⁹. Однако Филевич видел две разновидности австрославизма. Одна из них была представлена на пражском съезде и являлась продолжением политики Палацкого. Другая — зародилась также в середине XIX века и была сформулирована австрийским поляком С. Смолькой. Программа Смольки состояла в следующем: Австрия должна принять римско-немецкую корону и объединить Германию, отказаться от итальянских земель, восстановить венгерскую конституцию и стремиться к созданию вокруг Венгрии соединенного придунайского государства, с которым Австрия должна остаться в личной унии. Галиции должно быть предоставлено отдельное управление с ее национальными учреждениями, и она должна послужить ядром будущей Польши, которая также будет связана с Австрией личной унией. Этот австрославизм Филевич рассматривал как враждебный России и направленный против нее³⁰.

Статья профессора В.М. Володимирова "Всеславянский съезд и всеславянская лига" была передана К. Крамаржу, переведена на чешский язык и помещена в пражской газете "День" (№ 21 и 22). В № 23 той же газеты Крамарж поместил свой комментарий к статье. Там он отметил новый фазис в развитии русско-славянских отношений, связанный с переменами, произошедшими в России после проигранной Русско-японской войны и революции 1905 г. Крамарж указывал, что в статье Володимирова нет ссылок на "православие, самодержавие, народность", которые так отталкивающе звучали в письме Аксакова Ригеру, подействовавшему как холодный душ на чешский энтузиазм во время Русско-турецкой войны, нет насмешек над славянскими стремлениями "всечеловечества", нет

барского пренебрежения представителей официальной русской бюрократии. В статье, по мнению Крамаржа, чувствовалась новая Россия, сознающая невозможность пренебрегать симпатиями славян и признающая, что зарубежные славяне в смысле политического воспитания и политической зрелости превосходят великий русский народ, "гибнущий от невежества". Поэтому чешский политик приветствовал новый поворот в русском общественном мнении и лозунг "свобода, равенство и братство" славянских народов. Именно этим путем он собирался достичь славянского единения и общности. Крамарж подчеркивал: "Современное славянство не хочет менять карты Европы; оно не жаждет политических добыч; оно не направлено против какого бы то ни было государства; оно, напротив, желает лишь объединения славянства; хочет примирить тех, которые до сих пор были жестокими противниками; желает внушить всем славянам, без исключения, сознание родственной связи и необходимости культурного единства; оно желает дать всем свободу развития собственной народности и самосознания; укрепить веру в славянскую будущность и этим нравственным подъемом создать несокрушимую преграду для всякого, кто захотел бы посягнуть на существование какого бы то ни было славянского народа"³¹. Далее Крамарж обращал внимание на то, что новое славянское движение не хочет быть политическим (что несколько отличалось от идей Володиминова), оно не имеет в виду натравливать друг на друга два крупных славянских государства — Россию и Австрию, а, наоборот, стремятся, чтобы оба государства жили в мире и совместно оборонялись от общей опасности. Одновременно славяне желают теперь большего: чтобы уважалось их племенное значение и достоинство, чтобы они могли развиваться свободно и вольно.

Сама идея проведения славянского съезда возникла в России в 1907 г. в связи с инициативой магистра гражданского права А.А. Борзенко из Одессы. Он выступил с обещанием предоставить 100 тыс. рублей для проведения подобного мероприятия. Причем обратился к премьер-министру. Ответ П.А. Столыпина от 30 июня 1907 г. звучал достаточно осторожно: "Принося душевную признательность за готовность вашу пожертвовать капитал для устройства с процентов от него съездов славян в России, имею честь уведомить вас, что жертва ваша может быть принята министерством внутренних дел во всякое время, причем капитал, названный вашим именем, будет храниться в Государственном банке на предмет устройства в удобное к тому время славянским обществом или каким-либо частным учреждением общеславянских съездов в России с культурно-благотворительной целью"³². Однако позднее Борзенко, вероятно,

опасаясь произвольного толкования "удобного" времени и места проведения съезда, капитал свой не внес. В начале ноября письмо о необходимости проведения славянского съезда в России было направлено Борзенко и в адрес Клуба общественных деятелей (КОД)³³. Предложение было рассмотрено и принято. Совет клуба постановил известить Борзенко о готовности взять на себя организацию общеславянских съездов при условии, что они будут ставить исключительно культурно-просветительные задачи, не носить никакой политической окраски и будут свободны от какого-либо прямого или косвенного участия правительства³⁴.

6 марта 1908 г. Д.Н. Вергун выступил с проектом съезда в КОДе, объединявшим октябристов, мирно-обновленцев и торгово-промышленную партию. На мероприятии присутствовали многие члены Государственной думы и Государственного Совета. Доклад вызвал оживленные прения с участием В.М. Володиминова, бывшего министра торговли М.М. Федорова, члена Государственного Совета М.М. Ковалевского, Ю.Н. Милютин и А.А. Башмакова. Проведение съезда было поддержано в основном партиями центра. Левые считали его отвлекающим маневром, уводящим от решения внутренних российских вопросов, правые высказывались о нем, как о желании правительства путем общения со славянскими деятелями укрепить представительский строй³⁵. Вергун отметил, что у австрийских славян мысль о проведении съезда была воспринята с одобрением. Но они выдвинули определенные принципы: неофициальность, беспартийность, исключение политики и присутствие представителей всех славянских народностей (включая поляков). Участвовавший в прениях по докладу Володиминов предлагал устроить "Всеславянскую лигу" с целью культурного общения славян. Он считал, что Славянское благотворительное общество потеряло нравственное право созывать съезды, так как формула, на которой оно основывало свою деятельность: православие, самодержавие, народность — отжила свое время. Он предлагал новые лозунги "свобода, равенство, братство и единение". Володиминов высказал мысль о безотлагательности съезда. М.М. Федоров выступил с предложением основать "неославянское общество", которое бы занялось устройством съезда. Залог успеха, по его мнению, состоял в улаживании русско-польских отношений. М.М. Ковалевский настаивал на организации кружка сочувствующих славянскому съезду депутатов Госдумы и Госсовета. Однако предостерегал от того, чтобы придавать этому культурному начинанию политический характер. Профессор И.П. Филевич высказался за урегулирование русско-польских отношений и подчинение их общеславян-

ским интересам. Степаненко, командированный из Харькова Украинской Громадой, заявил о необходимости участия украинских (галицийских) депутатов венского парламента. По поводу последнего заявления Вергун дал разъяснения, что д-р Крамарж приглашал украинцев принять участие в совещании о славянском съезде, на что они в своем печатном органе "Діло" ответили, что не хотят иметь ничего общего ни с какими славянскими начинаниями³⁶.

Обсуждение вопроса о съезде вылилось на страницы печати. И. Филевич писал, что "сомнения в подготовленности почвы для общеславянского съезда едва ли могут иметь место"³⁷. В обсуждение вопроса о проведении съезда включились и зарубежные славяне. Хорватский депутат венского парламента А. Тресич-Павичич упрекал мецената Борзенко за обращение к председателю Совета министров, считая неуместным требовать от официальной России, чтобы она встала во главе движения. Он считал это делом славянской общественности. Правда, обращал внимание на то, что в России существует только благотворительное и вспомогательное славянское общество, но нет культурно-просветительного. Не существовало и всеславянского культурного общества. "Где же тут говорить о политике? — восклицал он. — До этого нам еще далеко"³⁸. Он также считал своевременным проведение съезда, так как поражение России в Русско-японской войне поколебало у многих веру в силу и мощь славянства. Тресич-Павичич предлагал ограничить программу предстоящего съезда взаимным знакомством и вопросами культурного сотрудничества славян, которых и так накопилось столько, что съезд можно было бы сделать постоянным. "Что касается политики, то ее необходимо исключить из заседаний съезда"³⁹, — категорически заявлял он.

В конце марта Петербургская городская дума решила послать своего гласного в Прагу с подношением подарков за гостеприимство, оказанное чехами ее делегатам, отправленным на сокольский слет в 1907 г. Управа российской столицы посылала чешскому сокольству бронзовую статую конного сокольничего времен царя Алексея Михайловича. КОД, пользуясь случаем, поручил думскому гласному и своему члену В.М. Володимирову вступить в переговоры со славянскими деятелями в Австрии на предмет места и времени проведения славянского съезда⁴⁰. Сначала было решено провести небольшой организационный съезд, на котором рассмотреть план большого съезда⁴¹.

Одновременно с письмом к Столыпину Борзенко направил аналогичные письма и депутатам австрийского парламента Крамаржу, Маркову и Грибару. Марков, депутат из восточной Галиции, думая, что необходимо ответить Борзенко, созвал со-

брание славянских депутатов рейхрата. Крамарж объяснял, что вынужден был выступить на этом заседании, хотя не очень-то хотел. Дело в том, что в парламенте шла упорная борьба за реформу избирательного права. Ему приходилось бывать там с утра до вечера, отстаивая идею всеобщего избирательного права. Но как председатель клуба славянских депутатов Крамарж должен был выступить. В своем докладе он впервые сформулировал программу нового славянского движения, которая предусматривала разрыв со старым "славянством" на принципах самодержавия, православия и народности, и строительство новых отношений между славянами на основах свободы, равенства и братства. Эта программа была единодушно поддержана всеми славянскими депутатами⁴². Свое участие в будущем съезде они обусловили его неофициальным характером и участием в нем всех славянских племен без исключения⁴³.

Очередное заседание славянских депутатов по поводу съезда состоялось 10 апреля 1908 г. Чтобы предотвратить кривотолки в печати, на заседании было сделано специальное заявление, что "стремления славян вращаются на почве существующих ныне государственных организмов"⁴⁴. Тогда же было принято решение создать славянский комитет, призванный вести переговоры по созыву съезда. В него вошли три депутата австрийского парламента: председатель чешского клуба К. Крамарж, вице-председатель южно-славянского клуба И. Грибар и секретарь галицко-русского клуба Н.П. Глебовицкий. В мае эти деятели посетили Петербург. Это был первый, можно сказать, официальный визит Крамаржа в российскую столицу.

Распорядительная комиссия КОД, в составе Ю.Н. Милютина, Е.М. Дементьева, А.А. Столыпина, Л.К. Дымыши, В.М. Володимирова и Д.Н. Вергуна, составила специальную программу пребывания в российской столице славянских депутатов⁴⁵. Был образован новый Комитет славянской взаимности, поставивший своей задачей более основательное ознакомление широких слоев общества с положением западных и южных славян "при полном уважении прав каждого славянского народа"⁴⁶. В российской прессе подчеркивалось, что "пребыванию этих депутатов в нашей столице не следует придавать неправильного значения"⁴⁷. И далее сообщалось, что они едут в Петербург с единственной целью ознакомиться с новыми славянскими веяниями в русском обществе и никаких скрытых целей, особенно политических, не преследуют. Их задачей было договориться о приезде летом в Прагу на юбилейную выставку в честь 60-летия первого славянского съезда 15 русских деятелей для встречи с представителями чехов, поляков и южных славян и обсуждения вопроса о будущих славянских съездах в России. Эти разъ-

яснения и оговорки, со стороны как австрийских славян, так и русских, были не случайны. Приезд в Петербург славянских депутатов вызвал негативную реакцию не только в немецкой печати Австрии, но и немецкой печати, издающейся в Петербурге. В связи с этим А.А. Столыпин вынужден был давать разъяснения: "Ни в действиях нашего общества, ни в поведении славянских деятелей не было ничего враждебного по отношению к Германии и к ее культуре... Я не хотел бы, чтобы немцы могли в самом росте и укреплении славянства усматривать непременно и обязательно ущерб для себя. Стремление к развитию, стремление к благоденствию только узкими умами должно рассматриваться как обязательная конкуренция, как неперемнная борьба за существование"⁴⁸.

В день приезда славянских гостей И. Филевич опубликовал статью под названием "Славянские заметки"⁴⁹. Комментируя речь А.А. Башмакова на состоявшемся незадолго до этого собрания в Славянском благотворительном обществе, он подчеркнул, что из триединого принципа "православие, самодержавие, народность" лишь "народность" может стать фундаментом славянского единства. Здесь же он раскрыл свое понимание неославизма. Филевич был не согласен с точкой зрения Володимирова, что неославизм есть нечто новое, способное удовлетворять запросы современности в отличие от отживших идеалов славянофилов. Не удовлетворяло его и весьма критическое отношение к неославизму и его лидерам А.А. Башмакова. По его мнению, и старое, и новое славянофильство — только отдельные стадии одной и той же идеи общеславянского национального единения. Филевич считал, что неославянофильство начинается не со дня приезда славянских гостей в Петербург, а ярко обозначилось уже в 60-е годы XIX столетия в трудах Н.Я. Данилевского и незаслуженно забытого А.Д. Градовского. Еще одна трактовка неославизма свидетельствовала о том, что его цели и программные установки не были четко сформулированы, находились в процессе обсуждения и понимались совершенно по-разному.

Каждый день пребывания славянских гостей широко освещался в газетах. Прибыли они на Варшавский вокзал в Петербурге 13 мая и были тепло встречены толпой людей из разных слоев населения. Встречающих было человек 100 — 200. От Клуба общественных деятелей гостей на вокзале приветствовал его председатель и член Государственного совета М.В. Красовский со старшинами совета клуба Е.М. Дементьевым и А.А. Ячевским и членами клуба В.М. Володимировым и Д.Н. Вергуном. От городской думы явился Ю.Н. Милютин с несколькими гласными. На вокзале было много чехов и южных славян, живших

в Петербурге. Газета "Новое время" писала: «Как только из международного вагона выглянуло улыбающееся лицо К.П. Крамаржа, громкое "ура" разнеслось по вокзалу»⁵⁰. В заметке рассказывалось о каждом из трех депутатов, представлявших все славянские партии австрийского парламента (259 славянских депутатов из всех 576 членов рейхсрата). Крамаржу было уделено большее внимание как наиболее известному из трех⁵¹. Были приведены краткие сведения о его происхождении и образовании. А далее говорилось, что он обратил на себя внимание еще в 1894 г., когда, будучи младочешским оратором, в прениях по поводу австро-русского торгового договора доказал невыгодность для народов Австро-Венгрии тройственного союза и необходимость тесного сближения с Россией. В 1897 г. он был избран вице-председателем австрийского парламента и "укротил" в нем немецкую обструкцию. С тех пор ему не раз предлагали портфель министра от Чехии, даже юстиции и финансов, но он всегда отказывался, предпочитая исполнительную власть моральную власть парламентского лидера. По мнению автора газетного сообщения, силу Крамаржа чувствовало каждое министерство в Австрии. Падение кабинета Кербера целиком приписывалось его влиянию, а образование нового правительства Бека, якобы, произошло в его частной квартире. Представители его клуба занимали два министерских кресла в новом правительстве. Крамарж вел "позитивную" чешскую политику, добиваясь усиления влияния в австрийской бюрократии взамен на лояльность в отношении военных и великодержавных устремлений Австрии. Его партия, как сообщалось в газете, находилась в постоянной борьбе с чешскими радикальными партиями, во главе которых стоял депутат В. Клофач, а с 1907 г. Крамарж начал издавать в Праге собственную ежедневную газету "Den".

Славянские деятели осмотрели столицу и окрестности, присутствовали на богослужениях и концертах, посещали выставки, а главное, беседовали с представителями разных русских общественных течений. Они встречались с людьми, интересующимися славянским вопросом, из разных партий и групп Государственной думы и Государственного Совета, с представителями земства, науки и печати, а также славянских колоний в Петербурге. Крамарж вспоминал, что общались они в основном с конституционными кругами, умеренно правыми, центром, октябристами и кадетами, среди которых были Маклаков, Н.Н. Львов, Милюков и Родичев⁵². С польской стороны больше всех способствовал достижению взаимопонимания с русскими Р. Дмовский. "Дмовский был единственный поляк, с которым я на самом деле сблизился"⁵³, — писал Крамарж.

В программу пребывания славянских депутатов были включены визиты к председателю Государственной Думы Н.А. Хомякову, австро-венгерскому послу, председателю Госсовета М.Г. Акимову, городскому голове. На вечере в городской думе выступал премьер-министр Столыпин.

На деловом завтраке в Клубе общественных деятелей с приветственной речью выступил М.В. Красовский, подчеркнув, что манифест 17 октября 1905 г. сделал возможным приглашение славянских депутатов для ознакомления со "свободным русским обществом". В ответной речи Крамарж поблагодарил КОД за инициативу. Как писали газеты, это была первая публичная речь Крамаржа на русском языке, и он произнес ее "почти без запинки, с подъемом, свойственным опытному парламентария, и речь его была покрыта громкими аплодисментами"⁵⁴. На обеде, устроенном Славянским обществом в ресторане Донона, Крамарж отметил, что все русские, от правых до левых, убеждены в том, что славянское единство достижимо только при солидарности с Россией. Там же сенатор Нарышкин предложил тост за представителя "самого дружественного из славянских народов" д-ра Крамаржа⁵⁵.

На приеме, данном в зале городской думы в честь славянских гостей, Крамарж высказал пожелание, "чтобы все славянские народы чувствовали себя братьями; чтобы славянские племена не соединялись в каких-либо границах, но соединялись в общей культуре, в стремлении к справедливости и свободе"⁵⁶. В ходе деловых заседаний в КОДе И.Ф. Грибар внес предложение о создании славянского банка и о посылке русских крестьян в наиболее культурные славянские земли для ознакомления с современными приемами земледелия. Князь Г.Н. Трубецкой выступил с планом устройства в 1910 г. всеславянской выставки в Москве. В дискуссии активное участие принял Крамарж, поддержавший эти предложения и обосновавший их необходимость. Выставку, по его мнению, нужно было устроить в самых широких размерах и преследовать "не фольклористские цели, но задачи широкого торгового обмена и привлечь самые крупные славянские и русские торгово-промышленные предприятия"⁵⁷. Крамарж полагал, что Славянский банк необходим как противодействие Deutsche Bank на Балканах и как поддержка местной промышленности и торговли в славянских странах. Посылку русских крестьян в западнославянские земли Крамарж называл делом первостепенной важности, так как подъем земледелия в России был необходим. Кроме того, чешский депутат выразил живейшую заинтересованность в открытии в Праге российского консульства, так как отсутствие одного крайне затрудняло торговые отношения Чеш-

ских земель, дававших около 70% всего австрийского экспорта, с Россией. В обсуждении этих вопросов принимали участие М.М. Федоров, М.В. Красовский, А.И. Шингарев, Е.Е. Добецкий, Д.Н. Вергун, П.Н. Милюков, В.П. Сватковский, Г.И. Свенцицкий.

На совещании в редакции газеты "Слово" Крамарж предложил учредить славянское телеграфное агентство и осведомительное бюро. На обеде в зале Кононова тосты произносились как за государя императора Николая II, так и за императора и короля Франца Иосифа.

На четвертом последнем заседании в КОДе ставились вопросы о распространении русской книги за границей, о создании бюро славянской печати, участии русских журналистов в съездах славянских журналистов Австрии, распространении сокольского движения в России, созыве съездов славянских певческих обществ, обмене молодежными делегациями для взаимного ознакомления, дальнейшем распространении системы изучения русского языка. Практически по всем этим вопросам высказывался Крамарж. Он взялся содействовать распространению русской книги в Праге, причем сразу перевел дело в практическую плоскость, отмечая, что русская книга всегда будет слишком дорога и недостижима для славянства, если не будет организован по германскому образцу кредит, т.е. если книга не будет отпускаться книготорговцам на комиссию. Для этого надо устранить некоторые таможенные и тарифные препятствия. Крамарж информирует о предстоящем в 1912 г. всеславянском слете соколов и приглашает русских соколов принять в нем самое широкое участие. Он полагает, что съезды певческих обществ по примеру германских будут способствовать славянскому единению, высказывается за расширение молодежного обмена. Для распространения русского языка в славянских землях Крамарж предлагал воспользоваться предстоящей реформой средней школы в Австрии и стремиться ввести вместо греческого изучение какого-либо славянского языка, особенно русского. Вместе с тем в российских школах, по мнению чешского политика, также необходимо большее внимание уделять изучению славянской истории и географии, "вытеснить немецкие названия славянских местностей и городов"⁵⁸.

Участники заседания договорились также провести в Праге подготовительный славянский съезд. Его созыв был намечен на 29 июня 1908 г. Всеславянскую московскую выставку было решено не откладывать далее 1911 г. В заключительной речи Крамарж уведомил о своих планах на обратном пути задержаться на день в Варшаве, чтобы информировать польских коллег о принятых в Петербурге решениях.

Отзывы российской прессы о Крамарже были весьма хвалебными. А. Столыпин в статье "Заря примирения" так оценил его роль: "Доктору Крамаржу, его умному красноречию, его непобедимой убедительности и необычайной одушевленности честь и слава пробуждения того государственного, того племенного сознания, которое, как природный, естественный дар свойственно всем, но которое так давно заглушалось плевелами народной вражды и партийных распрей"⁵⁹. Столь высокая оценка Крамаржа была связана с его блестящим ораторским искусством, благодаря которому польский представитель Р. Дмовский заявил, что славянское дело является и делом польским "без всяких оговорок"⁶⁰. Тем самым русско-польские отношения, зашедшие в тупик из-за нежелания сторон идти на компромисс, сдвинулись с мертвой точки.

Общая оценка совещаний в Петербурге, судя по российской прессе, также была весьма высока. В газетах отмечалось что "дни славянского единения... — суть дни огромного прибавления нашего веса на международных политических и культурных весах"⁶¹. Там же говорилось, что подобные встречи имеют большую объединяющую силу, смягчают разногласия между отдельными славянскими национальностями, в частности, русскими и поляками. Высказывалась мысль о том, насколько незаменимо личное общение представителей разных народов для более глубокого знакомства и понимания. Цель подобных встреч — славянское единство — рассматривалась как несколько идеалистическая, но положительная и благородная мечта и надежда, "которой не может не сочувствовать ни один добрый и разумный человек"⁶².

Среди всех этих превосходных эпитетов и прекраснословий раздавались и трезво-критические нотки. Так, М.О. Меньшиков в статье "Славянский союз" писал, что единства в славянстве еще нет. Более всего угнетает славянство внутренний раздор, "похожий на распрю родных братьев, не умеющих поделить наследства"⁶³. Он продолжал: "Спорят (из-за Македонии) болгары с сербами, хорваты-католики — с православными, словаки с чехами, украинофилы — с русскими. Но всего скандальнее в славянстве и всего пагубнее — это жестокий польско-русский спор. Он стоил для крупнейших представителей славянства кровопролитных битв, разорения, взрыва ненависти и неисчислимых несчастий... Не будь устрашающего и отталкивающего от России нашего захвата Польши, славянский вопрос был бы давно решен"⁶⁴. Меньшиков считал, что "захватив Польшу, и хуже того, разорвав ее на части в союзе с злейшими врагами славянства немцами, Россия надолго, если не навсегда, заставила отшатнуться от нее западно-славянских

братьев"⁶⁵. В отношении польского вопроса он стоял за автономию Польши, если невозможна ее полная независимость, и вообще за "возможно полное удаление инородцев на их собственные территории"⁶⁶. Размышляя о единстве славян, он указывал: "Близкие по крови и по языку, нынешние славяне чувствуют себя не одною нацией, а совершенно отдельными племенами. Проникая друг в друга, они вносят не единение, а раздельность... Допустимо, что в одно столетие полной независимости славяне перезнакомятся, примирятся, полюбят друг друга, приучатся к взаимному уважению и воспитают в себе сверх патриотическое, именно славянское чувство, но теперь его пока нет. Даже если бы вдруг оно явилось, понятия *славянин* и *русский* едва ли бы всегда совпали"⁶⁷. Автор полагал необходимым уважать свою и всякую другую национальность, не допускать никакого засилья между славянами — ни военного, ни мирного, не предъявлять претензий на культурное первенство. "Будем крепко держаться своих вкусов, не навязывая их другим"⁶⁸, — предлагал он. Меньшиков предостерегал против преувеличений, чтобы не "переборщить" и не вышла бы фальшь. В заключение публицист подчеркивал, что у славян была общая древность, которая еще сохранилась в языках и народном быте, но это уже давно забытое прошлое, и лишь "упорная и отважная" работа может привести к сближению.

Меньшиков, как весьма проицательный человек и, безусловно, талантливый журналист, уже в 1908 г. предсказывал будущую войну. «Я продолжаю думать, — писал он в статье "Славянский союз", — что Европа накануне больших войн, в которые мы будем неизбежно вовлечены, — вот почему мы должны готовиться к войне день и ночь, но с другой стороны ясно, что у нас есть еще для этого некоторое время для подготовки»⁶⁹. В статье под названием "Австрийская шарада" он вполне реально рассматривал возможность распада Австро-Венгрии. По этому поводу он высказывался так: "По существу своему современная Австро-Венгрия есть не более как товарищество на паях; падет общая фирма — вкладчики получают свои паи. Эта ликвидация простая и справедливая. От освободившихся народностей будет зависеть: образовать ли новую компанию или жить отдельно. Мне кажется, что славяне хорошо сделают, если теперь же поставят свои требования и будут готовиться поддержать их"⁷⁰. Он полагал, что в плане будущего распада Австрии на независимые народы ничего несбыточного нет: "Вместе им действительно тесно, и, кажется, всего лучше будет — врозь"⁷¹. Из всех соседей Австрии только Германия могла бы противиться независимости славян. Но, с другой стороны, как считал Меньшиков: "Для крупных держав наиболее выгодное

соседство — маленькие державы, и если бы последние возникли в центре Европы, это обеспечило бы германское на них влияние крепче, чем присоединение их"⁷². Не правда ли этот тезис звучит весьма актуально? Что касается России, то она, конечно, на стороне славянской независимости: "Вместо одной великой и мало-дружественной державы гораздо приятнее было бы иметь группу небольших царств; из них некоторые могут сделаться нашими друзьями"⁷³.

В связи с этим он ставил и задачи славянского движения. Ближайшей из них Меньшиков считал организацию народного труда, повышение его производительности на основе новейших знаний. Чехи, по его мнению, первыми это поняли и потому являются "застрельщиками культурного славянского союза". Сравнивая чехов с немцами, автор указывал, что чехи доказали не меньшие способности славянского племени к культурной работе. Он отмечал: "Чешский метод — то же самое, что у немцев: приобретение и бережливость"⁷⁴. Борьба за необходимые условия культурной работы и пользоваться ее результатами — вот в чем состояла суть программы мирного славянского движения. Но это еще не было решением славянского вопроса — "отдаваясь мирной и культурной работе, необходимо помнить, что это лишь половина задачи: приобретение. Для второй половины, охраны приобретенного, нужен меч"⁷⁵. В этом смысле его понимание неославизма, культурно-экономического сотрудничества славян, как первого этапа решения славянской проблемы, было близко к идеям Володиминова.

В контексте всего вышесказанного интересна оценка Меньшиковым Крамаржа как "искреннего австрофила". Не с его ли легкой руки Крамаржа впоследствии в российской прессе нередко называли австрофилом, упрекали в австрославизме? Эти же оценки присутствуют и в некоторых современных исторических трудах. Меньшиков имел с Крамаржем интересную продолжительную беседу, длившуюся около трех часов, из которой вынес впечатление, будто последний убежден в крепости Австро-Венгрии, необходимости сохранения Австрии как противовеса Германии для всех народов ее составляющих и не допускает мысли о возможности какого-либо переворота после смерти Франца Иосифа. Российский публицист характеризовал Крамаржа как одного из "осторожных вождей народов, ищущих компромиссов"⁷⁶. Правда, здесь же Меньшиков справедливо сомневался в том, что Крамарж открыл ему все свои мысли. Меньшиков понял идею Крамаржа как стремление не разрушить Австрию, а овладеть ею и укрепить ее как центральный оплот против германского натиска. Но для этого надо было решить польский вопрос, примирить русских и поляков, иначе

австрийские поляки назло России и дальше шли бы вместе с немцами против славянского большинства. Именно такова была славянская комбинация последних лет. Польско-русское примирение было одной из целей визита славянских делегатов в Петербург и планируемого славянского съезда. Меньшиков спрашивал, можно ли сочувствовать такой программе, и отвечал — да. Но при этом писал, что лично он в ее успех не верит.

В статье "Племя без прошлого" М.О. Меньшиков делился своими впечатлениями от приема славянских гостей, характеризовал их как умных, интересных и воспитанных людей. "Они вели себя как полагается, — замечал он, — в неловком положении гостей, которые приехали для приветствий и которых в течение недели хватают тысячи рук, к которым обращаются тысячи незнакомых с сладчайшими улыбками физиономий и льется бесконечный бессвязный набор каких-то хороших слов, не всегда понятных, но на которые надо отвечать"⁷⁷. Позднее Крамарж признавался, что самое утомительное для него в Петербурге были поздние часы всяких заседаний, торжеств и сборищ⁷⁸, так как в Праге существует привычка рано вставать и рано ложиться. В 10 часов вечера уже все спят. В России же распорядок дня был иным. Там обычно светская жизнь продолжалась до 3 часов ночи по тогдашнему времени.

Вопреки многим уверениям, Меньшиков считал, что приезд славян имел политические задачи; "он представлен был политиками, для которых говорить все начистоту было бы верхом наивности"⁷⁹. Он ополчился на П.Н. Милюкова⁸⁰ и графа В.А. Бобринского⁸¹ за преувеличение ими значения Манифеста 17 октября 1905 г. "Меня искренно обидело (что я не скрыл от г. Крамаржа), — признавался Меньшиков, — забвение... великого нашего прошлого, огульное отрицание его... С одной стороны видимо очень боялись обидеть представителей Польши, с другой страшались немцев в Австрии, с третьей старались угодить кадетам"⁸². Он не был согласен с Милюковым, что неославянство совсем отлично от старого славянства, и с Крамаржем, который заявил, что их приезд стал возможен лишь в конституционной России. Последнему он напомнил, что "не менее почтенное представительство славян приезжало в Москву 40 лет тому назад"⁸³.

Гости покинули Петербург в сопровождении депутата Дыши, профессоров Володимирова и Филевича, провожавших их до Варшавы. В Варшаве был образован отдельный комитет из польских деятелей А. Сулиговского, Ф. Новодворского, А. Красинского, Д. Држевецкого и других для встречи славянских депутатов. Состоялся обмен мнениями. Отчеты польской прессы, правда, грешили неточностями. Так, газета "Край", например,

приписывала Крамаржу слова о том, что славянская программа предполагает "полную самостоятельность славянских племен и их народных прав", а это, по свидетельству Филевича, не соответствовало действительности⁸⁴. Лишь позднее в Варшаве появился официальный бюллетень о польской позиции на славянских совещаниях в Петербурге, однако, и здесь характеристика позиции Крамаржа была не лишена субъективной окраски⁸⁵.

После возвращения в Вену Крамарж, Грибар и Глебовицкий доложили на общем собрании славянских депутатов всех партий и групп нижней палаты венского парламента о результатах своей поездки в Петербург и Варшаву. Открыл собрание Крамарж речью, в которой отметил основные пункты будущего славянского сотрудничества, а именно: устройство славянской выставки в Москве в 1911 г., учреждение крупного славянского банка, созыв конгресса славянских депутатов в июле с.г. в Праге⁸⁶.

В конце мая Крамарж выступил на проходившем в Праге съезде западно-славянских торговцев и промышленников. Рассказывая о своих петербургских впечатлениях, он заявил, что начало межславянскому экономическому сближению положено. На съезде было решено избрать особый купеческий совет, который бы действовал в пределах Австрии, но вошел бы с деловые сношения с торговыми кругами других славянских стран и земель⁸⁷.

¹ Ненашева З.С. Под лозунгом равенства. Расцвет и увядание неославизма // Родина. 2001. № 1/2. С. 131 – 133.

² Там же. С. 131.

³ Там же. С. 133.

⁴ *Kramář K. Na obranu slovanské politiky. Praha, 1926. S. 14.*

⁵ *Ibid. S. 15 – 16.*

⁶ Новое время. 1910. 6 дек.

⁷ *Kramář K. Na obranu slovanské politiky. S. 7 – 11.*

⁸ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860 – 1927) – дипломат. С 1883 г. на службе в МИДе. С 1888 по 1909 г. служил в заграничных посольствах и миссиях: секретарем посольства, советником и поверенным в Великобритании, чрезвычайным и полномочным послом в Ватикане, посланником в США. В 1909 – 1910 гг. товарищ министра, а в 1910 – 1916 гг. министр иностранных дел России. В 1917 г. полномочный посол Временного правительства в Великобритании. После Октябрьской революции 1917 г. был министром иностранных дел у А.В. Колчака, членом Особого совещания у А.И. Деникина. С 1920 г. в эмиграции.

⁹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 334.

¹⁰ Там же. С. 335.

¹¹ *Kramář K. Na obranu slovanské politiky. S. 11.*

¹² *Ibid. S. 12.*

¹³ Архив внешней политики Российской империи (Далее: АВПРИ.) Ф. 151. Политархив. 1910 – 1911. Оп. 482. Д. 3418. Л. 45.

- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 См.: Новое время. 1908. 13 (26) окт.
- 17 Новое время. 1909. 28 апр.
- 18 Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 541. Оп. 1. Д. 28. Л. 11.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 Там же Л. 13.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Новое время. 1909. 28 апр.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Archiv Národního Muzea. (Далее: ANM.) F. 2. K. Kramář. Kart. 102.
- 32 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3417. Л. 41. См. также: Новое время. 1908. 8 (21) марта.
- 33 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 41.
- 34 Там же. Л. 43, 44.
- 35 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 28. Л. 13.
- 36 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 20. Л. 40.
- 37 Новое время. 1908. 9 (22) марта.
- 38 Новое время. 1908. 13 (28) марта.
- 39 Там же.
- 40 Новое время. 1908. 31 марта (13 апр.).
- 41 Новое время. 1907. 17 (30) дек.
- 42 *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 27.*
- 43 Новое время. 1907. 17 (30) дек.
- 44 Новое время. 1908. 2 (15) апр.
- 45 Новое время. 1908. 10 (23) мая.
- 46 Новое время. 1908. 12 (25) мая.
- 47 Новое время. 1908. 10 (23) мая.
- 48 Новое время. 1908. 14 (27) мая.
- 49 Новое время. 1908. 13 (26) мая.
- 50 Новое время. 1908. 13 (26) мая.
- 51 Там же.
- 52 *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice... S. 27 – 28.*
- 53 *Ibid. S. 28.*
- 54 Новое время. 1908. 14 (27) мая.
- 55 Там же.
- 56 Новое время. 1908. 15 (28) мая.
- 57 Новое время. 1908. 17 мая.
- 58 Новое время. 1908. 18 (31) мая.
- 59 Новое время. 1908. 15 (28) мая.
- 60 Там же.
- 61 Новое время. 1908. 17 (30) мая.
- 62 Там же.
- 63 Новое время. 1908. 11 (24) мая.

- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 Там же.
- 68 Там же.
- 69 Новое время. 1908. 11 (24) мая.
- 70 Новое время. 1908. 17 (30) мая.
- 71 Там же.
- 72 Там же.
- 73 Там же.
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Здесь он был недалек от правды, так как на одном из заседаний в КОДе Крамарж прямо заявил о том, что реальная политика должна идти путем фактических уступок, а не абстрактных споров о государственно-правовых принципах, см.: Новое время. 1908. 15 (28) мая.
- 77 Новое врем. 1908. 18 (31) мая.
- 78 Новое время. 1908. 3 (16) июля.
- 79 Там же.
- 80 Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, либерал, политик. С 1886 г. приват-доцент Московского университета. В 1992 г. защитил магистерскую диссертацию. Один из организаторов партии кадетов, ее идеолог и лидер. С 1907 г. председатель ЦК партии. Депутат Государственной думы 3-го и 4-го созывов, лидер думской оппозиции. С марта по май 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции 1917 г. участвовал в создании Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции, с 1921 г. редактор влиятельной эмигрантской газеты в Париже "Последние новости".
- 81 Бобринский Владимир Алексеевич (1867—1927) — общественный и государственный деятель, землевладелец, предприниматель, получил образование в России и за границей, выпускник Эдинбургского университета, учился, как и Крамарж, в Парижской школе политических наук. С 1893 г. гласный Тульского уездного и губернского земств, в 1895—1898 председатель Богородицкой земской управы, с 1904 Богородицкий уездный предводитель дворянства, депутат Государственной думы 2-го — 4-го созывов, в годы Первой мировой войны ординарец командующего 3-й армией Р.Д. Радко-Дмитриева. После Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции.
- 82 Новое время. 1908. 18 (31) мая.
- 83 Речь шла о приезде славянских делегатов на Всероссийскую этнографическую выставку в апреле 1867 г. Всего тогда в Россию прибыло около 80 человек, из них чешская делегация была самая представительная (27 участников) и включала ведущих чешских политиков, деятелей науки, культуры, таких как Ф. Палацкий, Р.Ф. Ригер, Ю. Грегр, К.Я. Эрбен, А. Патера, Й. Коларж, Й. Манес и др. Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Славянский съезд 1867 г. в С.-Петербурге и Москве // *Славянское движение XIX—XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения.* М., 1998. С. 95—120.
- 84 Новое время. 1908. 26 мая (8 июня).
- 85 Новое время. 1908. 1 (14) июня.
- 86 Новое время. 1908. 23 мая (5 июня).
- 87 Новое время. 1908. 31 мая (13 июня).

Глава 6

От Пражского к Софийскому съезду

*

Прошедшие в Петербурге совещания дали импульс к дальнейшему развитию межславянских связей. В конце мая 1908 г. в Праге открылся IV съезд славянских врачей и естествоиспытателей, в котором участвовали представители из России во главе с профессором Санкт-Петербургской военно-медицинской академии Д.О. Оттом¹. В июне там же открылся конгресс славянских студентов, в котором также приняли участие русские делегаты².

В столице России возобновил заседания комитет по устройству всеславянской выставки, начавший свою работу еще в 1903 г.³ В Клубе общественных деятелей (КОД) состоялось первое общее собрание учрежденного 39 известными деятелями во главе с Н.А. Хомяковым⁴, бароном П.Л. Корфом⁵ и Ю.Н. Милютиным Комитета славянской взаимности. Он ставил своими целями объединение людей без различия политических взглядов, признающих необходимость славянского сближения на основе уважения и равенства, и распространение славянской идеи, содействие взаимному знакомству и тесным сношениям между славянами. Комитет насчитывал 183 члена. В его правление были избраны: Н.А. Хомяков, Н.Н. Львов, В.А. Маклаков, М.В. Красовский, Н.П. Кондаков, Ю.Н. Милютин, С.И. Шидловский, В.М. Петрово-Соловово, граф В.Э. Олизар и К.Я. Грот⁶.

11 июня 1908 г. расширенный комитет славянских членов австрийского парламента прислал в Петербург программу предстоящего съезда славянских делегатов в Праге. В программу входили деловые совещания по вопросам организации славянского банка, союза славянских журналистов, славянского гимнастического общества "Сокол", всеславянской выставки в Москве в 1911 г., славянского книжного дела, народно-просветительских обществ, направления русских крестьян в Чехию и другие славянские земли для обучения земледелию и виноделию, а также развития туризма (в особенности молодежного). Определены основные докладчики. Предусмотрены были и

культурные мероприятия (посещение концертов, выставок, театров, участие в экскурсиях).

Славянская печать активно включилась в обсуждение программы съезда. Однако у части славянского лагеря в России чувствовался определенный скепсис в отношении деловой основы предложенного чехами сотрудничества. Газета "Новое время" опубликовала фельетон под названием "Рудинское славянофильство", подписанный псевдонимом "Кассий". Автор его писал: "Беда в том, что сами-то мы народ совсем не деловой, а в огромном большинстве случаев чиновный, и уже по одному этому едва ли способны объединяться с кем-либо в практических делах... Наше славянофильство всегда было самым отвлеченно идеалистическим, и переводить его на практическую почву значит идти против самой его природы"⁷. Финансовое, торговое, промышленное единение, так же как и объединение журналистов, по мнению автора, вряд ли могло бы стать "славянским" ввиду откровенно неславянского состава большинства правлений российских банков, редакций печатных изданий и коммерческих фирм. "Раньше, чем быть участниками общеславянской промышленности и торговли, необходимо завести в России русскую промышленность и торговлю..."⁸, — отмечал он. Если зарубежные славяне давно уже стали на путь "практической национальной самодеятельности", то российские люди находятся "в эмпиреях", и во всех попытках общеславянского единения на деловой почве могут принимать участие разве только "горячим платоническим сочувствием". Едко подметивший непрактичность российских поборников славянского движения, автор заключал: «Вот всеславянские певческие съезды и многоглаголивые собрания для обсуждения великого мирового призвания славянской расы, это — наше дело. Мы с удовольствием поедem в злату Прагу пропеть с друзьями "Шуми Марица" и с большим ораторским подъемом скажем на прощание пламенную речь»⁹.

Между тем в петербургском КОДе готовили делегацию в Прагу. Ее членами должны были стать М.В. Красовский, В.М. Петрово-Соловово¹⁰, М.А. Искрицкий, В.М. Маклаков, Н.Н. Львов, граф В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий, В.М. Володимиров, И.П. Филевич, М.М. Федоров и В.П. Сватковский. От Славянского благотворительного общества в делегацию направлялся его секретарь В.Н. Кораблев, кандидатом от КОДа был намечен Е.М. Дементьев, от печати — Г.В. Комаров. Некоторые финансовые учреждения посылали в Прагу своих собственных делегатов. От клуба экономистов делегатом был назначен Н.Н. Волков, от Волжско-Камского коммерческого банка — Ф.Я. Гей, от торгово-промышленного съезда было два альтерна-

тивных кандидата — Н.С. Авдаков или сахарозаводчик граф А. Бобринский. Русские делегаты договорились об общей платформе: не обсуждать в Праге русско-польские отношения и твердо стоять на принципе культурно-национального единства всех ветвей русского народа.

29 июня в воскресенье, в Петров день, начался съезд славянских депутатов в Праге. А. Столыпин, отдыхавший в то время в Франтишковых Лазнях, получил от Карела Крамаржа (которого он величал Карол Петрович) приглашение посетить Прагу в дни главных торжеств. Затем Столыпин подробно описывал в репортажах для российской прессы работу съезда¹¹.

Открыл славянский съезд, на котором присутствовали 70 делегатов славянских народов, именно Крамарж. Объединившаяся делегация Российской империи и Галицкой Руси состояла из 27 представителей. Председателем ее стал Красовский, его товарищами Маклаков и Дудыкевич (галицко-русский депутат львовского сейма), секретарями — Глебовицкий, Вергун, Комаров. Крамарж обратился с приветствиями к каждой делегации на их родном языке, а программную часть своей речи произнес по-русски. Главной задачей съезда он считал укрепление сознания общности. Крамарж подчеркнул, что единым оплотом западных славян является мощная великая Россия. Чешский политик заявил, что польско-русский спор может быть решен без ущерба для обоих народов.

На первом заседании общеславянского съезда Крамарж был избран его председателем. Вице-председателями и секретарями стали представители каждой национальности. Доклады чехов Черны и Прейса были посвящены развитию туризма и организации славянской выставки в Москве. Несколько дней шли оживленные дебаты о банке, выставке, славянском телеграфном агентстве и союзе славянских журналистов, "сокольстве", устройстве славянской книжной биржи. Затем был избран исполнительный комитет для осуществления постановлений съезда. Председателем его стал Крамарж.

Маклаков, Львов, Искрицкий, Гижицкий и граф Бобринский в "сокольских" нарядах участвовали в гимнастических упражнениях, вызвав восторг публики¹². По этому поводу много лет спустя Б. Суворин вспоминал: «Когда до России донеслось сокольское движение, то насколько я помню, только один В.А. Маклаков из партии ка-дэ принял его серьезно. Помню группу четырех¹³ русских делегатов на одном из слетов в красивых сокольских нарядах, от Русской государственной думы: В.А. Маклаков, граф В.А. Бобринский (националист), А.С. Гижицкий и Н.Н. Львов. Тогда за это "славянофильство" посмеивались над Маклаковым»¹⁴.

Славянские делегаты посетили Ольшанское кладбище, где были отслужены панихиды у памятника павшим в сражениях при Дрездене и Кульме в 1813 г. русским офицерам, а затем у могил Я. Коллара и Ф. Палацкого¹⁵. На могилы были возложены венки.

В предпоследний день русские делегаты посетили православную церковь, где был отслужен молебен. Настоятель Рыжков благодарил за начало дела славянского единения. Русская православная община возникла в Праге еще в 1870 г.¹⁶, когда при содействии пражского магистрата русским был предоставлен в аренду храм св. Николая¹⁷. Священник православных русских церквей в Праге и Карлсбаде (Карловых Варах) Н. Апраксин сообщал в письме настоятелю русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому от 18 сентября 1883 г. об условиях существования православной русской церкви в Праге: "Церковь св. Николая, что в Старом городе Праги, арендована русским графом П.А. Голенищевым-Кутузовым для православного богослужения на 30 лет с 26 июля 1870 г. Условия существования православной русской церкви в Праге определены указом министра исповеданий и просвещения наместнику Богемии от 30 марта 1875 г., сообщенным через мигистрат бывшему поверенному графа Голенищева-Кутузова доктору прав Фр. Браунеру. Этим указом за православным богослужением в церкви св. Николая признан характер частного, совершаемого для русских подданных православного вероисповедания, чрез что, однако ж, не исключается случайное присутствие при богослужении и посторонних лиц. В силу того от причта не требуется австрийского подданства. Далее, все религиозные действия вне храма св. Николая (как то: процессии, крестные ходы и т.п.) воспрещены, но священнику дозволяется совершать некоторые религиозные действия, напр., таинства покаяния, причащения, причащения и елеосвящения в частных домах и для всех вообще единоверцев, к какому бы государству они ни принадлежали. Совершать приходские акты для австрийских подданных священник, конечно, не имеет права, но ему дозволено совершать оные в тех случаях, когда все участники православного вероисповедания русские подданные, с замечанием, что эти акты, сохраняя свое церковное значение, в Австро-Венгерской монархии никоим образом не могут иметь значения юридического... Православный причт церкви св. Николая (священник, диакон и псаломщик) подчинен с.петербургскому митрополиту, а содержание получает от св. Синода"¹⁸.

Граф В.А. Бобринский вспоминал, что церковь св. Николая представляла собой большое светлое здание на площади, где располагалась городская ратуша, некогда это была церковь уп-

раздненного Иосифом II католического монастыря. Город Прага предоставил ее русско-чешской общине, беря лишь номинальную плату. В начале XX столетия церковь обветшала, и требовался капитальный ремонт, однако российский Синод отказал в деньгах. Тогда пражская городская управа, сплошь католическая по вероисповеданию, отпустила 110 тыс. крон (44 тыс. руб.) на ремонт православного храма. Во время службы в храме, — писал Бобринский, — “некоторые из нас, вместе с галицкими униатами и болгарами, стали на клирос и составился хор. Прозвучали имена наших просветителей Кирилла и Мефодия, затем... княгини Ольги и князя Владимира, наконец, чешских святых, чтимых и нашей церковью,... князя Вячеслава и Людмилы”¹⁹.

Затем некоторые русские делегаты присутствовали на большом митинге рабочих, устроенном В. Клофачем в народном доме на Виноградах. А. Столыпин писал, что Клофач “действительно выдающийся народный трибун”, что такой рабочей толпы он не видел в России и не мечтал о таком “социализме”²⁰.

Вечером Крамарж устроил раут у себя дома²¹. Обменивались тостами, политическими речами, беседы были откровенными, а когда стали прощаться, поляки, по воспоминаниям А. Столыпина, “спохватились, что говорили все по-русски”²².

На торжественном прощальном заседании Крамарж зачитал приветственную телеграмму московского городского главы Н.И. Гучкова. Участники съезда решили в следующий раз собраться в Петербурге и посетить Москву и Варшаву. По результатам съезда была единодушно принята резолюция, предложенная русской делегацией. Звучала она так: “Подготовительный съезд славянских делегатов признает жизнённость и плодотворность идеи общеславянского единения и находит, что необходимое для этого прекращение несогласий между славянскими народами может быть достигнуто только всеобщим признанием и применением начал равноправности и свободного развития каждого народа, его национальных и культурных особенностей”²³.

Участник съезда И.П. Филевич делился своими впечатлениями о его общей атмосфере, участниках и результатах. В серии статей “Славянские дни в Праге” он писал: “Для предварительного славянского съезда нельзя было выбрать места более подходящего, чем золотая Прага... в Праге действительно чувствуется славянская атмосфера”²⁴. Он описывал приподнятость настроения и теплую встречу, устроенную пражанами гостям: «...На всем пространстве с вокзала до гостиницы улицы запружены народом, машут шляпами, платками, воздух оглашается громким, бодрым чешским “Na zdar!” (Приветствие. — Е.С.).

По лицам, по этим приветам вы чувствуете, что в золотой Праге бьется золотое славянское сердце»²⁵. В славянском съезде приняли участие славяне отовсюду кроме познаньских поляков, лужичан, венгерских словаков и украинцев. Если первые три группы не приехали в силу объективных обстоятельств, то об украинцах Филевич замечал: "Они сами не пожелали приехать, очевидно чувствуя, что нарушив общерусское единение, они таким образом не могут содействовать общеславянскому"²⁶. В телеграмме украинского народного комитета, подписанной двумя парламентскими депутатами-радикалами К. Левицким и Л. Багинским, а также проф. М. Грушевским, отсутствие украинцев на съезде объяснялось участием в его работе Глебовицкого и его сторонников, обойденным в программе вопросом об отношении украинцев к полякам и русским, а также тем, что в Прагу не приглашены белорусы. И наконец, по причине того, что украинцы не признают славянской племенной солидарности, направленной против германизма²⁷.

Однако, несмотря на отсутствие представителей некоторых групп славян, корреспонденции из Праги в основном были весьма восторженными. Филевич писал, что "успех славянского съезда превзошел все ожидания", съезд стал "фактом крупного исторического значения", "русско-чешские связи закреплены неразрывно"²⁸. Пять дней шли общие ("делегационные") и специальные совещания. Участники съезда могли выступать на своих родных языках, но в основном использовался чешский, русский и польский, резолюции переводились. Общее собрание утвердило дальнейший план культурной и экономической работы. В исполнительный комитет вошли два представителя от России, один — от Галиции, трое поляков, по одному представителю от каждого другого славянского народа, а кроме того К. Крамарж "в качестве так сказать сверхславянина"²⁹.

Крамарж сам был склонен к театральности, преувеличению³⁰, что, естественно, сказалось на организации работы съезда и его оценках. Но надо признать, что съезд имел и реальные положительные результаты. Чешский лидер позднее писал, что Пражский славянский съезд принадлежит к лучшим воспоминаниям его жизни: "Здесь перед лицом всего славянства подали друг другу руки русские и поляки, болгары и сербы, здесь так искренне славилось славянское братство, о чем раньше никто не мог помечтать и во сне"³¹. Естественно, он был безмерно горд оценкой своей роли на съезде и тем, что был избран председателем исполнительного комитета сверх квоты, положенной чехам при членстве в комитете³².

Неославизм, провозглашенный еще в Петербурге, на Пражском съезде вылился в широкую программу реальных задач

и практических работ. И. Филевич как участник съезда писал, что там были выдвинуты определенные задачи: организация книжного, газетного и торгового дела, банков, сокольства, туризма³³. Предполагалось их осуществление общими силами. Межславянское общение должно было охватить и широкие народные массы. Планировалось организовать посещение славянских земель крестьянами для ознакомления с земледелием, огородничеством, садоводством, виноградарством и прочими сельскохозяйственными культурами, а в заключение генеральный смотр на общеславянской выставке в Москве всего, что удалось сделать за это время. Значение съезда Филевич видел в том, что в Праге была разработана совершенно ясная и определенная программа неославизма³⁴.

Однако нерешенных проблем осталось еще много. А.А. Столыпин, подводя итоги съезда, отмечал: "Вопрос русско-польских отношений одинаково тормозит славянское дело в Праге, Софии и в Белграде, он одинаково живуч в Македонии и в Берлине, он является не только самодовлеющей и еще не устраненной помехой нашей внутренней политики, но долго еще будет служить сильным и не устаревшим оружием политики внешней, оружием, которым будут пользоваться чужие, не славянские руки"³⁵. Он подчеркивал, что идея славянского единения лишь начала прокладывать путь в сознании польского общества. Пока лишь одиночки поняли необходимость славянского единения, и требуется долгое время для его практического воплощения.

Большое впечатление на участников съезда оказало и знакомство с жизнью чешского народа. Особенно поразили русских делегатов демократизм чешского общества, организованность и трудолюбие чехов, их гостеприимство³⁶. Почти через год И. Филевич писал: "Я живо помню, как удивлены и поражены были многие из русских делегатов прошлогоднего пражского съезда всем тем, что они увидели в Праге и особенно в чешской деревне (после съезда русские представители совершили поездку по Чехии. — Е.С.). Перед ними открылся совершенно новый мир, несколько не соответствовавший установившимся у нас обычным представлениям о наших славянских братьях. Ориентироваться в этих новых впечатлениях было нелегко, и совершенно естественно, что в первую минуту русский человек ощущал в Праге некоторую растерянность, что к чувству радости от успехов чехов примешивалось горькое сознание нашей русской отсталости"³⁷.

В августе того же года заместителю министра иностранных дел А.П. Извольского Н.В. Чарыкову пришлось давать разъяснения на запрос премьер-министра о деятельности генерала

В.М. Володимирова за границей. В запросе П.А. Столыпин, ссылаясь на сведения, полученные Петербургским телеграфным агентством, сообщал, что Володимиров участвовал в совещаниях со славянскими деятелями в Загребе, Праге и Вене, намеревался пригласить в Москву на всеславянский съезд словаков и южных славян, со славянской агитацией посетить Краков и Львов. Целью Володимирова якобы была организация всеславянской лиги с участием всех славян Австро-Венгрии и Балкан. Столыпин просил сообщить детали и дать объяснения относительно поездки Володимирова³⁸. В ответе Чарыкова говорилось, что деятельность Володимирова связана с приездом в Санкт-Петербург чешского политического деятеля Крамаржа и господ Глебовицкого и Грибара. Она является продолжением их начинаний в области более тесного сближения славянских народов на почве культурных и экономических интересов. Чарыков специально подчеркивал: "Вверенное моему управлению министерство со своей стороны не может рассматривать деятельность генерала Володимирова иначе как проявление совершенно частной инициативы..."³⁹

Российский МИД отслеживал развитие нового славянского движения. В сентябре 1908 г. И.П. Демидов докладывал Н.В. Чарыкову из Вены о том, как он выполняет поручение следить за всеми проявлениями неославизма. В центре его внимания были пражский славянский съезд и съезд славянских журналистов в Любляне (август 1908 г.), в котором принимали участие и русские журналисты. Демидов сообщал в Петербург, что во время пражского съезда его председатель д-р Крамарж "прекрасно" охарактеризовал новое движение и "очертил его границы"⁴⁰. В противоположность непрактичному, "вызывающему" панславизму 70-х годов XIX столетия, неославизм, по словам Демидова, ставил своей задачей более тесное, "никому не угрожающее, культурное и экономическое сближение разрозненных славянских племен"⁴¹, всякие же политические тенденции были исключены из программы неославизма.

Журналистский съезд занимался разработкой устава всеславянского союза журналистов, проектами славянской библиографии и общего печатного органа. По мнению мидовского чиновника, осуществление этих проектов зависело от сознания необходимости и взаимной пользы культурного единения славян, "сознания, находившегося еще в зачаточном состоянии"⁴². И хотя оба съезда никак не затрагивали политических вопросов, прения отличались полной корректностью, однако обострение чешско-немецких отношений и антинемецкие демонстрации в Любляне были приписаны духу панславизма, якобы инспирированного съездами.

Делая заключение о неославизме, Демидов подчеркивал: "Чуткость австрийского общественного мнения в этом деликатном вопросе, предостерегает нас от всякого преждевременного покровительства этому делу"⁴³. Он предупреждал: "Всякая пропаганда общеславянской идеи в монархии — хотя бы чисто культурная или экономическая — может вовлечь нас в весьма нежелательные политические осложнения не только с Австрией, но и с ее могучей союзницей, Германией, и без того уже недружелюбно настроенной благодаря германофобскому тону нашей отечественной печати"⁴⁴.

Вскоре международная обстановка действительно резко изменилась. 24 сентября 1908 г. Вена официально объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. Там по решению Берлинского конгресса 1878 г. размещались австрийская администрация и войска, но номинально эти провинции находились под юрисдикцией султана. Воспользовавшись младотурецкой революцией, Австро-Венгрия решилась на аннексию Боснии и Герцеговины как демонстрацию силы по отношению к Сербии, также претендовавшей на эти земли. 2—3 сентября в замке Бухлау произошла встреча министров иностранных дел России и Австро-Венгрии А.П. Извольского и А. Эренталя. При этом была достигнута устная договоренность о том, что Россия одобрит аннексию взамен на австрийскую поддержку открытия Черноморских проливов. Однако сроки объявления об аннексии и о пересмотре режима проливов оговорены не были. Извольский надеялся, что эти вопросы будут решены на международной конференции, однако Великобритания не поддержала позицию Извольского⁴⁵. После неожиданного объявления Веней аннексии и последовавших резких протестов Турции, Сербии и Черногории Россия решила воздержаться от ее признания. Разразился так называемый Боснийский кризис.

Крамарж узнал об аннексии по дороге из Крыма, где он ежегодно проводил отпуск в имении своей жены "Барбо". По приезде в Вену он поспешил встретиться с А. Эренталем. Последний заверил его, что вопрос этот согласован с Россией⁴⁶. Крамарж выступил в комиссии по иностранным делам австрийской делегации и в целом одобрил аннексию, хотя и отметил, что Австро-Венгрия этим шагом нарушила прежние международные договоренности⁴⁷.

Российская печать обрушилась на Крамаржа за его позицию, газеты писали: "Лучше было обойти этот щекотливый вопрос молчанием, чем выступлением своим разрубить основы того здания, над которым трудился заседавший под его председательством славянский съезд в Праге"⁴⁸. Его называли "самонадеянным политическим вождем", упрекали в том, что он не

имел права выступать от лица всего чешского народа. Особо резкой критике Крамарж был подвергнут за то, что 26 сентября созвал совещание всех славянских членов австро-венгерских делегаций, которое в своем заявлении также одобрило аннексию⁴⁹. Филевич негодовал по поводу фразы Крамаржа о том, что "моральным основанием для присоединения Боснии может стать предоставление полной свободы ее населению". Филевич же был уверен, что Австрия никогда ее не предоставит. Славянский элемент Австро-Венгрии также нисколько не усилится, так как Босния и Герцеговина останутся обособленными, их представители не войдут в состав общеимперского парламента. «Такой политик, как д-р Крамарж, не может этого не знать. Но он санкционировал действия бар. Эренталя, он дал ему "моральное" право указывать Белграду "правильный путь"»⁵⁰, — писал Филевич. Действия Крамаржа квалифицировались как "пробуждение воинствующего австрославизма"⁵¹.

Положение Крамаржа осложнилось и тем, что под предводительством чешского депутата Клофача (политического противника Крамаржа), галицкого депутата Глебовицкого и хорвата Тресича в рейхсрате образовалась объединенная оппозиция славянского меньшинства, высказавшаяся против законопроекта об аннексии. Названная оппозиция заявила, что венский и будапештский парламента не полномочны принять подобный закон, компетентны принять подобный закон лишь земские сеймы королевства Хорватия, Славонии, Далмации, а также королевства Чешского и будущий сейм Боснии и Герцеговины⁵². Симпатии к Клофачу росли в противовес популярности Крамаржа. Авторы некоторых статей в российской прессе обвиняли Крамаржа в том, что он "своей позитивной политикой, своим прислуживанием венскому правительству расколос не только младочешскую партию, но внес деморализацию во все чешское представительство"⁵³. Члены оппозиции считали, что ни венский, ни будапештский парламента не в праве решить этот вопрос, который должен быть передан в компетенцию будущего сейма Боснии и Герцеговины⁵⁴. Эта точка зрения была близка мнению некоторых неославистов, высказывавшихся за проведение плебисцита в этих провинциях. Протест чешских депутатов в пражском сейме привел к его закрытию. Начались уличные демонстрации в крупных чешских городах⁵⁵.

Крамарж никак не ожидал такой реакции, он был буквально обескуражен развитием ситуации. О его гибкости политика свидетельствует стремление как можно быстрее поправить положение. В октябре газета "Новое время" писала, что Петербургское телеграфное агентство позволило себе грубейшую мистификацию с речью чешского депутата К. Крамаржа в делега-

циях. Его речь в изложении "Correspondenz Bureau" была извращена в расчете подорвать доверие русского общества к лидерам славянского движения в Австро-Венгрии. Крамарж прислал в Россию оригинальный текст своей речи, опубликованный в его газете "День". Смысл ее действительно был несколько иной. Поверив словам Эренталя, что присоединение Боснии и Герцеговины последовало с ведома России, в своих оценках Крамарж исходил из совершившегося факта, но в то же время требовал освобождения из тюрем арестованных в последние месяцы сербов и введения в Боснии подлинного народного представительства. В своей речи Крамарж прямо заявил, что моральное право на присоединение имела больше Сербия, чем Австрия. Все эти места в его речи были пропущены агентством и, напротив, подчеркивались те, в которых Крамарж упоминал о культурных заслугах оккупационного правительства за истекшие 30 лет и мнимых моральных правах Австро-Венгрии на аннексию⁵⁶. Быстро сориентировавшись, в следующих выступлениях Крамарж говорил уже о "долголетней ошибочной австрийской политике в Боснии и Герцеговине", "безмозглой, анти-сербской политике", "варварских приговорах над сербскими журналистами", необходимости понять позицию Сербии, открыть ей свободный провоз товаров к Адриатическому морю, предоставить компенсации. Он призывал дать боснякам и герцеговинцам "полную свободу", признать за их сеймом право формировать бюджет, изменить земельную политику, дать им представительство в обеих имперских делегациях, не признавать притязания Венгрии на Боснию⁵⁷.

Уже позже, в 1910 г., после встречи и разговора с Извольским, объяснившим Крамаржу суть переговоров в Бухлау и вероломство Эренталя⁵⁸, чешский депутат резко осудил политику аннексии. Крамарж упрекал Эренталя в том, что, вооружившись соглашением с Извольским, он не созвал перед аннексией европейскую конференцию, хотя младотурецкая революция и объявление Болгарии царством (имеется в виду полная независимость в 1908 г.) давали достаточно причин для этого. Если бы европейские державы, считал Крамарж, поддержали Австрию, то Сербии и Турции пришлось бы с этим согласиться. А так, из-за многомесячного бойкота Турции, австрийская торговля и промышленность понесли большой убыток⁵⁹. Весьма накладными были и военные приготовления против Сербии, а также выплаченная Турции 54-миллионная компенсация⁶⁰. После того как Крамарж узнал правду о действиях Эренталя, он прервал с ним всякие отношения и не общался вплоть до его смерти⁶¹. Предательства по отношению к России Крамарж простить ему не мог.

Отношение КОДа к аннексии выразил в конце октября председатель его совета М.В. Красовский. Он возражал против обвинений в адрес поборников славянского движения в подстрекательстве сербов и черногорцев к столкновению с Австро-Венгрией и вовлечении России в опасный конфликт. На заседании в КОДе он заявил: "Наши стремления и задачи вполне миролюбивы и чужды шовинизма. Мы желаем культурного объединения славянских народностей, устранения вековых распрей, возможно тесного духовного и экономического общения между ними, но мы отнюдь не стремимся к образованию политического союза или лиги всех славянских народностей..."⁶² Он полагал, что российское правительство должно точно и определенно указать Сербии и Черногории на необходимость соблюдать величайшую осторожность и полную сдержанность, "чтобы не навлечь на себя опасность утратить в непосильной борьбе те блага независимости и свободы, которые приобретены были 30 лет назад ценою громадных усилий и тяжких жертв со стороны России"⁶³. Кроме того предлагалось заявить Австро-Венгрии, что согласие России на аннексию будет зависеть от позиции всех держав, подписавших Берлинский трактат. Для выяснения этой позиции предполагалось созвать международную конференцию, полномочную решить этот вопрос.

Боснийский кризис привел к укреплению союза между Австро-Венгрией и Германией, оказавшей ей поддержку. Крамарж понял тщетность своих усилий на сближение Австрии с Россией. Однако он продолжал реализовывать программу, намеченную пражским съездом. По его инициативе собрался славянский комитет чешской народной рады для разработки проекта всеславянской выставки. На заседании рассматривался и вопрос о проведении следующего славянского совещания⁶⁴.

В России также предпринимались действия в духе пражского съезда. При комитете славянской взаимности под председательством М.В. Красовского был создан кружок русских и польских делегатов, участников пражского съезда, в который вошли 34 общественных деятеля. Члены кружка, депутаты Госдумы и Госсовета, образовали отдельную парламентскую фракцию. В ее состав вошли 14 человек, с русской стороны: М.В. Красовский, граф В.А. Бобринский, А.С. Гижицкий, И.С. Ключев, П.Г. Доппельмайер, М.А. Искрицкий, Н.Н. Львов, В.А. Маклаков; с польской — граф Я. Олизар, граф Г. Потоцкий, Р. Дмовский, Г. Свенцицкий, И. Монтвилл и И. Швейжинский. Кружок ставил своей целью сближение русского и польского общества с западно- и южнославянской интеллигенцией.

Предполагалось устройство всеславянского бала, который должен был представлять собой "живую этнографию славянских народов". Дамы и господа обязаны были явиться на бал в национальных славянских костюмах, причем как исторических, так и современных. На балу должны были исполняться все славянские национальные танцы, не только известные в России, как польская мазурка, но и еще неизвестные, такие как "чешская беседа, моравский трояк, словацкий чардаш, хорватско-сербское коло, болгарское хоро и галицко-русская коломыка"⁶⁵. Предполагалось придерживаться на балу древнеславянского церемониала. Но даже такая, казалось бы, невинная забава трактовалась в немецкой печати как "пробудившийся панславизм"⁶⁶.

Неославизм в целом и Крамарж, как один из самых видных его лидеров, подвергались критике со всех сторон. На заседании венского парламента польский социал-демократ Дашиньский критиковал политику Эрренталя, объявившего об аннексии Боснии и Герцеговины. Одновременно он обвинил Крамаржа, что тот пригласил летом в Прагу А.А. Столыпина якобы для контроля над славянским съездом. По мнению польского депутата, неославизм был создан для служения русскому правительству и являлся возрождением старого панславизма. С парламентской трибуны он уверял, что это движение ничем не доказало своего культурного значения в России, а, наоборот, используется официальной Россией для "антикультурных целей"⁶⁷.

В ответ Крамарж заявил, что его, совместный с Грибарем и Глебовицким, визит к П.А. Столыпину в Петербурге был жестом вежливости, а А.А. Столыпин вовсе не исполняет роль контрольного органа русского правительства, будучи независимым писателем и журналистом. "Неославизм, — заявил лидер младочехов, — преследует цели прямо противоположные панславизму. Я удивляюсь, что представитель польской социал-демократии высмеивает новейшие лозунги всей демократии: братство, равенство и свободу, основы неославизма, между тем как главный орган чешской социал-демократии тепло приветствовал неославизм на пражском съезде. Дашиньский, сомневаясь в братстве поляков с русскими, забывает, что неославизм работает прежде всего на братство русских с поляками, и что лучшие русские люди к этому стремятся, хотя никто и не утверждает, что Россия уже теперь является страной братства"⁶⁸. Крамарж подчеркнул, что неославизм не служит никакому государству, хотя его и подозревают в службе всевозможным правительствам, включая английское. Он упомянул о том, что некоторые немецкие газеты распространяли абсурдные слухи,

что именно оно снабдило славянских депутатов средствами для поездки в Россию⁶⁹. Защищая "славизм", Крамарж отметил, что для Австрии, справедливой к славянам, он не страшен. Австро-славизм, по его мнению, был нежелателен, так как мог привести к конфликту с остальным славянским миром. Неославизм он определил как движение, не имеющее ничего общего с правительствами, но стремившееся влиять на направление политики. Он высказал мысль о том, что если бы неославизму удалось направить русскую политику в духе принципов братства и свободы, то он оказал бы громадную услугу не только славянскому миру, но и всему человечеству⁷⁰.

В декабре 1908 г. петербургская газета "Речь" опубликовала большую статью Т.Г. Масарика "О новославизме". Масарик критиковал декларируемый неославистами отказ от политики. "Культурные стремления, раз они являются действительно стремлениями, не мыслимы без политической перспективы для будущности"⁷¹, — писал он. По его мнению, программа неославизма должна была стать "более ясной, более определенной, более обдуманной, более искренней".

Масарик указывал на сложность задачи единения славян, так как они проживают в разных государствах, имеют различные языки и веру. Ему казалось, что сами славяне не отдают себе отчет в трудности своих задач, а потому "удовлетворяются черезчур нереальными мечтаниями". Он призывал покончить со славянским утопизмом и перейти к славянскому реализму. Реальный неославизм, с его точки зрения, должен был прежде всего работать над разрешением русско-польского спора, а он, в свою очередь, мог быть решен лишь конституционной Россией, "Россией свободной и демократической". Масарик писал: "Русское государство не должно разбиваться на части, но оно должно стать органически целым"⁷². Децентрализация, конституционное устройство и создание демократической администрации, по его словам, не привели бы к ослаблению государства.

Идеолог реализма возражал и против антигерманской направленности славянской политики. Масарик солидаризировался с мнением П.Н. Милюкова, заявившего, что славяне не должны идти против немцев, хватит и того, если "культурно и политически независимые славяне будут стоять возле немцев"⁷³.

Лидер образованной в 1900 г. Чешской народной партии связывал славяно-германские отношения с международной политикой и ситуацией в Европе. Несмотря на то, что Россия заключила соглашение с Англией и Францией, Масарик не был в то время уверен, что отношения между этими странами и Германией будут враждебными. А потому подчеркивал: "Нам сле-

дует подождать и не заниматься минутной политикой. Славяне, в особенности западные, не должны напрасно раздражать немцев, вмешиваясь в неготовые комбинации. Именно потому, что немцы наши могущественные противники и соседи, нам следует избегать шовинистических панславистских демонстраций"⁷⁴. "Наша обязанность, — продолжал он, — заниматься серьезной политикой, или лучше и не начинать"⁷⁵. Славянскую взаимность он понимал как использование национального родства и родства языков для положительной работы в области духовной и материальной культуры, признание всего хорошего, что имеют славянские и неславянские народы, как шаг по пути гуманности. Масарик отвергал славянофильское учение, заявлявшее об избранности народа, заявлял о желании идти рядом и вместе с остальными народами. Причем достичь равенства и равноправия среди других народов он предлагал посредством культурной работы.

Эти тезисы Масарика, собранные в одной статье, были крайне противоречивыми. С одной стороны, претензии к неославистам из-за отсутствия политической программы, с другой, — проповедь необходимости лишь культурного сотрудничества. Но ведь это как раз то, что предлагали неослависты. Кроме того, неубедительно звучали и его упреки в идеализме: деятели новой славянской политики не обсуждали отвлеченные теоретические проблемы, а ставили вполне конкретные задачи, хотя, как оказалось позднее, трудные для реализации. Пожалуй, наиболее здравыми, с которыми вполне можно согласиться, были рассуждения Масарика по вопросу об отношении к немцам и к другим народам вообще. Но сама славянская идея зародилась и развивалась как противовес, противодействие пангерманизму. Именно политика Германии по отношению к познаньским полякам, неравноправное положение славян в рамках Австрии и особенно Венгрии объективно подталкивали западных славян к сотрудничеству с братьями, прежде всего с русскими, имеющими собственное достаточно сильное государство. Поэтому, естественно, что определенная антинемецкая направленность проявлялась в новой славянской политике. Правда, как уже говорилось выше, сторонники неославизма подчеркивали ее исключительно оборонительный характер.

В этой же статье Масарик дал разбор и оценку пражскому съезду. В качестве положительных моментов он отметил возможность личного знакомства разных славянских деятелей, окончание съезда "без дисгармонии и споров", обнаружившуюся потребность и желание взаимности и сближения. Отрицательную сторону съезда Масарик видел в том, что о славянских делах (вероятно, имелись в виду отношения между славянами. — Е.С.)

говорилось немного. Кроме того, Масарик считал, что съезд был скорее "экстенсивным, чем интенсивным", так как в нем участвовали разные партии и направления. Но для успешной работы, по его мнению, нужно сотрудничество родственных по своей программе партий. Подводя итоги, чешский профессор писал, что "новославизм" должен основываться на знании европейской и мировой культурной эволюции, заниматься мировой политикой и иметь собственное мнение. Что касается последних замечаний, то Масарик, безусловно, лукавил, выдвигая требование заниматься мировой политикой, так как сам писал, что даже "строго политическое пангерманское движение не встретит ни в Германии, ни в Австрии такого противодействия, как культурное новославянское движение"⁷⁶. Требовать каких-либо политических заявлений от деятелей неославизма, многие из которых одновременно были депутатами рейхсрата или Государственной думы, видными общественными и государственными деятелями, было нереально. Единственно, с чем в этих критических пассажах приходится согласиться, это некая расплывчатость неославизма в целом, позволяющая трактовать его совершенно по-разному. Этим же грешили и первые славянофилы в России — Хомяков, Киреевские, Аксаковы, четко не сформулировавшие своего учения и имевшие некоторые несогласия между собой.

Российский МИД продолжал бдительно следить за развитием движения неославистов в России. Из донесения Демидова от 19 января (1 февраля) 1909 г. на имя Н.В. Чарыкова мы узнаем, что в Киеве была предпринята попытка учредить "Карпато-русское школьное общество", прочитано несколько докладов о Галицкой Руси, появилось несколько статей в периодической печати. "Но в общем, — сообщал Демидов, — нельзя еще говорить о каком-либо положительном успехе дела"⁷⁷. Демидов уведомлял, что устав учрежденного "Карпато-русского школьного общества" разрабатывается д-ром Яворским. Одновременно он отмечал, "непреодолимую, в высшей степени вредную рознь, которая постоянно составляла отличительную черту славянских взаимоотношений. Так, киевский клуб русских националистов выразил желание обратить серьезное внимание на положение в Галиции. Он решил обратиться к членам Государственной думы, участвовавшим в неославянском движении и обсуждавшим основы русско-польского примирения, с просьбой не принимать в этом направлении никаких шагов пока поляки не дадут обязательств, что местные власти в Галиции откажутся от поддержки антирусского украинского сепаратизма и предоставят галицким русским все те национально-культурные права, на которые претендуют поляки в Царстве Польском. Де-

мидов же, наоборот, считал, что инициатива примирения должна идти от России, и что уступки правительства польским вождениям побудят поляков мало-помалу отказаться от поддержки в Галиции русофобских и украинофильских течений. "Как бы то ни было, — писал он, — неославизм переживает, благодаря славянским распрям и общеполитическим событиям, нелегкие времена"⁷⁸. Именно поэтому его не удивляла выжидательная позиция, занятая Крамаржем. Направление политики Крамаржа целиком зависело от единодушия, встречаемого им в России. "Не будучи уверен в таковом и не усмотрев у нас единогласия, на которое он мог бы безусловно опереться, он не счел себя вправе вводить чехов в заблуждение и окончательно скомпроментировать себя и свою партию в Австрии каким-либо решительным славянским выступлением"⁷⁹.

В заключение Демидов указывал на грозящую неославизму опасность: «В силу основных своих начал равноправия и необходимости, для успеха дела, предоставить народностям некоторые права на самоопределение, новое движение приближается к программе "левых" партий. Если правительство не направит своего курса в соответствующем смысле, то легко может стать, что неославизм сделается орудием оппозиционной борьбы и низведется на степень партийной "платформы"»⁸⁰. Такой поворот Демидов считал нежелательным ни для правительства, ни для дела славянского единения.

Между тем в Австрии зимой 1908/1909 г. обострились чешско-немецкие отношения. В декабре 1908 г. на улицах Праги произошли потасовки между чехами и немецкими студентами, прибывшими на закладку нового здания немецкого университета. Полиция разгоняла народ. Появились убитые и раненые, в результате чего город был объявлен на военном положении⁸¹. Дальнейшее усиление чешско-немецкого противостояния было вызвано внесением в парламент законопроекта об употреблении языков в связи с правительственным планом нового разделения Богемии на административные округа (10 чешских, 6 немецких и 4 смешанных). При таком разделении было бы увеличено число немецких и сокращено число смешанных округов, что само по себе вызвало крайнее недовольство чехов. Законопроект о языках ограничивал употребление чешского языка в правительственных учреждениях, что возбудило сильное негодование среди чешского населения. Против законопроекта о новых административных округах высказался Т.Г. Масарик, чешские клерикалы. Крамарж, выступая в парламенте, заявил: "Мы, чехи, скорее умрем, чем допустим растерзание единой и неделимой чешской земли"⁸². Чешские депутаты при обсуждении этого проекта предприняли обструкцию, а затем, как

сообщал из Вены 4(17) февраля 1909 г. российский поверенный в делах С.Н. Свербеев, самые резкие парламентские приемы "до драки включительно"⁸³. Австрийское правительство было вынуждено прервать сессию. Чешским радикалам во главе с депутатом Клофачем, вызвавшим своею обструкцией закрытие парламента, на протяжении всего их пути из Вены в Прагу чехами устраивались бурные овации⁸⁴. Одновременно с прекращением парламентской сессии закрыт был и Богемский сейм.

Уже на следующий день в газетах появилось сообщение об учреждении так называемой "славянской унии" в рейхсрате, состоящей из 125 членов-депутатов всех славянских народностей, исключая поляков и украинцев. Целью унии было добиться преобладающего влияния в парламенте. Был образован исполнительный комитет унии и состоявшая из 16 членов парламентская комиссия. Решения последней, принятые двумя третями голосов, должны были стать обязательными для всех входивших в состав унии клубов⁸⁵.

В феврале 1909 г. Демидов сообщал Свербееву о том, что "славянский вопрос стал рельефно выдвигаться вследствие балканского кризиса"⁸⁶. Здесь же сообщалось, что представителю Санкт-Петербургского телеграфного агентства (и одновременно российскому резиденту за границей. — *Е.С.*) В.П. Сватковскому был предоставлен статус члена Генерального консульства в Вене (так называемая "дипломатическая крыша"), чтобы "освободить его от обысков австрийских властей и использовать его связи с политическими деятелями Австрии"⁸⁷. Сватковскому была поставлена задача — в беседах со славянскими политиками (которые должны были носить частный характер) выяснить их отношение к возможному вооруженному конфликту Австро-Венгрии с Сербией, а также их возможности воздействовать на австрийский кабинет с тем, чтобы предотвратить подобные действия. Вооруженное вторжение Австро-Венгрии в Сербское королевство грозило окончательно расстроить русско-австрийские отношения и нарушить европейский мир. Буквально через неделю Сватковский сообщил, что действует через влиятельных в Вене и в своих кругах поляка графа Дедушицкого⁸⁸ и чеха Крамаржа. Сватковский информировал о состоявшейся беседе с Крамаржем, который воспринял идею мира "со свойственной ему отзывчивостью"⁸⁹.

Крамарж в 1909 г. еще имел некоторое влияние на Эренталя, хотя их отношения несколько ухудшились. Крамарж интересовался готовностью к боевым действиям русской армии, в ответ Сватковский помалкивал, хотя и считал, что Крамаржу можно полностью доверять. В донесении он указывал, что если бы Россия с Англией, Францией и Италией была бы готова вы-

ступить против Германии и Австро-Венгрии, то Крамарж не пекся бы о мире, а изменил бы свою позицию. Сватковский использовал Крамаржа в качестве источника информации и орудия проведения в Вене выгодных для российской дипломатии идей. Российский резидент сообщал на родину, что Австро-Венгрия готова выставить 1 600 000 солдат. Он полагал, что в случае военного конфликта можно будет реализовать идею автономии славянских единиц под властью России. Сватковский доводил до сведения заинтересованных лиц, что Крамарж действует быстро и уже послал к Эренталю графа Туна с соображениями в пользу мира. Аграрий Тун пользовался значительным влиянием при наследнике престола, так как был женат на сестре его жены графини Хотек. Кроме того, Крамарж предложил всем чешским политическим партиям опубликовать резолюцию в пользу мира, которая после определенной борьбы была принята. Сватковский писал, что Крамарж продолжит работу в том же направлении через печать, выступления в парламенте⁹⁰. Из этого документа явствует, что Крамарж был одним из тех, кто помог предотвратить военный конфликт во время Боснийского кризиса, когда Россия была совсем не готова к войне. Чуть позже в этом же году П.А. Столыпин признался Крамаржу, что России потребуется десять или, по крайней мере, восемь лет, чтобы полностью подготовиться к войне⁹¹.

3 марта "Новое время" опубликовала беседу Крамаржа со Сватковским, в ходе которой появился план совместного обращения к австро-венгерскому императору с данными из первых рук о желаниях и намерениях сербов⁹². В марте же в письме Демидова Свербееву первый просил передать Сватковскому благодарность за ценные сведения, извлеченные из бесед с д-ром Крамаржем, свидетельствовавшие о "твердом желании последнего действовать с нами для охранения славянства и общего мира"⁹³. В послании, в частности, говорилось: "С признательностью принимаем к сведению помянутое новое доказательство неустанных усилий чешского вождя в пользу мира и восстановления добрососедских австро-русских отношений. Мы возлагаем благие надежды на д-ра Крамаржа и его политических друзей по вопросу о конституционных правах для населения Боснии и Герцеговины"⁹⁴.

В очередном письме от 17(30) марта Н.В. Чарыкову Демидов комментировал события в Австро-Венгрии. Он апеллировал к отзывчивости российских правительственных сфер в славянском вопросе. "Между тем, — писал он, — в последнее время, замечается явление как раз обратное. Под влиянием ли грозных политических событий на Балканах, из внутренних ли партийных соображений, правительство пытается задер-

жать волну новой общественной мысли"⁹⁵. В пример он приводил запрет проф. А.Л. Погодину читать лекции по славянскому вопросу в провинции, а также выступление министра юстиции с трибуны Государственной думы, заявившего о неизбежности начал судопроизводства в Привислянском крае. Тем самым ставилась новая преграда начавшемуся русско-польскому сближению. Демидов констатировал факт недоверчивого, "если не враждебного", отношения к неославизму со стороны российского правительства. Он описывал сложившуюся обстановку в Австро-Венгрии, характеризуя ее как "ожесточенную борьбу между германо-правительственными и объединяющимися славянскими элементами". Сообщал, что славянский союз (уния. — Е.С.) рейхсрата обнародовал резолюцию в пользу мирного улаживания австро-сербского конфликта⁹⁶. Правда к унии отказались примкнуть польские и украинофильские депутаты, а все остальные партии рейхсрата заявили о необходимости объединения в контрславянский блок. "Таким образом, — констатировал Демидов, — славянская рознь в Австрии, организованное германское противодействие и недоверие нашего правительства к общественным начинаниям продолжают служить непреодолимым препятствием развитию общеславянского влияния"⁹⁷. Как мы видим, позиция самого Демидова резко изменилась по сравнению с его первым посланием, в котором он сам же рекомендовал правительству воздержаться от поддержки неославизма. Вероятно, это было связано с тем, что надежды на русско-австрийское сближение не оправдались. Теперь же, после "более глубокого" рассмотрения славянского вопроса, он писал, что "усилия австро-славянских вождей могут увенчаться успехом лишь при условии искреннего и сочувственного к ним отношения в России, где слабое положение общественности по необходимости должно найти опору в правительственной поддержке"⁹⁸. При этом Демидов ссылался на неоднократные высказывания Крамаржа о том, что "изменение русской политики не только придало бы ему и его единомышленникам большую уверенность, но и вызвало бы их на путь несравненно более энергичных выступлений"⁹⁹.

Как проявление действенности идей славянского сближения, высказанных на пражском съезде, Демидов расценил состоявшееся совещание представителей чешского и польского парламентских клубов для обсуждения примирительных мер в отношении продолжавшейся в течение 12 лет польско-чешской распри в смешанных областях Австрийской Силезии по поводу школьного вопроса. Разрешение спора оказалось вполне возможным.

В России некоторую попытку славянского сближения Демидов усматривал в планах учреждения русско-славянской Торговой палаты. В ее задачи входило объединение русских производителей, заинтересованных в сбыте продукции на балканских рынках, изучение условий и нужд местных рынков и всестороннее содействие развитию и облегчению торговых сношений между славянскими странами.

В условиях, когда схлынули боснийские страсти, 6 апреля 1909 г. в Петербурге собрался съезд славянских организаций. Созван он был Петербургским славянским благотворительным обществом. Приглашены на съезд были 13 славянских организаций, представлявшие все главные течения общественной мысли от кадетов до Союза русского народа, и 30 специалистов-славистов. Открывший съезд сенатор А.А. Нарышкин заявил, что "интерес к славянству заметно возрос в широких слоях русского общества, а среди славян зарубежных усилилось стремление к славянской взаимности"¹⁰⁰. Более того, славянский вопрос, по его мнению, "выдвинулся на первое место в политической жизни Европы", а следовательно требовалось всестороннее обсуждение и оценка сложившегося положения славянскими организациями России. Работа съезда была организована по отделам: 1) политический; 2) просветительный; 3) культурный; 4) благотворительный; 5) всеславянского съезда и выставки. Идея съезда заключалась в примирительном сотрудничестве всех славянских организаций.

В течение пяти дней работы были заслушаны и обсуждены ряд докладов. А.А. Башмаков наметил современные задачи славянского движения. М.М. Федоров рассказал об экономических отношениях и общих экономических интересах славян. Разногласия участников съезда вызвал доклад С.Ф. Шаропова, высказавшегося за полную земскую автономию Царства Польского внутри его этнографических границ. Выступление И.С. Пальмова касалось организации благотворительной помощи зарубежным славянским студентам в России, П.А. Кулаковский выдвинул неотложные просветительские задачи славянских обществ. А.И. Соболевский говорил о необходимости взаимного общения славян, ознакомления русского общества с жизнью зарубежных славян, генерал Скугаревский — о постановке славяноведения в военных учебных заведениях. А.А. Васильев обосновывал необходимость всеславянского съезда в России и устройства всеславянской выставки. Обсуждались также вопросы о введении славянских языков в русских гимназиях, об организации русско-славянской торговой палаты и др.¹⁰¹ В последний день съезда представители московского общества славянской культуры кадеты П.Н. Милюков и А.Л. По-

годин заявили, что не могут согласиться с решениями съезда в вопросе русско-польского примирения, к ним присоединился и С.Ф. Шарапов. Все трое депутатов отказались от участия в создаваемом Союзе славянских обществ. Постановления съезда касались обучения славянских студентов в светских и духовных учебных заведениях России, введении специальных разделов о славянах в курсы истории и географии российской средней школы и подготовке специальных учебников и хрестоматий, учреждения славянских кафедр в университетах и военных академиях, введении обязательного экзамена по истории славян для учителей истории, активизации научных связей между учеными славянских стран, содействия учреждению славянских кружков, популяризации знаний о славянах путем издательской деятельности, создания проекта организации Союза славянских обществ в России. Данные постановления в виде ходатайств было решено довести до сведения соответствующих министров. Приветственную телеграмму съезду прислал Крамарж¹⁰². Газета "Биржевые известия" резко критиковала часть консервативных славянских деятелей, таких как Башмаков, Кулаковский, Соболевский, называя их "непримиримыми националистами" и упрекая в антипатиях к неославизму¹⁰³.

Вслед за съездом славянских организаций в России последовал очередной визит славянских депутатов в Петербург и Москву. Он состоялся в мае 1909 г. О целях поездки славянских деятелей во главе с К. Крамаржем в Петербург сообщал в своем донесении В. Сватковский. Он писал, что в результате австро-сербского кризиса усилился австро-германский блок. Единственным средством противодействия этому блоку Сватковский считал сильное славянство и сильную славянскую политику в Австрии. Он критиковал решение о выделении Холмщины из Царства Польского, ссылаясь на многочисленный митинг протеста во Львове. Австрийский министр финансов поляк Билинский, используя холмский вопрос, выступал против неославизма и его вождей. В частности, он заявлял в печати, что Крамарж не мог быть австрийским политиком, так как "пустил корни вне страны" (это был намек на крымское имение и русские связи чешского депутата)¹⁰⁴. Билинский выступал за немецко-польский союз в Австрии. В связи с этим Сватковский приводит мнение Крамаржа, что западное славянство ввиду русской политики по польскому вопросу, повернется спиной к России, начнется эра автрославизма. Сватковский сообщает, что Крамаржу совершенно неправильно приписывали в русской печати склонность к подобной политике, если бы настала эра автрославизма, то Крамарж был бы вынужден уйти с политической арены. Он объяснял, что политика Крамаржа в делегации

ях была всегда направлена на сближение России и Австро-Венгрии, что противоречит идее австрославизма — объединения славян при помощи Австрии против России. Но продолжение работы на сближение двух империй невозможно, так как Россия, предполагал Сватковский, этого не хочет, а Австрия лишена такой возможности. Сватковский выступал против политики России в польском вопросе, подчеркивая, что тем самым она отрывает поляков от остального австрийского славянства. В своем донесении он достаточно резко ставит вопрос: "Россия должна понять, что польский вопрос вовсе не исключительно внутренний, что то или иное положение поляков по отношению к России не только стоит нескольких военных корпусов в случае войны, но и в мирное время создает такое течение международной политики, которое легко опрокинет все славянское будущее и даст без труда и без выстрела окончательный перевес германскому элементу в средней Европе"¹⁰⁵. Поездка Крамаржа в Россию была вызвана желанием на месте выяснить положение с польским вопросом в России и представляла собой последнюю попытку повлиять на изменение польской политики России.

На этот раз Крамарж прибыл в Россию как член исполнительного комитета вместе с Я. Прейсом, Й. Дюрихом, Й. Шейнером, В. Клофачем и Б. Павлу. Из зарубежных славян в переговорах также участвовали болгарский профессор С. Бобчев¹⁰⁶, а также Глебовицкий, Грибар и Тресич-Павич. Основной целью встречи было сориентироваться в новой ситуации, сложившейся в связи с международными событиями.

Одним из обсуждавшихся на встрече был вопрос о славянском банке. Предложение о создании такого банка всесторонне обсуждалось еще на Пражском съезде. обстоятельный доклад тогда сделал директор пражского Живностенского банка Я.К. Прейс. В прениях по докладу в Праге участвовали М.В. Красовский, член совета Волжско-Камского банка и один из его директоров Ф.Я. Гей, глава Польского банка в Северо-Западном крае виленский депутат И.В. Монтвилл, директор Юго-Славянского банка И.Ф. Грибар и другие специалисты. Сама идея экономического объединения славянских народов, как писала газета "Новое время", могла показаться чрезвычайно смелой¹⁰⁷. Славяне были мало осведомлены об условиях экономической жизни друг друга, они не составляли единого политического целого, так как проживали в восьми различных государствах. Однако усиливавшийся из года в год товарообмен между Россией и славянскими землями заставлял задумываться о создании финансового института, облегчающего экономические связи. Газета обращала внимание на то, что в организации

подобного банка заинтересованы главным образом чехи, "единственный из славянских народов, обладающий в настоящее время избытком капитала..., который они с большей выгодой надеются поместить в предприятиях славян балканских и в России"¹⁰⁸. Именно поэтому инициатива создания славянского банка исходила от чехов. Проект устава банка, предложенный чехами, не понравился полякам (польский финансист граф С. Скаржинский советовался с французским министром финансов). Прейс к совещаниям в Петербурге внес в проект соответствующие изменения. Однако и на этот раз проект не был принят, хотя многими отмечалось, что экономический цемент может сильно сплотить славян. Рассматривался и вопрос о проведении общеславянской выставки.

Главным вопросом, обсуждаемым в Петербурге, были русско-польские отношения. Крамарж ясно выразил свою позицию — для того, чтобы быть сильными, необходимо единство. Чешские гости взяли на себя инициативу примирения между русскими и поляками. В своих выступлениях Крамарж вновь и вновь подчеркивал, что русско-польский вопрос не только двусторонний, но и общеславянский. Откликнувшись на призыв чехов, Р. Дмовский выступил с обзором русско-польских отношений. По его мнению, "внутренний разрыв" поляков с русскими "довершил выдвинутый ныне вопрос о Холмщине и проект избирательного права в 9 западных губерниях"¹⁰⁹. Проект предполагал выделение Холмщины из состава Царства Польского. При этом русские ссылались на этнографические данные, считая, что большая часть населения этнически русские, но окатоличенные. Поляки, приводя данные официальной статистики о вероисповедании, причисляли большую половину населения Холмского края к полякам, на основе того, что они были католиками. Крамарж и другие чешские ораторы предложили примирительную формулу, "что ни один славянский народ не может быть угнетателем другого"¹¹⁰.

Отзывы российской прессы о заседаниях в Петербурге были уже не столь восторженными, как после первого приезда славянских делегатов в российскую столицу и после пражского съезда. И хотя Надежда Николаевна Крамарж писала в письмах мужу: "Очень рада за тебя, что все так хорошо со славянскими совещаниями. Наконец-то вновь нечто приятное после всех передряг"; и в другом: "Бесконечно радуюсь, что ты доволен своей поездкой в Россию. Впрочем я и не сомневалась в успехе... Кажется вас вновь носили на руках в Петербурге, и ты переезжал с банкета на банкет"¹¹¹, — но на самом деле атмосфера заседаний была несколько натянутой. И. Гофштеттер, оценивая итоги славянских дней, замечал: "Славянским членам австрий-

ского рейхсрата, голосовавшим за признание насильственного присоединения к Австрии двух славянских провинций, было как будто бы немного неловко говорить выпренные слова о единении славянства, о священных правах славянских народов и т.д. В их речах чувствовались какие-то недомолвки и обходы неловких подробностей, иногда явственно звучали даже нотки самооправдания. Точно так же и болгарские представители чувствовали себя немножко не по себе в праздничных одеждах среди славянского траура и несколько извинялись за свои маленькие победы"¹¹². Болгарский представитель Бобчев предложил провести следующий подготовительный съезд в Софии.

Демидов, продолжавший вникать в развитие межславянских отношений, сообщал в это время Чарыкову: "Судьба неославизма зависит, главным образом, от политического курса русского правительства по отношению к польскому населению империи"¹¹³. Он указывал на необходимость считаться "не только с фактом славянского поражения, но и со всеми его последствиями, с полной деморализацией всего западного славянства перед укрепившимся австро-немецким влиянием"¹¹⁴. Демидов предупреждал о возможном нежелательном развитии событий в Австро-Венгрии: западное славянство потеряет интерес сближения с Россией, если последняя в собственных пределах идет по пути "противославянской" политики (имелось в виду отношение к полякам. — *Е.С.*). Тогда, рассуждал Демидов, "ослабленное безучастием официальной России" славянское движение в Австрии вынуждено будет либо сдаться германизму, либо организовать защиту на "антирусских основаниях", т.е. усилится австрославизм. Идея заменить Россию Австрией, к которой бы тяготело все западное славянство, включая поляков и украинцев, была выдвинута польским депутатом Смолькой и, как писал Демидов, "отчасти отвечает намерениям наследника австрийского престола"¹¹⁵. Поэтому "величайшую опасность" для России в будущем Демидов видел в создании под скипетром Габсбургов великой славянской державы, "вне русского влияния", а, возможно, при ее слабости и "за счет России"¹¹⁶. Демидов докладывал и о доверительной беседе с Крамаржем, который обозначил настоящей целью его визита в Петербург "окончательное выяснение возможности русско-польского соглашения"¹¹⁷. Крамарж рассказал Демидову, что его положение в Австрии, как вдохновителя идеи австро-русского сближения на почве славянской взаимности, в последнее время сильно пошатнулось. Он говорил о полном крушении своих надежд и на единственный исход для себя — уйти с политической арены, так как его называли "сеятелем измены", и даже его единомышленники упрекали в вовлечении партии в безысход-

ный тупик. Крамарж уже в Петербурге предполагал, что ему предстоит выдержать стремительный натиск противников после возвращения в Вену, и старался во что бы то ни стало убедить российские правительственные круги в необходимости единства славян. По словам Демидова, он пытался доказать, что в случае европейской войны настроение поляков будет стоить "5–6 военных корпусов, не говоря уже о затруднениях вести военные действия среди враждебного населения"¹¹⁸. Крамарж также конфиденциально сообщил Демидову, что во время своего недавнего пребывания в Париже он посетил г-на С. Пишона и получил от последнего обещание дружескими советами повлиять на российское правительство в смысле улучшения русско-польских отношений, хотя бы с точки зрения государственной обороны¹¹⁹.

В России не один только Демидов в своих донесениях в МИД настаивал на изменении политики по отношению к полякам. Князь Г.Н. Трубецкой в обстоятельном письме на имя А.П. Извольского также объяснял важность перемены отношения к русским полякам, так как иначе трудно рассчитывать "на поддержку или, вернее сказать, на более правильные отношения австрийских поляков и других австрийских славян к русскому правительству"¹²⁰. Он отмечал, что славянское движение, возродившееся в российском обществе и печати, пока лишь "сырой материал, который может одинаково дать как очень хорошие, так и очень плохие результаты"¹²¹. Трубецкой считал, что пока в движении "много увлечения, неопределенности, есть несомненный здоровый инстинкт, но нет ясного сознания средств и целей, много идеологии и мало практического смысла"¹²². Трубецкой полагал, что славянское движение в России "мало вышло за пределы теории, интересующей пока немногих", но само пробуждение его явилось "значительным фактором в глазах австрийских славян, более занятых практикой, чем идеологией"¹²³. Нежелательные результаты движение имело бы в случае, если бы приобрело агрессивную окраску панславизма при существовавшей материальной слабости России, что могло бы "привнести элемент опасности". Если бы неославизм "расплылся в радикальном прекраснодушии", то в нем, по словам Трубецкого, быстро разочаруются славяне, и тогда российская внешняя политика не приобретет в нем прочной базы¹²⁴. Ему казалось также необходимым изменить тактику российской дипломатии, которой надлежало входить в гораздо более тесный контакт с различными славянскими политическими деятелями, быть более осведомленной относительно явлений их внутренней политической жизни¹²⁵.

Славянская встреча в Петербурге, по сообщению из Вены российского посла князя Л.П. Урусова, возбудила горячие протесты со стороны немецкой печати. Некоторые газеты возмущались смелостью австрийских славян и призывали австрийское правительство принять безотлагательные меры, чтобы затормозить славянское движение, "грозящее внутреннему спокойствию монархии и предвещающее опасные осложнения и на Балканском полуострове"¹²⁶. Австро-немецкая печать обрушила резкие нападки на Крамаржа и других чехов, ездивших в Петербург, называя их "изменниками". Газеты писали, что Крамарж окончательно дискредитировал себя, и его политическая карьера в Австрии "безусловно окончена"¹²⁷. Немецкая и социал-демократическая печать особо обрушились на Крамаржа, хорватского депутата Тресича и галичанина Глебовицкого: Крамаржу припомнили паломничество Ригера в Москву, Тресича обозвали просто "русским агентом", Глебовицкого упрекали в продажности. Официальный орган лидера немецкой партии христианских социалистов князя А. Лихтенштейна "Korrespondenz Austria" поместил протест против поездки в Россию славянских депутатов. В нем говорилось: "Выступление славянских депутатов в Петербурге нужно признать тяжелым нарушением славянских интересов в Австрии... Защита автономии для Боснии и Герцеговины, требование которой со стороны России чуть не привело к военным осложнениям и которая противоречит программе большинства австрийских южных славян, произвела у высочайших факторов монархии глубокое возмущение"¹²⁸.

Вернувшись в Вену, Крамарж вынужден был выступить в рейхсрате с речью, в которой изложил цель своего участия в петербургской встрече, программу неославизма. Крамарж отверг политическое значение переговоров, подчеркнув культурно-экономические задачи славянского сотрудничества и лояльность по отношению к своим государствам. Говоря о политике, он еще раз признался, что целью его многолетней деятельности было убедить государственных деятелей монархии в пользе освобождения от исключительного союза с Германией и сближения с Россией. Однако присоединение Боснии и Герцеговины означало окончательный отказ Австро-Венгрии от курса на сближение с Россией и еще крепче связало Австро-Венгрию с Германией. В настоящих условиях цель славянского движения в основном будет, по его словам, заключаться в "моральном" слиянии славян. Крамарж позволил себе и критику российской политики в отношении поляков, заявив, что стремление "недопустить самостоятельного культурного развития поляков поведет к самым опасным и пагубным последствиям самую Россию"¹²⁹.

- ¹ Новое время. 1908. 29 мая (11 июня).
- ² Новое время. 1908. 13 (26) июня.
- ³ Новое время. 1908. 8 (21) июня.
- ⁴ Хомяков Николай Алексеевич (1850—1925) — сын писателя, публициста, поэта-славянофила А.С. Хомякова, юрист по образованию, смоленский губернский предводитель дворянства, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1896—1902 гг. директор департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ, член Государственного Совета в 1906, депутат Государственной думы 2—4-го созывов; октябрист, действительный статский советник.
- ⁵ Корф Павел Леопольдович (1837—1913) — земский деятель, директор Общества освещения газом Петербурга, гласный Петербургского губернского земского собрания, товарищ председателя ЦК Союза 17 октября. Член Государственного Совета, действительный статский советник.
- ⁶ Новое время. 1908. 13 (26) июня.
- ⁷ Новое время. 1908. 14 (28) июня.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Петрово-Соловово Василий Михайлович неожиданно скончался 23 июня (6 июля) 1908 г. Депутат Тамбовской губернии. Октябрист. В 3-й Думе видный руководитель партии центра. Известный земский деятель.
- ¹¹ Новое время. 1908. 30 июня (13 июля).
- ¹² Новое время. 1908. 4 (17) июля.
- ¹³ Здесь память ему немного изменила: в группу входил еще и А.С. Гижицкий.
- ¹⁴ Русское слово. 1933. 22 янв.
- ¹⁵ Новое время. 1908. 6 (19) июля.
- ¹⁶ *Tejchmanová S. Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917—1939). Praha, 1993. S. 54.*
- ¹⁷ *Archiv Národního Musea. (Далее: ANM.) F.K. Kramář. Kart.103. Pamětní spis o ruské pravoslavné církvi v Praze.*
- ¹⁸ *Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М.Ф. Раевского. 40—80-е годы XIX в. М., 1975. С. 24.*
- ¹⁹ Новое время. 1908. 12 (25) июля.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Новое время. 1908. 17 (30) июля.
- ²³ Новое время. 1908. 7 (20) июля.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Новое время. 1908. 10 (23) июля.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: *Garver Bruce M. The Young Czech Party 1874—1901 and the Emergence of a Multi-Party System. New Haven; L., 1978. P. 141.*
- ³¹ *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 30.*
- ³² *Ibid.*
- ³³ Новое время. 1909. 28 апр.
- ³⁴ Там же.

- ³⁵ Новое время. 1908. 19 июля (1 авг.).
- ³⁶ См. опубликованные в газетах и отдельными изданиями воспоминания А. Столыпина, В. Бобринского и др.: Новое время. 1908. 14 (27) июля, 29 июля (11 авг.), 12 (25) авг., 20 авг. (2 сент.).
- ³⁷ Новое время. 1909. 29 апр.
- ³⁸ Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.) Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 219.
- ³⁹ Там же. Л. 221.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 71.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Л. 72.
- ⁴³ Там же. Л. 74 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 74 об. — 75.
- ⁴⁵ История России XIX — начала XX века. М., 2000. С. 575—576.
- ⁴⁶ *Kramář K.* Op. cit. S. 31.
- ⁴⁷ Новое время. 1908. 28 сент. (11 окт.).
- ⁴⁸ Новое время. 1908. 30 сент. (13 окт.).
- ⁴⁹ Новое время. 1908. 1 (14) окт.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Новое время. 1908. 13 (26) окт.
- ⁵² Новое время. 1908. 14 (27) нояб.
- ⁵³ Государственный архив Российской Федерации (Далее: ГАРФ.) Ф. 541. Оп. 1. Д. 22. Л. 52.
- ⁵⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3417. Л. 101 об. — 102.
- ⁵⁵ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 33.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Цит. по: Новое время. 1908. 18 (31) окт. См. также: Новое время. 1908. 16(29) окт.
- ⁵⁸ *Kramář K.* Op. cit. S. 33.
- ⁵⁹ Лишь в начале 1909 г. в результате переговоров между Турцией и Австро-Венгрией, первая согласилась отказаться от своих прав на Боснию и Герцеговину в обмен на денежную компенсацию, см.: История России XIX — начала XX века. С. 577.
- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.
- ⁶¹ *Kramář K.* Op. cit. S. 34.
- ⁶² ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 43.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 102 об.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 44.
- ⁶⁶ Там же. Л. 49.
- ⁶⁷ Там же. Л. 53.
- ⁶⁸ Новое время. 1908. 6 (19) дек.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Л. 53.
- ⁷⁰ Новое время. 1908. 6(19) дек.
- ⁷¹ Речь. 1908. 24 дек.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1907—1909. Д. 3417. Л. 164.

- 78 Там же. Л. 165.
- 79 Там же.
- 80 Там же.
- 81 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 47.
- 82 Новое время. 1909. 25 янв.
- 83 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 171.
- 84 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 22. Л. 49.
- 85 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 172.
- 86 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3424. Л. 14.
- 87 Там же.
- 88 Вероятно, речь идет о Дзедушицком, известном представителе "Польского коло".
- 89 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. 1909. Л. 23.
- 90 Там же. Л. 20, 21, 23 об.
- 91 *Sis V. Karel Kramář. Život a dílo. Skizza. Praha, 1930. S. 213–214.*
- 92 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. 1909. Оп. 482. Д. 3424. Л. 32, 33–34.
- 93 Там же. Л. 37.
- 94 Там же. Л. 37 об.
- 95 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 179.
- 96 Окончательно Боснийский кризис был урегулирован в марте 1909 г. Германия в ультимативной форме потребовала от России признать присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии и принудить к этому Сербию. Чтобы избежать войны, Россия и по ее совету Сербия были вынуждены признать аннексию.
- 97 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 180.
- 98 Там же.
- 99 Там же.
- 100 Наша газета. 1909. 7 апр.
- 101 Подробно освещали ход съезда газеты: "Новое время", "Свет", "Речь", "Биржевые ведомости", "Слово", "Вечер", "Петербургская газета" и др. См.: ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 20. Л. 14–16, 19, 21–24.
- 102 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 20. Л. 21.
- 103 Биржевые известия. 1909. 7 апр.
- 104 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. 1909. Оп. 482. Д. 3424. Л. 41.
- 105 Там же. Л. 44.
- 106 Бобчев Стефан Саввич — министр правосудия в Восточной Румелии до воссоединения ее с Болгарией, министр народного просвещения Болгарии, издатель журналов "Юридически преглед" и "Българска сбирка". Состоял долготелним профессором болгарского права в Софийском университете и председателем Славянского дружества в Болгарии, автор солидного труда "История староболгарского права".
- 107 Новое время. 1909. 11 (24) мая.
- 108 Там же.
- 109 Новое время. 1909. 15 (28) мая.
- 110 Там же.
- 111 ANM. F.K. Kramář. Kart. 4. Dopisy N.N. Kramář K. Kramářu. 1900–1916.
- 112 Новое время. 1909. 15 мая; 4 октября 1908 г. Фердинанд I провозгласил независимое Болгарское царство. Это произошло почти одновременно с подписанием Францем Иосифом рескрипта об аннексии Боснии и Герцеговины, см.: История южных и западных славян. М., 1998. Т. 1. С. 402.

- 113 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 191.
114 Там же. Л. 191 об.
115 Там же. Л. 192.
116 Там же.
117 Там же. Л. 192 об.
118 Там же.
119 Там же. Л. 193.
120 Там же. Л. 204.
121 Там же. Л. 201 об.
122 Там же.
123 Там же. Л. 202.
124 Там же.
125 Там же. Л. 204 – 204 об.
126 Там же. Л. 189 – 189 об.
127 Там же. Л. 196 об.
128 Цит. по: Новое время. 1909. 24 мая.
129 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 196 об.

Глава 7

Развитие славянского движения. Софийский съезд

*

Резко обострившиеся русско-польские противоречия сказывались на развитии славянского движения. В.П. Сватковский в июле 1909 г., описывая Грюнвальдские торжества в Кракове, отмечал, что "праздник получился не славянский, а чисто польский"¹. Хотя на празднествах были представители России — А.Л. Погодин и Ф.И. Родичев (от оппозиционного русскому правительству лагеря), В.А. Бобринский и В.М. Пуришкевич (от проправительственного).

В донесении И.П. Демидова товарищу министра иностранных дел С.Д. Сазонову от 13(26) июля с императорской яхты "Полярная звезда" говорилось, что "при настоящей антипольской политике нашего правительства, едва ли можно рассчитывать на какое-либо примирительное значение славянства..., защита общеславянских интересов переходит мало-помалу в руки австрийских славян, изверившихся в наших благих намерениях, или даже способностях какого бы то ни было покровительства. Они организуются без всякого с нашей стороны участия, а впоследствии, быть может, и против нас, считая Россию явно враждебной славянству страной"². Демидов приводит точку зрения нового, по его словам, "опаснейшего для России" течения под названием австрославизм: "немецкому" Петербургу должна быть противопоставлена "славянская" Вена. По его мнению, поляки, недружелюбно настроенные по отношению к России, будут играть видную роль в осуществлении этой идеи. Он обращает внимание на выступление "самого видного и благорасположенного к России славянского деятеля" Крамаржа в венском рейхсрате после его недавней поездки в Санкт-Петербург, слова которого имели весьма "неприглядную" окраску. Демидов цитирует Крамаржа, заявившего в парламенте: "Германская промышленность была всегда германским евангелием. В этом великом состязании русские, с их низкой культурой и неразумным правительством, безнадежно оставлены за фла-

гом. Единственные их защитники западные славяне, чехи и поляки, которые своей цивилизацией способны производить успешные нападения на германскую промышленную монополию, царствующую над Средней Европой. Счастье, что Россия, в своем экономическом бессилии, находит на Западе крепкие славянские позиции. Ввиду промышленного распространения Германии, защитить Россию является первым и самым жизненным нашим интересом"³. Пассажи о "культурной отсталости" и "экономическом бессилии" России явно заделали российских дипломатов, не ожидавших такого от русофила Крамаржа.

Отчаявшись получить поддержку официальной России, действуя через отдельных дипломатов, политических и общественных деятелей, Крамарж в октябре 1909 г. обращается с запиской непосредственно к Николаю II. В записке он излагает программу неославизма. Специально обращает внимание русского императора на важность урегулирования русско-польских проблем для сплочения всех славян и славян Австро-Венгрии, в частности⁴.

В это же время российский император получает депешу из Вены от князя Урусова о характере отношений между поляками и чехами. В послании говорится об "общей ненависти" чехов и поляков к немцам, но вместе с тем объясняется различие в положении этих народностей в Австрии. Поляки пользовались большим влиянием в центральном управлении, в любом из правительственных кабинетов им принадлежало несколько министерских портфелей. Объяснялось это, с одной стороны, личными связями польской аристократии в венских правительственных кругах, а с другой — скрытой поддержкой, которую польские депутаты оказывали австрийскому правительству в его борьбе со славянами и с распространением среди них русофильских тенденций. Чехи тоже занимали отдельные министерские посты, но их влияние в центральном управлении было не столь велико. Чехам приходилось бороться с немецким влиянием не только в Австрии, но и в Богемии. Полякам, наоборот, нужна была немецкая поддержка в борьбе с русинами в Галиции. Поэтому неприязнь австрийских поляков к немцам скорее была "теоретическая", как к возможным противникам при восстановлении независимого Польского государства. "Эта разница положения, — писал Урусов, — объясняет то обстоятельство, что, несмотря на видимую близость, между поляками и чехами существует глубокая рознь..."⁵ В заключение князь делал вывод: "Если бы чехам (которые были самыми влиятельными членами Славянского союза в рейхсрате — Е.С.) в соединении с другими славянскими партиями удалось добиться установления такого положения, при котором была бы обеспечена равно-

правность всех славянских элементов Австрии, то полякам пришлось бы потерять свое привилегированное положение в Галиции. Русинский вопрос неминуемо вступил бы в еще более острый фазис, и польское меньшинство должно было бы расстаться со своим владычеством над русским большинством в этом крае"⁶. Николай II, вероятно, сам пытался вникнуть в суть славянского вопроса и в положение отдельных славянских народов, так как на подлиннике этой депеши собственной его императорского величества рукою начертано: "Это расходится с содержанием записки увлекающегося Крамаржа"⁷.

Конечно, положению Крамаржа, депутата австрийского парламента и чешского сейма и вместе и тем искреннего русофила, ратующего за единение славян, вряд ли можно позавидовать, особенно в условиях обострения австро-русских отношений. Ему приходилось лавировать, часто идти на компромиссы, совершать, казалось бы, взаимоисключающие поступки — резкая критика России с трибуны австрийского рейхсрата и ... записка русскому царю! Естественно, лидер младочехов подвергался критике со всех сторон. У него было множество политических оппонентов и просто недоброжелателей. О том, что у Крамаржа много врагов свидетельствовал в письме своему доверенному лицу в Вене журналисту Б. Главачу и Масарик⁸. Пожалуй, никакому другому чешскому политику так не доставалось, как Крамаржу. Причем никто не стеснялся в выборе способов уничтожения противника, используя абсолютно все, — от открытой полемики в печати до карикатур в газетах и сочинения поэтических пасквилей⁹. Крамаржу часто давали весьма нелестные характеристики. Но это объяснялось не просто и не только личными антипатиями отдельных политиков, а острой политической борьбой. Масарик и Крамарж разошлись в середине 90-х годов XIX в. В 1900 г. Масарик создал свою политическую организацию — Чешскую народную партию¹⁰. После смерти Кайзла в августе 1901 г. Крамарж стал центральной фигурой и парламентским трибуном партии младочехов¹¹. Начав политическую деятельность как единомышленники, в начале XX в. Масарик и Крамарж превратились в соперников. Нередко между ними возникала жесткая полемика в печати, накапливались взаимные обиды. В переписке с Б. Главачем Т.Г. Масарик называет Крамаржа "испорченным дитя"¹², считает, что прямота его деланная и свидетельствует о слабости¹³. Политику Крамаржа Масарик характеризует как поверхностную и половинчатую¹⁴, указывает, что в журналистских кругах Крамаржа не любят¹⁵; кроме того отмечает спесивость Крамаржа и его скрытность.

По сообщению российского консула в Праге Жуковского, наиболее популярными в то время в Праге депутатами были Крамарж, Масарик и Клофач¹⁶. Интересно, что каждый из них имел собственный круг общения в России: Масарик, скажем, был близко знаком с Милюковым, их взгляды во многом совпадали. Знакомство двух ученых и политиков состоялось в Праге еще в 1874 г¹⁷. Клофач поддерживал активную переписку с Вергуном. Взгляды чешских противников Крамаржа влияли на отношение к нему в России. П.Н. Милюков позднее в своих воспоминаниях так характеризовал свое отношение к Крамаржу: "Не зная Крамаржа лично, я привык относиться к его имени с уважением, как к организатору и главе младо-чешского движения. В Петербурге (имеется в виду майское совещание 1908 г. — Е.С.) мы встретились дружески. Но скоро это дружественное отношение стало прохладным, а затем заменилось более чем сдержанным"¹⁸. Далее Милюков объяснял причины этого изменения в отношениях: «Я заметил, что в своем стремлении создать широкий фронт "неославизма" Крамарж обращается более к Столыпину и к полякам думского "коло", нежели к нам¹⁹. Обнаружилась и цель визита, более политическая, чем идейная»²⁰.

Милюков всю политику неославизма сводил к стремлению Крамаржа примирить поляков со Столыпиным, и тем самым приобрести голоса австрийских поляков в венском парламенте: их не хватало для создания необходимого для Крамаржа большинства. И хотя это действительно можно расценить как одну из задач славянской политики Крамаржа, все-таки несправедливо в славянских съездах видеть только лишь прикрытые этой цели. А именно так представлял дело Милюков: "Эта цель была прикрыта идеей возобновления славянских съездов, и первый из них был уже намечен в Софии"²¹. Милюков противопоставлял двух чешских политиков: "Около идеи Крамаржа... могли объединиться в России обломки старого славянофильства, обыкновенно люди консервативного направления... Между тем в лице Масарика, вождя новой славянской молодежи, я видел совсем другой тип, нежели запоздавшие последователи эпохи Коллара и молодых годов Шафарика"²². Вспоминая о своих встречах с будущим чехословацким президентом, Милюков подчеркивал, что понимание Масариком славянского вопроса было очень близко ему и его сторонникам по партии, «мало того, оно дало нам вообще точку зрения в этой проблеме, ибо мы, русские радикалы, отрицая "неославизм", рисковали не иметь никакой позиции в этом вопросе»²³.

В письмах Д.Н. Вергуну в Вену и в Петербург В. Клофач нередко негативно высказывался о деятельности Крамаржа и о

нем самом²⁴. Лидер партии национальных социалистов упрекал Крамаржа в том, что он их не любит, не предоставляет информацию о славянских мероприятиях, обвинял Крамаржа в "неславянской" политике, австрославизме, в связях с социал-демократами²⁵. В одном из писем Вергуну он писал: "И я, и Дюрих после прошлогоднего опыта с Крамаржем никуда не поедem. Он — автократ, непорядочный, бестактный и мстительный. В прошлом году он позволил в своей газете социал-демократам писать обо мне (он с ними заодно). Было написано, что я ездил в Петербург (имеется в виду совещание в мае 1909 г. — *Е.С.*) без приглашения, и что я туда просто примазался. Это страшный человек"²⁶. О накале политической борьбы в Богемии и о соперничестве между двумя партиями — национальных социалистов и младочехов — свидетельствует и продолжение письма: «В "Den" ("День") (газете. — *Е.С.*) два месяца назад Крамарж напал на меня (мое славянство) анонимно и писал о славянском шовинизме. Написал это, как баба, анонимно, и я прекратил с ним все отношения и вообще с ним не разговариваю. Для Крамаржа славянство как реклама дома, когда венская политика его потерпела крах»²⁷. Далее Клофач свидетельствовал: "Славянство (славянофильские настроения. — *Е.С.*) на самом деле есть в нашем малом народе и в национально-социалистической партии, и против этого ведет Крамарж антиславянскую социал-демократию в безрезультатную фанатичную борьбу. Поэтому нас никуда не хочет, поэтому мы ни о чем не знаем. Мы будем сами действовать, чтобы славянский комитет нас (партию) непосредственно приглашал. Иначе у нас все захватит Крамарж"²⁸. Клофач предупреждал Вергуна: "Будь на страже. Крамарж будет на нас в Петрограде наговаривать. Я знаю"²⁹.

Таким образом, русские либералы критиковали Крамаржа за связь с правыми консервативными кругами в России, а чешские радикалы — за связь с левыми, с социал-демократами. На самом деле еще на Пражском съезде был утвержден принцип участия в сотрудничестве всех заинтересованных в развитии межславянских контактов организаций: славянских обществ, клубов, "бесед", академий, политических партий, литературных союзов, органов печати, представителей торговли, промышленности, искусства, спорта, туризма. И уже на Пражском съезде присутствовали делегаты почти всех основных политических партий славян³⁰.

Борьба между лидерами чешских политических партий сказывалась и на характере дипломатических донесений в российский МИД из Вены и Праги. Дело в том, что российские представители в силу собственных политических и личных симпатий и антипатий ориентировались на различных чешских поли-

тиков. С кем-то имели более близкие связи, кому-то доверяли в меньшей степени. Так, скажем, пражский консул Жуковский в основном ориентировался на Клофача, а к Крамаржу относился недоверчиво и даже неприязненно³¹. В одном из своих донесений в Петербург он писал: «Что же касается партии младочехов и Крамаржа — ее лидера, то я сторонюсь от нее, так как она понимает задачи России в славянском вопросе слишком односторонне и, не считаясь с историческими и религиозными устоями ее, лелеет идеал экономического проникновения в Россию. Орган ее "Národní listy" ("Национальная газета"), где Крамарж душа редакции, судит о русских делах с предвзятой точки зрения, замалчивая культурный подъем в России за последнее время»³². Сватковский, не идеализируя Крамаржа, тем не менее гораздо более позитивно оценивал и его самого, и его политику.

Из переписки Н.Н. Крамарж и В.П. Сватковского ясно, что последний призывал Крамаржа примириться с Клофачем во имя общего дела, часто упрекал его за провал неославизма. Защищая мужа, Надежда Николаевна писала Сватковскому: "Заслужил ли это (упреки. — *Е.С.*) муж? И разве именно его это только обязанности заниматься славянами? Из многочисленной массы русских не нашлось ни одного, который мог бы быть достойным сотрудником? Зачем же такие строгости к другим"³³?

О политическом раскладе в Богемии сообщал в депеше в МИД от 20 января (2 февраля) 1910 г. С.Н. Свербеев: "Самой крупной политической партией в Богемии является младо-чехи с д-ром Крамаржем во главе. Партия эта на выборах 1879 г. нанесла решительное поражение старо-чехам и, с тех пор, она стоит во главе политической жизни чешского народа.

Младо-чехи, собственно говоря, не отличаются от старо-чехов ни своей политической программой, ни общественным положением своих членов. Обе эти партии, как и все остальные чешские, ставят себе целью достижение полного господства чехов в Богемии и соединение ее с Австрией приблизительно на тех же основаниях, на каких Венгрия соединена с последней. По своему составу они принадлежат к буржуазии и городской интеллигенции, образовавшихся за последние 50 лет из крестьянского населения и сыгравших главную роль при возрождении чешской национальности...

Разница между старо-чехами и младо-чехами заключается в том, что первые принадлежат к более старому и зажиточному слою буржуазии, поэтому менее демократичны в своих политических воззрениях и отличаются большею умеренностью при проведении национальной программы...

За последние годы в Богемии образовалась и усилилась новая радикальная партия с Клофачем во главе. Партия эта состо-

ит главным образом из мелких торговцев, низших железнодорожных служащих и деревенской интеллигенции, она является в отношении к младо-чехам в том же, приблизительно, положении, в каком последняя в свое время стояла к старо-чехам, то есть находит, что младо-чехи недостаточно демократичны и недостаточно горячо защищают национальную идею..."³⁴ Свербеев информировал, что кроме радикалов (т.е. национальных социалистов. — Е.С.) у партии Крамаржа были и другие противники, среди которых — аграрии и социал-демократы.

Российские дипломаты отслеживали развитие славянского движения внутри отдельных стран и земель. Так С. Свербеев информировал А.П. Извольского о том, что в Будапеште выходит самое популярное словацкое издание "Slovenský Tůždenník", а в г.Туроц Св. Мартин газета "Národný noviny". Тираж последнего издания равнялся 10 тыс. экземпляров. Газета выступала за национальное развитие словацкой народности, признание ее прав и культуры, против искусственной и подчас даже насильственной мадьяризации. Ее редактором был Светозар Гурбан Ваянский. Как писал Свербеев, "деятельность его вполне заслуживает принципиальной нашей симпатии"³⁵. Однако генеральный консул в Будапеште действительный статский советник Нелидов считал, что даже материальная поддержка России этого издания не принесет никакой "выгоды ни словацким интересам в Венгрии, ни тем более, русским интересам в Двуетидной монархии"³⁶. Это еще раз свидетельствовало о весьма осторожной в славянских делах политике России.

Обстоятельный разбор положения, сложившегося в славянском движении в начале 1910 г., дала газета "Новое время". Она писала: "Давно славянской идее не приходилось переживать такого испытания, как в последние дни. К неославизму, идее чисто культурного и экономического единения славянских народов, примешали политику. Как раз те элементы, которые ставили в вину пристрастие к политике старому панславизму, старались навязать новому движению политические черты. Вслед за политикой примешалась партийность с ее страстностью и злобностью. Неославизм был задуман как движение беспартийное, внепартийное и всепартийное. Каждая политическая партия в России, у западных и южных славян, стоящая на почве племенной, культурной и экономической самостоятельности, могла без всякой измены своей партийной программе примкнуть к этому движению. И действительно в России к неославизму примкнули все политические партии за исключением крайних правых и крайних левых"³⁷. Правые были не согласны с предоставлением особых культурных и национальных прав полякам, а левые стояли на почве космополитизма и клас-

совой борьбы, поэтому отвергали идею "племенного" сотрудничества. Активное участие в неославистском движении приняли националисты, умеренные правые, октябристы, мирообновленцы, прогрессисты, конституционные демократы, часть трудовиков и народных социалистов. От неославизма ждали сближения с западными и южными славянами и решения польского вопроса. Газета критиковала позицию Р.В. Дмовского, который на первом совещании у М.М. Ковалевского заявил о том, что поляки примыкают к славянскому движению "безусловно", а спустя два года выдвинул условия. Тем самым, доверие было подорвано. Причина современного кризиса неославизма виделась в поведении поляков и явном желании левых российских партий использовать неославистское движение исключительно для своих партийных целей. Правда, окончательно ни те, ни другие не отказывались от самой идеи сотрудничества. Поляки согласились на выбор примирительной комиссии, а левая печать призывала отложить славянское дело до более благоприятного времени. Не совсем убедительно звучали уверения "Нового времени", что возможный отказ поляков от участия в софийском съезде не повредит славянскому движению: "Дело культурного и экономического единения славянства... от этого бойкота пострадает немного"³⁸. Это объяснялось тем, что поляки и до сих пор не были особенно отзывчивы на разные общеславянские предприятия: несмотря на постановления пражского съезда в Варшаве еще не существовало польского общества славянской взаимности, почти совершенно заглох славянский клуб в Кракове. «У поляков, — утверждалось в статье, — до сих пор господствует аксиома Косцельского, который сказал: "У нас славянин начинается там, где кончается поляк"»³⁹.

Идея провести следующий подготовительный съезд в Софии возникла еще в Праге, и была подтверждена в мае 1909 г. на совещании в Петербурге⁴⁰. Конкретные детали организации съезда и его программа обсуждалась в январе — феврале 1910 г. в российской столице. Немецкая печать опять крайне негативно оценивала славянскую встречу в Петербурге, и особенно присутствие на ней Крамаржа. Его обвиняли в том, что вместо того, чтобы содействовать преодолению кризиса в Богемии (чешский ландтаг из-за немецкой обструкции был распущен. — *Е.С.*), он отправился на встречу представителей славян, которая еще больше усиливает недоверие и ненависть между чехами и немцами. Статьи эти были написаны в весьма несдержанных выражениях, в некоторых из них Крамарж прямо обвинялся в государственной измене⁴¹. И даже российский поверенный в делах Свербеев в депеше из Вены от 3(16) февраля 1910 г. удивлялся поведению Крамаржа: "Вообще факт, что депутат авст-

рийского рейхсрата в то время, когда вновь становится на очередь вопрос дальнейшей работоспособности этого столь необходимого для Австрии учреждения (имеется в виду чешский сейм. — Е.С.), присутствует в иностранной столице на политическом съезде, не может не производить странного впечатления, если смотреть на него со строго государственно-правовой точки зрения, тем более что съезд этот косвенно, до некоторой степени преследует цель установления в Австро-Венгрии преобладания одной национальности и даже изменения государственного ее строя"⁴². Не совсем понятно, правда, что имел в виду Свербеев под "преобладанием одной национальности". На самом деле действительно речь шла о получении большинства голосов рейхсрата, путем объединения всех славянских депутатов, то есть о преобладающем славянском влиянии, но ни как не "одной национальности". И, конечно же, в 1910 г. никто не мечтал об изменении государственного строя Австро-Венгрии. Подразумевалось, вероятно, изменение государственного устройства, т.е. федерализация.

Интересно другое, что русский дипломат расценивал поведение Крамаржа как нелояльное по отношению к Австро-Венгрии, а славянские встречи как явление политическое, несмотря на все противоположные заверения со стороны чешского политика.

Чешско-немецкие отношения непосредственно влияли на развитие славянского движения в Австрии. В очередной депеше из Вены от 3(16) февраля 1910 г. Свербеев сообщал об усиливавшейся с каждым годом в последнее десятилетие розни между славянами и немцами империи. Он писал: "Пока между славянскими народностями не существовало ни тени сплочения... немцы чувствовали свою силу и преимущество...Теперь картина начинает меняться и меняется она в силу того, что чехи за последние годы не только противодействуют в Богемии немцам, но даже успешно борются с ними на культурно-экономической почве. Это не могло не оказать влияния на другие славянские народности в Австрии и не побудить их теснее сплотиться вокруг чехов"⁴³. Далее Свербеев в качестве примера совместных усилий славянской партии в парламенте приводит деятельность созданного в начале 1909 г. Славянского союза, своеобразного политического клуба славянских депутатов, председателем которого на протяжении двух лет был К. Крамарж.

Весной 1910 г. Крамарж писал В.П. Сватковскому, что удручен болтовней и газетными сплетнями об очередном заседании исполнительного комитета перед созывом Софийского съезда. Он сообщал, что в Вене случайно одновременно оказались не-

сколько славянских деятелей: Тресич, Глебовицкий, И. Маркович, Бобчев, Дмовский и он сам. Они просто обменялись мнениями о программе съезда в Софии. Никаких приглашений не было и официального заседания тоже. И Софийский съезд Крамарж просил тоже называть подготовительным⁴⁴.

В апреле 1910 г. российский посланник в Болгарии Д.К. Сементовский-Курило сообщал в Петербург управляющему Министерством иностранных дел о своем разговоре с председателем оргкомитета съезда С. Бобчевым о желательности неполитического характера съезда⁴⁵.

В конце июня Глебовицкий информировал Сватковского, что из австрийских депутатов парламента на Софийский съезд поедут: Крамарж, Клофач, он сам, Тресич, Дюрих, Давидяк и Мандич. Едут также некоторые польские редакторы, но только в качестве гостей⁴⁶. Это свидетельствовало о том, что преодолеть русско-польские противоречия не удалось. В Софийском съезде поляки решили официально не участвовать, но отдельные лица, политики и журналисты, в небольшом числе собирались на съезд. Перед самым съездом Крамарж предпринял попытку привлечь поляков к совместной работе, опубликовав в газете "Národní listy" статью, в которой критиковал польскую позицию. Он писал, что любой человек, обладающий чувством справедливости, может понять "отчаянное" настроение поляков, но не может одобрить их отказа приехать в Софию, куда зовут их не русские националисты, а болгары и другие славяне, сочувствующие им, хотя и не одобряющие их собственную политику относительно малорусского населения в Галиции. "Особенно мы чехи, — заявлял он, — самым решительным образом высказываемся против всякой пассивности и полагаем, что польское дело, поскольку оно справедливо, не должно бояться всеславянского форума, но, наоборот, должно стремиться к нему. У нас нет, правда, ни возможности, ни права вмешиваться во внутренние русские дела, но все же могучий голос всех славянских народов против притеснения брата братом в славянской семье — имеет большую нравственную силу"⁴⁷.

В частных беседах со Сватковским Крамарж высказывал надежду, что настроения поляков в России изменятся к лучшему, как только будет введено городское самоуправление и предоставлены им прочие права. Эти надежды он черпал из бесед с некоторыми польскими деятелями⁴⁸.

На съезд Крамарж тоже ехал с большими опасениями. Он предпочел бы вообще не ехать, если бы не настойчивость болгарских неославилов⁴⁹. Накануне съезда Крамарж сообщал Сватковскому, что вопрос о славянском банке вступил в неблагоприятную стадию, так как момент упущен. Теперь чехи

не могут не учитывать настроения в Вене, которая "враждебнее, чем когда-либо смотрит на славянские предприятия с участием России... Общеславянские вопросы не могут теперь серьезно обсуждаться"⁵⁰. Первоначально Крамарж намеревался заявить в начале съезда, что ввиду отсутствия значительного числа делегатов, участвовавших в пражском съезде, (в первую очередь, конечно, поляков) Софийский съезд не может считаться продолжением Пражского, на нем могли бы быть рассмотрены вопросы югославянской солидарности. А для дальнейшего развития принципов неославизма могло быть созвано особое совещание позднее (после того, как польско-русские проблемы были бы преодолены). Он настойчиво требовал согласия председателя оргкомитета по устройству съезда С. Бобчева на то, чтобы придать ему характер славянского праздника⁵¹.

Однако Бобчев резко воспротивился изменению характера съезда. В письме Крамаржу от 25 мая 1910 г. он прямо и категорически заявил: "Славянский съезд в Софии или должен быть таким, как о нем решили в Праге и два раза в Петербурге, или — ему вовсе не бывать. Мы не можем никоим образом согласиться изменять характер и программу съезда"⁵². Крамарж, Красовский, а также польские представители славянского движения Дмовский и Готовский предлагали отложить съезд или, по крайней мере, не придавать ему значения всеславянского мероприятия. Вопреки этому мнению, Бобчев считал необходимым держаться ранее принятых решений, так как вопросы политики были исключены из повестки заседаний съезда. Он был против каких-либо праздников, а желал видеть Софию продолжательницей Праги⁵³.

Сроки проведения съезда были окончательно намечены на 23—26 июня (6—9 июля) 1910 г. Он должен был стать вторым подготовительным (после Пражского). Третий подготовительный съезд планировали организовать в Белграде, так как, по сообщению российского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига, реакцией на решение провести второй съезд в Софии была досада, зависть и обида сербов⁵⁴. Основной съезд собирались созвать в Москве в 1912—1915 гг. Целью подготовительных съездов было культурное и экономическое сближение славян. Программа Софийского съезда предусматривала рассмотрение шести групп вопросов: 1) современное экономическое и культурное положение югославянских государств; 2) сотрудничество в области науки и образования; 3) деятельность союза славянских журналистов; 4) экономические связи; 5) создание объединения славянских туристических обществ; 6) текущая работа по сближению славян.

Намечалось обсудить созыв всеобщего научного съезда славистов, участие славянских ученых в местных и общенациональных славянских конгрессах, взаимоотношения между академиями и научными институтами, а также связи между славянской средней и высшей школами, театрами и художественными объединениями. Кроме того, предлагалось выяснить возможности издания периодического журнала о литературной и научной славянской деятельности, а также специальных научных журналов, составления славянской хрестоматии и каталога популярных научных работ при библиотеках, адресной книги славянских ученых и литературных институтов, списков основных политических газет и журналов. Организаторы съезда ставили проблему активизации контактов между славянскими деятелями и организациями, проведения посвященных славянской идее научных семинаров для журналистов и студентов университетов. В повестке дня были заявлены также вопросы организации славянского банка и выставки и развития экономических связей западных славян с восточными и южными. Программа была весьма обширной.

Одновременно готовились еще два славянских конгресса — журналистов и врачей. Первый был намечен на 22 — 25 июня, второй — на 24 — 26 июня. На конец месяца был запланирован и слет молодых "соколов". 11 апреля 1910 г. Бобчев выступил с речью в "Славянской беседе", где заявил: "Мы должны знать друг друга — это первая цель славянских съездов. Это движение не преследует никаких агрессивных целей. Для Болгарии эти мероприятия имеют большое значение. Болгарский народ ощутит себя частью 150 млн целого. София на время станет славянским центром"⁵⁵. Реакция печати на созыв софийского съезда была весьма противоречивой. "Slovensky dennik", орган словаков, выходивший в Будапеште, писал: "Чтобы славянские съезды имели смысл, необходимо совершенно исключить из рассмотрения проблемы великодержавной России и современной международной политики... Теоретическое разрешение русско-польского спора следует совершенно исключить из программы славянских съездов"⁵⁶. Загребская газета "Obzor" указывала: "Ошиблись те, кто полагал, что неуспех русско-польского соглашения нанесет смертельную рану проекту славянского съезда и самому неославизму. Неославизм не был и не может быть универсальным средством против политических притеснений и ограничения свободы или против культурных и экономических бедствий... Неославизм не может потерпеть неуспеха, потому что ставит на первое место общие культурные задачи. Неуспех русско-польского соглашения печален, но это не есть неуспех неославянства, потому что этот вопрос не вхо-

дит в область компетенции лиц, поддерживающих неославизм⁵⁷. Но выходявшая также в Загребе на немецком языке газета "Agramer tagblatt" резко выступала против Софийского съезда и нападала на Крамаржа, говоря, что он находится "под русским гипнозом"⁵⁸. "Hrvatska sloboda" ("Хорватская свобода") заявляла, что не может "воспламениться" неославянской идеей пока она не будет подтверждена конкретными результатами⁵⁹.

Неудача в преодолении русско-польских противоречий, отказ поляков участвовать в славянском съезде сказались и на настроениях российского общества. Опубликованная в июне 1910 г. (в момент заседаний Софийского съезда) статья М.О. Меньшикова об отношениях России с зарубежными славянами как раз свидетельствовала об усилившемся националистическом настрое в России. Автор иронически замечал, что Австрия так давно угрожает Балканам, а Германия — славянам, что к этому пора бы привыкнуть. Далее он опровергал точку зрения, что "Россия обязана ставить на карту собственное существование для того, чтобы помочь австрийским славянам добиться независимости", считая, что рассуждать подобным образом могут лишь "враги России"⁶⁰. Он писал: "Ни один народ на свете не брал на себя столь часто, как мы, донкихотских обязанностей, и ни один поэтому не наказан столько за страсть мешаться не в свое дело. Мы, русские, будучи славянами, вполне сочувствуем славянским братьям, мы желаем культурного и всякого иного общения с ними, но пора же признать истину, что мы — сами по себе, а они — сами по себе"⁶¹.

Вероятно, некоторое поправление состава участников славянского движения и российской делегации в Софии оживило дискуссии о славянской политике России и ее отношениях с Австрией. Меньшиков считал, что Россия, конечно, могла бы еще быть полезной для "мелких славянских народностей, не сумевших отстоять свою державную независимость". Но тут же задавался вопросами, не была бы эта желательная мечта достигнута слишком дорогой ценой, разумно ли рисковать существованием единственно сильной славянской державы для создания нескольких "бессильных славянских царств"? Российский публицист указывал: "Ультра-славяне вроде тех, что заседают теперь на всеславянском съезде в Софии, твердят, будто Россия без славян в Европе одинока, а освобожденное славянство даст, будто бы, громадную опору для нашей политики. Это, однако, теорема, которую доказать очень трудно"⁶². Чтобы пояснить свою мысль, Меньшиков приводил пример Польши, которая, будучи независимым сильным государством, нередко вела крайне враждебную России политику. "Из других славян, —

отмечал Меньшиков, — едва освободились болгары и сербы, как уже не раз меняли симпатии свои к нам на более выгодную, как им казалось службу у Австрии"⁶³. Он восклицал: "Дай бог всему славянству окончательно освободиться, но освобожденное оно наверное сочтет нас такую же чуждою страной, как и Австрию: пожалуй, еще более чуждою, ибо с Австрией славян объединяет многовековое сожителство, общая история и культура"⁶⁴.

По мнению автора, для России было бы более выгодно поддерживать мир с Австро-Венгрией и Германией, используя славян в качестве центробежной силы Габсбургской империи, нейтрализующей венгеро-немецкий шовинизм. "Славяне удерживают Австрию от напора на Россию, — писал он. — Война может быть давно возникла бы между двумя двуглавыми орлами, если бы не это обстоятельство, заставляющее опускать австрийские крылья"⁶⁵.

Результаты съезда в Софии также получили прямо противоположные оценки. Естественно, весьма положительно о съезде отзывались его организаторы и участники: С. Бобчев, К. Крамарж, проф. В.М. Бехтерев и др.⁶⁶

Зато В. Богучарский опубликовал в "Вестнике Европы" настоящий фельетон о Софийском славянском соборе, где, обращаясь к участникам съезда, довольно ехидно писал: «Крамарж будет разливать соловьем о том, что "тот не славянин, кто угнетает другого славянина", вы будете аплодировать его речам, а ему больше ничего и не нужно, — и кто тогда осмелится сказать, что софийский собор не стоял на почве пражских резолюций»?⁶⁷ Автор обвинял организаторов съезда Бобчева и Крамаржа в том, что они позволили участвовать в съезде людям крайне консервативных взглядов. "Крамаржу, очевидно, ровно столько же дела до действительного смысла пражских резолюций, как и г. Бобчеву, — писал Богучарский. — Треск, блеск, фраза — вот и весь г. Крамарж"⁶⁸. Он обращал внимание на то, что Софийский съезд встретил отрицательное отношение части болгарского общества (была организована газетная кампания, митинги и даже комитет протеста, в который вошли драматург П. Тодоров, директор национальной библиотеки поэт П. Славейков, директор национального театра поэт П. Яваров, публицист доктор К. Разовский). Против съезда выступила и часть студентов. Болгарские социалисты называли Софийский съезд "стольпинским собором", считая, что Столыпин воспользовался съездом для восстановления престижа России в Болгарии, послал в Софию А.И. Гучкова, устранил с него всех русских либеральных деятелей⁶⁹.

Причем Богучарский не был принципиальным противником неославизма, как, скажем, социал-демократы (считавшие, что объединение должно совершаться на классовой, а не на племенной, национальной основе) или сторонники учения Л.Н. Толстого (выступавшие за единение людей, проникнутых общим религиозно-общественным сознанием). Автор статьи указывал на противоположность этих точек зрения, с одной стороны, но, с другой — на присущую обеим логику и систему. Однако он считал, что жизнь нельзя уложить в схему, и приводил письмо Л.Н. Толстого к Софийскому съезду. В нем русский писатель признавался, что, несмотря на его отрицание племенного и народного патриотизма, славяне все же ближе ему, чем другие народы. Богучарский выступал за широкое личное общение между интеллигенцией разных славянских стран. Он полагал, что острые вопросы — русско-польский, сербо-болгарский, сербо-хорватский и македонский — славянские конгрессы полностью решить не могут, но помочь в их решении должны. И призывал взяться за это Московское общество славянской культуры. Закljučая статью, он писал: "Не только света в окошке, что гг. Крамарж да Бобчев. Можно и даже должно обойтись без них, завязывая с интеллигенцией славянских стран самостоятельные сношения, а затем и устраивая самостоятельные конгрессы"⁷⁰. Одна польская газета назвала съезд братанием русских националистов с западными славянскими радикалами⁷¹.

Внимательно следили за съездом и российские представители за рубежом. В секретной телеграмме сотрудника российского МИД коллежского асессора Баха из Софии утверждалось, что "закрывшийся вчера славянский съезд прошел весьма удовлетворительно. Пессимистические предсказания не оправдались, и дело созидания славянской солидарности не только не потерпело ущерба, но несомненно подвинулось вперед"⁷².

Вместе с тем российский посланник в Сербии Н.Г. Гартвиг писал министру иностранных дел: "О результатах Софийского конгресса составилось... не особенно благоприятное заключение. Всеславянские делегаты отправились на съезд для установления единения и взаимности, но на самом деле вызвали раздор: первый плохой пример подали русские члены собрания, поссорившись между собой... Ныне можно с полной уверенностью сказать одно: ... закрепление всеславянской взаимности потерпело некоторую неудачу в Софии"⁷³.

Достаточно взвешенный и трезвый разбор результатов съезда принадлежит перу В. Сватковского. Он отмечал, что съезд состоялся в мало благоприятных обстоятельствах. Сербы

и хорваты Габсбургской империи, опасаясь негативной реакции Вены, видных деятелей в Софию не послали. Белград, недовольный местом проведения съезда, также не направил никого из ведущих славянских деятелей. Западные славяне, предпочитая не дразнить Вену, тоже приняли весьма ограниченное участие в форуме. Поляки не поехали в Софию, чем в значительной степени "деморализовали" славянский лагерь в Австрии. Сватковский обращал внимание российского внешнеполитического ведомства на удивительное мужество Крамаржа и Клофача, с которым они в такой момент рискнули "попасть под удары враждебной им венской и пештской печати"⁷⁴. Русских на съезде было много, но состав русской делегации по сравнению с Пражским съездом значительно поправел. Сватковский подчеркивал "крупную и благодарную" роль А.И. Гучкова как миротворца в недрах русской делегации, а также Бобчева и Крамаржа, которые "в зародыше" подавляли сколько-нибудь крупные инциденты в общих собраниях. Председателем съезда был хозяин Бобчев, Крамарж стал почетным председателем второго подготовительного. "Но и здесь, — как вспоминал С. Бобчев, — душой и наиболее выдающейся личностью съезда был снова Крамарж"⁷⁵.

Сватковский под впечатлением Софийского съезда выразил свое понимание неославизма: «Ввиду неприбытия поляков и отсутствия дебатов по русско-польскому вопросу, обнаружилось очень скоро, что так называемый "неославизм" не изобретен... Крамаржем для укрепления славянских позиций в австрийском парламенте путем привлечения в славянский лагерь поляков после их примирения с Россией. Обнаружилось, напротив, что "неославизм" имеет более глубокий смысл, независимо от этой якобы австро-славянской интриги Крамаржа и польского шантажа на славянской почве, как у нас стали смотреть на этот вопрос в широких кругах»⁷⁶. Не правда ли это звучит как прямой ответ на замечания о неославизме Милюкова?

Достаточно убедительными представляются и следующие высказывания В.П. Сватковского: «Обнаружилось, что "неославизм" ничем не отличается в основе от принципов старого славнофильства, которое имеет лишь неудобную для политики формулировку символа веры. Обнаружилось, что "неославизм" есть ничто иное как "практический славизм", который ввиду современного положения славянства не желает касаться опасных для славянского единения теоретических вопросов вероисповедания и государственно-правовых»⁷⁷. Далее Сватковский объяснял, что культурные и экономические задачи славянства — единственно лояльные и достижимые, а признание принципов "свобода, равенство и братство" облегчают работу над их осуществ-

лением. Других путей, других принципов практической славянской работы просто не существовало. Главный результат съезда в Софии Сватковский видел в том, что «прежняя программа "неославизма" или, вернее, "практического славизма" была еще раз признана и без всяких дебатов подтверждена»⁷⁸. Правда, для экономического единения съезд ничего существенного сделать не мог. Вопросы о банке и всеобщей славянской выставке остались открытыми. Сватковский отмечал экономическую неподготовленность борьбы за славянское единство в России (отсутствие русских банков, равнодушие московских промышленных кругов к устройству выставки), а также запрет чешской инициативы австрийским правительством⁷⁹.

Чуть позже поверенный в делах в Болгарии фон Бах прислал более подробную депешу министру иностранных дел о Софийском съезде. В ней, кроме прочего, говорилось, что в глазах Крамаржа "результат софийского съезда должен был выразиться в виде *отрицательного успеха*"⁸⁰. Это значит, что, несмотря на отсутствие поляков, и "неожидательное" Пражскому съезду настроение, конгресс славян в Софии все-таки состоялся и состоялся именно на пражских принципах. Тем самым была открыта перспектива последующих съездов, на которых чехи имели бы возможность создания "гегемонии в области культурных славянских задач"⁸¹.

О впечатлении австро-венгерской печати о славянском съезде в Софии сообщал из Вены князь Урусов. Он отмечал крайне негативное отношение немецкой прессы к съезду, намеки на то, что он устроен русским правительством в целях распространения идеи объединения всего славянства под главенством России⁸². Урусов указывал, что газеты полны резких нападок на австрийских славян, принимавших участие в съезде, хотя среди них Софийский съезд не воспринимался с особым энтузиазмом, и их представительство не было многочисленным. На нем присутствовали, главным образом, члены Центрального славянского комитета с д-ром Крамаржем во главе. Чехи, из-за обструкции которых досрочно закрылся венский парламент, стали участниками Софийского съезда, что подлило масла в огонь. Главным виновником считался, конечно, Крамарж. Немецкая печать не брезговала ничем, чтобы изобразить его как государственного изменника, трудящегося для "обрусения всего славянства"⁸³. Главным обвинением Крамаржа было то, что он позволил усилиться русскому влиянию на Софийском съезде (число их участников было увеличено до 65, русский язык было решено считать языком межславянского общения). "Это уже не неославизм, это отъявленный панрусизм...", — считала "Neue Freie Presse"⁸⁴.

Чешская печать тоже далеко не так восторженно отзывалась о втором подготовительном съезде, как о первом, в Праге. Объяснение этому Урусов видел в отношении чехов к славянскому движению. В его сообщении говорилось: "Для чехов и других австрийских славян всякое проявление славянской солидарности лишь тогда имеет значение, когда оно носит общеславянский характер, исключая преобладающее значение русского народа..."⁸⁵. Урусов повторял распространенную в то время идею, что для чехов участие в славянском движении есть средство добиться восстановления автономии Чехии в пределах Австро-Венгрии и лидирующей роли в Габсбургской монархии. "Конечно же, — отмечал он, — в лице своих представителей в Софии, в особенности главного, д-ра Крамаржа, который особенно хотел сохранить созданное им себе положение в славянском мире, чехи не показывали, насколько Софийский славянский съезд не соответствует задаче, которую они преследовали, способствуя, в свое время, возрождению всеславянского движения"⁸⁶. Подводя итоги съезда, Урусов указывал, что, хотя он и имел "некоторое влияние на культурное объединение австрийских славян с их вне Австро-Венгрии находившимися братьями", он скорее подчеркнул глубокую политическую разнь, которая существовала между славянскими народами⁸⁷.

На Софийский съезд Крамаржа сопровождала супруга Надежда Николаевна. Она разделяла неославистские убеждения мужа, была лично знакома со многими участниками этого движения как в России, так и в других славянских странах. К тому же она любила общество, ей хронически не хватало общения, она стремилась использовать любую возможность для встречи с соотечественниками. В одном из писем Сватковскому Надежда Николаевна замечала: "К тому же я женщина. Есть потребность поговорить, а с кем же говорить, как не с русским человеком. К.П. (Карел Петрович. — Е.С.) этой потребности совсем не понимает, вероятно, потому, что, сам не замечая того, целый день говорит в парламенте или собраниях"⁸⁸. В другом письме она сообщала Сватковскому о своей поездке в Софию, а оттуда через Царьград в свое имение в Крым⁸⁹.

Значительное число русских участников Славянского съезда в Софии также возвращались на родину через Константинополь. Среди них председатель Государственной думы А.И. Гучков, гласный Санкт-Петербургской городской думы Ю.Н. Милютин, профессора Бехтерев, Сиротинин, генерал-майор Кардиналовский и другие. Интересно, что среди этих русских участников съезда в депеше гофмейстера Чарыкова назывался и депутат венского рейхсрата д-р Крамарж (?!). Чарыков, находившийся в то время в Буюкдере, писал: "Я воспользовался слу-

чаем, чтобы сблизить главнейших славянских деятелей с турецкими правительственными лицами, депутатами и журналистами... А.И. Гучков познакомился с великим везирем Хаккы Пашою, а д-р Крамарж увидел впервые Константинополь и его правителей"⁹⁰. Чарыков сообщал также в Петербург, что константинопольская немецкая газета "Osmanisher Lloid" занялась д-ром Крамаржем, характеризуя его как врага турок, чему последние, однако, не поверили"⁹¹.

Еще одним свидетельством того, что даже среди российских дипломатов не было единства в оценках прошедшего форума, служит высказывание Чарыкова: "Софийский съезд является несомненным успехом для дела культурного сближения различных славянских народностей в пределах международного мира и существующих политических форм и организаций. На этой почве неославистское движение не страшно для Турции, будучи в достаточной мере направляемо нами, является в наших руках новым полезным средством для воздействия на последнюю"⁹². Это соображение Чарыкова показывает, что и русская дипломатия склонна была использовать неославизм в собственных внешнеполитических интересах, как своеобразный рычаг в двусторонних отношениях с третьими странами.

Осенью 1910 г. в ответ на речь Крамаржа в рейхсрате министр иностранных дел А. Эренталь заявил, что обе державы, как Россия, так и Австро-Венгрия, одинаково стремятся к поддержанию мира и порядка на Балканах, а потому между ними не существует причин для разногласий. Своей целью глава австро-венгерского внешнеполитического ведомства назвал устранение существующих еще между двумя странами недоразумений и установление дружеских отношений. Вместе с тем австрийский министр очень резко порицал неославизм⁹³. Вопрос о неославизме не в первый и не в последний раз возникал в рейхсрате и делегациях.

Спустя неделю после затронутой выше полемики между Крамаржем и Эренталем этот вопрос был вновь поднят во время прений по бюджету министерства иностранных дел в комиссии австрийской делегации. Крамарж вынужден был в очередной раз заявить, что неославистское движение имеет целью равноправное объединение всех славян на культурной почве и решительно никакой политической задачи не преследует, во все не стремясь к политическому объединению славянских народов. Крамарж пытался одновременно ответить на критику в его адрес и в Австрии, и в России. Он сказал, что превращение Австрии в славянское государство не является идеалом для австрийских славян, так как это неминуемо привело бы к столкновению такого государства с Россией. Австрийские славяне

желают лишь занять подобающее положение в империи Габсбургов и иметь равные возможности мирного развития. Крамарж старался опровергнуть обвинения во вмешательстве во внутренние дела России. Как следует из очередной депеши князя Урусова, лидер младочехов заявил, что он убежденный монархист, и если и давал своим либеральным друзьям в России советы, то лишь о том, что необходимо быть умеренными и лояльными в своей оппозиции. Эта речь Крамаржа вызвала жесткую критику со стороны поляков, которые не признавали за неославизмом характер лишь культурного объединения. Польские депутаты считали, что неославизм ничего не сделал для того, чтобы "заставить русских уважать законные требования поляков"⁹⁴. Член верхней палаты австрийского парламента Енджевович прямо заявил, что поляки — прежде всего поляки, а уже потом славяне, и что движение, которое не отвечает идеалам польской национальности, никакого значения для них не имеет.

С критикой неославизма в очередной раз выступил и министр иностранных дел теперь уже граф Эренталь. Он утверждал, что неославизм не чужд политики, что он враждебен Австро-Венгерской монархии, потому как возбуждает среди некоторых австрийских славян сепаратистские тенденции, а для других является орудием для достижения гегемонии в монархии. Эренталь полагал, что неославизм вовсе не способствует укреплению отношений между Россией и Австро-Венгрией, а "невольнo заставляет подданных одного государства вмешиваться во внутреннюю политику другого"⁹⁵. Урусов объяснял, что враждебное отношение австро-венгерского правительства и поляков к неославизму следует из предположения, что во главе движения стоит Россия. Вместе с тем Урусов обращал внимание на то, что Крамарж старался "выставить неославизм в самом бесцветном и безобидном свете", с чем, по его мнению, вряд ли будут согласны сторонники Крамаржа из числа южных славян⁹⁶.

В декабре 1910 г. газета "Reichpost" поместила статью без подписи якобы русского публициста из Русской национальной партии, в которой сообщалось о поражении д-ра Крамаржа в делегациях и в Чешском клубе⁹⁷ в связи с потеплением отношений между Россией и Австро-Венгрией. В статье говорилось о полной неудаче неославизма, о все большем отдалении зарубежных славян от России и о том, что славянофильская политика последней становится "анахронизмом". Автор статьи от имени русских националистов обвинял Крамаржа в лживости речей, в честолюбивом желании занять пост министра. Он считал, что натянутые отношения между Россией и Австро-Вен-

грией вызваны как славянским вопросом, так и печатью обеих стран. Особенно возмущен анонимный автор был газетами "Новое время" и "Neue Freie Presse", "сеявшими раздор" между двумя государствами⁹⁸.

Поражение политической линии Крамаржа комментировал и российский консул в Праге надворный советник Жуковский. Он писал: "Неуспех д-ра Крамаржа в Чешском парламентском клубе вызвал здесь и в Вене много толков"⁹⁹. Он считал, что придавать особое значение мнению "Národní listy", видевших в "не избрании своего патрона чисто австрийские интриги", не стоит. Со слов Клофача, российский консул сообщал, что выбор нового председателя Чешского клуба вызван тем, что Крамарж проявил "некоторую легковесность в общеславянском деле", дискредитировав себя изменением своей позиции. В донесении в Петербург Жуковский дословно цитировал посетившего его Клофача: "Ведь это все разные Крамаржи — в Праге, Петербурге и Софии, наконец, в Вене. Нам нужно человека с прочными политическими взглядами, умеющего сплотить все партии во имя единой цели: уважения к нам правительства. Фидлер вполне обладает этими данными, он принадлежит к разряду осторожных деятелей с большою долей такта"¹⁰⁰.

Скорее всего, под влиянием Клофача у Жуковского сложилось достаточно негативное отношение к Крамаржу. В одном из донесений в МИД он описывал раут у пражского городского головы д-ра Гроша, от которого он уклонился, но на котором присутствовал секретарь консульства барон Корф, а "центральной фигурой являлся д-р Крамарж со своею женою"¹⁰¹. Поведение супругов Крамаржей казалось Жуковскому не тактичным и не скромным, так как они подчеркивали роль Крамаржа в открытии консульства в Праге.

На самом деле Крамарж действительно немало способствовал этому мероприятию. Вопрос этот поднимался чехами еще в 70-х годах XIX в., однако им никак не удавалось его решить. Каждое десятилетие к нему упорно возвращались. Наконец, министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Голуховский в 1906 г. выразил согласие австрийского правительства на учреждение русского консульства при условии, что будет создана штатная консульская должность, на которую назначат русского подданного. Какое-то время дело тормозилось российскими чиновниками. В 1908 г. Крамарж в очередной раз возбудил вопрос о консульстве в австрийской делегации¹⁰². Открыто оно было лишь в 1910 г. Однако Жуковский не признавал особых заслуг Крамаржа в этом. Он полагал, что "личность чешского политика проявляется в весьма не симпатичном свете"¹⁰³. Разыгрывая из себя друга России и славян, он, по словам

Жуковского, оставался прежде всего австрийцем, затем чехом. Российский консул считал Крамаржа человеком, к которому надо относиться "с большою долею осторожности"¹⁰⁴.

В феврале 1911 г. в связи с преобразованием Славянского союза Ф. Фидлер стал его новым председателем¹⁰⁵. Словенские клерикалы начали кампанию в печати против лидера младочехов Крамаржа, обвиняя его в том, что своим участием в неославистском движении он создал себе и своей партии репутацию врага австрийской государственности, и тем самым Славянский союз под руководством чехов не сможет защищать интересы австрийских славян. В связи с этим гофмейстер Гирс был вынужден взять Крамаржа под защиту. В депеше из Вены от 3(16) марта он сообщал в Петербург: "Обвинения эти не соответствуют действительности, так как деятельность д-ра Крамаржа никогда не вредила отношениям между чехами и австрийским правительством"¹⁰⁶.

Подводя итоги неославистского движения в 1911 г., Д.Н. Вергун писал, что сделано "чрезвычайно мало". Основную вину за кризис он возлагал на польских руководителей как в австрийском парламенте, так и в России. Заглохли даже всякие слухи о подготовительных работах по учреждению славянского банка и устройству всеславянской выставки. По его мнению, славянские мероприятия, проведенные в 1911 г., а именно: славянский съезд журналистов в Белграде, "сокольский" слет в Загребе, встречи богословов в Велеграде и Праге, явились лишь доказательством, что в славянском движении боролись две идеи — австрославизма, стремившегося к расширению австрийского владычества на Балканский полуостров и земли бывшей Речи Посполитой, и славянофильская, русская¹⁰⁷. Дискуссии о характере неославизма продолжались вплоть до Первой мировой войны (да и позднее обсуждение этого вопроса было возобновлено в новых условиях независимой Чехословакии). Но центральные события движения, связанные с проведением подготовительных славянских съездов, были уже позади, поэтому есть смысл подвести некоторые итоги.

Неославизм, вопреки множеству заявлений и деклараций его сторонников, конечно же, преследовал определенные политические цели. Крамарж не скрывал, что во внешнеполитическом плане неославизм для него был средством способствовать австро-российскому сближению в качестве противовеса усиливавшейся Германии. Попытки, направленные на примирение противоречий внутри славянского мира, имели целью усиление славянского элемента внутри Австро-Венгрии. Единство австрийских славян было необходимо в условиях крайнего противостояния чехов и немцев. Но это скорее были тактические цели.

Сложнее вопрос о том, предполагали ли неослависты в качестве отдаленной цели политическое единение славян? По некоторым намекам самих неославистов можно ответить на этот вопрос положительно, однако открыто заявить об этом они, естественно, не могли, так как даже планы культурного и экономического сотрудничества славян вызывали резкое неприятие со стороны Вены и Берлина. Совершенно однозначно о политических объединительных конечных целях славянского движения сообщал и Сватковский.

В связи с этим встает и вопрос, каково же было отношение официальной России к неославизму? Жуковский в беседе с итальянским дипломатом маркизом Чентурионе в марте 1911 г. заявил, что панславизма как правительственной политической программы никогда не существовало. То же самое он повторил и о неославизме, который охарактеризовал лишь как попытку культурного сближения славян, выдвинутую отдельными лицами по собственной инициативе и "остающуюся пока в области грез"¹⁰⁸.

В записке Сватковского под названием "Австрийское славянство во время австро-сербского кризиса и его завершения" все эти вопросы детально объясняются. Представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства вспоминает о полученном с курьером через венское посольство задании министерства иностранных дел путем частных переговоров с лично близкими ему славянскими парламентскими деятелями Австрии выяснить опасность войны и побудить их предпринять шаги и заявления в пользу мира. В этой связи Сватковский останавливается и на истории своих личных отношений со славянскими политиками Австрии. В 1905 – 1906 гг. в связи, как писал Сватковский, с "русским возрождением" (имелся в виду октябрьский манифест и созыв Думы. — *Е.С.*), возникла и сочувственно обсуждалась в политических и публицистических кругах всех славянских народов идея о вероятной в ближайшем будущем федерации славянских национальных единиц под главенством России. Условием создания подобной федерации было предоставление им в той или иной форме политической или национально-культурной самостоятельности. В конце 1905 г. Сватковский, известный как автор статей на славянские темы, получил приглашение от ряда славянских и других заграничных политических деятелей посетить их для более подробного обсуждения этих проблем. В начале 1906 г. такая поездка по славянским и другим европейским центрам была им предпринята. Итоги этих переговоров были зафиксированы во введении к книжке "La Revue Slave" под названием "Славянский союз". Выработанная основа межславянских отношений предполагала следующие принципы:

1. Совершенное равенство религиозных вероисповеданий.
2. Равенство всех славянских народов, больших и малых, в их наиболее свободном национальном развитии, культурном и экономическом. Что в переводе на язык политики означало автономию для комплекса союзов.
3. Такое же абсолютное национальное равенство для народов и объединений неславянских, которые находятся внутри славянского мира или на его периферии, но экономические и политические интересы которых тесно с ним связаны. Славянский союз заявлял, что всегда будет находить способы и средства, чтобы урегулировать вопросы положения отдельных наций и гарантировать им равноправие и политическую независимость, особенно славян Габсбургской империи.

Сватковский писал, что «эта программа усиления возрожденной России путем расширения в своего рода усовершенствованную, гигантских размеров славянскую Германию, была предметом обсуждения в Вене с д-ром К. Крамаржем, графом Войтехом (Адальбертом) Дедушицким, тогдашним главой консервативных поляков и председателем польского парламентского «кола», профессором Глонбиньским, главою народовцев в Галиции и нынешним председателем венского польского «кола»»¹⁰⁹. Польские представители, по словам Сватковского, выразили убеждение, что для польского народа возможно объединение только под русской государственной властью, так как невозможно мечтать о полной независимости «между германским молотом и русской наковальней»¹¹⁰. Во имя объединения польского народа вожди австрийских поляков готовы были пожертвовать расположением венского правительства, тем более что сама Галиция могла бы немало выиграть в экономическом плане, присоединившись к России. В России идея «славянского союза» или федерации славянских автономных единиц также вызвала к себе сочувствие в польских кругах, мечтавших в то время об автономии Польши, и программа, намеченная в «La Revue Slave», обсуждалась членами польского «кола» Первой думы.

«Затем, — писал Сватковский, — ввиду дальнейшего хода событий в России, интерес к этой идее у нас постепенно заглох. Не так было в славянской среде за границей, где продолжал упорно держаться оптимистический взгляд на возможность обратить Россию на путь славянской активной объединительной политики»¹¹¹. Именно под знаком этой идеи, но «с более скромным для широких кругов паролем»¹¹² в Праге и в Вене в начале 1908 г. прошли предварительные совещания по вопросу о славянском съезде. Дедушицкий и Глонбиньский были за созыв подготовительного съезда в Праге. Но Глонбиньский отстаивал

идею закрытых заседаний, Дедушицкий был готов участвовать и в торжественном съезде, какой характер собирались придать ему чехи. Было решено, что польские политические деятели Австрии воздержатся от прямого участия в публичном съезде, предоставив этот право представителям печати и общественным деятелям, а также польским политикам из России с Р. Дмовским во главе. Сами они заняли позицию сочувствующих наблюдателей. На съезде Дмовский заявил, что для поляков необходима великая могущественная Россия. Это было расценено как небывалый с польской стороны шаг навстречу России. В течение нескольких месяцев после съезда идеи неославизма, выраженные на нем, были весьма популярны в славянских общественных кругах и печати, в том числе и польской. Однако уже в ходе осенней сессии Государственной думы с уходом из нее Дмовского, главного польского партнера Крамаржа, с польской стороны стал все больше чувствоваться скептицизм в отношении к новому славянскому движению. Правда часть польского общества еще надеялась на благоприятное решение вопроса о Холмской губернии, о введении городского самоуправления и т.п.

Это был период обострения сербо-австрийского кризиса, и австрийским славянским политикам с Крамаржем во главе необходимо было сориентироваться относительно дальнейших намерений русской политики. Они воспользовались поездкой Сватковского на родину в декабре 1908 г. и просили его осведомиться в руководящих русских правительственных и общественных кругах, "крепко ли стоят вообще шансы последовательной русской политики в славянском вопросе и готова ли Россия довести его решение до единственно нормального логического конца, т.е. до образования славянской федерации под верховенством России"¹¹³. В случае положительного ответа, славянские вожди выражали готовность пренебречь частными национальными интересами и направить все свои усилия к усовершенствованию организаций, "которые привели бы к тому, чтобы славянская часть австро-венгерской армии, повинувшись обще-славянскому паролю, оказалась в решительный момент непригодной для военных действий против славянских противников австро-германского мира"¹¹⁴. Следовательно, речь шла даже о возможности создания подпольных военно-пропагандистских организаций на случай войны.

Исполнив в Петербурге от имени К. Крамаржа это сформулированное им поручение славянских политиков, Сватковский вернулся в середине января в Вену с ответом, отклонявшим слишком радикальные предложения славян и рекомендовавшим им стремиться занять в венском парламенте и вообще в

политической жизни страны "влиятельное, сильное перед лицом правительства положение, способное дать впоследствии австрийским славянам возможность быть веским элементом, с которым Австрия принуждена была бы считаться"¹¹⁵. Это подтверждает незаинтересованность официальной России в панславистских планах, исходивших, прежде всего, от представителей зарубежных славян.

В то же время неославянское движение использовалось российской дипломатией в политических целях. Примером тому служит данное Сватковскому задание пропагандировать через славянских депутатов рейхсрата идеи мира во время боснийского кризиса. Крамарж назывался тогда "первым из немногих заслуживающих полного доверия лиц"¹¹⁶. Как писал Сватковский, с графом Дедушицким и профессором Глонбиньским он беседовал "уже совершенно на иных основаниях, чем с Крамаржем, которого должен был несколько посвятить в суть полученного поручения"¹¹⁷. С поляками ему пришлось вести беседу якобы по личному почину. Польские представители вначале сочувственно откликнулись на идею противостоять угрозе войны, затем, после речи министра юстиции И.Г. Щегловитова в ответ на запрос о польских судьях, Дедушицкий изменил план первоначальной речи в парламенте, заявив о готовности поляков исполнить свой долг перед Австрией. Крамарж и Грибар же решительно высказались в защиту мира. Славянская кампания в пользу мира была провалена из-за русской политики в польском вопросе. Крушение надежд на Россию заставляло польских политиков ориентироваться на укрепившийся с окончанием боснийского кризиса австро-немецкий союз.

Крамарж не раз критиковал Россию за польскую политику. При встрече со Сватковским он выразил крайнее разочарование, что России не удалось сойтись с поляками. По его мнению, Россия могла приобрести преданность поляков весьма низкой ценою, но не воспользовалась выгодным случаем. Эту же точку зрения он выразил и публично на одном из заседаний Чешского клуба. Ранее чехи и другие славяне осуждали поляков за национализм и непонимание славянской идеи, теперь же они убедились, что пожелания поляков к России весьма умеренны. "Это был минимум того, чего потребовали бы и остальные славяне в качестве первого условия своей политической принадлежности к России", — считал Сватковский. В приложении к записке Сватковского хранятся и два письма — проф. Глонбиньского и К. Крамаржа. Глонбиньский объясняет Сватковскому позицию австрийских поляков в отношении славянского движения в связи с польской политикой России. Особой критике он подвергает план выделения

Холмской губернии из Царства Польского, ограничение польского представительства в Государственной думе и запрет полякам занимать должности судей. "Наши соплеменники в России не только не имеют никакого политического влияния, но не в состоянии отстаивать своих собственных основных прав и интересов", — писал он. Разочарование поляков в славянском движении Глонбиньский непосредственно связывает с российской политикой в польском вопросе.

Письмо Крамаржа не менее эмоционально и так же критично к российской политике. В начале письма Крамарж выражает сожаление по поводу медленных темпов реформ и возрождения военной силы России. А далее переходит к "большому" польскому вопросу, в котором, по его мнению, не сделано ничего. И даже наоборот дело ухудшилось "мелкими уколами польского самолюбия"¹¹⁸. Русскую политику в отношении поляков он называет "преступлением, тяжелым грехом перед Россией и славянством"¹¹⁹. Обращаясь в лице Сватковского к русским политикам, он писал: "Неужели вы не понимали, что ваше ратование за свободу сербов в Боснии должно было звучать для поляков злейшей насмешкой? Сербы в Боснии и при старом режиме имели свои школы, в последние годы — полную церковную автономию, полное право сербского языка во всех государственных учреждениях, а тут поляки, которые в России ничего этого не имеют, должны были понимать русскую славянскую политику, являющуюся славянской только за пределами государства"¹²⁰. Крамарж восклицал: "Если уж Россия не может воевать за славян — пусть она, по крайней мере, покажет славянскую любовь и готовность к примирению в отношении к полякам, и мы простим ей все, чем она согрешила перед славянством"¹²¹. Письмо было написано весной 1909 г. после боснийского кризиса, поэтому чешский лидер указывал: "Итак, все сводится к тому, что вы, потерпев такое поражение во внешней политике, должны показать у себя дома, что хотите видеть в славянской политике свое великое будущее. Потому что я не хочу верить, чтобы Россия так низко пала, что не ищет ничего иного, кроме снисходительного одобрения из Берлина своей внешней и внутренней политики"¹²². Заканчивая письмо, Крамарж предостерегал: "Мне все кажется, что конфликт между славянством и германством ближе, чем мы думали, и с этим нужно считаться прежде всего России"¹²³. Следовательно, политические цели Крамарж предусматривал как тактические, так и более отдаленные (в случае войны) стратегические. Причем как внутри Австро-Венгрии (парламентское славянское большинство) и России (русско-

польское урегулирование), так и во внешнеполитическом плане (программа минимум — австро-российское сближение как противовес Германии, программа максимум — славянская федерация во главе с Россией, но с полной автономией ее частей).

- 1 Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.) Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1907 — 1909. Д. 3417. Л. 206.
- 2 Там же. Л. 212 об. — 213.
- 3 Там же. Л. 214.
- 4 *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 156 — 157.
- 5 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 244 об.
- 6 Там же.
- 7 Там же. Л. 244.
- 8 Korespondence T.G. Masaryk — Bedrich Hlaváč. Praha, 1201. S. 71.
- 9 См., например: Čas.1905. S. 45.
- 10 В 1905 г. объединившись с группой прогрессистов, партия была переименована в Чешскую прогрессивную партию, см.: *Politická elita mezi válečného Československa 1918 — 1938. Kdo byl kdo za první republiky.* Praha, 1998. S. 162.
- 11 *Garver Bruce M.* The Young Czech Party 1874 — 1901 and the Emergence of a Multi-Party System. New Haven; L., 1978. P. 312.
- 12 Korespondence T.G. Masaryk — Bedřich Hlavač. S. 1, 138.
- 13 Ibid. S. 62.
- 14 Ibid. S. 82.
- 15 Ibid.
- 16 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 150.
- 17 *Archiv Národního Muzea.* (Далее: ANM.) F.K. Kramář. Kart. 103.
- 18 *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 2: (1859 — 1917). С. 36 — 37.
- 19 И Масарик, и Милюков высказывались за сотрудничество в славянском движении только между близкими в идейном плане партиями. Крамарж и другие неослависты, наоборот, считали, что славянское движение может объединять разные политические силы.
- 20 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 37.
- 21 Здесь автор мемуаров ошибается. Первый съезд прошел в Праге в 1908 г., второй — в Софии в 1910 г.
- 22 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 37.
- 23 ANM. F.K. Kramář. Kart. 103.
- 24 РГИА (Петербург). Ф. 909. Оп. 1. Д. 156. Л. 3а, 16.
- 25 Там же. Л. 30, 31, 33 об., 34, 35 об., 43 об.
- 26 Там же. Л. 24.
- 27 Там же. Л. 24 об.
- 28 Там же Л.25.
- 29 Там же.
- 30 Новое время. 1908. 17(30) окт.
- 31 *Ненашева З.С.* Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии российского консула в Праге // Славянский альманах, 1999. М., 2000. С. 126 — 127.
- 32 АВПРИ. Ф. 133. Политический архив. Канцелярия. 1914. Оп. 470. Д. 170. Л. 28.

- 33 АВПРИ. Ф. 340. Коллекция документальных материалов чиновников Министерства иностранных дел. Оп. 793. 1908—1914 гг. Личный архив В.П. Сватковского. Д. 1. Л. 12 об.
- 34 АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 204. Л. 2—3.
- 35 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. 1910—1911. Оп. 482. Д. 3418. Л. 6.
- 36 Там же. Л. 7.
- 37 Новое время. 1910. 7(20) февр.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 *Ненашева З.С.* Софийский славянский съезд 1910 г. // Славянское движение XIX—XX веков: съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М., 1998. С. 201.
- 41 АВПРИ. Ф. 151. Политархив 1910—1911. Оп. 482. Д. 3418. Л. 37.
- 42 Там же.
- 43 Там же. Л. 38.
- 44 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. 1908—1914. Личный архив В.П. Сватковского. Д. 1. Л. 5—5 об.
- 45 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1910—1911. Д. 3418. Л. 54.
- 46 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. Д. 1. Л. 21—22.
- 47 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 96.
- 48 Там же.
- 49 Болгарское народное собрание и городское управление Софии выделили по 50 тыс. левов на проведение съезда. См.: Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 541. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.
- 50 Там же. Л. 96 об.
- 51 Там же. Л. 105.
- 52 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 277. Л. 1.
- 53 Там же. Л. 2.
- 54 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 93.
- 55 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 20. Л. 37; Д. 28. 1910—1912. Л. 3 об.
- 56 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 96 об.
- 57 Там же. Л. 97—97 об.
- 58 Там же. Л. 97 об.
- 59 Там же. Л. 98.
- 60 Новое время. 1910. 29 июня (12 июля).
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 *Kramář K.* Život—Dílo—Práce vůdce národa. Praha, 1938. S. 201.
- 67 Вестник Европы. 1910. 4 июля.
- 68 Там же.
- 69 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
- 70 Вестник Европы. 1910. 4 июля.
- 71 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.
- 72 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 101.
- 73 Там же. Л. 111 об. — 112.
- 74 Там же. Л. 104 об.
- 75 *Kramář K.* Op. cit. S. 202.
- 76 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 108 об.

- 77 Там же.
- 78 Там же. Л. 109.
- 79 Там же. Л. 110.
- 80 Там же. Л. 114 об.
- 81 Там же. Л. 114 об. — 115.
- 82 Там же. Л. 117.
- 83 Новое время. 1910. 27 июля.
- 84 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.
- 85 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 118.
- 86 Там же. Л. 118 об.
- 87 Там же. Л. 119.
- 88 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793.1908—1914 гг. Личный фонд В.П. Сватковско-го. Д. 1. Л. 7 об.
- 89 Там же. Л. 10 об.
- 90 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3418. Л. 120.
- 91 Там же.
- 92 Там же. Л. 120 об.
- 93 Там же. Л. 135.
- 94 Там же. Л. 140 об.
- 95 Там же.
- 96 Там же.
- 97 Крамарж не был переизбран председателем Чешского клуба депута-тов. Вместо него большинством голосов был избран Ф. Фидлер.
- 98 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 142 об.
- 99 Там же. Л. 150.
- 100 Там же.
- 101 Там же Л. 152.
- 102 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.
- 103 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 152.
- 104 Там же.
- 105 Там же. Л. 171.
- 106 Там же. Л. 178.
- 107 Новое время. 1912. 1 янв.
- 108 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3418. Л. 181.
- 109 АВПРИ. Ф. 340. Коллекция документальных материалов чиновников Министерства иностранных дел. Оп. 793. 1908—1914. Личный архив В.П. Сватковского. Д. 4. Л. 20.
- 110 Там же.
- 111 Там же. Л. 21.
- 112 Там же.
- 113 Там же. Л. 24.
- 114 Там же. Л. 25.
- 115 Там же.
- 116 Там же.
- 117 Там же. Л. 26.
- 118 Там же. Л. 37.
- 119 Там же.
- 120 Там же.
- 121 Там же.
- 122 Там же. Л. 38.
- 123 Там же.

Глава 8

Накануне мировой войны

*

В 1910—1914 гг. славянское движение продолжало развиваться, но крупных неославистских форумов, как Пражский и Софийский съезды, уже не проводилось. Имело ли оно какие-либо результаты? Если исходить из того, что главной задачей, выдвигавшейся на всех славянских съездах, конгрессах, встречах, совещаниях и слетах, было взаимное ознакомление и выяснение общих интересов, то, безусловно, да — она была выполнена. Если рассматривать отдельные конкретные проекты (например, открытие всеславянского банка, создание телеграфного агентства), то часто в силу разных причин их реализация не удавалась.

Особую инициативу в деле славянского сближения проявляли в то время западные славяне с чехами во главе. Не в последнюю очередь это было связано с жестким чешско-немецким противостоянием. Как полагал Филевич, сама идея неославизма на чешской почве получала совершенно определенный и живой смысл — "оберегания всеми силами прадедовской земли от чужого захвата"¹. Еще в 1909 г. правительство Бинерта выработало законопроект о новом разделении Чехии на округа — немецкие, чешские и смешанные. При этом некоторые вопросы из компетенции центральных земских властей должны были перейти в компетенцию окружных. Для чехов система окружных правительств представлялась нежелательной, так как ослабляла бы значение земских властей и, отчасти, сейма. В немецких округах она вела бы к дальнейшему укреплению национального сепаратизма и возможному разделению королевства на две части. Тогда судьба полумиллиона чехов, живших среди немцев, оказалась бы весьма незавидной. По желанию немцев правительственный законопроект предполагалось рассмотреть в центральном парламенте в Вене. Чехи решительно выступили против этого. По их мнению, вопрос об изменении земского устройства мог быть решен лишь чешским сеймом путем соглашения между двумя национальными группами. Однако работа

сейма была парализована с 1908 г. немецкой обструкцией. Чехия находилась в жестких финансовых тисках, так как невозможно было провести предполагавшееся увеличение налога на пиво, ассигновать земским учреждениям необходимые пособия, а также освободить население от включения дополнительного земского обложения в подоходный налог. Последнее обстоятельство вело к росту налога на недвижимость, а следовательно, и к увеличению платы за наем помещений. Для менее состоятельного чешского населения и не столь крепкой чешской промышленности новое вздорожание было чувствительнее, чем для зажиточных немцев. В сентябре 1910 г. в Праге начались чешско-немецкие согласительные переговоры, посредниками в которых выступали обе группы крупных землевладельцев в Чехии. Во главе одной из них, более близкой к чехам, стоял граф Франц Тун, бывший министр-президент, приближенный эрцгерцога Франца Фердинанда. По сообщению В. Сватковского, наследник престола был сам весьма заинтересован в достижении компромисса: "Его искусная, неутомимая рука постоянно связывала неоднократно порывавшуюся нить переговоров. Им выдвигались все новые посредники в лице верховного земского маршала князя Лобковица, наместника графа Кудэнговэ, и наконец министра президента"². Сеймовая комиссия чешских и немецких уполномоченных занималась разрешением следующих вопросов: 1) Могут ли быть подаваемы в немецких округах Чехии местным автономным властям прошения и заявления на чешском языке и, наоборот, в чешских округах на немецком? И должны ли следовать на том же языке официальные ответы и решения? 2) Могут ли быть подаваемы немецкие прошения и заявления в Праге? 3) Может ли земская управа быть разделена на национальные секции?

Кроме того комиссия рассматривала и вопросы пропорционального участия чехов и немцев в работе земских учреждений, новом административном разделении королевства на национальные и смешанные округа, охране национальных меньшинств. Переговоры шли семь недель и по главным вопросам стороны приблизились к соглашению, однако на общем заседании комиссии намеченные компромиссные формулировки приняты не были. Совещания приостановились, а затем закрылись. Позднее переговоры продолжались в Вене, но там уже обсуждались вопросы не автономных, а правительственных учреждений.

Крамарж формально неучаствовавший в работе согласительной комиссии в Праге, все же вмешался в обсуждение вопроса о компетенциях национальных секций земской управы. Заболев в Крыму, он вернулся в Прагу, когда уже всю шла ра-

бота комиссии. Точка зрения Крамаржа состояла в том, что можно согласиться на образование национальных секций, предоставив им решение культурных вопросов, но он протестовал против уступок немцам со стороны чехов по расширению компетенции национальных секций. Как считал Сватковский, "вмешательство Крамаржа (вообще относящегося к согласительной кампании сочувственно) против излишней уступчивости стоило ему провала в выборах в председатели объединенного чешского клуба"³. Представитель Санкт-Петербургского телеграфного агентства сообщал: "Ныне установлено совершенно определенно, что в этом случае на более податливые чешские элементы было оказано воздействие свыше, из близких к наследнику кругов, которые таким образом пытались сделать слишком стойкого в отстаивании чешских интересов Крамаржа безвредным в дальнейших чешско-немецких переговорах"⁴.

Что касается нового витка переговоров в Вене, то там ставились вопросы о равноправии языков в правительственных учреждениях Чехии и о пропорциональном замещении правительственных должностей в королевстве лицами обеих национальностей. Крамарж пытался выторговать у Бинерта некоторые уступки чехам взамен на слишком большие их уступки немцам, намеченные в Праге. Пока проходили переговоры Бинерт подал в отставку. Новые чешско-немецкие совещания намечалось провести в Праге в 1911 г. Весною того же года венский рейхсрат был распущен, в июне состоялись парламентские выборы и был сформирован новый кабинет барона П. Гауча⁵. В июне же был утвержден новый избирательный закон в Австрии, но до национального равноправия было еще далеко: как писало "Новое время", по одному депутату избирались от 30 тыс. немцев, 40 тыс. поляков, 60 тыс. чехов и 105 тыс. русских (имелись в виду жители Галиции. — *Е.С.*)⁶.

Выступивший на собрании в Праге Крамарж заявил, что условием примирительных совещаний с немцами должны стать "доказательства благоволения нового правительства к чешскому королевству", а именно: упорядочение финансов Чехии и введение в жизнь принятых чешским сеймом законов⁷. На Гауча возлагали надежды восстановить работоспособность чешского сейма, на князя Ф. Туна — добиться немецко-чешского примирения. Действительно наместник Чехии Ф. Тун предпринял некоторые шаги к этому: он посетил сначала немецкий, затем чешский театр в Праге и выразил надежду на примирение. Однако такое "театральное примирение" высмеивалось органом Клофача "České slovo"⁸. В августе 1911 г. в "Národní listy" было напечатано "крымское послание" депута-

та Крамаржа. Лидер младочехов заявил, что правительству барона Гауча необходимо заручиться чешскими голосами в парламенте для проведения финансового и военного законопроект. Для этого недостаточно привлечения чешских политиков в правительство. Необходимо навести порядок в чешском сейме, нарушенный немецкой обструкцией, и согласиться на учреждение второго чешского университета в столице Моравии Брно⁹.

Осенью того же года Гауч предложил двух чехов в правительство, но немцы не торопились пересмотреть свое постановление о недопущении чехов в состав кабинета. В связи с этим Крамарж выступил с большой речью в защиту прав чешского народа. Он указал на такие враждебные акты правительства по отношению к чехам, как закрытие чешских школ в Вене, изгнание высших чешских чиновников из разных министерств, "постоянный обход чехов в пользу немцев в судебном ведомстве самого чешского королевства"¹⁰. Крамарж заявил, что, если барону Гаучу не удастся объединить немцев, чехов и поляков в центральном правительстве, то вина за уничтожение парламента и даже парламентаризма ляжет на немцев, а не на чехов. "Сила чешского народа для дальнейшей борьбы еще далеко не исчерпана, — заявил лидер младочехов, — и чешский народ сумеет парировать всякий удар"¹¹. Но эти грозные заявления явились поводом для издевок немецкой и, отчасти, польской печати. Чехам напомнили слова графа Бейста после отмены коронационного манифеста Франца Иосифа в 1871 г.: "Вся беда чехов в том, что чешский лев — животное, правда двуххвостое, но довольно беззубое, другие львы или скалят зубы, или виляют хвостом, а двуххвостый чешский лев — один хвост поджимает, другим виляет, и при этом все-таки делает вид, что скалит зубы!"¹²

Вопросы внутренней политики Австро-Венгрии и России непосредственным образом сказывались и на развитии славянского движения. Это и проблема чешско-немецких противоречий, и австрийская политика в отношении украинского и русского национальных движений в Галиции, и решение российских властей о выделении Холмщины из состава Царства Польского. Если для чехов смысл нового славянского движения в какой-то степени заключался в противостоянии немцам, то для России неославизм также воплощал идею единства не только славян, но и русского народа, включая белорусов и малоросов¹³. Поэтому неослависты не признавали существование украинцев как отдельного народа.

Осенью в Австрии произошла еще одна смена кабинета — вместо правительства Гауча было образовано правительство Штюргка. Наметилась тенденция к сближению с Россией. Авст-

ро-венгерский посол в Петербурге граф Турн-Вальсасин получил аудиенцию у императора Франца Иосифа в Вене. Газета "Свет", ссылаясь на австрийскую печать, писала, что через посла австрийский император передал письмо Николаю II в Ливадию¹⁴. В ноябре 1911 г. было опубликовано интервью корреспондента "Нового времени" с младочешским вождем К. Крамаржем, посвященное австро-русским отношениям. В интервью Крамарж выразил опасения, что не на Балканах, а в Галиции может вырасти очередное яблоко раздора между Австро-Венгрией и Россией. Чешский политик выразил сожаление по поводу гонений на староруссов в Галиции, указав на опасность конфликта с Россией из-за русских галичан. Он подчеркнул, что всегда выступал и выступает в пользу дружественных отношений между Австро-Венгрией и Россией. Комментируя эти заявления Крамаржа, газета "Новое время" писала: "Если такой влиятельный политик венского парламента, как Крамарж, играющий в нем около 20 лет видную роль, нашел возможным придать преследованию русских галичан и официальной поддержке украинофильства такое политическое значение, то очевидно, что вопрос этот считается самым важным вопросом у западных славян, желающих сохранения добрососедских отношений между Австро-Венгрией и Россией"¹⁵. После этих заявлений Крамаржа львовская газета "Діло", негодуя в адрес чешского политика, назвала его "злейшим врагом украинского движения"¹⁶. К вопросу об австрийской политике в Галиции и особенно к так называемому украинскому вопросу Крамарж вернулся в речи, произнесенной в делегациях в декабре 1911 г. Чешский оратор сравнил отношения австрийских властей к немцам-католикам, перешедшим в протестантство (около 100 тыс.), с политикой в Галиции применительно к русским общинам. В первом случае австрийские власти допускали полную свободу совести. Но желающие присоединиться к православию в Галиции подвергались гонениям. Это чешский лидер считал несправедливым и опасным. Крамарж также выступил против запрета галицко-русским гражданам употреблять в сношениях с властями русский литературный язык. Лидер младочехов не одобрял преследование украинцев в России, но, с другой стороны, считал поощрение украинофильских деятелей со стороны Австрии в их попытках возвести малорусское наречие в степень литературного языка "безнадежным и глупым"¹⁷. В благодарность за поддержку галицко-русское Общество памяти св. Петра митрополита Московского (под председательством графа В.А. Бобринского) послало Крамаржу послание, в котором, в частности, говорилось: "Своим последним выступлением в делегациях вы укрепили узел единения чехов со всем русским народом на благо всего славянства"¹⁸.

Что касается Холмского вопроса, то Крамарж занял особую позицию. В январе 1912 г. он опубликовал статью под названием "В решительную минуту". В ней он высказался за выделение Холмской Руси в особую губернию, но советовал сохранить ее в составе Царства Польского с тем, чтобы не разжигать национальных противоречий с поляками и не толкать польских политиков на безрассудные действия. Он привел пример, как холмский вопрос влияет на политику славянского сближения, — польские сокольские общества отказались участвовать во всеславянском "сокольском" слете в Праге, планируемом на июль, и всеславянском съезде общественного оздоровления в Петербурге. Крамарж рассчитывал, что если Холмская губерния будет оставлена в составе Царства Польского, то поляки перестанут говорить о "четвертом" разделе Польши и примкнут к славянскому движению¹⁹.

В феврале скончался министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь. Его преемником стал также бывший в течение пяти лет представителем австрийского императора при дворе Николая II граф Берхтольд. Приветственную телеграмму новому австрийскому министру послал председатель совета министров В.Н. Коковцов, что было расценено немецкой и польской печатью как "заискивание" России перед Австро-Венгрией²⁰. Орган младочехов "Národní listy" по этому поводу писал: "В связи с назначением Берхтольда... в Вене много говорят об австрославизме. Россия является другом славянских народов и государств, однако в идее австрославизма она видит огромную фальшь"²¹. Далее в статье объяснялось, что австрийское и венгерское правительства, хотя и пропагандируют в печати эту идею, не ведут по отношению к славянам никакой позитивной политики. Примеры были весьма красноречивые: Чешское королевство доведено до нищеты, русские в Галиции и Буковине преследуются за веру сильнее, чем в Турции, хорваты, известные своей преданностью Австрии, доводятся до отчаяния, аннексированные Босния и Герцеговина являются яблоком раздора между венграми и немцами, старающимися упрочить там свое влияние и силу, Черногория "задыхается" в объятиях Австрии, против Сербии ведется экономическая борьба, невыгодная для населения самой Австро-Венгрии. Поэтому чешская газета писала, что "Россия, хотя и желала бы восстановления дружественных отношений с Австрией, должна раньше требовать, чтобы в Австро-Венгрии наступил на всей линии более дружественный поворот к своим и заграничным славянам"²².

18 февраля 1912 г. Крамарж выступил с очередной речью в рейхсрате. Он считал, что назначение новым министром ино-

странных дел Австро-Венгрии графа Берхтольда свидетельствовало об изменении правительственного курса. Крамарж повторил идею о том, что перед австрийской дипломатией стоит задача сближения с Россией и освобождения от слишком тяжелого давления из Берлина. По его мнению, нельзя было управлять Австрией против славян, а также не считаясь с общественным мнением России. Что касалось внутренней ситуации в Чехии, то Крамарж высказался против слепой оппозиции, за установление порядка в финансовом управлении, что отвечало бы интересам, как немцев, так и чехов, и сохранению единства Королевства²³.

Весной 1912 г. чешское общество обсуждало перспективы предстоящих переговоров о чешско-немецком соглашении. Как сообщал в своем донесении коллежский советник Жуковский, "источником оптимизма в вопросе служит, как всегда, увлекающийся доктор Крамарж, верующий в то, что настоящее правительство искренне озабочено улучшением положения в пользу чехов"²⁴. Противоположное мнение высказывал Клофач. Сватковский информировал, что чешско-немецкие переговоры продвигаются вперед, но "медленно и неровно"²⁵. В урегулировании отношений участвовал наместник Чехии князь Тун, которого Сватковский называл "драгоценным посредником, умным, энергичным, последовательным"²⁶. Идея соглашения поддерживалась императором и наследником престола. Поэтому у Крамаржа сложилось впечатление, что переговоры завершатся благополучно. Сватковский извещал о слухах, что готовится новая смена кабинетов, при которой Штюргка должен был сменить Бек, близкий друг Крамаржа. Бек был также воспитателем наследника и автором его книги о путешествиях в Азию, затем попал в опалу из-за участия в составлении клятвы наследника Франца Фердинанда при его бракосочетании²⁷.

В ходе развития славянского движения оказалось, что наименее знакома со славянством, его культурным уровнем и политическим положением была Россия. Это нередко отмечалось публицистикой²⁸ и российскими представителями за границей²⁹. Как отмечал в своем докладе Сватковский, славянство уже не ждало от России "материальной поддержки, но только нравственной солидарности"³⁰. В этот период активно обсуждался проект создания Славянского телеграфного агентства, идея которого была выдвинута на 9-м съезде журналистов в Софии. Его необходимость была продиктована желанием иметь точную, не искаженную австрийским "Korrespondence Bureau", информацию. Была даже разработана и передана А.И. Гучкову годовая смета расходов такого агентства (максимально 70 тыс. рублей)³¹. Однако и этот проект оказался не реализован.

Как вспоминал впоследствии Б.А. Суворин³², славянская идея среди русского "демократического" общества большого успеха не имела: "Ее пугали со старым славянофильством и презрительно пожимали плечами... и как это ни странно, часть нашего ведомства иностранных дел так же мало сочувственно относилось к русско-чешскому сближению. Немецкие влияния были все-таки сильны в здании у Певческого моста, и понятно было, что Германия не могла смотреть благосклонно на сближение русских с подвластными ее союзнику Австрии чехами. Это непонимание общественных славянских интересов как со стороны части русского общества, так и представителей власти очень огорчало в то время сторонников русско-чешского движения"³³.

Обострение русско-польских отношений имело неожиданный результат — сближение поляков с чехами, а через них в известном смысле и с другими славянами, кроме славян России. Крамарж в письмах к Сватковскому и в личных с ним беседах оценивал это явление как опасное и нежелательное для славянской идеи. Он утверждал, что пока "направляет судьбы своего народа", останется верным общеславянской программе и сумеет "обезвредить польские стремления к односторонней славянской солидарности"³⁴. Он вновь и вновь призывал Россию помочь ему в этом, сгладив резкости антипольской политики.

Весной в Петербурге побывал староста чешских и славянских "соколов" доктор Й. Шейнер. Он приехал, чтобы лично пригласить представителей русских ведомств, имеющих отношение к физическому воспитанию русской молодежи, на "сокольские" празднества в Прагу. Он побывал у военного министра с ходатайством отпустить на пражские гимнастические состязания лучших гимнастов русской офицерской школы, у министра народного просвещения с приглашением гимнастических команд средних учебных заведений на сокольский слет, у министра внутренних дел с просьбой о разрешении союзу русских сокольских обществ примкнуть к Всеславянскому союзу "соколов". Предпринятые им шаги увенчались успехом лишь частично. Военное ведомство по дипломатическим каналам запросило Вену о возможности участия в слете русских офицеров. Австрийское правительство ответило, что не возражает, но не может дать гарантии, что представители русской армии не явятся предметом враждебных демонстраций со стороны зрителей, толпы. Естественно, командировка русских офицеров на пражский слет была отменена. Вместо этого офицеры-гимнасты отправились на Олимпиаду в Стокгольм. Сокольские общества и команды средних учебных заведений планировали массовый приезд в Прагу. От министерства народно-

го просвещения на слет отправлялся товарищ министра В.Т. Шевяков³⁵. Шейнер побывал на заседании общества "Русский сокол", где были подведены итоги его деятельности за 1911 г., обсуждалось участие его членов в предстоящем пражском слете и организация подобного мероприятия в Москве в 1913 г. В своей речи на заседании пражский гость отметил, что именно в союзе славянских соколов чувствуется сила славянства, и сокольские организации являются осязаемым звеном, которое объединяет все славянские народы³⁶.

В апреле и мае состоялись четыре большие чешские экскурсии в Россию³⁷. Встречу и культурную программу для 30 моравских попечителей русских крестьян-практикантов организовывало Общество "Русское зерно"³⁸. Приезжали выпускники пражской коммерческой академии в составе 120 человек, чешского коммерческого училища (100 человек) и достаточно большая группа из Брно членов Моравского кружка любителей русского языка. Кроме того, визит сербских гостей в Санкт-Петербург и Москву, болгарское посольство в Ливадию, — все это дало основание газете "Новое время" заявить: "Говорить при данных обстоятельствах о крушении неославянского движения очевидно не приходится. Неославизм во главу угла своего положил требование взаимного ознакомления славянских народов для того, чтобы как руководителями его политики, так и широкими народными массами было явно осознаны общие реальные и племенные интересы"³⁹. Неославизм, по мнению автора статьи, отличался от старого славянофильства тем, что преодолел утопизм последнего и приблизил славянский вопрос к "требованиям современной жизни"⁴⁰. Не все намеченное, правда, было осуществлено. Так, совсем заглохли слухи о подготовке учреждения славянского банка и устройстве всеславянской выставки в России. Однако за четыре прошедших года было организовано несколько мероприятий меньшего масштаба: состоялись две русские торговые экспедиции на Балканы и Ближний Восток — первая с плавучей выставкой в 1910 г., вторая — зимой 1911 — 1912 гг. Были организованы русская книжная выставка в Софии, кустарная — в Белграде. В Сербии развивалось русское страховое дело, в Софии был учрежден русско-болгарский банк, в Варшаве — чешско-польский. Оживилось издание "Славянской энциклопедии", выпускавшейся Российской академией наук, вышла из печати "Южно-Славянская энциклопедия", устроен ряд художественных выставок, намечена поездка русского театра в славянские земли, обсуждалось сотрудничество славянских академий наук.

В мае 1912 г. в Академии наук в Петербурге состоялось несколько заседаний представителей пяти славянских академий

наук с целью выработки устава союза славянских академий. Совещание было создано отделением русского языка и словесности Академии наук. Представителями Императорской АН являлись академики: В.И. Ламанский, Ф.Е. Корш, А.И. Соболевский, Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов. От чешской АН из Праги приехал профессор Ф. Пастернек, от юго-славянской академии в Загребе — академик В. Ягич и профессор Мильчетич, от сербской в Белграде — профессора Л. Стоянович и А. Белич, от болгарской в Софии — профессора Л. Милетич и В. Златарский. Из славянских академий на совещание не прислала своих представителей одна только Ягеллонская академия наук в Кракове, мотивируя свой отказ ссылкой на устав академии. Идея объединения славянских академий возникла еще в 1903 г., когда в Санкт-Петербурге был созван съезд славистов. Инициатива объединения исходила от русской Академии наук. Русско-японская война и революция 1905 г. отдалили осуществление союза славянских академий. Первоначальный проект устава был подготовлен академиком Соболевским, он был разослан в академии и ученые общества и обсужден там. Затем все славянские академии, за исключением краковской, прислали в Петербург своих представителей для окончательной выработки устава. На основе высказанных соображений и пожеланий был выработан новый проект. Целью союза было облегчить выполнение значительных по размерам ученых трудов в области страноведения, содействовать разрешению важных исследовательских проблем. Основные разногласия возникли по вопросу о целесообразности допускать в предполагаемый союз ученые общества и о созыве съездов ученых-славяноведов. Оба эти предложения большинством голосов были отвергнуты. В новом проекте было также видоизменено положение об академии-распорядительнице общественными научными мероприятиями и введены общие заседания представителей пяти академий каждые три года поочередно в каждом славянском центре академий. Изменены были также статьи о правах союза как юридического лица, о допустимости обращений к правительствам, о собирании и распоряжении пожертвованиями.

Согласно новому проекту все славянские академии должны были пользоваться равными правами, причем каждая академия имела право посылать на собрания союза неограниченное число делегатов, правом же голоса пользовался только один делегат от каждой академии. В число членов союза славянских академий и ученых обществ могли вступать все славянские академии, славянские же ученые общества должны были выбираться в члены союза двумя третями голосов, причем они должны были быть известными своими научными заслугами. В проме-

жутке между очередными собраниями союза его делами ведала избранная академия-распорядительница. По желанию всех делегатов, до окончательного принятия проекта устава делами союза должна была ведать русская Академия наук⁴¹. Новый проект устава был одобрен всеми присутствовавшими, кроме академика Соболевского, имевшего особое мнение по большинству статей устава. В качестве задач союза были намечены следующие исследовательские темы и издательские проекты: 1) Издание древнейшего Кирилло-Мефодиевского священного писания, древнейших глаголических текстов и памятников древнейшей славянской литературы вообще. 2) Организация антропологических исследований славянских народностей. 3) Составление текущей библиографии по славяноведению. 4) Собрание прежних и современных оро-гидро-топографических названий на землях, занятых славянами. 5) Новое с критическими комментариями издание сведений арабских и мусульманских писателей о славянах и сопредельных им народах. 6) Сбор материалов по истории греческого обряда у словаков и мадьяр⁴².

В июне 1912 г. в Праге состоялся 11-й конгресс всеславянского союза журналистов, первый всеславянский "сокольский" слет, соединенный с 6-м слетом чешского "сокольства", и торжественное открытие памятника Ф. Палацкому. Накануне торжеств в чешском клубе депутатов венского парламента произошёл раскол. Младочехи и чешские аграрии под предводительством депутатов Крамаржа и Удржала высказались в поддержку военного законопроекта, несмотря на то что ни одного требования из длинного перечня неотложных чешских нужд, поданного чешским клубом кабинету графа Штюргка, не было исполнено. Т.Г. Масарик и В. Клофач были против военного законопроекта. В знак несогласия с большинством депутатов, поддержавших законопроект, фракция Клофача выбыла из клуба⁴³.

Среди устроителей торжеств были городской голова Грош и Крамарж, которые желали привлечь к празднествам всех славян⁴⁴. Однако на съезде журналистов представители России приглашены не были. Официальной версией, объяснявший это, было отсутствие русского журналистского общества, которое могло бы войти во всеславянский союз журналистов⁴⁵. На самом деле, присутствие некоторых русских журналистов рассматривалось как нежелательное, так как они считались виновниками скандала из-за гимнов на прошлом съезде журналистов в Белграде (1911 г.)⁴⁶. Вопрос о возможном участии русских в пражском журналистском съезде обсуждался на одном из традиционных славянских обедов в ресторане "Вена" в Петербурге, которые устраивало Славянское благотворительное общест-

во по субботам. Для того, чтобы иметь формальные основания участвовать в съезде, было решено создать русско-славянское общество писателей⁴⁷. Игнорирование русских журналистов отражало опасные тенденции объединения славян без России, о которых предупреждал Крамарж.

Свое присутствие на торжественном открытии памятника Палацкому поляки оговаривали условием, что чехи пришлют делегацию в Краков в 1913 г. на празднование 50-летия польского восстания⁴⁸. Российский консул в Праге расценивал планы подобного празднования как "явно враждебные России". При этом он отмечал, что "в последнее время поляки стараются отклонить неославизм в узкое русло польских интересов с явным оттенком австрославизма"⁴⁹. Согласно его донесению, поляки желали играть роль лидеров, как наиболее "культурный элемент" западного славянства, и видеть восстановленную со временем "Великую Польшу" на месте России в осуществлении славянского единения⁵⁰.

Из-за активного участия русских "соколов" (3 тыс. участников из России⁵¹ из общего количества 30 тыс.) галицийские и познаньские поляки бойкотировали его, однако поляки из России участвовали в торжествах⁵².

Жуковский информировал Петербург, что такие чешские деятели, как Крамарж и Масарик, "не отдавая себе отчета", играют на руку польским идеалам, защищая польскую точку зрения на "Холмский вопрос" или отрицая бескорыстную защиту Россией славянства. (Еще в феврале Крамарж выступил в печати с осуждением решения думского большинства о выделении Холмщины⁵³, но бескорыстие России в славянской политике он никогда не отрицал, это была идея Масарика. — Е.С.) С точки зрения Жуковского, у значительной части чешского народа, любящего Россию и видящего в ней свое спасение от немецкого засилья, не было в то время достойных вождей. Здесь же он, правда, отмечал, что "настроения Масариковского и Крамаржовского свойства не выражают стремлений всего чешского народа"⁵⁴.

Некоторые новые нюансы чувствовались и в самой речи Крамаржа на открытии памятника Палацкому. Чешский политик заявил, что закладка этого памятника в 1898 г. была всеславянским торжеством, а теперь на его открытии присутствуют все друзья чехов из Европы и Америки. Немецкая пресса сразу же расценила это заявление как начало новой тактики Крамаржа⁵⁵. "Новое время" по этому поводу с сарказмом писала: «Д-р Крамарж воспользовался открытием памятника Палацкому, чтобы возвестить начало "новой эры" в Австрии, когда восторжествует принцип "национальной автономии" и одряхлевшая

империя, о целесообразности которой спорят современные историки, будет превращена в "эльдorado" для всех ее народов и образец для всех других цивилизованных государств»⁵⁶. На самом деле это отражало стремление чехов, чтобы их и их гостей не обвинили в очередной раз в воинствующем панславизме. С этой же целью на открытие памятника был приглашен земский маршал князь Лобковиц, представители административного управления королевством и генералитет. Чтобы избежать конфликтных ситуаций и выяснения отношений для поляков был организован отдельный банкет, куда не приглашались русские. Представители Галиции были разделены на украинцев и русских. Все эти моменты заставили, вероятно, Сватковского с горечью сообщать в Петербург о пражских мероприятиях: "Не было до сих пор ни столь громадного, величественного и удачного по внешности, ни столь политически осторожного и бледного славянского съезда, как нынешний в Праге. Для наблюдателя, бывшего на всех предыдущих сокольских и славянских съездах, начиная с 1898 г., не могло не быть ясным, что политическая зарубежная идея, вылившаяся четыре года тому назад в определенную форму неославизма, переживает ныне серьезный кризис и, будучи по-прежнему сильною в массах, возможно даже более сильною, нежели раньше, не имеет сейчас почвы в руководящих чешских кругах, занятых иными перспективами!"⁵⁷ По мнению Сватковского, Крамарж начал разрабатывать новые планы, и его "властная рука" наложила отпечаток на характер пражских торжеств.

Лето 1912 г. вообще было богато на славянские собрания разного масштаба и направленности. Кроме уже упоминавшихся мероприятий в Праге, в Белграде состоялся съезд славянского народного учительства, в Лугачевицах (Моравии) — съезд чешско-словацких экономистов, в Москве — всеславянский съезд пчеловодов, приветственную телеграмму которому направил сам государь император⁵⁸.

Осенью славянская идея еще больше оживилась в связи с началом Первой балканской войны. Еще в феврале 1912 г. Болгария и Сербия при поддержке русских дипломатов заключили союзный договор, секретное приложение к которому предусматривало возможность военных действий против Турции. Еще через два месяца Болгария заключила подобный договор с Грецией, а затем — Сербия с Черногорией. Так сложился Балканский союз. Военные успехи союзников вызывали славянский энтузиазм и активную поддержку чехов⁵⁹. 28 октября Крамарж выступил в переполненном зале Национального дома на Виноградах с речью, в которой так выразил чувства чешского народа: "Весь чешский народ всей душою находится на одном

месте — на месте боев, где решается судьба не только югославын, но всего славянства... речь идет не только о судьбе славянства, но главным образом и о судьбе нашего народа, когда место Турции займет великая Болгария, Сербия, Черногория и Греция, в этом случае любой политической и национальной немецкой экспансии придет попросту конец"⁶⁰. Крамарж выступал против вмешательства Австро-Венгрии в события на Балканах. В записке Сватковского от 24 октября 1912 г. указывалось: «Крамарж, проявляя необыкновенную энергию, работая по его собственному выражению "как лошадь", ведет на несколько фронтов кампанию против вооруженного вмешательства Австро-Венгрии на Балканах. В ряде делегационных речей, в беседах с руководящими и выдающимися деятелями верхней и нижней палаты, в славянских кругах всех лагерей, в торгово-промышленных кругах и в печати он популяризирует мысль, что военное вмешательство из-за выхода Сербии на море или из-за судьбы санджака (Новопазарского. — *Е.С.*) было бы безумным предприятием для Австро-Венгрии»⁶¹.

Эта часть его деятельности проходила гласно. Он открыто проповедовал, что Австро-Венгрия может и должна ограничиться обеспечением своих торгово-промышленных интересов на западе Балкан. Негласной частью его кампании были конкретные предложения. Крамарж проводил мысль о том, что гарантии этих интересов можно приобрести мирным путем, торговым договором с Сербией, который бы был включен в международный договор по окончанию войны. Крамарж не предлагал таможенного объединения с Сербией, на что последняя никогда бы не согласилась. Он считал достаточным взаимовыгодное торговое соглашение, предусматривавшее решение вопроса о железнодорожных тарифах и заключенное "на вечные времена". Эта идея находила сочувствие у Берхтольда и в других влиятельных кругах. Сопротивления Крамарж ожидал от военной партии. Через посредничество сербского посланника в Вене Симича он зондировал мнение сербского правительства по этому поводу. Постепенно идеи Крамаржа находили поддержку в некоторых парламентских кругах и в печати. Чешский деятель рассчитывал встретиться и побеседовать с Берхтольдом после его возвращения из Италии⁶².

Вместе с тем венская дипломатия предпринимала все возможное, чтобы разрушить Балканский союз. Как писал П.Н. Милоков, минимум задач, преследуемых политикой Австро-Венгрии, состоял в том, чтобы «не дать расшириться Сербии и противопоставить ей "великую Албанию"»⁶³. Была провозглашена независимость Албании.

В течение месяца турецкая армия была разгромлена, но в январе 1913 г. военные действия возобновились. Турецким войскам было нанесено еще несколько поражений. В апреле начались переговоры, а в мае 1913 г. в Лондоне был подписан мирный договор между Турцией и балканскими государствами. Турция уступила все свои балканские владения к западу от линии Энос – Мидия, остров Крит и Эгейские острова, признала независимость Албании, но вопрос о распределении освобожденных территорий между победителями решен не был.

Используя противоречия в лагере союзников, Австро-Венгрия потребовала от Сербии вывести свои войска с адриатического побережья Албании. Требования были подкреплены военными приготовлениями. Крамарж хотел предотвратить возможное военное столкновение между Австро-Венгрией и Сербией, так как знал, что Россия не готова к войне, и опасался за сербов. Крамарж заявил председателю совета министров Бинерту и министру иностранных дел Берхтольду, что согласен ехать в Белград. Свою поездку он обсудил и с русским генеральным консулом в Пеште Муравьевым. Затем под чужим именем Новак Крамарж выехал для встречи с сербским премьером Н. Пашичем. На приеме у него присутствовали также сербские министры, откровенная беседа длилась, по словам Крамаржа, часа три-четыре. В конце концов, сербы согласились на все торговые уступки Австро-Венгрии, которые бы не шли вразрез с их договором с Германией, но заявили, что от своего требования иметь выход в Адриатическое море и собственный коридор к нему ни за что не откажутся⁶⁴. Зная, что Крамарж настроен пророссийски, сербские политики не избегали в разговоре и российских сюжетов. Они были готовы забыть старые австрийские обиды и жить с Австро-Венгрией в мире и согласии, если их требования будут удовлетворены.

Вернувшись в Вену, Крамарж встретился с Берхтольдом и изложил ему суть переговоров. Однако убедить венских дипломатов в том, что их внешняя политика приведет к катастрофе, он не мог. Австрийские политики хотели, чтобы Албания отделила Сербию от моря. Тогда сербы стали искать компенсации в Македонии. Однако им не удалось договориться с болгарамии о границе в этой области, и в июне 1913 г. болгарские войска атаковали сербские и греческие позиции. Началась Вторая (межсоюзническая) балканская война. Мечты Крамаржа об осуществлении славянской идеи на Балканах рухнули. Очень скоро сербские и греческие войска перешли в контрнаступление. Обещанную Австро-Венгрией помощь Болгария не получила. Видя слабость Болгарии, в войну против нее вступили Румыния, претендовавшая на Южную Добруджу, и Турция. В начале

июля царь Фердинанд капитулировал, а в конце месяца был подписан договор в Бухаресте, согласно которому Южная Добруджа отходила к Румынии, Адрианополь — к Турции, Кавалла — к Греции; Сербия и Греция получали значительную часть Македонии. Для болгар эта война стала "первой национальной катастрофой"⁶⁵. Противоречия между Сербией и Австро-Венгрией еще больше усилились⁶⁶.

В июле 1913 г. В.П. Сватковский сообщал С.Д. Сазонову из Вены, что в Чехии верховной властью в нарушение основных законов назначена правительственная комиссия, призванная заменить и местный сейм, и местную управу⁶⁷. Русский консул в Праге Жуковский чуть позже объяснял, что назначение комиссара и правительственной комиссии в Чехию являлось неизбежным ввиду того, что работа сейма была парализована обструкцией, и лишь таким образом можно было избежать полного финансового краха Чехии⁶⁸. Позже, в октябре 1913 г. Жуковский писал в Петербург, что решение венского правительства распустить чешский сейм и назначить в Прагу комиссара было воспринято партией младочехов сочувственно, так как рассматривалось в качестве необходимого шага к новой попытке достичь чешско-немецкого соглашения. Младочехи надеялись, что с помощью князя Ф. Туна удастся прийти к соглашению, не потеряв исторических завоеваний. Однако немцы, видя упадок славянской идеи, наотрез отказались участвовать в задуманных графом Штюргком переговорах, если к ним будет привлечен князь Тун. Объяснялось это тем, что наместник Чехии принадлежал к числу немногих государственных людей Австрии, понимавших значение славян для существования Австро-Венгрии. Он старался ладить с чехами и, по мнению Крамаржа, являлся сторонником такого соглашения чехов с немцами, при котором не могло быть и речи об отделении районов с немецким большинством. Жуковский же полагал, что надеждам д-ра Крамаржа и других "доверчивых" чешских политиков на чешско-немецкое соглашение не суждено сбыться⁶⁹. Он писал: "Дело соглашения попало в тупик. Сейма нет, немцы проводят обструкцию и с помощью германского императора, который даст, по прежним примерам, спасительный совет в Вене, правительству придется законодательным путем распутать чешско-немецкий узел. Как здесь предполагают, чехи тогда проиграют в главном вопросе, то есть потеряют окончательно чешское меньшинство в немецких районах"⁷⁰.

В отношениях Австро-Венгрии и России самым отрадным моментом стала миссия князя Гогенлоэ в середине 1913 г. в Петербург. Результаты этой миссии были самые благоприятные: демобилизация австрийских войск, расположенных в Галиции,

так как между двумя монархиями установились на время спокойные отношения. Однако доверие между державами продолжалось недолго. Доказательством этого явились судебные процессы из-за православной веры и русской идеи в Венгрии и Австрии (Мармарош-Сигет, Львов и Черновцы). Российская публицистика критиковала австрийскую и венгерскую политику, указывая на то, что "преследуя православие, австрийская монархия никогда не установит своего морального влияния и престижа над теми народами, которые видят в православии главное основание своей национальной независимости, культурной самобытности и особенности"⁷¹. Русская общественность испытывала глубокое возмущение судебными процессами из-за православия. К религиозным соображениям присоединились и политические. Австрия обвиняла Россию, что та занимается пропагандой православия и русской идеи на территории Австро-Венгрии. В свою очередь Россия упрекала Австрию в том, что она пропагандирует украинскую идею в России. Русская пресса отмечала, что еще несколько лет назад никто в Австрии не знал ничего и не слышал об Украине и украинцах, так как известны были только "die Ruthenen" (рутены). Теперь австрийскому общественному мнению систематически и упорно внушается точка зрения о том, что Австрия должна защищать "фантастическую" украинскую идею в пределах не только Галиции и Буковины, но даже Российской империи. Русские публицисты считали украинский вопрос чисто внутренней проблемой, и вмешательство Австрии, не знающей национального единства, в вопрос национального единства русского народа, не мог не вызывать раздражения и негодования в России⁷².

Таким образом, австро-российские отношения вновь обостряются. Под влиянием немецких интриг князь Тун, несмотря на свое обещание, в очередной раз (в ноябре 1913 г.) не утвердил устав русско-чешского клуба. В Праге к тому времени уже действовали англо-чешский, франко-чешский, польско-чешский и еврейско-чешский клубы. После отказа князя Туна было решено включить в устав дополнение о том, что клуб будет иметь отделение в Брно. В этом случае он подлежал утверждению австрийским министерством внутренних дел в Вене. В случае очередного отказа чешские депутаты могли защищать его в парламенте. Русский консул в Праге подчеркивал, что чехам "следует самим реагировать против пристрастного отношения к вопросу со стороны австрийской власти, допускающей в Праге все то, что явно ведет к принижению России, и не желающей разрешить чисто культурные начинания к сближению и правильному пониманию русского духа и прогресса"⁷³.

Однако и министерство внутренних дел Австрии не разрешило создание русско-чешского клуба. Глава пражской полиции в письме одному из лиц, подписавших устав клуба, мотивировал отказ следующим образом: "Обстоятельства задуманного общества позволяют предполагать, что оно будет опасным для интересов государства"⁷⁴. Министр внутренних дел лично рассказывал Крамаржу, что по делу создания клуба барон Гейнольд докладывал наследнику престола. Эрцгерцог, узнав, что в Праге затевается серьезное изучение России чехами, приказал категорически запретить всякую попытку русско-чешской культурной деятельности. Никакие протесты составителей устава директора Живностенского банка д-ра Прейса, вице-председателя Торговой палаты Малиновского, бывшего председателя Славянского клуба д-ра Шимачека и других не помогли. Глава пражской полиции оправдывался тем, что "отношения с Россией весьма натянуты, что Австрия может быть накануне войны"⁷⁵.

О весьма напряженных отношениях Австро-Венгрии с Россией свидетельствовали и другие факты. Так, в донесении пражского консула Жуковского от 12 января 1914 г. сообщалось, что по настоянию эрцгерцога Франца Фердинанда Чешская академия наук была вынуждена отказаться от выбора в свои почетные члены русского ученого археолога проф. Успенского⁷⁶. В апреле российский консул доносил, что консульство в Праге и все чехи, посещающие его, вероятно, находятся под секретным надзором полиции⁷⁷. В письме российского посла в Вене Шебеко от 6 мая 1914 г. упоминалось о его рекомендациях Жуковскому соблюдать крайнюю осторожность в сношениях с местными политическими деятелями и членами оппозиционных партий⁷⁸.

Очередная неудача австро-российского сближения, напряженность и обострение отношений между двумя империями свидетельствовали о провале одной из основных внешнеполитических концепций Крамаржа. Позднее он писал, что уже после боснийского кризиса понял тщетность усилий в этом направлении, однако вплоть до 1914 г. при любом благоприятном случае возвращался к этой идее.

Неблагоприятно развивалась и внутренняя обстановка в Габсбургской монархии. После беседы с Крамаржем В.П. Сватковский сообщал в марте 1914 г. из Вены, что венский парламент обречен чешской обструкцией на бездействие. Чешско-немецкое соглашение постигла неудача. Кроме того среди чешских политиков разразился крупный скандал, связанный с разоблачением председателя парламентского клуба чешских национальных социалистов депутата Швиги (выяснилось, что он был подкуплен пражской полицией). Национальные социалисты были вынуж-

дены признать вину своего председателя, но ужесточили нападки на младочехов и особенно на Крамаржа, обвиняя их в том, что они давно знали об измене Швиги, но ждали удобного случая, чтобы ослабить партию В. Клофача. Лидер младочехов возражал, говоря, что не мог выступить официально до получения серьезных доказательств вины Швиги. Крамаржу прислали множество писем с угрозами расправы, хотя такие действия не были характерными для чехов. Это свидетельствовало о возбуждении, царившем в чешском обществе.

К чешской обструкции в парламенте присоединились не только радикальные, но и умеренные партии. Обструкция была направлена против продолжавшегося управления Чехией королевской комиссией. Комиссия сыграла свою положительную роль, спасла чехов от финансового краха, так как немецкая оппозиция в сейме не позволяла проголосовать за необходимые кредиты и увеличить земское обложение. Создание комиссии было заслугой Крамаржа, которая всеми признавалась. Но далее, исполнив свою задачу, комиссия, как считали чехи, стала лишней. Крамарж придерживался того же мнения, что ей пора уступить место сейму и управе. Именно это требование чехи выдвинули как условие продолжения переговоров с немцами, поддержав его обструкцией в парламенте. Теперь Крамарж был уверен в окончательном крахе переговоров. "Только такие фанатики чешско-немецкого примирения, как князь Тун, — писал Сватковский, — могут еще надеяться на неожиданное улучшение обстановки, в настоящее время весьма неблагоприятной"⁷⁹. Крамарж доверительно поведал Сватковскому, что он принципиальный противник обструкции по вопросам важнейших государственных нужд, но она так далеко зашла, что теперь уже отказаться от нее значило бы скомпрометировать чешскую политику. В своих речах перед избирателями он высказался за продолжение обструкции, а в опубликованной в "Národní listy" статье отметил, что обструкция направлена не против правительства, и даже не против всех немцев, а только против немцев Чехии, которые через одного из своих политических лидеров Бахмана, отказались обсудить правительственный проект чешско-немецкого соглашения. Накануне срыва переговоров немцы Чехии были не против допустить избрание чешского сейма и земской автономной управы взамен на пересмотр сеймового устава и основание национальных курий в земской управе. Чехи соглашались с последним требованием только в том случае, если одновременно был бы решен вопрос о языках и школах для меньшинств. Причем чехи, опасаясь, что немцы, добившись своих прав, отложат чешские требования в долгий ящик, стояли за соглашение в полном объеме⁸⁰.

Нерешенные чешско-немецкие проблемы заставляли Крамаржа вновь обращаться к славянской идее. В апреле 1914 г. Жуковский сообщил барону М.Ф. Шиллингу в Петербург о приглашении, полученном чешскими деятелями Крамаржем, Клофачем, Шейнером, Прейсом и Штепанеком, участвовать в негласном славянском съезде в мае того же года в Петербурге. По его сведениям все они приняли приглашение, но российский консул в Праге сомневался в возможности провести встречу в мае, так как на это время в Будапеште намечались заседания делегаций⁸¹. В приглашении Санкт-Петербургского общества славянской взаимности чешским деятелям говорилось: "Идея славянского культурного единения, на провозглашенных в Праге началах свободы, равенства и братства всех славянских народов, подвергается в последнее время тяжелым испытаниям. Кажется, никогда еще несогласия и трения между отдельными славянскими народами не достигали такой напряженности и остроты, как в переживаемые нами дни. Столь блестяще начатая славяно-турецкая борьба завершилась глубоко печальной братоубийственной распрей между недавними союзниками, приведшей к расколу в южном славянстве. С другой стороны, не прекращаются русско-польские несогласия как в России, так и в Галиции, затрудняющие культурное сотрудничество русского и польского народов, судьбы которых тесно связаны"⁸². Далее в приглашении подчеркивалось, что все эти явления не в силах "поколебать великую славянскую идею", но вместе с тем весьма негативно сказываются на ее развитии и осуществлении. Так как при данных обстоятельствах созыв третьего съезда был бы слишком затруднительным, то предлагалось организовать в мае совещание выдающихся славянских деятелей в российской столице.

Предлагалась и программа для обсуждения: 1) устройство славянского банка; 2) преподавание славяноведения в школах; 3) участие славян в планируемой всероссийской выставке; 4) железнодорожное сообщение между славянскими странами. Это был лишь проект программы, и участникам совещания предлагалось дополнить его по своему усмотрению, но сообщить о своих идеях заранее. Общество хотело придать совещанию частный характер, избегая сообщений о его работе в печати. К приглашению прилагался список предполагаемых участников, состоявший из 24 человек, а именно: С. Бобчев, А. Людсканов, Г. Калинков, С. Стамбулийский, Р. Кошутич, Л. Томанович, А. Шола, Д. Баляк, А. Тресич-Павичич, Л. Цар, И. Грибар, Ф. Илешич, С. Гурбан-Ваянский, К. Крамарж, В. Клофач, Й. Шейнер, Я. Прейс, К. Штепанек, Р. Дмовский, Л. Страшевич,

князь Северин-Четвертинский, Я. Сейда, Д.А. Марков, В.Ф. Дудкевич. Приглашение было подписано А.А. Столыпиным⁸³.

В условиях обострения внутренней обстановки в Австро-Венгрии и накала отношений с Россией перед чешскими политиками встал вопрос выбора. В январе 1914 г. секретную поездку в Петербург предпринял В. Клофач⁸⁴. Позднее он информировал Жуковского, что встречался в императорском министерстве с генералом Жилинским и обсуждал с ним создание кадров преданных России людей, пропаганду симпатий к России, подготовку секретной организации в Чехии для разведывательной деятельности (на случай войны с Австрией)⁸⁵. Клофач подготовил записку о задачах русской политики. В ней говорилось, что в интересах России помочь национальным социалистам вести славянскую агитацию в восточной Моравии и в Силезии — районах, важных для Российской державы в случае войны. Клофач предлагал учредить "секретариаты" (представительства) своей партии в Опаве, Моравской Острове, Брно, Прерове и Оломоуце, на севере Чехии в Пльзене, Писке, Пардубицах и центральный секретариат в Вене, начать выпуск ежедневных газет на чешском языке в Силезии и Моравии. В. Клофач писал: "В восточной Моравии и Силезии тайной целью секретариатов было бы постепенно подготовить целый ряд надежных людей в каждом городе и каждой деревне, чтобы на случай наступления русского войска через Силезию на восточную Мораву, были люди, на которых русское войско могло бы вполне положиться. Вопрос теперь идет о продуманной пропаганде славянского русофильского духа и подготовительной организации. Так же действует и действовала Австрия в русской Польше против России"⁸⁶. В самом конце записки Клофач приводил смету расходов на предполагаемые акции. Он просил у России по 1000 рублей на ежегодную деятельность каждого секретариата, а всего (с газетами) считал, что потребуется 10 тыс. рублей ежегодно. Взамен он обещал быстрый и значительный результат!⁸⁷

Уже позднее в 1916 г. В.К. Штепанек составил доверительную записку в российский МИД о чешской политической сцене накануне войны. Согласно приведенным им данным, после введения всеобщего избирательного права (1907 г.) наиболее влиятельными партиями в Чехии стали аграрии, получившие 28 мест в парламенте, и социал-демократы, проводившие 25 депутатов в рейхсрат. В Моравии и Силезии перевес был у социал-демократов, в Чехии — у аграриев. Национальные социалисты во главе с Клофачем и младочехи Крамаржа имели по 15 депутатских мандатов. Самыми маленькими партиями были партия чешского государственного права (два депутата парламента) и реалисты (один депутат). В Моравии еще действовала Народ-

ная партия д-ра Странского (шесть депутатов) и прогрессивные аграрии во главе с депутатом Станеком (восемь депутатов). Моравские клерикалы также имели в парламенте восемь мест. Всего в венский парламент были избраны 108 чешских депутатов. Причем Штепанек указывает и на отношение чешских политиков к России, деля все партии на русофобов, к числу которых, по его мнению, принадлежали реалисты, социал-демократы и клерикалы, и русофилов (все остальные партии). Пророссийски настроенные партии также делились на радикальные (прогрессивные аграрии, партия чешского государственного права, национальные социалисты, народная), центр (аграрии) и оппортунистические (младочехи)⁸⁸.

Итак, перед войной чешские политики вынуждены были выбирать, с кем они. Клофач свой выбор сделал. Крамарж тоже, поставив все на Россию. В мае 1914 г. он составляет проект будущей славянской федерации под эгидой России. Через Сватковского Крамарж передает свой план в Россию. Этот факт уже отмечался и комментировался в литературе⁸⁹, но без особых деталей. Быть может, поэтому имеет смысл подробнее остановиться на предложении Крамаржа.

Сама идея славянской федерации не нова. Вспомним хотя бы книгу Данилевского. Но и позднее эту идею развивали слависты и славянофилы из разных стран. Известный французский славяновед профессор Луи Леже в книге под названием "О панславизме и интересах Франции" настаивал на необходимости создания федерации славянских государств, в которой России принадлежала бы первенствующая роль⁹⁰. Такое образование Леже считал единственным средством преградить путь Германии к Средиземному морю, Малой и Центральной Азии. За политическое объединение славян в союзе выступал и словак Я. Вацлик, который в своей исторической справке в российский МИД писал: "Невозможно организовать славян в одно иначе, как в славянской конфедерации под протекторатом России"⁹¹.

Устав славянского союза Крамаржа предусматривал, что его составят Россия, Польша, Болгария, Сербия, Черногория и Чехия. Называться этот союз будет Славянской империей. Каждая из шести частей будет представлять собой царство (или королевство) и управляться местным государем, но все они будут находиться под скипетром императора всея Руси и всех славян. Он предполагал присоединение к Российской империи Восточной Галиции, Северной Буковины, Угорской Руси и части Восточной Пруссии с Кенигсбергом. Царство Польское должно было состоять из территории прежнего Царства Польского, за исключением Холмской губернии (как мы видим, здесь Крамарж отказывается от своего первоначального мнения и явно

идет на уступки России), Западной Галиции, восточной части австрийской Силезии, восточной части прусской Верхней Силезии, Познаньской провинции, Западной Пруссии с портом Гданьском, южной части провинции Восточная Пруссия, населенной мазурами. Население царства насчитывало бы 26 млн (18 млн поляков, 3,5 млн евреев и 4,5 млн немцев).

В Царство Чешское должны были войти: территории королевства Богемии, маркграфства Моравии и западной части австрийской Силезии, территории, где еще сохранились чехи (графство Кладское и другие), юго-западная окраина Прусской Силезии, Сербско-лужицкая земля в Восточной Саксонии и прилегающих на севере прусских округах, Словацкие земли Северной Венгрии, граница которых определялась по Среднему Дунаю от Пресбурга до Вышеграда под Будапештом и далее прямой линией на восток до пределов Западной Галиции и Угорской Руси. Население Чешского царства (королевства) состояло бы из 15 млн человек. Из них 10 млн "чехо-словаков" (т.е. чехов и словаков вместе. — *Е.С.*), 1,5 млн омадьяренных словаков и онемеченных чехов, которые "еще способны вернуться к своему племени", 3 млн немцев и около 0,5 млн евреев.

Царство Болгарское состояло бы из Болгарии в границах Бухарестского мира, а также Южной и Средней Македонии. Население его насчитывало бы свыше 6 млн человек.

В Королевство Сербское входила бы Сербия (в границах, определенных Бухарестским мирным договором, за исключением Средней Македонии), Северная Албания, Босния и Герцеговина, Далмация, Хорватско-Словенское приморье (Истрия с Триестом, Горицы и Градишка), Словенские земли (Крайна, Южная Штирия и южная половина Каринтии), Хорватия и Славония, Юго-Западная и Западная Венгрия до Среднего Дуная, где Сербия граничила бы с Чехией. Население составило бы 16 млн (10 млн сербов и хорватов, 1,5 млн словенцев, 0,5 млн албанцев, 0,5 млн итальянцев, 1 млн немцев, 2 млн венгров).

Королевство Черногорское в случае, если оно не объединится с Сербией, состояло бы из нынешней территории, а также Сан-Джованни ди Медда и областей Шкодерили Скутари и Задримья. Население Черногории равнялось бы 500 — 600 тысячам человек.

Интересно, что устав Славянской империи, призванной противостоять германскому влиянию, был составлен по примеру *Deutsche Bundesakte* (Немецких государственных законов) и предполагал следующее:

I. Славянский союз, именуемый Славянской империей, составляют: Российская империя, Царство (королевство) Польское, Царство (королевство) Чешское, Царство Болгарское, Королевство Сербское и Королевство Черногорское.

- II. Император всех славян и всея Руси, царь Польский, царь Чешский, представляет Славянскую империю перед другими державами, объявляет именем империи войну и заключает мир, союзы и договоры с другими державами, назначает и принимает дипломатических представителей, назначает общих, военных и морских министров, а также министра иностранных дел (состоявшего одновременно имперским канцлером). Для объявления войны требуется согласие Имперского совета (соответствующего германскому Bundesrat). Для заключения договоров, касающихся общеимперского законодательства, требуется Согласие Имперского совета и Имперской думы (соответствующей германскому Reichstahu. Император созывает и закрывает Имперские совет и думу.
- III. Компетенции имперского законодательства подлежат: 1) торговые договора и таможенные тарифы, 2) меры и веса, денежная система и положения о выпуске бумажных денежных знаков, 3) постановления о торговом флоте и консульствах, 4) общие положения о железных дорогах для обеспечения беспрепятственного сообщения, провоза товаров и единства тарифов, 5) общие положения о почте, телеграфе и телефоне — общие тарифы и таксы, 6) армия и флот, 7) имперский бюджет, 8) разработка имперских законов, 9) распределение общих расходов.
- IV. Имперские законы принимаются Имперской думой и Имперским советом.
- V. Имперский совет состоит из представителей Имперского союза. От России в него должны войти 25, от Польши 5, от Чешского царства 4, от Сербии 4, от Болгарии 3, от Черногории 1 член.
- VI. Имперский совет решает как законопроект должен быть представлен Имперской думе, учреждает различные комиссии.
- VII. Союзные государства могут быть принуждаемы к исполнению своих обязательств посредством большинства Имперского совета.
- VIII. Имперская дума состоит из 300 членов. 175 — от России, 40 — от Царства Польского, 30 — от Царства Чешского, 30 — от Сербии, 20 — от Болгарии, 5 — от Черногории. Избирается Имперская дума из членов Государственного совета и Государственной думы Российской империи, из Сеймов польского и чешского, Скупщины сербской и черногорской и Болгарского народного собрания.

- IX. Славянская империя представляет одну торговую и таможенную территорию с общей таможенной границей. Внутри нее движение товаров происходит без налогов и пошлин. Налоги на соль, табак, водку, пиво, вино, сахар и прочее во всех государствах союза одинаковы.
- X. Таможенные пошлины взимаются всеми членами союза под контролем имперских контролеров.
- XI. Банки имеют право выпускать кредитные билеты и могут быть учреждаемы в отдельных союзных странах, кроме Черногории.
- XII. Железные дороги могут сооружаться на части империи и на территории всех государств.
- XIII. Почта, телеграф, телефон в отдельных государствах управляются самостоятельно.
- XIV. Законы о торговом флоте общие для всего союза.
- XV. Консульства — общие для всего союза.
- XVI. Граждане всех союзных государств пользуются во всех союзных государствах правами местных граждан, но в каждом государстве подчинены всем обязательствам и ограничениям, предписываемым местными законами или полицейскими правилами (черта оседлости, например).
- XVII. Решения всех гражданских судов отдельных стран империи приводятся в исполнение всеми судами и исполнительными властями всех стран Славянского союза.
- XVIII. Во всех нерусских странах Союза обязательно обучение русскому языку со второго класса начальных училищ. В средних учебных заведениях преподается русский язык и русская литература. В высших учебных заведениях должна быть кафедра русского языка, истории и литературы. Лекции по этим предметам должны читаться на русском языке, обязательным для всех слушателей.
- XIX. Военная повинность одинакова для всех стран славянской империи и устанавливается имперскими законами, равно как и контингенты отдельных государств. Общие расходы на армию распределяются согласно числу жителей отдельных государств. Языком командования является русский. Все офицеры обязаны знать русский язык. Солдаты, офицеры и военные чиновники присягают не только государю своей страны, но и Славянскому императору. Крепости и иные военные сооружения возводятся во всей империи повелением императора на общие средства, отпускаемые законодательным порядком.

XX. Император в качестве царя Польского и Чешского назначает в обоих царствах наместников, которые в его отсутствие являются начальниками гражданского управления страны. Император назначает в царствах по предложению наместника — министра-президента, прочих министров, председателей высших судов. Наместник императора должен быть национальности данной страны. Прочих чиновников назначает наместник от имени царя.

Царства Польское и Чешское управляются конституционным образом двумя палатами и министрами, ответственными перед царем и палатами.

На территории прежнего Царства Польского все государственные, городские учреждения обязаны принимать от русских заявления, прошения и жалобы на русском языке и на этом же языке должны давать ответы и решения. Во всех упомянутых учреждениях русские могут пользоваться своим языком.

Население России составит 160 млн человек, прочих земель — 64—68 млн, из коих 46 млн славян⁹².

В документе характеризовались и будущие границы соседних стран, их отношения со Славянской империей. Предполагалось, что с Румынией, увеличенной юго-восточными венгерскими землями и южной Буковиной, и Грецией, расширенной за счет южной и средней Албании взамен южной Македонии, Славянская империя будет находиться в вечном военном, а может быть, и таможенном союзе. Венгрия будет состоять из полуеврейского округа Будапешт, немецких районов и чисто венгерских областей с населением 5—6 млн человек. Она сохранит самостоятельность, но со временем в силу обстоятельств вступит с империей в те же отношения, как Румыния и Греция. Германия возвратит на севере датчанам Шлезвиг-Гольштейн, а на западе французам — Эльзас и Лотарингию, а возможно, и другие земли на левом берегу Рейна. Ослабленная Пруссия не будет в состоянии поддерживать протестантскую гегемонию в Германии. Габсбурги, сохранив немецкие земли Австрии с населением около 7—8 млн немцев-католиков, получают поддержку Европы для восстановления в союзе с южногерманскими государствами, западными провинциями Пруссии, Королевством Ганновера, куда возвратятся Кумберленды. Немцы получают южный Тироль и уступят на своей северо-восточной границе 30 тыс. словенцев Сербии.

Так виделось Крамаржу желательное устройство Центральной и Юго-Восточной Европы. Этот план Крамаржа приводится так подробно с тем, чтобы его можно было сравнить с проектами послевоенного европейского устройства, разрабатывае-

мыми позднее, уже в годы Первой мировой войны и после ее окончания, на Парижской мирной конференции. В.П. Сватковский 14 июня 1914 г. передал план Крамаржа С.Д. Сазонову. Но российская дипломатия с самого начала отнеслась к нему весьма скептически. Российский посол в Вене Шебеко в сопроводительном письме характеризовал проект как "достаточно фантастический"⁹³. Последовавшие в 1917 г. революционные события в России и позиции западных союзников после окончания Первой мировой войны, ни в коем случае не желавших усиления России, сделали этот проект Крамаржа нереальным.

¹ Новое время. 1909. 28 апр.

² Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.) Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1910 – 1911. Д. 3418. Л. 156.

³ Там же. Л. 157 об.

⁴ Там же. Л. 158.

⁵ Там же. Л. 196 – 196 об.

⁶ Новое время. 1911. 12 июня.

⁷ Новое время. 1911. 19 июня.

⁸ Новое время. 1911. 18 авг.

⁹ Там же.

¹⁰ Новое время. 1911. 16 окт.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ См.: Новое время. 1909. 28 апр.

¹⁴ Свет. 1911. 19 нояб.

¹⁵ Новое время. 1911. 13 нояб.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Новое время. 1911. 18 дек.

¹⁸ Новое время. 1911. 21 дек.

¹⁹ Свет. 1912. 27 янв.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 541. Оп. 1. Д. 27. Л. 42.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1912 – 1914. Д. 3419. Л. 23 – 24.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 204/120. Л. 4.

²⁶ Там же.

²⁷ Так как Франц Фердинанд вступил в брак с особой не королевских кровей (красавицей чешской графиней С. Хотек), то при бракосочетании он вынужден был отказаться от прав на наследование престола для своих детей.

²⁸ См., например: Новое время. 1908. 20 авг.; 1909. 30 марта.

²⁹ АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. 1908 – 1914. Личный архив В.П. Сватковского. Д. 5. Л. 3.

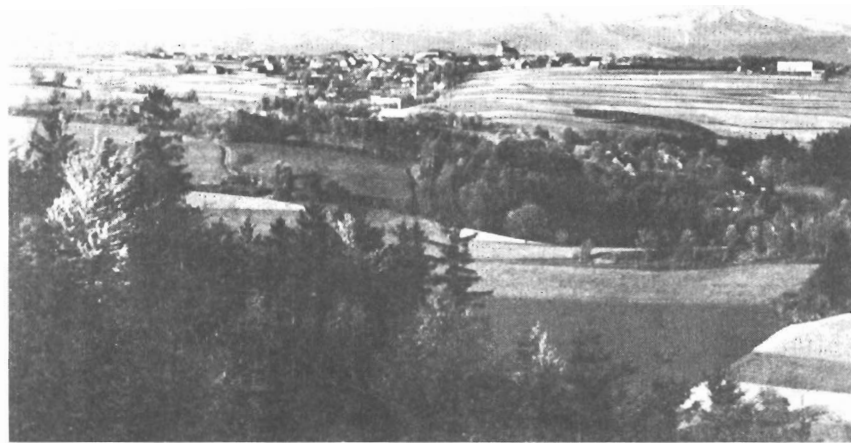
³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 25 об.

³² Суворин Борис Алексеевич (1879 – 1940) – журналист, публицист, издатель, сын издателя "Нового времени" А.С. Суворина, участник Бело-

- го движения, в эмиграции с 1920 г.
- 33 Русское слово. 1933. 22 янв.
- 34 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. Д. 6. Л. 109.
- 35 Новое время. 1912. 10 июня.
- 36 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.
- 37 Там же. Л. 25, 31, 37.
- 38 Подробнее об "Обществе" и его деятельности см.: *Серапионова Е.П.* Культурно-экономическое общество "Русское зерно" в начале XX века // Славянский альманах, 2000. М., 2001. С. 168 – 182.
- 39 Новое время. 1912. 29 апр.
- 40 Там же.
- 41 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 24. Л. 21.
- 42 Там же. Д. 27. Л. 51.
- 43 Новое время. 1912. 10 июня.
- 44 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3419. Л. 15.
- 45 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. Д. 6. Л. 118 об.
- 46 АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 205. Л. 2.
- 47 Новое время. 1912. 11 марта.
- 48 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3419. Л. 15.
- 49 Там же. Л. 16.
- 50 Там же.
- 51 Новое время. 1912. 10 июня.
- 52 Новое время. 1910. 17 июня.
- 53 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3419. Л. 25 – 26.
- 54 Там же.
- 55 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. Д. 6. Л. 120.
- 56 Новое время. 1912. 15 июля.
- 57 АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. Д. 6. Л. 120.
- 58 Свет. 1912. 23 авг.
- 59 *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. М., 1984. С. 189.
- 60 Цит. по: *Sís V. Karel Kramář. Život a dílo. Skizza. Praha, 1930. S. 212.*
- 61 АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 206. Л. 4.
- 62 Там же.
- 63 Речь. 1913. 18 янв.
- 64 *Sís V.* Op. cit. S. 214.
- 65 История стран Центральной и Юго-Восточной Европы XX века. М., 1997. С. 8.
- 66 Там же. С. 118.
- 67 АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Д. 2. Л. 12.
- 68 Там же. Л. 18.
- 69 Там же. Л. 72.
- 70 Там же.
- 71 ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 40. Л. 19.
- 72 Там же. Л. 22.
- 73 АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1913. Д. 13. Л. 2.
- 74 АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1914. Д. 170. Л. 4.
- 75 Там же.
- 76 Там же. Л. 3.
- 77 Там же. Л. 15.
- 78 Там же. Л. 19 об.

- ⁷⁹ Там же. Л. 7.
- ⁸⁰ Там же. Л. 3.
- ⁸¹ Там же. Л. 9–10.
- ⁸² Там же. Л. 11.
- ⁸³ Там же. Л. 12–13.
- ⁸⁴ Там же. Л. 1.
- ⁸⁵ Там же. Л. 15.
- ⁸⁶ Там же. Л. 18.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 151.
- ⁸⁹ См., например: *Herman K., Sládek Z. Slovanská politika Karla Kramáře.* Praha, 1971. S. 38.
- ⁹⁰ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 15. Л. 16.
- ⁹¹ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. 1907–1909. Оп. 482. Д. 3417. Л. 26.
- ⁹² АВПРИ. Ф. 340. Оп. 793. 1908–1914. Личный архив В.П. Сватковско-го. Д. 3. Л. 4–12.
- ⁹³ Цит. по: *Herman K., Sládek Z. Slovanská politika Karla Kramáře.* Praha, 1971. S. 38.

1. Вид на Высоке над Йизероу с Барейтова холма

2. Дом, где родился
К. Крамарж, в Высоке
над Йизероу

3. Отец Карела Крамаржа — Петр Крамарж

4. Вид на площадь, где располагался родной дом К. Крамаржа

5. Семья Петра Крамаржа

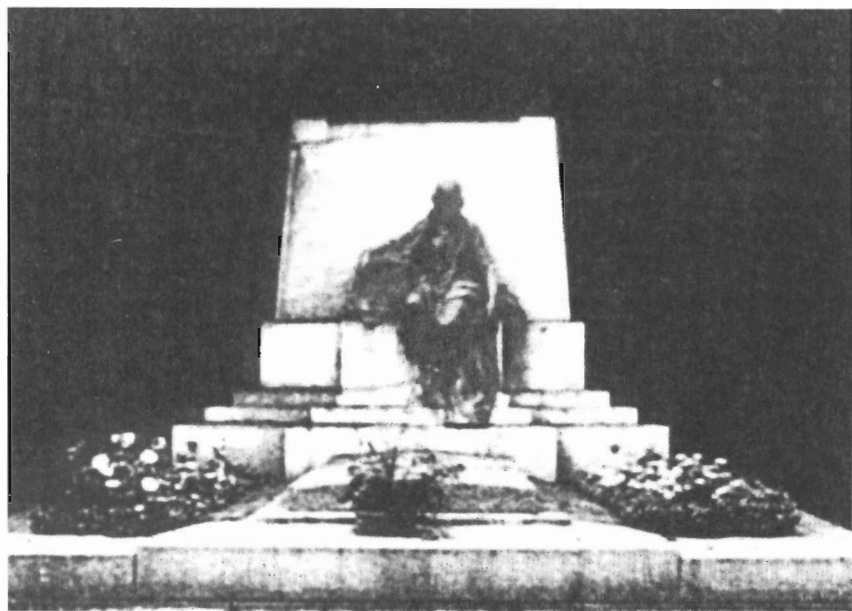

6. Карел Крамарж в детстве

7. Карел — гимназист

8. Родители К. Крамаржа

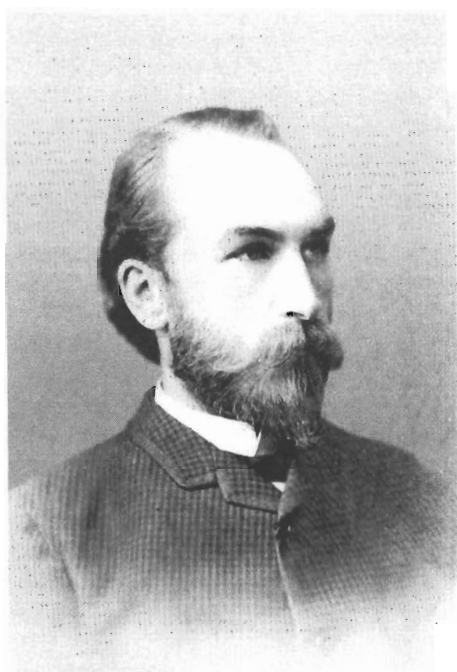

9. Надгробие на фамильном склепе в Высоке над Йизероу со скульптурой В. Шаффа

10. Надежда Николаевна Хлудова (Абрикосова) 1878 г.

11. А.А. Абрикосов

12. Н.Н. Абрикосова 1890-е гг.

13. А.А. Абрикосов с детьми

14. К. Крамарж 1896 г.

15. Вилла "Барбо" в Крыму

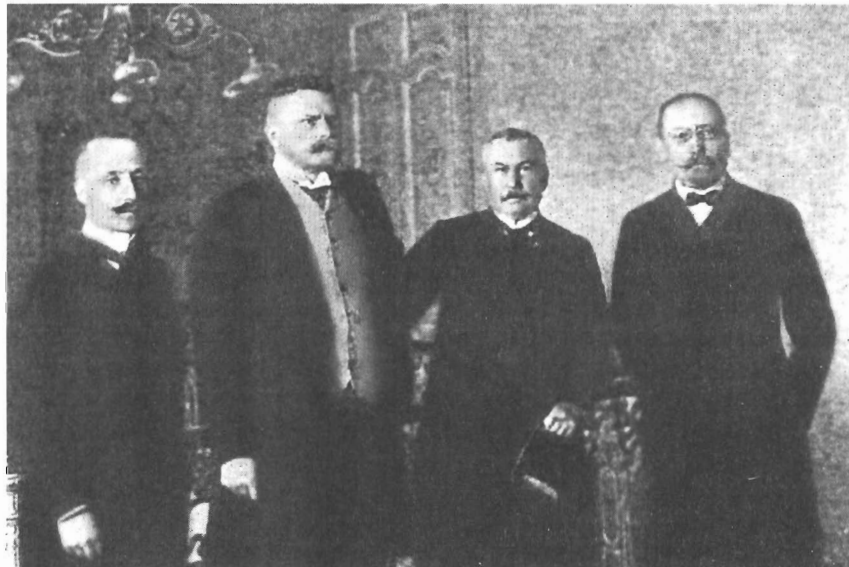
16. Н.Н. Крамарж (Kramářová)
1900 г.

17. К. Крамарж с женой и друзьями на вилле "Барбо" в Крыму

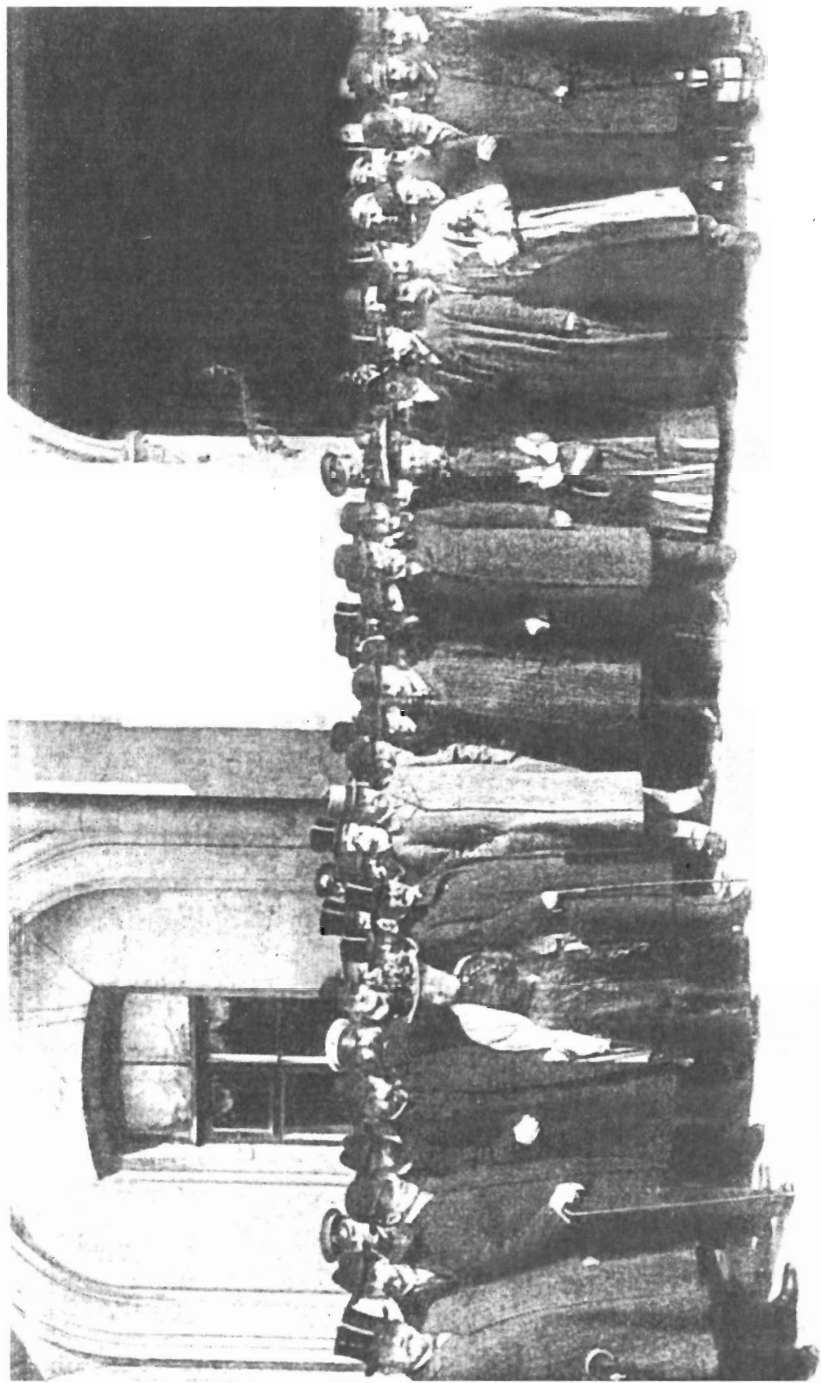

18. Супруги Крамарж за завтраком в "Барбо".

19. Петербург 12 мая 1908 г. Слева направо:
Н.П. Глебовицкий, К. Крамарж, В.М. Володимиров, И.Ф. Грибар

14 Серапионова Е.П.

20. Встреча славянских депутатов австрийского парламента на перроне Варшавского вокзала в Петербурге 12 мая 1908 г. В центре группы слева К. Крамарж, Н.П. Глебовицкий и И.Ф. Грибар. Фото К. Булла

21. Удостоверение участника Славянского подготовительного съезда в Праге в 1908 г.

22. Карел Крамарж 1908 г.

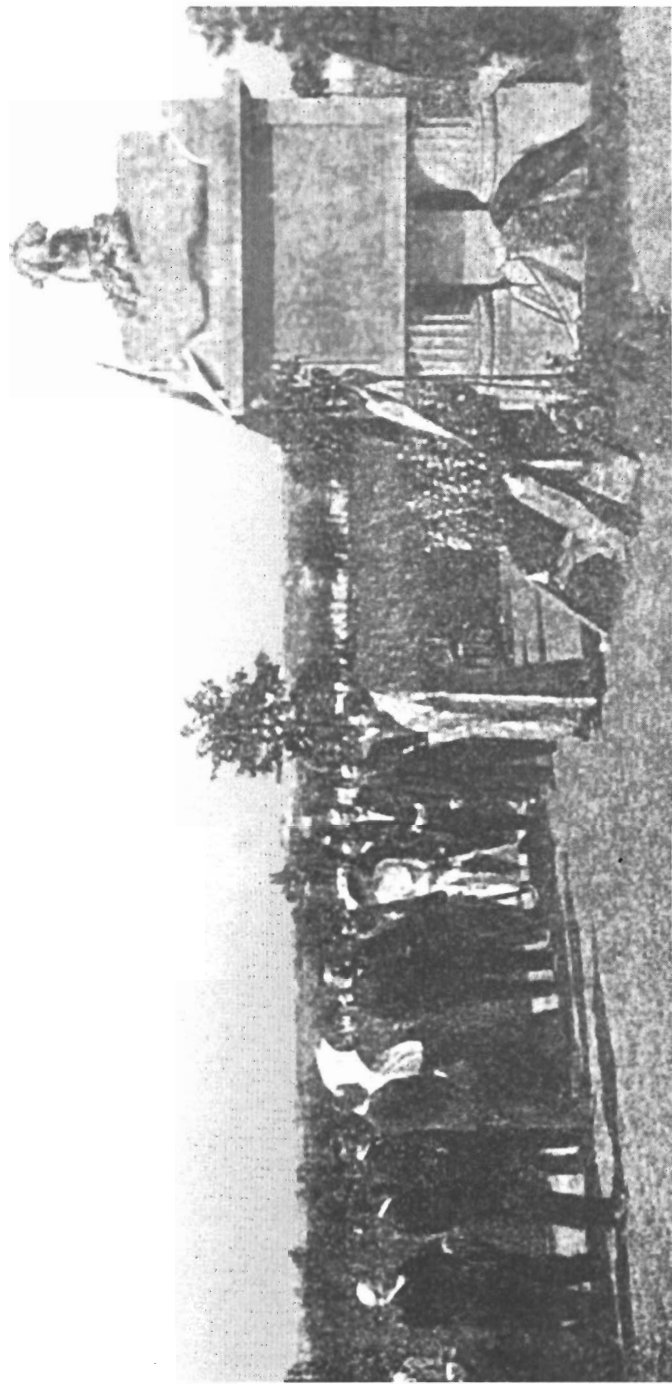
23. Здание ратуши в Праге, где проходили заседания Славянского съезда в 1908 г.

24. Церковь св. Николая в Праге на Староместской площади

25. Члены Государственной Думы в "сокольских" костюмах на Славянском съезде в Праге в 1908 г. Слева направо стоят: М.А. Искрицкий, В.А. Бобринский, Н.Н. Львов; сидят: В.А. Маклаков, А.С. Гижицкий

26. Участники Славянского съезда 1908 г. на панихиде у памятника русским войнам, павшим в 1813 г. в Чехии. Прага, Ольшанское кладбище.

27. На втором подготовительном съезде в Софии в 1910 г. Слева направо сидят: А. Людеканов, К. Крамарж, И.С. Кло-
жев, Н.Н. Крамарж, В.М. Молодимиров, Писарева, М.В. Красовский, С. Бобчев, В.М. Бехтерев; стоят: Б.М. Вошняк,
И. Лоркович, А.Т. Бобич, (Шандор-Джаловский), Кумануди, Гершин, Е.М. Дементьев, А.А. Тресич-Павлич, Д.Н. Вергун,
Калинков, И.П. Филевич, М. Павлович, М.А. Искрицкий, В.А. Маклаков, И.А. Арпедармайер, А.С. Гижицкий, А.А. Стахо-
вич, С.Н. Грачев, В.А. Бобринский; на возвышении стоят: Попович, В.А. Францев, В.П. Сватковский, С. Радич,
Г.В. Комаров, Ф. Говоржа, А. Балак

28. Пражская вилла К. Крамаржа

29. К. Грош — городской глава
Праги

30. Й. Шейнер — начальник
чешского "сокольства"

31. Супруги Крамарж в гостях у депутата Мангалки

32. К. Крамарж на охоте

33. К. Крамарж с А. Рашиным и Ф. Сисом в Шарце, 1915 г.

Глава 9

В годы военных испытаний

*

Несмотря на то что угроза военного конфликта в Европе висела в воздухе, начало войны явилось полной неожиданностью для чехов.

28 июня 1914 г. наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд вместе со своей женой графиней С. Хотек был застрелен в Сараево членом сербской националистической организации "Млада Босна" Гаврилой Принципом. Трое маленьких детей наследника остались сиротами. В замке Конопиште хранятся окровавленные одежды супругов, а также трогательный аллегорический рисунок дочери наследника (обладавшей неплохими художественными способностями), на котором изображен лис, укравший из курятника петуха и наседку, и трое оставившихся растерянных маленьких цыплят.

10 июля 1914 г. управляющий российским консульством в Праге коллежский асессор М. Казанский сообщал в Петербург о реакции чешского общества на эти события: "Известие о трагической смерти наследника престола застало пражское общество в разгаре веселья¹. Несмотря на живейший интерес, вызванный событием, последнее не произвело среди чехов особенно горестного впечатления... Политическое значение кровавого события до сих пор обсуждается как в прессе, так и в обществе весьма сдержано"². Казанский отмечал, что наряду с официальным, в большинстве случаев искренним, порицанием убийства среди чешских партийных кругов высказывалось скорее удовлетворение относительно возможного изменения политики в желательном для славян смысле. Даже такие опытные политические деятели, как К. Крамарж, В. Клофач и Й. Шейнер не думали, что это событие явится поводом для начала войны. Они лишь выражали опасения относительно участи населения Боснии и Герцеговины, у которого могли быть отняты последние признаки местного управления³. Наследника престола в Чехии характеризовали как слабовольного, впечатлительного и не очень серьезного человека, хотя во время своего пребывания в Праге он и приобрел некоторые симпатии

чешского населения. "В общем, — заключал свое послание М. Казанский, — средними обывателями довольно откровенно выражается радостное чувство по поводу того, что инициатор противославянской и противорусской политики сошел со сцены"⁴.

В следующем своем донесении от того же числа Казанский сообщал, что чешское общество в то время было весьма озабочено очередным провалом чешско-немецкого соглашения. Он указывал, что оно расстроилось по вине немецких делегатов (речь шла о языке в округах со смешанным населением и вообще о возможности возобновления совместной работы представителей обеих национальностей в местном сейме). Чешская печать всех лагерей была возмущена усилением принципа абсолютизма в землях Чешской короны (т.е. введением новых законов помимо парламента и местных сеймов)⁵.

Хотя убийца Франца Фердинанда и являлся подданным империи, Австро-Венгрия обвинила сербское правительство в организации покушения и предъявила ему заведомо неприемлемый ультиматум. В ответ на отказ Сербии принять первый пункт ультиматума 28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Россия начала всеобщую мобилизацию, и 1 августа Германия объявила войну России. Вскоре война приобрела мировой характер.

Уже в августе 1914 г. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич обратился к народам Австро-Венгрии с пропагандистским призывом: "Именем великого русского царя объявляю вам, что Россия... ничего иного не ищет кроме восстановления права и справедливости. Вам, народы Австро-Венгрии, она тоже несет теперь свободу и осуществление ваших народных вождений... Россия... стремится, ... чтобы каждый из вас мог развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояние отцов — язык и веру, и объединенный с родными братьями, жить в мире и согласии с соседями, уважая их самобытность"⁶. На самом деле никаких определенных планов в отношении послевоенного европейского устройства у России в тот момент не имелось. Всевозможные планы и проекты, касающиеся судеб народов Австро-Венгрии, в том числе разработанные чешскими политиками, российский МИД будет рассматривать на протяжении всех военных лет, пытаясь выработать свою точку зрения на вопрос.

Чехи в России⁷ уже в августе выступили с призывом объединиться и создать добровольческую воинскую дружину. 7 августа состоялась аудиенция представителей московской чешской колонии у царя в Кремле⁸. Чуть позднее представители Чешского комитета в Москве Л.В. Тучек⁹ и С.О. Коничек¹⁰ на

страницах газеты "Русское слово" изложили заявление, сделанное во время аудиенции. Они напоминали о богатой истории Чехии, ее выгодном географическом и стратегическом положении западного оплота славянства, моста с южными и восточными славянами, с восемью миллионами населения, готовом выставить миллионную армию. Чешские представители подчеркивали экономическое значение Чехии, имевшей богатые залежи железа, угля, серебра, а также целебные источники, высокоразвитое земледелие и богатую промышленность: заводы по переработке сахара, пивоваренные и машиностроительные предприятия. Авторы высказывались за таможенный союз славянских государств и свободное чешское государство, которое предполагали создать при помощи России. При этом они ссылались на чешских славянофилов Добровского, Коллара, Юнгмана, Шафарика, Палацкого, Ригера, поэта Сватоплука Чеха и современных политических деятелей — Крамаржа и Клофача, считая, что все они с надеждой устремляли свои взоры на великую славянскую Россию. Тучек и Коничек в заключение статьи писали, что "чешские дружины пойдут вместе с доблестной русской армией в бой с вековечным врагом германизмом для торжества идеи великого, свободного, единого славянства под сенью святой Руси"¹¹. В августе же объединившиеся в Совет чехов в России "русские" чехи обратились с просьбой о приеме у императора четырех (или по крайней мере двух) делегатов от каждого из округов (Москва, Киев, Варшава, Петроград). Предполагалось обсудить организацию Чешской дружины добровольцев, привлечение всех чехов в России, Америке и других странах к сбору пожертвований в пользу жертв войны и восстановление Чешского королевства с династией из рода Романовых¹².

21 августа Чешское вспомогательное общество в Петрограде обратилось с докладной запиской о чешско-словацком вопросе в Совет министров. По содержанию записка была близка двум первым. Под ней стояли подписи председателя общества А. Вельца, товарища председателя В. Миллера, секретаря В. Штыбнара и членов совета Ф. Рейфа, Э. Моравца, Й. Клецанды, И. Горничка и Я. Горничка, В. Штоловского, Б. Чермака, Й. Бартоша и В. Гушка¹³. Уже эти первые, достаточно расплывчатые, проекты послевоенного устройства в отдельных моментах весьма напоминали план Крамаржа.

С 28 августа по 6 сентября 1914 г. в Петрограде проходил съезд чехо-словаков. Уполномоченные съезда обратились к редактору "Московского еженедельника" кн. Е.Н. Трубецкому с просьбой напечатать в газете разъяснения по поводу современных общеславянских вопросов. Они отмечали, что первоначаль-

начально существовали два варианта решения словацкого вопроса: 1) создание независимого государства; 2) автономия словаков в составе России. На съезде словацкие представители высказались за полное единение с чешским народом. Далее излагалась теория чехословакизма, т.е. утверждалось, что чехо-словаки "в сущности одна и та же западнославянская ветвь", и лишь происки "врагов" возвели словацкое наречие в ранг отдельного литературного словацкого языка. Авторы обращения считали, что "делить чехов и словаков был еще больший абсурд, большее насилие над природой и преступление с точки зрения общеславянских интересов, чем литературное отторжение малороссов от общерусского языка"¹⁴. Обращение было подписано товарищем председателя съезда Ф.Ф. Паулем и секретарем Ф. Дртиной. В документе отмечалось, что "как малороссы, белоруссы, червоноруссы и угроруссы те же русские, восточные славяне, так и словаки, мораване и слезаки те же чехи, западные славяне, как сербо-хорваты, словинцы — южные славяне"¹⁵. Обращалось внимание на то, что "образовать из 2 млн словаков отдельное крохотное государство рядом с мадыарским и румынским, или как автономную единицу причленить их к России — вряд ли послужило бы на пользу самим словакам и ослабило бы чешское королевство как стража славянского мира на западе"¹⁶. Следовательно, создание единого государства выводилось из обоюдных интересов и оправдывалось идеей этнического родства. В заключении говорилось: "Готовому чешскому королевству нужен лишь король славянской крови, который любил бы чешский народ и был бы им любим".

Вторая аудиенция состоялась у императора в Петрограде 4 сентября 1914 г. Во время нее Николаю II была передана записка о чешском вопросе, составленная 2 сентября представителями чешских обществ Москвы, Киева, Варшавы и Петрограда В.О. Червеным, Ф.Ф. Паулем, Л.В. Тучеком, О.Ф. Гамплом, Ф. Дединой, С.О. Коничеком, Б. Чермаком, Ю. Клецандой, Я.М. Орсагом и др. Любопытно, что в границы будущего Чешского королевства должна была войти и Вена, так как население ее, согласно этому документу, наполовину составляли славяне, а еще на четверть онемеченные славяне¹⁸. В записке наряду с "будителями", выдающимися деятелями чешской литературы, искусства, медицины, политики, назывался и Карел Крамарж¹⁹.

Вскоре было получено разрешение на формирование Чешской дружины, куда сразу же записалось 500 человек²⁰. Чешский комитет помощи жертвам войны в Киеве обратился с воззванием ко всем чехам России помочь семьям ушедших на войну, раненым и калекам. В воззвании содержалась информа-

ция о том, что московский и петроградский чешские комитеты добились создания Чешской дружины. Центром ее формирования стал Киев как центр чешской области на Волыни, где проживало 60 тыс. чехов, и выходил журнал "Сechoslovan". Воззвание призывало создавать в каждом городе, где находилось достаточное количество чехов, Чешские комитеты помощи жертвам войны. Их целью должно было стать объединение чехов, создание массовой дружины, сбор пожертвований, заявление своего мнения относительно послевоенной судьбы чехов²¹. Обращения со всевозможными проектами решения чешского и словацкого вопросов не прекращались и далее.

В конце 1914 г. на имя главы Второго политического отдела МИДа А.М. Петряева была подана докладная записка секретаря образованного незадолго до этого Союза чешских обществ в России Й. Клецанды о "Чехословацком вопросе". В ней заявлялось, что заветной мечтой чешского народа является самостоятельное чешское государство, но достижима эта мечта "только при помощи Русского государя императора, его правительства и великого русского народа"²². Главной идеей был раздел Австро-Венгрии, союз чехов и южных славян для отпора германскому Drang nach Osten. В записку входило краткое перечисление важнейших событий политической жизни чехов со второй половины XIX в., а также географически-статистический очерк. В этом документе указывалось, что чешский народ состоял из двух ветвей — чехов и словаков — и принадлежал к западной славянской ветви. Сообщалось, что возрождение чехов и словаков началось с конца XVIII в., их численность достигает 10 млн человек, 6,5 млн из которых чехи. Самым большим словацким городом Венгрии Клецанда называл Будапешт, где проживали 60 тыс. чехов и словаков. По его данным, грамотность среди чехов была выше, чем среди немцев (соответственно 93,77% и 91,84%)²³. Подобные докладные записки не только содержали проекты решения чешского и словацкого вопросов, но и общие сведения о том, кто такие чехи и словаки. Они включали в себя географические, статистические и исторические данные для ознакомления российских дипломатов и доказательства важности для России данных территорий.

* * *

Что же происходило в это время в Чехии? В Австро-Венгрии с началом войны были отменены конституционные права, распущен парламент, военные трибуналы получили возможность рассматривать дела гражданских лиц, была введена жесткая цензура печати, почтовых и телеграфных отправок. Уже в самом начале войны чешские политики разделились на два лагеря:

одни были уверены в победе Центральных держав и направляли свои усилия на решение чешского вопроса в рамках конституционной перестройки Австро-Венгрии (клерикалы, социал-демократы, партии чешских немцев). Другие были настроены проантантовски и допускали решение чешского вопроса вне рамок двуединой монархии (хотя единства здесь не было из-за различной внешней ориентации — Россия или Запад).

4 сентября был арестован В. Клофач, известный своим русофильством, а также некоторые другие национальные социалисты, анархисты и представители антимилитаристской молодежи. По мнению чешского историка И. Шедивого, эти меры носили превентивный характер, так как обвинение в отношении Клофача было выдвинуто лишь в конце мая 1917 г.²⁴

В литературе можно прочитать, что после объявления Австро-Венгрией войны Сербии Крамарж выдержал паузу до вступления в войну России. Но в это время у него серьезно болела мать, 3 августа она умерла²⁵, а уже на следующий день он опубликовал в "Národní listy" статью, где охарактеризовал войну как столкновение германского мира со славянством²⁶. Уже в самом начале войны внутри отдельных чешских политических течений стали возникать группы сопротивления, деятельность которых (в основном разведывательно-информационного характера) была направлена против Австро-Венгрии. Одной из первых групп такого типа стал кружок внутри младочешской партии, сложившийся вокруг Крамаржа. В него помимо самого лидера младочехов входили А. Рашин, генеральный секретарь партии Ф. Сис, Б. Франта. Через брата Ф. Сиса Владимира, корреспондента "Národní listy" в Софии, группа поддерживала тайную связь с границей. Они пытались привлечь к своей деятельности других членов младочешской партии, поддерживали связь со В.П. Сватковским, которому передавали сведения о ситуации в Чехии и в Австрии из пражских полицейских и административных данных, а иногда и из венских источников²⁷.

Две другие антиавстрийские группы сопротивления составляли представители государственно-прогрессивной партии (А. Гайн, Л. Борский, В. Дык), выславшие своего представителя Л. Сыхраву в Швейцарию, и прогрессисты (реалисты) с Масариком во главе. Причем, реалисты (Т.Г. Масарик, Э. Бенеш, П. Шамал, Й. Заруба-Пфедферманн, В. Боучек, Я. Гербен, К. Душек, Ф. Веселы, Г. Дубски) старались установить связь со всеми группами сопротивления кроме группы Крамаржа, контактов с которой в начале вообще не существовало²⁸.

10 октября 1914 г. бывший российский консул в Праге коллежский советник Жуковский передал барону М.Ф. Шиллингу в Петроград записку о восстановлении Чешского королевства.

Это был еще один из вариантов решения чешского и словацкого вопросов. Жуковский писал, что численность чехов и словаков составляет около 10 млн, которые смогут выставить армию в 300 – 400 тыс. (прогноз более умеренный, чем у русских чехов! – Е.С.) и среди них достаточно распространена всеславянская идея. Жуковский отмечал, что младочехи с недоверием относились к кажущейся русско-германской дружбе, предполагали раздел Австрии уже предначертанным, и, опасаясь стать жертвой германского натиска на восток, выдвигали временно принцип когда-то высказанный Палацким, что “если бы Австрии не существовало, то ее следовало бы создать”. При этом чехи указывали, что для спасения монархии правительство должно идти по пути славянских интересов: допустить Сербию к морю, способствовать экономическому сближению австрийских и балканских славян, ослабить влияние венгерской политики. Однако эта программа, выдвигаемая главным образом Крамаржем, сочувствия в Вене не встречала. Жуковский констатировал, что “австрославизм, которого можно было опасаться вслед за всеславянским съездом в Праге 1908 г., постепенно терял свое значение и не имеет теперь под собой никакой почвы...”²⁹ Главной целью младочехов, по мнению Жуковского, была борьба с дуализмом и расширение чешско-словацких прав до раздела Австро-Венгрии, который казался чешским политикам неизбежным при внешнеполитической ориентации на Берлин. Младочехи выступали за усиление Австрии в союзе с Венгрией. В польском вопросе чехи были заинтересованы, так как хотели перетянуть на свою сторону польское коло в рейхсрате. Поэтому они выдвигали необходимость для России наладить отношения с русскими поляками. “В настоящее время, – писал он, – вся эта ориентировка отпадает”³⁰.

Чешские политики антигабсбургской ориентации ждали осенне-зимнего победоносного наступления русской армии, которая займет территорию Чехии. Эти ожидания были не беспочвенны. 23 августа началось Галицийское сражение, где с обеих сторон одновременно сражались 1,5 млн человек. Русская армия одержала впечатляющие победы в битвах на реках Золотая Липа, Гнилая Липа. Уже в августе русские войска вступили на территорию Австро-Венгрии, заняв часть Галиции и северной Буковины³¹. 2 сентября русские войска захватили Галич, 3 сентября – Львов. С 12 сентября началось общее отступление австрийских армий к Карпатам, крепость Перемышль была окружена русскими войсками. К концу сентября русские войска продвинулись на 200 км. Силы Австро-Венгрии были подорваны, она потеряла почти половину своего состава – 400 тыс. человек, из них 100 тыс. пленными, и свыше 400 ору-

дий. Однако потери русских были тоже велики (230 тыс.), и на фронтах наступило временное затишье. Но, учитывая крупные успехи русских в Галиции, Жуковский тоже рассчитывал на скорое вступление российских войск на территорию Чехии, а потому старался определить план дальнейших действий. Он указывал: "Когда русские войска войдут в Чехию, выборные чешского народа должны будут прибыть в Петроград из Праги. Среди этих людей заслуживают доверия имперского правительства профессор, ректор Чешского университета Яромир Челаковский (ему можно поручить разработку основного закона о Королевстве чешском). Ценными сотрудниками и советчиками являются: Крамарж, Клофач, проф. Масарик, Прейс, Голечек, Каллаш, Грубый, д-р Черный, д-р Шейнер, проф. Поливка, д-р Пинкас, д-р Псота (из Прешова), из Словачины (Словакии. — Е.С.) — Светозар Гурбан Ваянский"³³. Как видим, Крамарж, несмотря на прошлую неприязнь к нему Жуковского, теперь стоял на первом месте в списке достойных доверия чешских политиков.

Подходящей формой правления для чехов Жуковский считал сильную славянскую королевскую власть на конституционных основах. Что касается католической веры, то бывший русский консул в Праге полагал, что она не столь сильна, как в Польше. "Католицизм чехов..., — писал он, — не проникает глубоко в сознание народа и, при свободе православной церкви и русском обучении чешской молодежи, постепенно потеряет свое значение государственной религии, тем более, что рядом с ним жива идея гусизма, весьма близко соприкасающаяся с православием"³⁴. Жуковский считал, что Чехии нужен именно православный король как символ полного разрыва с прошлым, так как только православный глава чешского народа мог бы повести его к сближению с восточным славянством и сербским племенем и "отклонить народный дух от увлечения польским величием"³⁵. Король же католик, по мнению российского дипломата, "подпав под влияние Ватикана и иезуитов, будет питать идеи о соединении Чехии с Польшей, а это — опасность, которую надо предусмотреть и избежать"³⁶.

В своей записке Жуковский упоминал о существовавших в общественной мысли Чехии трех вариантах решения чешского вопроса: 1) инкорпорация Чехии в Россию; 2) установление республиканской формы правления и 3) создание чехо-моравско-словацкого королевства. Жуковский был уверен, что первый вариант безусловно следует отклонить, так как он противоречил идее настоящей войны и был чужд молодой чешской интеллигенции. Ему казалось, что второй вариант не имеет серьезной почвы, так как не отвечает историческим традициям

чешского народа. Для достижения успеха политических задач России необходимо было поддерживать третье направление — т.е. стремиться к возрождению чешско-моравско-словацкого королевства под эгидой государя императора. Бывший консул видел вред для российских политических интересов в создании триединой монархии. Интересны его рассуждения о составе будущего Чешского королевства. Слияние Чехии и Моравии оправдывалось бы тем, что там и там проживало одно племя. Жуковский считал, что Словакия (в тексте "Словачина") с тремя млн населения сама по себе нежизнеспособна, а потому охотно присоединится к Чехо-Моравии, но на основе сохранения автономии в управлении, языке и школе. Чехи со своей стороны охотно соединятся со Словакией (у словаков сохранились более чистые начала славянского быта и языка) и, как он несколько наивно предполагал, будут уважать словацкие требования самоуправления. Жуковский отмечал, что в Словакии были также стремления "слиться с Россией", но для России "Словачина была бы лишней окраиной, требующей расходов"³⁷. Поэтому, как он полагал, было гораздо выгоднее усилить ядро Чешское, соединив с ним Словакию. Это соединение произошло бы ранее, если бы ему не помешало нашествие мадьяр в X веке, отделившее "западных славян от восточных и затормозившее их духовное объединение"³⁸. Жуковский, судя по всему, относил словаков к восточным славянам. Он писал о них: "Словаки, несмотря на самые невыгодные исторические условия своего существования, сохранили свой славянский облик, черты славянского быта и глубокое понимание задач славянского мира"³⁹. Здесь же он цитировал профессора Флоринского, говорившего, что "быть может нигде в Австро-Венгрии славянская идея не пустила таких глубоких корней, как в словацком народе"⁴⁰.

С этим мнением солидаризуются и современные историки. Г.В. Рокина, например, отмечает, что все три концепции славянской взаимности — языковый панславизм Я.Н. Геркеля, культурно-литературная взаимность Я. Коллара и "панславистский манифест" Л. Штура возникли именно в Словакии. Соединение Словакии с Чехо-Моравией, по мысли Жуковского, со временем оказало бы оздоравливающее влияние на язык, быт и идеи чешского народа.

Далее в записке давался краткий очерк истории государственного права Чешских земель и делался вывод о том, какими принципами следует руководствоваться при определении будущих границ Чешско-моравско-словацкого королевства. Титул королевства чешское государство получило от Папы Римского при Пржемысле I. В то время оно включало в себя Чехию, Мо-

равию и Силезию. Со времен Карла IV Чешское государство называлось "Чешской короной" или "Короной Королевства чешского". Позднее под понятием "Чешское королевство" подразумевались земли короны св. Вячеслава (Вацлава), т.е. Чехия, Моравия, Силезия и Лужицы. Грамотой Карла IV в 1348 г. на генеральном Сейме в Праге было установлено единство ("нераздельность") чешского государства. Именно этот закон присоединил к Чехии и Моравии всю австрийскую и прусскую Силезию и Лужицу. При Фердинанде I Габсбурге Моравский сейм провозгласил навеки нераздельность Моравии с Чехией. Жуковский писал, что иезуиты и Габсбурги привели Чехию к Белой горе, и историческое право было попрано. "В настоящее время, — отмечал пражский консул, — признавая, как основу будущего королевства, его историческое право, необходимо принять в соображение и судьбу Словачины, то есть другими словами, историческое право должно получить корректив согласно современным условиям; к этим условиям относится также невозможность отнести к Чехии те районы Силезии, где имеется значительное польское большинство⁴². При определении границ... следует принимать в соображение стратегические условия"⁴³. Само название королевства, по проекту Жуковского, весьма примечательно (Чешско-Моравско-Словацкое). Вероятно, предполагалось объединение этих земель на основе сохранения определенной автономии частей. Кроме того интересно и обоснование принципа определения границ будущего государства (не только государственно-историческое право, но и стратегические соображения⁴⁴).

В октябре 1914 г. с меморандумом к министру иностранных дел России С.Д. Сазонову обратился и Т.Г. Масарик. По мнению современной исследовательницы М.Д. Савvaitовой, такое обращение было довольно неожиданным, так как в предвоенные годы он воспринимался в России как человек прозападной ориентации, критически настроенный к славянской идее и русофильству⁴⁵. На самом деле объяснялось это военными успехами России. Масарик безусловно следил за развитием ситуации на фронтах и был весьма прагматичным политиком. Его план отличался большей гибкостью по сравнению с планом Крамаржа, но в российском МИДе он также был воспринят весьма скептически⁴⁶. В это время в России преобладало еще мнение о необходимости решения чешского вопроса в рамках Австро-Венгрии, путем перестройки ее в триединую монархию (об этом С.Д. Сазонов беседовал с французским послом М. Палеологом)⁴⁷. В Архиве внешней политики Российской империи хранится записка на английском языке, датированная 24–25 октября 1914 г. В ней цитировались слова Ф. Туна, что

все чешские партии без исключения имеют славянскую программу и прославянски настроены, что нация русофильская и сербофильская, и это нельзя изменить. Говорилось и о том, что пресса контролируется, но общество настроено прорусски. В записке также высказывалась идея создания Чешского Королевства, но с датским или бельгийским принцем во главе (так как 3—4 млн немцев скорее признают бельгийского принца, но не представителя династии Романовых). В случае захвата Праги, русские, по мнению автора записки, должны будут призвать чешских лидеров в качестве советников. Предполагалось, что ими станут д-р Крамарж от младочехов, Швегла от аграриев, Клофач или Хоц от национальных социалистов, Масарик от реалистов⁴⁸. Возможно это и есть первый меморандум Масарика, так как он совпадает по датам и написан на английском (дело в том, что меморандумы Масарика, как правило, направлялись как в Россию, так и западным союзникам).

В связи с началом войны Сватковский переехал в Рим, затем в Цюрих, потом в Берн⁴⁹. Из Берна 5(18) декабря 1914 г. в секретной телеграмме он шлет свое первое сообщение о создании комитета младочехов в составе Крамаржа, Рашина и Франты (последний находился в тот момент в Швейцарии). Сватковский передает в Петроград планы младочехов. Программа-минимум предлагала решение чешского вопроса при сохранении Австро-Венгрии, путем обеспечения Чехии широких автономных прав. Программа-максимум предусматривала создание из чешских и словацких земель "королевства или вице-королевства под державой государя императора с полной суверенной автономией, но при единстве армии, дипломатии и таможенной территории"⁵⁰ (т.е. план "Славянской империи" Крамаржа). Сватковский так и писал: «Подробности изложены в проекте "Устава Славянской империи", представленном Крамаржем в июне сего года»⁵¹. Что касается границ, то предполагалось распространить их на юг в Верхнюю и Нижнюю Австрию до Дуная, не включая, однако, Вену (как видим, эти требования скромнее, чем у русских чехов!). Венгерские и словацкие земли должны были отойти к королевству до Дуная и от поворота его прямой линией на восток. Сватковский указывал на намерения чехов ослабить Венгрию, отобрав у нее значительную территорию с невенгерским населением. Чехи не верили, что после войны венгры будут лучше относиться к славянам и к России. Комитет просил не придавать значения вынужденным заявлениям пражского городского головы Гроша (венские власти побуждали чешских политиков делать заявления о лояльности, а те, в свою очередь, вынуждены лавировать). Грош, по сообщению Сватковского, действовал под угрозой учреждения в

Праге императорского комиссариата. Младочехи сами критиковали тактику Гроша, но отмечали, что немецкая печать приписывала ему и то, чего он не заявлял, пользуясь, что чехи из опасений преследований не могут это опровергнуть. Сватковский передавал в Петроград, что положение даже умеренных чешских кругов тяжело, периоридически закрывались чешские издания, в том числе и газета "Národní listy". Сватковский передавал также просьбу Крамаржа и его товарищей, чтобы русские войска вступили на чешскую землю со стратегическими целями, а не для диверсионных действий. Так как в противном случае, "чешское население, с радостью встретившее русских, подверглось бы затем возмездию, а страна — разорению, без какой бы то ни было пользы для русского оружия"⁵².

Уже через восемь дней через российского посла в Риме Сватковский послал на имя товарища министра иностранных дел свое второе послание о приезде в Рим для беседы с ним и с делегатами хорватов и словенцев профессора Масарика. В середине октября Масарик встречался также с писателем Р.В. Сетон-Ватсоном, которого прислал в Роттердам из Лондона заведующий заграничной редакцией газеты "Таймс" Г.У. Сид. Чешский политик сообщил Ватсону для передачи правительствам Тройственного согласия свои личные впечатления в качестве политического наблюдателя. Масарик информировал Сватковского, что действует по соглашению с представителями различных политических партий: реалистов, национальных социалистов, государственников. Он заявил также, что имел контакты с социал-демократами, аграриями и младочехом Шейнером, имевшим связь с Крамаржем. Масарику было известно, что группа Крамаржа хотела установить после войны вице-королевство под державой государя императора. Масарик, по словам Сватковского, "признавая выгоды такого решения для чешских интересов, особенно в смысле таможенного объединения с Россией", полагал, что этот вопрос будет зависеть от политического и военного могущества России в момент окончания войны⁵³. Весьма трезвый подход! Будущий чехословацкий президент, как уже отмечалось, отличался реализмом и прагматизмом. Патриотически настроенный чешский дворянин В. Лажанский говорил о нем: "У Масарика нет идеалов, ни национального, ни религиозного, ни научного. Он сам себе идеал"⁵⁴.

Далее Сватковский подробно излагал позицию Масарика, который заявлял, что общим желанием чехов было иметь русского короля ("во всяком случае не немца, или способного обратиться в немца"), общую с русскими внешнюю политику, по крайней мере в первый период после войны, что военная сила

также должна быть "в распоряжении освободителей"⁵⁵. Масарик полагал, что "чехо-словаки" должны иметь сильную военную организацию и состоять в военном союзе с южными славянами, имея с ними общую границу в полосе хорватских островов между Австрией и Венгрией. Масарик считал желательным и тесное таможенное соглашение, особенно с Россией. Целью и условием чешской независимости, по Масарику, было ослабить сколь возможно Германию. Поэтому при определении границ Чешского королевства, чехи должны руководствоваться не исключительно этнографией, но требовать исторических и одновременно стратегических границ. Это позволило бы спасти лужичан и грозить Берлину из Лужицы. На юге границы чехо-словаков с Венгрией должны были проходить по Дунаю и от поворота его по водоразделу на восток. Эти идеи о таможенном союзе, антигерманской направленности чешской внешней политики, принципах определения границ, были весьма близки мыслям Крамаржа. Вряд ли все они отражали принципиальную позицию Масарика, скорее всего, являлись тактическими соображениями в конкретной ситуации. Почти дословно повторялась и просьба Крамаржа относительно военных действий русских войск на территории Чехии. Масарик заявлял Сватковскому, что самостоятельность и сила чехо-словацкого королевства может быть обеспечена только "прочной без перерывов оккупацией Россией чешских и словацких земель"⁵⁶. Он пояснял свою мысль, что временное появление русских и возвращение австрийцев вызовет разгром страны и истребление политических вождей и организаций. Обширные списки опасных деятелей, по его сведениям, были уже готовы. Террор надвигался, особенно в восточных чешских землях. Поэтому он тоже просил, чтобы оккупация была планомерной, и с самого начала носила не только военный, но и ясно выраженный политический характер, также как в Галиции⁵⁷. После оккупации должны были быть созданы административные органы, а сокольские дружины привлечены к организации полицейской и гражданской службы.

Любопытно, что идея решения вопроса национальных меньшинств путем их выселения (или переселения) высказывалась Масариком уже в то время. Он считал, что из пограничных районов королевства, где наряду со славянами жили венгры, необходимо будет немедленно выселить "все наиболее вредные мадьярские элементы подобно тому, как мадьяры ныне совсем выселили в Венгрию и Хорватию сербов из Сремской области от Земуна до Нови Сада"⁵⁸. Масарик еще раз повторил Сватковскому мысль о желательности после занятия русскими войсками Праги образовать национальный комитет

для сношения военных властей с населением. В состав комитета он предлагал ввести "главнейших" политических вождей: младочеха Крамаржа, старочеха Матуша, национального социалиста Клофача, государственника Гайна, агрария Швеглу, реалиста Масарика. Из словаков, на его взгляд, наиболее компетентными политиками были редактор Штефанек и доктор Шробар⁵⁹.

27 декабря 1914 г. С.Д. Сазонов получает секретное послание из Рима от М.Н. Гирса. В нем тоже рассказывалось о визите Масарика. Гирсу чешский политик высказал некоторые сомнения относительно возможности вхождения в Российскую империю западных славян (17 млн поляков и 12 млн чехов, словаков и чешских немцев) из-за их католического вероисповедания. Масарик полагал, что католическая церковь всегда будет оппозиционно настроена по отношению к правительству страны, если католичество в ней не господствующая религия. Обсуждалось и отношение Чешского королевства к югославянскому государству, желательность общей границы между ними приблизительно вдоль западной границы между Австрией и Венгрией. Но Масарик в этом вопросе был немногословен, высказав лишь общие соображения. Сам будучи наполовину словаком, Масарик не проявил большого интереса к судьбе соплеменников, которых, по словам Гирса, считал "народом экономически слабым и низшим по культуре"⁶⁰. Гирс отмечал, что личные взгляды Масарика в отношении как австрийских властей, так и разных политических партий своих соотечественников не вполне ясны⁶¹. Скорее всего, Масарик придерживался тактики выжидания, стараясь не связывать себя окончательными решениями. Он, хотя и делал шаги навстречу российским дипломатам под впечатлением побед русского оружия, все же не вставал так однозначно на сторону России, как Крамарж⁶², а рассматривал Российскую империю лишь как одного из союзников.

26 декабря 1914 (8 января 1915 г.) российским МИД была получена очередная секретная записка В.П. Сватковского из Цюриха. В ней описывалось общественно-политическое положение в Австро-Венгрии, рассказывалось о славянах империи, особенно чехах, их настроениях и планах. Записка была составлена на основе полученных российским агентом сообщений Крамаржа, Масарика, Шейнера и других. В записке указывалось, что Австро-Венгрия держится против России исключительно за счет военной помощи Германии, так как военная организация ее потерпела полное банкротство. В обществе царили пораженческие настроения и недовольство Германией, втянувшей Австро-Венгрию в войну. В Вену прибывали галиций-

ские беженцы. В Венгрии настроение было более бодрое, но прошли демонстрации против дороговизны, иногда на них выдвигались и лозунги против войны. Славянские политики отомолчались, не сделав никаких лояльных заявлений по случаю годовщины вступления на престол Франца Иосифа (2 декабря). Основываясь на сообщениях присланного Крамаржем младочешского депутата Франты и реалиста Масарика, Сватковский сообщал об эволюции настроений в Чехии. В войну никто из чехов не верил. Для них она была полной неожиданностью. Первые успехи Германии и Австрии вызвали подавленность. Аресты Клофача, нескольких сотрудников его газеты "České slovo", депутата национальных социалистов Лысаго, депутата партии государственного права (их орган "Samostatnost") Прунара еще больше усилили подавленность. В чешском обществе наблюдалась вспышка русофильства и ненависть к евреям из-за устраиваемых ими чешско-немецких братаний. Сватковский отмечал, что против евреев сильно настроены и реалисты с проф. Масариком во главе⁶³.

Австрофильство чешских социал-демократов и аграриев, которое имело место в самом начале войны, как рукой сняло. Ту ну приписывали слова о том, что все чехи русофилы, а разница только в том, что одни явные, а другие тайные. Далее Сватковский достаточно ядовито замечает о лидере реалистов: "Масарик, который раньше русофилом не считался, проникся русофильством во время четырех за время войны побывок в Берлине, где слышал от немцев только лестные отзывы о русской армии"⁶⁴. Российский агент далее отмечал единомыслие Крамаржа и Масарика по вопросу о военной стратегии наступления. "Как Крамарж, так и Масарик, оба лица, занявшиеся в настоящее время систематизацией чешского национального плана и объединением вождей всех чешских партий, усилено настаивают и умоляют Россию не идти в разрез с чешским планом (т.е. планомерно и надолго занимать русскими войсками чешские области, а не совершать временные военные диверсии в чешские пределы)"⁶⁵, — писал он. Сватковский называет Крамаржа и Масарика "главными идеологами чешского будущего и посредниками между партиями"⁶⁶.

Как уже говорилось, Крамарж был руководителем кружка как бы негласного малого комитета младочешской партии, имел связи со старостой чешского "Сокола" Й. Шейнером, который по своим убеждениям был близок партии чешского государственного права, и с Баксой, вице-председателем чешского Национального совета и главой вышеназванной партии. Программа-максимум Крамаржа предусматривала создание вице-королевства под скипетром российского императора. Специ-

ально присланный им уполномоченный сообщил Сватковскому, что наиболее желательным на пост вице-короля лицом мог быть тот или другой член российской императорской фамилии, но с неперменным условием, чтобы этот пост не явился наследственным. Это доказывает, что Крамарж уже в годы войны выступал если и за монархию, то вовсе не за абсолютистскую, а за конституционную с выборным монархом. Сватковский писал: "В этом пожелании нельзя не усмотреть общего всем чешским партиям стремления обеспечить, при тесном единении с Россией, на вечные времена полную внутреннюю автономию будущего чешского королевства"⁶⁷. Россия, по мнению Крамаржа и его политических сторонников, должна всецело располагать чешской военной силой и руководить чешской внешней политикой. Чехия должна быть включена в пределы русской таможенной территории. Русский язык наравне с чешским должен быть обязательным. Во всех других отношениях чешская жизнь должна быть самостоятельна.

Тесное единение чехо-словацкого королевства с Россией мыслилось основой для образования после войны или позднее славянского союза либо империи, под державой государя императора, по примеру тогдашней, подлежавшей ликвидации Германской империи. Как и в последней, отдельные государственные единицы славянской империи должны были обладать неодинаковыми государственными прерогативами. Так, Сербия и Болгария, уже имевшие своих государей, должны были обладать большими прерогативами, нежели Чехия. В свою очередь Чехия ввиду своей не скомпрометированной истории должна была иметь большие автономные права, чем Польша. Последняя тоже должна пользоваться достаточно широким самоуправлением, гарантирующим возможность самостоятельной польской политики по отношению к немцам, а ее западной границей, по мнению Крамаржа, должен был стать Одер. Интересно, что осуществленное после Второй мировой войны передвижение польских границ на запад Крамарж полагал необходимым совершить уже после Первой мировой войны, чтобы исправить исторические ошибки, предотвратить польские стремления на восток в белорусские и малорусские провинции и использование Польши в антиславянской политике. Кроме того Крамарж желал как можно большего ослабления венгров, которых считал главной опорой австро-венгерской военной силы в войне. Он настаивал на территориальном уменьшении Венгрии путем отделения от нее невенгерских народов и лишения ее статуса самостоятельного королевства. Лидер младочехов предлагал поставить ее под протекторат соседней державы, прежде всего России. В границы будущего чешско-словацкого

королевства он предлагал включить все чешские земли (Чехию, Моравию, австрийскую Силезию) в их современных политических границах, т.е. вместе с их полунемецкими окраинами, и словацкие земли Венгрии.

План Масарика, по сообщению Сватковского, основывался на переговорах с реалистами, чешскими государственниками, национальными социалистами, социал-демократами, частично с аграриями. Прямых совещаний с Крамаржем у Масарика не было, но был обмен мнениями через Шейнера. План Крамаржа Масарик оценивал как весьма выгодный для промышленной Чехии ввиду ее таможенного единения с Россией. Но он не останавливался на этом плане окончательно, заявляя: "Если Россия захочет и будет в состоянии осуществить этот план, настояв на нем перед своими союзниками, то чехи будут вполне довольны"⁶⁸. Если бы Россия не захотела или не смогла осуществить эту программу-максимум, Масарик предлагал ей помочь обеспечить чешскую государственную независимость с собственным королем из дома Романовых, либо с англичанином, датчанином или сербским королевичем Александром Карагеоргиевичем. Главная цель — ослабление Берлина, для этого необходимо сильная военная организация Чешского государства в союзе с южными славянами и Россией. Масарик также полагал, что малые государства могут обладать лишь относительной самостоятельностью, поэтому предлагал общую, хотя бы на первых порах, дипломатию с Россией и тесные экономические связи.

Относительно государственных границ будущей чехословацкий президент считал неверным применение лишь этнографического принципа. По его мнению, границы должны быть географические (по водоразделам или большим рекам) и стратегические. "Исторические границы чешских земель на севере и западе идут по высоким горным хребтам и представляют собой, таким образом, естественную крепость, — размышлял он. — Пожертвовать этими границами, ради торжества этнографического принципа, ввиду того что вдоль них немецкое население преобладает количественно над чешским, было бы для Чехии политическим самоубийством"⁶⁹. Кроме того в этих районах, по разным данным, проживало от 500 — 600 тыс. до 1 млн чехов, хотя согласно официальной австрийской статистике их было гораздо меньше. И вся борьба чехов за самостоятельность в последние десятилетия была связана с отстаиванием их национальных и исторических позиций на окраинах. Поэтому Масарик предлагал соединение исторического принципа с этнографическим.

Интересны мысли Масарика о составе будущего государства. Так, он был убежден, что восточная часть австрийской Си-

лезии, хотя и наполовину польская, должна войти в состав чешского королевства. Нередко в чешской и словацкой литературе можно встретить тезис о том, что Закарпатье было включено в состав чехословацкого государства как бы помимо воли чехословацких политиков решением Парижской мирной конференции. Тем более, что эту версию повторял в годы Второй мировой войны Э. Бенеш, заявляя, что Карпатская Украина была включена не по требованию Чехословакии, а вынуждено, по предложению американцев⁷⁰. Однако, судя по сообщению Сватковского, Масарик уже в конце 1914 г. пришел к выводу, что "включение в пределы чешского королевства некоторых русских меньшинств в этой (близ Ужгорода) области было бы желательно, так как дало бы повод к провозглашению русского, конечно, литературного языка официальным в королевстве чешском, наравне с чешским, немецким и польским языками"⁷¹. Как видим, идея придания русскому языку статуса официального (или обязательного) в будущем чешском королевстве повторялась и у Крамаржа, и у Масарика.

Масарик еще раз подчеркивал желание, чтобы оккупация русскими войсками чехо-словацких земель осуществлялась строго в соответствии с политическим планом (планомерно, прочно, с опорой на местные силы — соколов). При вступлении русских в Прагу он считал необходимым создание национального комитета в составе представителя от младочехов Крамаржа, от старочехов — Матуша, от национальных социалистов — Клофача или Хоца, Гайна — от государственников, Швеглы — от аграриев, и себя — от реалистов. От словаков Масарик предлагал в комитет редактора "Словенского Денника" в Будапеште Штефанека, д-ра Шробара в Ружемберге и адвоката Стодола⁷².

25 марта 1915 г. 8-я армия Брусилова захватила Перемышль. В плен были взяты 9 генералов, 2500 офицеров, 120 тыс. солдат. Артиллерия пополнилась 900 орудиями⁷³. Это была блестящая победа. Русские войска продолжали продвигаться в Карпаты.

В десятой телеграмме от 3 апреля 1915 г. Сватковский, основываясь на полученной от Масарика информации, сообщал о том, что контакты между Крамаржем и Масариком были установлены. Крамарж просил Масарика не "препятствовать его плану Славянской империи под русской державой"⁷⁴, на что Масарик дал согласие. Однако он находил необходимым знать, разделяет ли этот план Крамаржа Россия, будет ли она в силах его осуществить, и вообще ее будущие намерения.

По словам Крамаржа, югославянские политики тоже были согласны с его планом и допускали уступку Триеста. Однако южные славяне заявляли, что могут позволить лишь уступку отдельных пунктов побережья Венецианского залива, но не це-

лых территорий со славянским населением. Для них план Крамаржа имел смысл лишь при условии недробления словенских и хорватских земель.

Буквально через два дня Сватковский направляет еще одно послание на имя товарища министра А.А. Нератова под названием "Крамарж, Масарик, партии и эмиграция". Здесь он приводит полученное им в середине марта донесение Крамаржа для передачи в Петербург. Крамарж по-прежнему скептически настроен по отношению к взглядам Масарика, допуская в случае невозможности объединения с Россией, призвать на чешский трон английского, датского или иного принца. Таким образом, Масарик в начале войны, так же как и Крамарж, выступал за королевство. Крамарж был против полной самостоятельности Чехии, за славянскую федерацию, включая южных славян и Россию. Он полагал, что английским и французским противникам излишнего усиления России в Европе следовало бы разъяснить, что российские правые реакционные круги как раз против вовлечения России в Среднюю Европу. Поэтому присоединение чехов к славянской федерации никак не означало бы усиление русской реакции. Крамарж несколько не сомневался, что русские войска вскоре вступят на чешскую территорию и апеллировал к русским военным властям образовать из чешских плененных особый корпус (в русских мундирах), который принимал бы участие в военных операциях, сражаясь вместе с русскими. Специалист по праву Крамарж просил "не обращать внимание на международное право", уверяя, что весь чешский народ единогласно одобрит действия России. Он полагал, что присутствие чехов в рядах русской армии положительно скажется на ее боевом и патриотическом духе. (По свидетельству чешских офицеров, русские солдаты довольно легко сдавались в плен, к началу 1915 г. в Австро-Венгрии было 500 тыс. русских пленных)⁷⁵.

Единомышленники Крамаржа советовали ему уехать для пропаганды чешских интересов за границу, прежде всего в Россию. Однако он полагал, что его присутствие необходимо в Чехии, чтобы предотвратить заявление о чешской лояльности к Австрии, чего усиленно добивались власти, и не пропустить момент прихода русских, чтобы "принять руководство делами"⁷⁶. Крамарж передавал, что остается в Чехии и просил уверить Петроград в его преданности славянскому делу и в том, что не допустит переговоров с Веней или заявлений о лояльности. Его положение на родине было весьма сложным. В апреле к Крамаржу с письмом обратился вольноопределяющийся князь В.Э. Лобковиц, призывая его начать кампанию за Габсбургскую династию и империю, чтобы прекратить разговоры о непатриотичности чехов⁷⁷.

Крамарж передал через Сватковского в Петроград, что депутат Франга, посланный им на юг, достиг полной договоренности со словенцами и хорватами относительно будущей славянской империи.

Это сообщение было дополнено и личными замечаниями самого Сватковского. Он разъяснял, что старания Крамаржа удержать чешских политиков от австрофильских манифестаций удаются лишь отчасти. Так, лидер близкой младочехам моравской народной партии Странский подписал заявление о лояльности, потребованное лично наместником Моравии Блейлебенем. Это произвело тягостное впечатление на чешское общество и, по словам Сватковского, "усилило отсутствовавший прежде и развивающийся ныне антисемитизм"⁷⁸. Еще более удручающе подействовало заявление о лояльности председателя союза адвокатов депутата от младочехов Келлера. В этом многие уже усматривали упадок партийной дисциплины и престижа главы партии Крамаржа. Неблагоприятные толки вызывали и лояльные демонстрации по заказу наместника князя Туна городского головы младочеха Гроша. Однако эти действия частично оправдывались попыткой отдалить введение военного положения в Чехии.

Вследствие сложившейся тяжелой атмосферы друзья Крамаржа продолжали настаивать на его отъезде за границу для агитации в пользу чешских интересов, а он мотивировал свой отказ тем, что в России у него все оговорено. Его сторонники, между тем, полагали, что со времени его бесед с официальными лицами в России утекло много времени, обстоятельства могли измениться, и "слепое бездеятельное доверие к России" могло оказаться "роковым". Особенно их интересовал вопрос о том, как отнесутся к чешским требованиям западные союзники. Поэтому они со все большей симпатией воспринимали деятельность Масарика, занимавшегося пропагандистской деятельностью на Западе и собиравшегося издавать в Париже журнал. Друзья Крамаржа убеждали его ехать за границу, и он, по-видимому, начал колебаться. Во всяком случае, Сватковский сообщал, что Крамарж совещался с адвокатами о способах перевода имущества⁷⁹.

В начале апреля Крамарж послал к Масарику в Женеву доверенное лицо и просил того не препятствовать его плану установления Славянской империи под главенством России. Масарик ответил, что не имеет "ровно ничего против этого плана, напротив ему очень сочувствует". Однако он, во-первых, боялся непреодолимых препятствий со стороны западных союзниц России, а во-вторых, не был уверен, разделяет ли Россия этот план Крамаржа относительно будущего Чехии, и вообще имеет

ли она какие-либо соображения на сей счет. Масарик просил ознакомить доверенных чешских политиков с планами послевоенного европейского устройства официальной России. Сватковский писал, что, по-мнению Масарика, Коничек и К° не могут в глазах чехов служить сколько-нибудь серьезными посредниками, так как массой бестактных заявлений от имени всей чешской эмиграции они вызывают недоумение и убеждение в самозванстве. В доказательство своей правоты Масарик передал Сватковскому любопытный по стилю манифест, опубликованный 1 марта в парижском издании "L'Indépendance Tchèque" ("Чешская независимость") за подписью Тучека, политического шефа "Легиона гуситов", якобы официально состоявшего при русском правительстве⁸⁰. Сам этот документ и факт его присылки Масариком свидетельствуют о том, что между отдельными чешскими лидерами за границей началась настоящая война за политическое влияние на чешскую колонию, борьба за власть.

Сватковский также информировал Петроград, что от своей первоначальной мысли о том, чтобы в случае необходимости призвать на чешский престол принца неславянской династии, Масарик теперь вполне готов был отказаться, так как в Чехии ей не сочувствовали. В случае невозможности объединения с Россией или возведения на чешский престол представителя династии Романовых выдвигалась идея сделать чешским королем Александра Сербского. Таким образом, западное и южное славянство объединилось бы не только коридором на австро-венгерской границе, но и личной или реальной унией. Такое решение не препятствовало бы и тесному сплочению славян с Россией в виде славянской империи или союза в будущем (если бы в настоящем осуществление этой идеи оказалось невозможным). Англия и Франция были бы вынуждены допустить существование в Центральной Европе сильной славянской военной единицы как противовеса германскому и венгерскому миру. Идея эта, по наблюдениям Сватковского, не приняла еще в умах чешских политиков окончательной, конкретной формы программы, но как "пробный шар" имела поддержку и встречалась с симпатией⁸¹.

В конце апреля 1915 г. Крамарж прислал к Сватковскому новое доверенное лицо и просил его настаивать в сообщениях в Петроград на Славянской империи: с русским великим князем в Польше, русским великим князем в Чехии, единым войском, общим представительством за границей. Он также считал, что славянский вопрос должен быть решен Россией в целом. Про Масарика он сообщал, что тот имеет особые взгляды, но готов действовать вместе, и вообще в руководстве чешских

политических кругов "полное согласие"⁸². По информации Крамаржа, чехи заняли выжидательную позицию, активно выступать они не могли, но их пассивное сопротивление чувствовали в Вене. В подробностях описывая настроения в чешских политических партиях, лидер младочехов указывал, что несколько настороженно относится к клерикалам и аграриям, так как эти партии стояли ближе всего к правительству. Все другие партии, включая рядовых социал-демократов и таких их вождей, как Соукуп, Гудец, Габрман, вполне явно проявляли свои русофильские чувства. Исключение, согласно Крамаржу, составляли лишь Шмераль и Немец⁸³.

Сватковский передавал в Петроград о том, что и от Масарика, на встречу с которым приезжал Габрман, слышал о повороте социал-демократов к России. Подтверждение этих данных Сватковский черпал и из других источников: многие социал-демократы отказывались вести агитацию "против царизма"⁸⁴. Надо сказать, что Сватковский был профессионалом в своем деле, получая информацию из разных источников, сверяя и анализируя ее. Что касается чешского вопроса, то, судя по всему, основными информаторами Сватковского были Масарик и Крамарж.

Такие политики как К. Крамарж, А. Рашин, А. Гайн, П. Шамал, Й. Шейнер, Т.Г. Масарик, а после его отъезда за границу в декабре 1914 г., Э. Бенеш постепенно сформировали тайный комитет, который должен был стать политической основой для сопротивления внутри страны. Позднее этот комитет получил неофициальное название "Маффия"⁸⁵.

Не дождавшись никаких заявлений о лояльности от К. Крамаржа, австрийские власти решили сломить пассивное сопротивление чехов и 21 мая 1915 г., несмотря на депутатскую неприкосновенность, подвергли заключению Крамаржа и старосту "Сокола" Й. Шейнера. В семнадцатом сообщении Сватковского приводились сведения о взятии под стражу этих двух деятелей⁸⁶. Арест был совершен по приказу высшего военного командования без ведома чешского наместника и венского министерства, которые были неприятно поражены вмешательством во внутреннюю политику военных властей. Одновременно у арестованных были произведены обыски, также как и у секретаря Национального совета Зейферта и в помещении совета. Ничего компрометирующего найдено не было, за исключением последнего номера парижского органа "Чешская нация" у Крамаржа. Арестованные были отправлены в Вену, обращались с ними грубо. Как сообщал Сватковский, Крамаржу были намерены предъявить обвинения в шпионаже, Шейнеру — в государственной измене. Шейнер готовился выехать в Россию, сде-

лал все приготовления, запасся паспортом (но его при нем не нашли), вместо него в Россию позднее выехал от сокольской организации другой представитель. Во главе младочехов и соколов после изоляции Крамаржа и Шейнера встал друг Крамаржа депутат А. Рашин. Согласно характеристике российского агента, Рашин был более энергичным, чем Крамарж, сторонником активной политики чехов⁸⁷.

Сватковский писал: "Впечатление, произведенное арестом на народ — сильнейшее, возбуждение против Австрии крайнее"⁸⁸. Гражданские власти предпринимали действия для успокоения народа и противились новым арестам членов Национального совета. У Гайна был произведен обыск, но ареста не последовало.

Между тем германцы концентрировали силы для прорыва фронта у Горлицы. 11-я германская армия под командованием А. фон Маккензена 1 мая начала наступление, имея подавляющее превосходство в тяжелой артиллерии. Русские войска отступали⁸⁹. Однако вначале известия из Галиции вызывали у чехов скорее удивление, чем подавленность. Их уверенность в бессилии Австрии была непоколебима⁹⁰.

В это время (май 1915 г.) Масарик, прибывший из Женевы в Лондон, представил британскому министру иностранных дел Э. Грею меморандум по чешскому вопросу "в русском духе"⁹¹. Но из бесед с английскими и французскими политиками он убедился в растущем охлаждении союзников к России. После взятия русскими Перемышля в отношении союзников преобладала нотка страха перед ней, но вскоре она сменилась недовольством по поводу хода военных действий на Восточном фронте и российской политикой в Галиции. Сразу же после захвата последней была предпринята попытка еще в ходе войны объединить восточную часть этой области с Российской империей. На занятой территории было создано военное генерал-губернаторство во главе с генерал-лейтенантом графом Г.А. Бобринским. Проводились мероприятия по русификации среднего образования, постановление о цензуре запрещало публикацию газет и частную корреспонденцию на украинском языке. Были попытки организации экономической деятельности области, проводилась активная конфессиональная политика, направленная на привлечение к православию униатов⁹². Все это порождало недовольство на Западе. Сватковскому Масарик даже передал мнение одного влиятельного английского политика, имя которого он, правда, не назвал, что ближайшей войной, возможно, станет столкновение Англии и Германии с Россией. Сближение Италии с Англией также будет направлено против России. Вероятно, и Франция окажется втянута в эту комбинацию⁹³.

26 мая (8 июня) 1915 г. граф Александр Константинович Бенкендорф переслал из российского посольства в Лондоне С.Д. Сазонову эту записку Масарика под названием "Independent Bohemia". Меморандум был написан от имени всех чешских политических партий, за исключением клериков. В нем чешский лидер высказывался за независимое государство в составе Богемии, Моравии, Силезии и словацких районов северной Венгрии. Словаки объявлялись богемцами, несмотря на то что использовали "свой диалект как литературный язык"⁹⁴. Меморандум, как уже отмечалось, составлен был "в русском духе". В нем отмечалось, что чехи — славянофильская нация, что проявлялось не раз: и во время Славянского съезда 1848 г., и в поездке Палацкого в Россию в 1867 г. С начала войны чешские представители проявили симпатии к России, Сербии и союзникам. Чехи не поддержали войну и династию, не приветствовали принудительный военный заем на фронт. Периодически вспыхивали восстания, чехи не хотели воевать. В меморандуме отмечалось, что для Богемии и балканских славян дружба и помощь России необходимы. Богемию предполагалось воссоздать как монархию, за республику выступало лишь несколько радикальных политиков. Династия, по мнению автора меморандума, могла быть установлена одним из способов: или союзники дадут одного принца, или будет установлена личная уния с Сербией, если будет создан сербо-богемский коридор. Русская династия, говорилось в меморандуме, была бы наиболее популярна. В любом случае богемские политики хотели создать Богемское королевство в полном согласии с Россией. "Российские пожелания и планы, — отмечалось в этом документе, — будут иметь определяющее влияние"⁹⁵. Богемия планировалась как конституционное и демократическое государство. В конце меморандума содержалась клятва верности Антанте и пожелания русским братьям поскорее оккупировать богемские и словацкие районы.

В это же время в России газеты широко комментировали арест Крамаржа и Шейнера. Такие действия австрийских властей они расценивали как новый шаг в "искоренении" чешских политических лидеров. Газета "Свет" писала: "После ареста депутата Клофача и приговора его к 8-летней каторге, после расстрела сокольского учителя Кнотка и других, после бегства за границу депутата Масарика, австрийское правительство принялось за младо-чехов, бывших последние пятнадцать лет опорой часто сменявшихся венских министерств"⁹⁶. Относительно Крамаржа автор статьи "Расправа с чехами" утверждал следующее: «Заслуги Крамаржа в поддержке венских министерств неопценимы. В его руках хранился почти всегда тот из-

лишек парламентских голосов, который мог дать перевес тому или иному правительству. За ним недаром установилась кличка "министровержца". Он действительно свергал австрийских министров по своему усмотрению. Но он далек был от злоупотребления своею силой и опрокидывал министров всегда с пользой для австрийской государственности»⁹⁷.

Насколько искренне были эти упреки Крамаржу? Что это — поверхностная публицистика и повторение старых обвинений Крамаржа в австрославизме, или нарочитое подчеркивание его лояльности к Австро-Венгрии — официальный заказ, и подобные замечания в адрес чешского политика были призваны "обелить" его перед австрийскими властями? Во всяком случае, автор статьи вряд ли преувеличивает, когда говорит о значительном политическом весе лидера младочехов. Казалось невероятным и нелогичным, что на такого государственного деятеля, который не раз мог стать министром, которому не единожды предлагали министерские портфели, теперь обрушились власти. Газеты подчеркивали и тот знаменательный факт, что арест Крамаржа и Шейнера был произведен в тот же день, когда Италия объявила войну Австро-Венгрии, что представлялось отнюдь не случайным. Российские публицисты гадали, в чем суть этого совпадения? Высказывались соображения, что против Италии планировалось традиционное использование славянских полков, и, опасаясь негативного воздействия на солдат органа Крамаржа "Národní listy", его якобы решили изолировать⁹⁸. Вторая догадка газетчиков состояла в том, что арест чешских политических лидеров носил превентивный характер и должен был предотвратить беспорядки в Чешских землях. Еще в марте в Париже состоялся съезд представителей чешских колоний Западной Европы и Америки, на котором был принят манифест к чешскому народу. В манифесте Габсбурги объявлялись недостойными чешской короны, а чешские солдаты и государственные чиновники освобождались от присяги. Дословно в манифесте говорилось: "Объявляя войну, в которой сотни тысяч чехов принуждены сражаться в качестве братоубийц, австрийский император, носящий также титул короля чешского, ответственен и перед чешским народом за свое злодеяние. Мы объявляем поэтому Франца Иосифа из Габсбургского дома врагом чешского народа и недостойным носить впредь титул чешского короля. Мы будем трудиться всеми силами, чтобы как он сам, так и все другие члены Габсбургской династии были лишены каких-либо прав и притязаний в чешских землях... Чешский народ... с презрением отвергается от братоубийственных изменников и освобождает чешско-славянских воинов и государственных чиновников от присяги, связы-

вающей их с Габсбургами. Славянские войны, знайте, что русские витязи сражаются не только вместе с южно-славянской молодежью, но и с чешскими и польскими дружинами. Для чешского народа мы требуем полной независимости, и мы хотим отделиться от Вены и Будапешта, и независимость нам обещана из авторитетных уст..."⁹⁹.

Манифест этот был доставлен из Швейцарии и разбросан в миллионах экземпляров по всем чешским и словацким землям, что несколько насторожило и напугало правительство (несколько чиновников пражской городской думы были арестованы и обвинены в перепечатке манифеста в тайной типографии)¹⁰⁰. Далее газета обращала внимание на крайне негативную реакцию чешского общества и как раз на противоположный результат действий австрийских властей. Она писала: "В Чехии назревают крупные события. Арест Крамаржа может послужить пробуждением даже тех чехов, которые всегда лояльно относились к Австрии. Чешские дружины в наших и союзных войсках не положат оружие до тех пор, пока не добьются полной независимости Чехии, гарантированной Россией, Францией и Англией"¹⁰¹.

Комментируя полученное из Праги через Стокгольм известие об аресте Крамаржа и Шейнера, "Новое время" называла их выдающимися, видными, известными всему славянству деятелями. Газета писала о сильном впечатлении, произведенном подобными действиями во всей Европе. Этот полуофициальный орган также подчеркивал австрийскую лояльность Крамаржа, его неизменную корректность по отношению к австрийскому правительству даже во время славянских совещаний и съездов. Повторялся тезис о том, что его кандидатура не раз предлагалась на пост австрийского министра, а также упоминались его заслуги перед венским кабинетом во время Боснийского кризиса. «В этом деле, — писало "Новое время", — он перешагнул грань "неославизма", заключавшегося только в культурно-торговой взаимности всех славянских народов, и приблизился к лагерю "австрославистов", толкавших всегда Габсбургскую династию на Балканы и на Восток»¹⁰². Но эта позиция Крамаржа, по мнению газеты, не улучшила его положения, и он, так же как и его политический противник В. Клофач, не избежал ареста. Если Клофач был посажен в тюрьму в сентябре после захвата русскими войсками Львова, то Крамаржу дали полугодовую льготу, до того момента как берлинское влияние окончательно не утвердилось в Вене. Газета отмечала, что ни Крамарж, ни Шейнер не имели никакого отношения к парижскому манифесту (из чешских депутатов только Масарик мог принимать участие в съезде).

Этот манифест был напечатан в газете "L' Indépendance Tchèque", издававшейся в Париже комитетом чешских добровольческих дружин на западном фронте. В манифесте кроме перечисленных выше положений констатировались факты неоднократных выступлений чешского народа против войны. В нем, в частности, говорилось: "Благодаря воздействию печати, поддерживаемой австро-венгерским правительством, европейское общество долго обманывалось лживыми заверениями, будто чешский народ встретил войну без протеста, или даже с воодушевлением. Жители Чешского королевства, стонущие под игом австро-венгерского владычества, лишены возможности дать представление о действительном положении чехов. В виду этого представители чешско-словацких колоний, раскинутых в западноевропейских государствах и в Америке, образовали национальный совет, который обязан исполнить свой долг по отношению к поработанному народу. Во имя правды и справедливости национальный совет от имени двух миллионов чешских эмигрантов заявляет, что чешский народ неоднократно выражал против войны свои протесты, заглушенные кровавыми расправами и скрытые от глаз Европы"¹⁰³.

В заключение "Новое время" упоминала о том, что еще не так давно имя Крамаржа фигурировало в связи с толками о намерениях австро-венгерского правительства заключить сепаратный мир с Россией: "Женатый на русской, Надежде Николаевне Абрикосовой, урожденной москвичке Хлудовой, не покидающей своего супруга, владелец обширного имения в Крыму, вблизи Симеиза, прекрасно говорящий по-русски, К.П. Крамарж выдвигался известной австро-славистской группой как кандидат в парламентарии. Но германские течения взяли окончательно верх, чешские потуги решено подавить террором и все чешские вожди, за исключением социал-демократов, очутились в тюрьме, в которой давно уже томится Вячеслав Клофач"¹⁰⁴.

Осенью того же года чешская киевская газета "Čechoslovan" напоминала читателям довоенную чешскую политику, весьма высоко оценивая деятельность Крамаржа. Лидер младочехов упоминался там с эпитетами "неутомимый идеалист", "настоящий вождь и выразитель чешской мысли"¹⁰⁵. Газета объясняла его идею австрославизма, связывая ее с борьбой за всеобщее избирательное право в Цислейтании, где проживало 15 млн славян и лишь 9 млн немцев. Она писала: "Расчет его был таков: имея в венском парламенте, благодаря всеобщему участию населения в выборах, славянское большинство, он рассчитывал отделить Австрию от Германии и сблизить ее, как в большинстве славянскую, с Россией. Если бы удался план Кра-

маржа, то несчастье нынешней войны было бы предотвращено, так как союз славянской Австрии с Россией и Францией, при союзе сербов с болгарями, идущими с Россией, представил бы такую силу, против которой Берлин не решился бы идти"¹⁰⁶. Газета критиковала позицию России, недооценившей Крамаржа и его идеи. "Но в России до того смотрели на все сквозь немецкие очки, — указывалось там, — что лучшего славянина, горячо преданного России (он женат на русской и часто проживал в России) упрекали за его австро-славизм! Если его не поняли в России, то тем лучше опасность австро-славизма поняли в Берлине и Вене. Идея австро-славизма провалилась. Вена — Будапешт — Берлин пересилили и перехитрили Крамаржа"¹⁰⁷. В заключение газета заверяла, что "чехи одушевлены одним желанием, чтобы все славяне прониклись чувством братского единства и сознанием опасности для разрозненных славян"¹⁰⁸.

Между тем наступление немцев продолжалось: 3 июня они захватили Перемышль, 22 — Львов. За два месяца Галиция осталась позади. Русские войска продолжали отступать. Стала сказываться нехватка всего самого необходимого — оружия, боеприпасов, снаряжения. Моральный дух армии падал. Германская и австрийская армии вступили на территорию России. Великое отступление стоило России 1 млн 410 тыс. убитых и раненных¹⁰⁹. Лишь к концу сентября Восточный фронт стабилизировался по линии Рига — Двинск — Пинск — Черновцы. В конце сентября А.А. Брусилову удалось нанести поражение 4-й австрийской армии в районе Луцка¹¹⁰.

И после ареста двух чешских политиков Сватковский сохранил связь с чехами. В своих посланиях на имя товарища министра А.А. Нератова в мае-июне 1915 г. он от лица чешских руководителей, заменивших арестованных, просил разбросать с аэропланов в Галиции и особенно на итальянском фронте, где было много солдат-славян, прокламации на славянских языках в ответ на призыв Австрии к южным славянам воевать против Италии. Арест Крамаржа и Шейнера, по мнению Сватковского, указывал на желание разрушить славянскую политическую организацию в Австрии¹¹¹. Сватковский сообщал о заявлении эрцгерцога Фридриха гражданским и военным властям, что весь чешский народ, включая чиновников, пропитан русофильством. Арестованные вожди, по словам русского агента, оставались в тюрьме, хотя для успокоения населения власти сообщили об их освобождении. В июле Сватковский передал из Берна секретные сведения, полученные шифром из Праги о том, что в Вене учреждена особая комиссия по подготовке материала о государственной измене чешских политических деятелей¹¹². В секретной телеграмме посла из Берна от 18 (31) августа указы-

валось, что вопреки газетным сообщениям, Крамарж остается в заключении, ему грозит осуждение, Шейнер освобожден и готовится к бегству¹¹³. В донесении от 30 августа (12 сентября) Сватковский более подробно сообщал о положении Крамаржа. Газеты распространили ложные сведения о его освобождении не столько для успокоения чешского населения, сколько, по мысли Сватковского, для того, чтобы создать лучшее мнение за границей о внутренней политике Австрии.

На самом деле Крамарж оставался под следствием в тюрьме и против него ожидался процесс. Он обвинялся в государственной измене и шпионаже. В частности ему ставили в вину: 1) сношения с французами министром иностранных дел Т. Делькассе, Дешанеле и историком-славистом проф. Э. Дени; 2) сношения с А.П. Извольским и графом В.А. Бобринским; 3) сношения с итальянским консулом в Праге. Первые два пункта обвинения относились ко времени, давно прошедшем, просто Крамарж, будучи уверен в своем прочном положении и неприкосновенности, не уничтожил архива. Во время трех обысков в его новом доме "На Баште", куда он переехал буквально за неделю до ареста, у него были изъяты 13 ящиков корреспонденции.

Министр-президент граф Штюргк после этих арестов, произведенных военными властями, пытался избежать или уменьшить европейский скандал и приказал освободить Шейнера. Он три раза обращался к президенту пражской полиции и наместничеству за отзывами о Шейнере. Как только были получены успокоительные отзывы, последовал приказ о немедленном освобождении старосты "Сокола". Сам Шейнер и его жена, по свидетельству Сватковского, способствовали такому исходу дела своими осторожными показаниями. Жена заявила, что ничего не знает и никогда не интересовалась деятельностью мужа, а он, в свою очередь, настаивал на культурных целях "сокольства" и толковал славянские начинания чехов в духе австророславизма.

Иначе держался на следствии Крамарж. Он не отождествлял свой неославизм с австророславизмом, а напротив, подтвердил, что преследовал чисто славянские цели, которые не шли в разрез с интересами монархии. В общем, держался уверенно и был резок в ответах, что возбудило против него следственную власть. Штюргк, вызванный свидетелем, поддержал Крамаржа, указав, что его заявления следователю строго соответствуют тому, что Крамарж неоднократно говорил в парламенте и делегациях, не возбуждая сомнений в своей лояльности. Однако при всем желании закрыть дело Крамаржа, Штюргку это вряд ли удалось бы. Положение его самого пошатнулось, и ожидался

его уход в отставку вместе с министрами финансов и железных дорог. Сватковский писал, что Крамарж "выбран козлом отпущения за все провинности чешского народа"¹¹⁴. Далее он сообщал сведения, полученные из компетентных источников, о том, что военная партия стремится во что бы то ни стало уничтожить Крамаржа, если не физически, то политически. Поэтому планировалось приговорить Крамаржа к повешению, затем заменить казнь 15 годами каторги, а по окончании войны помиловать, но без восстановления политических прав, вследствие чего его парламентская деятельность была бы окончена.

События развивались практически по этому сценарию, но поражение Австро-Венгрии и создание независимой Чехословацкой республики не прекратили парламентской деятельности нашего героя. Чешские историки З. Карник и И. Шедивы считают, что смертный приговор над Крамаржем в любом случае не был бы исполнен из-за боязни международных осложнений¹¹⁵. Прямых улик против Крамаржа не было. Он обвинялся в шпионаже на основании подтвержденного полицией свидания с итальянским консулом в Праге в отеле "Де Сакс" за два дня до объявления войны Италией.

Обвинения в государственной измене были основаны на фактах, имевших место задолго до войны. Особенно недобросовестными Сватковский считал обвинения в связях с графом В.А. Бобринским, которые Крамарж мог иметь лишь во время Пражского съезда в 1908 г., так как после этого Бобринский относился к деятельности Крамаржа отрицательно, что не могло быть тайной для австрийских властей. Крамарж также считал галицийскую политику Бобринского "несчастливым начинанием"¹¹⁶, которое лишь вело Россию к обострению отношений с Австро-Венгрией.

Активная деятельность членов Галицко-русского общества в Галиции и России накануне войны вызывала опасения и у российских дипломатов. Русский посол в Вене весной 1913 г. сообщал в Петербург: "Со свойственной ему необузданной пылкостью и бестактностью В.А. Бобринский возбуждает против православных Прикарпатской Руси Польское коло и административные власти, как в Галиции, так и в Венгрии"¹¹⁷. Подчинение Франца Фердинанда пангерманским планам императора Вильгельма Крамарж считал одним из следствий "не тактичного по приемам вмешательства России в галицийские и угро-русские дела"¹¹⁸. Все данные по этому вопросу, списки расходованных сумм и тому подобное были предоставлены ему министром Залесским. Крамарж был искренним поклонником внутренней политики Столыпина, но вмешательство в галицийские дела считал роковой ошибкой и лично это ему высказал.

Все это, по словам Сватковского, было хорошо известно в Вене, но тем не менее не помешало "сразить Крамаржа именно Бобринским, имя которого являлось в Австрии символом козней против монархии"¹¹⁹.

Далее Сватковский сообщал, что Надежда Николаевна Крамарж находится на свободе, хотя и подверглась вместе с мужем во время его ареста и обыска "дерзкому обращению". Он передавал, что "своим резким отпором хамским выходкам слуг австрийской Фемиды и некоторыми своими показаниями она не улучшила положения мужа"¹²⁰. Руководство делами чешского комитета и младочешской партии после ареста Крамаржа перешло к его ближайшему соратнику А. Рашину, главному администратору "Národní listy". Однако буквально через несколько дней последовал и его арест (12 июля) из-за тесных связей с Карелом Крамаржем. 1 сентября был арестован редактор "Národních listů" В. Червинка¹²¹. Умудренный печальным опытом Крамаржа, Рашин успел уничтожить все свои бумаги, и по слухам, как ребенок, радовался, когда его наконец арестовали. Улик против него не нашли, кроме дружбы с К. Крамаржем. Его, по сведениям Сватковского, ожидал приговор лет на шесть тюрьмы и помилование после заключения мира. После новых арестов во главе "Národní listy" оказался депутат Тоболка, человек боязливый и покладистый. Он хотел облегчить участь арестованных и опубликовал в газете подряд три австрофильских материала. Однако, как считал Сватковский, результат вышел обратный, так как в Вене истолковали поворот "Národní listy" как доказательство того, что прежнее вредное направление придавали им арестованные¹²². Аресты чешских политиков усилили подавленное настроение в чешском обществе, но политические партии за отдельным исключением сумели избежать заявлений о лояльности под предлогом того, что ни рейхсрат, ни чешский сейм не созывались.

Следствие продолжалось более полугода. Дело по обвинению Крамаржа составило солидный том в несколько сот страниц. Судебное разбирательство по делу К. Крамаржа, А. Рашина, В. Червинки и Й. Замазала продолжалось с 6 декабря 1915 г. по 3 июня 1916 г. под председательством полковника Г. Сейдла в присутствии надпоручика-аудитора д-ра Р. Пеутлшмида, О. Руссо, д-ра К. Вогла, д-ра Л. Бестерманна и надпоручика-аудитора д-ра М. Премингера. Процесс был публичным с присутствием журналистов, но построен так, что обвиняемые не могли следить за реакцией прессы. Заседания проходили с 8 утра до 2 часов пополудни. Депутатская неприкосновенность Крамаржа как члена делегаций судом признана не была, парламенту, правда, 30 декабря 1915 г. было послано уведомление, что депу-

таты Крамарж и Рашин под арестом и против них ведется судебное разбирательство¹²³. Парламент, однако, не собирался и не мог потребовать их выдачи.

В январе слушали свидетелей, среди которых были князь Тун, Абрахамович, барон Бек, барон Энгель, д-р Форшт, барон Гаутч, д-р Глонбиньский, граф Бинерт, барон Гейнольд, граф Штюрк и др. Многие свидетели, в том числе и князь Тун, заняли весьма доброжелательную позицию в отношении обвиняемых¹²⁴. Несмотря на это, Крамарж и Рашин были признаны виновными в государственной измене, а Червинка и Замазал — в шпионаже. Приговор по делу д-ра Карела Крамаржа, Алоиса Рашина, Винценса Червинки и Йозефа Замазала занимал 2,5 страницы и содержал обвинения в государственной измене, шпионаже и организации преступлений против военной мощи государства.

В частности, в отношении К. Крамаржа в приговоре говорилось: "признать виновным... как руководителя панславистской пропаганды и чешского русофильского движения, объявляющего и распространяющего принципы всеславянской взаимности, поддерживающего контакты с неприятельской стороной и сознательно сотрудничающего с созданными там организациями с целью раскола единого государственного союза и отторжения коронных земель Чехии, Моравии и Силезии, также как и Словакии и других земель австро-венгерской монархии, населенных славянами, как зачинщика, подстрекателя и организатора того, что вело бы к отторжению одной части от единого государственного союза и областей земель австрийской империи, вело бы и усиливало опасность для государства извне и возмущению внутри; все это проявилось в контактах, программе, призывах, возбуждении, подстрекательстве словом, на письме и в печати, советом и собственной деятельностью, предпринятом в этих целях руководстве заговорами, подрывной антигосударственной деятельности, шпионаже и материальной поддержке этой деятельности"¹²⁵. Кроме этого, К. Крамарж и А. Рашин обвинялись в ведении агитации среди чешского населения и воинских подразделений к пассивному сопротивлению против успешного ведения войны, в предательстве и сговоре с неприятелем с целью нанесения ущерба военной мощи австрийской империи и в пользу неприятеля. Учитывая, как указывалось в приговоре, "нанесенный очень большой вред австрийской военной мощи с точки зрения военных действий против неприятеля"¹²⁶ 3 июня 1916 г. был вынесен единый приговор для всех четырех обвиняемых — смертная казнь через повешение.

Как только в России стало известно о приговоре, председатель правления Союза чехо-словацких обществ В. Вондрак на-

правил на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко телеграмму следующего содержания: "Возмущены новым юридическим злодейством австрийского правительства, приговорившего К. Крамаржа к смерти исключительно за его преданность славянской идее и России. Обращаемся к Вашему Высокопревосходительству ходатайствовать заявить протест Вильсону и парламентам нейтральных стран против гнусного убийства великого гражданина и вождя чешско-словацкого народа"¹²⁷. В свою очередь Родзянко отреагировал очень оперативно, и 4 июня на столе у министра иностранных дел С.Д. Сазонова уже лежала копия этой телеграммы, к которой Родзянко присоединял и свою просьбу "если возможно что-либо сделать к облегчению судьбы Крамаржа"¹²⁸.

Надо сказать, что Россия не забывала своих друзей. Конечно, спасение Крамаржа не было организовано так просто и открыто, как наивно представляли себе земляки Крамаржа: по слухам, ходившим в его родном крае, иностранный аэроплан из России подлетел к окну камеры Крамаржа, сидевшие там русские вельможи перепилили решетку и вывезли заключенного за границу¹²⁹. На самом деле, российская дипломатия разработала и осуществила хитроумную операцию. В секретной телеграмме российскому послу в Мадрид Кудашеву 6 июня 1916 г. Сазонов отдал распоряжение: "Смертный приговор, вынесенный в Вене известному чешскому деятелю Крамаржу, вызывается в России и во всем цивилизованном мире чувства глубокого негодования. Желательно, чтобы испанскому послу в Вене было поручено исходатайствовать сохранение его жизни. Так как вмешательство, ходатайство России могло бы только повредить Крамаржу, необходимо сохранить настоящее наше обращение в тайне и ходатайство испанского посла мотивировать почином самой Испании"¹³⁰. Все это было с точностью выполнено, достаточно тонко и тайно. Через два дня российский посол в Испании ответил: "Ваша телеграмма получена. Министр иностранных дел обещал телеграфировать испанскому послу в Вене в указанном Вашим Высокопревосходительством смысле"¹³¹. Еще через несколько дней Сазонов написал Родзянко о том, уже дано поручение послу в Мадриде обратить внимание испанского правительства на приговор, вынесенный в Вене Крамаржу, и о своем пожелании, чтобы ходатайство о помиловании было возбуждено по почину испанского правительства. Министр иностранных дел просил соблюдать строжайшую тайну.

Вероятно, все действительно хранилось в секрете, так как даже российский агент Сватковский не знал тайных пружин, приведших к заступничеству за Крамаржа испанского короля в

Вене. В своем сообщении из Берна от 7(20) июня он писал: «Нам неизвестно, было ли вмешательство испанского короля последствием дипломатического шага той или иной державы Согласия. Любопытно во всяком случае, что телеграмма королю с просьбой о вмешательстве была послана также частным лицом и притом весьма подозрительным. В Париже давно проживает некий чех Грмела, которого чуждаются все соотечественники, как проходимца и по всем вероятностям австрийского агента. Этот господин уже неоднократно был изобличен в присвоении себе не принадлежащих ему имен и званий. В недавнее время он выступил в качестве небезызвестного чешского поэта, пишущего под псевдонимом "Безруч" и находящегося ныне в Моравии. Под этим псевдонимом Грмела напечатал недавно в Париже несколько стихотворений, а ныне, тоже как "Безруч", подписался под телеграммой испанскому королю и получил от него ответ, напечатанный в "Тане" (в благоприятном смысле). Чехи уверены, что телеграмма испанскому королю, посланная Грмелой от имени якобы чехов, на самом деле внушена австрийским правительством, находившим удобным помиловать Крамаржа, главной целью осуждения которого было сделать невозможной дальнейшую его политическую деятельность»¹³². Как видим, "рука Петрограда" в испанском заступничестве за Крамаржа была незаметна, наоборот, подозрение в организации этого действия пало на само австрийское правительство.

Российская пресса широко комментировала приговор над лидером младочехов. Так, газета "День" 27 мая (9 июня) писала: Карел Крамарж и еще несколько видных общественных деятелей Австрии приговорены к смертной казни, по обвинению в государственной измене... Либкнехт в Германии, Крамарж в Австрии, жена и дочь Масарика арестованы, всем предъявлено обвинение в государственной измене. В германском и австрийском праве понятие государственная измена гораздо шире, чем в российском. В российском — это позор, германская и австрийская "гос. измена" равняется российскому "государственное преступление"¹³³. Газета "Биржевые ведомости" поместила большую статью "Карл Крамарж" профессора Н.В. Ястребова. В связи с окончанием тянувшегося в Вене долгие месяцы политического процесса и вынесением смертного приговора, который "австрийское правительство твердо намерено было привести в исполнение", Ястребов давал подробную биографию Крамаржа, подчеркивая его известность и заслуги. "Имя Крамаржа, — говорилось в статье, — известно всему просвещенному славянству, в том числе и России; Крамаржа знает вся политически развитая Европа: ненавистный немцам и мадьярам, конечно, и их сателлитам турко-болгарам, вождь чешского наро-

да является дорогим человеком для всех, ныне борющихся за право, свободу и культуру"¹³⁴. Ястребов отмечал, что Крамарж — человек, который сам себя создал (как говорят англичане, self-made man) благодаря своей энергии и талантам. Причем способности его проявлялись в разных областях: он нажил достаточно большие средства как фабрикант, был издателем самой большой чешской газеты "Národní listy", стал не только лидером партии младочехов, но и политическим вождем всего чешского народа, а кроме того одним из активных защитников и проповедников неославизма. В статье отмечалась его склонность к научной деятельности, выразившаяся в публикации работ "Бумажные деньги в Австрии с 1848 г." (1886) и "Русская валютная реформа" (1896). Но "практически-деловая и боевая натура" этого человека вскоре привела его в политику. Вступив в партию младочехов, он 25 лет работал в ее рядах, оставаясь верным ее национально-демократической программе. Как политический публицист он опубликовал ряд интересных работ: "Австрийская внешняя политика в XIX столетии" (1900), "История чешской политики с 1879 г." (1909), "Чешское государственное право" (1-е изд. 1896, 2-е изд. 1914) и др.

Политический идеал Крамаржа Ястребов определял как достижение чешской государственной самостоятельности для наиболее полного развития родного (чешско-словацкого) народа. Чешско-словацкое государство Крамарж представлял в качестве составной части преобразованной федеративной Австро-Венгрии. Именно преобразованная в "славянском духе" империя Габсбургов могла избежать поглощения могучей Германией и подчинения Гогенцоллернам. Крамарж верил в возможность преобразования Австро-Венгрии. В своих книгах, статьях, речах он стремился убедить Франца Иосифа (которого весьма уважал¹³⁵) и убиенного впоследствии наследника престола в необходимости изменений. Крамарж выступал с идеей национальной и партийной солидарности, поддержки славянскими народностями в Австро-Венгрии друг друга и сближения всех славян. Он мечтал об экономическом, политическом и культурном сближении славянских государств Балканского полуострова со славянами Австро-Венгрии, а также увлекался мыслью о сближении Австро-Венгрии с Россией, а через нее с Францией и Англией, чтобы отвлечь монархию Габсбургов от союза с Германией. Ястребов указывал, что за 25 лет политической деятельности по пропаганде своих идей Крамарж пережил многочисленные разочарования, испытал много личных огорчений, подвергался критике и разнообразным обвинениям со всех сторон. Лишь накануне великой войны (года за два—три) он стал колебаться в своих политических взглядах и возможности

решения чешского вопроса в рамках Австро-Венгрии¹³⁶. Ястребов, не зная, что решение Крамаржа остаться в Чехии было принципиальным, предполагал, что тот недостаточно явно предчувствовал наступление катастрофы и просто не успел выехать из страны. Русский профессор-славист был уверен, что Крамарж не мог не понимать, что в случае войны одни лишь его политические взгляды уже будут объявлены государственной изменой Австро-Венгрии. В заключении статьи Ястребов писал о символичности расправы над Крамаржем: "Интернированный в Вене как залог верности чешского народа Австро-Венгрии в момент первого испытания прочности монархии, брошенный в тюрьму и обвиняемый в измене, как орудие мести Австро-Венгрии чешскому народу за поведение на войне чешских полков, Крамарж, наконец, приговорен к смертной казни к устрашению всего славянства Габсбургской монархии в момент преходящих успехов ее на итальянском фронте"¹³⁷.

"Московские ведомости" 5(18) июня писали: "С начала войны России с Германией и Австро-Венгрией мы не получали газет воюющих с нами стран, поэтому о процессе и суде над проф. Карелом Крамаржем мы узнали из отрывочных сведений, телеграфных или печатавшихся во французских и английских газетах. Знаем только, что К. Крамарж и четверо его сообщников признаны виновными в измене Австрии и приговорены к повешению... И суд над К. Крамаржем и осуждение его является диким произволом, как были недавние дела во Львове и Мармарош-Сигете. Взрыв негодования, вызванный приговором всюду, где еще не потеряно уважение к правде и к закону, заставили короля Альфонса испанского предпринять шаги к отмене приговора. Будем надеяться, что не совесть, а страх ответственности заставит венских палачей отказаться от приведения приговора в исполнение"¹³⁸.

После вынесения приговора Рашин, Червинка и Замазал содержались вместе в камере номер 257, Крамарж — в одиночке башни смерти гарнизонной тюрьмы в Вене. Адвокат Эдуард Кернер подал прошение о помиловании. 14 ноября 1916 г. состоялся судебный процесс в Высшем военном суде уже без присутствия обвиняемых. Почти неделю шло слушание дела, 20 ноября прошение об обжаловании приговора было отклонено, и Верховный суд подтвердил судебное решение о казни. Однако, как пишет И. Шедивы, можно сказать, что жизнь чешским политикам спас личный врач императора В. Керзл, не позволив ввиду плохого самочувствия Франца Иосифа отнести ему на подпись окончательный приговор. На следующий день австро-венгерский император скончался в своем замке Шенбрунн. Правда здесь же чешский историк высказывает мысль о

том, что, скорее всего, приговор и так не был бы исполнен с оглядкой на за границу¹³⁹.

Как бы там ни было, хотели ли австрийские власти действительно привести приговор в исполнение или нет, Крамарж этого, естественно, не знал, и переживал не лучшие времена, томясь в неволе, сначала в ожидании приговора, а затем его исполнения. Условия заключения были достаточно суровыми. Опубликованы воспоминания А. Рашина, арестованного через два месяца после Крамаржа и отбывавшего заключение вместе с ним. Военную тюрьму в Мёлленсдорфе нельзя назвать курортом. Питание было отвратительным, топили плохо. В этой же тюрьме находился и Шейнер, но в июле 1915 г. был уже освобожден. Распорядок не отличался разнообразием: сон с 9 вечера до 5 утра, час прогулки вечером. С апреля 1916 г. арестованные стали иметь еще одну получасовую прогулку утром. Надежда Николаевна регулярно посещала мужа в тюрьме, что было для него большой поддержкой. Сам Крамарж, вспоминая об этом периоде жизни, писал: "Надежда Николаевна переносила все прямо героически, развила удивительную деятельность и проявила необыкновенную энергию для облегчения моей судьбы. Она раньше избегала контактов с официальными венскими кругами, с которыми я, в силу своей парламентской деятельности, был в постоянной связи, а теперь сразу за мной поехала в Вену и терпела не всегда вежливое и заносчивое обращение савонников, которые раньше по отношению ко мне были полны учтивой любезности. Для меня визиты Надежды Николаевны были огромным облегчением. Она имела право навещать меня раз в неделю на один час, и это было моим единственным облегчением, несмотря на то, что под прямым надзором мы могли говорить лишь о том, что нас особо не интересовало. Надежда Николаевна приходила обычно очень точно и, когда однажды разрешение на свидание пришло на несколько минут позже, для меня это ожидание было просто невыносимым"¹⁴⁰. Надежда Николаевна не оставляла заключенных своей заботой, помогала решить казалось бы мелкие проблемы их тюремной жизни, но достаточно существенные для них. Так, в камере не разрешали выключать свет, Карел жутко мучился, не мог спать при свете. Это была своеобразная пытка бессонницей. Надежда Николаевна догадалась передать мужу материю, чтобы завешивать ненавистную лампочку. Она буквально спасла мужа и других заключенных от голодной смерти, лично обратившись к министру иностранных дел графу Берхтольду с просьбой вмешаться. Причем аргументация была "железная", вполне в ее духе: она настаивала на том, что Крамарж осужден на казнь через повешение, а не на голодную смерть¹⁴¹.

В конце ноября киевская газета "Čechoslovan" поместила статью Вилуша Цркала под названием "К возобновлению процесса над д-ром Крамаржем". В ней подвергались сомнению действия австрийского правосудия и указывалось, что устранение политического деятеля военными силами критиковалось даже берлинской газетой "Vorwärts". Автор статьи писал о Крамарже как о противнике Тройственного союза, выступавшем за сближение Австрии с Россией. В статье, в частности, содержались следующие характеристики Крамаржа: "Карел Крамарж — человек дела. Отличный оратор, бегло говорил по-русски, французски, английски и немецки. Глава младочешской партии, отец неославизма, знаком с видными дипломатами мира"¹⁴². Программой К. Крамаржа, по мнению В. Цркала, было экономическое освобождение народа для освобождения политического. В одной из своих последних довоенных статей, опубликованной в декабре 1913 г. в Париже "Проблемы чешской политики", Крамарж обращал внимание на добровольное присоединение чешских земель к австрийским под властью Габсбургов. Цркал подчеркивал, что Крамарж сам был человеком состоятельным и независимым как от правительства, так и от масс.

Указывались детали судебного процесса: Крамарж защищался сам, по его делу проходили 160 свидетелей. В обвинении говорилось о его поездке в Сербию накануне сараевского убийства, но Крамарж заявил, что ездил в Сербию в июне 1914 г. Причем Тун и Штюргк подтвердили, что правительство знало о его зарубежных поездках. Процесс сначала был отложен, затем возобновлен, и по приказу свыше К. Крамарж был осужден на смертную казнь. В статье говорилось и о том, как в Европе был воспринят приговор: "Европу охватил ужас, так как осуждение К. Крамаржа было юридическим преступлением"¹⁴³. Последовали протесты нейтралов, в том числе испанского короля, а также заступничество папы Бенедикта XV¹⁴⁴. Со стороны отдельных политиков Антанты слышались даже угрозы казнить видных австрийских пленных в случае приведения приговора в исполнение.

25 ноября 1916 г. парижская газета "Československá samostatnost" писала, что новый император вряд ли решится утвердить смертный приговор Крамаржу, Рашину, Червинке и Замазалу — "начать свое царствование с кровавого акта"¹⁴⁵. И, действительно, 2 января 1917 г. в связи со вступлением на престол нового императора Карла I последовало объявление о предстоящей амнистии политическим заключенным. Как отмечал позднее Ф. Сис, это не было результатом внутренних изменений в Австро-Венгрии, а скорее связано с начавшимися тай-

ными переговорами о мире между представителями Антанты и Австро-Венгрии¹⁴⁶. 5 января до сведения четырех заключенных было доведено решение Высшего суда о помиловании: Крамарж приговаривался к 15 годам заключения, Рашин — к 10 годам, Червинка и Замазал — к 6. Иностранная пресса широко откликнулась на пересмотр приговора. Немецкая газета "Hamburger Nachrichten" 13 января поместила в виде передовой статьи обширную корреспонденцию из Вены под названием "Крамарж и чешская политика". В ней сообщалось, что только из официальных разъяснений по поводу помилования Крамаржа общество узнало, насколько серьезны совершенные Крамаржем преступления. Еще до начала войны в странах Антанты велась деятельная чешская агитация, следствием которой явилось образование тотчас после объявления войны легионов во Франции, Италии и России. Газета сообщала о визите чешской делегации к царю в Кремль и о высказанном во время аудиенции желании чехов видеть корону св. Вацлава снова независимой и сверкающей в лучах короны Романовых. Идеи эти были весьма близки идеям Крамаржа. Далее в немецкой газете обращалось внимание на поведение органа К. Крамаржа "Národní listy", которая избегала говорить о Крамарже, но критиковала Масарика и писала о безграничной преданности чехов монархии. Поведение Масарика находилось в некотором противоречии с деятельностью последователей Крамаржа. В самом деле Крамарж и Масарик являлись политическими противниками. По мнению автора газетной статьи, Крамарж был проникнут русскими симпатиями и был сторонником царизма, в то время как Масарик обращал свои взгляды на Запад. "Если в момент нападения русских на Австро-Венгрию К. Крамарж был озабочен тем, как бы поскорее облегчить им вторжение в Чехию, Масарик ломал голову, как избавить снова освобожденное государство Вацлава от казаков"¹⁴⁷.

Крамаржа и Рашина, которые были признаны заключенными первой категории, перевели вновь в Мёлленсдорф, а Завазала и Червинку — в Комарно. Когда-то при Марии Терезии мёлленсдорфская тюрьма была охотничьим замком. Но Крамарж, будучи страстным охотником, мог лишь вспоминать и мечтать об охотничьих приключениях, о свободе. В 1917 г. снабжение заключенных стало еще хуже, и ежедневно в этой тюрьме от голода умирали два — три человека. В начале Рашина поместили с двумя осужденными за кражу офицерами (по закону 1849 г. политические заключенные отбывали наказание в военных тюрьмах вместе с уголовными преступниками из числа военных). На следующий день он попросился перевести его к д-ру Крамаржу, и его поместили на первый этаж в камеру № 27, где

при Марии Терезии жили псары. Рашин вспоминал: "Нам позволили купить печь и необходимую утварь (шкаф, мойку, посуду, уборную, украшения камеры), так как печь нельзя было затопить, а утварь была в жутком состоянии. И мои съесные припасы, захваченные из Вены, в результате долгих переговоров также были выданы. И это было наше счастье. Кормили жутко... Суп из так называемой брюквы (кормовая репа), которую поставляла Германия, мерзлой и гнилой, порезанной как лапша, сваренный и заправленный мукой, запах страшный. Мы не ели"¹⁴⁸. Очень помогал осужденным местный военный священник Драбек, родом из Брно¹⁴⁹. Именно в этот момент хлопоты пани Крамарж и Рашиной спасли их супругов. Смертность в тюрьме была очень высокой: из 450 осужденных за месяц умерли 30 и 183 человека находились в больнице. В феврале Мёлленсдорф посетила инспекция в составе военного министра и ответственного за военные тюрьмы, после чего положение осужденных несколько улучшилось: было получено разрешение на получение продуктов из дома, питание в столовой, как у офицеров, более длительные прогулки. Крамарж и Рашин старались не опускаться, поддерживать чистоту, по очереди мыли посуду, подметали и мыли пол камеры. "Не упасть в грязь, жить в чистоте, не поддаться, не опуститься на низшую ступень культуры, — это та страшная борьба, которую интеллигентный человек ведет в заключении", — писал Рашин¹⁵⁰. Они испытывали не только физический голод, но и информационный, скучали по газетам, и жены заворачивали им передачи в газеты с интересными статьями. С февраля им разрешили получать официальный орган "Fremdenblatt". П. Драбек приносил газету "Národ". Рашин, по его воспоминаниям, сохранял больше оптимизма: много читал, учил французский язык, готовил еду, что-то обсуждал с Крамаржем. Крамарж очень плохо переносил заключение, его постоянно лихорадило, он мерз, находился в подавленном настроении. Любитель природы, выросший в горах, обожавший длительные прогулки, охоту, он томился в тесной, убогой камере, мечтая о свободе. Иногда они спорили о людских судьбах, о России, о монархии и демократии. Новости узнавали от кого-нибудь либо из оберток газет. Так узнали о вступлении в войну США, о перевороте в России, наступлении французов. Кроме супруг иногда их посещали друзья: Сис, Франта, Тоболка. Переписка была разрешена, но проверялась цензурой. Иногда они работали в саду, беседовали с чешскими стражниками. Через жену Рашина получали сведения от Маффи от д-ра П. Шамала. Так тянулось время в тюрьме.

1917 год принес большие изменения. Февральская революция в России, падение царизма, возникновение Временного

правительства и Советов оказали влияние на Австро-Венгрию. Карл I задумался о реформах и необходимости прекращения войны. Была запрещена смертная казнь на фронте, предпринята очередная попытка положить конец чешско-немецкому противостоянию, а в мае 1917 г. возобновил работу парламент. 30 мая Крамарж получил приветственное письмо от Чешского клуба. Это его очень растрогало, он ответил клубу благодарностью за память. Крамарж по возможности следил за событиями в России, очень переживал, когда в середине мая последовала отставка Гучкова, так как он "ставил на него все как на волшебника"¹⁵¹, в отношении российских политических партий Крамарж был настроен пессимистично, он много думал о России, в заключении начал работу над книгой "Русский кризис". По словам Ф. Сиса, амнистии первоначально подлежали все политзаключенные за исключением двоих — Крамаржа и Рашина. Им была предложена амнистия при условии проживания Крамаржа в Высоком над Йизероу, а Рашина — в родном Писеке и их неучастия ни в каких политических акциях против Австро-Венгрии. Подобные условия оба заключенных категорически отвергли. Лишь позднее венское правительство уступило, Крамарж и Рашин одними из последних политических заключенных, осужденных военными судами, вернулись в Чехию¹⁵².

Освобождение пришло в июле 1917 г. Всего по амнистии 2 июля на свободу вышли 719 чешских политических заключенных. Прежде всего Рашин отправился на родину в Писек, а Крамарж — в Либштат, а после небольшого отдыха оба вернулись в Прагу. Главный чешский город встречал Крамаржа как триумфатора, хотя это не было подготовленным мероприятием, народ спонтанно вышел на улицы, так как процесс против него воспринимался как акция против всей нации¹⁵³. По суду он был лишен депутатского мандата, поэтому сосредоточил свою деятельность на партийной работе. Он очистил партию свободомыслящих (младочехов) от проавстрийских активистов, выработал партийную линию в новой обстановке, сплотил чешских политиков, активизировал контакты со словаками. Словацкий политик А. Штефанек в конце ноября 1917 г. писал В. Шробару в Словакию о том, что ситуация в Праге изменилась: "Národní listy" перешли от З. Тоболки к Крамаржу и Рашину и уже являются органом не младочехов, а общенациональным. В редакцию вошли Гербен, Махар, Дык. Другие чешские газеты также пишут в "чехословацком" направлении. Ведется лекционная пропаганда чехословацкого единства в разных чешских городах. Планировалось устроить большой словацкий вечер с участием певцов и музыкантов пражской филармонии под патронатом Надежды Крамарж¹⁵⁴.

19 февраля 1918 г. произошло объединение младочехов с Государственно-правовой прогрессивной, Моравской народно-прогрессивной и частично с Реалистической прогрессивной партиями в единую Государственно-правовую партию во главе с К. Крамаржем и А. Рашиным. Печатным органом ее остались "Národní listy". О принципиальности Крамаржа в выборе названия партии вспоминал его соратник Й. Матоушек: на одном из совещаний в Турнове кто-то предложил ввести в название партии слово "социалистическая", что в какой-то степени отвечало партийной программе социальных реформ и при популярности социалистических идей в 1917 г., когда население воюющих стран изнывало от третьего года войны, могло бы способствовать популярности партии, Крамарж наотрез отказался от этого, аргументируя тем, что он не социалист, не верит в социалистические доктрины и вынужден был бы устраниться от деятельности этой партии¹⁵⁵. Он не желал никого обманывать, собираясь бескомпромиссно отстаивать несоциалистическую программу. Моралистом называли Масарика, но и для Крамаржа моральные принципы были крайне важны как в личной жизни, так и в политике.

¹ В Праге в это время проходил очередной сокольский слет.

² Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.) Ф. 133. Политический архив. Канцелярия. 1914. Оп. 470. Д. 70. Л. 40.

³ Там же. Л. 40 об.

⁴ Там же. Л. 41. См. также: *Šedivý I. Češi, české země a velká válka 1914–1918*. Praha, 2001. S. 23.

⁵ АВПРИ. Ф. 133. Л. 42.

⁶ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 211. Л. 2.

⁷ Чехи стали переселяться в Россию с середины XIX в. Согласно переписи 1897 г. на Волыне проживало уже 28 тыс. чешских колонистов. Количество чехов увеличилось в начале XX в. В Россию уезжали учителя латинского языка, физической культуры, воспитатели, предприниматели, торговцы, государственные служащие. Подробнее о возникновении чешской колонии в России см.: *Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach*. 1914–1938. Praha, 1999. S. 17–22. Данные о численности чехов в России накануне войны сильно расходятся (от 60 до 100 тыс.), см. об этом: *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 14–15.

⁸ *Клеванский А.Х.* Указ. соч. С. 22.

⁹ Тучек Алоис (1881–1925) — чешский предприниматель, глава филиала фирмы "Лаурин и Клемент" в Москве, с осени 1914 г. зампредседателя Чешского комитета в Москве, автор меморандума российскому императору, инициатор создания Чешской дружины, занимался пропагандой и агитацией в пользу вооруженного сопротивления Австро-Венгрии, на первом съезде Союза чехословацких обществ в России поставлен во главе военной комиссии, весной 1917 г. признал руководящую

роль Чехословацкого национального совета в Париже (ЧСНС), в конце 1918 г. вернулся в ЧСР, был председателем общества стародружинников.

- ¹⁰ Конишек-Горский Сватоплук (1866 – 1931) – журналист, владелец книгоиздательства "Славия", а с 1909 г. глава одноименного чешского землячества в России. В августе 1914 г. создал Чешский комитет в Москве, инициатор создания чешских добровольческих военных частей в России, монархист, выступавший за славянскую православную империю во главе с Романовыми, член Словацко-русского общества Штура. В декабре 1914 г. выехал во Францию, где основал Комитет национального совета чехословацкой колонии и газету "Чешская независимость", в конце 1915 г. вернулся в Россию, являлся членом чехословацкого Национального совета Дюриха.
- ¹¹ Русское слово. 1914. 10(23) августа.
- ¹² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 11.
- ¹³ Там же. Д. 212. Л. 35.
- ¹⁴ Там же. Д. 204. Л. 44.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Д. 212. Л. 12 – 21.
- ¹⁹ Там же. Л. 20.
- ²⁰ Там же. Д. 211. Л. 3.
- ²¹ Там же. Л. 3 – 4.
- ²² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 35.
- ²³ Там же. Л. 35 – 40.
- ²⁴ Šedivý I. Češi, české země a velká válka 1914 – 1918. Praha, 2001. S. 56.
- ²⁵ Archív národného múzea. (Далее: ANM.) F.K. Kramář. Kart. 108.
- ²⁶ Herman K., Sládek Z. Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971. S. 40; ANM. F.K. Kramář. Kart. 66.
- ²⁷ Šedivý I. Op. cit. S. 57.
- ²⁸ Ibid. S. 57 – 58.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 5.
- ³⁰ Там же. Л. 5 об.
- ³¹ Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 9.
- ³² Черников И.И. Гибель империи. М., СПб., 2002. С. 504 – 509.
- ³³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 6.
- ³⁴ Там же. Л. 7 об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Л. 10.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия. Йошкар-Ола, 1998. С. 17.
- ⁴² Вопросы о границах Чехословакии и Польши в Силезии оставался спорным на протяжении 40 лет (1918 – 1958). Нередко он становился причиной острых конфликтов сторон, вплоть до вооруженных столкновений. См.: Серапионова Е.П. К вопросу о роли территориальных споров в развитии чехословацко-польских отношений межвоенного периода // Материалы школы молодых славистов и балканистов. М., 1990. С. 191 – 199.

- 43 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 10 – 11.
- 44 При образовании Чехословацкого государства в 1918 г. в основу определения границ были положены три принципа: государственно-правовой, этнический и стратегический.
- 45 *Савваитова М.Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 115.
- 46 Там же. С. 114 – 116.
- 47 Там же. С. 118.
- 48 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 23 – 28.
- 49 Российский Государственный исторический архив. (Далее: РГИА.) Ф. 358. Д. 930. Ч. 3. Л. 251.
- 50 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 30.
- 51 Там же.
- 52 Там же. Л. 32.
- 53 Там же. Л. 33.
- 54 Цит. по: *Klimek A.* *Boj o Hrad. Sv.I: Hrad a pětka. Vnitropolitický vývoj Československa 1918 – 1926 na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví.* Praha, 1996. S. 14.
- 55 АВПРИ. Ф. 125. Оп. 474. Д. 204. Л. 33.
- 56 Там же. Л. 34.
- 57 Вступление русских войск на территорию Галиции и Буковины активизировало обсуждение вопроса о будущей судьбе этих земель. В начале ноября 1914 г. на заседании в Совете министров было принято решение при проведении будущих границ руководствоваться этнографическим принципом, а следовательно, включить Западную Галицию в состав будущей Польши, а Восточную Галицию присоединить к России. Политика слияния Галиции с Россией началась уже в годы войны. См.: *Бахтурин А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 9, 14, 63 – 64.
- 58 Там же.
- 59 Там же.
- 60 Там же. Л. 42.
- 61 Там же. Л. 43.
- 62 По словам очевидцев, уже в начале войны Крамарж заявлял следующее: "Есть минуты, когда человек чувствует, что нужно желать лишь одного, безоговорочно поставить все на одну карту, особенно, когда речь идет о чести и будущности народа". См.: ANM. F. K. *Kramář.* Kart. 66.
- 63 Ранее Масарик никогда не был замечен в антисемитизме. Наоборот, выступив за пересмотр решения нашумевшего судебного процесса, в ходе которого еврей Л. Гильснер без достаточных оснований был обвинен в ритуальном убийстве чешской девушки, Масарик испытал на себе ярость антисемитской кампании. См.: *Серапионова Е.П.* Томаш Гарриг Масарик 1850 – 1937 // Пленники национальной идеи. 1993. С. 123 – 124.
- 64 АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 16.
- 65 Там же. Л. 18 об.
- 66 Там же. Л. 19.
- 67 Там же.
- 68 Там же. Л. 20 об.
- 69 Там же. Л. 21.

- ⁷⁰ См.: *Марына В.В.* Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 года): Документальный очерк // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 80.
- ⁷¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 22.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ *Черников И.И.* Указ. соч. С. 510–511.
- ⁷⁴ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 62.
- ⁷⁵ Там же. Л. 64.
- ⁷⁶ Там же. Л. 65.
- ⁷⁷ См.: *Šedivý I.* Op. cit. S. 171.
- ⁷⁸ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 65.
- ⁷⁹ Там же. Л. 66.
- ⁸⁰ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 67.
- ⁸¹ Там же. Л. 68.
- ⁸² Там же. Л. 69.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ *Galandauer J. a kol.* О samostatný Československý stát 1914–1918. Praha, 1992. S. 17–18.
- ⁸⁶ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 220. Л. 2.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Черников И.И.* Указ. соч. С. 511–512.
- ⁹⁰ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 220. Л. 2.
- ⁹¹ Там же. Д. 204. Л. 70.
- ⁹² *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 9, 75, 91–96, 102, 143, 166–167.
- ⁹³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 70.
- ⁹⁴ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 73–78.
- ⁹⁵ Там же. Л. 77.
- ⁹⁶ Свет. 1915. 17(30) мая.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Цит. по: *Новое время*. 1915. 17(30) мая.
- ¹⁰⁰ Свет. 1915. 17(30) мая; *Новое время*. 1915. 17(30) мая.
- ¹⁰¹ Свет. 1915. 17(30) мая.
- ¹⁰² *Новое время*. 1915. 17(30) мая.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 6. Л. 32.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ *Черников И.И.* Указ. соч. С. 512–513.
- ¹¹⁰ Там же. С. 513.
- ¹¹¹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 80.
- ¹¹² Там же. Л. 83.
- ¹¹³ Там же. Л. 98.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 107.
- ¹¹⁵ *Šedivý I.* Op. cit. S. 173.
- ¹¹⁶ Председатель Галицко-русского благотворительного общества, созданного еще в 1902 г., граф Владимир Алексеевич Бобринский был членом Государственной думы второго, третьего и четвертого созы-

вов, принадлежа к фракции русских националистов и умеренно правых. Выступал за поддержку русской партии в Галиции, против польского и украинского национальных движений, за национальное и культурное единство всего русского народа и признание Галиции, Буковины и Угорской Руси составной частью русского мира. Правительственная финансовая поддержка москвофильского направления в Галиции и Буковине осуществлялась через эту организацию В.А. Бобринского. Это нередко вызывало обострение отношений с Австро-Венгрией. Подробнее см.: *Бахтурина А.Ю.* Указ. соч. С. 42 – 47.

117 Цит. по: Там же. С. 53.

118 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 107.

119 Там же.

120 Там же.

121 *Šedivý I.* Op. cit. S. 172.

122 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 107.

123 *Paměti Dr. Aloise Rašína.* Praha, 1994. S. 126.

124 *Ibid.* S. 127; *Šedivý I.* Op. cit. S. 172.

125 *Paměti...* S. 133.

126 *Ibid.* S. 134.

127 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 220. Л. 4.

128 Там же. Л. 3. •

129 *Nasková R. Pilát v Credu // Z hor jsme.* Vysoké nad Jizerou, 1927. S. 42.

130 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 220. Л. 5.

131 Там же. Л. 7.

132 Там же. Л. 16.

133 День. 1916. 27 мая.

134 Биржевые ведомости. 1916. 29 мая.

135 См.: *Herman K., Sládek Z.* Op. cit. S. 44.

136 Чешский историк К. Герман высказывал противоположную точку зрения, считая, что даже после ареста Крамарж не оставлял идеи соглашения с Австро-Венгрией. См.: *Herman K., Sládek Z.* Op. cit. S. 43 – 45.

137 Биржевые ведомости. 1916. 29 мая.

138 Московские ведомости. 1916. 5 июня.

139 *Šedivý I.* Op. cit. S. 173.

140 *Kramář K. Moje žena // Život – Dílo – Práce vůdce národa.* Praha, 1937. Díl 2. S. 89.

141 *Серапионова Е.П.* Семья Крамаржей. Русская супруга первого премьера Чехословакии // *Родина.* 2001. № 1/2. С. 137.

142 *Čechoslovan.* 1916. 20. XI.

143 Прямых доказательств его вины не было.

144 См.: *Vencovský F. Karel Kramář. Život a dílo.* Praha, 1992.

145 *Československá Samostatnost.* 1916. 25. XI.

146 *Sis F. Kdy dr. Kramář dal přednost vězení před Vysokým n. Jiz // S hor jsme...* S. 34.

147 *Hamburger Nachrichten.* 1917. 13. I.

148 *Paměti...* S. 168.

149 Впоследствии после образования Чехословацкой республики Крамарж, помня добро, очень помогал этому человеку с получением хорошего места службы.

¹⁵⁰ Paměti... S. 174.

¹⁵¹ Ibid. S. 191 – 192.

¹⁵² *Sís F.* Op. cit. S. 35.

¹⁵³ *Vencovský F.* Op. cit. S. 20.

¹⁵⁴ Slovenský národný archív (SNA), Šk. 8. Inv. Č. 567.

¹⁵⁵ *Matoušek J.* Pod bustu velkého horaka // S hor jsm... S. 36 – 37.

Глава 10

Чехословацкое национальное движение и образование государства

*

Конец Первой мировой войны стал периодом, определившим судьбу чехов и словаков на несколько десятилетий вперед. Это был поистине рубеж в истории двух народов. Именно тогда окончательно определились политические концепции лидеров чехословацкого национально-освободительного движения, был взят курс на создание независимого государства, наметились его границы. Можно спорить о том, какую роль сыграли заграничные и внутренние силы в деле образования самостоятельного государства, но совершенно списывать роль последнего, к которому на начальном и завершающем этапе принадлежал Крамарж, невозможно.

Вернемся чуть назад и посмотрим, какая ситуация сложилась в чехословацком национальном движении. В начале войны К. Крамарж и Т.Г. Масарик представляли собой двух крупных политических деятелей. Однако с арестом Крамаржа и других чешских политиков внутренняя антиавстрийская группировка была сильно ослаблена. Эмигрировав за границу, Масарик развивал активную пропагандистскую деятельность в пользу Антанты, стремясь подчинить своему влиянию все заграничные центры чехословацкого сопротивления. Еще в ноябре 1915 г. в Париже им был создан Чешский заграничный комитет, в мае 1916 г. переименованный в Чехословацкий национальный совет (ЧСНС). Председателем совета стал Масарик, его заместителем — депутат от аграрной партии Йозеф Дюрих, членом — словак, гражданин Франции, Милан Растислав Штефаник¹, место секретаря постоянного секретариата в Париже занял бывший глава "Маффии", в сентябре 1915 г. уехавший за границу Эдвард Бенеш.

Эта организация ставила перед собой следующие цели: 1) объединить под своим руководством национально-освободительное движение за рубежом, особенно в России; 2) создать собственные вооруженные силы, свое войско добровольцев из

числа военнопленных; 3) убедить страны Антанты, что распад Австро-Венгрии отвечает их интересам, и тем самым получить их добро на создание самостоятельного государства. Однако все три задачи были не из легких. Если на Западе, благодаря личным связям Масарика² и знакомствам Штефаника³, чешским и словацким политикам удалось установить контакты с дипломатами, развернуть пропаганду и начать формирование легионов в Италии и Франции, то в России дело обстояло сложнее.

Т.Г. Масарик воспринимался в российских дипломатических кругах достаточно негативно. В записке А. Геровского в Министерство иностранных дел от февраля 1916 г. сообщалось, что "свою известность проф. Масарик приобрел не как национальный чешский деятель, а как противник чешской национальной мысли"⁴. Особой критике Геровский подверг чешского политика за его отношение к России и славянскому вопросу, указывая, что «проф. Масарик относился отрицательно к панславизму вообще и в частности к России, по его уверению, лишь к "официальной" России»⁵. «Славянская идея, — по словам Геровского, — для Масарика была несбыточная и вредная фантазия, недостойная серьезного политического деятеля — "реалиста"». Геровский отмечал, что лидер реалистов отрицательно относился к принятию чехами православия и в своей газете "Čas" открыто поддерживал украинских деятелей ("мазепинство", по выражению Геровского), хотя в частных разговорах не раз говорил, что "украинское движение" не имеет никаких оснований. Геровский также подчеркивал изменения в позиции Масарика в зависимости от положения на фронтах. "Когда русские стояли на Карпатах, и в Чехии были убеждены, что Австрия уже сломлена и что в недалеком будущем русские войска займут Чехию, — писал Геровский, — Масарик... высказался открыто против Австрии и за Россию, прибавив даже, что более не делает разницы между русским правительством и русским народом. Теперь его программа более сдержана и осторожна"⁶. Негативное восприятие Масарика официальными кругами России было также связано с выходом на немецком языке в 1913 г. двух томов его труда "Россия и Европа"⁷. В рецензии на эту книгу, представленной в МИД России, в частности, говорилось: "Основной темой труда... является противопоставление России остальной Европе, в смысле всего склада русской народной души и социальной жизни, будто бы совершенно отличной от социального уклада на Западе"⁸. Особенно задела российских дипломатов высказанная Масариком мысль "об общей отсталости нашего отечества от остальной Европы" и намеки "на крайнюю трудность для России, ввиду почти органического несходства всего мирозерцания русского народа с миросо-

зерцанием западных стран, вполне приобщиться к их социальному и политическому укладу"⁹. В заключении автор критических заметок писал: "Книга написана в строго научном тоне и резких выпадов против России не содержит, но основная несочувственная и недружественная нам тенденция этого труда проведена хотя и осторожно, но весьма отчетливо, и тем более примечательно, что автором его является видный славянский ученый и политический деятель"¹⁰. После подобных отзывов книга Масарика в России была запрещена.

В связи с таким негативным восприятием Масарика в российском внешнеполитическом ведомстве возникла идея создания самостоятельного чешского центра в России под руководством Йозефа Дюриха. Геровский в своей записке предлагал: "Если Дюрих не известен, его следует сделать известным, если он — как утверждают масариковцы — не авторитет, то надо сделать его авторитетом. Этого требуют интересы России и славянства"¹¹. В конце июня 1916 г. Дюрих отправился в Россию, имея полномочия Чехословацкого национального совета. Здесь его попытались сделать "независимым" представителем чешского народа, противопоставив Масарику.

В связи с поездкой Й. Дюриха в Россию В.П. Сватковский прислал из Парижа записку С.Д. Сазонову с анализом ситуации в Чешских землях и на Западе. В записке читаем: "Около года назад из Праги в Швейцарию прибыл с поручением ехать в Петроград уполномоченный для осведомления русского правительства о чешских делах член партии чешских аграриев депутат О.О. Дюрих (на русский манер его иногда называли Осип Осипович. — *Е.С.*). За этот год произошло много перемен и в судьбах чешского вопроса. Главнейшие чешские политические деятели, оставшиеся дома в ожидании прихода русских войск, ныне сидят без суда в заключении. В чешских землях царит террор. Чешское общественное мнение и печать осуждены на молчание. Хуже того: на чешский политический мир оказывается ожесточенное давление с целью вызвать лояльное к Австрии заявление и осудить чешскую кампанию, ведущуюся за границей. Попытки эти до сих пор не имели сколько-нибудь серьезного успеха. Как чешские политики, так и их печать, применяют, в пределах возможности, систему пассивного сопротивления"¹².

Относительно положения на Западе Сватковский сообщал следующее: "Перемены в чешском и других национальных вопросах Средней Европы произошли и за пределами этих земель, особенно в западных странах согласия. Неустанная пропаганда чехов, южных славян, поляков и т.д. во Франции, Англии и отчасти Италии стала приносить плоды. Широкие об-

ществленные и политические круги Запада, ранее совершенно не имевшие ясного представления о существовании этих вопросов, ныне восполнили эти пробелы своего политического образования, благодаря появившимся специальным изданиям, лекциям и особенно постоянным беседам заинтересованных национальных деятелей с виднейшими представителями политических, публицистических и общественных кругов"¹³. Большое внимание к судьбам народов Центральной Европы привлекла и немецкая кампания в пользу образования Средней Европы под эгидой Германии. Сватковский уверял, что "западноевропейская часть задачи" уже решена или близка к решению: основные пожелания чешских и других национальных деятелей уже всесторонне рассмотрены и в главных чертах одобрены влиятельными западными политиками. "Так, например, идея объединения всех сербо-хорватско-словенских земель, идея объединения чехо-словацких земель с коридором на юг, идея объединения Польши — стоят уже более или менее твердо в общественном сознании Франции и Англии"¹⁴, — отмечал Сватковский.

Однако вставал вопрос об отношении России к этим славянским планам. Сватковский настоятельно рекомендовал МИД четко заявить позицию России по вопросу о будущем славянских народов. Он писал: "Общее впечатление таково, что пожалуй до сих пор молчание и кажущееся равнодушие России приносило пользу делу, так как оно окрепло на западе самостоятельно, не вызывая у союзников подозрения в русской интриге, но теперь, как будто наступает или близок момент, когда русская незаинтересованность перестанет быть полезной"¹⁵. В этих условиях он считал весьма своевременным приезд в Россию чешских и других славянских деятелей.

Чтобы нейтрализовать влияние Дюриха, в Россию в августе 1916 г. прибыл М.Р. Штефаник. 21 февраля 1917 г. в письме Масарику он сообщал, что "комитет Дюриха с двусмысленным названием Чешско-словацкий национальный совет в России уже провозглашен, но не начал действовать"¹⁶. На создание этого органа МИД России и Военное ведомство выделили средства, так как были уверены в антироссийской, прозападной позиции Чехословацкого национального совета в Париже (ЧСНС) М.Г. Приклонский (начальник Славянско-Ватиканского отдела МИД), как говорилось в письме, был против независимости чехов. В этом же письме сподвижник Масарика информировал его о переговорах с группой проф. Шахматова и Милюковым: "Милюков за нас, Дюриха осудил"¹⁷. В конце письма Штефаник рекомендовал исключить Дюриха из ЧНС и сообщал, что он "политически" подготовил визит Масарика в Россию¹⁸.

В российском МИДе продолжали рассматриваться различные варианты решения после войны чешского и словацкого вопросов. В докладной записке "К чешскому вопросу" от августа 1916 г. говорилось: "Относительно словаков до сих пор не установлено определенного мнения: одни ученые считают их самостоятельной ветвью западного славянства, другие — видят в них разновидность чехо-моравского племени... Словаки к самостоятельной роли, по-видимому, и не стремятся, ограничиваясь мечтами о соединении в одно государственное целое с чехами, на основах равноправия и местной для себя автономии"¹⁹.

К участию в разработке концепций решения чешского и словацкого вопросов привлекались и ученые-слависты. 5 ноября 1916 г. председатель Славянского благотворительного общества в Петрограде А.И. Соболевский направил на имя М.Г. Приклонского записку "Будущие отношения России к чехам и словакам". В ней содержались суждения ученого по поводу планов создания независимого чехословацкого государства. Соболевский считал, что "чехо-словацкое государство может быть только слабым"²⁰, так как треть населения немцы, которые играли значительную роль в местных сеймах и главенствующую роль в местной промышленности и торговле, держали в своих руках все главные банки и железные дороги. "Ввиду этого, — писал Соболевский, — Чехо-словацкое государство тотчас по возникновению должно сделаться ареною чрезвычайно острой борьбы между ее двумя народностями — славянами и немцами"²¹. Отсюда русский ученый делал вывод о том, что "в действительности независимое чехо-словацкое государство невозможно"²².

Поэтому Соболевский предлагал свой план решения чешского и словацкого вопросов. Ссылаясь на желание "благоразумной" части самих словаков в России и США, которые якобы опасались за свой народ, если он политически свяжет себя с чешским народом, он предполагал возможным их соединение не с чехами, а с Россией, их переход в русское подданство.

С чехами вариант простой инкорпорации он считал неприемлемым. "Среди чехов, — отмечал он, — едва ли найдутся желающие присоединения Чешских земель к России"²³. Однако он полагал, что возможен вариант соединения Чешских земель с Россией при условии предоставления им широкого самоуправления с передачей русскому правительству полномочий в области внешней и военной политики.

При этом Россия должна была бы предоставить Чехии значительные льготы в области торговли, ввоза и вывоза. Соболевский считал, что экономические интересы чешских и русских предпринимателей могут столкнуться лишь в области производства железа, сахара и изделий из них. Однако этой конку-

ренции можно избежать, если сохранятся традиционные чешские рынки сбыта в Венгрии и на Балканах. Соболевский подчеркивал и экономические выгоды подобного объединения для России. "Что же до электрических приборов, автомобилей, принадлежностей фотографии, фототипии, хромолитографии и т.п., выделкою которых славятся чехи, — отмечал он, — ввоз этих изделий был бы для России наших дней только полезен: ввезенные в Россию, пополняя слабое русское производство, эти изделия создали бы конкуренцию однородным изделиям заграничного производства"²⁴. Кроме того, по мысли Соболевского, соединение Чехии с Россией привело бы к усилению существовавшего уже притока в Россию чехов-мастеров, художников и ремесленников, которое способствовало бы вытеснению из русской промышленности "вредных для нее немцев"²⁵ (последнее замечание было, естественно, отражением военного времени: немцы — враги. — Е.С.).

Во многом соображения Соболевского повторяли мысли Крамаржа, высказанные накануне и в начале войны о Славянском союзе. Однако обстановка была уже иной. Идея независимого государства чехов и словаков все больше и больше завоевывала популярность в чехословацком освободительном движении. Чешские и словацкие политики на Западе отслеживали настроения в России и отмечали, что "общественная мысль в России, которая должна иметь в славянском деле, и в чехословацком деле инициативу, к сожалению, опаздывает за событиями"²⁶. Л. Сыхрава²⁷ в феврале 1917 г. сообщал Масарику и Бенешу: «Русские опять перешли к плану "уменьшенная Австрия". Расчленение Австрии в течение 20 — 30 лет... Нам и югославянам лишь какая-то автономия»²⁸.

У Масарика были связи с русской профессурой, и в ноябре 1916 г. на заседании историко-филологического факультета Петроградского университета по предложению Н.В. Ястребова и при поддержке профессоров Лаврова, Шахматова, Ростовцева, Кареева, Введенского и Лапшина было решено пригласить чешского профессора в Петроград читать лекции²⁹. Однако МИД, ссылаясь на отрицательное отношение российских военных властей, счел приезд Масарика в Россию несвоевременным³⁰. Тот пытался как-то воздействовать на ситуацию, в конце декабря 1916 г. в газете "Русская воля" появилась его статья, где процесс над Крамаржем и Рашиным назывался "наиболее выдающимся". В статье излагалась его программа: независимость чехов от Австро-Венгрии и соединение со словаками. Словаки могли бы пользоваться своим языком в школах и общественной жизни. Заигрывание с Россией и желание изменить отношение к себе выразилось в следующих пассажах. Он писал: "Династия

русского происхождения была бы в высшей степени популярна. Быть может, оказалось бы достаточно личной унии с Россией. Во всяком случае, я хочу подчеркнуть, что все наши политические партии насквозь русофильские»³¹. Здесь же он объяснялся по поводу своей книги "Россия и Европа": "Моя книга направлена против абсолютизма, но теперь не время ссориться по поводу внутренних вопросов в России, и если такие люди как Кропоткин, Плеханов, Бурцев и др. стоят за Россию, мы можем присоединиться к ним с открытым сердцем. Во всяком случае, мы хотим предоставить России инициативу во всех славянских вопросах. Если бы Россия признала более желательным дать Чехии не русскую династию, мы должны бы настаивать на не немецкой, может быть личная уния с Сербией"³². Но даже такие "откровения" не улучшили отношения к Масарику.

Положение в корне изменилось после Февраля. Масарик приветствовал русскую революцию. Дело в том, что все события внутри стран Антанты и подвижки в международных отношениях Масарик рассматривал исключительно под углом зрения их пользы или вреда для чехословацких интересов. Поэтому еще в декабре высказываясь за династию Романовых, через два месяца в телеграмме Амфитеатрову он заявлял: "Спешу приветствовать вашу великую революцию... Свободная Россия всегда была идеалом всех прогрессивно настроенных мыслителей и политиков, как славянских, так и остальных наций и является вернейшим условием справедливого разрешения всех славянских проблем, а также переустройства и организации Европы на новых началах"³³. Далее он продолжал: «Чехи всегда были русофилами, и мы горим еще большей любовью к свободной России. Если новое правительство будет действовать правильно и осмотрительно (читай "продолжать войну до уничтожения Австро-Венгрии". — *Е.С.*), то мы питаем лучшие надежды на будущее для нашей страны и нашей свободы»³⁴. В телеграмме на имя министра иностранных дел П.Н. Милюкова Масарик также возлагал на Россию определенные надежды. "Возрожденная Россия, — писал он, — создаст единую Польшу, подвластную свободной России, воссоединит с Россией галичан и угоруссов, объединит сербо-хорватов со словенцами и освободит Чехию и Моравию"³⁵.

Милюков был давно знаком с чешским деятелем и симпатизировал ему. Их первая встреча состоялась еще в 1894 г. в Праге на квартире у Масарика. Затем они встречались в Америке, где Масарик, а после него Милюков читали лекции в Чикагском университете. В 1916 г. Милюков посетил Масарика в Лондоне, когда в составе делегации Государственной думы объезжал союзнические страны. Тогда же он познакомился и с Эдвардом

Бенешем. В 1917 г. Масарик и Милюков вели переписку³⁶. В его ответе Масарику говорилось: "Всецело присоединяюсь к вашим взглядам на перспективы... в деле окончательного переустройства юго-восточной Европы. Приезжайте скорее для восстановления единства в среде ваших соотечественников"³⁷. В начале мая 1917 г. Масарик был уже в Петербурге³⁸. Но Милюков к тому времени как раз вышел из состава правительства. Однако, пробыв в России почти год, в сложных условиях российской революционной действительности Т.Г. Масарик все-таки смог решить стоявшие перед ним задачи.

Он стал непосредственным свидетелем Октябрьской революции в России. Ни Масарик, ни Крамарж ее не приняли, они резко отрицательно воспринимали и теорию, и практику большевиков³⁹. Однако они резко расходились по вопросу о том, нужно ли бороться с большевиками и какими способами. Позиция Масарика менялась. В начале он выступил против вмешательства в политическую борьбу в России⁴⁰. Затем после начала вооруженного мятежа чехословацких легионеров в мае 1918 г. и их побед в Поволжье и Сибири под влиянием союзников он одобрил их борьбу с советской властью⁴¹. Участие чехословацких легионеров в борьбе с большевиками способствовали международному признанию Чехословацкого национального совета в Париже (ЧСНС)⁴². Позднее, когда стало очевидным, что чехословацкое войско не желает больше воевать в России, и подвигнуть солдат на это становится все труднее и труднее⁴³, Масарик в интервью корреспонденту газеты "Тан" высказался против вооруженного вмешательства в России⁴⁴. Крамарж всегда последовательно выступал за вооруженную борьбу с большевиками⁴⁵. Даже когда его планы интервенции потерпели фиаско, он, тем не менее, не переставал отстаивать необходимость борьбы с большевизмом всеми способами. Свои мысли о большевизме и причинах российской катастрофы Крамарж позднее обобщил в работе "Русский кризис", замысел которой окончательно оформился осенью 1917 г.⁴⁶ (к ней мы еще вернемся).

* * *

Наступает решающий для чехов и словаков 1918 г. События внутри страны развиваются по нарастающей. 6 января 1918 г. так называемый генеральный сейм всех чешских депутатов принимает в Праге декларацию с требованием реализации права чешского и словацкого народа на самоопределение. В работе сейма принимал участие и Карел Крамарж. В своем выступлении председатель Чешского союза депутатов рейхсрата Ф. Станек специально приветствовал тех депутатов парламента и земских сеймов, которые впервые после длительного перерыва

ва приняли участие в пленарном заседании, так как, по его словам, данные им свободным волеизъявлением народа мандаты не могли быть отобраны несправедливым решением суда⁴⁷.

Собрание чешских депутатов и представителей общественных, научных и культурных кругов в Общественном доме 13 апреля принимает так называемую апрельскую присягу (торжественное заявление) о желании достичь национальной свободы и государственной независимости⁴⁸. Заявление было подготовлено тайным комитетом "Маффии" в ответ на выступление австро-венгерского министра иностранных дел графа фон О. Чернина. В собрании принимали участие также сербы, хорваты и словенцы.

1 мая народное собрание в Липтовском св. Микулаше требует признания права на самоопределение "венгерской ветви чехословацкого народа"⁴⁹.

В торжествах по случаю пятидесятилетия закладки первого камня Национального театра в Праге (16 — 17 мая) приняли участие представители славянских и романских народов Австро-Венгрии. Участники манифестации также высказались за реализацию права наций на самоопределение⁵⁰. В рамках торжеств был проведен и новый славянский съезд в честь 70-летия первого славянского съезда в Праге. Крамарж находился в своей стихии. В мероприятии участвовали все славяне (кроме украинцев и лужицких сербов), а также румыны и итальянцы. Внизу в конце Вацлавской площади была торжественно посажена "славянская липа". В пантеоне Национального музея К. Крамарж и иностранные гости выступили с речами, в которых подчеркивалось стремление к государственной независимости, национальному объединению и самоопределению⁵¹. Все эти мероприятия и заявления ясно свидетельствовали о настрое чехов и словаков получить свободу и независимость. Активно участвуя в политической жизни, Крамарж в этот период также ориентировался на создание независимого чехословацкого государства. Тем более что той старой России, которую он знал и за сближение с которой всегда ратовал, больше не существовало.

В июле 1918 г. в Праге по решению политических партий, "представлявших единую политическую волю всего народа"⁵² был образован Чехословацкий национальный комитет как высший национальный политический орган на родине. Его председателем стал Карел Крамарж, заместителями председателя Вацлав Клофач и Антонин Швегла, секретарем Франтишек Сокуп. В обращении национального комитета указывалась его цель — реализация права самоопределения в независимом, демократическом чехословацком государстве с собственным уп-

равлением, на собственной территории, с собственным государственным суверенитетом⁵³.

В июле 1918 г. начинается ряд дипломатических признаний ЧСНС. 26 сентября было решено создать временное чехословацкое правительство в составе Масарика, Бенеша и Штефаника⁵⁴. А 29 сентября Чехословацкий национальный комитет в Праге и Чешский союз депутатов опубликовали резолюцию, в которой отказывались от переговоров с австро-венгерским правительством о возможных конституционных и государственно-правовых изменениях⁵⁵. Второго октября председатель Чешского союза депутатов Станек открыто заявил в венском рейхсрате о расхождении его страны с Австро-Венгрией, а через десять дней депутаты Станек, Гурбан, Тусар и Фидлер передали императору требования немедленно сформировать чешское национальное правительство, обеспечить его участие в мирных переговорах и отозвать чешские воинские подразделения из венгерских и немецких областей домой.

14 октября в стране начинается всеобщая забастовка против вывоза продуктов. В тот же день Бенеш информирует союзников о создании временного чехословацкого правительства за границей (Масарик, Бенеш, Штефаник). 28 октября министр иностранных дел Австро-Венгрии в ноте правительству США просит о немедленном начале переговоров о перемирии и мирном договоре. Чехословацкий национальный комитет объявляет первый закон о создании самостоятельного государства — образовании Чехословакии — и публикует обращение к народу в связи с провозглашением независимого государства⁵⁶. Однако подписи Крамаржа под этими историческими документами нет. Дело в том, что Крамарж в это время находился в Женеве, где вел переговоры представителей внутреннего сопротивления с делегацией заграничного представительства во главе с Бенешем о принципах будущего устройства чехословацкого государства. В переговорах участвовали: от Чехословацкого национального комитета в Праге — Крамарж (председатель), В. Клофач (зам. председателя); специалисты в области национальной экономики Я. Прейс (глава Живностенского банка в Праге) и К. Свобода (руководитель аграрного банка в Праге), от Чешского союза депутатов — Ф. Станек (председатель союза), Г. Габрман (зам. председателя), А. Калина (помощник зам. председателя), от чехословацкого временного правительства в Париже — Э. Бенеш (министр иностранных дел) со своими референтами Ш. Осуским, Л. Стримпем и И. Марковичем. Заседания проходили с 28 по 31 октября 1918 г. в отеле Beau-Rivage. В протоколе совместного заседания от 31 октября 1918 г. были зафиксированы итоги переговоров: 1) признаны заслуги времен-

ного чехословацкого правительства в Париже и созданного им войска; 2) обсуждены условия возможного перемирия; 3) достигнута договоренность об образовании временного чехословацкого правительства в Праге, которое действовало бы до принятия конституции и формирования парламентского правительства (эта договоренность должна была быть представлена к обсуждению в Чехословацкий национальный комитет в Праге); 4) рассмотрены экономические, финансовые и юридические вопросы перехода от австро-венгерской государственности к независимому чехословацкому государству⁵⁷. Конкретные предложения были отражены в приложении к протоколу. По предложению К. Крамаржа было решено, что Т.Г. Масарик станет президентом республики. Был намечен и состав правительства, председателем которого должен был стать К. Крамарж.

Расширенное заседание Национального комитета состоялось в Праге 14 ноября 1918 г. Крамарж открывал это заседание. Он провозгласил свержение Габсбургско-Лотарингской династии и образование Чехословацкой республики. Он же объявил Т.Г. Масарика единогласно избранным президентом Чехословацкой республики⁵⁸. Первое правительство, председателем которого стал Карел Крамарж, получило название правительства "всенародной коалиции". Оно было избрано Национальным собранием и не имело оппозиции. До возвращения Масарика на родину (21 декабря 1918 г.) президентские функции выполняло правительство.

Однако провозглашение чехословацкого государства еще не означало его создания⁵⁹. Необходимо было определить внутренние принципы строительства нового государства, его внешнеполитические границы. Под влиянием сильной радикализации масс, в связи с войной и революционными событиями в других странах, было решено, что новое государство станет демократической республикой. Однако президента Масарика некоторые называли "моральным диктатором"⁶⁰. Был также выработан общий принцип, что Чехословакия станет "национальным" государством чехов и словаков. Внешнеполитические контуры государства были лишь обозначены, окончательное решение надлежало принять на Парижской мирной конференции. В начале Масарик планировал сам участвовать в ее работе, переоценивая свое влияние в западных кругах и надеясь даже стать пятым членом совета четырех: США, Великобритании, Франции и Италии⁶¹. Однако затем было решено, что представлять Чехословацкую республику на Парижской мирной конференции будут К. Крамарж и Э. Бенеш.

Незадолго до отъезда в Париж 8 января 1919 г. на К. Крамаржа было совершено покушение. В 14 часов Крамарж выхо-

дил из зала аудиенций на Граде и незнакомый молодой человек выстрелил в него из пистолета. Карела спасла счастливая случайность, подтверждающая всеобщее правило: что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным — пуля застряла в солидном бумажнике Крамаржа, не причинив ему вреда. Покушавшимся оказался анархист А. Счастный, который был арестован на месте преступления. Многих возмутило это преступление. Известный художник Альфонс Муха на следующий день отправил Крамаржу письмо с выражением искренней симпатии, в котором писал, что очень огорчен совершенным нападением и рад, что Крамаржа хранила его звезда⁶². Т.Г. Масарик также прислал Надежде Николаевне письмо в связи с покушением на мужа, в котором отмечал: "Ваш муж родился в рубашке — избежал смертельного приговора в Австрии, а теперь этого второго покушения на свою жизнь". Далее он добавлял: "В свободной республике нет и не должно быть места террору"⁶³.

Однако левыми против Крамаржа была развязана кампания в печати, в частности, "Právo ludu" вопрошала, почему-де ему не простить бедного неразумного молоденького мальчика, покушение которого не удалось. Крамарж и правда всерьез подумывает о прощении, ставя условием письменное обращение к нему самого виновного с раскаянием и просьбой о прощении, что Надежда Николаевна совершенно не понимает.

Несмотря на пережитые волнения, уже спустя несколько дней Крамарж едет главой делегации на мирную конференцию в Париж.

¹ См. о нем: Милан Рагислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001.

² См.: R. W. Seton-Watson. Documents 1906—1951. Martin, 1995. Vol. 1. P. 25—29, 201—269.

³ Милан Рагислав Штефаник. Новый взгляд... С. 15—17, 23—27, 67—68, 116.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВПРИ.) Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 35.

⁵ Там же. Л. 35 об.

⁶ Там же. Л. 36.

⁷ Russland und Europa, Studien über die geistigen Strömungen in Russland. См. пер. на русс. яз.: Масарик Т.Г. Россия и Европа. СПб., 2000. Ч. 1.

⁸ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 53.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 54.

¹¹ Там же Л. 36.

¹² Там же. Д. 204. Л. 131.

¹³ Там же. Л. 132.

¹⁴ Там же. Л. 133.

¹⁵ Там же Л. 135.

- ¹⁶ Российский государственный военный архив. (Далее: РГВА.) Ф. 1198к. Д. 29. Л. 49.
- ¹⁷ Там же. Л. 51.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 77.
- ²⁰ Там же. Л. 104.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Л. 105.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. Л. 106.
- ²⁶ РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 27. Л. 2 об.
- ²⁷ Сыхрава Лев (1887 – 1958) – чешский политик и журналист.
- ²⁸ РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 27. Л. 2, 2об.
- ²⁹ Биржевые ведомости. 1916. 13 нояб.; Вечернее время. 1916. 17 нояб.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 113.
- ³¹ Русская воля. 1916. 22 дек.
- ³² Там же.
- ³³ Русская воля. 1917. 17 марта.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Речь. 1917. 23 марта.
- ³⁶ О встречах Масарика с Милюковым см. лекцию проф. П.Н. Милюкова в клубе "Современность" ("Přítomnost") от 8 января 1936 г. // Archiv Národního Muzea. (Далее: АНМ.) F.K. Kramář. Kart. 103.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Вечернее время. 1917. 3 мая; Новое время. 1917. 4 мая.
- ³⁹ Об отношении Масарика к большевизму см.: *Серационова Е.П.* Критика Т.Г. Масариком большевизма // "Восточноевропейский социализм": становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992. С. 21 – 31. О реакции Крамаржа и Масарика на октябрьские события см. также: Сладек З. Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // *Rossica V – VI* (2000 – 2001). Praha, 2001. S. 39 – 43; *Серационова Е.П.* Т.Г. Масарик и К. Крамарж: отношение к России // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2002. С. 138 – 139.
- ⁴⁰ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1973. Т. 1. С. 20 – 21, 28 – 29, *Documenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa 1918.* Praha, 1994. S. 135 – 136.
- ⁴¹ ДМИСЧО... Т. 1. С. 147.
- ⁴² Письмо МИД Франции Э. Бенешу о признании французским правительством Чехословацкого национального совета в Париже руководящим органом чехословацкого национально-освободительного движения датируется 29 июня 1918 г. См.: РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 40; также *Dokumenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa 1918.* (DČZP) Praha, 1994. S. 142 – 143. 9 августа последовало признание со стороны Англии (См.: РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 43, DČZP S. 201 – 202. Далее последовала волна дипломатических признаний.
- ⁴³ Милан Рагислав Штефаник. Новый взгляд... С. 48 – 49, 117, 122.
- ⁴⁴ ДМИСЧО... Т. 1. С. 222 – 223.
- ⁴⁵ Там же. С. 211.

- ⁴⁶ Herman K. Sládek Z. Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971. S. 46.
- ⁴⁷ Речь шла как раз о К. Крамарже, А. Рашине, В. Клофаче, В. Хоце, Р. Бехине и др. См.: DČZP. S. 31, 35.
- ⁴⁸ DČZP... S. 84 – 86.
- ⁴⁹ Ibid. S. 90 – 91.
- ⁵⁰ Ibid. S. 108 – 109.
- ⁵¹ Vencovský F. Karel Kramář. Život a dílo. Praha, 1992. S. 21.
- ⁵² DČZP... S. 163.
- ⁵³ Ibid. S. 163 – 164.
- ⁵⁴ Ibid. S. 278 – 280.
- ⁵⁵ Ibid. S. 290 – 291.
- ⁵⁶ Ibid. S. 332 – 334. 30 октября словацкие представители высказались за присоединение к чехословацкому государству, см.: DČZP... S. 345 – 346, Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. Století. Československé vztahy 1914 – 1945. Bratislava, 1997. S. 58 – 59.
- ⁵⁷ РГВА. Ф. 1198к. Д. 52. Л. 1 – 2, см. также: DČZP... S. 348 – 349.
- ⁵⁸ Klimek A. Boj o Hrad. Vol. 1 Hrad a pětka. Vnitropolitický vývoj Československa (1918 – 1926) na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví. Praha, 1996. S. 20.
- ⁵⁹ Kvaček R. Ke vzniku Československa // Československo 1918 – 1938. Osudy demokracie ve střední Evropě. Praha, 1999. Sv. 1. S. 30.
- ⁶⁰ Klimek A. Boj o Hrad. Sv. 1. Hrad a pětka (1918 – 1926). S. 33.
- ⁶¹ Ibid. S. 31 – 32.
- ⁶² ANM. F.K. Kramář. Kart. 13. Osobní korespondence.
- ⁶³ Ibid.

Глава 11

Парижская мирная конференция. Проект Конституции Российского государства К. Крамаржа

*

На Парижской мирной конференции, призванной решать судьбы будущей Европы, Чехословацкую республику официально представляли Карел Крамарж и Эдвард Бенеш, генеральным секретарем стал Ш. Оуский, секретарями М. Плесингер-Божинов, К. Душек, В. Славик, позднее Й. Новак¹. Крамарж как председатель правительства возглавил чехословацкую делегацию, куда помимо перечисленных выше лиц входили многочисленные советники, переводчики и технический персонал, в целом около 80 человек².

Нередко чешские историки упрекают Крамаржа, что вместо того чтобы решать важные проблемы установления государственных границ, урегулирования отношений с соседями и обеспечения гарантий независимости Чехословакии, он в основном сосредоточился на решении "русского вопроса". На наш взгляд, это было вполне объяснимо, и абсолютно укладывалось в политические концепции чехословацкого лидера. Крамарж мыслил стратегически. Как и в довоенный период, он продолжал считать, что внешнеполитической гарантией существования чехословацкого государства может быть лишь сильная и дружественная Россия. Поэтому в освобождении российского государства от большевизма, восстановлении его былой мощи и влияния Крамарж видел основную задачу. Можно сказать, что он руководствовался не абстрактной филантропией, мыслил не только категориями "морального долга пред Россией" (на которые он часто ссылался в своих речах и статьях, — это скорее дань риторике), а именно национальными интересами своей страны. По мысли Крамаржа, освобождение России от большевизма могло бы остановить его распространение в Европе. Восстановление Россией своего положения среди держав Антанты могло содействовать равновесию сил и предотвратить угрозу ее союза с Германией. Кроме того, по мнению

некоторых историков, именно "русский вопрос" был одним из центральных на Парижской мирной конференции³.

Крамарж, привыкший к положению политика, представлявшего большое европейское государство — Австро-Венгрию, несколько переоценивал свой вес на конференции среди союзников, стремясь влиять на основные решения форума. Но теперь он был представителем малой страны, вновь созданного государства, границы которого лишь предстояло определить. Его претензии на роль равного среди основных победителей не могли оправдаться. Бенеш, во время войны живший на Западе и хорошо знавший расстановку сил, был более искушен в деталях. Однако в преувеличении своего международного положения Крамарж был не одинок. Как пишет современный чешский исследователь А. Клиmek, чехословацкий президент Масарик накануне конференции тоже тешил себя надеждами, что может стать пятым членом в совете главных деятелей конференции, наряду с представителями США, Великобритании, Франции и Италии⁴.

Стремление заниматься "большой политикой" заставляло Крамаржа сосредоточиться на "русском вопросе" и предоставить Бенешу решение тактических задач чехословацкой политики, связанных с подготовкой детальных требований ЧСР. Конечно же, и личную мотивировку заинтересованности Крамаржа в решении российских проблем недооценивать нельзя. Крамарж состоял в активной переписке с женой, которая очень хотела приехать в Париж вкиснуть парижской жизни, пообщаться с бывшими соотечественниками и насладиться положением супруги "ведущего" европейского политика. 18 января Надежда Николаевна писала Карелу в Париж о том, что у нее были два офицера, приехавшие из России, рассказывали об ужасах большевиков, об армии Деникина⁵, просила мужа выступить за интервенцию Антанты в Россию⁶. Судя по письмам, супруга неназойливо руководила им, подавала идеи, тешила его самолюбие и укрепляла честолюбивые планы. В очередном письме от 20 января она описывала демонстрацию фильма о возвращении Масарика на родину, сообщая, что, когда на экране появился Крамарж, в зале раздались бурные аплодисменты, а далее шла приписка: "Масарик у тоже аплодировали, но не так"⁷. В том же письме она уверяла: "Все, что с тобой происходит, служит твоей все большей славе... Говорят, что ты стал теперь чрезвычайно популярен, как еще никогда не был. Получила твое письмо из Инсбрука. Мы были там молодыми. И тогда тебя к смерти никто не приговаривал, по тюрьмам не таскали, но и славы той не было"⁸. Возвращаясь к рассказу о России, она пишет: «Русский офицер мне сказал, что народ не доволен большевиками и

давно бы их режим отстранил бы, но не знает, что на его место поставить. Поэтому будет хорошо, обожаемый Мирлуша (в семье были приняты прозвища. — Е.С.), если ты в Париже дашь русским людям программу устройства государства "Что делать?"»⁹. Надежде Николаевне безусловно льстило, что ее супруг находится в европейской столице, где вершатся судьбы Европы. 22 января она восклицала: "Ты уже, наверное говорил с Клемансо, Фошем, Ллойд Джоржем и пресловутым Вильсоном. В каком ты обществе! И как на своем настоящем месте!... Еще много недель оставайся в прекрасной Франции. Это мое горячее желание"¹⁰.

Достаточно негативная оценка деятельности Крамаржа в Париже, устоявшаяся в чешской историографии, связана еще и с крайне отрицательными оценками и суждениями на его счет Э. Бенеша, докладывавшего Масарику в Прагу. Бенеш, что вообще свойственно многим политикам, всегда отличался желанием подчеркнуть свое значение на фоне резких выпадов против других политических деятелей, которых рассматривал как соперников, ревниво стремясь ограничить их влияние на президента¹¹.

Отсутствие представителей России на конференции также заставляло Крамаржа считать себя защитником ее интересов и с самого начала конференции (18 января 1919 г.) работать в этом направлении. 3 февраля он отправляет свой меморандум правительству и президенту¹². Однако его план борьбы с большевиками не находит поддержки в Чехословакии, где после войны, как и в других странах Европы, широко распространились левые настроения, чувствовался революционный подъем и симпатии к Советской России. В интервью французскому журналу "Le Temps" Т.Г. Масарик высказывается против вмешательства во внутренние дела России. Крамарж в письме президенту от 14 февраля не скрывает своего негодования по поводу интервью, отмечая, что оно дезавуирует все, что они делали вместе с Бенешем на конференции и что отвечает желанию Штефаника¹³. Однако не только президент и правительство, но и ближайшие политические сторонники Крамаржа, включая министра финансов А. Рашина, не поддержали его план уничтожить большевизм силами чехословацких добровольцев. Крамарж полагал возможным не эвакуацию чехословацких легионеров через Дальний Восток по соглашению с большевиками, а их возвращение домой в западном направлении, одновременно освобождая центральные области России и Москву. Когда он понял тщетность этих планов, возникла другая идея.

16 февраля 1919 г. Бенеш писал в Прагу: "Здесь родился новый план: сформировать специально в Чехии армию из плен-

ных, по возможности концентрировать русских пленных у нас и установить контроль чехословацкого правительства над этой армией, организовать ее насколько возможно, и таким образом осуществить на территории Чехословакии то, что мы сделали со своими войсками в России"¹⁴. Впоследствии планировалось обратиться за военной помощью к чехам и другим славянам, прежде всего к югославянам. Бенеш сообщал, что Франция хотела бы посодействовать этому плану, пообещав русским полную финансовую поддержку и всестороннюю помощь в снаряжении армии, снабжении ее боеприпасами, оружием и деньгами. По словам Бенеша, этот план поддерживали русские политики Г.Е. Львов, С.Д. Сазонов, В.А. Маклаков, М.Н. Гирс, Н.В. Чайковский и Б.В. Савинков. Бенеш сообщал: "Д-р Крамарж полностью принимает этот план, поддерживает его, действует в его пользу и согласился бы с его немедленным осуществлением... Он думает, что из русских пленных в Чехии и Германии возможно сформировать корпус в 100 тысяч солдат и что летом мы смогли бы развернуть в нашей стране движение за создание чехословацкой добровольческой армии, которая была бы довольно сильной, он рассчитывает примерно на 150 тыс. человек, и которая под лозунгом похода во имя освобождения наших легионеров в Сибири вместе со сформированной у нас русской армией выступила бы в поход на Москву. Савинков предложил мне и д-ру Крамаржу свой план. Д-р Крамарж много беседовал об этих делах с русскими, и Савинков хотел бы также знать мое мнение и получить мое согласие"¹⁵.

Бенеш же придерживался совершенно другой точки зрения. Он откровенно заявлял Масарику: "Я абсолютно не верю в успех и возможность осуществления кампании в таком масштабе и такого характера, как намечено в этом плане"¹⁶. Однако, будучи истинным дипломатом, таких откровений ни Крамаржу, который наивно полагал, что действует с Бенешем заодно, ни французам, ни, тем более, русским Бенеш не высказывал. Масарику он признавался: "Я осторожен. Учитывая обстановку среди русских и нашу будущую политику в отношении России, я не считаю также тактически верным априори отказывать им во всем и хотел бы занять следующую позицию: пусть они сначала сами покажут, что они способны организовать, а затем можно было бы думать о том, чтобы другие пришли им на помощь"¹⁷.

Планам организации русской армии из военнопленных не суждено было сбыться. Оценивая сегодня планы Крамаржа по организации военной интервенции в Россию, надо признать, что, возможно, сильное совместное выступление союзников в помощь армиям Колчака и Деникина могло бы решительно по-

влиять на исход борьбы с большевиками, но проблема состояла в том, что после стольких лет войны солдаты не хотели больше воевать. Вот как описывает попытку вербовать добровольцев из русских военнопленных в лагере Хоцна 27 июня 1919 г. историк из Праги И. Савицкий: «Русский капитан Павлов в присутствии членов комиссии обратился к собравшимся воинам и подробно изложил им цели набора. После него выступил представитель чехословацкого министерства национальной обороны и капитан чехословацкой армии Папоушек и от лица комиссии уверил воинов, что набор исключительно добровольный и никого не будут принуждать вступать в упомянутую воинскую часть. Потом было дано "небольшое время" подумать, а когда никто в течение этого времени не вызвался вступить, набор был объявлен законченным»¹⁸.

К тому же среди политических верхов союзников не было единства по вопросу о военной интервенции в Россию. Некоторые из них, как, например, Вудро Вильсон, исходя из своих геополитических интересов, не были заинтересованы в усилении России, и даже какое-то время предполагали возможным сотрудничать с большевиками¹⁹. Крамарж в своей работе "Пять лекций о заграничной политике" вспоминал о позиции Великобритании: как только угроза верховенства Германии была ликвидирована, английская политика под руководством Ллойд Джорджа вернулась к своей традиционной враждебности по отношению к России. "Г-н Ллойд Джордж, — писал Крамарж, — и все те, которые делали эту политику, хотели и хотят иметь Россию слабой и как можно дольше распавшейся, о которой в обозримом будущем не надо вспоминать ни в экономическом, ни политическом плане. И вполне характерно, что Ллойд Джордж в самом начале хотел даже позвать большевиков в Париж на конференцию, а когда это не удалось, так как Франция не желала этого допустить, — было решено позвать большевиков и других честных русских на Принцезы острова"²⁰. Накануне Парижской мирной конференции Клемансо, Фош и Черчилль высказывались за военные действия против Советской России, американцы и Ллойд Джордж — против вмешательства в ее внутренние дела²¹.

Уже в середине марта заведующий отделом попечения о пленных министерства национальной обороны П. Макса писал своему министру В. Клофачу: "Я думаю, что сейчас вне дискуссии вопрос об организации чехословацким государством нового собственного военного похода в Россию. Такова единодушная точка зрения всех ведущих деятелей республики... Некоторые русские политики за границей... выступили с планом организации из пленных, находящихся в Германии и у нас, запад-

ной армии, которая бы двинулась в Россию под лозунгом Учредительного собрания, усиленная чехословацкой, югославянской и румынской добровольческими армиями. Эта кампания осуждена на неудачу уже потому, что среди масс пленных в Германии нет желания добровольно вступить в армию и в особенности потому, что среди этой массы растут антисоюзнические настроения, т.к. союзники не разрешают им вернуться на родину, восстановили порядок строгого сосредоточения в лагерях и т.п. Парижская акция до сих пор находится в начальной стадии и обречена на неудачу"²². Постепенно среди союзников и чехословацких военно-политических кругов крепла идея репатриации русских пленных по Дунаю.

Но вопрос о том, как относиться к Советской России был лишь частью проблемы. Вставал и очень важный вопрос о том, какой быть новой России — России без большевиков. Многие западные политики, а также чехословацкие, включая Бенеша и Крамаржа (здесь их позиции сходились), не верили, что большевистский режим просуществует сколько-нибудь долго. Поэтому важно было решить, какой должна стать Россия.

Главное командование белогвардейцев наметило своим представителем на Парижскую мирную конференцию С.Д. Сазонова. Он был назначен министром иностранных дел Сибирского или "Российского правительства" адмирала Колчака, управляющим Дипломатическим отделом "Особого совещания" при генерале Деникине. Крымское правительство признало его крымским представителем, равно как и Донское правительство генерала Краснова, выделившее ему технических советников по вопросам, затрагивавшим интересы Дона. Кубанская краевая рада решила направить свою делегацию в Париж, во главе ее поставили Л.Л. Быча. Кубанское правительство трех своих представителей прикомандировало к Сазонову на тех же основаниях, что и донцы. Но союзники не допустили С.Д. Сазонова на мирную конференцию, и, по словам К.Н. Соколова, "русская делегация была обречена прозябать на положении делегаций разных угнетенных народностей или даже худшем"²³. Приехав в Париж, С.Д. Сазонов нашел там уже сформированное из русских дипломатов и общественных деятелей Русское политическое совещание. Будучи уполномочен А.В. Колчаком и А.И. Деникиным, в интересах единства Сазонов присоединился к "Политическому совещанию". Полномочия кубанцев ему не были переданы²⁴.

В состав совещания вошли послы и посланники В.А. Маклаков, М.Н. Гирс, Б.А. Бахметьев, М.А. Стахович К.Н. Гулькевич, И.Н. Ефремов, бывшие министры иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов и А.П. Извольский, бывший ми-

нистр Временного правительства А.И. Коновалов, глава Архангельского правительства Н.В. Чайковский, С.А. Иванов, член Кубанского правительства Н.С. Долгополов и Б.В. Савинков. Председателем Совещания был избран бывший первый премьер Временного правительства князь Г.Е. Львов. Руководящим органом Совещания стала Русская политическая делегация (Львов, Маклаков, Сазонов, Чайковский, Савинков) — своеобразное эмигрантское правительство, представлявшее в странах Антанты белые армии²⁵. Полномочия Делегации представлять интересы России были подтверждены Колчаком и Деникиным²⁶. При Совещании работал ряд комитетов и комиссий, которые разрабатывали общие принципы государственного устройства России, обосновывали принципы экономического и политического единства страны. Это было вызвано и тем обстоятельством, что представители различных национальностей бывшей Российской империи вели в Париже усиленную агитацию в пользу предоставления им государственной независимости. Англия, по словам Крамаржа, поддерживала создание независимых прибалтийских государств, тем самым стремясь лишить Россию выхода к Балтийскому морю, и отделение кавказских государств от России, пытаясь прибрать богатое нефтью Баку²⁷. Представители Русского политического совещания в Париже просили допустить их в качестве представителей России на конференцию. Но на совещании 12 января 1919 г. было принято предложение французского министра иностранных дел С. Пишона о том, что Россия на конференции представлена не будет, но отдельные лица могут излагать свои суждения в виде меморандумов²⁸.

Военно-исторический и статистический комитет при Русском политическом совещании в Париже начал свою работу еще в начале ноября 1918 г. В заседаниях комитета принимали участие бывший начальник Военно-морского отдела Генерального штаба генерал-лейтенант В.Е. Вязьмитинов, товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов, состоявший в распоряжении министра иностранных дел в колчаковском правительстве С.Д. Сазонова, и знакомый с вопросами политической экономики В.И. Савицкий, а также генералы Генерального штаба, служившие долгие годы в пограничных военных округах России и знавшие местные условия разных окраин: генерал-майор Ефимов (Виленский округ), генерал-лейтенант Д.Н. Пархомов (Варшавский округ), генерал-майор Е.В. Масловский и В.В. Лазарев (Кавказский округ), генерал-майор В.И. Полавцев (Иркутский округ — Урянханский край и Кавказ), генерал-майор Корольков (Туркестан). Этот комитет (или особая смешанная комиссия) был создан по приказу главнокомандующего

А.И. Деникина для разработки вопросов стратегической важности, подлежащих обсуждению на конференции. Всесторонне рассматривались четыре главных вопроса: о границах, о проливах, о морях и об условиях "временной помощи живой силой от держав Согласия на территорию Южной России до сформирования Российской вооруженной силы, необходимой для решительной борьбы с большевиками до конца"²⁹.

На втором заседании комиссии (7 ноября 1918 г.) были выработаны главные руководящие принципы для российских представителей на международной конференции. Они сводились к следующему: 1) сохранить довоенные границы, за исключением Польши, которой было дано обещание восстановить ее государственность, но при этом воссоединить с Россией земли Галиции и Буковины, которые, как значилось в документе, — "исстари тяготели к России по духу, языку и религии, и которые исторически составляли одно целое с Киевским великокняжеским уделом"³⁰; 2) не предоставлять никаких территориальных уступок за оказываемую союзниками помощь, так как эта помощь важна не только для русских, но и для самих союзников из-за того, что организованный большевизм представляет угрозу для всего мира. В этом же пункте указывалось на необходимость избегать и экономических уступок; 3) отстаивать свободный выход к Черному и Каспийскому морям; 4) отвергнуть образование мелких самостоятельных новых "государственностей" (так называемых буферных). Здесь же подчеркивалось, что "такие образования только вредны с точки зрения прочного международного мира, ибо всегда будут являться источником недоразумений и вмешательства со стороны (в частности Латвия, Белоруссия, Литва, Грузия и т.д.)"³¹; 5) объединить в едином органе оборону всех государственных границ, создать единство армии, флота, путей сообщения, оборонных учреждений и предприятий; 6) в состав делегаций на мирную конференцию ввести не только дипломатов, но и военных; 7) стратегически важные для обороны предприятия поставить под контроль русской государственной власти, монополизация их иностранцами исключается; 8) обеспечить полный возврат захваченного русского военного и государственного имущества, а также имущества общественных организаций и частных лиц или возмещение его материальной стоимости; 9) признать недействительными все договора 1917—1918 гг. новых "частичных государственностей" с враждебными России державами; 10) стремиться обеспечить России беспрепятственное торговое общение с иностранными государствами по водным путям; 11) ограничить иностранное участие в добыче и сбыте полезных ископаемых и поставить его под специальный контроль.

Очень подробно данная комиссия рассматривала вопросы границ. Интересно, например, что вопрос границ с Австро-Венгрией, ввиду ее распада, предполагали решать по отдельным областям. Выгодным для интересов России считалось присоединение к ней Бессарабии (так как 75% жителей там были русскими), Буковины (также основываясь на этнографическом принципе и соображениях военно-стратегического характера), укро-русов, проживавших по ту сторону Карпат³². В отношении последних говорилось: "Как русские они тяготеют к России, с которой и должны быть воссоединены. Как показал опыт войны и революции — оставление части русской территории в чужих руках угрожает целостности России и является базой для всякого рода интриг, направленных против национального, культурного и политического единства русского народа. С присоединением их к России, наша граница пройдет по южную сторону Карпат, что выгодно и в военном отношении и кроме того, благодаря этому мы войдем в соприкосновение с чехо-словаками"³³. Общая граница с Чехословакией рассматривалась как весьма выгодная "как в отношении российского государственного строительства, так и в экономическом"³⁴.

Экономические выгоды общей границы обосновывались тем, что промышленно развитая Чехия могла бы сбывать на российском рынке свои товары, которые в России производились в недостаточном количестве и до войны поставлялись туда в основном из Германии (станки для оборудования заводов и фабрик, сельскохозяйственные машины и орудия, технические принадлежности, продукты химической промышленности). Другие экспортные чехословацкие товары, по мнению членов комиссии, серьезной конкуренции для России не составляли (сахар, пиво, спички, табак, мука, крахмал, хмель). Кроме того, даже если какие-либо отрицательные последствия проникновения чехословацких товаров на российский рынок возникли бы, они с избытком компенсировались бы выгодами сбыта на чехословацком рынке российского сырья (кожи, мехов, шерсти и других продуктов для технической промышленности, марганца и пр.) и металлов. Для России была бы также выгодна неизбежная конкуренция чехословацких и польских промышленных товаров на российских рынках. С точки зрения политической, общая чехословако-российская граница признавалась важной, так как Россия получала бы "возможность влиять на их жизнь и через них на югославян"³⁵. В заключении анализа плюсов и минусов совместной с чехами и словаками границы отмечалось: "Отрицательным является то, что нам придется поддерживать чехословаков и защищать их!"³⁶

Финансово-экономическая комиссия при русском политическом совещании в Париже готовила экономические требования России на мирной конференции. Особое мнение члена комиссии К.Л. Вейдемиллера состояло в необходимости: 1) уничтожения Брест-Литовского и дополнительного к нему мирного договора, равно как и всех экономических обязательств, из него вытекающих, возвращения уплаченной уже части военной контрибуции и вывезенного из России золота; 2) сохранения за Россией ее географических границ, возвращения всех отторгнутых у нее областей, за исключением Польши,... признания ее единой; 3) обеспечения свободного выхода в Средиземное море; 4) принятия мер к стабилизации русской валюты, предоставления России кредита на определенных условиях; 5) вступления России в таможенно-договорные отношения со всеми государствами "Лиги Наций"; 6) признания недействительными всех сделок гражданского характера между русскими гражданами, с одной стороны, и гражданами немецкой, австрийской, турецкой и болгарской национальностей — с другой, после Брест-Литовского договора; 7) в переходный период между концом войны и возвращением к нормальным условиям полноправного членства России во всех международных организациях; 8) принятия Россией участия в составлении международного законодательства, касающегося участия как иностранных граждан, так и иностранных капиталов в национальных предприятиях³⁷. Экономические предпосылки сохранения единства России, по мнению российских политиков и экономистов, обуславливались естественно-географическими условиями, распределением и движением населения, исторически сложившимися связями и финансовыми факторами прошлого и ближайшего будущего³⁸.

В подробном экономическом очерке Н.Н. Нордмана "Можно ли дробить Россию?" указывалось: "Вопрос о выделении в самостоятельные государства некоторых русских областей с экономической точки зрения значительно упростился бы, если бы было возможно превратить Россию в страну, производящую главным образом сырье, в обмен на которое западные страны снабжали бы ее предметами промышленного производства. Такие предположения существуют и нередко высказываются в печати. Но это совершенно ложная идея"³⁹. В заключении своего очерка автор подчеркивал, что "расчленение России с экономической точки зрения представляется чрезвычайно опасным и грозит в ближайшем же будущем новыми осложнениями. Поэтому единственным правильным разрешением вопроса о будущем государственном устройстве России является такая государственная форма, которая, с одной стороны, дава-

ла бы возможность свободного развития нациям, входящим ныне в состав России, а с другой, — обеспечивала бы единство русского хозяйственного организма"⁴⁰.

Русские политики отстаивали единство России не только с экономических позиций. Сопровождение послов и общественных деятелей, собравшееся в Париже приняло резолюцию, в которой провозглашались начала нового российского политического устройства. В преамбуле документа заявлялось, что "мировая война и революция положили грань между старой и новой Россией, и когда бы ни был восстановлен в ней порядок, он не будет основан на тех началах, на которых покоился старый режим"⁴¹. Специально подчеркивалось, что новая Россия будет основана на демократических принципах. В резолюции говорилось: "Власть будет исходить от народа в учреждениях, им самим установленных, гарантирующих ему неотъемлемость его суверенитета и ответственность власти перед ним"⁴². Гарантировались ликвидация ограничений, связанных с религией, происхождением или сословием, уничтожение наследственных преимуществ и классовых привилегий. Провозглашалось равенство всех перед законом, равный доступ для каждого "во все отрасли и на все ступени государственной и общественной жизни"⁴³, государственная защита труда. Разрешение крестьянского вопроса предполагалось "не восстановлением прежнего, а легальным увеличением площади крестьянского землевладения и внесением принципов права в совершившийся стихийный процесс (самовольного захвата крестьянами земель. — *Е.С.*)"⁴⁴. Будущая децентрализация управления рассматривалась в резолюции не только как опора власти, но и школа гражданского общества. В резолюции высказывалась уверенность, что, несмотря на всю сложность, задача сочетания жизненных интересов государства, как целого, с правами и интересами народностей будет разрешена в какой-либо политической форме (федерация, автономия) с тем, чтобы "уничтожить в корне ...искусственные поводы к нездоровому сепаратизму"⁴⁵. В конце резолюции декларировалась верность России международным обязательствам, но одновременно заявлялось о праве на возмещение России за счет неприятеля причиненных ей войной убытков. А также заявлялось, что Россия "не может поступиться ни созданным вековыми усилиями народным достоянием, ни государственным своим единством"⁴⁶.

Несмотря на все усилия и тщательную подготовку к конференции, как уже говорилось, союзники не включили Россию в число равноправных участников. Было принято предложение С. Пишона, что Россия на конференции представлена не будет, но отдельные лица могут быть опрошены и могут излагать свои

суждения в виде меморандумов⁴⁷. По этому поводу полковник Котович в своей записке в военно-исторический и статистический комитет при Русском политическом совещании писал: "Сила, которой обладают сейчас союзники, обеспечивает им неограниченную возможность ставить себя в любые условия по отношению к России. Однако в мире нет элемента более хрупкого, нежели сила..."⁴⁸ Он полагал, что союзники не могут забывать услуг, оказанных Россией Союзу и "обязаны в своих действиях по отношению к России руководствоваться соображениями о том, что: 1) если минувшая война была восстанием против германского засилья, то России принадлежит заслуга первой его поднять, 2) если жертвы, принесенные союзниками в эту войну большие, то и жертвы, принесенные Россией, во всяком случае, не меньшие, 3) что если союзники хотели бы применить к России принцип свободного самоопределения всех наций, что несомненно ослабит ее мировое положение, то во имя справедливости тот же принцип должен быть применен ими и к себе, 4) что если, обратно, вопреки этим принципам союзники присоединят к себе части владений противников, то и России принадлежит часть завоеванных, хотя бы в дальнейшем она бы и отказалась от своих прав на эту часть, 5) что если союзники считают возможным покрытие расходов и убытков, связанных с войною за счет противников, то и Россия также имеет право на подобное возмещение и, наконец, 6) что преждевременный выход России из борьбы не исключает ее прав на участие в совместной с союзниками ликвидации ее, ибо сей выход состоялся лишь в силу глубинного внутреннего заболевания, которое возникло в ней от переутомления войною"⁴⁹.

Все документы, разработанные к конференции, несмотря на некоторую расплывчатость формулировок и осторожные оговорки о том, что окончательное решение о государственных формах будет выработано законно избранным Учредительным собранием, свидетельствовали о либерально-демократическом подходе российских политиков в Париже к жизненно важным вопросам строительства новой России и об их безусловном патриотизме. Однако это были лишь общие подходы и принципы. Полного единства во взглядах о будущем России не было. Так, скажем, в уже упоминавшихся разработках об экономической необходимости сохранения единства страны Вейдемиллер писал о том, что Финляндия вместе с Балтийскими провинциями должна быть сохранена за Россией как выход к Балтийскому морю, тогда как Нордман считал, что выделение Финляндии в самостоятельное государство в экономическом отношении не вызовет особых затруднений, правда, оговаривался, что они могут возникнуть по соображениям стратегического характе-

ра. В деталях будущая государственная структура разработана не была, не было ответов на конкретные вопросы, например, как же предусматривается решить вопрос национальностей. Именно поэтому К. Крамарж, находясь в Париже и тесно общаясь с русскими представителями, решил написать проект конституции Российского государства. К своему проекту Крамарж относился лишь как к одному из вариантов, предлагаемых на обсуждение тем, кто в будущем призван будет выработать новую российскую конституцию, и как к примеру решения национального вопроса в многонациональном государстве "без федерации или конфедерации в единой великой России"⁵⁰.

Сам Крамарж объяснял причины написания основ конституции Российского государства тем, что в русской среде не получил точного и единого ответа на вопрос о том, каким образом русские предполагают разрешить вопрос национальностей. "Поэтому, — писал он в предисловии к конституции, — мне показалось полезным, чтоб, по крайней мере, представители в Париже могли объединиться на ясно сформулированной программе будущего устройства их отечества; и так как вся жизнь моя была посвящена борьбе за устройство федеративной Австрии, то вопросы централизма, автономии и федерации мне очень близки"⁵¹. Набросав проект, Крамарж дал его Б.В. Савинкову, а потом просмотрел его с Ю.В. Ключниковым. Последний оказался весьма полезен Крамаржу в разработке деталей, так как Крамарж не знал всех тонкостей русского государственного права. В Париже проект Крамаржа рассматривала группа лиц разных политических направлений, в составе князя Г.Е. Львова, П.Б. Струве, В.А. Маклакова, Б.В. Савинкова, М.А. Стаховича, М.М. Винавера и М.С. Аджемова.

Конституция состояла из небольшой преамбулы и семи глав. Развернутые примечания к ней были, судя по всему, написаны годом позже. В преамбуле указывалось, что форму и основы государственного устройства России определит Учредительное собрание. Основные же законы будут обеспечивать демократические принципы нового государства: свободу вероисповедания, национальностей, слова, печати, обществ, союзов и собраний, неприкосновенность личности, гарантируемые судом.

Первая глава конституции была посвящена функциям и полномочиям главы государства. Предполагалось, что избираться глава государства будет на общем собрании обеих палат парламента простым большинством голосов при обязательном кворуме не менее двух третей числа членов обеих палат. Глава государства должен был стать гарантом конституции. В случае отказа, смерти или отрешения по суду, новые выборы главы государства должны были проводиться не позже двух недель, во

время которых его полномочия переходили бы к председателю Государственного совета. В функции главы государства входило назначение и увольнение всех "общеимперских" и областных чиновников по согласованию с общеимперским канцлером и председателями областных министерств. Статья восьмая ограничивала законодательные права главы государства: "Ни один акт главы государства не имеет обязательной силы, если он не скреплен подписью канцлера или главой соответствующего ведомства", — говорилось в ней. Глава государства должен был санкционировать и обнародовать общегосударственные и областные законы, скрепленные ответственными министрами. Утверждать законы, принятые палатами, он обязывался в течение трех месяцев. В случае, если глава государства отказывался принять закон, а обе палаты приняли тот же закон без изменения вторично, глава государства должен был либо утвердить закон, либо распустить палаты. В случае принятия того же закона обеими палатами нового состава, глава государства обязан был немедленно утвердить закон. В полномочия главы государства входил созыв палат и областных сеймов, определение сроков их открытия и закрытия и право их роспуска. Глава государства имел также право по решению обеих палат объявлять войну, заключать мир и ратифицировать международные договоры. Он должен был являться верховным главнокомандующим армии и флота, назначать и увольнять офицеров всех чинов по предложению военного министра, а также обладал правом помилования, жалования орденов и других знаков отличия.

Глава вторая регулировала деятельность Государственной думы и Государственного совета. Гос. дума и Гос. совет должны были играть роль двух палат и осуществлять законодательную власть. Выборы в Государственную думу планировались как всеобщие, равные и тайные, срок ее действия определялся шестью годами. Право избирать в Думу гарантировалось всем гражданам, обладающим полными гражданскими правами и проживающим в месте выборов не менее года, достигшим 25-летнего возраста. Избираться в думу могли граждане с 30 лет. Члены палат пользовались правом неприкосновенности и не отвечали перед избирателями за речи и работу в парламенте. Судебному или административному преследованию они могли быть подвергнуты лишь с позволения палаты, а без него — задержанию или заключению лишь в случае опасности побега.

Члены Государственного совета должны были выбираться также на шесть лет областными сеймами по достижению сорокалетнего возраста. В компетенцию палат были включены вопросы: внешней политики (заключение международных договоров, объявление войны, подписание мира), прохождения воин-

ской службы, положения православной церкви, состояния государственных финансов (бюджет, налоги, подати, займы, монетная система, государственный банк), нормативов мер и весов, основания и функционирования банков и акционерных обществ, принятия таможенных пошлин, развития транспорта (тарифы, правила провоза и т.п.), почты, телеграфа, телефона, воспитания и школьного дела, социальной политики, гражданского, торгового и уголовного права, аграрной политики, охраны национальных богатств, государственных монополий, государственного управления, жандармерии и полиции, изменения основных законов (при двух третях голосов каждой из палат при наличии половины законного числа их членов). Гос. совет обладал правом отклонять или изменять законы, принятые Думой в течение шести месяцев со дня принятия. Если Государственная дума двумя третями голосов вторично примет закон, он поступает на утверждение главе государства помимо согласия Государственного совета. Члены палат имели право законодательной инициативы и запросов правительству. Сессии палат должны были проходить одновременно раз в году по созыву главы правительства.

Третья глава была посвящена общегосударственному управлению. Для управления государством предлагалось введение 11 постов министров и государственного канцлера. Они должны были нести ответственность перед Государственной думой, могли привлекаться в судебном порядке лишь по постановлению двух третей Думы и отвечать перед трибуналом из числа членов Государственного совета. Высшей судебной инстанцией должен был стать Верховный уголовный и гражданский и Верховный административный суды. Назначал председателя и членов судов глава государства по предложению министра юстиции, причем половина членов Верховного административного суда должна была назначаться из числа кандидатов, представляемых областными правительствами. Православная церковь подлежала управлению патриарха и святого синода. В общегосударственном ведении Крамарж предлагал оставить управление военной частью и жандармерией, таможенные дела, общеимперские финансы и налоги, пути сообщения, исключая местные, порты, почту, телеграф и телефон. Предполагалось ввести общегосударственную фабричную инспекцию, а также осуществлять единый и независимый государственный контроль. Для осуществления этого контроля главой государства назначался так называемый государственный контролер.

Разграничение общегосударственных и областных функций регламентировалось в четвертой главе конституции под названием "Областное законодательство и управление". Все госу-

дарство делилось соответственно национальным, экономическим и социальным условиям на отдельные области, управляемые областными сеймами и правительствами. Областные сеймы планировалось создать однопалатными и избирать на тех же основаниях, что и в Государственную думу сроком на шесть лет. Выборы должны были стать пропорциональными. Права депутатов сеймов быть аналогичны правам депутатов Думы. В компетенцию областных сеймов включалось: установление сметы областных доходов и расходов, учреждение разных училищ (кроме низших), принятие постановлений относительно применения и изучения русского языка, а также законодательства о местных областных и земских налогах, правах местных языков, местных храмов, местных путях сообщения, регулировании рек и строительстве каналов, аграрном праве, ремесленных корпорациях, социальной политике, учреждениях общественного здравоохранения и призрения, местном управлении и полиции.

Областное управление предполагалось осуществлять областным правительством в составе министра внутренних дел (как председателя совета министров) и семи министров, назначаемых главой государства по предложению председателя совета и за его подписью. Министры должны были быть ответственны перед областным сеймом за исполнение законов. Областные чиновники ниже четвертого класса подлежали назначению и увольнению областным правительством.

Пятая глава была посвящена вопросу о языках. Русский язык признавался государственным, на котором надлежало публиковать все законы. В областях общегосударственные законы подлежало публиковать на русском и местном языке. Областные законы необходимо было публиковать на языках, заседаний областных сеймов, и на русском. В общегосударственных центральных учреждениях допускался лишь русский язык, в местных областных учреждениях — язык, принятый областным сеймом. В областных сеймах могли использоваться языки, принятые решением областного сейма, и русский. Специально оговаривалось, что на ходатайства и заявления, поданные на русском языке, ответ дается на русском. На монетах, почтовых, гербовых марках — язык русский, на бумажных деньгах, по мнению Крамаржа, можно было обозначать ценность и на местном языке. Язык преподавания в школе должен был устанавливаться решением местных сеймов, но преподавание русского должно было быть обязательным во всех школах государства. На русском предлагалось обязательное ведение, по крайней мере в начальных и средних школах, преподавания русской истории, в нерусских университетах — русской истории, исто-

рии русского права, права гражданского, уголовного и судопроизводства. Все государственные чиновники должны были владеть русским языком. Низшие чиновники общегосударственных учреждений в областях обязаны были владеть местными языками. Все надписи правительственных учреждений, правительственные публикации и бумаги априори должны быть на русском языке.

Шестая глава касалась земств. Области в административном отношении предлагалось делить на губернии, уезды и волости, и на каждой территории иметь земства, куда выбирать представителей городов и деревень. Общее число гласных земств призваны были устанавливать областные сеймы в соответствии не только с числом жителей, но и с суммой уплаченных ими налогов. Статья 63 обрисовывала компетенции земств: устройство низших школ, общеобразовательных и специальных, постройка местных шоссе и их поддержание, устройство больниц и родильных приютов, организация медицинской помощи, учреждение опытных агрономических станций, образцовых хозяйств, губернских магазинов; элеваторов с очистительными станциями и т.п. Земства должны были весть устройством артезианских колодцев, резервуаров, лесоразведением, укреплением оврагов, устройством пожарной охраны, установлением способа покрытия земских нужд. Сферы компетенции губернских, уездных и волостных земств определяли областные сеймы. Они могли также передавать земствам часть своих полномочий. Чиновники в губерниях и уездах назначались областными правительствами и несли перед ним ответственность. Земства имели право запросов, на которые чиновники обязаны были отвечать. При губернаторе рекомендовалось учредить и периодически собирать общее собрание из должностных лиц в губернии. Все срочные распоряжения и указы полицейского и военного характера должен был принимать сам губернатор или уездный начальник под личную ответственность, не срочные дела определяли специальные смешанные комиссии из представителей соответствующих ведомств и гласных земств. Апелляции против решения местных властей обязан был рассматривать губернатор или областное правительство. По делам административной юстиции апелляция направлялась в административный суд области, а в последней инстанции в Верховный общегосударственный административный суд.

Последняя глава конституционного проекта определяла вопросы местного самоуправления в городах и деревнях. Предполагалось, что все жители не моложе 25 лет, проживающие в данном месте и обладающие гражданскими правами, могут выбирать свое представительство. Города и деревни будут забо-

титься о местных нуждах, порядке, чистоте, бедных и нетрудоспособных. Земства имели право возлагать на них определенные обязательства в отношении школ. Для местных нужд представительство имело право устанавливать особые прибавки к прямым и косвенным налогам, не превышающие 10% от установленных уездным земством или 20% от установленных земством губернским. Для этой цели уездные и губернские земства избирали специальные комиссии. Совет по городским и деревенским делам избирался из числа членов областного сейма и рассматривал местные апелляции. Дела административной юстиции большой важности разбирал административный суд главного города области.

Конституционный проект Крамаржа достаточно детально разбирал основы будущего государственного устройства России, полномочия центральных и местных органов власти, языковые вопросы.

Наиболее интересными были примечания к главным статьям конституции. В них Крамарж подробно отстаивал свою точку зрения, почему Россия должна остаться единой, предоставив автономию областям, а не переходить на федеративный принцип устройства. Он считал, что сам спор об этом возник из-за небрежного употребления слов федерация и автономия. Само понятие "федерация", по его мнению, предполагало "добровольный договор независимых, самостоятельных государств о соединении в одно федеративное государство для точно определенных государственных целей"⁵². В пример он приводил Соединенные штаты Америки, Швейцарию, Германию. Крамарж утверждал, что свободных государств в России не было, поэтому там нет и субъектов для подобного договора. Он резко выступал против попыток некоторых представителей национальных окраин добиться признания их независимости от России. В этой связи чехословацкий премьер писал: "Тот факт, что в каждой национальности нашлось несколько человек, более или менее видных деятелей, которые в Париже провозгласили себя представителями того или другого нового государства, этот факт не может все же быть достаточным, чтобы эти государства в смысле международного права действительно существовали. Для этого было бы нужно не только признание их державами, но и добровольное или вынужденное согласие государства, частью которого они были, т.е. России. Во всяком случае, нельзя говорить о новых государствах без формального международного акта"⁵³. Он продолжал: «Нельзя творить государства подобно тому, как открывают лавочки или фабрики, и не достаточно о том заявления в газетах или посланки письма к председателю конференции об "открытии" государства и его конторы

в Париже»⁵⁴. Признание союзными державами окраинных правительств *de facto* еще не означает их признания *de jure*.

Вопрос о российских границах, согласно Крамаржу, могло решить лишь Учредительное собрание, для которого все мирные договоры, заключенные советским правительством с этими "государствами", законной силы не имели. Глава чехословацкой делегации в Париже заявлял: "Я сомневаюсь, что Россия начнет свою новую жизнь согласием на расчленение своей земли, которую ее народ в столетних боях собрал своею кровью, не из жадности к чужому добру, а просто потому, что хотел свободно дышать, а это ни для какого великого народа невозможно без свободного доступа к морю"⁵⁵. Далее его рассуждения почти дословно повторяли аргументацию представителей Русского политического совещания: "Русский народ не может допустить, чтоб маленькие народности по побережью Балтийского моря милостиво разрешали ему выход в широкий Божий мир и чтобы выход этот по желанию могли закрыть. Так же на Каспийском море Россия не может допустить существования таких государств, которые могли бы официально и еще чаще неофициально препятствовать свободному плаванию русских кораблей по этому внутреннему русскому морю, наполненному водой русской Волги"⁵⁶. Крамарж предупреждал, что "хотеть этого — значит хотеть будущих войн, потому что великий народ просто не может не стремиться всеми силами к тому, чтобы исправить ошибки свои или своих представителей, тем более если этими ошибками были затронуты его жизненные интересы. Это вопрос чести и достоинства будущей России"⁵⁷. "Итак, — делал он вывод, — для нее никаких государств, возникших на ее территории, не существует и, наверное, (здесь он очень ошибался!) существовать не будет. Следовательно, нет юридических оснований говорить о какой-то федеративной России"⁵⁸. Он пояснял свою мысль, что сначала Россия должна была дать согласие на существование таких государств, а затем создавать федерацию. Но опыт деятельности этих "самостоятельных" государств и их отношения к России не очень-то привлекателен, к тому же никакой гарантии, что они захотят потом образовать с Россией федеративный союз, нет. При этом само существование подобных государств было важным фактором в политике разных держав, поэтому вопрос о будущей федерации являлся бы не только делом двусторонних отношений России с этими народностями, но и поводом для вмешательства извне, что для России недопустимо.

Крамарж думал и нередко это повторял, что Россия страшно пострадала в войне "за свой прекрасный подвиг защиты свободы малого славянского народа" (сербов. — *Е.С.*), что отчасти

справедливо, но не до конца верно. Действительно Россия ни в экономическом, ни в военном отношении не была готова к войне. Но, сознавая ее неизбежность, вызванную обострением противоречий между Антантой и Тройственным союзом, российское правительство склонялось провести общую мобилизацию. Франция и Великобритания готовились к войне и оказывали влияние на Россию⁵⁹. В ответ на отданный 30 июля приказ о всеобщей мобилизации в России 1 августа Германия объявила ей войну.

С другой стороны, Крамарж полагал, что за свои страдания Россия получила возможность новой жизни не только для русских, но и для всех нерусских народностей. Он резко отрицательно относился к самодержавию и централизации, представляя себе новую Россию как свободную, децентрализованную страну, где гарантировано национальное развитие. Основой "привязанности" к новой России будет не полицейская и военная сила, а столетние экономические связи с Россией и отсутствие страха за внешнюю свободу. Будущая Россия, по мысли Крамаржа, должна была стать действительно страной демократической свободы для всех своих граждан без различия народности. Эту свободу он хотел обеспечить автономией отдельных областей. На вопрос о том, следует ли разделить всю Россию на области или только выделить отдельные области для разных национальностей, чехословацкий политик отвечал следующим образом: "Мне кажется, что для будущего развития России было бы большой опасностью, если бы внутреннему ее устройству предназначено было бы выполнять лишь одну задачу: обеспечить свободное развитие разных национальностей и таким образом уничтожить их сепаратизм"⁶⁰.

Такое развитие русской государственности неминуемо вело бы к постоянно усиливавшемуся обособлению национальных окраин от остальной России. Но и сама русская Россия незаслуженно пострадала бы, так как новая Россия могла возродиться лишь при "интенсивной народной работе на местах", которую централизм разрешить не мог. Поэтому Крамарж считал, что всю Россию следует децентрализовать, разделить на большие области (несколько губерний с земствами) и дать им возможность не только свободно работать, но и соревноваться, кто раньше и лучше других придет "к полному расцвету". И для этого предоставить им свое законодательство, управление, финансовую свободу и независимость. Формирование областей по национальному принципу, например на Кавказе, привело бы, по словам Крамаржа, к абсурду. Национальные права он предлагал закрепить национальной автономией и обеспечением соответствующего численности каждой народности участия

в управлении области как центральном, так и местном. Он предполагал и некоторые исключения, невозможность, скажем, предоставления всей полноты автономных прав некоторым азиатским частям государства, однако эти исключения не могли решительно повлиять на общие принципы внутреннего управления.

При разделении компетенции между центром и областями Крамарж считал необходимым руководствоваться правилом, что современное государство требует не только единого управления внешней политикой и военным делом, но и общего законодательства и управления в экономической и социальной политике. Доходы от косвенных налогов и государственных монополий он мыслил передавать в общегосударственный карман, а доходы от прямых и подоходных налогов передавать обратно областям. Окончательное разграничение и изменение компетенций центра и областей планировалось передать Государственной думе и Государственному совету, где представители областных сеймов имели бы большинство. Крамарж возражал против назначения в области представителей главы государства, нечто вроде генерал-губернаторов или наместников, не представляя себе конституционного характера такого рода постов. Он писал, что такое решение представляло бы опасность для единства России, так как сами генерал-губернаторы поддерживали бы центробежные стремления для возвышения своей власти и своего авторитета. Поэтому он настаивал на системе областных правительств и сеймов. Единый источник государственной власти он хотел обеспечить назначением областных правительств и высших областных чиновников главой государства, а также утверждением главой государства областных законов. Россию он предлагал строить на принципе силы центра и свободы частей, возможные конфликты между центром и областями решать в верховном административном суде. Особа Государственного канцлера также должна была воплощать идею примирения децентрализации России с крепкой центральной властью.

Крамарж, как и большинство российских политиков и военачальников, не желал предопределять вопрос о будущей форме государственного устройства до решения Учредительного собрания. Поэтому смотрел на вопрос о монархии или республике не как на догмат, а как на вопрос, что могло бы в данный момент и в данных условиях быть для государства полезней. Царь, по его мнению, не должен был бы иметь больше власти, чем президент республики. Вместе с тем он предлагал сильную президентскую власть с правом роспуска палат и сеймов без ограничений. Задумываясь над будущим государственным устройством России

еще в тюрьме, Крамарж полагал, что в России должен быть царь из династии Романовых, но избираемый на тех же условиях, что и президент республики. Тем самым он старался примирить символ традиции с принципом верховной воли народа. Позднее он пришел к выводу, что после революции и мировой войны нельзя желать восстановления наследственной монархии. Принцип наследственности власти стал казаться ему слишком "феодалным"⁶¹. Он пришел к выводу о необходимости избрания царя из дома Романовых обеими палатами на общем заседании в зависимости от заслуг и доверия к нему страны. Затем следовало бы посвящение на царство народной церковью. Нежелательно, чтобы царь был собственником больших латифундий или промышленных предприятий, его доход ставился в зависимость от решения палат. Войско и чиновники присягать должны были только избранному царю, сам же царь перед коронацией должен был клясться в верности конституции. Крамарж признавался, что мысль об избираемом царе непривычна, но таким образом он желал примирить монархистов с республиканцами.

Государственный совет Крамарж предлагал на три четверти избирать областными сеймами, а последнюю треть наполовину выбирать представителями разных корпораций и учреждений (университетов, высших технических училищ, Академии наук, торговых палат, центральных рабочих организаций, сельскохозяйственных институтов), а наполовину назначать главой государства. Таким образом, по его мнению, обеспечивалось бы участие в Государственном совете представителей литературы, науки, выдающихся личностей. Назначение и выборы были бы не пожизненными, а лишь на время законодательного периода. Областные сеймы он также предлагал частично выбирать экономическими, культурно-просветительными и социальными корпорациями.

Он стоял за всеобщее, тайное, равное и прямое избирательное право. Но одновременно понимал, что для выборов членов законодательного собрания нужна сознательность выборщиков, обеспечить которую в России сразу же было непросто. Поэтому он готов был примириться с промежуточным временным решением, чтобы деревни и города (например, до 10 тыс. человек) выбирали не прямым путем, а посредством выборщиков. Крамарж пояснял, что обыкновенному мужику очень трудно сознательно дать голос за кого-нибудь ему лично неизвестного, или за ту или другую партию. Но он охотно выберет в избиратели человека, которого он лично знает и образ мыслей и желания которого такие же, как и его. После же введения обязательного школьного образования и воспитания деревенских жителей можно было бы ввести прямое избирательное право.

Для урегулирования отношений между земствами и местной администрацией, было бы достаточно, как объяснял Крамарж, права контроля земства над чиновниками, право запросов, высказывание мнения о деятельности чиновников на местах. Полное самоуправление с выборными чиновниками проект Крамаржа предоставлял городам, деревням и волостям исключительно для местных нужд и потребностей. В проекте предлагалось учреждение смешанных комиссий из членов земств и представителей отдельных ведомств.

Крамарж писал проект, когда казалось, что победа белых близка, и для возрожденной России необходима будет новая конституция. Но обстоятельства изменились, однако Крамарж был глубоко убежден, что Россия непременно возродится, и задачи внутреннего устройства будут стоять перед ней. Крамарж старался убедить всех, что спасение России придет не сверху, а снизу. Он писал: "Сверху Россию погубили автократический бюрократизм и большевистское насилие. Пусть грядущая Россия возродится работой снизу, дружной работой всех русских и нерусских граждан!"⁶²

По мнению некоторых историков, вариант основного закона России, предложенный Крамаржем, был примечателен прежде всего тем, что не предусматривал ее национально-территориального районирования, как это было сделано Советской властью⁶³.

На мирной конференции в Париже Крамарж, конечно, не занимался одним лишь русским вопросом. Вместе с Бенешем он работал в комиссиях по решению чехословацкого вопроса и по репарациям. Кроме того, он был задействован в комиссии по созданию Лиги наций и активно трудился в транспортно-технической комиссии, где, благодаря ему, были приняты важные для Чехословакии решения. Крамарж участвовал в подготовке мирного соглашения с Германией, было учтено его предложение об организации контроля за полным разоружением послевоенной Германии⁶⁴.

Некоторые исследователи пишут о том, что, находясь на Парижской мирной конференции, Крамарж якобы потерял контакт с чехословацкими политиками на родине, отдалился от внутренней политики⁶⁵. Однако архивные материалы говорят о другом: представляя страну в Версале, Крамарж регулярно получал из Праги газеты, журналы, поддерживал переписку с Рашином, Сташком, Шробаром, Славиком, Кадлецом, министерствами школ и просвещения, внутренних дел, обороны, канцелярией президента республики, редакцией "Národních listů". Он получал все протоколы заседаний совета министров, сообщения его президиума, еженедельную информацию о полити-

ческой ситуации в Чехии, Моравии и Силезии, обзоры ситуации в Польше, в Словакии и Подкарпатской Руси, на Украине. Он был в курсе всех соглашений министерства торговли, промышленности, предложений об ограничении полномочий президента, правительственной инициативы об изменениях во временной конституции. Изучал он и обзоры результатов парламентских выборов в Моравии и местных выборов 1919 г⁶⁶. Поэтому тезис об "отрыве" от жизни на родине не выдерживает никакой критики. Падение кабинета Крамаржа было связано, скорее, с ростом недовольства в стране нехваткой хлеба и других продуктов питания, ростом цен и спекуляциями⁶⁷, что вело к радикализации страны, усилению позиций левых. Отчасти сказались и интриги внутри политического лагеря, мнение Бенеша и Масарика, что "Крамарж в политике нового государства "просто невозможен"⁶⁸.

Летом 1919 г. правительство Крамаржа ушло в отставку, и 7 июля он присоединился к отставке правительства. Он хотел отказать и от поста главы делегации в Париже, но в интересах страны остался до подписания договора с Австрией (10 сентября 1919 г.). После этого чехословацкая делегация вместе с Крамаржем вернулась на родину. В конце сентября Бенеш и Крамарж выступали на заседании палаты депутатов Национального собрания, докладывая о результатах и ходе мирной конференции в Париже. Уже тогда в полной мере выявились разногласия между двумя лидерами в вопросе отношения к России и русской политике. В начале 20-х годов, когда по этому поводу между ними разгорелся спор, Крамарж обвинил Бенеша в нелояльном отношении к нему в Париже. Масарик поддержал Бенеша, тогда Крамарж прервал отношения с ними обоими⁶⁹.

Крамарж открыто настаивал на помощи России, считая Лигу наций недостаточной гарантией независимого существования Чехословацкой республики. Бенеш, в Париже соглашавшийся с необходимостью планированной Крамаржем поездки в Россию к Деникину, теперь отговаривал его от этого шага. Но Крамарж решил по-своему, отправившись в Россию как частное лицо.

¹ Šauer J. Karel Kramář na mírové konferenci v Paříži // Mezinárodní vztahy. 1993. N 3. S. 85.

² Dokumenty československé zahraniční politiky: Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Praha, 2001. Sv. 1. S. 25–26.

³ См., например: Штейн Б.Е. "Русский вопрос" на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 412.

⁴ Klimek A. Voj o Hrad. Praha, 1996. Sv. 1. S. 31–32.

⁵ Деникин А.И. (1872–1947) — военный деятель России. С марта 1917 г. помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего, с 31 мая 1917 г. — главком Западного, со 2 августа Юго-Западного фронта.

В августе арестован Временным правительством за выступление в поддержку Корнилова. По освобождении после Октябрьской революции бежал в ноябре 1917 г., на Дон и занялся созданием Добровольческой армии.

⁶ Archiv Národního Muzea. (Далее: ANM.) F.K. Kramář. Kart. 4.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Достаточно предвзятое отношение Бенеш продемонстрировал не только к Крамаржу, но и к М.Р. Штефанику, прибывшему в Париж в январе 1919 г. См.: *Solle Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání v roce 1919. Praha, 1994. S. 209 – 211.*

¹² Šauer J. Op. cit. S. 86.

¹³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1973. Т. 1. С. 222 – 223.

¹⁴ Там же. С. 225 – 226.

¹⁵ Там же. С. 226.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 227.

¹⁸ *Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechach. 1914 – 1938. Praha, 1999. S. 138.*

¹⁹ Подробнее см.: *Мальков В.А. Вудро Вильсон и новая Россия (февраль 1917 – март 1918). Уроки российской истории // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 110 – 128; 2000. № 1. С. 123 – 133.*

²⁰ *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 77.*

²¹ См.: *Скаба А.Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в стране Советов. Киев, 1971. С. 70.*

²² ДМИСЧО. Т. 1. С. 230 – 231.

²³ *Соколов К.Н. Правление генерала Деникина // Белое Дело: Избр. произв. в 16 кн. Кубань и добровольческая армия. М., 1992. С. 66.*

²⁴ Там же. С. 66 – 67.

²⁵ *Кононова М.М. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в 1917 – 1918 гг. // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 112.*

²⁶ "Совершенно лично и доверительно!" Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919 – 1951: в 3-х т. Т. 1: Август 1919 – сентябрь 1921 / Общая ред., вступ. ст., коммент. д.и.н. О.В. Будницкого. Предисловие проф. Т. Эммонса. Москва; Стэнфорд, 2001. С. 59.

²⁷ *Kramář K. Pět přednášek... S. 77.*

²⁸ *Скаба А.Д. Указ. соч. С. 76 – 77.*

²⁹ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 5834. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³⁰ Там же Л. 3.

³¹ Там же. Л. 4.

³² Первый карпаторусский съезд в Челябинске (5 – 6 октября 1918 г.) открыто высказался за присоединение Подкарпатской Руси к России, в этом же направлении действовал созданный сразу после съезда Центральный карпаторусский совет. Министерство иностранных дел в правительстве А.В. Колчака всячески поддерживало такую ориентацию. См.: *Harbul'ová L. Miesto karpatoruskej otázky v zahraničnopolitických aktivitách vlády A.V. Kolčaka // Vel'ká politika a malé regióny 1918 – 1939. Prešov; Graz, 2002. S. 104 – 119.*

- 33 ГАРФ. Ф. 5834. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
- 34 Там же.
- 35 Там же. Л. 10.
- 36 Там же.
- 37 ГАРФ. Ф. 454. Оп. 1. Д. 25. Л. 1 – 5.
- 38 Там же. Д. 24. Л. 1.
- 39 Там же. Д. 49. Л. 13.
- 40 Там же. Л. 19.
- 41 Там же. Д. 9. Л. 1.
- 42 Там же. Л. 2.
- 43 Там же.
- 44 Там же.
- 45 Там же. Л. 3.
- 46 Там же. Л. 4.
- 47 Мальков В.Л. Указ. соч. 2000. № 1. С. 77.
- 48 ГАРФ. Ф. 5834. Оп. 1. Д. 10. Л. 10.
- 49 Там же. Л. 10 – 11.
- 50 Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 338 – 339.
- 51 Там же. С. 338.
- 52 Там же. С. 349.
- 53 Там же.
- 54 Там же.
- 55 Там же. С. 350.
- 56 Там же.
- 57 Там же.
- 58 Там же.
- 59 Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России 1648–2000. М., 2003. С. 188.
- 60 Архив русской революции. Т. 1. С. 352.
- 61 Там же. С. 360.
- 62 Там же. С. 368.
- 63 Доронченков А.И. Эмиграция "первой волны" о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001. С. 49.
- 64 Šauer J. Op. cit. S. 89.
- 65 См., например: *Lustigovd M. Kramářův pohled na Rusko // Historický obzor. 2003. V. – VI. S. 120.*
- 66 Statní ústřední archiv. (Далее: SUA.) F. Přednictvo ministerské rady. Kart. Č. 3802. Sign. 9020.
- 67 Klimek A. Op. cit. S. 52.
- 68 Ibid. S. 48.
- 69 Слагек Э. Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия // *Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике V–VI (2000–2001).* Прага, 2001. С. 48.

Глава 12

Последняя поездка в Россию

*

Несмотря на отговоры Э. Бенеша¹ и недовольство левых, Карел Крамарж решил ехать осенью 1919 г. на юг России к Деникину. Возможно, на его окончательное решение оказало влияние письмо Надежды Николаевны из Парижа от 29 сентября 1919 г. Она писала, что обсуждала предстоящую поездку мужа в Россию со знакомыми русскими эмигрантами, слышала мнение, что поездка не будет иметь успеха, что она опасна и надо взять двух провожатых, но в то же время передавала мнение князя (Львова?) о том, что ехать надо обязательно и теперь, так как через месяц Деникин, возможно, будет в Москве². Крамарж захотел на месте разобраться в ситуации, обсудить свой проект будущей конституции России. Поездку он договорился совершить вместе с послом Временного правительства в Париже В.А. Маклаковым. С ним Крамарж был давно знаком. В одном из еще довоенных писем Маргариты Абрикосовой к матери Надежде Николаевне Крамарж читает об этом знакомстве: "Видела в Москве Маклакова, он мне рассказывал о приезде Карела Петровича. Он сам в восторге от К.П. и говорит, что он вообще всех очаровал. Они говорят, что никогда не встречали такого исключительного и обворожительного человека. Напиши лишь, как Маклаков понравился Карелу Петровичу и что он о нем думает?³" К сожалению, ответного письма не сохранилось.

Крамаржу, по мысли главы Политического совещания в Париже Г.Е. Львова, отводилась роль посредника в переговорах В.А. Маклакова с А.И. Деникиным. Чувствуя себя не востребованным в ЧСР после отставки с поста премьер⁴, он думал, что может быть весьма полезным в России, содействуя урегулированию отношений Деникина с украинскими сепаратистами и с парижской эмиграцией. Кроме того решение ехать в Россию созрело в тот момент, когда армия Деникина одерживала победу за победой, и казалось, что очень скоро она войдет в белокаменную столицу.

В письме российскому послу Временного правительства в США Б.А. Бахметьеву 7 октября 1919 г. В.А. Маклаков указывал

на три причины своей поездки в Россию. Он писал: "Во-первых, мне страшно захотелось окунуться в Россию... Последние письма, которые я оттуда получал... были полны такого оптимизма, что отсюда было завидно; этот оптимизм подтверждался и свидетелями... Все эти рассказы соблазнили меня, и я задумал туда поехать..., чтобы уверовать в чудо, в которое отсюда еще верится с трудом... Вторая причина — это желание более полного взаимного понимания не только по вопросам общей политики, но и чисто деловым. Нам отсюда, например, все время казалось, что Добровольческая армия делает глупость, ставя всех украинцев за одну скобку, считая их всех изменниками. С тех пор, как Петлюра отрекся от Галиции, а галичане... от Петлюры, появилась возможность расколоть Украину, вводя часть ее в федеративное русло. Все это отсюда казалось соблазнительным, и нас не раз очень огорчала политика Деникина, который ни о каких соглашениях слышать не хочет"⁵. К тому же Маклаков хотел попытаться выяснить чисто практические вопросы. Он писал: "Мы, русские, раструбили повсюду про колоссальный урожай этого года и все стали зариться на наше сырье; мы его, тем не менее, никому не даем, под предлогом, что оно самим нам нужно..., а в то же время отдельные коммерсанты ухитряются отправлять пароходы, нагруженные всякою дрянью и обменивать их рубль за рубль на сырье. Говорят, что здесь не обходится без взяток; может быть, это правда, что уже плохо, а может быть еще хуже, взяток мы не берем, но ведем свое дело так глупо, что ничем, кроме взяток, объяснить это невозможно"⁶. Третья причина поездки Маклакова состояла в том, что он не просто ехал сам, а его посылали французы, желавшие помириться с Деникиным. "Они сделали целый ряд шагов навстречу Деникину, посылают миссию во главе с генералом Манженом, написали по этому поводу очень любезную бумагу, словом, — замечал в письме Маклаков, — совершенно изменили прежний неприязненный тон. Как и нужно было ожидать, победы Деникина свое дело сделали"⁷. Деникин же был разгневан тем, что французы в начале апреля 1919 г. почти без боя сдали Одессу большевикам.

Крамарж предпринял свое последнее путешествие в Россию через Париж и Марсель. В Париж они приехали вместе с женой, оттуда уже с Маклаковым он отправился в Марсель. Поездка началась неудачно: в Марселе заболел Маклаков⁸, они долго ожидали корабль, так как сообщение с югом России было нерегулярным. Наконец 2 (15) октября вместе с французской военной миссией генерала Манжена они отплыли из Тулона на палубе французского крейсера "Прованс", доставившего их в Стамбул. В Константинополе к ним присоединилась полуофи-

циальная чехословацкая торговая делегация во главе с Я. Дворжачком, которая также направлялась к Деникину. Далее до Керчи их доставил другой крейсер — “Вольтер”, а затем на малом корабле через Азовское море они, наконец, в субботу вечером 12 (25) октября попали в Таганрог⁹. По этому поводу газета “Приазовский край” сообщала: «На французском судне “Ласкарн” в Таганрог прибыли бывший президент (правильно: премьер. — *Е.С.*) Чехо-Словацкой республики Крамарж, русский посол в Париже Маклаков и французский адмирал Демаржери-Маргерит (так в тексте. — *Е.С.*). В порт прибыли для их встречи представитель главного командования полковник Нолькен, представитель управления иностранных дел и начальник французской миссии полковник Корбель. С корабля прибывшие отправились к главнокомандующему”¹⁰.

Однако на самом деле все происходило несколько иначе. Крамарж в письме жене жаловался на прием и ощущение своей ненужности. Дело в том, что Деникин прислал офицера извиниться, что не может принять Крамаржа в тот же день. Маклаков поспешил на переговоры с так называемым министром иностранных дел Особого совещания при генерале Деникине А.А. Нератовым, французский адмирал также сошел с корабля для официальных встреч. Крамарж, полагавший, что его с нетерпением ждут, и он будет принят по высшему разряду, остался на корабле один. Он пожалел о своем приезде, зарекся куда-либо ездить без приглашения, вспомнил слова Масарика, что будет разочарован, решив, что тот был прав¹¹. К чехам в Добровольческой армии относились весьма настороженно. Связано это было с тем, что в конце 1917 — начале 1918 г., когда Добровольческая армия только начала формироваться, Л.Г. Корнилов предлагал чехословацким легионерам объединиться, но получил отказ. Позднее генерал М.В. Алексеев обратился к начальнику французской миссии в Киеве с предложением направить на Дон, если не весь чехословацкий корпус, то хотя бы одну дивизию, но французский посол Нуланс и киевская французская миссия продолжали строить планы удержания развалившегося русского фронта в единении с большевиками, потом с Украиной, опираясь на помощь польских и чехословацких войск, и не помогли Добровольческой армии. Масарик и Макса не хотели вмешиваться “во внутренние русские дела”, но уже в феврале, во время немецкого наступления на Украину, чехословацкие легионеры были вынуждены вести ожесточенные бои против германцев и бывших своих союзников — украинцев на стороне большевиков. А весной они выступили с оружием в руках против своих недавних союзников — большевиков. Деникин позднее в своих мемуарах писал: “Что касается Масарика и Ма-

кса, они, всецело преданные идее национального возрождения своего народа и борьбы его с германизмом, в запутанных условиях русской действительности не сумели найти правильной дороги и, находясь под влиянием русской революционной демократии, разделяли ее колебания, заблуждения и подозрительность"¹². А длительное деятельное участие чехословацких легионеров в Гражданской войне в России, по словам Деникина, вызывало среди русских людей "перемежающееся чувство злости и благодарности"¹³...

В первые дни своего пребывания в России, когда он был предоставлен сам себе, Крамарж гулял по Таганрогу, сопоставляя увиденное с довоенной действительностью, читал прессу (в его архиве сохранилась большая подборка русских газет того времени), собирал материалы для своей книги "Русский кризис", над которой не переставал работать и во время этой поездки. В.А. Маклаков 14 октября встречался с А.И. Деникиным, но свою беседу с главнокомандующим не комментировал¹⁴.

Правда, уже через три дня настроение Крамаржа изменилось: он поездом поехал в Ростов-на-Дону, где был с радостью встречен жившими там чехами. Сердечный прием в своем доме ему оказал инженер В. Громадко, занимавшийся в то время строительством оружейного завода в Таганроге¹⁵. 18 (31) октября К.П. Крамарж вместе с группой политических и общественных деятелей (в основном правых кадетов) в составе профессора П.И. Новгородцева¹⁶, А.В. Кривошеина¹⁷, Н.Н. Львова¹⁸, князя П.Д. Долгорукова¹⁹, Н.И. Астрова²⁰ и Н.Н. Чебышева²¹ обсуждал составленный им проект русской конституции. В дискуссии принимали участие также князь Г.Н. Трубецкой и П.Б. Струве, причем последний участвовал уже в обсуждении проекта Крамаржа в Париже²². Главное внимание было обращено на ту часть проекта, в которой разрешался областной вопрос. Все присутствующие, без различия политических пристрастий, заявили о согласии с необходимостью децентрализации и введения областного самоуправления, тем самым признав правильность точки зрения Крамаржа. Разногласия выявились в вопросе о том, как осуществлять принцип автономии. По мнению участников совещания, единая система автономии для России была едва ли приемлема из-за разнообразия местных условий. В частности, с этой идеей выступил П.И. Новгородцев. Он полагал более разумным установить автономию для областей в разном объеме и в различных формах. Крамарж возражал, настаивая на целесообразности проведения единого принципа для всей страны²³. Во время дискуссии выяснилось, что самыми большими централистами были П.Б. Струве и Н.Н. Львов.²⁴ Струве, например, полагал, что "идеалом, к кото-

рому должна стремиться в России русская национальность... может быть лишь такая же свободная и органическая гегемония, какую утвердил за собой англо-саксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи"²⁵. Он оговаривался, что об этом не может быть и речи ни в Польше, ни в Финляндии, где "немыслима никакая ассимиляция", но считал, что "этот идеал — правда, с большим, чем в Америке, сохранением местных, в известных пределах тоже национальных особенностей — осуществим для всей остальной империи"²⁶. Вечером того же дня В.А. Маклаков на заседании правления всероссийского Национального центра сделал доклад о французских настроениях и об отношении Франции к русскому вопросу²⁷.

Шла война, и А.И. Деникина, естественно, заботили прежде всего боевые действия, положение на фронте, помощь союзников, тем более что приезд Маклакова и Крамаржа совпал с началом отступления Деникина по всему фронту и активизацией анархического движения Н.И. Махно²⁸. Газеты пестрели сообщениями о положении дел на Астраханском, Балашевском, Воронежском, Орловском, Брянском, Гомельском, Житомирском, Винницком, Бузулукском и Поворинском направлениях, в Одесском и Таловском районах. Были и другие острые проблемы: разразилась эпидемия сыпного тифа, отмечались случаи заболеваний оспой и чумой.

К Деникину в Ставку постоянно прибывали различные миссии, посланники и представители. Почти одновременно с уже упоминавшейся французской миссией генерала Манжена у Деникина побывала японская миссия в составе ее начальника Такахаси и представителя торгово-промышленного мира Японии Сузуки, сербский посланник Милан Ненадич, армянская миссия и т.д. Газеты освещали и визит на юг России чехословацкой экономической миссии с целью установления тесных экономических отношений на основе товарообмена предметов чешской промышленности на русское сырье. В состав чехословацкой комиссии входили представители шерстяной промышленности — Б.О. Ичинский, сельскохозяйственного машиностроения — С.Н. Янотка, кожевенной промышленности — К.О. Чаславский и организации "Экономическое единство для славянского востока" — Ф.Ф. Матушек²⁹. 27 октября состоялось объединенное заседание представителей центральных кооперативных организаций Юго-Востока России, некоторых украинских центральных организаций совместно с чехословацкой экономической миссией в полном ее составе³⁰.

Несмотря на приоритет военных, дипломатических и экономических вопросов, существовал также живой интерес к во-

просам внутренней политики и реформ. Вопрос о конституционных основах будущей России был весьма актуален. Еще до приезда Крамаржа и Маклакова газета "Жизнь" писала, что "строительство России новой по сравнению с Россией прошлой имеет весьма крупные отличия"³¹. В статье "Основы внутренней реформы" подчеркивалось, что "все цели центральной власти сейчас должны сходиться к одному фокусу: определить, где кончается местное и начинается центральное управление и какие ценные задания центру ставят люди на местах"³². В момент пребывания Крамаржа на юге России управляющий ведомством внутренних дел при главнокомандующем вооруженными силами юга России В.П. Носович изложил в печати единую позицию и ближайшие задачи. Основным вопросом, который предстояло решить, был аграрный. Для этого была создана Земельная комиссия. Решение этого вопроса в полном объеме откладывалось до окончания Гражданской войны и объединения России, но в освобожденных областях планировалось достигнуть спокойствия на местах, проводить земельную реформу путем распродажи помещичьих земель крестьянам по добровольному согласию, содействовать сотрудничеству властей и общества, организовать и объединить общество на платформе Добровольческой армии и воссоединения России. При этом декларировалась отмена цензуры, свобода печати и одновременно ее ответственность за правдивость информации. Носович также ссылаясь на трудности создания административного аппарата и объявлял о готовности провести реформы в области самоуправления с целью децентрализации власти и предоставления возможности населению более активно участвовать в делах местного управления³³. Однако по впечатлениям Маклакова, тыл отставал от фронта. Он писал Бахметьеву: "Тыл просто никуда не годится и больше всего потому, что я не вижу в нем никакого идейного одушевления, никакой жажды работать и абсолютно никакого организационного таланта. Армию, действительно, встречают с восторгом, но затем восторг сменяется озлоблением, так как никакой пользы от прихода Добровольческой армии население не видит"³⁴. Описывая обстановку в тылу, он замечал, что "вся энергия, поскольку она осталась, уходит на удовольствия и на наживу. Процветают развлечения и спекуляция. Спекулируют и воруют все, и чиновники больше всех..."³⁵

22 октября К.П. Крамарж и В.А. Маклаков выехали в Новочеркасск для беседы с представителями казачества, членами Донского Войскового круга³⁶. Маклаков выступил там с речью, в которой отметил следующие моменты: возрожденная Россия не будет похожа на Россию прежнюю, не только в политическом, но и в моральном отношении; государственная власть

должна быть твердой, так как прежние ошибки — мягкотелость, излишнее добродушие привели к большевизму (была допущена большевистская пропаганда на фронте, дарована амнистия уголовным элементам); надо по возможности строго придерживаться принципа единства России. "Какова бы ни была будущая форма государственной жизни России, — говорил он, — верно лишь одно, что отдельные ее части не будут иметь самостоятельного государственного бытия"³⁷ (для их же блага, — пояснял Маклаков, — приводя в пример прибалтийские провинции, тут же подпавшие под власть немцев). Будущая Россия будет стремиться к единению всех классов. Критику он обратил и в свой адрес, в адрес русских либералов: "Мы слишком много критиковали и мало занимались созидательной деятельностью, и когда пришла пора государственного упрзвления, мы оказались неподготовленными"³⁸. Последняя мысль весьма сходна с идеями, изложенными Крамаржем в своих работах, где он критикует государственный нигилизм русских политиков.

На заседании Высшего войскового круга с большой речью выступил и Крамарж. Он нарисовал картину, какой представляет себе будущую демократическую Россию, и снова вопрос о едином государстве и областной автономии вызвал наибольший интерес, так как именно в этот момент казацкий сепаратизм достиг своего пика. Крамарж заявил, что Россия должна строиться не на принципах федерализма, а на основе автономии отдельных русских областей. Теперь, в отличие от прежних заседаний, Крамаржа критиковали слева, выдвигая требования федерации и даже государственной независимости казацких областей. На вопрос одного из участников заседания, как же он, всегда выступавший за федерализацию Австрии, теперь предлагает лишь автономию, Крамарж был вынужден заявить, что федерализация Австрии рассматривалась лишь как первый шаг к уничтожению Австро-Венгрии и освобождению Чехословакии. Казакам же, по его мнению, как сыновьям единой родины, не от кого и незачем отделяться, все свободы можно получить в рамках единого государства. Он резко осудил украинских и грузинских сепаратистов как предателей России, воспользовавшихся ее ослаблением вследствие того, что она понесла большие жертвы в войне.

Одновременно проходило подобное собрание в Екатеринодаре кубанских казаков, среди которых также было много открытых сепаратистов. На собрании было заявлено, что Крамаржу будет предоставлено слово лишь после того, как он перестанет говорить о единой и неделимой России. Поэтому его поездка в Екатеринодар не состоялась³⁹. Газета "Приазовский край"

25 октября (7 ноября) в статье, озаглавленной "Крамарж и Быч" сравнивала взгляды Крамаржа на форму государственного управления будущей России с позицией Л.Л. Быча, главы кубанской делегации на Парижской конференции, которая состояла в следующем: самостоятельность Кубани, участие ее представителей в работе конференции, принятие Кубани как суверенного государства в Лигу наций. По мнению автора статьи, Крамарж руководствовался действительно государственными интересами России, которую глубоко любил, а Быч добивался создания абсурдного кубанского государства, тем самым сознательно способствовал уничтожению основ будущей единой и неделимой России⁴⁰.

Между тем председатель Донского Войскового круга В.А. Харламов⁴¹ высоко оценил присутствие Крамаржа на заседании не только как политика европейского масштаба, но и как давнего дорогого друга России⁴². Председатель подчеркнул, что Крамарж за защиту славянских интересов перенес тяжкие испытания в австрийском заключении⁴³.

Несмотря на то, что Крамарж приехал в Россию как частное лицо, депутат Госдумы, член ЦК партии кадетов Павел Дмитриевич Долгоруков, товарищ председателя "Национального центра"⁴⁴, на одном из его заседаний приветствовал в лице Крамаржа весь "чехословацкий" народ⁴⁵.

23 октября в Ставке у главнокомандующего вооруженными силами юга России генерал-лейтенанта А.И. Деникина был организован прием. Кроме Крамаржа были приняты: от временного комитета кооперации юга России А.М. Никитин, Н.М. Михайлов и А.И. Дударев, начальник английской военной миссии генерал Хольман, начальник чехо-словацкой военной миссии штаб-капитан Новак, русский посланник в Париже Маклаков (с докладом), управляющий морским отделом адмирал Герасимов⁴⁶.

Состоялась и беседа Крамаржа с Деникиным, длившаяся около двух с половиной часов. Позднее, в интервью журналисту газеты "Наша родина" Крамарж поделился своими впечатлениями от этой встречи. Как человек эмоциональный, он отметил радостное чувство, охватившее его после беседы с верховным вождем южных русских армий. Крамарж заразился оптимизмом и верой в победу Деникина. После личного знакомства с генералом Крамарж понял, что на Западе о нем не имеют правильного представления. "Я подробно говорил с ним о разнообразных проблемах политического и экономического характера, — рассказывал Крамарж журналисту, — и буквально был поражен и потрясен удивительным умением этого, по прежнему своему положению, чисто военного человека разби-

ратся в самых сложных вопросах внешней и внутренней политики. Меня очаровала прямолинейность и исключительная честность его взглядов"⁴⁷. Под впечатлением от этой встречи чешский политик заявил: "Я считаю своим прямым долгом засвидетельствовать, что все заявления о реакционности генерала Деникина злостная выдумка и клевета всех тех лиц, которым нежелательно успокоение России. Я слишком далек от желания говорить комплименты по адресу генерала Деникина. Нет, мое восхищение и мой восторг перед государственной мудростью верховного правителя Юга России вытекают из глубины моей души и являются выражением моих самых искренних убеждений и личных переживаний"⁴⁸.

Можно было бы подумать, что столь высокая оценка Деникина связана в какой-то степени с благодарностью гостя перед хозяином, пиететом перед возможным российским вождем (хотя Деникин не раз говорил, что, как только свергнет большевизм, уйдет сажать капусту), но мнение Крамаржа с годами не изменилось. Уже когда и Деникин, и сменивший его П.Н. Врангель потерпели поражение, в 1921 г. Крамарж писал: "Когда Деникин и Врангель должны были уйти перед грозной силой, началась травля, не помогшая России. Было много, много гнилого в тылу, но винить за это обоих героев, лично чистых и честных, все-таки несправедливо. Барышничество, погоня за наживой, нравственный разврат должно тоже лечить само общество, этого не может сделать одна власть. Нравственные устои во всем мире и в России войной расшатаны и не окрепнут, пока не будет вновь народная государственная жизнь"⁴⁹.

Кроме личных симпатий к Деникину Крамарж отмечал, в частности, в письмах к жене схожесть некоторых своих взглядов со взглядами верховного главнокомандующего. Деникин, по словам Крамаржа, стоял за децентрализацию. Это же подтверждал и уточнял Маклаков в очередном письме Бахметьеву: "Кругом Деникина никто не хочет восстановления прежней централизации. Только в отличие от нашего словоупотребления, т.е. от автономии и федерации, здесь говорят только об одном, о децентрализации. Это слово предпочитается даже понятию автономии, как будто бы более ясное; зато слово федерация совершенно исключено... В вопросе о распределении компетенции здесь могут идти очень далеко и никаких предвзятых границ здесь не существует, но здесь не хотят слышать о теории, по которой Россия образуется путем слияния фактически независимых частей"⁵⁰.

Крамарж сообщал, что Деникин выступает за аграрную реформу. Газеты юга России констатировали "историческую неизбежность" аграрной реформы. Одна из них, под названием

"Наша родина", указывала: "Настал такой момент, когда народная психика отказывается признавать святость частного владения большими земельными пространствами. И с этим нельзя не считаться. Потребность уничтожить эту земельную неправду надо удовлетворить"⁵¹. Согласно планируемому земельному закону, собственность не должна была превышать 150 – 400 десятин в зависимости от района. Излишки собственности должны были быть распроданы в годичный срок или куплены государством, а затем распределены⁵². Маклаков также писал, что у Деникина аграрному вопросу уделяли первенствующее и, по его мнению, даже "преувеличенное" значение⁵³.

Деникин по своим политическим убеждениям был монархистом, но стоял за конституционную монархию, что вовсе не противоречило взглядам Крамаржа, для которого вопрос о формах государственно-политической жизни – монархия или республика – не был принципиальным. Более существенным он считал содержание: монархия могла быть только и исключительно конституционной, а полномочия монарха не должны были превышать функций президента республики.

Последний момент, который сближал Крамаржа и Деникина, состоял в том, что они оба выступали за единство Российской империи, против какого-либо сепаратизма. Маклаков отмечал, что политическая линия Деникина в вопросе о национальностях очень проста: какие угодно права, но при условии, что, получая их, вы исходили бы из принципа суверенитета единой России, а не из местных самоопределений⁵⁴.

Уже после отъезда Маклакова и Крамаржа закончилась история с Кубанской радой. Как уже упоминалось, еще в начале ноября Л.Л. Быч, представитель Кубанской краевой рады на Парижской мирной конференции, огласил меморандум, в котором возражал против признания Колчака и требовал признания самостоятельности Кубани и включения ее в Лигу наций⁵⁵. А когда Деникин узнал, что Быч подписал еще соглашение с Горской республикой, то отдал приказ, объявлявший некоторых членов Кубанской краевой рады изменниками и о предании их военно-полевому суду⁵⁶. А так как Рада решила не выдавать своих вожаков, то она сама была распущена, а защищавшие ее части рассеяны. Быстро было изменено временное положение об управлении Кубанским краем. Кубань признала себя неразрывно связанной с единой, великой, свободной Россией⁵⁷. "Физическая" и "моральная" победа Деникина, как сообщал Маклаков, была полная⁵⁸.

В целом проект Крамаржа, несмотря на ряд уточнений, был принят у Деникина с пониманием, однако действовал принцип – не предрешать заранее важных политических вопросов,

которые откладывались вплоть до созыва Учредительного собрания. Не совсем ясно поэтому, почему некоторые историки писали о том, что Крамарж не нашел поддержки у Деникина⁵⁹. Наоборот, военный уполномоченный ЧСР на юге России штаб-капитан Новак в секретном сообщении из Таганрога 14 декабря писал: "Приезд д-ра Крамаржа на юг России был принят русским общественным мнением с большой радостью. Общественное мнение России расценивало приезд д-ра Крамаржа как подтверждение факта, что роль и значение России на международной арене усиливается"⁶⁰. Он также отмечал, что приезд Крамаржа освежил у русских воспоминания о помощи чешского народа, предоставленной России в самом начале борьбы с большевиками, о роли чешских частей в создании армии адмирала Колчака. Эти воспоминания укрепили существовавшие издавна чешско-русские связи. Крамарж, согласно этому сообщению, во время своего пребывания в Таганроге и Ростове принимал участие в чрезвычайно активной политической жизни. Он информировал о ситуации в Чехословакии и сам собирал материал о жизни в России, изучал на месте "русский вопрос". Новак цитировал русскую прессу, чрезвычайно положительно отзывавшуюся о выступлениях Крамаржа.

Поездка Крамаржа к Деникину стала поворотным пунктом в его отношениях с правительственной группировкой "Града". Окончательно выяснился абсолютно различный подход Крамаржа, с одной стороны, и Масарика и Бенеша, — с другой, к "русскому вопросу". Многие историки склонны считать эту поездку и вообще отношение Крамаржа к России причиной упадка его политической карьеры⁶¹. Масарик резко критиковал его позицию в отношении России, и сторонник Крамаржа по партии А. Рашин даже советовал ему какое-то время провести за границей, скажем в США, а не возвращаться на родину ввиду напряженности обстановки⁶². Однако Крамарж не послушался этих советов, а, заглянув ненадолго и, как оказалось, в последний раз в крымское имение "Барбо", в воскресенье 17 (30) ноября вернулся вместе с Маклаковым в Марсель, а оттуда через Париж домой в Прагу.

Позднее эсер В. Лебедев, критикуя "русскую" политику Крамаржа, вспоминал, что присутствовал на собрании, устроенном в Париже сторонниками интервенции для заслушивания доклада Крамаржа, только что вернувшегося из владений Деникина. Представлял его Н.В. Чайковский, являвшийся тогда ревностным поборником белого генерала. Крамарж был представлен собранию как бывший премьер Чехословацкой республики, потерявший этот высокий пост именно благодаря горячей защите интервенции. По словам Чайковского, Крамарж

являлся "героической жертвой", так как связал вопрос интервенции самым тесным образом с судьбами собственного отечества и поставил на карту из-за этого и свою личную карьеру⁶³. Лебедев осуждал Крамаржа за то, что он не только предпринял путешествие на юг России с соответствующими выступлениями на казачьих кругах, но, "вернувшись в Европу, повел самую яростную пропаганду интервенции в пользу Деникина среди европейских государственных деятелей в момент, когда его свидетельство могло быть воспринято и воспринималось, как экспертиза знающего, авторитетного человека..."⁶⁴

Во время военных действий нужна была твердая власть, своеобразная диктатура, которая и была установлена Деникиным; с этим соглашались и такие политики-либералы, как Маклаков. В этой связи он писал: "Опасность большевизма и его победа настолько реальна, что подкапываться под Деникина, мешать Добровольческой армии, кроме его определенных врагов, никто не хочет. Сами социалистические партии с ним мирятся, но помогать ему также никто не хочет. Одни по несогласию с ним, другие по лени, третьи по неумению. Единственная живая сила России, которая работает за ее восстановление, есть сила военная..."⁶⁵

Слабость российских социал-революционеров и других социалистических партий в период Гражданской войны отмечали и Масарик, и Штефаник. Первый, например, в одной из своих статей указывал, что знает слабые стороны не только большевиков, но и других партий, что они "не лучше, и не способней"⁶⁶. М.Р. Штефаник, рассказывая о своих переговорах с эсерами, также весьма скептически оценивал их, замечая, что "даже если они исполнены лучших намерений, слишком теоретички для того, чтобы достигнуть полезных результатов"⁶⁷. После поражения белого движения для эсеров одинаково неприемлемы стали как белые, так и красные, единственными демократами они считали себя. Поэтому Лебедев называл д-ра Крамаржа "ходатаем белого движения" и в этой роли "врагом русской демократии"⁶⁸. Выступая от лица "русской демократии", он повторял, что для нее роль Крамаржа, ездившего к Деникину, хлопотавшего об интервенции в его пользу перед союзниками и солидаризировавшегося на парижском собрании русских интервенционалистов в 1919 г. с разгоном Кубанской краевой рады, произведенном генералом Покровским по приказанию Деникина, — эта роль неприемлема. Лебедев считал, что деятельность чешского политика была вредна России, так как он связал свою русскую политику с крайне правым флангом русского общественного движения, с "бесстыдной циничной реакцией верхов белых армий, очень быстро затем сбросивших с себя

военно-диктаторскую личину и превратившуюся в самую пошлую монархическую реакцию"⁶⁹. Проект конституции Крамаржа он называл "комическим", настаивая на необходимости федеративного устройства России. Но резкость его суждений о Крамарже объясняется еще и тем, что с 1920 г. между Крамаржем и Бенешем, отражавшим точку зрения "Града", шла острая дискуссия по русскому вопросу, а эсеры, естественно, поддерживали линию президента Масарика. Кроме того Крамарж и эсеры были политическими противниками, и он также резко критиковал их, считая, что "из наивного социалистического фанатизма они разложили русскую армию"⁷⁰.

Чаще всего Крамаржа обвиняли в монархизме и связях с монархистами, хотя это было не точно и не справедливо. Поддержка Крамаржем правых объяснялась скорее его желанием сотрудничать с активными борцами против большевизма, чем его собственными "реакционными, монархическими" убеждениями.

¹ В Париже Э. Бенеш позитивно расценил планировавшуюся поездку Крамаржа на юг России, но по приезде в Прагу и после беседы с Т. Г. Масариком он попытался отговорить Крамаржа от визита к А. И. Деникину, считая, что это даст повод для резкой критики левых социал-демократов, что увеличит напряженность в стране. См.: *Lemberg H. Porozumění. Češi – Němci – Východní Evropa 1848–1948. Praha, 1999. S. 168.*

² *Archiv Národního Muzea. (Далее: ANM.) F. K. Kramář. Kart. 4.*

³ *Ibid. Kart. 5.*

⁴ Освобождение от должности председателя Совета министров произошло без ведома и согласования с К. Крамаржем, которого просто известили телеграммой. См.: ANM. F. K. Kramář. Kart. 66.

⁵ "Совершенно лично и доверительно!" Б. А. Бахметьев — В. А. Маклаков. Переписка 1919–1951 в 3-х т. М., 2001. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. С. 118.

⁶ Там же. С. 118–119.

⁷ Там же.

⁸ ANM. F. K. Kramář. Kart. 4.

⁹ *Lemberg H. Op. cit. S. 169.*

¹⁰ Приазовский край. 1919. 15 (28) окт.

¹¹ *Lemberg H. Op. cit. S. 169, 183.*

¹² *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова. М., 1993. С. 96.*

¹³ Там же. С. 97.

¹⁴ Таганрогский вестник. 1919. 16 (29) окт.

¹⁵ *Lemberg H. Op. cit. S. 170.*

¹⁶ Новгородцев Павел Иванович (1866–1924) — философ права, общественный и политический деятель. С 1903 г. профессор Московского университета. С 1904 г. член Совета "Союза освобождения". В 1905 г. вступил в кадетскую партию, кооптирован в состав ее ЦК. Депутат Государственной думы 1-го созыва. С 1906 г. возглавлял Московский коммерческий институт. В годы Первой мировой войны активный сотрудник Все-

- российского союза городов. После Февраля 1917 г. вновь профессор Московского университета. Участвовал в работе Особого совещания при Деникине. При Врангеле преподавал в Симферопольском университете. В эмиграции в Берлине, затем в Праге. В 1922 г. создал и возглавил Русский юридический факультет в Праге. Подробнее см.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. М., 1997. С. 462 – 463.
- 17 Кривошеин Александр Васильевич (1858 – 1923) – государственный и политический деятель, статс-секретарь, гофмейстер. В 1905 г. назначен товарищем главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 1906 г. член Государственного совета и товарищ министра финансов. В 1908 – 1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из ближайших помощников П.А. Столыпина. У Деникина заведовал продовольственным снабжением тыла. Возглавлял правительство Юга России П.Н. Врангеля в Крыму. С 1920 г. в эмиграции.
- 18 Львов Николай Николаевич (1867 – 1944) – земский деятель, с 1905 г. член ЦК партии кадетов, депутат Государственной думы 1-го, 3-го и 4-го созывов, в 1912 г. один из организаторов Партии прогрессистов, с 1913 г. товарищ председателя Государственной думы, в 1917 г. председатель главного совета Всероссийского союза земельных собственников.
- 19 Долгоруков Павел Дмитриевич – князь, член ЦК партии кадетов, член созданного в апреле 1921 г. в Константинополе Русского совета, игравшего роль “правительства в изгнании” генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции в Праге активно занимался общественной деятельностью: входил в пражское отделение Русского национального союза, позднее в руководство Объединения русских эмигрантских организаций (ОРЭО), был членом Временного главного комитета Всероссийского союза городов (ВГК ВСГ), а также членом Союза бывших российских судебных деятелей и русских юристов им. С.В. Завадского.
- 20 Астров Николай Иванович (1868 – 1934) – член ЦК партии кадетов, один из основателей Всероссийского союза городов, в 1917 г. московский городской голова, один из руководителей Национального центра, член Особого совещания, член Уфимской директории. В эмиграции в Праге, член ВГК ВСГ и Союза русских писателей и журналистов.
- 21 См.: Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 338.
- 22 *Lemberg H.* Op. cit. S. 173.
- 23 *Ibid.* S. 175.
- 24 *Ibid.* S. 176.
- 25 *Струве П.Б.* Два национализма // *Patriotica Россия. Родина. Чужбина.* СПб., 2000. С. 97.
- 26 Там же.
- 27 Приазовский край. 1919. 20 окт. (2 нояб.).
- 28 “Совершенно лично и доверительно!”... Т. 1. С. 127.
- 29 Приазовский край. 1919.3 (16) нояб.
- 30 Великая Россия. 1919. 31 окт. (13 нояб.).
- 31 Жизнь. 1919. 25августа (7 сент.).
- 32 Там же.
- 33 Приазовский край. 1919. 30 окт. (12 нояб.).
- 34 “Совершенно секретно и доверительно!”... Т. 1. С. 127.
- 35 Там же. С. 128.
- 36 Великая Россия. 1919. 22 окт. (4 нояб.).
- 37 Наша родина. 1919. 25 окт.
- 38 Там же.

- ³⁹ *Lemberg H.* Op.cit. S. 177.
- ⁴⁰ ANM. F.K. Kramář. Kart.102.
- ⁴¹ Впоследствии Василий Акимович Харламов жил в эмиграции в Чехословакии, активно занимался общественной деятельностью.
- ⁴² *Ibid.* S.177 – 178.
- ⁴³ ANM. F.K. Kramář. Kart. 102.
- ⁴⁴ "Национальный центр" — организация, созданная для победы над большевиками, воссоздания "единой великой России", преодоления партийной разобщенности, образования широкого межпартийного общественно-политического фронта, поддерживавшая военные силы и союзническую помощь и призванная способствовать образованию российской государственности. Имела отделения на Юге России, устраивала многочисленные собрания в Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, см.: Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 189; там же см. о П.Н. Долгорукове.
- ⁴⁵ *Lemberg H.* Op. cit. S. 177 – 178.
- ⁴⁶ Таганрогский вестник. 1919. 25 окт. (7 нояб.).
- ⁴⁷ Наша родина. 1919. 28 окт.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Общее дело. 1921. 18 янв.
- ⁵⁰ "Совершенно лично и доверительно!"... Т. 1. С. 145.
- ⁵¹ Наша родина. 1919. 9 авг.
- ⁵² Приазовский край. 1919. 3 (16) нояб.
- ⁵³ "Совершенно лично и доверительно!"... Т. 1. С. 142.
- ⁵⁴ Там же. С. 146.
- ⁵⁵ Таганрогский вестник. 1919. 10 (23) нояб.
- ⁵⁶ Призыв. 1919. 3 нояб.
- ⁵⁷ Приазовский край. 1919. 12 (25) нояб.
- ⁵⁸ "Совершенно лично и доверительно!"... Т. 1.С. 146.
- ⁵⁹ См., например: Šauer J. Karel Kramář na mírové konferenci v Paříži // Mezinárodní vztahy. 1993. Č. 3. S. 91.
- ⁶⁰ ANM. F.K. Kramář. Kart. 102.
- ⁶¹ См., например: *Lemberg H.* Op. cit. S. 179 – 180; Šauer J. Op. cit. S. 91.
- ⁶² *Lemberg H.* Op. cit. S. 179 – 180.
- ⁶³ Воля России — журнал политики и культуры. 1922. № 6 (34). С. 19.
- ⁶⁴ Там же. С. 20.
- ⁶⁵ "Совершенно лично и доверительно!"... Т. 1. С. 128.
- ⁶⁶ *Nové Rusko.* 1925. Č. 9.
- ⁶⁷ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 216.
- ⁶⁸ Воля России. 1922. № 6. С. 20.
- ⁶⁹ Там же. С. 21.
- ⁷⁰ Воля России. Еженедельник. 1922. № 14. 8 апр. С. 2.

Глава 13

“Русский кризис”

*

Одной из наиболее обстоятельных работ К. Крамаржа о России является его книга “Русский кризис”, частично опубликованная на чешском языке в нескольких газетных и журнальных вариантах¹, затем отдельными изданиями на немецком и русском языках в русской типографии Е. Гутнова в Берлине тиражом 3000 экземпляров каждое². В 1925 г. книга с дополнениями и изменениями автора вышла в переводе А.С. Изгоева на русский. Это последнее издание насчитывает 635 страниц и посвящено жене автора Надежде Николаевне.

Крамарж поставил задачей этого исследования не только вскрыть причины русской катастрофы, но и определить путь дальнейшего развития России после освобождения от большевиков. Конечно, ни сам автор, ни большинство его современников из числа, как сторонников, так и политических оппонентов, не могли даже предположить, что власть большевиков просуществует в России 70 с лишним лет, что после Второй мировой войны и в Чехословакии более чем на 40 лет будет установлен “коммунистический” режим. Работа над книгой продолжалась в течение длительного периода, и выходила она разными изданиями в разные годы, поэтому Крамарж в последнем издании сам признавался, что в 1918 г. он и не предполагал, что господство большевиков затянется на столь долгие годы. “Мне не могло придти в голову, — писал он, — что державы Согласия, преданные в Брест-Литовске, оставят Россию в руках изменников и не помогут людям, пытавшимся с изумительным героизмом смыть позорное клеймо с доброго имени русского народа и освободить Россию от шайки, поддержанной ее врагом”³.

Но все же даже в середине 20-х годов XX в. казалось, что вот-вот все должно измениться — большевики уйдут (или их уйдут) с политической арены, и им на смену придут новые демократические силы, которые сумеют вывести Россию из кризиса и воссоздать сильное процветающее государство. Так как эта задача и теперь стоит перед нами, мысли чешского политика, всю жизнь влюбленного в Россию и считавшего ее своей

второй родиной, хоть и высказанные совсем в другой обстановке около восьми десятилетий назад, все-таки весьма любопытны и безусловно заслуживают пристального внимания. Поэтому позволим себе более подробно остановиться на этой работе.

Книга Крамаржа состоит из введения, трех частей, каждая из которых в свою очередь делится на ряд глав, и заключения. В начале своего произведения автор рисует картину падения международного престижа и роли России в Европе и мире, которые без сомнения являлись следствием ее внутреннего кризиса. "Россия, — писал он, — гордившаяся тем, что всегда до последнего гроша выплачивала свои долги, ныне от них отрекается. Россия, строившаяся на верности своим обязательствам, в Брест-Литовске изменила всем, кто ей верил, потеряла всякое уважение и внимание своих друзей, не приобретя их и у своих врагов. Русские солдаты при Суворове своими походами через швейцарские ледники возбуждали изумление во всей Европе. Еще в нынешнюю войну они подчас с одними палками в руках шли приступом на неприятельские позиции, вооруженные пулеметами и пушками. А после того же Россия имела армию, распродававшую оружие, пушки, припасы, и неудержимо бегавшую домой... Мир не видал еще более страшной картины внутреннего разложения"⁴. Несмотря на эмоциональность изложения и некоторые преувеличения, к которым Крамарж вообще был склонен, мысль предельно ясна. Брестский мир, как бы он не оправдывался с точки зрения вынужденной меры, все же был преступен, так как делал бессмысленным огромные жертвы, понесенные Россией в мировой войне. Страна, в течение трех с половиной лет несшая основное бремя войны, оказалась исключенной из стана победителей, лишилась поддержки своих союзников, оказалась в международной изоляции.

Крамарж подчеркивал, что мысли, изложенные в работе, порождены не злобой дня, а во многом — плод его давнишних наблюдений и опасений, так как значительная часть книги была написана им еще в тюрьме в 1915—1917 гг., когда мало кто предвидел развал России.

Мысль Крамаржа о том, что для всего человечества русский кризис является "антипримером", не нова. Ее высказывали даже чешские социалисты⁵. Так газета "Pravo lidu" в середине ноября 1917 г. с негодованием писала: "До сих пор неизвестно, кто победит — Керенский⁶ или Ленин. В России 5 правительств. Гражданская война! Борьба одних против других, борьба партий и классов, борьба угнетенных против угнетателей, борьба одного народа против другого, взаимное недоверие, насилие, террор, диктат, средства, используемые обеими сторонами в невиданных ранее размерах, акты мщения, убийства, грабежи

общественных и правительственных зданий, поджог дворцов — такова грозная картина, которую представляет сейчас великая Россия. И все это в период войны, когда миллионы и так гибнут на фронтах"⁷. Эту же мысль с еще большей четкостью сформулировал и один из лидеров чешских социал-демократов Ф. Модрачек: "Мы чешские социал-демократы не большевики и большевиками не будем. Мы никогда в условиях опасности не будем вонзать кинжал в грудь народа"⁸. Однако Крамарж дополнил и усилил это положение, отметив, что из отрицательного русского опыта вывод должны сделать прежде всего русские. Причем здесь же он подчеркивал трудность задачи. Он указывал: "Люди видят, куда ведет не только ошибочная политика власть имущих, но и демагогическая разнузданность грубейших инстинктов широких народных масс, к какому печальному концу для государства приводит безоглядное осуществление социалистических лозунгов и теорий. Было бы страшнейшим преступлением для России, если бы на русской катастрофе поучались все, кроме самих русских. Людям, выросшим в известных традициях и формулах, в известном партийном способе мышления, вовсе не так легко отбросить все, чем они до сих пор жили, и зажечь по-новому. Но иначе как, перестроив на новых началах жизнь и широких народных масс, и интеллигенции, нельзя спасти Россию. Вся психика каждого русского человека должна стать иной, чем была доньше. В противном случае напрасно лилась благороднейшая русская кровь"⁹.

Хотя В. Маяковский в одном из своих поэтических опусов¹⁰ намекал на то, что ненависть Крамаржа к большевикам проистекает оттого, что его лишили виллы в Крыму¹¹, — это объяснение вряд ли может теперь кого-то удовлетворить. Именно эта причина как основная в антибольшевистской борьбе фигурировала и в большинстве исторических работ советского периода. Хотя многочисленные воспоминания и высказывания противников большевизма свидетельствуют о том, что отнюдь не сожаления об утерянной собственности двигали людьми, поставившими своей целью борьбу против ненавистного режима. Еще в мае 1920 г. главнокомандующий Русской армией генерал-лейтенант П.Н. Врангель декларировал отказ от имущественных претензий. В 1924 г. с подобным же заявлением выступил и бывший верховный главнокомандующий Русской императорской армией великий князь Николай Николаевич¹². На Российском зарубежном съезде в Париже (1926 г.) был подтвержден отказ от реституции собственности после падения большевизма¹³. Следовательно, все обстояло гораздо сложнее. С войной, революционными событиями, со свержением мо-

нархии и большевистским переворотом, с распадом империи исчез прежний мир, были подорваны общественные устои, попорчены традиции, моральные нормы. Не только либералы, демократы, всю жизнь выступавшие против реакционных порядков, но и многие революционеры-радикалы иных, нежели большевики, направлений, проведшие годы в тюрьмах и на каторге за светлые идеалы, столкнувшись с "революционной" действительностью, активно выступили против новой власти (либо перешли к пассивному сопротивлению). Крамарж специально подчеркивал, что ничем не связан с существовавшим в России режимом, и высказывал надежду, что ему "не будет поставлено в упрек желание высказать, как представляет себе новую Россию человек, при обсуждении русских дел всегда руководствовавшийся только глубокой и искренней любовью к несчастному русскому народу"¹⁴. Введение, датированное апрелем 1921 г., заканчивалось следующими авторскими словами: "Я не переставал надеяться и несокрушимо верить в его (русского народа. — Е.С.) великую, прекрасную будущность даже в тягчайшие минуты, когда отчаяние овладевало всеми"¹⁵.

При написании своего труда Крамарж пользовался не только непосредственным опытом и наблюдениями во время многократных поездок в Россию, но и литературой. Он был знаком с работами Т.Г. Масарика о русской истории, литературе, религиозной философии, трудами историка, государственного и общественного деятеля П.Н. Милюкова о русской культуре, интеллигенции, воспоминаниями маркиза де Кюстина, статистическими исследованиями, статьями и брошюрами самих революционеров¹⁶.

Первая часть книги посвящена причинам русского кризиса. Крамарж начинает издаека, или, вернее сказать, из "глубины веков". *Общие причины русского кризиса* он связывает с особенностями менталитета, душевного восприятия действительности русскими, что, в свою очередь, определялось спецификой географического положения, климатических условий, ландшафта, огромными просторами и природными богатствами России, ее экономическим и историческим развитием. Он обращает внимание на то, что в отличие от Западной Европы в России мало городов и слабо развита городская культура¹⁷. Все эти обстоятельства, по его мысли, отразились на духовном и политическом развитии России. В связи с этим он замечал: «Ныне принято говорить с некоторым презрением о "буржуазии", но нигде не чувствуется так ее значение для культурной жизни Западной Европы, как там, где ее нет, но где хотят жить по западному, то есть в России»¹⁸. Малочисленность в России буржуазии и рабочих — двух основных классов развитого индустри-

ального общества — предопределяла "сильную власть земли над огромным большинством русских людей"¹⁹ даже при условии, что они переставали заниматься земледелием. Крамарж цитировал выступление кн. Е.Н. Трубецкого на совещании неославистов в Москве в 1909 г., когда тот заявил: "Мы, как медведи, дети долгой русской зимы, мы долго спим, и много времени уйдет, пока проснемся". А "пробуждение", по мнению чешского политика, всегда бывает стихийным²⁰.

Он указывал и на психологические особенности русского характера: "В результате своей слабой действительности русский человек склонен к мечтательности, фантазерству, пренебрежению реальным, которое столь мало привлекательно, а потому к известному мистицизму. В наибольшей степени это приложено к рядовому крестьянину, небогатому помещику и священнику. Они сильнее кого-либо другого ощущают бесконечность долгих русских зим и однообразие русской сельской жизни, почти нетронутой культурой. Чем мертвеннее в деревне, тем упорнее человек ищет жизни внутри себя. Последствие этого мы и видим в сектантстве русских крестьян, особенно в штундизме²¹ и духоборстве, и в том, что первые русские революционеры вышли из духовных лиц и мелкопоместных дворян"²². Вероятно, на Крамаржа во многом повлияли взгляды Масарика, его противопоставление России и Европы, подчеркивание различий городской и сельской жизни, утрирование специфики русского мышления, философского и исторического развития²³.

Проявления этих русских особенностей оба чешских политика и мыслителя видели и в русской литературе. Крамарж подчеркивал, что "русская душа" чувствуется и в "душевном самоанализе русской литературы, действующей так глубоко и захватывающе, потому что она вытекала из неотразимой внутренней потребности каждого хорошего человека, а не рождена одним лишь искусством русских писателей"²⁴. Вообще мотив "загадочной русской души" часто использовался в выступлениях и работах Крамаржа, "Русский кризис" в этом смысле не исключение. «Во всем что делает русский человек, — писал он, — чувствуются бесконечные горизонты, необъятные дали... Как в дурном, так и в хорошем, всюду, сказывается широкая русская натура, которой не включить в узкие рамки западной дисциплинированности и мелочности, ненавистных каждому русскому, как "пошлой мещанство" (Герцен). Это делает русского столь отличным от нас и так душевно близким, даже когда мы ужасаемся тому, что он творит... Точно мы всегда чувствуем, что "бесы" овладели русской душой по воле злой и чуждой силы»²⁵.

Психологические черты русского этноса плавно переплетались у него со специфическим историческим развитием страны. Крамарж развивал свою мысль дальше: "Внешняя сила была даже могущественнее всяких природных влияний... Русь росла в постоянной борьбе с татарами и монголами, с Литвой, поляками, шведами... В характере русских всегда было нечто от кочевника. Русский не был привязан интенсивным, тяжелым трудом к земле, которую он бы полюбил за свой пот и свои мозоли. Он всегда стремился вдаль и чего-то искал... Это стремление усиливалось непрерывным расширением государства и связанным с ним созданием новых военных границ, на которые переселялся и крестьянин, и дворянин"²⁶. В этом пассаже заметно уже и влияние теорий евразийцев²⁷. Хотя этот последний тезис К. Крамаржа достаточно спорен, так как русские тысячами веками вели оседлый образ жизни, большинство населения — крестьяне — были привязаны к земле, занимаясь земледелием.

Далее Крамарж подходил к характеристике самодержавия, считая, что своеобразие исторического развития России привело к сосредоточению всей власти у царя и обожествлению этой власти: "Царь, таким образом, превратился в высшего подателя всех благ, которыми кто-либо владел на Руси. Московский царь присвоил себе и священный ореол, объявив себя наследником Византии, после того как турки покончили с греческой империей. Это наследство оказалось для России роковым. Самодержавие благодаря ему превратилось во времена романтизма в религиозное учреждение и просуществовало в таком виде до революции 1905 г. ... Глубже всего можно определить самодержавие, как теократию, цезаро-папизм. Вместе с греческим ореолом царское самодержавие восприняло и главную особенность восточных церквей — ее косность и окаменелость..."²⁸ Он полагал, что точнее всего определил цезаро-папизм К.Н. Леонтьев, говоривший, что истинное христианство состоит в слепом и беспрекословном повиновении царю. Леонтьев считал, что в России "могучи... только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир"²⁹. И хотя теоретически, как писал Крамарж, Леонтьевым не восхищались даже консерваторы, но на практике его взгляд поддерживался вплоть до 1905 г. Даже для людей, не согласных с Леонтьевым, самодержавие оставалось священным и не раздельным со Святой Русью. Они видели в нем священную традицию и залог внешнего могущества России.

Крамарж еще и еще раз акцентировал различия социального развития России и Европы, иной характер западного абсолютизма. Он отмечал, что на западе монарх в какой-то степени

защищал крестьян от излишней эксплуатации дворянами (вспомним хотя бы патент Марии Терезии (1775 г.), целью которого было улучшить положение крестьян как основного податного сословия³⁰). По мнению Крамаржа, западный "просвещенный абсолютизм", особенно при Марии Терезии и Иосифе II в Австрии, а в Пруссии при Фридрихе II, являлся прогрессивным. В России же после истребления боярства осталось лишь служилое дворянство, не было культурного городского гражданства, самоуправляющихся организаций, цехов, корпораций, "все жило по единому образцу, установленному самим царем в зависимости от военного развития своей державы"³¹. Здесь Крамарж также не совсем точен, так как, скажем, цеховые организации были введены в России Петром I, правда, на много веков позже, чем сформировались в Западной Европе. Кроме того, как писал С.Г. Пушкирев³², в европейской истории было три общепризнанных просвещенных монарха: Иосиф II, Фридрих Великий и Екатерина II Великая. Крамарж противопоставлял западный "просвещенный" абсолютизм, включая австрийский и прусский, российскому. Однако Я.В. Шимов считает, что западный (прежде всего, французский) и возникший на столетие позже центральноевропейский (Пруссия, Австрия) "просвещенный абсолютизм" значительно отличались друг от друга, причем последний был более близок к российскому абсолютизму. Он указывал: «Главной опорой "просвещенных деспотов" являлось не "третье сословие", которому в Австрии, Пруссии и России лишь предстояло возникнуть, а реформаторски настроенная часть дворянства и военная и гражданская бюрократия, развитию и укреплению которой уделяли первостепенное внимание все вышеперечисленные государи»³³.

О том, что Крамарж в какой-то степени считал оправданным западный абсолютизм, вспоминал и профессор Варшавского и Петербургского университетов Н.И. Кареев³⁴. Он описывал свою воскресную поездку с Масариком, Крамаржем и Кайзлом в живописные окрестности Вены и их оживленную беседу, во время которой Крамарж, жалуясь на внутреннюю политику Австрии, заявил, что лучше бы был абсолютизм, но под условием всяких видов свободы, на что Кареев, по его словам, шутливо заметил, что хорошо, что он не репортер какой-либо газеты, а то мог бы опубликовать этот разговор, и Крамаржа не стали бы выбирать в рейхсрат³⁵.

Конечно, историческое видение России у Крамаржа до некоторой степени схематично, отдельные факторы преувеличены, но определенные детали схвачены верно. Так, он совершенно справедливо заметил огромное значение как военной, так и гражданской бюрократии. "В России, вследствие внеш-

них опасностей и определенной военной политики, — писал он, — все жители служили, первоначально в войске, а затем в канцеляриях. Чин сделался могущественным социальным фактором. Совершенно не существовало свободных, самостоятельных личностей, живущих по собственной воле и по свободному усмотрению"³⁶. Хотя и здесь есть натяжки: с манифеста Петра III (1762 г.) дворяне освобождались от обязанности служить, государственные крестьяне (45% населения) практически не призывались в армию, духовные лица не подлежали ни государственной, ни военной службе.

Возмущало Крамаржа и то обстоятельство, что в России с такой легкостью, как нигде в других странах, относились к факту взяточничества чиновников, просто как к "неизбежной поправке недостаточности их жалования"³⁷, — не правда ли, звучит актуально до сих пор! Хотя чешский политик наверняка имел в виду западноевропейские страны, так как взяточничество не было "чисто русским" явлением — в Турции, Египте, на Балканах, в Латинской Америке взятка была почти узаконена.

В отличие от славянофилов и их последователей, усматривавших в крестьянской общине положительный фактор и даже зачатки социалистического начала, Крамарж весьма негативно расценивал это явление: «Крестьянин был связан не только крепостным правом, но и круговой порукой, взаимной ответственностью всего общества, одного его члена за другого, в уплате всех податей и повинностей, которые должен был собирать с общества помещик. А когда пало крепостное право, осталась круговая порука, осталась ответственность общества за подати и выкупные платежи, выданные государством помещикам... Не было установлено право личной собственности крестьянина на землю, а сохранен "мир"... На самом деле... "мир" не был ни священным, ни исконным, а просто учреждением для страхования поступления крестьянских податей и налогов. Круговая порука и "мир" с его общинным правом оказались зловреднейшими русскими учреждениями, которые уничтожили в русском крестьянине всякую инициативу, энергию, индивидуальность, задушили всякий прогресс и не позволили развиваться государственному сознанию»³⁸.

Крамарж обращал внимание и на недостатки воспитания основной массы как крестьян, так и дворян (не в смысле образовательного уровня последних, а их инициативности, стремления к новым интенсивным способам хозяйствования). Он писал: «Для 80% русского народа государство было почти мифом. Народ знал только царя, который и был для него и государством, и отцом, которому он повиновался... Крестьянин мог познать "свободу" и воодушевиться ею только тогда, если она оз-

начала передел дворянской земли и возможность уйти с фронта, чтобы не опоздать к переделу»³⁹. Никто, по мнению чешского политика, особо не заботился о воспитании народа. Самодержавие видело в народном образовании угрозу своему существованию. Интеллигенция же обрабатывала народ в своем революционном духе. Она лишь уничтожила в нем веру в авторитет царя и церкви, давая за то надежду на господскую землю, вместо того чтобы учить лучшим способам хозяйничанья. "Дворянство, — по его замечанию, — воспитанное долгим рабством в лени, косности и расчете на чужой труд, хозяйничало, опираясь на своих крепостных, самым экстенсивным способом... Все воспитывало русского человека в лени, косности и бездействии, — не только длинные зимы и его медвежья натура, но и скверная политика и дурное воспитание. В России никто не отвечает за себя, за собственные начинания. Чиновника покрывала вся бюрократия, защищавшая свое всемогущество солидарностью и заботливым укрыванием всех своих грехов и недостатков..."⁴⁰. Крамаржа часто упрекали в идеализации России и русских, но из приведенных выше высказываний ясно, что от его взгляда не укрылись ни негативные черты русского характера, отмечавшиеся и до него многими иностранцами⁴¹, ни недостатки хозяйственной и общественной жизни нашей страны. Нельзя сказать, чтобы его взгляд был такой уж "зашоренный", скорее, наоборот, читая его критику, ловишь себя на мысли, что подчас его замечания излишне суровы, а зачастую и противоречивы. Вообще мнения иностранцев, побывавших в России или живших там какое-то время, никак нельзя считать объективным источником и принимать за абсолют. В данном случае столь обширное цитирование "Русского кризиса" необходимо не для того, чтобы показать русскую действительность того времени, а скорее понять ее восприятие Крамаржем.

Пожалуй, никто из иностранцев, да и из соотечественников, кто серьезно задумывался над российской историей, не мог обойти стороной эпоху Петра Великого. Причем характеристики и оценки его реформ сводились почти всегда к двум противоположным полюсам: от прославления до отрицания и порицания. У Крамаржа взгляд на петровские реформы не столь однозначен. Он так смотрел на преобразования России в начале XVIII в.: "Реформы Петра, хотя и означали глубокий разрыв со старой Русью и открыли Европе двери в Россию, мало изменили русского человека... Петровская реформа не была ни органичной, ни систематической. Она сводилась к случайным подражаниям тому, что ему понравилось в Европе, но не была переустройством до основания, улучшающим не только государственственный порядок, но и воспитание личности и наверху, и

внизу... Россия раздвоилась... Народ жил старой жизнью, а общество европеизировалось..., все более и более расширялась пропасть между народом и его высшими слоями, особенно интеллигенцией. Из этого, конечно, не следует, что правы славянофилы, считающие реформу Петра крупнейшим несчастьем России. Несчастьем было не то, что Петр открыл Россию европейским влияниям, а то, как он это сделал и в особенности как его самодержавные преемники старались сочетать свое византийское самодержавие с европейскими влияниями"⁴². Крамарж упрекал Петра и в том, что, учредив Священный Синод, он тем самым внутренне спаял церковь с самодержавием⁴³.

Опять возвращаясь к сопоставлению России и Европы, Крамарж вслед за Масариком писал, что "русские — не турки, не имевшие ничего общего с Европой ни по языку, ни по вере", они христиане, славяне, а потому должны были европеизироваться. Но, по его мнению, "Россия проделала свою европеизацию, как и все, поверхностно, наполовину. Она превратилась в европейскую великую державу, завела по европейски управляемую и вооруженную армию, ввязывалась в европейские войны. Россия очень гордилась, что освободила Европу от Наполеоновского ярма... Но у себя дома она с крайним упорством держалась за свое византийское самодержавие и стремилась совершенно закрыть доступ всяким европейским духовным влияниям... Пропасть между государством и интеллигенцией углублялась"⁴⁴.

Говоря о капиталистической эпохе, Крамарж отмечал, что великодержавная политика российских верхов всячески поощряла развитие промышленности, в том числе и при помощи иностранного капитала, в результате чего рос не только капитализм, но и социализм. Последний нашел питательную почву не только у интеллигенции, но и у фабричных рабочих, среди которых получил свою европейскую организацию. Вместе с тем и усилившийся класс промышленников и купцов заявил о своем желании иметь слово в общественных делах. Однако противоречивость российского развития, согласно Крамаржу, выражалась даже в персоналиях: "В правительстве сидел всемогущий Витте и европеизировал Россию, усиленно насаждая европейскую промышленность. А рядом с ним, в том же правительстве, заседал Победоносцев и поддерживал, как своим саном оберпрокурора Священного Синода, так и своею юридической ученостью, мрачайшую реакцию, стремясь не дать созреть злему семени, которое в России сеял его же коллега из министерства финансов Витте"⁴⁵.

Определенным рубежом в изменении отношения общества к самодержавию Крамарж считал поражение России в Русско-

японской войне. Отрезвление было столь сильным, что "оторвало от самодержавия почти всю мыслящую Россию, не бывшую еще ни революционной, ни либеральной"⁴⁶. Опорой самодержавия осталась лишь часть высшей бюрократии.

Противники, а вслед за ними и многие историки уличали Крамаржа в монархизме и реакционности. Однако из этой и некоторых других его работ следует, что он был принципиальным противником самодержавия, полагая, что оно оправдано лишь на определенном этапе исторического развития, а его слишком длительное существование в России и явилось одной из причин революционного взрыва. Читаем в "Русском кризисе": "Самодержавие... имело некогда свое оправдание, но оно не должно было походить на византийскую окаменелость, к чему была сильная тенденция в России. Царское самодержавие стремилось соединить непогрешимость католической церкви с византийской принципиальной враждебностью всякому новшеству и развитию"⁴⁷. Бывший чехословацкий премьер подчеркивал, что идеология тесно связала понятия государство, самодержавие, бюрократия: "В России идеология самодержавия так отождествила его с государством, что все, могущее в своем развитии грозить самодержавию, ... должно было подлежать устранению и подавлению. Поэтому-то самодержавие так страшилось всеобщего обучения, так долго боялось освобождения крестьян, всяких вольностей, всякой свободной инициативы, всего самостоятельного и энергичного. Все это угрожало чиновничьему всемогуществу. Самодержавием в сущности была бюрократия... Всецело в ее руках находился самодержавный царь"⁴⁸.

Чешский политик всегда высказывался за сильное государство, но никогда не отрицал демократических атрибутов его функционирования, одним из которых он считал наличие свободной критики: "При современных усложнившихся обстоятельствах, когда государство так глубоко врежется в жизнь каждого гражданина своей культурной и социальной политикой, своим разносторонним административным вмешательством, ограничением свободной конкуренции, абсолютизм и неограниченная бюрократия немислимы. Особенно при отсутствии свободной критики. Критика тоже имеет свои недостатки, но остается единственно возможной поправкой к государственному всемогуществу. Даже парламента одного недостаточно. Без широчайшей общественной критики и верховный глава останется слепцом, простой игрушкой в руках бюрократии и двора"⁴⁹. Вряд ли подобные заявления свидетельствуют о "реакционности" Крамаржа, по крайней мере, в теории.

Автор критиковал бесконтрольность бюрократии, низкий уровень образования, взяточничество чиновников, — недостатки, до сих пор не преодоленные в России. Одним из удачных исключений он считал министерство финансов, не похожее на все остальные.

Вместе с тем традиционное чешско-немецкое противостояние, нелюбовь Крамаржа к немцам сказалась на его далеко не демократических, а скорее националистических, высказываниях: "Немцы... дали России все, что она имела самого примечательного: бюрократию, марксистский социализм, а также новейшую большую пропаганду. Нельзя, конечно, отрицать, что они нашли в России весьма старательных учеников"⁵⁰. (Как раз в октябре 1925 г. в "Lidových povíinach" появилась статья, направленная против Крамаржа и его национально-демократической партии, где он прямо обвинялся в национализме из-за его возражений против того, чтобы чешские немцы вошли в правительство)⁵¹.

Затем автор переходил к одной из своих излюбленных мыслей, которую он не раз уже высказывал в своих работах — об антигосударственном настрое русской интеллигенции. Он замечал, что те люди, которые не соглашались все прощать правительству ради поддержания мировой мощи России, видели и чувствовали, что бюрократия олицетворяла государство, Россию, всю ее государственную мощь, и начинали ненавидеть саму Россию, становились революционными, противогосударственными элементами, хотя в глубине души болезненно любили ее. "Как трудно было говорить с русским интеллигентом, — восклицал Крамарж, — не соглашавшимся пассивно, без протеста, воспринимать русскую действительность! Как отличались наши понятия о патриотизме от русских!"⁵²

Крамарж полагал, что в результате неправильной политики социально-политическое развитие России было деформировано, одно явление влекло за собой другое, противоречие, просчеты, недостатки накапливались, как снежный ком. "Точно какое-то проклятие тяготело над Россией! — писал он. — Никогда она не умела пойти навстречу неизбежному, открыто и прямо предоставить интеллигенции, а затем постепенно и всему русскому народу, право участия в государственных делах, как было уже давно сделано на Западе. В России все перенимали с Запада, железные дороги, телеграфы, телефоны, скорострельную артиллерию, все, кроме общественных учреждений, которые предоставили Западу возможность мирного развития, несмотря на все социальные тревоги второй половины XIX в."⁵³ Он сетовал, что все делалось наполовину, половинчатым осталось и освобождение крестьян, которым не дано было право

личной собственности на землю. Не был дарован парламент, между тем как его получила уже Австрия. А когда был убит Александр II, готовый подписать указ с зачатками представительного правления, "злой рок дал Александру III влиятельнейшего советника в лице величайшего преступника против России Победоносцева"⁵⁴. Под руководством Победоносцева усилилась реакция, что содействовало скатыванию России в бездну. По мнению Крамаржа, как убийцы Александра II, так и Победоносцев⁵⁵ были злейшими врагами России.

После же неудачной японской войны царь из страха перед революцией вынужден был согласиться на опубликование октябрьского манифеста, но "все лучшие стремления русской общности были обесилены неискренностью, с которой новые свободы проводились в жизнь"⁵⁶. Здесь надо заметить, что в тот период и позднее симпатии Крамаржа были целиком на стороне октябристов. Он был в дружеских отношениях с главой этой партии А.И. Гучковым и характеризовал эту партию так: "После двух опытов с радикальным большинством в двух первых думах, сильнейшей партией стали *октябристы*. Они определенно исповедовали конституционную программу, но открыто признавали, что желают путем закономерной эволюции, хотя бы ценой компромисса с властью, идти к оздоровлению русских отношений и к укреплению конституционной жизни"⁵⁷. Он подчеркивал, что именно из этой партии могло бы выработаться "твердое основание" для русского конституционализма⁵⁸.

Крамарж уверял, что, таким образом, "самодержавие стало грехом России, продолжая существовать долее, чем это оправдывалось культурными и экономическими условиями"⁵⁹. Он писал: "После учреждения Государственной думы оно (самодержавие. — Е.С.) превратилось уже в преступление людей слабых духом и фанатических либо эгоистических приверженцев старины, в преступление, заслуживавшее накликаемой кары"⁶⁰.

Слабое участие общественности в государственной жизни, отсутствие опыта управления страной у либерально-демократических политиков, привели к тому, что после свержения царизма они не смогли удержать власть. Его мысль звучала так: "Когда самодержавие в конце концов, в результате своей гнилости, свалилось в одну ночь, не оказалось налицо сильных, твердых элементов, способных на место полицейской силы самодержавия водрузить крепкую власть демократического государства, обеспечить не только политическую свободу, но и вообще дисциплину и порядок, без которых немислимо существование никакого государства"⁶¹.

Чешский политик подробно рассмотрел отдельные слои русского общества в их историческом развитии, доказывая вредное влияние на них самодержавного строя, и стремясь показать, почему разразилась революция, закончившаяся победой большевиков, которых он характеризует как "фантазеров, преступников и авантюристов"⁶². Причем почти каждому социальному слою Крамарж выставлял свой исторический "счет".

Что касается дворянства, то Крамарж возлагал на него большую долю вины за беды России, упрекая его в эгоистической заинтересованности в крепостном праве, отмененном слишком поздно. Кроме того, после отмены крепостничества крестьянин получил земли меньше, чем раньше имел в своем пользовании, и земля принадлежала не ему, а общине, всегда находясь под угрозой передела. Надо сказать, что это мнение разделял и А.С. Изгоев, считая "общинное землевладение" псевдонимом одной из центральных тем русской истории и революции. Многие современные историки соглашались с тем, что "аграрный кризис" был одной из важнейших причин революции, определивший в значительной степени ее содержание и формы⁶³. Хотя здесь надо иметь в виду, что в неменьшей мере малоземелье крестьян вызывалось и быстрым ростом их численности — "демографическим взрывом" в последней трети XIX в.

Дворянство почти не оказывало культурного влияния на хозяйственную жизнь крестьян, это могли себе позволить лишь наиболее богатые, беря в управляющие иностранцев. Дворяне либо идеализировали мужика как образец доброты и христианского смирения, либо полагались на полицию и войска. Крамарж считал, что "дворяне не понимали, что и себя спасти они могли, только сделав мужика таким же полным собственником, как были сами. Тогда в защите собственности были бы заинтересованы не горстка помещиков, а миллионы крестьян, способных глубже любить и лучше защищать орошенную их потом землю, чем какой-либо помещик, только живший с земли при помощи чужого труда"⁶⁴. Идея о прогрессивности превращения крестьян в собственников обрабатываемой земли актуальна до сих пор. Даже путешествуя по западным странам, русские дворяне не замечали благотворного влияния на весь экономический и социальный строй освобождения земледельцев и наделяния их землей. Крамарж писал: "Одну и большую часть дворянства интересовала на западе только внешность, блеск европейской культуры, а другую — то, что там было разрушительно и революционно. Первые — были слишком поверхностны, чтобы чему-либо научиться, а вторые — видели все под односторонним, замороженным углом зрения борьбы с самодержави-

ем. Их целью было не учить крестьян работать, но воспитывать их для революции. Это удалось легче, чем они даже сами рассчитывали"⁶⁵. Но весь парадокс, по Крамаржу, состоял в том, что целью крестьянской революции явилось не низвержение царя, на что рассчитывали дворяне-революционеры, а их собственная помещичья земля.

Задумываясь над вопросами православия, Крамарж полагал, что оно дает весьма мало религиозным исканиям и размышлениям, так как в нем слишком много традиционного формализма и обрядности. "Для 99% крестьян, — замечал он, — религия существует только как обрядовый церемониал, в котором она и воплощена. Религиозное учение, как таковое, остается неизвестным и выражается только в литургических молитвословиях"⁶⁶. Он делал вывод о том, что такого рода религия не могла удовлетворить духовных потребностей русских интеллигентов. Именно поэтому они охотно приняли все, что было отрицательного в учении Л.Н. Толстого — его отвержение церкви и государства, всех их учреждений, но не последовали за ним в его положительном учении — в его вере в евангелие. Отсюда вытекал атеизм русской интеллигенции. А если одиночки из народа задумывались о вере, то приходили не к безверию, а к сектам, более религиозным, чем обрядовое православие, так как религия для них становилась смыслом и содержанием всей жизни. В подтверждение своей правоты Крамарж приводил мысли Масарика, специально изучавшего религиозную философию: "Русский видит в священнике, прежде всего, чародея, живого и доброго передатчика божьей благодати, пассивного посредника, а не религиозного учителя и вождя"⁶⁷.

Характеризуя славянофилов как очень благородных людей, Крамарж считал, что они инстинктивно чувствовали (а на примере Запада и видели), что последовательно логичное мышление ведет к ниспровержению всех предрассудков, поддерживаемых государством и церковью, а, следовательно, к революции и хаосу, чего они опасались. Поэтому они и объявили своим идеалом религию чувства и сердца в противоположность рационалистической вере запада. Крамарж цитирует И.В. Киреевского, писавшего в 1852 г.: "Русский человек душевно целен, его совесть дает ему спокойствие и удовлетворенность, хотя он чувствует и всегда признает свое несовершенство, европеец убежден в своем совершенстве, но, несмотря на это, он никогда не бывает ни доволен, ни счастлив, так как в своей духовной жизни он раздвоен и охвачен скептицизмом и неверием. А без веры жить нельзя!"⁶⁸ Славянофилы объявили православие неотъемлемой частью государственного мышления, а граф Уваров⁶⁹ соединил в одной формуле "православие, самодержавие и

народность". Однако слияние церкви с самодержавием отчасти явилось, по мнению чешского автора, причиной ненависти интеллигентских кругов к церкви.

Далее шли рассуждения Крамаржа, с которыми никак нельзя согласиться. Он абсолютно ошибочно утверждал, что если на западе церковь долгое время была носительницей цивилизации и культуры, двигателем всей духовной жизни, поэзии, науки и искусства, то в России церковь не имела почти никакого влияния на культуру. На самом деле церкви и монастыри в России традиционно были центрами образования, просвещения и книжности, в XIX в. активно развивалась теория и история церкви, религиозная философия, больших высот достигли такие виды искусства как иконопись, сооружение храмов, их роспись, церковная музыка и т.д. Неверны и утверждения Крамаржа о том, что наука в России целиком была заимствована с Запада, а народное творчество целиком оставалось языческим.

Но тесная связь церкви и самодержавия подмечена была вполне справедливо: "Церковь в силу того, что давала священную санкцию самодержавию, что являлась послушной слугой государственных учреждений, пресмыкалась и прислуживалась перед бюрократическим самодержавием, несет большую и тяжелую часть вины за постигшую Россию катастрофу... С другой стороны, своей косностью, своим отвращением от всякой новизны церковь оттолкнула от себя всех, стремившихся к созданию новой, лучшей России, толкала их не только к атеизму, но и к радикальной вражде с церковью"⁷⁰. По мнению Крамаржа, русское православие переживало и переживает кризис, не менее тяжелый и глубокий, чем русское государство. После свержения самодержавия церковь оказалась в вакууме. Лишь провозглашение церкви свободной и избрание патриарха единым и независимым ее главой Крамарж считал одним из главных завоеваний революции.

В следующей главе автор последовательно рассматривал *города, промышленность и рабочий класс*. Он подчеркивал, что в России долгое время не существовало основ для денежного хозяйства, которое является условием развития городов, их торговли и промышленности. До освобождения крестьян в стране преимущественно господствовало натуральное хозяйство. Поэтому, считал он, в России не было и нет национальной буржуазии, которая является главным носителем культурного и экономического прогресса и основным борцом за политические свободы. "Так как Россия вступила на путь европейской жизни, желая вести европейскую мировую политику, что ни с материальной, ни с финансовой стороны невозможно без европейской промышленности и торговли, то этот недостаток буржуа-

зии и городской культуры явился одним из самых роковых русских недостатков"⁷¹, — писал он. Недостаток крупных богатых и свободных городов имел в политическом и социальном отношении пагубное значение, так как стремление к политическим свободам вдохновлялось не мощным социальным классом, а скорее одиночками. Крамарж полагал, что "сознательная, сильная буржуазия, конечно, не уступила бы социальной мечтательности, пока не обеспечила бы политической свободы. Она сознавала бы, что, прежде всего, необходимо сильное конституционное демократическое государство, а уже только затем можно и даже нужно приступить к широкой социально-реформаторской деятельности, потому что как раз конституционное государство, построенное на широком демократическом основании, должно (подчеркнуто здесь и далее в тексте. — Е.С.), если хочет обезопасить себя от насильственных переворотов, привлечь к себе обширнейшие слои народа и построить без социальной революции социально справедливое, демократическое государство"⁷². Как видим, Крамаржу не были чужды и социально-реформаторские идеи. Интересно, что В. Сис в своей книге о Крамарже, изданной еще при жизни последнего, писал о нем как о противнике псевдолиберализма и стороннике социалистических теорий. При этом он ссылался на речи Крамаржа по рабочему вопросу, выступления в защиту всеобщего избирательного права, большего представительства рабочих в парламенте и сам факт того, что социал-демократы размножали его речи в листовках⁷³. Хотя, безусловно, это некоторое преувеличение.

Недостаток городов и буржуазии привели к тому, что русский либерализм, по мнению чешского политика, всегда был слабым. Крамарж указывал, что "не было однородной, дисциплинированной, большой партии, а были лишь одиночки с их личными взглядами, интересами, предпочтениями"⁷⁴. А так как природа не терпит пустот, "рядом и против либерализма подымались революционеры разных школ и учений, в своем социальном утопизме, не ограниченном пониманием условий, ненавидевшие либеральную буржуазию еще больше, чем самодержавную власть"⁷⁵.

Промышленная жизнь России, считал Крамарж, намного отставала от европейской, она росла сначала при содействии власти, затем поддерживалась запретительными пошлинами на иностранные товары. До освобождения крестьян внутренний рынок сбыта был не развит. И само промышленное развитие в известной степени было искусственным. Здесь, пожалуй, чешский политик и предприниматель также сгущает краски. Любопытно в этой связи сопоставить выдержки из экономического

доклада Н.Н. Нордмана, подготовленного к Парижской мирной конференции в 1919 г. Говоря о развитии российской промышленности, автор писал, что на рубеже XVII – XVIII столетий Петр I предпринял попытку создать промышленное производство (суконное производство в Московском районе и металлургию на Урале, северо-западном и частично центральном районах). Массовый вывоз дешевого русского сырья был возможен только морским путем, отсюда стремление к берегам Балтийского и Черного морей. С выходом к морям стала развиваться торговля, расти города, подниматься культурный уровень населения. А с середины XVIII в. в центральном промышленном районе создалась без всякого поощрения со стороны правительства искусством и энергией русского крепостного населения русская текстильная промышленность, хлопчатобумажная и льняная. Далее последовал гигантский рост горнозаводской промышленности на юге России, развитие железнодорожной сети. Привлечение русского и иностранного капиталов вели к энергичной разработке залежей железа в бассейне Днепра и каменного угля в бассейне Дона. К началу XX века, по данным, указанным в докладе, *общая сумма производства русской промышленности достигла суммы производства сельского хозяйства* и в дальнейшем ее обогнала⁷⁶. Необычайно актуально звучит сейчас и вывод автора доклада о том, что стремление превратить Россию в страну, производящую главным образом сырье в обмен на снабжение ее западными предметами промышленного производства – *совершенно ложная идея*. Наоборот: существующие экономические условия России не оставляют никаких сомнений в том, что судьба русского народного хозяйства самым тесным образом связана с судьбой ее промышленности⁷⁷. Нордман указывал: “Только путем восстановления и развития русской промышленности можно восстановить пошатнувшееся русское народное производство, и стремиться сделать Россию только производительницей сырья значит пытаться вернуть ее на несколько столетий назад”⁷⁸.

Говоря о рабочем классе, Крамарж подчеркивал низкую квалификацию, ведущую к низкой производительности труда, а, следовательно, низкую зарплату и чудовищную эксплуатацию (рабочий день нередко длился по 12 – 15 часов). На последнем этапе положение рабочих крупных машиностроительных и металлургических заводов приближалось к типу западноевропейского. Но по производительности и качеству труда русские рабочие стояли ниже западных, а по социальным требованиям и скорости их исполнения опережали их. Крамарж считал, что “выучила их этому русская интеллигенция, ...вычитав требования социальных программ западного рабочего клас-

са"⁷⁹. Он приводил конкретный пример: декретом Временного правительства был введен восьмичасовой рабочий день, но по производительности он равнялся лишь 5 1/4 часам работы английского рабочего. В конце главы Крамарж приводил статистические данные о численности рабочих на 1908 г.: в России промышленные и сельскохозяйственные рабочие составляли 6,5% всего населения, тогда как в Австрии — 23,3%, в Германии — 37,2%, а Англии — 45,8% всех занятых⁸⁰.

Следующий раздел был посвящен крестьянам. Здесь Крамарж указывал, что революция стала возможной лишь благодаря пассивности сельского населения, равнодушного к судьбам государства и знающего лишь свои ближайшие интересы. Он вновь обрушивался на общину и круговую поруку, считая, что они воспитывали народ без энергии, бездеятельный и ленивый, и тормозили его хозяйственное развитие. Причем отмена крепостного права рассматривалась как долг гуманности, а о том, как разрешить аграрный вопрос с экономической, производственной стороны никто и не думал. Крестьян, по его замечанию, освободили от правовой зависимости от помещика, но не от хозяйственного преобладания. Крамарж вновь подчеркивал важность личной собственности на землю: "Как повсюду в целом свете, так и в России, высшая производительность будет достигнута крестьянином лишь тогда, когда он на своем, достаточно большом и округленном участке станет работать для себя и своих детей, любя свою землю и свой труд на ней. Тогда он научится также уважать чужую собственность и чужой труд"⁸¹. Аграрную реформу П.А. Столыпина он оценивал очень высоко⁸², говоря, что она "бесспорно, останется его исторически непреходящей заслугой", не меньшей, чем освобождение крестьян. Но это великое начинание не было завершено. Недостаточность Столыпинской реформы Крамарж видел в сохранении огромных латифундий, которые, по его мнению, были "грехом против русского народа, теснящегося на узком клочке земли"⁸³. Он имел в виду не конфискацию земли, а ее передачу за справедливый выкуп. При этом он отмечал: "Было бы ошибкой совершенно уничтожить крупные хозяйства... Они могли бы стать пионерами земледельческой культуры, если бы им оставить максимум пахотной земли, необходимой в зависимости от климата и плодородия для образцового хозяйства"⁸⁴. Леса же, по его мнению, должны были перейти в руки государства. Важное значение Крамарж придавал перевоспитанию крестьян: "Русский человек должен всецело преобразиться, до основания, если только в России должна установиться хорошая и здоровая жизнь. Никакая внешняя перемена формы правления, будь то республика или новая монархия, не поможет. Русский

крестьянин должен стать здоровым и сильным, тогда и интеллигенция перестанет быть неврастеничной, больной душой и телом, безвольной, бездеятельной, способной к бесконечным разговорам, фантазированию, бесплодному критиканству, иногда к героическому самопожертвованию, но редко — к упорной, последовательной работе"⁸⁵. При этом Крамарж подчеркивал, что нельзя изменить человека только теориями и воспитанием, — ему надо дать возможность жить по-новому. В заключение он писал: "В России до сих пор заботились только об изменении государственных учреждений или социальных порядков, а Столыпинскую реформу, стремившуюся изменить самого русского человека, отвергали как величайшую по своей фанатичной мечте о новой России опасность"⁸⁶.

Самая большая по объему глава представляет собой попытку объяснить *психику русского интеллигента*. Крамарж анализирует уровень образования в России. Он считал, что дворянству достаточно было поверхностного образования, необходимого при дворе и для общественной жизни в столицах. Но гораздо важнее для России было даже не углублять науку и искусства, а заботиться о распространении знаний. К началу XX в. в России насчитывалось около 30 тыс. земских школ и 18 тыс. — церковно-приходских. Процент неграмотных новобранцев резко снизился с 95% в 1865 г. до 55% в 1898 г. Однако в эпоху реакции (1887 г.) последовал запрет получать среднее и высшее образование детям низших слоев. Его удивляло студенчество: "Русская молодежь... обладала одним великим свойством, которое не встретить ни у одной молодежи в мире: безусловной готовностью жертвовать всем за идею, карьерой, общественным положением и более всего жизнью... Университетской молодежи принадлежит заслуга, что революционное движение никогда не замирало, но она же несла и вину, что оно было лишь революционно отрицательным, столь мало политически и государственно творческим"⁸⁷. Чем больше ужесточался режим, контроль за университетской жизнью, тем более революционизировались университеты. В революции 1905 г. (эти события Крамарж имел возможность наблюдать непосредственно, находясь в России) студенчество, по его замечанию, играло большую роль. Именно самодержавный режим заставил большую часть интеллигенции ненавидеть государство, считать его чужим и стараться разрушить.

Однако Крамарж думал, что более чем несправедливо свысока осуждать русских и их интеллигенцию, полагая, что их надо жалеть "не только с русской, но и с человеческой точки зрения"⁸⁸. "По русской литературе, — писал он, — по русскому искусству можно лучше всего судить, как могла бы послу-

жить Россия развитию мировой культуры... Но своей жестокой, не умной политикой самодержавие воспрепятствовало духовному общению между Россией и Западом... Власть не давала возможности искать равновесия между идеалом свободы и государственным порядком на пути постепенного конституционного развития со всеми свободами"⁸⁹. Русские интеллигенты на Западе обращали внимание на все враждебное государству, обществу, церкви, религии. В своем радикализме они забывали о большом различии России и Запада. По Крамаржу, это различие состояло в том, что "крупные перевороты на Западе могут низвергнуть государственный порядок, социальный строй, но всегда там останутся старые укоренившиеся традиции культуры и хозяйственного труда"⁹⁰. В России, мыслил он, революция должна была быть во много раз опаснее и глубже, так как там не было традиции ни в труде, ни в мышлении. Поэтому и русская революция не могла не быть хаосом, никто не мог знать, что нового, в конце концов, получится из этого хаоса. Однако Крамарж был уверен в том, что как таковая революция не была неизбежной. "В русском характере, — писал он, — нет ничего, само по себе уже предполагающего к революции или нигилизму"⁹¹.

Далее рассматривались исторические этапы революционного движения в России и философские концепции развития страны. Он отмечал, что с подавления декабристов началась открытая, беспощадная борьба самодержавия с русской интеллигенцией. По его мнению, русская интеллигенция верила в великую миссию России возродить весь мир. Мессианство было характерно для прямо противоположных направлений общественной мысли. Если славянофилы полагали, что это возможно сделать русским примером смирения, нравственности, сердечности, то западники Герцен и Бакунин мечтали о том, что возрождение произойдет путем революции, которая принесет социальное равенство и справедливость не только России, но и всему свету. При всем различии их концепций, и те, и другие были горячими патриотами и верили в русский народ. И те, и другие недооценивали значение государства. Славянофилы "придавали гораздо большее значение внутренней жизни человека, чем внешнему устройству, государству", которое было для них нужным лишь для ограждения внешней и внутренней безопасности. Главное представляла для них душа, а ею была церковь. Крамарж соглашался с Масариком, который говорил, что "для славянофилов, как и для либералов, государство было только знаменитым ночным сторожем, заботящимся об общественной безопасности"⁹². Западники и революционеры, в свою очередь, видели в государстве лишь главного врага всяко-

го политического и социального прогресса. Русские революционеры очень скоро восстали и против церкви и религии. Но большинство интеллигентов сходилось в крестьянском вопросе: мужика и "мир" идеализировали. "В своем заблуждении, что мужик — социалист выросли все русские революционеры от Бакунина до Ленина"⁹³, — отмечал Крамарж. Ближе всего Крамаржу были русские либералы, видевшие в западноевропейском конституционализме первую цель своих стремлений. Они, по мнению Крамаржа, который почти 50 лет был парламентарием, правильно оценивали положение, чувствуя, что к новой жизни можно прийти только при помощи свободной ответственной работы в общественных учреждениях. 60-е годы XIX в. чешский политик оценивал как поворотный момент в истории России. Если бы тогда было введено политическое народное представительство, то развитие пошло бы по-другому. Польское восстание 1863 — 1864 гг. ограничило проведение реформ, а после покушения студента Каракозова на царя Александра II (1866) началось наступление реакции, хотя реформы продолжались до 1874 г. Причем Крамарж отмечал, что гораздо больше, чем революционеров бюрократия страшилась умеренных элементов, либералов. Гонениям подверглись земства.

В XIX столетии формируется новый разночинский состав интеллигенции, который с недоверием относился к интеллигенции дворянской. Появились новые литературные вожди: Чернышевский, Добролюбов, Писарев. Крамарж справедливо указывал и на тот факт, что на русский социализм не оказывало влияния то, что западный социализм из революционного превратился в эволюционный⁹⁴. Он объяснял это тем, что русская интеллигенция верила, что Россия не пойдет дорогой западного развития, а перескочит через буржуазно-капиталистический этап и прямо окажется в последней стадии социализма. На западе революционеры становились реформистами и приверженцами эволюции, а русские — оставались бескомпромиссно революционными. Крамарж указывал, что "русская интеллигенция не могла не верить во всемогущество революции, которая разом преобразует и общество, и отдельных людей", подчеркивая, что такова была идейная основа народничества, "гораздо более идеализированного и альтруистического, нежели социализм западный, промышленный"⁹⁵. Основой русского нигилизма служил западный позитивизм и атеизм. Но в России нигилизм имел свою специфику, так как русские были лишены возможности практической деятельности: "Самодержавие вынуждало людей, не способных тупо мириться с действительностью, фанатически верить в спасительность нигилистического учения"⁹⁶. Крамарж считал, что вся русская революцион-

ная интеллигенция была противогосударственной. Русский социализм имел к тому же этическую, нравственную окраску. История социализма в России, по Крамаржу, есть история исканий революционного элемента или среди крестьян, или позже среди фабричных рабочих. Однако "хождения в народ" не приносили результатов, тогда народники раскололись, и появилась террористическая организация. После убийства Александра II наступила эпоха реакции. Проект Лорис-Меликова⁹⁷ о привлечении в Государственный совет представителей земств и городов еще не был конституцией, но представлял собой ее ростки. Император одобрил его, но не успел обнародовать, так как был убит.

В 90-е годы XIX в. среди рабочих распространяется марксизм. После смерти Александра III новым российским императором стал Николай II, подтвердивший курс на самодержавие, что превратило либералов в радикалов, требовавших конституции. Нового царя Крамарж характеризовал следующим образом: "Слабовольный и, как все такие люди, упрямый царь, живший внушенной ему верой в его миссию сохранить Богом данную ему самодержавную власть в том виде, как получил ее от своего твердого и непреклонного отца, подчинился, вопреки предостережениям Витте и Святополка-Мирского⁹⁸, влиянию прокурора Св. синода"⁹⁹.

Старое народничество не перешло в своём большинстве в марксизм, а снова обратилось к террору. Из него вышли социалисты-революционеры (эсеры), создавшие боевую организацию и совершившие целый ряд террористических актов.

Поражение в русско-японской войне усилило революционность в обществе. И либералы, и социалисты выступили за всеобщее избирательное право и Учредительное собрание. "Кровавое воскресенье" знаменовало собой начало революции 1905 г. Она не закончилась полной победой из-за того, что войска в своем большинстве остались верными режиму, но стала причиной принятия Манифеста 17 октября 1905 г. Крамарж вспоминал, что Столыпин был близок октябристам, конституционалистам, но, не говоря уже о черносотенцах и левых, ненавидел либеральных демократов (кадетов) за то, что они голосовали против военного бюджета и заставили его искать спасения в голосах поляков, о чем он сам неоднократно говорил чешскому политику¹⁰⁰. Хотя Крамарж утверждал, что Столыпин стоял за Думу и ее влияние на русское общество, все свои реформы он проводил указами в период, когда Думу распускали.

По наблюдениям Крамаржа, русская интеллигенция обнаружила серьезную неспособность к практической политике. Либералов (кадетов) Крамарж упрекал в том, что они шли на

поводу у рабочих (социалистов), хотя последние не скрывали, что конечная их цель — диктатура. "К несчастью, замечал Крамарж, — либералы (Милюков) хотели быть одновременно и государственниками и революционерами"¹⁰¹. Он ставил им в вину выступления против земельной реформы Столыпина, а также их радикализм, полагая, что тем самым они работали на руку придворной реакции, закончившейся Распутиным, свержением царя и большевизмом.

Вместе с тем он был совершенно не согласен с Туган-Барановским¹⁰², писавшим, что в России либерализм утратил свою силу, ни в ком не будил энтузиазма и не был привлекателен. Крамарж считал, что это не так. В пример он, как всегда, приводил Запад¹⁰³, где либерализм давно осуществил политические лозунги, а за ними шла демократическая, а, следовательно, и социалистическая программа. Обращая внимание на противоречивость русской действительности и социалистического учения, Крамарж подчеркивал: "Весь русский социализм — дело чувства, а вовсе не холодного, разумного размышления, взвешивающего условия и предпосылки и ставящего себе ясные цели. Власть пролетариата на Западе — понятие, которое можно себе конкретно представить, а что представляет она в России? Заключается ли она в 5—6 млн рабочих, считая с женами и детьми, работающих на фабриках и призванных господствовать над остальными 160 млн? Или под этим разумеются и мужики, которые стремятся, да и должны стремиться к тому, что рабочие, согласно социалистическому вероучению, должны отрицать, именно к частной собственности?"¹⁰⁴ Он развивал эту мысль и дальше, указывая, что если бы русская интеллигенция не стремилась всегда лишь к самому последнему слову западного человека и еще к чему-либо сверх того, если бы не перескакивала при этом через необходимые условия, как второстепенные, устаревшие, не интересные, если бы она была достаточно реальной, чтобы "прежде всего добиваться фундамента, на котором можно было бы воздвигнуть новое гордое здание России, а не только его крышу, на Руси давно могло бы быть значительно лучше"¹⁰⁵.

Весьма интересны мысли Крамаржа о национализме. Мы привыкли употреблять это слово с негативным оттенком. Хотя национализм можно и должно рассматривать в более широком смысле, подразумевая под ним не только шовинизм, расизм, но и здоровый патриотизм. Крамаржу был свойствен дифференцированный подход. Он упрекал русскую интеллигенцию за то, что она не проводила никаких различий, "не делала и попыток найти в национальном мышлении то прекрасное и великое, что в нем несомненно имеется"¹⁰⁶. Обращал внимание и на

различный подход интеллигенции к русскому национализму и национализму представителей других национальностей России: "Не чувствовала она и угрызений совести от того, что, отрицая национализм у русских, она признавала и уважала его в своих рядах, но только у своих нерусских товарищей. Русская интеллигенция совершенно не понимала благородного национализма, справедливого к другим народам"¹⁰⁷. Для нее существовал только единственный национализм, национализм официальной России, злой и жестокий, и она ненавидела и его, и ее. Но хороший и здоровый национализм был бы счастьем для России. Истинная любовь к народу, ... любовь, проявляющаяся в усиленной, хотя бы и в будничной, работе для культурного и экономического подъема народа, была бы наилучшим лекарством от болезней интеллигенции"¹⁰⁸. Вместе с тем власть видела в национализме элемент, сплачивающий консерваторов в противовес кадетам и социалистам. Так как правительство не решалось отказаться от старой обрусительной политики, что не встречало отпора, а скорее находило поддержку со стороны консервативных групп Государственной думы, то это вызывало сильнейший протест угнетенных наций и борьбу левой интеллигенции против национализма. Таким образом, национализм превратился в один из главных предметов общественных споров. В результате неразумной правительственной политики, которую поддерживала шовинистическая часть Государственной думы, левая интеллигенция стала отрицать национализм вообще, не разбирая, хорош он, или нет. Крамарж указывал: "Вместо того, чтобы силою своего бесспорно выдающегося ума защищать и отыскивать в национализме все то великое и доброе, в чем Россия особенно нуждалась, и что именно левая интеллигенция должна была воспитывать в широких народных массах, чтобы наполнить их истинным национальным чувством и дать русскому народу сознание, что его объединяют в единое целое не один царь и питаемые к нему чувства, составлявшие главную опору и надежду самодержавия, вместо того, чтобы усмотреть в искреннем, ненасильственном, а справедливом к другим народам, национализме главную опору против всех, видевших Россию лишь в царе, а не в народе, русская интеллигенция радикально отвергла всякий национализм вообще и провозгласила наивный космополитизм, при всем своем внешнем идеализме столь эгоистичный и удобный"¹⁰⁹.

При этом и течение неославизма незаслуженно, по мнению Крамаржа, подвергалось критике левых, как реакционное и националистическое.

Резко критиковал Крамарж централистскую политику русских властей, полагая, что "радикализм русской интеллигенции

в значительной степени поддерживался нерусскими элементами, которые испытывали двойной гнет — политический и национальный. В пример он приводил национальную политику в Польше и на других окраинах. Крамарж писал: "Когда лишили поляков автономии, то обрусили управление, а польских чиновников отправляли служить в Россию. Специфически русское состояло в том, что в Польшу посылали не самых лучших чиновников, а таких, которые за высшие оклады соглашались жить во враждебной среде, где с общественной точки зрения они чувствовали себя как бы на острове, при том очень холодном и негостеприимном"¹¹⁰.

Эти тенденции и факты подтверждаются в исследовании историка-полониста Л.Е. Горизонтова, который указывает: "Приток в русскую провинцию польских чиновников, представленных в ней до 30-х гг. разве что горсткой виленских филоматов, явился в значительной мере следствием репрессивных мер"¹¹¹. Далее он приводит любопытные воспоминания И.А. Гончарова, который писал: "После польского восстания 1830 года множество уроженцев польских губерний было разослано, по распоряжению правительства, на службу по городам внутри Империи. Полагалось, что они обживутся с русскими и сами обрусееют. Вышло противное. Умные, вкрадчивые, большей частью образованные, во всяком случае образованнее нашей провинциальной чиновничьей братии, эти пришельцы занесли с собой польский дух и нравы и вместе с тем прививали понятия о политическом режиме Польши и вообще Запада. Эта тихая, самим правительством созданная пропаганда не осталась без влияния на развитие политических идей даже в дальних углах России, где до тех пор о них не было и слуху"¹¹². В другом месте этого исследования читаем: «Сразу после подавления восстания М.Н. Муравьев¹¹³ рекомендовал замещать административные должности в Царстве Польском и Западном крае "коренными русскими"... Ожидаемая коренная реорганизация управления Царством Польским побудила многих хлопотать о получении мест. Одни претендовали на высокие посты, другие... были готовы довольствоваться малым. Новые руководители администрации оказывали протекцию некоторым из желающих определиться к должности на западной окраине, в первую очередь своим собственным знакомым и прежним сослуживцам»¹¹⁴. Однако, как считает Горизонтов, ни в 30-е годы, ни в последующие два десятилетия XIX в. сколь-нибудь значительных изменений в национальном составе чиновничества Царства Польского не произошло¹¹⁵.

Крамарж не только критиковал административную политику в национальном вопросе, он указывал и на попытки русифи-

кации в области языка и образования¹¹⁶. Кроме того в Польше, Литве и Белоруссии правительство поддерживало крестьян против польской шляхты, а в балтийских провинциях — латышей и эстонцев против немецких баронов. Крамарж определял эту политику как “грубую русско-бюрократическую”, объясняя, что главной опасностью были лишь высшие классы национальностей, и только в них наблюдались сепаратистские тенденции и стремления к государственной самостоятельности. “Разумная государственная политика, — подчеркивал он, — требовала от самой власти забот о школе, о просвещении народа на его родном языке, дабы показать народу, что государство вовсе не является врагом своих нерусских народностей, каковы они суть, как родились, а только врагом людей, стремящихся к отторжению от России. Таким искренним демократизмом государство, конечно, привлекло бы к себе и многие элементы демократической интеллигенции, и, не допуская глупостей обрусительства, могло бы установить отношения между нерусскими окраинами и Россией совсем иначе, даже при самодержавном правительстве”¹¹⁷. Власти же полагали, что для привлечения народа к России достаточно экономических выгод. Поэтому Крамарж и считал естественным тяготение национальной интеллигенции к крайним группам.

Чешский политик видел не только темные стороны русской действительности, он очень высоко ценил как Столыпинскую реформу, так и удачную политику министра финансов, а впоследствии премьера Витте, введение водочной монополии и валютную реформу. Чрезвычайно положительно относился он к русской армии, считая, что именно там было много хороших людей. Перемены в настроениях армии и ее вначальников начались после поражения России в русско-японской войне. Крамарж вспоминал, что в 1909 г. А.И. Гучков, который был в Думе влиятельнейшим защитником требований армии, говорил ему, что армия “не потерпит посягательств на думские права”¹¹⁸. Чешский политик полагал, что и царь мог бы спасти Россию, если бы охранял народное представительство. Но он, по мнению Крамаржа, оставался самодержцем, а Государственная дума видимостью: “То, что оппозиция могла в Государственной Думе открыто говорить и свободно писать в своих газетах было многое, но не все, что было нужно России. Интеллигенция не сблизилась с государством, не отказалась от стремлений к радикальному перевороту”¹¹⁹. Однако Крамарж думал, что все-таки понемногу отношения улучшились бы. Земства вели энергичную работу. Но полного оздоровления русской жизни вряд ли можно было ожидать, пока двор и бюрократия не отказались бы от надежды привести Государственную думу к

полному уничтожению при помощи Государственного Совета. Об этом с горечью заявлял Крамаржу Хомяков¹²⁰, человек, по его отзыву, умеренных взглядов и глубоко преданный России.

Трагедия России, по Крамаржу, состояла в том, что царь и двор не смогли даже после первой революции, когда уже видели страшную опасность, заключающуюся для них и для России в психологии русской интеллигенции, "оторвать интеллигенцию искренней, честной, конституционной политикой от ее отщепенства от государства"¹²¹. По мысли чешского политика, "преступная близорукость" самодержавного двора привела к тому, что русская интеллигенция была не приспособлена к самостоятельному управлению государством. Свобода для Крамаржа означала не своеволие, лесть и поддакивание инстинктам масс. Он считал, что иногда "защита свободы требует от государственной администрации железной энергии и даже беспощадной строгости"¹²².

О том, что сам Крамарж никак не относил себя к идейным монархистам, говорит его оценка этих людей. "Монархисты, — писал он, — а между ними встречались прекраснейшие типы русских людей — принесли великий вред России, которую так искренно любили. Они... лучше, чем другие видели... скверну бюрократии, знали о подкупности..., все это осуждали, как и всякий интеллигент из революционного лагеря, но все же были сильнейшей опорой самодержавия, так как верили в божественную миссию самодержца"¹²³. В этой связи можно привести и авторские характеристики последних русских императоров: "Для государей, как Александр III и Николай II, людей лично — чистых, в семейной жизни образцовых, но воспитанных в вере в святость своего призвания самодержца, веривших, что они несут тяжелое, Богом на них возложенное бремя, уклониться от которого было бы смертельным грехом, служила величайшей опорой их собственным убеждениям вера людей благородных, про которых было известно, что для себя они ничего не ждали, двора и его милостей избегали"¹²⁴. Главным местом пребывания этих монархических кругов была Москва. Крамарж отмечал парадоксальную схожесть монархистов и революционеров — личную честность и фанатическую веру, одних — в божественное установление самодержавия, других — в революцию. Автор указывал: "Все в России было делом чувства, веры, конечно, пока речь шла об идеях, бескорыстном убеждении. Поэтому в России было так мало компромиссных политиков, которые бы могли и умели примирять противников, чтобы дело не решать насилием. А политический компромисс чешский деятель считал необходимой и полезной тактикой, "единственным условием практической политики". Он не понимал,

почему все надо возводить в догму и верить в свои взгляды как в евангелие. Крамарж отмечал, что от русских очень трудно добиться единодушного решения серьезных вопросов: "каждый решает их по-своему и свое решение готов защищать и свою кровью"¹²⁵.

В заключение этой главы и всей первой части Крамарж еще раз подчеркивал, что *именно самодержавие было виной всему*. Он полагал, что если бы двор не интриговал "слепо и неразумно" против Государственной думы и не усиливал бы там радикализма, а принял компромиссную эволюционную тактику октябристов, то развитие могло бы пойти другим путем. Но, по его словам, "решимость принять эту... тактику была парализована несчастием России, двором, особенно же царицей"¹²⁶, которая ... была злым гением слабовольного царя, и старыми заслуженными сановниками, посаженными царем в Государственный Совет... Так как двор и бюрократия преобразований не хотели, то рано или поздно должно было дойти до столкновения"¹²⁷. Война же ускорила развязку.

Вторая часть книги "Русский кризис" посвящена революции в России, которую Крамарж рассматривает как непрерывный процесс от Февраля к Октябрю, причем под революцией он понимал не только захват власти, но и последующую политику. Отдельно анализируется большевистский переворот и последующая деятельность большевиков в политической, экономической, военной и культурной областях вплоть до НЭПа. Крамарж, в отличие скажем от Масарика, не был непосредственным свидетелем октябрьского захвата власти в 1917 г. и последовавших за этим событий. Единственным личным опытом служила его поездка на юг России к Деникину осенью 1919 г. В основном же при написании этой части он основывался на советском календаре за 1919 г. и копиях протоколов судебно-административной комиссии, учрежденной генералом Деникиным для Харькова и Харьковской губернии, полученными К. Крамаржем от правительства Деникина. Конечно же, он общался с русскими эмигрантами, читал их прессу, его супруга Надежда Николаевна время от времени при okazji получала письма из России от детей и родственников. Но именно в этой части книги особенно много субъективизма, вымыслов, слухов, непроверенных данных и преувеличений. Справедливости ради надо сказать, что любому автору трудно было бы трезво оценивать ненавидимых врагов и результаты их деятельности. А Крамарж до конца жизни всегда оставался непримиримым противником большевиков и большевизма. Однако, учитывая эту его изначальную предвзятость, все же некоторые его замечания по поводу политики большевиков достаточно трезвые и глубокие.

Первый тезис, который Крамарж старался обосновать, заключался в том, что Россия вступила в войну ради спасения славянской Сербии и освобождения всех славян от немецкого империализма. Политический альтруизм! Тезис более чем сомнительный. У России были серьезные противоречия с Германией. За агрессией Австро-Венгрии в отношении Сербии Россия видела действия "второго рейха". Действительно, войны Россия в тот момент не желала. В начале XX в. шло интенсивное развитие сельского хозяйства, ширилась сеть кооперативов, после октябрьского манифеста обновилась политическая жизнь с обсуждениями наиболее важных в жизни страны проблем в избранной в марте 1906 г. Государственной думе. Россия не была полностью готова к войне (как, впрочем, и ее противники), но вступила в нее, желая остановить экспансию Австро-Венгрии, за спиной которой стояла Германская империя. В начале войны российские власти официально не заявляли о своих территориальных претензиях, хотя Царьград (Стамбул) и проливы (Босфор и Дарданеллы) испокон века были их заветными чаяниями. Однако каждая из держав "Согласия", в том числе и Россия, имела свою "национальную" программу на случай победы. Уже 1 сентября 1914 г. министр иностранных дел С.Д. Сазонов во время дружеской неофициальной беседы с английским и французским послами изложил свое видение будущих изменений на карте Европы. Весной 1915 г. английское и французское правительства письменно подтвердили свое согласие на присоединение к России Константинополя и проливов при условии доведения войны до победного конца. Но, лишь осенью 1916 г. уже после отставки С.Д. Сазонова, российское правительство добилось от западных союзников согласия на придание гласности указанному соглашению¹²⁸. Поэтому рассуждения Крамаржа по поводу "бескорыстия" России выглядят несколько наивными. Конечно, каждая из воюющих сторон преподносила обществу свои цели в войне исключительно как "справедливую борьбу" в защиту своей страны либо малых государств и народов, за восстановление международной справедливости и мира. Но это была часть пропагандистской войны.

Крамарж оспаривал империалистический характер Первой мировой войны. Особенно не согласен он был с тем, что ответственность за нее возлагалась и на государства Антанты: "Только мозг Ленина, неспособного мыслить иначе, нежели материалистически, и вообще постигать моральные ценности, потому что он, как представитель известной несимпатичной части русской интеллигенции, просто аморален, только его мозг не мог понять, что Франция против желания и воли своей буржуазии шла на войну исключительно из верности союзнику..., что Анг-

лия вступила в войну только когда нарушением бельгийского нейтралитета Германия показала, где остановится в случае победы"¹²⁹. На самом деле до сих пор существуют совершенно различные взгляды на характер войны, ее причины, по-разному трактуется и связанный с этими проблемами вопрос об ответственности за ее начало¹³⁰. В отечественной историографии утвердилась точка зрения, что война велась за передел мира, в основе ее лежали противоречия между великими державами, а главным виновником за развязывание войны следует считать Германию¹³¹.

Чешский политик рассматривал связь обстановки военного времени с ростом революционных настроений, приведших к Февральской революции и краху монархии. Начало войны вызвало патриотический подъем в России. Интеллигенция готова была сплотиться вокруг царя, ожидая от него свободы внутри страны. Солдаты проявляли героизм на фронте. Был введен сухой закон. Однако вскоре выяснилось, что России не хватало амуниции, снарядов... Такая же ситуация сложилась, по свидетельству Крамаржа, и на Западе, но там военную промышленность удалось быстро организовать. В России из-за засилья бюрократии переход на военные рельсы несколько пробуксовывал. Так, командующий 8-й армией генерал А.А. Брусилов вспоминал о зимней кампании 1914–1915 гг.: "Неизменно уменьшавшееся количество отпускаемых огнестрельных припасов меня очень беспокоило. У меня оставалось на оружие не свыше 200 выстрелов. Я старался добиться сведений, когда же можно будет рассчитывать на более обильное снабжение снарядами и патронами, и, к моему отчаянию, был извещен из штаба фронта, что ожидать улучшения в этой области едва ли можно ранее поздней осени того же, 1915 года, да и то это были обещания, в которых не было никакой уверенности"¹³².

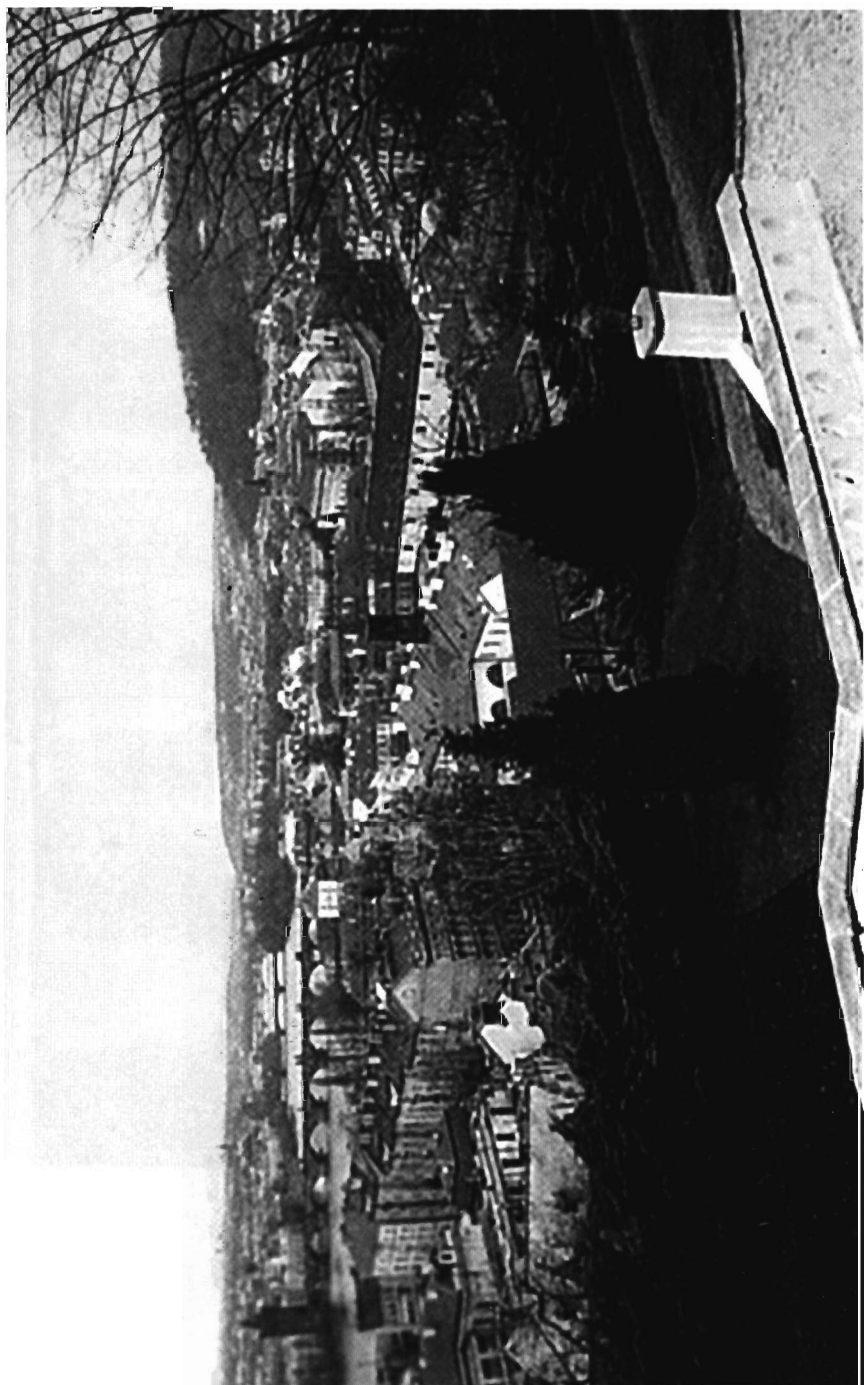
Но вскоре военное производство было взято под контроль правительства (военные совещания) и Всероссийского военно-промышленного комитета (П.П. Рябушинский, М.И. Терещенко, А.И. Гучков). Большую роль в обеспечении армии и тыла и организации госпиталей сыграли земства. Запрет на проведение городских и земских съездов вызвал возмущение русских патриотов. По мере продолжения войны росла радикализация общества. Крамарж указывал на слабость бюрократических чиновников, называя Б.В. Штюрмера и А.Д. Протопопова символами морального падения царизма, а Распутина — "гнусной фигурой". Он еще раз подчеркивал, что мистическое отношение царицы к самодержавию — причина гибельной политики двора во время войны: "Царь слабовольный, упрямый, всецело под влиянием своей больной царицы, — сделался Главкоман-

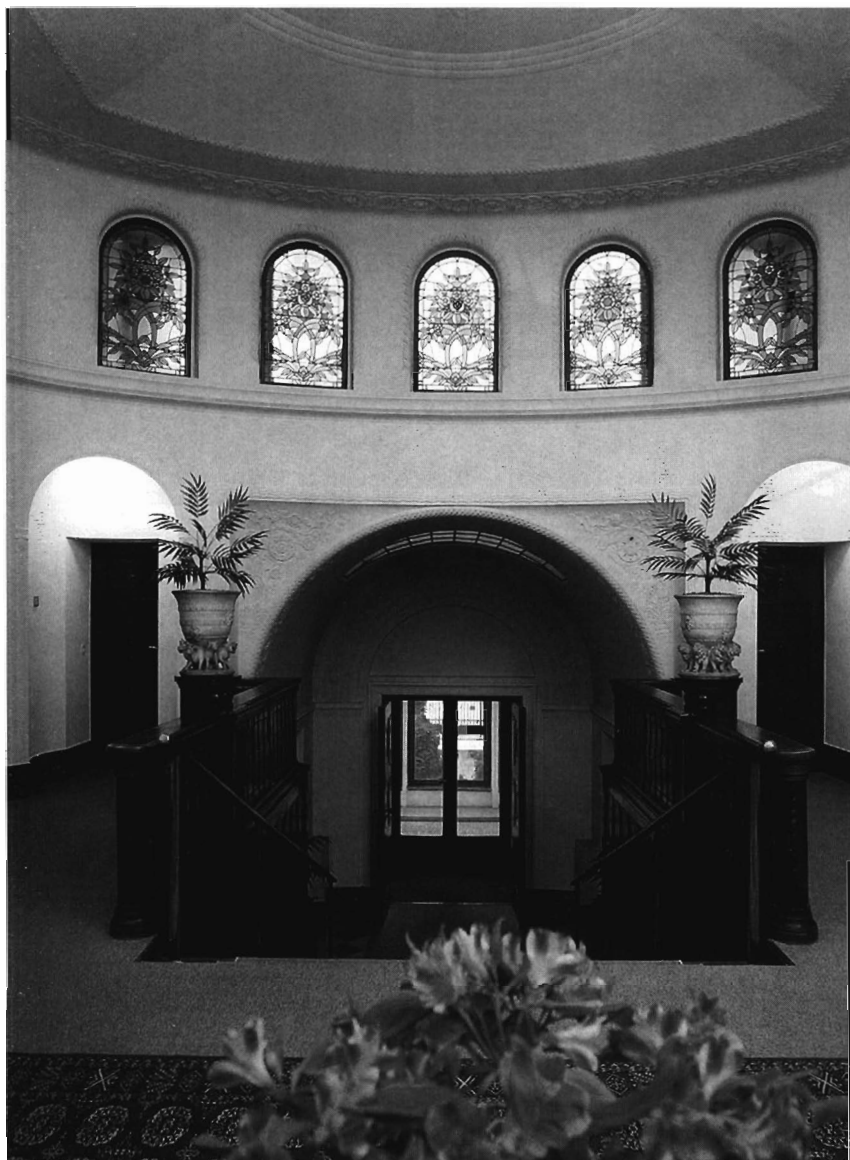
1. Бюст К. Крамаржа работы Ф.В. Фойта

2. Вилла К. Крамаржа на баште Св. Томаса. В настоящее время резиденция чешского премьер-министра

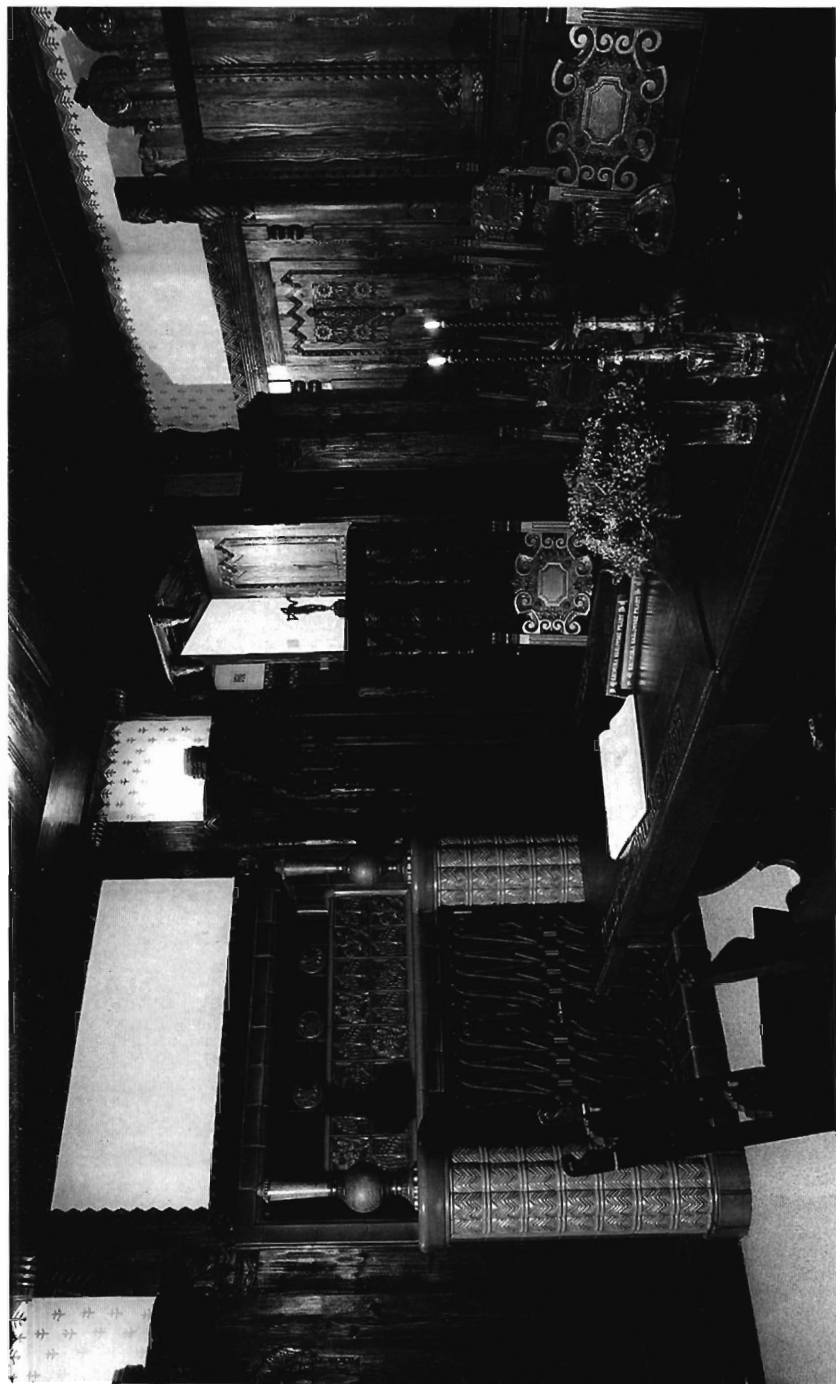
3. Вид из окна виллы К. Крамаржа на Прагу

4. Внутренняя отделка пражской виллы К. Крамаржа

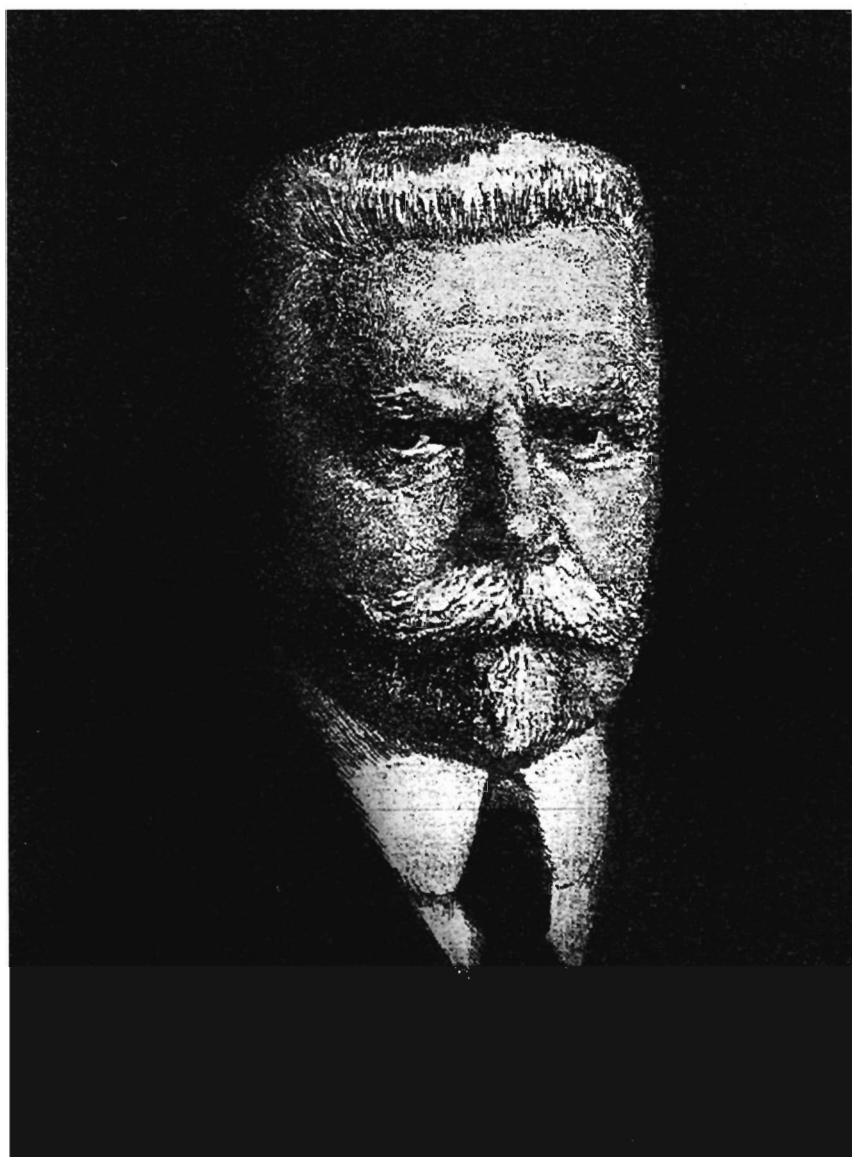
5. Столовая на 30 человек

6. Одна из комнат пражской виллы К. Крамаржа

7. Лестница и белый мраморный камин с часами

8. Портрет К. Крамаржа работы Б. Козины 1930 г.

дующим в самое тяжелое время, когда требовалась железная рука, сильная воля и вера в себя, чтобы не поддаться деморализующему влиянию поражений. Зато царица вмешивалась даже в стратегические планы"¹³³. Генерал М.В. Алексеев, по мнению Крамаржа, — лучший русский стратег и подлинный патриот, готовил переворот. Преданнейшие монархисты убили Распутина, убежденные, что он, сознательно или нет, действовал на службе у Германии¹³⁴. Не совсем ясна мысль Крамаржа о том, что убийство Распутина и явилось началом конца.

В ночь со 2 на 3 марта в 23 ч. 50 мин. царь отрекся от престола за себя и за сына в пользу брата Михаила, который согласился принять корону только в том случае, если Учредительное собрание примет такое решение. Хотя Крамарж полагал, что "искренно конституционная монархия могла обеспечить России победу и мирное развитие гражданских свобод, в которых страна так нуждалась для внутреннего успокоения и укрепления"¹³⁵. Чешский политик сожалел не о гибели самодержавного строя, а о начавшемся распаде великой империи: «Дело великих и сильных людей, которые, подобно московским князьям и царям, "собирали" русскую землю и создали империю от Вислы до Тихого океана, от Ледовитого моря до Черного и до Афганских гор, было загублено болезненным цеплянием за отжившие идеи, непониманием требований современной русской жизни»¹³⁶. Большую долю вины за гибель монархии Крамарж возлагал на императрицу Александру Федоровну¹³⁷. Он еще раз повторял, что самодержавие в руках слабого царя сделалось для России "роковым анахронизмом"¹³⁸. Крамарж объяснял, что современное государство не мирится с наследственным самодержавием. Он был уверен, что "подлинный, искренний монархист должен бы желать, чтобы монарх... был неответственным, а ответственным за все являлось правительство и не только перед ним, но и перед законодательным собранием, монарх был только верховным блюстителем вечных интересов государства и народа"¹³⁹.

Крамарж проводил мысль о том, что анахронизм самодержавия был роковым не только для судьбы монархии и империи, но его наследием явилось полное отсутствие чего-либо и кого-либо, способного заменить царя. "Национального сознания, — писал чешский автор, — сознания общности и содружества было очень мало. Единственной скрепой являлось подчинение всемогуществу царя. Эта спайка была разбита"¹⁴⁰. В связи с этим он считал губительной для России позицию великого князя Михаила. Хотя Крамарж и считал, что брат царя был человеком слабым, неподготовленным для роли монарха, но, по его мнению, "дело шло не о способностях нового царя..., а о том, чтобы

он покрыл своим авторитетом, святостью короны, символом новую форму строго конституционного правления, солидарного с общественным мнением... Чтобы, когда враг угрожал на фронте, в России не наступил развал и чтобы царь оставался твердым объединителем... новой свободной России"¹⁴¹.

Крамарж полагал, что после Февраля не нашлось достаточного числа людей, способных к организованному сопротивлению, к энергичному выступлению против анархизма масс, что могло бы обеспечить спокойное развитие событий. Февральская революция была проведена спокойно, без больших жертв, без грабежа и разбоев, но отмена смертной казни¹⁴² и "Приказ № 1"¹⁴³ разрушили армию, которая могла бы восстановить порядок. "Нужна была дисциплина, а было упивание свободой", — отмечал он. Правда, А.Ф. Керенский оспаривал версию, согласно которой "Приказ № 1" явился причиной разложения русской армии, объясняя, что он был издан еще накануне образования Временного правительства и предназначался не для фронта, а для Петроградского гарнизона. Он называл эту версию "легендой" и "анекдотом"¹⁴⁴. Наиболее взвешенным представляется мнение А.А. Брусилова, считавшего, что "Приказ № 1" не был единственной причиной развала армии, но он ускорил этот процесс¹⁴⁵.

Крамарж разбирал ошибки демократической интеллигенции после Февраля. Он полагал, что гражданскую администрацию нужно было временно оставить старой, так как новой еще не было, но все было разрушено, не только "комиссары заменили губернаторов и исправников, но и функции учреждений были изменены"¹⁴⁶. Это привело к тому, что правительственная власть в провинции практически исчезла. Русскую интеллигенцию Крамарж считал не способной к действию, к принятию решений. Она сама исповедовала социализм, но не классовый, а сентиментальный и идеалистический. Тяжкой ошибкой было и игнорирование Государственной думы, единственного легального фундамента. Решение, что раз она была избрана на основе старого избирательного права, то она нелегальна, повлекло за собой возникновение Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а, следовательно, двоевластие в стране. Еще одной серьезной ошибкой Крамарж называл лозунг "Мир без аннексий и контрибуций". Солдатам было не понятно, зачем же тогда война и многочисленные жертвы? Они бросали фронт, бежали домой делить землю, дисциплины в армии уже не было. Экономическое положение России было тяжелым, но ввели восьмичасовой рабочий день. Рабочие же в основном вообще не работали, а митинговали. Опьянение свободой вело к тому, что никакого противления большевистской пропаганде не бы-

ло. Буржуазия, с точки зрения Крамаржа, правила лишь номинально, а действительным господином был Совет. Оценивая Февральскую буржуазную революцию, Крамарж заявлял, что она последовательно подготовляла пришествие большевизма, продемонстрировала полное банкротство русской государственной мысли, неспособность русской интеллигенции сохранить государство и управлять им. При этом как знаток права он приводил пример: правительство объявило Россию республикой, распустило Государственную думу и Государственный совет (т.е. сделало то, на что не имело никакого права), таким образом, Учредительное собрание теряло всякий смысл, так как вопрос о форме правления уже как бы был решен.

Российский историк А.К. Никитин высказывает несколько иную точку зрения: "Все историческое развитие России между февралем и октябрём 1917 г. — после отречения Николая II и радикального политического переустройства России — демонстрирует катастрофическую неготовность российского партийно-политического корабля к самостоятельному плаванию, хотя в тот период в России не ощущалось недостатка в амбициозных, умных и компетентных людях"¹⁴⁷.

Весьма любопытны даваемые Крамаржем характеристики отдельным историческим персонажам. О князе Львове¹⁴⁸ он писал как об одном из "благороднейших людей России", человеке "редкой интеллигентности", проникнутом "пламенной любовью к родине", но вместе с тем, как о человеке, пораженном "страшной болезнью интеллигентской идеологии, ее идеалистической верой в свободу, толстовским непротивлением злу и глубокой славянофильской верой в бесконечную доброту сердца русского человека". Он считал, что Г.Е. Львов "принес большой вред своей бедной России, которую так глубоко и подлинно любил, для которой готов был в каждую минуту пожертвовать своею жизнью"¹⁴⁹.

Крамарж был уверен в том, что в спокойные времена, при прочно утверждённом порядке в государственном управлении этот человек смог бы вести Россию по пути демократизации и "широкой социальной справедливости", но в сложной революционной ситуации, когда требовалась твердость характера, этот человек совершенно не подходил. Он указывал: "Кн. Львов, прославившийся своей земской организацией, взявший на себя снабжение армии, и сослужил таким путем России большую службу. Но организация земской деятельности и новая революционная Россия были совершенно разные вещи... К чести кн. Львова надо сказать, что сам он не хотел становиться во главе правительства и был вынужден взять на себя задачу, которую считал превышающей свои силы"¹⁵⁰.

Характеристика Крамаржем А.Ф. Керенского более негативна: "Керенский хотел быть русским социалистическим Наполеоном. Он не был, однако, достаточно умен, чтобы понять неразумность своего честолюбия. Если он хотел быть человеком, за которым пошли бы Советы, он должен был поступать как Ленин, заключить мир любой ценою. Если же он хотел себя и свой социализм спасти от несмываемого позора виновности в гибели России, он должен был иметь мужество делать то, чего хотели вожди армии, люди, во всяком случае, столь же патриотически настроенные, как он сам, и такие же враги старого порядка. У него же не хватило смелости для действий, которые грозили обернуться против Советов. Таким образом русская революция ничего не делала, а только говорила и позволяла вести себя тому, кто в этой праздной болтовне являлся величайшим мастером — Керенскому. Жалкая революция нашла себе достойного представителя"¹⁵¹. Крамарж писал, что после отставки князя Львова Керенский сделался "диктатором", но он не действовал, а лишь говорил, и массы одно время увлекались его ораторским дарованием "как пением излюбленного тенора"¹⁵². Когда же он перестал говорить, очарование исчезло, и не осталось ничего. Крамарж прямо упрекал Керенского в предательстве Корнилова¹⁵³, что подготовило почву Ленину и большевикам.

Калейдоскоп событий от Февраля до Октября 1917 г. проходит в книге как последовательная смена трех личностей: Львов — Керенский — Ленин: "Князь Львов, благородный тип русской интеллигенции со всеми ее достоинствами и недостатками должен был уйти. Керенский, представитель всего, что в ней было отрицательного, бежал. Выиграл в конечном счете Ленин, воплощение всех ее худших свойств, бакунизма, нечаевщины, ткачевщины, смешанных с фанатичной верой в манифест Маркса"¹⁵⁴. Чешский политик подчеркивал, что "нет общественной жизни без компромисса, но немыслимы компромиссы в области основных принципов государственного порядка"¹⁵⁵.

В книге имеются оценки большевиков и теории большевизма. Приведем их лишь тезисно:

— Русская революция — оргия сентиментальности, которую использовали далеко не сентиментальные приверженцы Ленина и Троцкого. Последнего Крамарж считал "первым милитаристом и абсолютистом, наилучшим организатором и наименьшим фантазером"¹⁵⁶.

— Большевики аморальны: они цинично подавили всякую несогласную с ними печать, отменили смертную казнь в судах, но расстреливали без судов по решению "чрезвычайек" либо просто на улице (убийства Духонина¹⁵⁷, Шингарева¹⁵⁸, Кокошкина¹⁵⁹, Рузского¹⁶⁰, Радко-Дмитриева¹⁶¹ и др.).

— Учредительное собрание началось 5 января 1918 г., но было распушено большевиками.

— Вся культурная школьная политика большевиков чисто материалистическая.

— Большевики не признают религии, делают все, чтобы искоренить веру, безобразия в храмах, убийства священников, отмена церковных праздников.

— Они ненавидят все старое, традиционное, гонятся за последним словом литературы и искусства, сделав футуризм официальным искусством.

— В большевизме нет ничего нового. Это смесь бакунизма, писаревщины, нечаевщины и коммунистического манифеста.

— Никакой свободы нет, централизм и бюрократия хуже царской.

— Большевизму свойствен высокомерный мессианизм, стремление "облагодетельствовать" весь мир.

— С крестьянами большевики вели борьбу (реквизиции), что углубило пропасть между городом и деревней.

— Главнейшая сила большевиков — массы неквалифицированных рабочих.

Здесь же Крамарж задумывается, почему большевики так легко победили? И дает ответ — отчасти благодаря "изумительной бездеятельности буржуазии и интеллигенции". Он солидарен с А.И. Деникиным, который говорил ему, что никогда не понимал, почему русская буржуазия дает себя резать без сопротивления, как овец¹⁶². Крамарж полагал, что у нее нет чувства самообороны. Из всех политических партий исключение составляли, с его точки зрения, лишь социалисты-революционеры, которые иногда умели сопротивляться. Интеллигентская оппозиция почти всегда была словесной и при этом не единодушной. Даже русские офицеры, которые творили чудеса храбрости на фронте, по мнению Крамаржа, не обладали достаточным мужеством жертвовать жизнью в борьбе с внутренним врагом. Интеллигенция своей пассивностью помогла победе большевиков, но стала их решительным противником не из-за социализма, а из-за уничтожения свободы личности. "Никогда при царе, — подчеркивал автор, — в годы, когда царская полиция больше всего свирепствовала, свобода личности не попиралась в такой степени, и притом не только на деле, но и принципиально, как в социалистическом раю"¹⁶³. Крамарж согласен с Б. Соколовым, который заявил, что русская интеллигенция отвергла большевизм не политически, а психологически¹⁶⁴.

В следующей главе чешский политик достаточно подробно рассматривает *законодательную и административную деятельность большевиков*. Естественно, и здесь широкое поле для

критики. Ликвидация частной собственности на землю и провозглашение ее народным достоянием на II съезде Советов в октябре 1917 г. крестьянами было встречено без энтузиазма. Крестьяне с удовлетворением восприняли передачу им помещичьих, удельных и монастырских земель, но не допускали передела общинных и уже приобретенных земель. Коммуны тоже не пользовались большими симпатиями крестьян. Крамарж был уверен, что "ни добровольно, ни принуждением нельзя побудить крестьянина перейти к коммунистическому хозяйству"¹⁶⁵. Аграрный вопрос стал причиной разногласий большевиков и социалистов-революционеров, которые критиковали также продовольственную диктатуру, организацию большевиками комитетов бедноты и массовый террор. Эсеры были против крупных имений, так как это было национализацией земли с использованием наемного труда, а не социализацией. В вопросах социализации земли и промышленности левые эсеры были радикальнее большевиков. Единственное, по мнению Крамаржа, в чем они принципиально отличались от большевиков, было их сопротивление Брест-литовскому миру и немцам, закончившееся убийством графа Мирбаха¹⁶⁶.

Передача лесов государству, которую Крамарж в принципе одобрял, окончилась их расхищением. Большевики сохранили хлебную монополию, но она провалилась. Они принудительно создавали торговые кооперативы, предоставляя им преимущества по сравнению с частной торговлей. Но с крестьянами было справиться сложно.

Легче дело обстояло с буржуазией. Был издан декрет о национализации жилищ, постановление об обязательности для всех жителей чистить улицы. Банковское дело провозглашалось государственной монополией, объявлялись недействительными все заграничные займы, запрещался ввоз и вывоз капитала, объявлялась монополия на сукно, обувь и предметы продовольствия. Отменялось право наследования, только наследство, не превышавшее 10 тыс. рублей и состоявшее из усадьбы и домашнего хозяйственного обзаведения, переходило к супругу или прямым наследникам. Таким образом, Крамарж считал, что буржуазия была ограблена и зачислена в 4-ю категорию: ее паек был в четыре раза меньше, чем у рабочих (1-я категория), но и рабочий паек был недостаточен.

На предприятиях ввели обязательный рабочий контроль, отменялась коммерческая тайна. Но надзора за заводским контролем не существовало, и имущество фабрик расхищалось. Национализировались крупные и средние предприятия. "Совершенно сознательно советская власть, вопреки основному учению о принадлежности фабрик рабочим, объявила фабри-

ки принадлежащими государству. Вместо социализации она стала осуществлять национализацию"¹⁶⁷, — писал Крамарж. Большевистское правительство Крамарж, как и Масарик¹⁶⁸, рассматривал не как власть пролетариата, а как власть "ничтожной кучки над пролетариатом"¹⁶⁹. Последствием политики большевиков в области экономики чешский предприниматель считал милитаризацию труда, которой невозможно поднять производительность, а также развал промышленности, торговли, транспорта, разочарование рабочих в социалистических лозунгах¹⁷⁰.

Большевики поставили интеллигенцию в унижительное положение: "Они видят, что без нее обойтись не могут, но ценят ее не как необходимую часть общества, как элемент культуры и прогресса, но как фактор производства, без которого они не смогут вести свои национализированные предприятия. Интеллигенция на заводах и в школах и университетах только слуга пролетариата"¹⁷¹. Таким образом, ни одному социальному слою новая власть не принесла желаемого благоденствия.

Критиковал Крамарж и большевистскую систему образования из-за стремления создать лишь умелого рабочего и организатора, что он считал ошибочным по своей односторонности. Чешский автор полагал, что учить русского человека надо прежде всего любви к постоянной методической работе, какой бы она ни была: "Его надо учить видеть в каждой работе выполнение своей общественной функции, своего долга перед чем-то высшим — народом и государством"¹⁷².

Не признавал Крамарж и диктатуру пролетариата. Он писал: "Классовая солидарность в завоевании и удержании своего господства есть не что иное как эгоизм личности, расширенный в эгоизм класса... Общество, основой которого станет только материализм и эгоизм, разложится на свои отдельные элементы гораздо быстрее, нежели общество, в котором эгоизм экономической эксплуатации всегда встречал мощный противовес в христианстве либо в чувстве долга народу, государству и человечеству"¹⁷³. Чешский политик предупреждал, что ничего, кроме распада нравственности, нельзя ожидать от учения, провозглашавшего власть меньшинства над большинством и ставившего своей целью благо не всех, а только одного класса¹⁷⁴.

Заслуживают внимания еще два верных наблюдения Крамаржа. Первое состоит в том, что после упразднения частной собственности и частного предпринимательства неизбежна централизация и бюрократизация производства¹⁷⁵. Вторая мысль заключалась в том, что большевизм не способен к реформе изнутри, он не может быть иным, ненасильственным¹⁷⁶.

Однако Крамарж считал, что несправедливо всю вину за развал России взваливать на большевиков и Октябрьскую революцию. По его мнению, большевики сказали только последнее слово к тому, чем жила большая часть русской интеллигенции. Политический распад и хозяйственное разложение начались уже с Февральской революции. Он заявлял: "Эти грозные явления были следствием болезни русской интеллигенции, порожденных ее воспитанием царским режимом"¹⁷⁷.

В заключении ко второй части Крамарж подчеркивал, что внутренний крах большевизма не вызывает сомнений, хотя никто не может сказать, как долго продлится господство коммунистов. Русскую попытку осуществить целостный социализм он считал неудавшейся. "Россия принесла страшные жертвы ради всего мира и ради будущности человечества, чтобы доказать невозможность не только разом, декретами, изменить социальный строй, но и устранить индивидуализм из экономической жизни¹⁷⁸... Большевизм... не принес свободы и обещанного благополучия даже рабочему классу¹⁷⁹... Бюрократизм и огосударствление является совершенно неподходящим строем для удовлетворения богатых и разнообразных человеческих потребностей¹⁸⁰... Замена господства одного класса другим вообще не представляет прогресса"¹⁸¹. Он был уверен, что новая Россия не может быть иной, кроме как демократической и конституционной.

Здесь же Крамарж касался новой экономической политики (НЭПа), обращая внимание на то, что, по Ленину, НЭП — это временное отступление. Советское хозяйство, хоть и несколько оживилось, но не вышло из своего "отчаянного положения"¹⁸². Голод 1921 г. унес жизни 5,5 млн человек. В 1922 г. из России был выслан целый ряд лучших профессоров и ученых. После смерти Ленина возникли внутрипартийные распри между Троцким, с одной стороны, и Каменевым, Зиновьевым, Сталиным — с другой. Ленин же был превращен в святого. Выход из "заколдованного круга", с точки зрения Крамаржа, заключался в том, чтобы "разбить его, то есть совершенно устранить социализм в промышленности и торговле и всецело покончить с большевизмом"¹⁸³. Не только в интересах "несчастной и измученной России", но и в интересах всего цивилизованного мира, "политического, хозяйственного и социального успокоения Европы, чтобы поскорее наступил конец самому страшному варварству и самому безнравственному правовому строю, какие когда-либо знала история человечества"¹⁸⁴, — заключал Крамарж в октябре 1924 г.

Третья часть "Русского кризиса" была посвящена возрождению России, она так и называлась "Возрождение".

Что касается *нового государственного устройства России*, то прежде всего Крамарж полагал необходимым ликвидировать бюрократическую централизацию как единственную форму сильной единой России. Жизненно важной задачей он считал децентрализацию и призыв населения к государственному управлению. В децентрализации и самоуправлении видел основы нового государственного устройства. При этом он настаивал на необходимости преодоления отчужденности от государства не только интеллигенции, но и широких народных масс, прежде всего крестьянства. "России нужны будут новые люди, — писал он, — ... Это немыслимо иначе, как через посредство широкого самоуправления... Из этих местных деятелей и вырастет в России целый ряд хороших, энергичных, инициативных работников для высших отраслей самоуправления... Надеяться на сравнительно быстрое оздоровление России можно только, если весь этот огромный процесс будет распределен между бесконечным числом отдельных ячеек, местных управлений, которые получают возможность самостоятельно, конечно, при помощи центра и области, решать вопросы местной обновительной работы... И надо думать, что между отдельными местностями и областями разовьется прекрасное соперничество... Для этого, конечно, потребуется наделение областей и земств финансовой самостоятельностью"¹⁸⁵. Таким образом, в "Русском кризисе" Крамарж повторял основной тезис, высказанный им еще в проекте российской конституции в 1919 г.

Также повторялась мысль о том, что вопрос о республике или монархии не есть вопрос принципа, а только условий, делающих при данной обстановке то или другое решение наиболее выгодным для страны. С его точки зрения, "если бы народ восстановил монархию, то царь не должен был бы иметь больше власти, чем избираемый пожизненно президент республики"¹⁸⁶. С другой стороны, он полагал, что было бы ошибкой сделать из периодически избираемого президента лишь безвластную, декоративную фигуру. Крамарж подчеркивал, что "всякий глава государства, будь то царь или президент, должен обладать правом роспуска представительных собраний без каких-либо ограничений"¹⁸⁷, так как это право в конституционных странах служит сильнейшим орудием в руках главы государства. Следовательно, идеальной формой государственного устройства он представлял либо конституционную монархию, либо президентскую республику с широкими правами президента.

Крамарж не скрывал, что его взгляды на новое государственное устройство России претерпели определенную эволю-

цию. В первые дни революции, до убийства царской семьи и великих князей его привлекала мысль о царе из дома Романовых, избираемом так же как президента республики¹⁸⁸. Он писал: "Мне казалось, что так лучше всего удалось бы примирить символы 300-летней традиции с принципом верховенства воли народа"¹⁸⁹. Но позже он понял, что после мировой войны, революции и распада империй возвращение к наследственной монархии вряд ли возможно. Необходимо учитывать более развитое народное сознание. Поэтому он предлагал избираемого монарха. Прежде всего это ликвидировало бы наследственный двор, часто вредно влиявший на государя. Избрание в монархи любого члена царской семьи основывалось бы на его личных способностях и заслугах, а также на доверии к нему народа. Избранию надо было придать торжественный характер и совершить освящение церковью, чего, по мнению чешского политика, требовала психология русского народа. Избрание он предполагал проводить необходимым большинством обеих палат парламента. Обряд коронования и помазания проводить лишь над царем, но не над его супругой. Доходы государя должны быть подконтрольны и зависимы от решения палат. В присяге войск и чиновников должна быть ясно обозначенная верность лишь избранному палатами царю и обязанность защищать конституцию. Необходима и присяга на верность конституции царя, таким образом, он становился бы ответственным за всякую попытку государственного переворота. Понятия "избираемый царь" и "президент" у Крамаржа во многих случаях взаимозаменяемы. Мысль о *выборном* царе несколько необычна, это признавал и сам автор. Но тем самым он желал примирить тех, кто после революции и большевизма еще больше уверовали в необходимость для России монархии, с теми, которые, несмотря на ужасы последних лет, не утратили веры в народ и его право распоряжаться своей судьбой. Однако объединить лагерь монархистов и республиканцев было на самом деле невозможно, что показала вся история зарубежной России. Один из основных водоразделов в политической эмиграции проходил между теми, кто не признавал законным Октябрьский переворот, и теми, кто начало катастрофы видел уже в Февральской революции¹⁹⁰.

Вопрос о форме государственного устройства действительно волновал представителей различных политических направлений русской эмиграции. Если в начале 20-х годов многие сходились на том, что не стоит предрешать вопрос — республика или монархия, то уже на рубеже 20 — 30-х все чаще стали раздаваться голоса, требующие вполне определенных высказываний по этому поводу. В 1929 г. П.Н. Милюков опубликовал

брошюру "Республика или монархия?", в которой писал: "Нужно решать вопрос сейчас уже для того, чтобы русский народ знал, как кто об этом думает и кто с чем к нему идет"¹⁹¹. Умолчание о форме правления, так называемое "непредре- шенчество" он расценивал как "вид политики, обыкновенно прикрывающей готовое антидемократическое решение, в котором неудобно сознаться публично"¹⁹². Русский политик и историк доказывал, что республика — лучший государственный строй для народов, достигших определенной ступени националь- ного развития, заявляя, что «русская старая монархия пропустила все сроки для мирного превращения в ... "парламентскую" монархию»¹⁹³. Вместе с тем П.Н. Милюков подчеркивал, что сильная власть м о ж е т и д о л ж н а быть создана в республике¹⁹⁴. Выступая за федерализм, он полагал, что только демократическая республика способна обеспечить русскому государству экономическое и политическое единство территории и открыть путь к созданию единой государственной "нации"¹⁹⁵. Милюков думал, что установление республиканского строя продемонстрировало бы, что Россия идет таким же путем, что и послевоенная Европа, это дало бы гарантию мира и вызвало бы симпатии прогрессивной мировой общественности, тем самым обеспечив ее международное признание. Он выступал и против тех, кто, подобно Крамаржу, искал среднего решения. Соглашаясь с тем, что "английская монархия лучше, чем китайская республика", Милюков вместе с тем писал: "У нас нет этой традиции, нет вековой практики свободных учреждений и нет — в особенности после революции, — вполне организованных социальных сил, могущих не только законом, но и фактом ограничить волю монарха"¹⁹⁶. По отношению к таким странам, как Бельгия, Дания, Швеция и Норвегия, куда парламентская монархия была пересажена, и где привилась, он, вслед за Крамаржем, утверждал, что монархия и республика — безразличны, раз они гарантируют демократический строй и правильное выражение народной воли. Но российские условия, по его мнению, отличались и от этих стран, поэтому он считал, что парламентская монархия для России это не решение проблемы, а людей, ратовавших за нее, называл "Маниловыми"¹⁹⁷. Милюков указывал: "Парламентарная монархия — для России есть слишком теоретическое и отвлеченное решение, не подготовленное достаточно нашим прошлым. Для нее нет ни соответствующего социального строя, ни политических преданий, ни надлежащего опыта у населения, ни, наконец, подходящего кандидата. Напротив, республика есть факт настоящего, понятный населению и дорогой ему, как вернейший способ охраны приобретенного"¹⁹⁸.

Возражал Милюков и против идеи "народного царя", полагая, что ее выдвигают "более умные, опытные и последовательные демагоги монархизма"¹⁹⁹. Он критиковал выступления монархистов за интервенцию и их поиски возможных союзников внутри России — в лице крестьянства и Красной Армии. Не называя Крамаржа и не упоминая его работы, Милюков часто высказывался, как бы прямо отвечая на его аргументы. На вопрос, созрела ли русская демократия, он возражал тем, кто подчеркивал "дикость" русского крестьянства, и отмечал, что двенадцать лет непосредственного участия масс в народной революции говорят сами за себя. Милюков, выступая от имени демократической эмиграции, ратовал исключительно за республику.

С другой стороны, например, созданный уже в середине 30-х годов Русский национальный союз участников войны (РНСУВ) выступал за социально ориентированную модель монархии, стоящую на принципах надклассовости, надсословности, самодержавия, гражданских прав и законности²⁰⁰.

В "Русском кризисе" все судебные приговоры Крамарж предлагал выносить именем государства (республики), а не монарха (президента). Что касается выборов в верхнюю палату парламента, то чешский парламентарий считал целесообразным две трети избирать, а треть наполовину выбирать разными корпорациями, а наполовину назначать главою государства.

О консерватизме Крамаржа свидетельствует его предложение на время воздержаться от прямых выборов, имея в виду "огромность русской территории" и "первобытные условия русской деревни"²⁰¹. Ссылаясь на свой долговременный депутатский опыт, он предлагал также повысить избирательный возраст до 25 лет.

Будущую русскую конституцию Крамарж полагал необходимым подготовить заранее, не дожидаясь национального собрания: "На русское общественное мнение произвело бы крайне тяжелое впечатление, если бы принятие Основных законов отдалось, а русский народ не слышал бы и не видел ничего, кроме обычных старых споров и общих фраз без конкретного положительного содержания"²⁰².

Возрождать Россию чешский политик призывал трудом снизу, "дружной работой всех русских и нерусских своих сограждан"²⁰³. Он был уверен, что "если каждый русский человек сделается строителем своей обновленной родины, не найдется никого, кто бы мог сломить силу и могущество свободной России"²⁰⁴.

Для экономического возрождения России Крамарж, главным образом, полагал необходимым изменение самих людей, превращение "безликих мужицких толп" в сознательных граждан

свободного государства: "Россия так неизмеримо богата своею единственною в своем роде почвою, своими неисчерпаемыми запасами угля, железа, металлов, от простейших до самых дорогих, своими нескончаемыми лесами, что нужны только энергия, предприимчивость и воля, чтобы страшные раны зажили, а Россия сделалась сильнее, нежели раньше"²⁰⁵. Он был согласен с идеей о том, что будущая свободная Россия должна опираться прежде всего на крестьянина и может быть только крестьянской демократией. Экономическое спасение страны он ставил в зависимость от интенсивности хозяйничанья крестьян. В культурном и экономическом подъеме крестьян Крамарж видел будущее России. Он считал ошибкой недооценивать энергию и действенность большевиков и отбросить весь их опыт. Но новую Россию чешский автор желал видеть свободной демократической страной, стремящейся к уважению человеческих прав, чуждой страхов перед широкой справедливой социальной политикой. Крамарж ставил задачу воспитывать крестьян как порядочных, грамотных, сознательных граждан, сознающих не только свои права, но и обязанности. Он выражал надежду, что церковь останется свободной, соборно управляемой, а священник не будет играть роль духовного полицейского. Большое внимание Крамарж предлагал уделить школе, которая, по его мнению, должна была остаться трудовой, но в плане не только выработки технических знаний, но и нравственного воспитания иного отношения к труду, как к почетному общественному и государственному долгу. При этом он подчеркивал: "Само собой разумеется, что учителей следует обеспечить материально в такой степени, чтобы всем было ясно, какие великие задачи возлагает на них новая Россия"²⁰⁶. Читая эти строки, невольно проводишь параллели с сегодняшним днем. Почему-то до сих пор не стало аксиомой, что от отношения государства к учителям во многом зависит, каким вырастет новое поколение граждан (то, что было понятно, и о чем писали 80 лет назад...). Русским эмигрантам чешский политик предлагал вместо излишних споров озаботиться выработкой новой программы и учебного плана для школы. Особо необходимым он считал школьное и внешкольное сельскохозяйственное образование.

Крайне отрицательно он относился к изъятию земли у крестьян и возвращению ее помещикам, полагая целесообразным провести вознаграждение бывших хозяев как государственный акт, а крестьянскую собственность сделать основой общественного строя. Однако Крамарж настаивал, что не количество земли, которое все-таки ограничено, а качество работы и интенсивность хозяйства может помочь крестьянам. Он предполагал существование как крупных государственных (для обес-

печения городов и вывоза сельхозпродукции), так и частных имений. При этом необходимо было установить наибольший предел поземельных владений (как вариант предлагалось определять размер возможностью личной обработки участка). Предохранить страну от раздробления земли чешский юрист полагал возможным путем принудительного округления участков в одно целое (коммасаации) и осуществления существовавшего еще до войны проекта о неделимости земельных участков, изменив соответственно наследственное право. Кроме того, для поднятия сельского хозяйства предлагалось ввести монополию на хлеб и муку, устраивать добровольные кооперативы для совместной обработки земли и закупки сельскохозяйственной техники, осуществлять вывоз не зерна, а муки. Доходы от монополии частично использовать на нужды сельского хозяйства: устройство с/х школ, централизованные закупки удобрений и орудий труда, строительство дорог, расселение деревень, рытье колодцев, обводнение и осушение, укрепление оврагов и облесение.

С его точки зрения, введение личной собственности на землю приведет к тому, что *ремесленники и рабочие* уже не будут связаны с землей. В отношении этих социальных групп Крамарж также имел свою программу. Для того чтобы избавиться от привычки делать на авось, на глазок, привыкнуть к "нудной западноевропейской пунктуальности", нужны ремесленные школы. Необходимо также организовывать выставки, в том числе и ученические. Предотвратить социальные конфликты, по мнению чешского деятеля, можно, создав приличные условия жизни рабочим: предоставлением чистых, уютных квартир, организацией библиотек, лекций, театров, систематических образовательных курсов. Причем все это предполагалось устроить за счет средств, получаемых рабочими из прибылей²⁰⁷.

Любопытно, что Крамарж отрицал в качестве новой хозяйственной политики предоставление концессий иностранцам. Несправедливым он полагал и выплату долгов союзникам, так как они не помогли вовремя водворить порядок в России, а неприятельским странам — так как они намеренно ввезли в страну большевизм. Но индивидуумам, как иностранным, так и русским хозяевам, имущество возратить Крамарж считал необходимым, обеспечив кроме того, государственную помощь для их восстановления²⁰⁸. (Ходили слухи, что он требовал у советского правительства компенсацию за национализированную виллу "Барбо".)

Будущей России потребовалась бы стабилизация финансовой системы, строгое соблюдение бюджета, крайняя бережли-

вость во всех непроизводственных расходах. "Государство существует не только для оплаты чиновников"²⁰⁹, — подчеркивал он. По мнению Крамаржа, в новой России не должно быть как безработных, так и занятых ненужной канцелярской работой. Он полагал необходимым введение личного подоходного налога. Иностранному ввоз разрешить лишь тем торговым партнерам, кто предоставит России кредит на сносных условиях, запретив при этом на известный короткий срок ввоз предметов излишней роскоши. Чешский предприниматель и экономист предлагал не бояться займов на капитальные производственные затраты, хотя они и способны испугать величиной необходимых сумм, но России необходимо быстро восстановить свое место среди здоровых сильных государств, и весь мир в этом нуждается, поэтому и даст необходимые миллиарды.

Крамарж был уверен в том, что новая Россия непременно будет свободной и конституционной. Долгом русской интеллигенции он считал искать пути к единению с народом. К сожалению, и сейчас, говоря об интеллигенции, нередко автоматически приходят на ум слова Герцена о декабристах: "Узок их круг, страшно далеки они от народа". В новой России будет немыслима проповедь любой революции, так как, испытав на себе горькую долю эмигрантской жизни, интеллигенция откажется от революционных проповедей, и именно в России революцию будут ненавидеть. Спать русский народ сможет свободная, преобразованная, самостоятельная православная церковь. Новая Россия, по мысли Крамаржа, неизбежно потребует совершенно нового устройства политической и общественной жизни. Он критиковал русскую эмиграцию за неспособность сплотиться в единый боевой порядок, чтобы своим единством воздействовать на европейское общественное мнение и побуждать веру в новую Россию. Крамарж писал: "Мы, в Чехии, тоже не являем собой образца партийной терпимости, однако, во время войны смогли создать единый строй всех чешских партий, стремившихся к самостоятельности, и смогли поддерживать это единство пока не достигли своей цели"²¹⁰. При этом он отмечал, что чешское внутреннее сопротивление, в рядах которого были социалисты, подчинилось заграничному еще до того, как был решен вопрос о государственном устройстве Чехословакии. Российской же эмиграции была свойственна "старая русская сварливость и прямо болезненная любовь к спорам"²¹¹. Поэтому дальнейшую судьбу страны он предлагал вернуть не эмиграции, а самой освобожденной России.

С одной стороны, Крамарж воспринимал самодержавие как устаревшее даже для России, с другой — гражданские свободы без порядка и дисциплины называл величайшим злом. Он

полагал необходимой широкую доброжелательную социальную политику в отношении трудящихся. Основой нового государства он продолжал считать крестьянство, которому предлагал дать широкое образование. Программа эсеров, таким образом, потеряла бы всякий смысл. В возрожденной стране, по его мнению, должно было быть меньше партий, чем до войны. Главная задача — превратить крестьянскую массу в "государственно-творческий" слой, так как крестьяне стремятся к сильной, упорядоченной и деятельной государственной власти.

В вопросах хозяйственного возрождения страны Крамарж признавал себя оптимистом, но несколько пессимистично смотрел на ее нравственное возрождение. "Разграбление городов, убийства и изнасилования, — писал чешский политик, — не были исключительной особенностью красных войск, война и революция внесли нравственный упадок в обществе"²¹². Возможно, Крамарж был знаком с романом Е.Н. Чирикова о Гражданской войне в России "Зверь из бездны", вышедшим в Праге на чешском языке в 1924 г., затем в 1925 г. (в 1926 г. роман был напечатан на русском языке и вызвал бурную полемику в эмигрантской прессе)²¹³. Во всяком случае, мысль Крамаржа о том, что война обнаружила в человеке зверя, почти дословно совпадает с основной идеей романа. Крамарж несколько развивает эту мысль, подчеркивая, что если в результате войны было утрачено понятие ценности человеческой жизни, то большевики превратили зверство в систему захвата и удержания власти. Язвыми большевизма он называл систему взятия заложников и амнистию уголовных преступников, кражи в высшем эшелоне, взятки чиновников, спекуляции продуктами и ресурсами на фоне всеобщей бедности и голода, безумные выпуски бумажных денег, а также разложение семьи ввиду легкости заключения и расторжения браков, воспитание без религии и нравственности. Многие из этих явлений знакомы нам и сейчас.

Помочь воскресить Россию мог, как думал Крамарж, патриотизм интеллигенции. "Лечить" страну он предполагал лишь после окончания внутренней борьбы, в спокойной мирной обстановке невоенного времени. Говоря о партийных программах, он полагал, что все прежние ценности нуждаются в переоценке и переосмыслении: "Россия желает свободы, демократии, честной конституции, децентрализации, земельной реформы, которая успокоила бы крестьян, дав им собственность... Россия хочет промышленной политики, обеспечивающей и личную предприимчивость и великодушную социальную политику в пользу рабочих, Россия хочет широкой культурной политики, терпимости ко всякому религиозному и национальному чувству"²¹⁴. И, наконец, Крамарж подчеркивал мысль о

необходимости объединения всех здоровых сил общества не по партийным интересам, а исходя из общих государственных интересов общества.

В заключение столь обстоятельной работы Крамарж излагает основные выводы:

— для восстановления равновесия в мировой политике Россия должна восстановиться на своем месте;

— Россия погибла не только по внешним причинам, но и в результате внутренних процессов (столкновение западного прогресса с восточной окаменелостью);

— у французской революции и большевизма есть внутренняя связь, но большевизм прервал эволюционный ход развития, и тем самым уничтожил главное завоевание французской революции — свободу труда;

— большевистский опыт — одно из важнейших исторических событий, от результатов которого зависела вся судьба существовавшей культуры и цивилизации, но попытка сделать пролетариат, массы господами не только государства, но и производства и распределения, не удалась;

— большевизм потерпел внутреннее крушение, но тем самым избавил общество от упорной веры в утопию в хозяйственной и общественной жизни и очистил путь для соглашательской, эволюционной социальной политики;

— Россия, над которой был произведен сей эксперимент, принесла человечеству неоценимый дар — неудачу большевизма;

— Россия принесла самые тяжелые жертвы, чтобы все поняли никчемность утопии, заимствованной ею с Запада. Видя свою отсталость от Запада русские утешали себя тем, что они самобытны и выше западных людей. Духовная связь России с Западом была давно прервана, и она стремилась приблизиться к Западу путем чего-то великого и самобытного, путем общественного или политического переворота;

— мессианские фантазии были свойственны многим российским политическим и идейным направлениям, большевики также хотели преобразить как Восток, так и Запад в коммунистический рай;

— опыт большевизма показал необходимость пересмотра взглядов человечества на труд с тем, чтобы стала возможной жизнь без классовой борьбы; на русском примере весь мир убедился, что дорога к социальному раю идет не через революцию, насилие и террор, а через мирную творческую всеобщую работу;

— путь к равенству с Западом в улучшении хозяйства и во всех взглядах на государство, общество и общественные обязанности;

— путеводной звездой для русских должен стать патриотизм и сознательный национализм, а не "туманная всемирность".

Крамарж, естественно, допускал, что после освобождения от большевизма не все сразу наладится в стране, но он рассчитывал, во-первых, на то, что цивилизованные государства, заинтересованные в торговых отношениях с новой Россией, окажут ей помощь, а, во-вторых, на творческие созидательные силы внутри самого российского государства.

Закljučая свою работу Крамарж писал: "Россия обновится. Она даст своему народу гражданские свободы и нечем не нарушаемую возможность радостного труда, она воспитает народ в сознании, что государство — это его государство, здоровье и сила государства — его сила и здоровье и что его судьба неразлучно связана с судьбой Государства! Будет, надеемся, доказано, что и в России возможно совместить гражданскую свободу со строгим порядком и твердым авторитетом власти. Тогда и Россия станет сильной, мощной и уважаемой!"²¹⁵. Он полагал, что русский мессианиззм должен обратиться внутрь, к собственному народу и его близким, к славянам. Россия останется прежним особым миром, но "не будет более загадкой, которая и привлекала, и отталкивала". Крамарж всей душой верил, что народ русский, заплатив за "вековые русские грехи", и научившись на собственных ошибках, сохранится, а Россия будет жить. В конце текста была приписка: Закончено в Праге 21 июня 1921 г., переведено на русский язык в марте — августе 1924.

Русская эмиграция с большим интересом встретила этот труд Крамаржа, как, впрочем, и другие его печатные работы и выступления. И.В. Гессен в письме Крамаржу от 26 августа 1920 г. из Берлина писал: «Редактор "Права и Речи" П.И. Новгородцев, приехав из Праги, ознакомил меня с выработанным Вами проектом российской конституции, который, конечно, представляет огромный интерес»²¹⁶. Далее он сообщал о желании увековечить этот проект в осуществляемом им издании "Архив русской революции" и просил разрешение на публикацию²¹⁷.

В следующем письме Крамаржу от 24 сентября 1920 г. Гессен подтверждал, что получил разрешение на публикацию проекта конституции и писал о своем интересе к книге "Русский кризис", над которой чешский политик продолжал еще работать. Гессен просил послать ему план и содержание книги и интересовался, есть ли уже издатель для русского перевода²¹⁸. 24 сентября он сообщал, что получил текст проекта конституции и вновь выражал свой интерес к книге и желание публиковать ее в своем издательстве²¹⁹. Газета "Общее дело" в январе

1921 г. информировала читателей о том, что Крамарж закончил книгу о России и помещала небольшой анонс этого труда²²⁰. Уже после выхода книги в русском переводе М. Гирс писал Крамаржу из Парижа, что через В.Т. Рафальского получил его книгу "Русский кризис"²²¹.

Однако, как известно, русские могут и любят критиковать и ругать себя сами, но не выносят, когда это делают иностранцы. Поэтому отношение к этому произведению было неоднозначным. Естественно, что оно не могло прийтись по вкусу ни левым, ни правым. Кому-то не понравилась несколько поучительная манера изложения и невыгодные для России сопоставления с Западом. По словам серьезно изучавшего эмигрантскую прессу И.П. Савицкого, некоторые чуть ли не обвиняли Крамаржа в желании сделаться тем самым "выборным русским царем", что, конечно же, было явной натяжкой. Но вместе с тем отдельные взгляды чешского политика, подробно изложенные на страницах "Русского кризиса", нередко во многом совпадали и повторяли основные идеи представителей умеренной либерально-конституционной эмиграции за рубежом.

¹ Так, Введение, например, печаталось в "České Revue" весной, главы 1–5 первой части выходили в свет в том же издании летом и осенью 1918 г.; выдержки из "Русского кризиса" публиковались в чешской газете "Národní poviny" (22, 23, 24, 25.XI. 1921) и венской газете "Neue Freie Press" (17 и 24.XI.1925) на немецком.

² Archiv Národního Muzea. (Далее: ANM.) F.K. Kramář. Kart. 59.

³ Крамарж К.П. Русский кризис. Прага; Париж, 1925. С. 9.

⁴ Там же. С. 7–8.

⁵ Серапионова Е.П. Чешские социалистические партии в 1917 г. // Европейское социалистическое движение 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994. С. 234–235.

⁶ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — политический и государственный деятель, адвокат. Член Государственной думы 4-го созыва, лидер партии трудовиков; видный масон. В дни Февральской революции вошел в состав Временного правительства, избран товарищем председателя Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Вступил в партию социалистов-революционеров. Со 2 марта министр юстиции, с 5 мая по 30 августа военный и морской министр Временного правительства. На I Всероссийском съезде Советов избран в состав ВЦИК. С 8 июля возглавлял Временное правительство, одновременно с 30 августа Верховный главнокомандующий и глава Директории (1–25 сентября). После октября 1917 г. вместе с генералом П.Н. Красновым организатор антибольшевистского выступления 26–31 октября. С 1918 в эмиграции во Франции, с 1940 — в США. Автор мемуаров, исследований по новейшей истории России.

⁷ Pravo Lidu. 1917. 16. XI.

⁸ Dělnický denník. 1917. 16. XI.

⁹ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 9–10.

- ¹⁰ Подробнее этот сюжет см.: *Серационова Е.П.* Три виллы Крамаржа // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 316.
- ¹¹ Ленинский декрет от декабря 1920 г. превращал крымские дачи, виллы, особняки в здравницы "для трудящихся", хотя на вилле Крамаржа "Барбо" отдыхали в основном семьи политработников, а затем уже в 60–70-е годы она использовалась в качестве резиденции для высокопоставленных иностранных гостей.
- ¹² *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 171.
- ¹³ Там же. С. 22.
- ¹⁴ *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 10.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ К.П. Крамарж ссылается на следующие труды: *Масарик Т.Г.* Русская история и религиозная философия. Вена, 1913. Ч. 1–2; *Миллюков П.Н.* Очерки русской культуры. М., 1905. Т. 1–3; Он же "Русский кризис". Париж, 1907; Он же. Из истории русской интеллигенции. 1913; *Парвус Г.* Россия и революция. СПб., 1908; *Вехи*: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1909; и ответ на "Вехи". Интеллигенция в России. СПб., 1910; *Николаевская эпоха. Воспоминания маркиза де Кюстина.* СПб., 1910; *Рубакин Н.А.* Россия в цифрах. СПб., 1912, и др.
- ¹⁷ Несмотря на то, что за последнюю треть XIX в. городское население в России возросло вдвое, все-таки по переписи 1897 г. из 126 млн 369 тыс. жителей городское население составляло всего лишь 16 млн 504 тыс., см.: *Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон.* Россия. Ленинград, 1991. С. 81.
- ¹⁸ *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁹ Согласно переписи 1897 г., 76,5% всего населения России, имеющего определенные занятия, жило за счет сельского хозяйства, тогда как аналогичный показатель в Германии того времени — 37,3%, в Австрии — 55,5%, в США — 35,9%, см.: *Россия в начале XX века: Исследования.* М., 2002. С. 99.
- ²⁰ *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 14.
- ²¹ Штундизм — религиозное течение, возникшее под влиянием протестантизма среди русских и украинских крестьян во второй половине XIX в. Распространилось в основном в Одесском уезде. Сходно с верованием духовных христиан. К концу 70-х годов штундизм слился с баптизмом. См.: *Энциклопедический словарь История отечества.* М., 1999. С. 459.
- ²² Там же.
- ²³ Ср., например: *Масарик Т.Г.* Россия и Европа. СПб., 2000. С. 6–10.
- ²⁴ *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 14.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 15.
- ²⁷ Подробнее о евразийцах и их исторических концепциях см., например: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: "евразийский соблазн". М., 1997.
- ²⁸ *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 16.
- ²⁹ Цит. по: *Косик В.И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 106.
- ³⁰ См. об этом: *Шимов Я.* Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 146.
- ³¹ *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 17.

- 32 *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. СПб., 1999. С. 299.
- 33 *Шимов Я.* Указ. соч. С. 142 – 143.
- 34 *Кареев Н.И.* (1850 – 1931) – историк, социолог, публицист и педагог.
- 35 См.: *Лаптева Л.П.* Н.И. Кареев и его связи с чешскими учеными // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 8. История. 1999. № 2. С. 68 – 69.
- 36 *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 18.
- 37 Там же. С. 227.
- 38 Там же. С. 18.
- 39 Там же. С. 19.
- 40 Там же. С. 20 – 21.
- 41 См., например, ст.: *Морозова Л.Е.* Иностранцы об изменениях в образе жизни русских людей (Конец XV – XVI век) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000. Вып. 1. С. 18 – 41; *Мачеевский Я.* Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании; *Понксиньский М.* Русские и Россия в польской культуре конца XIX – начала XX в.; *Белова О.* "Лях-девятиденник" и "москаль-людоед" (представления этнических соседей друг о друге) // Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000 и др.
- 42 *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 21 – 22.
- 43 Там же. С. 25.
- 44 Там же. С. 23.
- 45 Там же. С. 24.
- 46 Там же. С. 25.
- 47 Там же. С. 26.
- 48 Там же. С. 27.
- 49 Там же. С. 28.
- 50 Там же С. 30.
- 51 ANM. F. K. *Kramáf. Kart.* 13.
- 52 *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 30.
- 53 Там же.
- 54 Там же. С. 31.
- 55 *Н.А. Бердяев*, характеризуя *К.П. Победоносцева*, сравнивал его с *В.И. Лениным*, в том, что и тому и другому было свойственно неверие в человека и нигилистическое отношение к миру. См.: *К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Тайный правитель России. Письма и записки 1866 – 1895: Статьи. Очерки. Воспоминания.* М., 2001. С. 536 – 538.
- 56 *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 32.
- 57 Там же. С. 227.
- 58 Там же. С. 228.
- 59 Там же. С. 33.
- 60 Там же.
- 61 Там же. С. 36.
- 62 Там же. С. 37.
- 63 См.: *Коновалов В.С.* Крестьянство и реформы (российская деревня в начале XX в.). М., 2000. С. 28.
- 64 *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 51.
- 65 Там же. С. 52.
- 66 Там же. С. 53.
- 67 Цит. по: Там же. С. 57.
- 68 Цит. по: Там же. С. 57 – 58.

- ⁶⁹ Уваров Сергей Семенович (1786 – 1855) – государственный деятель, в 1818 – 1855 президент Петербургской АН, в 1833 – 1849 министр народного просвещения, положил начало системе реального образования.
- ⁷⁰ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 71.
- ⁷¹ Там же. С. 79.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Šis V. Karel Kramář. Život a dílo. Skizza. Praha, 1930. S. 75.
- ⁷⁴ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 81.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 454. Оп. 1. Д. 49. Л. 4 – 7.
- ⁷⁷ Там же. Л. 15.
- ⁷⁸ Там же. Л. 17.
- ⁷⁹ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 97.
- ⁸⁰ Там же. С. 100.
- ⁸¹ Там же. С. 125.
- ⁸² В советской историографии личность Столыпина и его деятельность оценивались исключительно негативно, в постсоветское время весьма положительно, однако, как считает В.В.Хотулев, наследие его еще не осмыслено. См.: Хотулев В.В. Петр Столыпин. М., Смоленск, 1998. С. 5 – 484.
- ⁸³ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 141.
- ⁸⁴ Там же. С. 142.
- ⁸⁵ Там же. С. 143.
- ⁸⁶ Там же. С. 146.
- ⁸⁷ Там же. С. 152.
- ⁸⁸ Там же. С. 156.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же. С. 157.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Цит. по: Там же. С. 162.
- ⁹³ Там же. С. 165.
- ⁹⁴ Т.Г. Масарик, скажем, отмечал, что даже К. Маркс и Ф. Энгельс в последний период своего творчества отреклись от "революционизма", придя к пониманию важности реформ. Подробнее см.: Серапионова Е.П. Критика Т.Г. Масариком большевизма // "Восточноевропейский социализм": становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992. С. 24.
- ⁹⁵ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 174.
- ⁹⁶ Там же. С. 179.
- ⁹⁷ Граф Лорис-Меликов Михаил Тариэлович (1825 – 1888) – государственный деятель, генерал от кавалерии. В 1880 г. глава Верховной распорядительной комиссии. В 1880 – 1881 министр внутренних дел, преобразовал полицию, разработал проект реформы государственного управления (так называемая "Конституция Лорис-Меликова"). После убийства императора Александра II в отставке.
- ⁹⁸ Князь Святополк-Мирский Петр Дмитриевич (1857 – 1914) – участник русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., с 1900 г. товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов, с 1902 г. Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор, в 1904 – 1905 гг. министр внутренних дел, генерал от кавалерии.

- ⁹⁹ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 195.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 199.
- ¹⁰¹ Там же. С. 210.
- ¹⁰² Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) — политический деятель, экономист, историк. В конце 1890-х один из представителей "легального марксизма". С 1905 г. член партии кадетов, один из лидеров кооперативного движения. В конце 1917 — январе 1918 г. министр финансов Украинской Центральной рады. Автор трудов по истории русской промышленности, кооперативному движению.
- ¹⁰³ К западным странам Крамарж, безусловно, относил Австро-Венгрию и Германию, однако некоторые историки считают, что в начале XX в. государственное устройство России, Германии и Австро-Венгрии имело достаточно высокую степень сходства. См.: *Никитин А.К. Австро-Венгрия, Германия и Россия (конец XIX — 1918 г.): возможность и границы трансформации, к постановке проблемы // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2002. Вып. 1: Европейское измерение политической истории. С. 150–151.*
- ¹⁰⁴ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 213.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 214.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 217.
- ¹⁰⁷ Это, конечно же, не совсем так. П.Б. Струве в статье "В чем же истинный национализм?" писал: "Душу живу, глубочайшую основу всякого "национализма" составляет неоспоримое, всякому известное, могущественное чувство любви к своей родине и своему народу", а в статье "Два национализма" отмечал, что "есть два национализма с диаметрально противоположным отношением к окружающей его, враждебной или индифферентной, "среде". Один — национализм свободный, творческий и потому открытый и в подлинном и лучшем смысле завоевательный. Другой — национализм скованный, пассивный и потому вынужденный бояться других и обособляться от них", российский воинствующий официальный национализм он считал слабым, порочным, не укрепляющим, а ослабляющим великодержавное положение России. См.: *Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 8, 95, 98–99.*
- ¹⁰⁸ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 217.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 219.
- ¹¹⁰ Там же. С. 222.
- ¹¹¹ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 40.
- ¹¹² Цит. по: Там же. С. 40.
- ¹¹³ Граф Муравьев Михаил Николаевич (1796–1866) — государственный деятель, генерал от инфантерии, почетный член Петербургской АН. В 1867–1861 — министр государственных имуществ. В 1863–1865 генерал-губернатор Северо-Западного края, руководил подавлением Польского восстания 1863–1864, прозван "вешателем".
- ¹¹⁴ Горизонтов Л.Е. Указ. соч.. С. 159.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 222.
- ¹¹⁷ Там же. С. 222–223.
- ¹¹⁸ Там же. С. 225.
- ¹¹⁹ Там же. С. 220.

- 120 Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925) – сын писателя, поэт и публициста А.С. Хомякова, Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.. В 1896–1902 директор Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. Член Государственного совета. Депутат Государственной думы 2–4-го созывов, один из лидеров октябристов, председатель III Думы. Действительный статский советник.
- 121 Крамарж К.П. Указ. соч. С. 221.
- 122 Там же. С. 222.
- 123 Там же. С. 226.
- 124 Там же.
- 125 Там же.
- 126 Председатель Совета министров В.Н. Коковцов вспоминал о беседе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, матерью Николая II, которая говорила по поводу слухов о Распутине: "Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию, и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвести несчастье". Цит. по: Кугрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна (1847–1928 гг.): Дневники. Письма. Воспоминания. М., 2000. С. 140.
- 127 Крамарж К.П. Указ. соч. С. 228.
- 128 См.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1997. С. 454, 479.
- 129 Крамарж К.П. Указ. соч. С. 235.
- 130 Более подробно см. об этом, например: Šedivý I. Češi, české země a velká válka 1914–1918. Praha, 2001. S.11–12, 16–20.
- 131 История внешняя политика России... С. 451.
- 132 Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 121–122.
- 133 Крамарж К.П. Указ. соч. С. 238.
- 134 Об убийстве Распутина подробно вспоминал в своих мемуарах князь Ф. Юсупов, см.: Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. М., 1998. С. 198–210.
- 135 Крамарж К.П. Указ. соч. С. 240.
- 136 Там же. С. 240–241.
- 137 Американский писатель Р. Масси в своей книге "Николай и Александра" несколько по-иному трактовал привязанность императрицы к Распутину, объясняя ее тем, что Распутин умел останавливать кровотечения страдавшего гемофилией наследника престола, однако и он писал, что Николай II вполне мог стать главой конституционной монархии, но императрица, идя на поводу у "старца" не пожелала поделить власть, см.: Масси Р.К. Николай и Александра. М., 1996. С. 558–559.
- 138 Крамарж К.П. Указ. соч. С. 242.
- 139 Там же.
- 140 Там же. С. 243.
- 141 Там же.
- 142 Чуть позднее А.Ф. Керенский был вынужден ввести ее вновь.
- 143 "Приказ № 1" – постановление Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, обязывавшее командиров всех воинских частей и подразделений, а также военных судов немедленно избрать солдатские комитеты и своих представителей в Совет рабочих и солдатских депутатов, которым они отныне должны были подчиняться. Оружие переходило под контроль ротных и батальонных комитетов, солдаты

- наделялись гражданскими правами. По сути этот приказ означал переход военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и замене начальников рядовыми. См.: *Искендеров А.А. Закат империи.* М., 2001. С. 584.
- ¹⁴⁴ Керенский А.Ф. История России. Иркутск, 1996. С. 413 – 415.
- ¹⁴⁵ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 219 – 220.
- ¹⁴⁶ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 248 – 249.
- ¹⁴⁷ Никитин А.К. Указ. соч. С. 160.
- ¹⁴⁸ Князь Львов Георгий Евгеньевич (1861 – 1925) — общественный и государственный деятель, участник земского движения, депутат Государственной думы 1-го созыва, с 1914 г. главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, один из руководителей Объединенного комитета Земско-Городского союза (Земгор). В марте – июле 1917 г. премьер-министр Временного правительства, с 1918 г. в эмиграции, автор “Воспоминаний”.
- ¹⁴⁹ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 268.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ Там же. С. 277 – 278.
- ¹⁵² Там же. С. 268.
- ¹⁵³ Корнилов Лавр Георгиевич (1870 – 1918) — военачальник, генерал от инфантерии. Участник русско-японской войны. В 1907 – 1911 военный агент в Китае. В начале Первой мировой войны командир пехотной дивизии, в 1915 – 1916 в плену, после побега командовал корпусом, потом армией. После Февраля занимал должности главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, командующего 8-й армией, главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, Верховного главнокомандующего (июль – август). 25 – 31. 8. 1917 организовал вооруженное выступление с целью установления военной диктатуры, но потерпел поражение от войск, верных Временному правительству и Красной Гвардии. Арестован, содержался в тюрьме г. Быхова. Освобожден в ноябре 1917 г. генералом Н.Н. Духониным, уехал на Дон, возглавил Добровольческую армию. Убит в бою под Екатеринодаром.
- ¹⁵⁴ Крамарж К.П. Указ. соч. С. 278.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 290.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 395, 403.
- ¹⁵⁷ Духонин Николай Николаевич (1876 – 1917) — военачальник, генерал-лейтенант, с 10.9.1917 начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 3. 11. 1917 исполняющий обязанности верховного главнокомандующего, отказался вступить в мирные переговоры с австро-германским командованием. 20. 11. 1917 после занятия Ставки в Могилеве революционными войсками был убит матросами из Сводного отряда.
- ¹⁵⁸ Шингарев Андрей Иванович (1869 – 1918) — общественный и политический деятель, врач. Участник земского движения. Один из создателей партии кадетов, член ее ЦК. Депутат 2-й и 4-й Государственной думы. В марте – апреле 1917 г. министр земледелия, в мае – июле министр финансов и заведующий продовольствием Временного правительства. После октябрьского переворота арестован, находился в Петропавловской крепости. 7 января 1918 г. убит в Мариинской больнице матросами-анархистами.
- ¹⁵⁹ Кокошкин Федор Федорович (1871 – 1918) — юрист, публицист, политический деятель. Профессор кафедры государственного права Мос-

- ковского университета, член Московской земской управы. Один из основателей партии кадетов и член ее ЦК. Депутат Государственной думы 1-го созыва. После Февральской революции председатель Юридического Сопещения при Временном правительстве и Особого совещания по изготовлению проекта положения о выборах в Учредительное собрание, государственный контролер Временного правительства. После Октября арестован, помещен в Петропавловскую крепость. 7 января 1918 г. убит матросами-анархистами в Мариинской больнице.
- 160 Рузский Николай Владимирович (1854—1918) — генерал от инфантерии и генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и русско-японской войны 1904—1905 гг. Во время Первой мировой войны командующий 3-й армией, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, член Государственного и Военного советов, главнокомандующий 6-й армией и армиями Северного фронта. Уволен со службы по болезни. В сентябре 1918 г. попал в число заложников, взятых Красной Армией и после мятежа И.А. Сорокина расстрелян в Пятигорске.
- 161 Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859—1918) — болгарин, генерал от инфантерии, в 1884—1887 служил в болгарской армии, с 1887 — в русской, в 1888 принял русское подданство. В 1898—1914 опять в болгарской армии, во время Балканских войн 1912—1913 гг. командовал 3-й отдельной армией. С октября 1913 г. чрезвычайный посол Болгарии в России. 26 июля 1914 г. принят на службу в русскую армию и назначен командиром 8-го армейского корпуса. В годы Первой мировой войны командовал 3-й армией, 2-м Сибирским и 7-м Сибирским армейскими корпусами, 12-й армией. С 1. 1. 1917 в отставке. Убит большевиками в Пятигорске.
- 162 Крамарж К.П. Указ. соч. С. 305.
- 163 Там же. С. 478.
- 164 Там же. С. 310.
- 165 Там же. С. 442.
- 166 Там же. С. 313—314.
- 167 Там же. С. 330.
- 168 Ср., что писал Т.Г. Масарик в работе Славяне после войны. (Прага, 1923. С. 12): "Так называемая диктатура пролетариата есть абсолютное владычество меньшинства", диктатура небольшой политической партии, "диктатура над пролетариатом".
- 169 Крамарж К.П. Указ. соч. С. 479.
- 170 Там же. С. 435.
- 171 Там же. С. 376.
- 172 Там же. С. 374.
- 173 Там же. С. 375.
- 174 Там же. С. 459.
- 175 Там же. С. 485.
- 176 Там же. С. 487.
- 177 Там же. С. 380.
- 178 Там же. С. 501.
- 179 Там же. С. 502.
- 180 Там же. С. 503.
- 181 Там же. С. 511.
- 182 Там же. С. 536.

- 183 Там же. С. 556.
- 184 Там же.
- 185 Там же. С. 561.
- 186 Там же. С. 571.
- 187 Там же. С. 572.
- 188 Об этом он писал и в проекте своей Конституции в 1919 г., см. Гл. 12.
- 189 *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 572.
- 190 *Цурганов Ю.* Указ. соч. С. 185.
- 191 *Миллюков П.Н.* Республика или монархия? [Б.м.]: Изд. Республиканско-демократического объединения, 1929. С. 3.
- 192 Там же. С. 30.
- 193 Там же. С. 4, 6.
- 194 Там же. С. 18.
- 195 Там же. С. 20.
- 196 Там же. С. 22.
- 197 Там же. С. 23.
- 198 Там же. С. 28.
- 199 Там же. С. 23.
- 200 *Цурканов Ю.С.* Указ. соч. С. 23.
- 201 *Крамарж К.П.* Указ. соч. С. 574.
- 202 Там же. С. 575.
- 203 Там же.
- 204 Там же.
- 205 Там же. С. 576.
- 206 Там же. С. 581.
- 207 Там же. С. 598.
- 208 Там же. С. 600.
- 209 Там же. С. 602.
- 210 Там же. С. 611.
- 211 Там же. С. 619.
- 212 Там же. С. 620.
- 213 Советское литературоведение посчитало роман антисоветским, и лишь спустя почти 80 лет это произведение увидело свет сразу в трех переизданиях: в Минске, Симферополе и Санкт-Петербурге. Пражское издание книги 1926 г. на русском языке и обложка издания 1924 г. на чешском языке демонстрировались на выставке "Общественно-культурная жизнь белорусской и российской эмиграции в Чехословакии 1921 – 1938" в Национальном музее истории и культуры Беларуси с 27 мая по 3 июля 2002 г., а затем в Москве в выставочном зале ГАРФа в январе 2003 г. См.: Есть на карте место. Каталог выставки. Минск, 2002. С. 83.
- 214 Там же. С. 626.
- 215 Там же. С. 635.
- 216 *Archiv Národného Muzea.* (Далее: ANM). F.K. *Kramář.* Kart. 19.
- 217 Публикация была осуществлена в первом же томе издания в 1922 г.
- 218 ANM. F. K. *Kramář.* Kart. 19.
- 219 *Ibid.*
- 220 Общее дело. 1921. 28 янв.
- 221 ANM. F.K. *Kramář.* Kart. 19.

Глава 14

Непрекращающаяся дискуссия

*

Принято считать, что дискуссия между Карелом Крамаржем и Эдвардом Бенешем относительно внешнеполитических ориентиров разгоралась дважды — в начале и во второй половине 20-х годов XX в. На самом деле эта дискуссия не прекращалась на протяжении всего межвоенного периода, временами обостряясь и выплескиваясь на парламентскую трибуну и страницы печати. Центральным пунктом ее было отношение к России. Уже с Парижской мирной конференции мнения двух ведущих в то время чехословацких политиков по этому вопросу резко разошлись. Крамарж занял достаточно последовательную и твердую позицию. Он выступал за сильную обновленную Россию, в которой видел опору для Чехословацкой республики. Для этого он желал свержения большевистского режима общими усилиями бывших союзников России по Антанте, вооруженной интервенцией, в которой значительную роль отводил чехословацким легионерам. Любовь к России соединялась у него с ненавистью и непримиримым отношением к большевикам. Хотя попытки организовать новый антибольшевистский поход не удалось, Крамарж считал, что борьба против них должна вестись постоянно и любыми средствами. Именно этим однозначно негативным отношением к большевикам и жадой активной борьбы он был близок к правым и военным кругам русской эмиграции.

Крамарж никогда не отказывался и от неославистских концепций, которые разрабатывал и пропагандировал перед Первой мировой войной. И в изменившейся ситуации послевоенного мира он считал ту политику оправданной и единственно правильной, сожалея, что из-за серьезных противоречий внутри славянского мира не удалось достичь всего, что задумывалось и предполагалось. В целом, Крамарж отнюдь не идеализировал Российскую империю и понимал, что простого возврата к ней не может быть, но все-таки в этот период в его выступлениях и статьях чувствуется определенная ностальгия по прошлому великой России, роль русских в войне у него героизирует

вана, отношение к русскому вопросу всегда ярко окрашено эмоциями.

Крамарж выступал с национальных, даже националистических позиций. Он считал, что политику нации нельзя проводить с точки зрения той или иной партии, а нужно иметь в виду интересы всего народа, необходимо синтезировать все его желания и потребности, чтобы "дать веру в будущее и обеспечить его внутреннюю и внешнюю свободу"¹. Немцев он рассматривал как естественных врагов чехов. Связывая победу большевиков в России с помощью Германии, он предвидел возможность их союза и очень опасался этого, учитывая геополитическое положение Чехословакии между этими странами. Правда, он предполагал, что такое сближение может произойти на единой идейной основе, будь то установление правых режимов, либо левых, пришедших к власти в результате социалистических революций. Когда же разные режимы попытались найти общий язык, Крамарж расценил это как наиболее опасный союз. Рапвальский договор 1922 г. до определенной степени подтвердил обоснованность такого рода опасений. Некоторые исследователи видят определенный парадокс в том, что Крамарж, не будучи реалистом во внешней политике, смог во многих отношениях предвидеть развитие международной ситуации². Крамаржа волновало отношение других европейских государств к Германии и России. Он выступал против компромиссной и прагматической политики в отношении этих стран, против политической линии, которую в Чехословакии старался проводить Град.

Бенеш как бесменный вплоть до 1935 г. министр иностранных дел, а затем президент Чехословакии, выстраивал профранцузское внешнеполитическое направление. Безопасность страны он связывал с союзом с Францией, членством в Лиге Наций и созданием Малой Антанты — военно-политического альянса Чехословакии с Румынией и Югославией. Ослабленную войной и революцией Россию он не воспринимал как возможную опору в будущем, славянские теории были ему чужды, к неославизму он относился весьма скептически, официальную политику Российской империи рассматривал как экспансионистскую, далекую от желания защищать славянские интересы. Так же как и Масарик, Бенеш полагал, что царская Россия не сделала ничего для решения чешского вопроса.

Вместе с тем чехословацкий министр иностранных дел, будучи прагматиком, стремился проводить реальную политику. Он был далек от симпатий к большевикам, но не хотел упускать возможность использовать обширный советский рынок сбыта и российские сырьевые ресурсы. В декабре 1919 г. Бенеш заяв-

для журналистам, что при существовавшем экономическом положении в Европе невозможно обойтись без русского сырья³. Весной 1920 г. правительства Чехословакии и РСФСР договорились об обмене делегациями Красного Креста. Полномочным представителем российского Красного Креста в Праге стал С.И. Гиллерсон⁴. Летом 1920 г. он сообщал в Москву народному комиссару иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину о своих длительных беседах с Бенешем и Масариком⁵. В это же время председатель российской торговой делегации в Лондоне Л.Б. Красин сообщал Г.В. Чичерину о своих переговорах с Бенешем: "Немедленного начатия торговых сношений с Советской Россией Чехия весьма желает и готова допустить наших торговых представителей и консулов и предоставить им для торговых сношений все необходимые права"⁶. Чехословацкий министр иностранных дел настоял на признании Советской России де-факто и установлении с ней торговых контактов. 5 июня 1922 г. был подписан Временный договор между РСФСР и ЧСР, как сообщалось в преамбуле, "в целях установления торговых и экономических сношений между обоими государствами и исходя из необходимости взаимного соблюдения каждой из Договаривающихся сторон нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой"⁷. Для развития выгодных экономических отношений Бенеш был готов сотрудничать с советской Россией и был не против официального признания Советского Союза. Во многом из-за противодействия Крамаржа, резко выступавшего против признания СССР, Чехословакия вплоть до 1934 г. не имела с Советским Союзом официальных дипломатических отношений.

В начале и во второй половине 20-х годов дискуссия между двумя политиками, как уже говорилось, особенно обострилась. В канун нового 1920 г. в "Národních listech" К. Крамарж поместил статью под названием "Чешский народ и Славянство". Как уже отмечалось, славянство для Крамаржа было тесно связано с Россией. Крамарж продолжал настаивать на том, что Россия вступила в войну для освобождения славянской Сербии. В статье он отмечал, что, хотя немцы потерпели поражение в войне, а некоторые славянские нации после нее обрели независимость и государственность, славянский мир находится в тяжелом положении: Россия "утопала в крови" вследствие Гражданской войны, Польша конфликтовала с Чехословакией, югославы продолжали бороться за более широкий выход в море, болгаро-югославские отношения были крайне обострены⁸. В Чехословакии те политики, которые прежде поддерживали ориентацию на Россию, в бытность ее сильным и могущественным государством, теперь весьма холодно относились к рус-

ским, и, наоборот, ратовали за сближение с Берлином и Веной. Однако Крамарж был уверен в том, что славянская идея жива и может объединить различные политические направления. Русские, по словам Крамаржа, весьма болезненно воспринимали чешское охлаждение к России и поддержку украинцев- "самостийников", в том числе и Петлюры⁹. Крамарж предупреждал, что даже русские либералы, не имевшие ничего против национальных украинских стремлений, не допускали мысли о распаде единой России и вряд ли простят тех, кто поддерживает подобные планы¹⁰. Крамарж прямо заявлял о своем несогласии с чехословацкими политиками (между строк читались и их имена — прежде всего Масарик и Бенеш), которые призывали отказаться от славянского идеализма, от идей национального возрождения и в интересах реальной политики заняться исключительно внутренними делами, урегулированием чехословацко-немецких отношений. К числу таких политиков Крамарж относил не только крайне левых пробольшевистски настроенных деятелей, но и людей иной политической ориентации, но не верящих в возрождение России. Потерю веры в новую Россию он считал роковой ошибкой, так как именно в ней лидер национальных демократов продолжал видеть основу чехословацкой независимости.

Ориентация на Францию и Англию и установление дружественных отношений с немцами в Берлине и Вене, по его мнению, оставались недостаточной внешнеполитической гарантией самостоятельности страны. Он предупреждал, что было бы наивным думать, будто Германия смирится с поражением в войне и Версальским миром. Видя, как немцы "пропитаны боевым и властным германизмом", Крамарж понимал, что немецкий образ мышления не мог сразу измениться даже в результате поражения. Уже в начале 20-х годов Крамарж предвидел реваншистские устремления соседей. Союз Германии и большевистской России мог быть опасен и для Чехословакии, и для западных демократий. Целью III Интернационала, так же как и Германии, являлся подрыв Версальского мира. Крамарж предполагал, что совместные действия против Версальской мирной системы могут вестись либо распространением большевистских идей в Центральной и Западной Европе (т.е. внутренней подрывной деятельностью левых), либо новой войной, за которую будет ратовать реакция. В качестве противовеса против такого развития событий Крамарж предлагал воссоздание сильной России и проведение славянской политики.

Интересна мысль Крамаржа о том, что Россия не может жить без великой идеи. Такой идеей он предлагал сделать славянство. Будущее России он видел не в стремлении расширить внеш-

ние границы и централистской политикой удерживать единство страны, а во внутреннем объединении путем свободного национального развития. В области внешней политики он предлагал поддерживать самые тесные культурные и экономические отношения со славянскими народами, заключив с ними неразрывный политический союз. Крамарж писал, что все спорные, противоречивые вопросы двусторонних отношений (болгаро-сербский, македонский, чехословацко-польский и др.) могли быть разрешены только совместными усилиями всех славян¹¹.

Кроме того, и для чехов, с его точки зрения, славянская идея была необходима, так как народ не может жить без высоких целей. Он писал: "Лишь таким образом мы избавимся от врожденных недостатков маленького народа, от нашей зависти, мелочной расчетливости и не будем по-немецки спесивыми и угнетающими, так как будем лишь частью великого целого — различных славянских народов. Только так мы сможем достойным и мужественным образом разрешить тяжкую немецкую проблему без страха и боязни и, все-таки, без несправедливого насилия"¹². Крамарж высказался за то, чтобы Чехословакия не только географически, но и духовно играла роль моста между Западом и Востоком.

Что касается большевизма, то Крамарж рисовал его исключительно в черных красках как "грубый, некультурный, зверски жестокий", не признающий ни национальности, ни расового родства, идеалом которого являлась "абсолютная власть и мощь количества масс от Японии, Китая и Индии до обеих Америк"¹³.

Неизменна была вера Крамаржа в то, что Россия рано или поздно освободится от большевиков, и вновь станет мощной державой. Ее силу он видел в неизмеримых природных богатствах, а слабость — в прошлом абсолютизме, централизме и неразрешенном земельном вопросе. Он хотел, чтобы будущая Россия была конституционной, децентрализованной, крестьяне владели землей, различные национальности могли свободно развиваться в автономных областях. Крамарж не верил в чудеса, понимая, что реорганизация страны — одна из самых сложных проблем истории, но надеялся, что найдутся силы среди интеллигенции, способные осуществить эти задачи. Славяне же должны прийти России на помощь. "Я хочу верить и надеяться, — писал он, — что чешский народ не изменит своему прошлому и что не будет так низок, чтобы он, не обращая внимания на все миллионы жизней, принесенных русским народом в жертву за нашу и славянскую свободу — ведь ему никто не угрожал — отказывался от своего славянского чувства и своей любви к России, на том основании, что русский народ теперь

несчастен, покинут, а мы свободны и поэтому уже в нем не нуждаемся, или же чтобы быть русофилом лишь потому, что считает Россию наиболее подходящей для вывоза своих промышленных изделий"¹⁴. Крамарж полагал, что и в изменившихся условиях нельзя отказываться от своих исторических традиций и идей.

В начале февраля 1920 г. в заграничной комиссии Национального собрания с обоснованием своей русской политики выступил Э. Бенеш¹⁵. Прежде всего он подчеркнул полную солидарность чехословацкого МИДа с позицией президента Масарика. По его мнению, различное отношение к России сложилось в Чехии еще в годы войны: одни верили в победу русского оружия, освобождение чехов и словаков Россией, которая после войны будет определять мировую политику, другие сделали ставку на Запад, и оказались правы. Представителей пророссийского направления Бенеш называл романтиками, некритически воспринимавшими российскую действительность, в духе старого славянофильства. Наивной он считал и их веру в освободительный потенциал России. Незнание и непонимание ими российской действительности привело к переоценке мощи этой державы, которая в действительности оказалась сравнительно слабым государством, не готовым к войне ни технически, ни материально, ни морально, ни политически. Бенеш утверждал, что Россия не собиралась решать славянские проблемы, "культурно, научно и политически" не имела "достаточно смысла для разрешения вопросов остальных славян"¹⁶.

Бенеш уже начал создавать определенные мифы о заграничном сопротивлении, во всяком случае он заявил, что Масарик, хорошо знавший Россию и опубликовавший о ней обширный труд ("Россия и Европа"), с самого начала не верил в ее победу, боялся ее сокрушительного проигрыша и поэтому отказался ставить лишь на русскую карту. Здесь глава чехословацкого внешнеполитического ведомства несколько смещает временные рамки и приводит в пример телеграмму, посланную Масариком в Лондон из Петрограда уже после Февральской революции. В ней речь действительно шла о том, что союзники не могут рассчитывать на Россию. Но 1917 г. — не начало войны. При этом, естественно, Бенеш не упоминает о позиции Масарика во время наступления русской армии в конце 1914 — начале 1915 г., когда тот отнюдь не возражал против чешского королевства в составе славянской федерации во главе с представителем династии Романовых. Бенеш прямо указывал, что старый режим в России был против чехословацкого сопротивления, не понимал его, так же как и большевики. Чехословацкий министр иностранных дел подчеркивал, что общее течение

войны разбило концепцию славянской политики и славянского мира и показало, насколько она была "неправильной, политически незрелой и более или менее непригодной"¹⁷.

По мнению Бенеша, новые славянские страны, такие как Польша, Югославия и Чехословакия, по сравнению с Англией и Францией были весьма отсталыми, и им надо было многому учиться на Западе, перенимая административный и организационный опыт, искусство вести экономические и политические дела. Современную политику он характеризовал как трудную повседневную демократическую работу. Россия же, по его мысли, распалась в силу того, что была построена на средневековых, а не на демократических началах.

В своей речи Бенеш обрисовал и проблему интервенции. В начале появилась теория о том, что большевизм вызван немцами, организован и привит ими России, и что большевики согласны договориться с немцами и бороться против союзников. Брест-Литовский мир и отказ от союзнической политики привели к борьбе с большевиками. Опасаясь, что Германия не преминет воспользоваться ослаблением России, захватит ее обширные области и тем самым укрепит свое экономическое положение, союзники решились на военную интервенцию, целью которой являлось свержение большевиков и восстановление фронта против Центральных держав. Однако со временем идея интервенции претерпела изменения, так как союзники одержали победу. После заключения мира во всех странах встали социальные проблемы. Отпор большевизму стал рассматриваться как противодействие идеям всемирной революции, распространению социальной анархии за пределы России. Оставалась и опасность союза России с Германией.

Однако всякая интервенция в России требовала многочисленных армий и крупных средств. К тому же требовались силы, которые затем смогли бы восстановить Россию. Союзники не вполне понимали масштабы этой страны. Их выступления были разрозненны: в Архангельске, Сибири, на Дальнем Востоке, Юге России, Кавказе — и представляли собой лишь незначительные эпизоды. Бенеш был убежден, что по той же причине (отсутствие единства) попытки различных русских генералов решить проблему военным путем также были обречены на провал. При этом он уверял, что чехословацкое руководство никогда не возлагало особых надежд ни на Колчака, ни на Деникина. Режимы этих генералов Бенеш оценил как чисто военные, не понимавшие административных и организационных потребностей русского народа, реакционные, в которых чувствовался недостаток способных людей и интеллигентских слоев для созидательной административной деятельности.

Причину победы большевиков он видел в том, что это был взрыв против реакции, против старого режима, и их политика в первое время заключалась в разрушении, а не в созидании, что всегда легче. Чехословацкий министр заявил, что он против большевистского террора и анархии, но интервенция не способна решить русскую проблему. Бенеш не соглашался с мнением о том, что, если бы в самом начале большевизму был бы оказан общий отпор, то он был бы уничтожен. Касаясь участия чехословацких легионеров в столкновении с большевиками, глава чехословацкого МИДа указывал, что оно произошло помимо их воли и воли их вождей, настаивая на том, что их действия носили лишь оборонительный характер. Чехословацкое войско якобы принципиально не вмешивалось во внутренние дела России и не присоединилось к интервенционной политике, исходя не только из политических, но и из практических соображений. Обещанная помощь союзников чехословацким легионам оказана не была, поэтому русская проблема не могла быть решена лишь с их помощью.

В отношении перспектив большевистского режима Бенеш заявил, что режим удержится и станет ядром будущей России только в том случае, если удастся найти и привлечь на свою сторону интеллигентных способных администраторов и организаторов. Но по этому поводу он выразил сильные сомнения: "Несмотря на то, что большевистский режим проявил в военном и политическом деле довольно много способностей, все-таки в большевистской России слишком мало способных индивидуумов, могущих удержать и вести дальше новые идеи и новый строй"¹⁸. Бенеш считал, что большевизм умрет "экономической смертью"; благодаря деятельности противников большевиков, меньшевиков и кадетов, строй изменится¹⁹.

Вместе с тем Бенеш указывал, что в чем-то большевики действуют лучше, чем их противники: завели твердую военную организацию, признали значение капитала в основе экономической жизни, вызвались уплатить долги старой России (?!), предлагали мир. Бенеш был за то, чтобы "*практически*" отклонять большевизм, критиковать его по существу, сознавая, что лучшим оружием против него является демократическая политика, заботы о заработке и приличной жизни самых широких слоев населения. Чехословацкий министр обращал внимание на изменение отношения Запада к большевикам: "Принципиальное соглашение союзников вступить в экономические сношения с русским народом доказывает отрешение их от интервенционной политики и первую попытку войти в соглашение с новой Россией"²⁰. При этом Бенеш подчеркивал мысль о том, что план интервенции являлся политикой "старого режима", а по-

беда теперешней политики свидетельствовала о "новом режиме". Прежнюю политику он считал ошибочной и даже очень опасной для Чехословацкой республики.

Поэтому он заявил, что чехословацкая внешняя политика будет придерживаться своего современного направления, т.е. сохранять нейтралитет ко всем отдельным внутренним проблемам России и вступать при полном согласии с западными союзниками в экономические отношения с отдельными частями России. По его словам, чехословацкий МИД был занят устройством консульств в различных городах России, не придавая им пока политического характера, но, тем самым, создавая основу будущих тесных политических и экономических отношений с русским народом. Он отклонил так называемую славянскую политику в том виде, в котором она существовала до Первой мировой войны, повторив, что "это была политика романтики, не имеющая в основе действительные факты и настоящее знание славянского дела; зачастую она была полна лишь словами и ненужными лозунгами, фразами"²¹. При этом было абсолютно ясно, что эта критика славянской политики направлена и лично против Крамаржа как лидера неославизма до войны. Бенеш принципиально высказался против славянской политики, которая, по его мнению, исчерпывалась лишь съездами, студенческими манифестациями, речами на банкетах и тостах, назвав такого рода политику "идеализацией прошлого и сознательным неприятием действительного"²².

Бенеш не отрицал важности славянской политики в отношении проживавших в Чехословакии поляков и русин Подкарпатской Руси. Славянскую политику в данном случае он воспринимал как задачу разрешить проблему экономического и социального благополучия словаков и русинов. При этом он считал, что необходимо отдать первенство "чехословакам" среди славян благодаря их культурному, социальному, политическому и экономическому развитию. Это первенство он приписывал исключительно "учителю реализма" Т.Г. Масарику. Во взаимоотношениях с поляками он ратовал за отказ от шовинизма с обеих сторон. Определяя политику по отношению к югославам, глава чехословацкого МИДа провозгласил, что она "всегда была, есть и будет самой лучшей и сердечно-братской"²³.

В отношении России Бенеш дал однозначно понять, что политика будет вестись в согласии с западными союзниками, т.е. определяться ими. Чехословакия и впредь будет придерживаться политики невмешательства и выступит лишь в случае, если подвергнется нападению²⁴. Для него гораздо важнее было урегулировать проблемы с соседями по Центральной Европе,

так как в России, по его мнению, еще долгое время будет сохраняться хаос. Бенеш также допускал возможность сближения Германии и России при обострении отношений этих стран с Польшей, но свою позицию при таком развитии событий пока не определял.

Крамарж крайне задела эта речь Бенеша, и он ответил на нее также с парламентской трибуны. Он считал совершенно недопустимым сам тон суждений Бенеша о славянской политике лишь как о неком романтизме, так как, будучи сам одним из основателей неославизма, всегда принимал во внимание реальное положение вещей. Отклонил он и довод о незнании действительности, утверждая, что хорошо изучил Россию. Ссылаясь на немецкого фельдмаршала Маккензена, он заявил, что Россия была готова к войне лучше, чем Германия, но никто не предполагал, что война продлится так долго, все рассчитывали на несколько месяцев войны. Преступлением или ошибкой назвал он бездеятельность военного министра В.А. Сухомлинова по вооружению и снабжению армии, когда стало ясно, что война затягивается. Политиков, пришедших к власти после Февральской революции, Крамарж считал неспособными к практической деятельности и управлению страной. Администрацию Ленина он сравнивал с царским режимом, считал ее несколько примитивнее, указывал на коррупцию, произвол, спекуляции в большевистской России. "Если все будет продолжаться в том же духе, то окончится тем, что большевизм будет царским режимом без царя или с царем Лениным..."²⁵, — говорил он.

С парламентской трибуны Крамарж еще раз объявил, что будущность Чехословакии не может быть обеспечена, если в России не будет порядка: "Демократическая, свободная, славянская Россия является нашим единственным спасением"²⁶. Чешский политик был уверен, что, если бы союзники выступили вовремя, осенью 1918 г., когда чехословацкие легионеры были еще в Самаре, большевиков можно было бы разбить, надо было только объединить все силы внутри страны и помощь извне. Он был не согласен с Масариком и Бенешем, полагавшими, что большевизм может быть преодолен только внутренним развитием: напротив, Крамарж заявил, что одержать победу над большевизмом можно и военным, и административным путем, однако, военным предпочтительнее. Поэтому он не соглашался с мнением Бенеша, что чехословацкая политика невмешательства была правильной, в этом он видел основную ошибку. Он рассуждал так: "Если бы большевизм был вопросом только двух партий в России, то я вполне одобрил бы нашу заграничную политику, так как мы не имеем никакого права вме-

шиваться в партийную борьбу в России. Но большевизм с самого начала был всемирной проблемой всеобщего социального переворота. Формулировка большевизма как внутреннего вопроса России была необходима для удобства союзников и оправдания их пассивности. Мы были обязаны идти против большевиков, не сделав этого, мы предали славянство, союзницу, продали Россию за деньги Германии"²⁷. При этом он имел в виду деятельность большевистского агента А. Парвуса-Гельфанда, перекачку немецких денег большевикам на счета одного из стокгольмских банков, а также возвращение Ленина и его сторонников в Россию в пломбированном вагоне (все эти факты отмечались в книге Милюкова). Именно поэтому Крамарж не считал большевизм исключительно русским делом, а вопросом общего европейского мира.

Бывший чехословацкий премьер признавал напряженную социальную ситуацию внутри самой Чехословакии, необходимость победить "домашний большевизм", но в отличие от Бенеша не был уверен, что это можно сделать при помощи теорий. Одной административной политики, на его взгляд, было недостаточно для решения всемирных внешнеполитических проблем: германского реваншизма, распадающейся, "разгневанной поведением союзников" России, югославянского и польского вопросов. Крамарж высказал свои опасения, что в случае падения большевиков в стране может победить реакция, которая поведет к монархизму (причем не к современному английскому монархизму, а к монархизму военных). Он признавался, что в начале, еще до революции 1905 г., видя несостоятельность и административную неприспособленность русской интеллигенции, он враждебно относился к ней. Но когда он глубже вникнул в российские проблемы, то увидел, что в этом вина не интеллигенции, а абсолютистского строя, не дававшей ей возможности участвовать в управлении государством. Среди самой же российской интеллигенции, по его мнению, было много способных людей. Крамарж высказался против бенешевской линии нейтралитета в русле союзнической политики, ограничивающейся лишь экономическими сношениями, хотя эта политика и принесла бы определенные выгоды Чехословакии. Он считал это циничным прагматизмом, недопустимым в отношении братского славянского народа: "Югославы называют нас славянскими евреями. Если подобная политика будет продолжаться, то и в России присоединятся к этому мнению. Я читал рапорт, посланный из России, в котором говорится, что мы хотим устраивать в России только свои дела. Союзники заботятся только о своем кармане, Ллойд Джордж занят только своим политическим положением. Русские армии Колчака и Деникина,

желая стереть Брест-Литовский позор — жертвуют своей жизнью, но г. Клемансо не видит и не чувствует этого"²⁸. Лидер национальных демократов подчеркивал, что торговля — это хорошо и выгодно, но он не хотел вести ее с большевиками. В отношении к России он желал проводить братскую политику однозначно на стороне антибольшевистских сил, в победу которых он продолжал верить. По его мнению, русские могли простить все, кроме неблагодарности. Лозунг "большевизм — внутренняя болезнь России, не надо вмешиваться в русские дела" победил, по мысли Крамаржа, так как был очень удобен — не надо ничего делать, ни во что вмешиваться, тем более после пятилетней войны. Однако он полагал, что война не кончена, пока не решен "русский вопрос". Мирная конференция проходила не так, как надо было, так как рядом с Францией не было ее единственно верного союзника — России. Англия же недооценивала опасности большевизма.

Очень подробно Крамарж высказался по вопросу об интервенции, чтобы прояснить свою позицию. В это время, реально оценив ситуацию, он уже не ратовал за интервенцию, отказавшись от этой идеи: "Я говорил об интервенции, тогда, когда она бы не стоила ни крупных денег, ни больших жертв, когда эта интервенция могла оказать помощь русским войскам... В начале свержение большевизма не было так трудно. В этом сознаются сами большевики. Теперь дело другого рода, теперь большевики имеют армию, с которой должны считаться великие державы. Поэтому я полагаю, что никто не будет ожидать от меня, чтобы я говорил о том, чтобы теперь мы занимались донкихотством и организовывали интервенцию в России, то дело проиграно, проспано. Идти куда-то с опозданием и желать что-либо исполнять — самая худшая политика. Дело надо делать вовремя"²⁹. Далее он заявил, что по сути интервенции, как организованного вмешательства иностранной военной силы, и не было: давались деньги, оружие, но бессистемно, выступления союзников происходили разрозненно, без общего согласия, часто в противовес одно другому, единого плана освобождения России не было. Однако поддержка антибольшевиков не была бесплодна, так как все время пока существовали армии Колчака, Деникина и Врангеля, Европа не боялась, что большевики поведут наступление на Запад. Крамарж подчеркнул мысль о том, что русские патриоты не только проливали кровь за Россию, но и охраняли Европу от наступления большевиков.

Что касается еврейских погромов, в которых часто обвиняли белых, Крамарж заметил, что их проводили все: и петлюровцы, и казаки, и даже большевики. С другой стороны, он указывал, что в составе чрезвычайных комиссий, расстреливавших

без суда и следствия, было много представителей этой национальности, что усиливало ненависть ко всей нации.

Крамарж защищал политику неославизма, считая, что она ставила вполне реальные цели, а вовсе не была абстрактным детищем. Выполнению всех конкретных задач помешали Боснийский кризис (1908 г.) и русская политика в отношении Польши. Но идеи славянства утвердились в России, свидетельство чему вступление России в войну на стороне Сербии³⁰.

Пражский агент конспиративной русской эмигрантской организации в Париже "Центр действия" под псевдонимом Рцы сообщал 18 (31) декабря 1920 г.: "Здесь, как Вы знаете, в русском вопросе, как положим и в ряде других, имеются два характерных течения: ясное, твердое, неизменно благожелательное, с полной ставкой на Великую Россию — представительницу славянства — Крамаржевское и оппортунистическое — Масарико-Бенешевское — правосоциалистическое, причем даже Тусаровцы³¹ честнее, или если хотите смелее Масариков-Бенешей"³².

Полемика между Крамаржем и Бенешем по русскому вопросу разгоралась все больше. Агент Рцы сообщал в Париж о речи Бенеша в парламенте 27 января 1921 г. и ответе на нее Крамаржа. Причем выступление последнего оценивалось как "на редкость" сильное и целостное. Основные положения речи Крамаржа заключались в том, что Германия сближается с Россией, лишь славянская Россия может обеспечить независимость Чехословакии, можно рассматривать как друзей Францию, Англию, но не Германию. Крамарж вспоминал свою позицию на Парижской мирной конференции, когда он заявлял, что борьба не закончена, и чехам предстоит последняя жертва — освобождение России от большевиков. В сообщении цитировались слова Крамаржа: "Эту игру я проиграл, солдаты наши вернулись с надломленным духом, а не с развевающимися знаменами, при которых мы бы заняли первое место между нациями и не должны были дрожать перед немцами и мадьярами, перед Гогенцоллернами и Габсбургами... Война не окончена и окончательное разрешение средневропейского вопроса немислимо без предварительного разрешения вопроса русского"³³.

На речь Крамаржа в парламенте д-р Бенеш ответил интервью газете "Tribuna". Основная мысль Бенеша заключалась в том, что у Крамаржа была лишь одна ставка и то ошибочная³⁴. После этого Крамарж напечатал большую ответную статью в "Národních listech". Крамарж указывал на то, что Э. Бенеш никогда не был в России и потому не может так хорошо знать Россию, как он, проживший там долгое время и изучивший ее. Остановившись на вопросе о Малой Антанте, Крамарж писал: "Я не имею ничего против Малой Антанты, но мне не нравится та

реклама, которая сопровождала организацию Малой Антанты. Но кто знает европейскую политическую азбуку, тот понимает, что Малая Антанта представляет собой нечто преждевременное и что среднюю Европу можно лишь тогда организовать, когда на месте России не будет пустоты"³⁵.

Бенеш критиковал слова Крамаржа о том, что Россия выступала в войне за интересы славянства, и в доказательство своей точки зрения указывал на то, что царское правительство препятствовало созданию чехословацких военных формирований в России. Крамарж возражал на это, объясняя, что негативное отношение к созданию национальных воинских подразделений было вызвано опасениями создать прецедент: образование чехословацкой армии повлекло бы за собой стремление к формированию польской и других, что могло вызвать неразбериху в русском военном аппарате командования в опасный момент войны. При этом Крамарж ссылаясь на то, что по той же причине и Керенский в бытность его главнокомандующим и военным министром очень осторожно относился к этому вопросу, отказываясь содействовать росту чехословацких воинских формирований. К. Крамарж называл "идеализм русского участия в войне одной из прекраснейших страниц русской истории", а отрицали это В.И. Ленин и В.М. Чернов в Циммервальде. По мнению лидера национальных демократов, Бенеш не имел права так говорить о России, так как чересчур много русской крови было пролито, в том числе и за свободу чехов и словаков. Крамарж был уверен, что с самого начала войны Россия преследовала цели освобождения славян Австро-Венгрии, но делала славянскую политику "молча"³⁶.

По мнению некоторых русских эмигрантов, полемика Бенеша с Крамаржем в парламенте и "Tribune" нисколько не способствовала росту популярности чехословацкого министра иностранных дел³⁷.

Спор с Бенешем достиг такой остроты, что Крамарж напомнил ему о поведении политических деятелей заграничного сопротивления (к которому принадлежал и Бенеш), которые охотно вели переговоры и не отвергали совместной работы с царской Россией в начале войны. Статья Крамаржа изобиловала интересными подробностями, подтверждавшими мнение автора. Эта статья вызвала многочисленные отклики в печати. Газета "Tribuna" в статье "Россия и наше освобождение" обвиняла Крамаржа в том, что он не принимает во внимание условий, в которых протекало чехословацкое национально-освободительное движение в России. Газета "Cas" отреагировала на печатное выступление Крамаржа статьей "Политическая галиматья", причем возражения Крамаржу были полны личных выпа-

дов. В кампанию против Крамаржа энергично включились и чешские коммунисты, обвинив его и редактора парижского "Общего дела" В. Бурцева в германофильстве (?!) и стремлении войти в соглашение с бывшим помощником начальника германского Генерального штаба и подлинным руководителем военных действий с конца 1916 г. генералом Э. фон Людендорфом³⁸.

Но далеко не все были согласны с внешней политикой чехословацкого министра иностранных дел. Так, граф Штернберг в "Neues Wiener" опубликовал статью, где размышлял о будущем новых государств, возникших на территории бывшей Австро-Венгрии. Он был согласен с тем, что чехословацкая политика должна основываться на незыблемости мирных договоров и торгово-промышленном обмене Чехословакии с ее соседями. Но считал, что наибольшую опасность для Чехословакии представляют большевизм и германский реваншизм. Бенеша он сравнивал с человеком, вооружившимся луком и стрелами в эпоху дальнобойных орудий, так как глава чехословацкого МИДа главную опасность видел в восстановлении монархии в одной из соседних стран, между тем как это, по мнению графа, не имело существенного значения. Главная угроза Чехословакии, по его словам, состояла в германизме и большевизме, а не в венгерской или иной монархии³⁹.

Пресса русского направления в Подкарпатской Руси также заняла критическое отношение к политике чехословацкого правительства в связи с полемикой по русскому вопросу между Бенешем и Крамаржем. Газета "Карпаторосс" писала: "Политику чешского правительства, направленную против интересов русского народа, мы лучше всего видим в нашей Прикарпатской Руси... Тут из страха перед русской ирредентой запрещается употреблять в школах и урядах (административных органах. — *Е.С.*) русский язык, и даже устраняется созданный самими нашими местными людьми книжный язык и правописание и фабрикуется новый полумиллионный народ с новым чудовищным и безграмотным языком... Народ чувствует, что без России, без помощи русского народа он будет выставленный на тяжелые испытания, и даже на возможную потерю тяжелой добытой своей свободы. Без России и русского народа наша республика не может так процветать как бы желали того все по-славянски чувствующие граждане"⁴⁰. Деятели пророссийского направления в Подкарпатской Руси с симпатией относились к Крамаржу, так как он проявлял интерес к положению в этой части страны⁴¹ и считал, что Подкарпатская Русь могла стать "самым прочным звеном между Чехословакией и Россией, а поэтому надо обратить на нее должное внимание и предоставить

ее населению полную свободу развития"⁴². VI конгресс организации Американская русская народная оборона (26 декабря 1921 г.), заслушав доклады о положении дел в Подкарпатской Руси, вынес резолюцию с требованиями к чехословацкому правительству предоставить краю обещанную автономию. В этой же резолюции выражалась глубокая благодарность д-ру Крамаржу, д-ру Клофачу и другим чешским государственным и общественным деятелям за их защиту прав Карпатской Руси⁴³.

В связи с полемикой Крамарж — Бенеш один из авторов "Общего дела" В. Волынцев писал о Кареле Петровиче: "Недаром о нем говорят в Чехословакии, что он все поставил на одну карту, — на Россию. Наиболее выпукло эта ставка на Россию вырисовалась в последней его полемике с министром иностранных дел Бенешем. На деле же она оказалась причиной того, что он, Крамарж, один из самых выдающихся политиков и творцов самостоятельности Чехословакии, теперь оказался не у дел"⁴⁴.

В выступлениях обоих чехословацких политиков Бенеша и Крамаржа были как трезвые идеи и разумные доводы, так и передержки, ошибочные суждения, непонимание реальной обстановки. Ни один из них не мог убедить другого, каждый оставался при своем мнении. Крамарж выступал с консервативных или либерально-консервативных⁴⁵, Бенеш — с либерально-реформистских позиций. Эти два политика как бы демонстрировали два полюса чешского национального характера — от сентиментализма и романтизма до деловитого, даже расчетливого практицизма.

Крамарж, скажем, был недалек от истины, говоря, что сильным совместным ударом всех антибольшевистских сил вместе с поддержкой извне, можно было бы покончить с большевизмом. Однако он не желал смотреть правде в глаза и отказывался понять, что не было единства сил внутри России, а бывшие союзники не были заинтересованы в бескорыстной помощи России, в том, чтобы она была восстановлена как сильное единое государство.

Крамарж всегда высказывался за единство России, против сепаратизма окраин, соответственно против признания независимости отделившихся от России территорий. Так, 30 января 1921 г. печатный орган национальных демократов "Národní listy" выразил сожаления по поводу признания Латвии и Эстонии Верховным Советом Лиги Наций, оценив эту акцию как враждебную своей союзнице в мировой войне России⁴⁶.

Из-за накала страстей Т.Г. Масарик был вынужден вмешаться в спор Крамаржа с Бенешем, причем президент однозначно поддержал последнего. В письме Крамаржу с Капри

15 июня 1921 г. он разбирает отношения Бенеша с Крамаржем, констатируя взаимную неприязнь обоих политиков, упрекая Крамаржа, что он несправедлив к Бенешу⁴⁷.

В 1921 г. Крамарж опубликовал объемную книгу "Русский кризис" на чешском языке, а в 1925 г. — в переводе на русский (см. главу 13). В этой работе Крамарж не только излагал свои тезисы в отношении России, но и подробнейшим образом объяснял свои взгляды. Главы из книги печатали "Národní listy", в связи с этим газета русских эмигрантов "Огни" (редактор Г.А. Алексинский) писала: "Интерес к книге у чехословацкой общественности чрезвычайно велик. Первое издание книги, доход с которого д-р К.П. Крамарж пожертвовал в пользу русских беженцев, имело большой успех, несмотря на высокую цену, уже почти разошлось. Второе издание книги будет выпущено по дешевой цене в ближайшем времени и предназначается для широкой публики. Одновременно выйдет в свет перевод книги на русский язык"⁴⁸.

К проблемам внешней политики Крамарж обращался вновь и вновь, не оставляя вниманием отношение к России. В 1922 г. появляется его работа "Пять лекций о внешней политике", в которой он попытался дать очерк европейской политики с конца XIX в. до 20-х годов XX. В этой брошюре большое внимание уделено расстановке сил на международной арене накануне войны, причинам ее возникновения. Касался в ней автор и истории неославистского движения, утверждая, что славянские идеи быстро распространились в России после 1905 г., а также нашли отклик практически у всех славян. В России неославистские идеи поддерживали умеренно правые и центристские круги, кадеты, октябристы, в их числе В.А. Маклаков, Н.Н. Львов, П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев и даже премьер-министр П.А. Столыпин⁴⁹.

Крамарж вспоминал и о том, насколько славянские идеи и чувства были распространены в Чешских землях во второй половине XIX — начале XX века: в домах "наших политических лидеров висели портреты не австрийского императора, а Александра II"⁵⁰. Правда, он отмечал, что затем среди чешской интеллигенции русофильские настроения несколько ослабли. Ненависть к царизму и царской России распространялась в основном среди социалистических и близких к ним партий. Весьма подробно Крамарж останавливается на истории Боснийского кризиса, обрисовывая и объясняя свое поведение в то время.

Вину за начало Первой мировой войны он однозначно приписывает Германии и Австро-Венгрии, которые хотели развязать войну. Россия, по его словам, войны не хотела, к ней не стремилась и не была полностью готова, никаких агрессивных

планов у нее не было. День, когда Австро-Венгрия объявила войну России, Крамарж назвал для себя днем прощания с Австрией: тогда он решил, что больше в Австрию добровольно не поедет, и занял проантантовскую позицию. Когда в Праге возникла нелегальная Маффия, Крамарж вступил в нее. Он не замалчивал и свой план Славянской империи, предусматривавший создание федерации самостоятельных славянских государств (королевств), раздел Венгрии и территориальное соединение с Хорватией. При этом деятельность чехословацкого сопротивления за границей во главе с Масариком он характеризовал весьма позитивно.

Роль России в решении "чехословацкого вопроса" Крамарж оценивал очень высоко. Чешский политик считал, что Россия единственная из союзников признала чехословацкую самостоятельность сразу после начала войны. Российский император во время аудиенции чешской делегации пообещал после войны поддержать независимость чешской нации. Ссылаясь на воспоминания французского посла в Петрограде Палеолога, Крамарж отмечал, что и министр иностранных дел России Сазонов уже в 1914 г. озвучил тезис, что независимость чехов и распад Австро-Венгрии является одной из целей России в войне. В России появилось и первое чешское воинское подразделение — дружина. Таким образом, по словам Крамаржа, Россия первая и долгое время единственная выступала за чехословацкую государственную независимость⁵¹.

Вместе с тем Крамарж указывал, что Англия не была заинтересована в создании независимых славянских государств и уничтожении империи Габсбургов, вела с представителями Карла I тайные переговоры о сепаратном мире, и лишь когда они были дезавуированы и сорвались, пересмотрела свои планы.

Иметь сильную Россию в Европе как противовес Германии входило в интересы вновь образовавшейся Чехословакии и Франции. Но некоторые чехословацкие политики полагали (здесь явно чувствуется намек на Масарика), что Россию в послевоенной Европе заменят США. Он признавал, что верить в Россию в тот момент, когда она была лишена всякого влияния на международной арене, не попав в стан победителей, ослаблена революционными беспорядками и хаосом переходного момента, потерями в мировой и гражданской войнах, было совсем не просто: "Нужна была глубоко закоренелая вера в славянство, может быть немного слепая, фанатичная, надо было вырасти в атмосфере славянских идей и быть способным к большой решительности..."⁵² Крамарж обращал внимание на то, что даже самый яростный приверженец западной ориентации не мог не понимать, что Англия и США всегда будут чужды

Чехословакии, что, кроме "платонической" симпатии, они вряд могут испытывать к чехам и словакам какие-либо чувства, так как своим экономическим и социальным устройством, а также масштабами, всегда останутся ближе Германии.

Когда же закончилась мировая война, и встал вопрос мира, Россию, которая понесла в войне огромные жертвы, даже не пригласили участвовать в переговорах. С этим Крамарж никак не мог смириться. Он писал: "Русская революция является началом военной трагедии не только потому, что война затянулась еще на целый год, что на 100 тыс. павших стало больше, что были опустошены целые районы, что был голод и нищета, но еще и потому, что Россия была вычеркнута из рядов стран-победительниц, была исключена из числа принимавших решения о мире, что 120 млн европейцев, миллионы жизней отдавших за победу, остались в стороне от переговоров..."⁵³ Он считал позором, что представители России не были допущены на конференцию, так как это свидетельствовало, что союзники забыли о 3 млн жертв, которые понесла Россия, чьи солдаты и офицеры своим героизмом обеспечили победу союзных держав⁵⁴.

Вспоминая Парижскую мирную конференцию, Крамарж отмечал, что славяне тяжело почувствовали отсутствие влияния России, "уничтоженной сумасшедшим большевистским социализмом"⁵⁵. Свое разочарование конференцией он пояснял не личными мотивами (неудовлетворенностью своей ролью и влиянием), а тем, что союзники изменили свое отношение к чехам и словакам, потому что не были уже так заинтересованы в них, как в годы войны, когда легионеры воевали на их стороне и удерживали сильные позиции в Сибири. Франция была склонна в большей степени поддерживать Польшу, которая претендовала на ключевую позицию в Центральной Европе (в том числе и в спорных чехословацко-польских пограничных вопросах). По мнению Крамаржа, это было крайне несправедливо. Поэтому, говоря об упущенных шансах помочь освободить Россию, Крамарж всегда помнил и имел в виду и чехословацкие политические интересы. Вопрос помощи России он напрямую связывал с ролью Чехословакии в славянском мире и вообще с укреплением ее международных позиций: "Если бы с нашей помощью была освобождена Россия, мы бы всегда играли самую важную роль в славянстве... Мы бы освободили весь мир от большевизма, а это дало бы нам совершенно новое положение среди остальных, в том числе и больших наций"⁵⁶.

Укрепление связей с освобожденной Россией, по его мнению, не позволило бы Германии вынашивать реваншистские планы, а, следовательно, поддерживать ирредентистские стремления чехословацких немцев, что в свою очередь обеспечило

бы спокойствие и внутренний порядок в Чехословакии. Крамарж крайне сожалел, что чехословацкие политики не поддержали его меморандум, направленный на родину с Парижской конференции, и победил лозунг невмешательства во внутренние дела России. Он замечал, что этот лозунг действовал лишь в отношении большевиков, но не выполнялся, если речь шла о спорах эсеров с Колчаком, куда чехи и словаки еще как вмешивались, выступая на стороне эсеров. Лидер национальных демократов писал, что Колчак и его окружение допустили серьезные ошибки, но социалистов-революционеров во главе с Керенским и Черновым он винил в том, что они погубили Россию, армию, революцию. Кроме того, он писал, что эсеровская Россия не была бы национальной и славянской, а была бы интернациональной. А идеи интернационализма он считал наиболее опасными для малых народов (в том числе чехов и словаков), которые выжили лишь благодаря своему национализму. Победа интернациональных коммунистических либо социалистических идей означала бы неизбежно подчинение малых наций культурному и экономическому влиянию крупных. Он утверждал, что осознавал все сложности дальнейшей борьбы чехословацких легионеров против большевиков, ошибки союзников, оставивших легионеров на произвол судьбы, но упрямо твердил, что достаточно было бы твердой воли, ясного сознания целей и "пламенного слова", чтобы побудить чешских и словацких солдат и дальше сражаться в России и победить. А вместо этого геройская эпопея легионеров в России кончилась разложением войска, выдачей Колчака эсерам с его последовавшим расстрелом, сдачей части русского золотого запаса большевикам, длительным возвращением легионеров на родину.

Крамарж считал, что Польша вела очень недалековидную политику, присоединив Вольшь, белорусские земли и Вильно, предрекая, что Россия не смирится с этим захватом непольских земель. Так же отрицательно он рассматривал и присоединение Бессарабии к Румынии. Вместе с тем он выступал за то, чтобы и поляки и румыны сами урегулировали бы свои отношения с Россией, хотел видеть и тех и других добрыми соседями как Чехословакии, так и России. В отношениях с югославянами он видел много сходных политических моментов — отношение к России, к русской эмиграции, хотя сознавал и различные экономические интересы промышленной Чехословакии и сельскохозяйственной Югославии.

Любимое детище Бенеша Лигу наций Крамарж воспринимал весьма скептически, считая, что организация без исполнительной власти, которая определяет санкции лишь после совме-

стных совещаний, является весьма "теоретическим институтом". Кроме того он не верил, что деятельность Лиги может быть эффективной без участия Германии и России. Отрицал он и то, что этот своеобразный "мировой парламент" способен предотвратить новую войну, говоря, что этого не может и национальный парламент⁵⁷.

Сторонники Бенеша считали недопустимым критику в адрес министра иностранных дел — официального лица, так как это якобы бросало тень на государство. "Daily Herald" в конце октября 1922 г. опубликовала, а "Tribuna" прокомментировала информацию о том, что Крамарж выступает за монархию и восстановление Габсбургов, если чехам будет обеспечено ведущее положение в империи⁵⁸. Это было явное желание дискредитировать чешского политика, так как лишь год назад Чехословакия и Югославия даже объявляли мобилизацию, чтобы предотвратить реставрацию Габсбургов в Венгрии⁵⁹.

Полемика с Бенешем не прекращалась и в дальнейшем. Речь шла о славянской политике вообще и неославизме в частности. В 1926 г. Крамарж опубликовал брошюру под названием "В защиту славянской политики". Это был очередной ответ на напечатанную в издании "Slovanský přehled" работу Бенеша "Проблемы славянской политики" и одновременно критика взглядов чехословацкого министра иностранных дел, изложенных на страницах парижского "Le Monde Slave". Работа Крамаржа состояла из четырех частей. Первая была посвящена славянофильству, или старому славянству. В этой части Крамарж анализировал взгляды Киреевского, Хомякова, Погодина, Данилевского, Фадеева и Леонтьева. Он утверждал при этом, что панславизм не одно и тоже с панруссизмом, что нельзя сравнивать панславизм и пангерманизм, так как первый не преследовал агрессивных целей угнетать иные народы, а кроме того справедливо отмечал, что сочинения русских панславистов отражали лишь их собственные взгляды, и их никак нельзя считать официальным "государственным заказом"⁶⁰.

Он критиковал весьма доброжелательное отношение Масарика в отношении украинцев, полагая, что это может затруднить отношения Чехословакии с будущей Россией. Здесь же он вспоминал о своем первом визите в Россию и пражском съезде неославистов в 1908 г.

Во второй части работы Крамарж опровергал тезис Бенеша, что неославизм являлся компромиссом между старым панславизмом и австрославизмом. Крамарж уверял, что в его взглядах на славянство принципиально ничего не изменилось, а австрославистом себя он никогда не считал⁶¹. Крамарж не отрицал, что славянский съезд в Праге, хотя и являлся общественной

инициативой, не мог бы состояться без согласия правительств Австрии и России. При этом он вспоминал о своих переговорах в Вене с бароном А. Эренталем, а в Петербурге с министрами Извольским, Коковцовым и Столыпиным. С последним Крамарж состоял в переписке. В письме Крамаржу в Крым П.А. Столыпин, поддерживая идею улучшения русско-польских отношений, обещал ускорить создание земств и местной автономии в Царстве Польском, разрешить польские школы⁶². И Извольский, и Сазонов, с которыми был связан Крамарж, по словам последнего, вовсе не были правыми, а, наоборот, противостояли черносотенцам в министерстве⁶³.

Крамарж признавал, что кроме экономических и культурных задач неослависты ставили и политические, которые заключались не только и не столько в сближении Австрии и России, но и в использовании новых условий в России (после создания Думы) для внутренней организации славянства, примирения извечных врагов — русских и поляков, в создании из славян реальной силы, способной противостоять пангерманизму и иметь значение для политического развития Австрии и России. Не русско-австрийское сближение, а преодоление русско-польских конфликтов чехословацкий политик называл главной целью неославистов⁶⁴. Крамарж подчеркивал, что в начале удалось несколько смягчить польско-русские отношения. Он упоминает о своей посреднической деятельности не только между поляками и русскими, но и о своих беседах в Вене с министром иностранных дел Болгарии С. Даневым с целью урегулировать конфликт Болгарии с Сербией, о своей поездке в Белград и о переговорах с Н. Пашичем и другими сербскими министрами и дипломатами для решения споров с Австро-Венгрией. Но в целом основная задача разрешения внутренних споров между отдельными славянскими народами решена не была. Однако и во второй половине 20-х годов чехословацкий политик продолжал верить, что в идейном отношении смысл неославизма не был потерян.

Крамарж не скрывал, что в то время он, да и другие чешские политики не желали распада Австро-Венгрии, не хотели мировой войны, были за мирное развитие событий. Но и сам Бенеш, по словам Крамаржа, опубликовал в 1908 г. проавстрийскую работу, которую позже, уже в годы мировой войны пытался изъять и уничтожить⁶⁵. Показывая позиции Масарика и Бенеша до войны, Крамарж отводит упреки в недемократизме и проавстрийских позициях неославистов.

Подводя черту, Крамарж писал: "Я считаю суждения Бенеша о неославизме тенденциозными, легковесными и несправедливыми"⁶⁶. Крамарж не воспринимал себя либералом, но

подчеркивал свой "социально окрашенный" демократизм, ссылаясь на то, что его речь по рабочему вопросу в австрийском парламенте социал-демократы размножали в листовках. Он уверял, что неославизм не умер ни перед войной, ни после ее. Основная идея его — мир между славянскими народами, их свобода, равенство и братство вполне отвечает послевоенной славянской политике, является ясной и способной к позитивному развитию.

Суть третьей части работы под названием "Славянство и Россия" сводилась к полемике с Бенешем по вопросам российской истории, славянской политики России. Оба политика расходились во мнениях по поводу чуть ли не каждого важного исторического события. Так, Бенеш полагал, что целью Русско-турецкой войны 1877 — 1978 гг. являлись территориальные приобретения, тогда как Крамарж считал, что Россия стремилась прийти на помощь славянским братьям болгарам⁶⁷. Бенеш уверял, что Россия против славянского движения, демократического по своей сути, Крамарж оспаривал этот тезис, говоря, что среди русской интеллигенции были широко распространены революционные идеи, ей ли было бояться демократизма, причем славянское движение было распространено и в российских военных кругах⁶⁸.

Бенеш был уверен, что причиной вступления России в мировую войну были ее экспансионистские планы в отношении Константинополя (Царьграда), Крамарж, ссылаясь на воспоминания Сазонова, твердил, что Царьград возник в российских военных планах лишь в 1915 г. Российские официальные круги не хотели вязаться в войну и пошли на это лишь под давлением общественного мнения, выступавшего в защиту Сербии. Крамарж заявлял, что для России были важны славянские идеи и моральный долг, и без России Бенеш не занимал бы своего высокого поста⁶⁹. Крамарж находил подтверждение своим доводам в книге генерала Головина, статьях генерала Воронина, называя Первую мировую войну одной из самых героических страниц русской истории.

В этой работе Крамарж дословно цитирует лондонский меморандум будущего президента ЧСР от апреля 1915 г., где тот подчеркивает русофильство чехов и описывает планы создания чешского королевства, возможно, с представителем русской династии и в полной договоренности с Россией. Кроме этого Крамарж приводит цитаты и из "Послания чехам и словакам на Руси" от 16 апреля 1916 г. Т.Г. Масарика, в котором тот признает Россию решающим фактором в войне и ждет от нее освобождения⁷⁰. При этом Крамарж с горечью отмечает, что после войны Масарик и Бенеш изменили свое отношение к России

из-за ее временной слабости. На упреки Бенеша, что Россия не имела славянского плана в войне, Крамарж отвечал, что такого плана не имел никто. Весьма критикует Крамарж позитивное отношение Масарика и Бенеша к Февральской русской революции⁷¹.

Четвертая часть книги была посвящена будущему славян. В заключение этой части и всей работы Крамарж писал: «Несокрушимой верой, которая не оставляла меня в самые горькие минуты, я верю, что если мы будем верны идеалам своих славянских "романтиков", так как были им верны во время своего угнетения и несвободы, то мы придем к славянскому объединению, а также верю, в его ясную будущность и в великую миссию нашего народа во всем славянстве»⁷². Спор между Бенешем и Крамаржем не утихал и в дальнейшем. Крамарж часто возвращался к поведению Бенеша на Парижской мирной конференции, в 1929 г. он опубликовал свое заявление по этому поводу, обвинив Бенеша, что тот вел себя нелояльно к нему⁷³. В ответ на это в речи на собрании представителей партии национальных социалистов 29 апреля 1929 г. Бенеш заявил: "Г-н Крамарж 10 лет говорил, а я 10 лет работал. Наступит момент, когда говорить буду я, и мне хватит одного дня. Тогда этот конфликт будет решен"⁷⁴.

В 1930 г. Крамарж включился в антисоветскую кампанию, проходившую во многих странах, осуждавшую советскую политику в вопросах церкви и религии, надеясь, что движение в защиту религии может означать поворот в политике цивилизованных стран в отношении к "советскому варварству"⁷⁵.

Российская проблема кроме теоретических споров о давней и близкой истории имела большое значение для практической политики. Когда стало ясно, что власть большевиков удержится дольше, чем это ожидалось вначале, встал вопрос — признавать или нет советскую власть, устанавливать ли с Советской Россией нормальные дипломатические отношения. И здесь мнения чехословацких политиков резко разошлись. Сразу после Генуэзской конференции и подписания советско-германского договора в Рапалло М. Годжа выступил в парламенте за признание СССР и урегулирование взаимоотношений. Как уже упоминалось, 5 июня 1922 г. между ЧСР и РСФСР был заключен Временный договор о взаимном нейтралитете. Он означал признание большевистского режима де-факто. Это открывало возможности для развития торговых отношений, были учреждены представительства. Договор был утвержден правительством и вступил в силу, но его ратификация в парламенте была затруднена сопротивлением значительной части парламентских кругов⁷⁶. Как впоследствии вспоминал Годжа, при-

знанию де-юре помешало решительное сопротивление Крамаржа и колебания агрария Швеглы⁷⁷.

С окончательным признанием Советской России чехословацкий министр иностранных дел медлил, он выжидал, когда Европа признает Советы де-юре, когда, возможно, несколько изменится сам режим в России⁷⁸. Кроме того вопрос о дипломатическом признании Советской России осложнялся проблемой российской эмиграции. В ЧСР с 1919 г. уже существовала Российская миссия во главе с послом правительства Колчака В. Рафальским, официально не признанная правительством ЧСР, получавшая от него субсидии⁷⁹.

После образования СССР его полномочным представителем в Чехословакии был назначен К.К. Юренев, а чехословацким представителем в СССР И.И. Гирса. В начале 1924 г. в беседе с К.К. Юреневым Э. Бенеш заявил, что "энергично работает" над подготовкой почвы в ЧСР для признания СССР *de jure*, и как только Англия признает Советский Союз, Чехословакия последует ее примеру⁸⁰.

Крамарж не принимал большевиков и настаивал на том, чтобы и Чехословацкая республика не признавала Советской России де-юре, хотя постоянно интересовался положением вещей в "совдепии", собирал вырезки из эмигрантских и советских газет, увлекался всем, что было связано с российской историей. Начиная с 1922 г., вопрос об установлении дипломатических отношений с Советской Россией постоянно возникал в Чехословакии. Активными сторонниками такого решения были чехословацкие коммунисты, внесшие соответствующее предложение в Комитет по иностранным делам Палаты депутатов. Против активно выступила пресса Национально-демократической партии; Крамарж опубликовал статью в газете "Národní listy" в декабре 1922 г., в результате чего вопрос был снят с повестки дня Национального собрания и передан на обсуждение в Комитет коалиционных партий, где затем был временно отложен⁸¹.

Представитель СССР в Чехословакии К.К. Юренев в январе 1924 г. так характеризовал чехословацко-советские отношения: «До последнего времени почти все коалиционные партии не только воздерживались от выступления в пользу создания нормальных дипломатических отношений с СССР, но наоборот боролись против этой идеи. За последнее время в пользу признания СССР активно выступает социалистическая часть коалиционных партий: чешские социалисты и социал-демократы. После некоторого промежутка времени к их голосам присоединился и голос аграрной партии. Непримируемо враждебную позицию по отношению к СССР заняла лишь национал-демокра-

тическая партия — партия квалифицированной интеллигенции и крупного финансового и промышленного капитала. Но и в этой борьбе партии враждебное к нам отношение не является единодушным. Во главе "непримиримых" по отношению к нам стоит д-р Крамарж, ориентирующийся на старую Россию, во главе "согласителей" — г-н Энглиш⁸² и Странский⁸³. В последнее время... крыло непримиримых развилось против нас шумную кампанию»⁸⁴.

В течение 1924 г. отношение чехословацкого общества к СССР существенно изменилось под влиянием произошедшего признания Советского Союза лейбористским кабинетом Великобритании и итальянским правительством. В ноябре 1924 г. "Všeslovanský věstník" писал, что «кроме старых славянофилов лишь д-р Крамарж и национальные демократы... борются против признания Советов (в противовес, например, бывшему "славянофилу" Клофачу и новому чешско-русскому обществу»⁸⁵. Необходимо также подчеркнуть, что, если позиция Крамаржа в отношении признания СССР была неизменно отрицательной, то Бенеш, признавая такую возможность, колебался, выжидая удобный момент, постоянно следил за изменяющейся международной ситуацией и исходил сугубо из тактических соображений.

Русские эмигранты внимательно следили за спором между Бенешем и Крамаржем, причем многие из них встали на сторону последнего. Экономист, политик и ярый антибольшевик, готовивший двухтомную книгу о сибирской эпопее Колчака А. Гутманн, лично с Крамаржем незнакомый, писал ему в ноябре 1924 г. из Софии: "С чувством возмущения я слежу за политикой г. Бенеша, которую иначе, как проституирующей, назвать нельзя. Этот молодой из ранних государственный деятель поразительно похож на своего учителя Ллойд-Джоржа — этого гнусного циника 20-го века... Блекнет разрекламированная и за деньги купленная газетная слава Бенеша. Я не сомневаюсь, что и он, как и наш Керенский, бесславно сойдет со сцены". Здесь же он писал и о циничности Масарика, полагавшего, что все средства, ведущие к цели, хороши, и называл его "политическим ханжой, бросавшим камни в огород поруганной и пострадавшей России"⁸⁶.

В середине 20-х годов, по словам представителя СССР в Чехословакии В.А. Антонова-Овсеенко, Бенеш думал о возвращении России к активной европейской политике как об очень отдаленной перспективе, а потому не был уж слишком заинтересован в признании. По этому поводу Антонов-Овсеенко сообщал в Москву в апреле 1925 г.: «Не сомневаюсь, что Бенеш и теперь смог бы, если бы захотел, "идти до конца", провести "при-

знание", но этого он не хочет... Нерешительность Бенеша перед Крамаржем, впрочем, конечно, усиливает позицию последнего и склоняет к Крамаржу, как кажущемуся сильнейшим, кое-кого из аграриев и клерикалов»⁸⁷. Эту двойственность позиции Бенеша отмечали и чехословацкие коммунисты. Депутат К. Крейбих, выступая 2 октября 1925 г. в Национальном собрании, заявил: "В вопросе признания советского правительства де-юре господин Бенеш играл отвратительную игру в темную, а когда был пойман на этом, недостойном мужчины способе, спрятался за спиной Крамаржа"⁸⁸.

Нелюбовь Крамаржа к Советам, естественно, не была секретом в СССР. Поэтому советские газеты особо не церемонились с чехословацким политиком. В статье, подписанной инициалами Ф.К., Крамарж характеризовался как "величайший реакционер", "верный слуга Габсбургов", который якобы имел сахарные заводы на юге России и "сказочные сады в Крыму"⁸⁹. Ю.М. Стеклов в статье "Кто же больше нуждается в признании?" весьма критически оценивал позиции Чехословакии и Югославии⁹⁰. Некто Перитус в статье "Хулиганство, перешедшее все границы"⁹¹ называл Крамаржа "старым белогвардейцем", "приспешником Деникина", а заканчивалась статья так: "Ну, что же? Не хотите иметь с нами отношений, и без вас найдем, с кем сноситься! Наша торговля приносит вам убытки? Свет не сошелся клином на вашей бывшей габсбургской лужице. Что скажут ваши промышленники и ваши купцы — это еще большой вопрос!"⁹²

В 1926 г. в "Národní listy" частями была напечатана еще одна работа Крамаржа, затем изданная отдельной брошюрой, называлась она "Наше славянство и признание Советов". В ней Крамарж опять очень резко выступил против планов признания Советов. Он задавался вопросом, почему теперь вновь возникла эта проблема, почему "Град" стремится установить дипломатические отношения с СССР. По его мнению, это было вызвано признанием Советов со стороны других государств, Англии, Италии и Франции. Но он доказывал, что эти государства не могут быть примером для ЧСР, так как они несколько не заинтересованы в сильной России: Англия всегда соперничала с ней, Италия вынашивала планы овладеть югом России, французские власти также изменили политику (французский премьер-министр Э. Херриот и сенатор А. де Монзи еще до Локарно предлагали сотрудничество министру образования Германии). При этом он приводил в пример США, которые все еще не признали Советскую Россию. Кроме того образцом для Чехословакии признавшие Советы страны быть не могли, так как они не славянские.

Крамарж настаивал на том, что чехи и словаки обязаны России за свою независимость, а, следовательно, имеют перед ней моральные обязательства. Признание Советов означало бы отказ от славянской идеи, единственной твердой гарантии самостоятельности чехословацкого государства. Веру в то, что, имея официальных представителей в Москве, можно будет влиять на эволюцию большевистского режима в сторону демократизации, он называл детской и наивной. Наоборот, Крамарж считал, что Советы используют своих представителей в странах, которые официально признали СССР, как агентов для распространения революционных идей. Критикуя обещания советских представителей, что чехословацкая промышленность получит огромные выгоды, он справедливо замечал, что большевики не могут наладить экономику в своей стране: сельское хозяйство практически уничтожено, вместо прежнего вывоза зерна, теперь они вынуждены закупать его в Америке. Такая же ситуация и со многими промышленными товарами, производство которых в России сокращается из-за недостатка сырья. При этом Крамарж ссылаясь на речь Дзержинского на декабрьской (1925 г.) партийной конференции и высказывал сомнения, смогут ли Советы в срок рассчитаться с Чехословакией за возможные промышленные заказы.

Крамарж рассматривал позиции различных чехословацких политических партий в отношении юридического признания Советского Союза. Как опытный человек, он считал, что в политике можно, а часто и необходимо менять взгляды и тактическую линию, но единственно, что должно всегда оставаться неизменным, — это моральные и идейные основы политической программы. Они, по его мысли, не должны изменяться даже в угоду сиюминутных политических и материальных выгод. Особенно едко Крамарж писал о позиции национальных социалистов во главе с В. Клофачем. Когда-то в период Боснийского кризиса Клофача считали в России истинным славянином, а Крамаржа австрофилом, теперь же Клофач, из-за конъюнктурных соображений выступил в поддержку признания СССР, тем самым предав славянскую идею и тех людей, которые сотрудничали с ним в России⁹³. Критика национальных социалистов задевала и Бенеша как члена руководства этой партии.

Менее неожиданной для Крамаржа была позиция социал-демократов, которые ненавидели прежнюю царскую Россию. Крамарж высмеивал "мудрость" социалистической тактики в этом вопросе, поддержку главных политических конкурентов — коммунистов. При этом он напоминал им репрессии большевиков в отношении других социалистических партий и групп в России, называя это преступлением против демократии и социализма⁹⁴.

Крамарж был уверен, что славянская идея имела глубокие корни в чешской и словацкой деревне, среди сельского населения. В пример он приводил свидетельства гостей Пражского славянского съезда 1908 г., посетивших чешскую провинцию, и новые впечатления русского студента-эмигранта, проведшего лето за городом. Поэтому он полагал, что поддержка аграрной партией решения о признании советской власти, враждебной как русской интеллигенции, так и русскому крестьянству, не отвечает чувствам чехословацких селян⁹⁵.

Каждое свое выступление, как устное, так и письменное, Крамарж использовал, не только ради полемики как таковой, но и чтобы завоевать на свою сторону колеблющихся политиков. Так и в этой работе для пущей убедительности он цитировал изданную во Франции книгу Генри Берауда "Что мы видели в Москве". Со ссылкой на большевистские источники в книге приводятся впечатляющие цифры об уничтожении людей: 28 епископов, 1219 священников, 6000 учителей, 9000 врачей, 54 000 офицеров, 260 000 солдат, 70 000 полицейских, 12 950 помещиков, 355 250 представителей интеллектуальных кругов, 193 200 рабочих и 815 100 крестьян⁹⁶. А сколько еще было умерших в заключении и от голода, — вопрошает Крамарж. Именно поэтому Крамарж считал, что нельзя подписывать никакие соглашения с подобным правительством, и категорически был против признания. Еще до массовой коллективизации в России Крамарж видел непримиримые противоречия между интересами сельских хозяев и советского государства, напоминая об ужасном голоде в достаточно плодородном Поволжье.

Мировую войну Крамарж считал доказательством того, что славянская идея не была ни ложной, ни фантастической мечтой, а реальной политической силой, обеспечившей защиту небольшого славянского народа — сербов. Он рисовал "благородную Русь", угнетенную, униженную, убогую под властью тиранов, "страдающую за свою верность славянам". Даже если предположить определенную дань риторике, в неоднократно повторявшихся словах и идеях Крамаржа чувствовалась внутренняя убежденность в своей правоте. Говоря о будущем славян и признании Советов, Крамарж с горечью констатировал, что такие понятия как "верность", "культура", "цивилизация" в послевоенный период потеряли свою ценность. Он полагал, что мир боится славян, хоть и считает их низшей расой. Он еще и еще раз повторял, что только объединение славян могло бы обеспечить гарантии существования Чехословацкой республики. Анализируя сложившуюся после Локарно внешнеполитическую ситуацию, Крамарж видел всю ее опасность для молодого государства: немецкий и венгерский реваншизм, их связи,

агрессивность внешней политики итальянских фашистов. Он полагал неразумным полагаться лишь на Францию, где победа леворадикальных элементов могла привести к неожиданным внешнеполитическим шагам. Чтобы предотвратить новую войну, Крамарж настаивал на необходимости обеспечить себя союзниками. Союз с Югославией и Румынией, которые сами нуждались в мощной поддержке, также не смог бы остановить немецких шовинистов. Бесспорная правда этих размышлений чехословацкого политика, высказанных еще в середине 20-х годов, полностью подтвердилась позднее (уже после его смерти) во время мюнхенского кризиса осенью 1938 г., раздела Чехословакии и оккупации Чешских земель весной 1939 г. Система безопасности страны, созданная Бенешем, а затем его преемником на посту министра иностранных дел К. Крофтой, оказалась неэффективной.

Внешнеполитическая идея Крамаржа заключалась в необходимости сильной России не только для Чехословакии, но и для европейского равновесия в целом. И в интересах Югославии было иметь сильную Россию; только она, по мысли Крамаржа, могла бы гарантировать существование этого государства, раздираемого национальными противоречиями и имеющего враждебного соседа в лице Италии. Поэтому он обращался и к тем югославам, которые выступали за признание СССР.

Крамаржу не импонировала грубость и материализм новой послевоенной эпохи, он воспевал довоенный идеализм, национализм, любовь к родине и славянам. "Человек, проникнутый славянскими идеями, не может, — писал он, — признать законной властью русского народа тех людей, которых мужицкие массы до смерти ненавидят, людей, стерших Россию с карты Европы, уничтоживших все, что было Россией, все, что мы любили, все, что так долго в тяжелейшие минуты составляло веру и надежду славянства"⁹⁷. Союз Советских Республик, по его мнению, никак не мог заменить славянам Россию. Крамарж высказывался за сохранение традиций чешского и словацкого народа, среди которых немалое место занимала идея славянской взаимности, а потому призывал не признавать Советы.

В. Маяковский, посетивший Чехословакию в 1927 г., написал стихотворение "Славянский вопрос-то решается просто", посвященное Крамаржу, которого он называл "вождем чехословацкой Народной партии (фашистов) — главным врагом признания СССР". В стихотворении высмеивалась славянская идея, а ненависть Крамаржа к большевикам объяснялась конфискацией крымской дачи. Заканчивалось оно так:

"Отчего же
 Господин Крамарж
 от славян
 Москвы
 Впадает в раж?
 Дело деликатнейшее,
 понимаете ли вы,
 как же на славян
 не злится ему?
 У него
 Славяне из Москвы
 дачу пооттяпали в Крыму.
 Пан Крамарж,
 на вашей даче,
 в санатории,
 лечатся теперь
 и Ванечки
 и Вани,
 которые
 пролетарии, конечно...
 разные,
 и в том числе славяне"⁹⁸.

В 30-е годы XX в. международная обстановка изменилась: в 1933 г. к власти в Германии пришел Гитлер, в том же году последними из великих держав США признали Советский Союз, Франция начала переговоры с СССР о создании в Восточной Европе системы коллективной безопасности. В этих условиях возобновляются советско-чехословацкие переговоры о нормализации межгосударственных отношений. Крамарж по-прежнему против. В январе 1933 г. Б.А. Суворин в статье "Чехословакия и Россия" вспоминал, что до войны Крамарж боролся за русско-чешское сближение. "Теперь, — писал он, — д-ру Крамаржу, А. Гайну, Вергуну и другим патриотам приходится вести другую борьбу. Дело идет уже не о сближении с официальной Россией или, вернее, СССР, а о непризнании. Опять-таки социалистические и радикальные круги Чехо-Словакии стремятся заставить свою страну признать СССР и оказать большевикам свою моральную поддержку, и группа Крамаржа борется с этой опасностью"⁹⁹. Как отмечал Суворин, для постороннего наблюдателя тот факт, что патриот-славянин Крамарж и его группа выступают против признания "России", мог показаться странным. На этом играли разные левые элементы, и эта борьба была тяжела для Крамаржа. Но, по словам Суворина, "как было при Габсбургах, когда молодой еще Крамарж преследовал свою идею сближения с Россией, так и теперь постаревший, но все еще могучий патриот сохранил свою веру в окончательную победу идеи славянства, борется против той власти, которая заполонила Россию"¹⁰⁰.

В это время в чешской печати вновь возникает острая полемика по вопросу славянской политики. С одной стороны в ней участвовали социал-демократическая газета "Право лиду" и орган легионеров "Национальное освобождение", с другой, — газета "Народ". Поводом к ней послужило замечание "Нового времени" (Белград), что государственная организация ЧСР неустойчива, а также опубликованная в этой же газете статья профессора А.Л. Погодина, где он также называл Чехословакию "недолговечным государственным организмом". Погодин заявлял о политической непрочности всей послевоенной Версальской системы, но, признавая угрозу Чехословакии со стороны Германии, подчеркивал, что на всей карте Европы "нет более непрочного куска, чем современная Чехия". Профессор указывал и на коммунистическую опасность для Чехословакии. При этом он ссылаясь на статью Крамаржа в газете "Národní listy", где обосновывалась необходимость ориентироваться на национальную Россию, способную поддержать независимость славянского государства, и прекратить "флирт с большевиками". Социал-демократы и легионеры оценили эти материалы как недоброжелательные в отношении Чехословакии. "Народ", наоборот, расценил статью Погодина как желание видеть славянские государства, включая и Чехословакию, стабильными, поддерживая его критику в адрес Антонова-Овсеенко и торговой миссии большевиков в ЧСР за то, что она не столько занималась торговлей, сколько шпионажем и пропагандой¹⁰¹.

В начале 1934 г. Крамарж выступил против признания Советского Союза в комиссии по иностранным делам парламента Чехословацкой республики, опровергая аргументы коммуниста Крейбиха, ратовавшего за немедленное признание СССР де-юре и депутата от католической партии Светлика, выдвигавшего экономические доводы в пользу этого акта. Крамарж указывал, что в СССР царит страшная безнравственность, существует 2 млн безработных, заработная плата ниже, чем до войны, забастовки запрещены, 12-часовой рабочий день на некоторых предприятиях. "К сожалению, большевики обнаружили, что цивилизованная европейская общественность также не владеет слишком устойчивой моралью, если готова уступить все за проданный аршин ситцу, — провозглашал он с парламентской трибуны. — Не могу примириться — и не примирюсь никогда с тем, чтобы наше демократическое государство могло признать де-юре правительство, состоящее из людей, которые уничтожили Россию, ту Россию, без помощи которой мы не были бы свободными"¹⁰². В заключение Карел Крамарж подчеркнул: "Остаюсь верен моральному принципу и заявляю, что признание советского правительства де-юре было бы проявлением

наибольшей неблагодарности той славянской национальной России, которая является единственным нашим прибежищем и обеспечением в будущем"¹⁰³.

Он боролся против признания СССР де-юре до конца. Буквально за несколько дней до установления советско-чехословацких отношений в газете "Národní listy" была опубликована статья Крамаржа "Славянская Россия и наша политика". В ней маститый политик вспоминал о своих предостережениях Англии и Франции о том, что лишь сильная избавленная от большевиков Россия может противостоять Германии в Европе. Чехословацкие границы он считал возможным защитить лишь союзом с небольшевистской Россией. Такой союз, по его мнению, создал бы и огромные возможности для экономического сотрудничества, выгодного, в первую очередь ЧСР. Он повторял, что ничего фантастического в его планах не содержалось. Крамарж, которому в ту пору перевалило за семьдесят, признавался, что сейчас ему не требуется карьера, но ему крайне горько сознавать, что он не смог добиться проведения правильной политики в русском вопросе. Чехословацкий политик писал, что союзническими связями с освобожденной Россией он хотел обеспечить твердые гарантии мира, целостности и безопасности Чехословацкой республики. Он обращал внимание на наивность некоторых европейских политиков, надеявшихся нравственным влиянием Европы изменить большевиков, признав их и включив в цивилизованное сообщество. Крамарж был уверен, что эти люди не изменились и не изменятся, но они умеют притворяться. Их целью и надеждой останется "большевизация" капиталистического мира Европы и Америки. Признание СССР и принятие его в Лигу наций будет лишь способствовать агитации масс, легко верящих обещаниям большевиков. Статья заканчивалась словами: "Если мудрые европейские государственные мужи верят, что тем самым они наилучшим способом служат своему народу, тогда я думаю, что самое подходящее слово для них — фантасты"¹⁰⁴.

Но, несмотря на многолетнюю самоотверженную борьбу Крамаржа, 9 июня 1934 г. между СССР и Чехословакией были установлены дипломатические отношения. Выступая в МИДе, заместитель министра иностранных дел К. Крофта заявил: "Урегулирование нашего отношения с Россией имеет особое значение. Мы выбрали теперь сравнительно удобный момент, так как для России признание означает многое. Наше признание имеет только один недостаток, а именно, что Югославия до сих пор не признала Россию"¹⁰⁵. Далее он говорил, что позиция Югославии вполне объяснима, так как царская Россия сделала много для Югославии. Но, разделяя позицию Бенеша, его заме-

стититель полагал, что "это только предубеждение", будто существуют особые причины, из-за которых Чехословакия должна быть особенно благодарна царской России. Он продолжал: "В политическом отношении от нее мы никогда никакой помощи не получали. В области культуры нам также была оказана очень небольшая поддержка. Довоенные планы д-ра Крамаржа очень интересны: ряд царств — русское, польское, чешское, сербское и болгарское с общим органом, который бы решал вопросы, касающиеся всех. Это — абсолютно неосуществимая конструкция. В России она была тогда названа фантастическим планом. Нашу нынешнюю политику мы не можем основывать на таких предпосылках. Не удивительно, конечно, что неосуществление подобного плана вызывает у его автора разочарование. Для нас было бы большой опасностью упиваться такими планами и не принимать во внимание действительность. Не только потому, что эти планы являются неосуществимыми, но также и опасными для нашего сосуществования с другими европейскими народами"¹⁰⁶.

В своем выступлении заместитель главы внешнеполитического ведомства несколько передергивает, так как Крамарж в 30-е годы при всем своем идеализме ни за какую славянскую империю не ратовал — это был старый довоенный план. Но его реакция, естественно, была крайне негативна. В своем заявлении, опубликованном рядом чехословацких газет, он назвал акт признания предательством славянства¹⁰⁷. Прямым ответом Крамаржу звучали слова Крофты в МИДе: "Признанием России наша славянская идея не становится ничего не стоящей"¹⁰⁸. Часть выступления Крофты по поводу нормализации отношений с Россией очень напоминает попытку не только объяснить, но и оправдать признание. Крамарж был уже немолод, в 1931 г. он перенес тяжелый инфаркт, сил бороться оставалось немного, но свою точку зрения он не изменил. Признание СССР он воспринял крайне болезненно. 30 июня 1934 г. лидер национальных демократов получил адрес от Русского национального комитета в Париже за позицию в отношении признания советской России¹⁰⁹. Позже князь П.Д. Долгоруков писал Крамаржу: "После смерти короля Александра Вы единственный, да еще, пожалуй, швейцарец Модро, из видных деятелей Запада, которые продолжаете стойко поднимать свой голос против признания большевиков"¹¹⁰. Еще более ярко и эмоционально выразился А.В. Амфитеатров о борьбе Крамаржа против признания Советов: «Крамарж! Единственный на всем политическом пространстве Европы, не обращая внимания на все заигрывания и кокетство людей, любителей торговли с людоедами, поднял свою тяжелую руку и отвесил звучную пощечину звериной

морде советской, с позволения сказать, "дипломатии"»¹¹¹. Русский национальный комитет в Нью-Йорке, поздравляя Крамаржа с 75-летием, писал: "Особенно для нас было ценно то, что Вам удавалось в течение многих лет стойко отстаивать всю пагубность, ненужность и вредность признания советской власти, и если последнее и случилось, то мы знаем, что это было сделано вопреки Ваших настойчивых указаний, речей и статей в прессе"¹¹².

18 сентября 1934 г. СССР вступил в Лигу наций. Крамарж протестовал против его принятия¹¹³. В это время шли советско-французские переговоры о создании Восточного пакта. Чехословакия поддержала этот проект, но из-за отказа Германии и Польши участвовать в пакте, он не был заключен. 2 мая 1935 г. состоялось подписание советско-французского договора о взаимной помощи, а спустя две недели и подобного договора между СССР и ЧСР. В июне 1935 г. Бенеш посетил Советский Союз с официальным визитом, во время которого он имел беседы с И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и М.М. Литвиновым, а также подписал ратифицированный протокол "Договора о взаимной помощи" между СССР и ЧСР. Комментируя визит и изменение советско-чехословацких отношений, "Правда" писала: «Таким образом, курс на сближение с нашей страной основан на трезвом учете и понимании расстановки сил на европейской арене. Это, конечно, не значит, что в Чехословакии исчезли антисоветские группировки, которые, например, в лице Крамаржа еще продолжают время от времени давать о себе знать. Но эти группировки вынуждены сейчас отойти в сторону в ожидании "лучших времен". Перелом, происшедший в отношении правящих кругов Чехословакии к СССР, нашел свое выражение в ряде фактов последнего времени: в заключении с СССР Торгового договора, подписании Договора о взаимной помощи, Кредитного соглашения, усилении культурной связи»¹¹⁴. Однако Крамарж не прекращал борьбы против этой политической линии. В конце апреля 1935 г. он публикует в "Народных листах" статью "Почему я хотел и хочу Национальное объединение?"¹¹⁵, в которой объяснял, что подобное объединение необходимо и для того, чтобы изменить внешнюю политику, чтобы она "не организовывала лишь дорогостоящие представления, а заключала бы надлежащие торговые договоры"¹¹⁶.

Чехословацкие коммунисты называли Крамаржа реакционером, фашистом и трактовали его стремление изменить внешнюю политику Чехословакии как попытки поставить ее "в зависимость от гитлеровского империализма"¹¹⁷. Но Крамарж меньше всего симпатизировал Гитлеру, всегда сознавая угрозу, исходящую от Германии.

И в 1936 г., ссылаясь на беседу с председателем чехословацкого правительства М. Годжей, полномочный представитель СССР в Чехословакии С.С. Александровский, сообщая о планах чехословацкого премьера привлечь в правительство членов Национального объединения, с тем чтобы они приняли внешнеполитическую линию опоры на Советский Союз, обронил: "Понятно, Крамарж неисправим, и Годжа рассчитывает не на него"¹¹⁸. К.И. Зайцев отмечал, что дом Крамаржей всегда оставался "цитаделью непримиримого неприятия советчины, под какими бы личинами она не скрывала себя"¹¹⁹, он не мог себе представить, как можно сесть за стол переговоров с большевиками, людьми нечистоплотными в моральном плане.

Конфликт Крамаржа с Бенешем (а следовательно, и с Масариком, взгляды которых во многом совпадали) носил как принципиальный политический, так и личный оттенок. Несмотря на демократический характер Чехословацкой республики, в стране существовал культ Масарика как "отца нации", "основателя государства", поэтому острое недовольство оппозиции, выступавшей в лице возглавляемой Крамаржем Национально-демократической партии, политикой "Града" вылилось в дискуссию Крамарж—Бенеш.

¹ *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 111.*

² *Vykoupil L. Karel Kramář a jeho novoslovanství ve 20. a 30. letech // Sborník vojenské Akademie v Brně. 1994. Řada C. S. 264.*

³ Русское дело. 1920. 10 янв.

⁴ С.И. Гиллерсон, как писали чехословацкие газеты, занимался не столько делами Красного Креста, сколько пропагандой большевистских идей и поддержкой местных коммунистов. См. также: Известия. 2003. 17.02.

⁵ Российский государственный архив социальных и политических исследований. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 495 Архив Коминтерна. Оп. 71. Коммунистическая партия Чехословакии 1919—1937 гг. Д. 3. Л. 3.

⁶ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1973. Т. 1. С. 346.

⁷ Там же. С. 507—511.

⁸ Славянская заря. 1920. 5 янв.

⁹ В конце апреля 1920 г. народные комиссары РСФСР и УССР Г.В. Чичерин и Х. Раковский отправили Бенешу ноту против формирования Петлюрой трех полков из бывших военнопленных украинцев на территории Чехословакии, см.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 338.

¹⁰ Эти русофильские выпады Крамаржа не остались незамеченными украинскими националистами, один из них проф. Шелухин обвинял Крамаржа в "эгоизме" и "панмосковизме", положительно оценивая помощь украинцам в Чехословакии. Крамарж подчеркнул кусок письма с описанием поддержки украинцев и на полях написал: "Бенеш. Вероятно, он инициатор". См.: Archiv Národního Muzea. (Далее: ANM.) F.K. Kramář. Kart. 103.

- 11 Славянская заря. 1920. 5 янв.
- 12 Славянская заря. 1920. 9 янв.
- 13 Там же.
- 14 Там же.
- 15 Русское дело. 1920. 14 февр.
- 16 Славянская заря. 1920. 9 февр.
- 17 Там же.
- 18 Славянская заря. 1920. 11 февр.
- 19 Общее дело. 1921. 30 янв.
- 20 Славянская заря. 1920. 13 февр.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Общее дело. 1921. 30 янв.
- 25 Славянская заря. 1920. 16 февр.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Славянская заря. 1920. 18 февр.
- 29 Общее дело. 1921. 3 февр.
- 30 Славянская заря. 1920. 18 февр.
- 31 В. Тусар — лидер социал-демократов.
- 32 Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 5784.
Оп. 1. Д. 78. Л. 56.
- 33 Там же. Д. 79. Л. 2 об.
- 34 Там же. Л. 7 об.
- 35 Цит. по: Общее дело. 1921. 13 февр.
- 36 Там же.
- 37 ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 79. Л. 15.
- 38 Общее дело. 1921. 28 янв.
- 39 Общее дело. 1921. 14 февр.
- 40 ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 76. Л. 26.
- 41 ANM. F.K. Kramář. Kart. 104.
- 42 Славянская заря. 1920. 7 апр.
- 43 ANM. F.K. Kramář. Kart. 104.
- 44 Общее дело. 1921. 13 марта.
- 45 Многие исследователи отмечали, что взгляды четы Крамарж были близки октябристам, а эта партия как раз и была либерально-консервативной, так как стояла на исторических основах, но стремилась к широким реформам для обновления жизни общества. См. об этом: Александр Иванович Гучков рассказывает. Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 24.
- 46 Общее дело. 1921. 5 февр.
- 47 ANM. F.K. Kramář. Kart. 13. Inv. Č. 2-3-6465—6468.
- 48 Огни. 1921. 10 октября.
- 49 *Kramář K. Pět přednášek o zahraniční politice. Praha, 1922. S. 27—28.*
- 50 *Ibid. S. 55.*
- 51 *Ibid. S. 66.*
- 52 *Ibid. S. 67.*
- 53 *Ibid. S. 66.*
- 54 *Ibid. S. 95.*

- 55 Ibid. S. 87.
- 56 Ibid. S. 90.
- 57 Ibid. S. 98.
- 58 ANM. F. K. Kramář. Kart. 23.
- 59 Klimek A., Kubů E. Československá zahraniční politika 1918 – 1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha, 1995. S. 41.
- 60 Kramář K. Na Obranu Sovanské Politiky. Praha, 1926. S. 10.
- 61 Ibid. S. 14.
- 62 Ibid. S. 15.
- 63 Ibid. S. 33.
- 64 Ibid. S. 27.
- 65 Ibid. S. 22.
- 66 Ibid. S. 32.
- 67 Ibid. S. 41.
- 68 Ibid. S. 44 – 46.
- 69 Ibid. S. 55.
- 70 Ibid. S. 57 – 58.
- 71 Ibid. S. 68 – 71.
- 72 Ibid. S. 107.
- 73 Слагек З. Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // Rossica. 2000/2001. С. 48.
- 74 ANM. F. K. Kramář. Kart. 101.
- 75 Herman K., Sládek Z. Sovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971. S. 72.
- 76 ДМИСЧО. М., 1977. Т. 2. С. 44.
- 77 ДМИСЧО. М., 1978. Т. 3. С. 309.
- 78 Там же. Т. 2. С. 17 – 18.
- 79 ДМИСЧО. Т. 1. С. 270 – 271; Т. 2. С. 35.
- 80 Там же. Т. 2. С. 78.
- 81 Там же. С. 24 – 25.
- 82 Энглиш К. (1880 – 1961) – экономист, политик, министр финансов.
- 83 Странский Адольф (1855 – 1931) – политик, член партии национальных демократов.
- 84 ДМИСЧО. Т. 2. С. 82 – 83.
- 85 ANM. F. K. Kramář. Kart. 107.
- 86 Ibid. Kart. 19.
- 87 ДМИСЧО. Т. 2. С. 149.
- 88 Там же. С. 176.
- 89 Правда. 1924. 26 февр.
- 90 Известия. 1924. 27 февр.
- 91 См.: Известия. 1925. 6 авг.
- 92 Там же.
- 93 Kramář K. Naše Slovanství a uznání Sovetu. Praha. S. 8.
- 94 Ibid. S. 9.
- 95 Ibid. S. 10.
- 96 Цит. по: Ibid. S. 10.
- 97 Kramář K. Naše Slovanství a uznání Sovětů. S. 16.
- 98 Маяковский В.В. Славянский вопрос-то решается просто // Прага русский взгляд. М., 2003. С. 149.
- 99 Русское слово. 1933. 22 янв.
- 100 Там же.
- 101 ANM. F. K. Kramář. Kart. 19.

- ¹⁰² Ibid.
- ¹⁰³ Новое время. 1934. 18 февр.
- ¹⁰⁴ *Kramář K. Slovanské Rusko a naše politika // Národní listy. 1934. 3 června.*
- ¹⁰⁵ На Загребском заседании Постоянного совета Малой Антанты 22 – 23 января 1934 г. было принято решение о нормализации отношений с СССР: ЧСР и Румыния 9 июня признали СССР де-юре, Югославия же установила отношения с Советским Союзом лишь в 1940 г.
- ¹⁰⁶ ДМИСЧО. Т. 3. С. 13.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 14.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 13.
- ¹⁰⁹ ANM. F. K. Kramář. Kart. 42.
- ¹¹⁰ Ibid. Kart. 19.
- ¹¹¹ *Amfitěatrov A. Dr. Kramář a ruská emigrace // Sborník Dra Kramáře 1860 – 1930. K jeho 70-narozeninám. Praha, 1930. S. 195.*
- ¹¹² ANM. F. K. Kramář. Kart. 42.
- ¹¹³ П. Долгоруков в письме Крамаржу от 21 сентября 1934 г. упоминал о его статье против принятия СССР в Лигу наций. См.: ANM. F. K. Kramář. Kart. 19.
- ¹¹⁴ ДМИСЧО. Т. 3. С. 140.
- ¹¹⁵ Национальное объединение возникло в 1934 г. слиянием Чехословацкой национально-демократической партии К. Крамаржа с чешскими националистическими организациями "Национальной лигой" и "Национальным фронтом".
- ¹¹⁶ ДМИСЧО. Т. 3. С. 109.
- ¹¹⁷ См., например, выступление Я. Швермы в Национальном собрании (ДМИСЧО. Т. 3. С. 147) или доклад К. Готвальда на VII съезде КПЧ (ДМИСЧО. Т. 3. С. 247).
- ¹¹⁸ Там же. С. 217.
- ¹¹⁹ *Зайцев К. Надежда Николаевна Крамарж (Листки воспоминаний) // Надежда Николаевна Крамарж. Прага, 1938. С. 27.*

Глава 15

Чета Крамаржей – покровители русской эмиграции

*

Любому интересующемуся русской послереволюционной эмиграцией, никак не связанному с изучением чешской истории, все-таки известно имя Карела Крамаржа. Недаром его называли "отцом" русской эмиграции и Карелом Петровичем. Большое участие и поддержку оказала эмигрантам и его супруга Надежда Николаевна Крамарж (Крамаржова). Для нее помощь бывшим соотечественникам, оставившим родину в основном по политическим мотивам как противникам нового режима, была естественной. Но и для К. Крамаржа эта поддержка была не менее органичной: он любил Россию, многих из эмигрантов знал лично, но помощь четы Крамарж русским распространялась и на малознакомых и вовсе не знакомых людей, которые в ней нуждались, причем не только в Чехословакии, но и в других странах. В 1921 г. Крымским комитетом под председательством д-ра Крамаржа были посланы дары Русскому Красному Кресту в Белграде¹. Главное управление российского общества Красного Креста, проинформированное его уполномоченным в Королевстве СХС В.Д. Евреиновым об отправке им в Белград значительного количества предметов первой необходимости, благодарило Крамаржа из Парижа².

В январе 1922 г. И.А. Бунин просил П.Б. Струве передать Крамаржу письмо Д.И. Мережковского с ходатайством помочь русским писателям, живущим во Франции. П.Б. Струве откликнулся на просьбу, а Крамарж согласился посодействовать решению вопроса. Необходимо было коллективное обращение к председателю чехословацкого правительства А. Швегле, которое Надежда Николаевна просила переслать на адрес мужа ("ни в коем случае не Бенеша", – говорилось в письме) с тем, чтобы он лично вручил эту просьбу председателю правительства³. Уже в феврале Н.Н. Крамарж ответила Струве, что чехословацкое правительство установило пособия Мережковскому с женой, З.Н. Гиппиус (3 тыс. чехословацких крон), И.А. Бунину (2 тыс.), И.С. Шмелеву (2 тыс)⁴. Но реально помощь все не по-

ступала, и летом 1924 г. русские писатели и поэты И. Бунин, Д. Мережковский, И. Шмелев, З. Гиппиус вновь просят Крамаржа о финансовой поддержке⁵. В конце концов средства были получены, и те же авторы отправили ему письмо с благодарностью⁶. С просьбой замолвить за него слово и не лишать небольшого ежемесячного пособия правительства ЧСР, получаемого с 1925 г., обращался к нему осенью 1931 г. из Парижа К.Д. Бальмонт. Этот русский поэт и переводчик просил Крамаржа и о содействии в публикации его книги "Душа Чехии в слове и деле", над которой он работал пять лет. Изучив чешский язык, Бальмонт перевел лучшие образцы чешской поэзии, написал ряд литературоведческих статей об известных поэтах Чехии, но во время экономического кризиса финансовое положение самого Крамаржа было не блестящим, книга эта вышла на русском и чешском языках лишь благодаря чешскому литературоведу Д. Кшищовой только в 2001 г.⁷

Крамаржа многие знали еще с довоенных времен как политического деятеля, пропагандиста славянской идеи, русофила. Н.И. Астров писал о нем: "Это имя давно и хорошо известно нам, русским. Давно, давно, когда наша Россия была славной и великой, среди культурных кругов русского общества, имя К.П. Крамаржа произносилось с большим почтением и большой симпатией. Европейец с головы до ног, высококультурный человек, пылкий и в то же время дисциплинированный и выдержанный политический деятель, человек, связанный с Россией и всем русским стародавними и многообразными узами, Карел Петрович был нам дорог и близок. Даже непосредственно не соприкасаясь с ним, мы знали его. Знали, как одного из выдающихся политических и общественных деятелей Европы того времени"⁸.

Он вообще был, очевидно, отзывчивым человеком. И это казалось не только выходцев из России. Как-то работая с его личным фондом в Архиве Национального музея, я наткнулась на письмо к нему абсолютно неизвестного, незнакомого ему молодого человека из провинции, приехавшего "завоевывать" Прагу. В тщетных поисках какой-либо работы, без ночлега, не ев три дня, он вдруг увидел свет в вилле Крамаржа и понял, что единственный человек, который может ему помочь — премьер-министр. Конечно, есть категория людей, склонных обращаться к "великим мира сего" за помощью в решении личных проблем, но тем не менее люди, к которым обращаются, как правило, очень популярны, так как всегда присутствует надежда, что именно они помогут.

Наслышавшись об отзывчивости Крамаржа, ему писали многие российские эмигранты со всего света: из Америки и Во-

сточной Азии, из Египта и Южной Африки, из Турции и Болгарии, из Югославии и Польши, из Греции и Франции, из Бельгии и Германии, из Швейцарии и других стран. Некоторые не знали или путали его имя и отчество, называли Карел Антонович либо Карл Федорович, как кому нравилось, обращались и на "Вы", и на "ты". Очень по-русски звучало обращение "Карел Петрович!". Не устаешь удивляться, как у него хватало времени и сил отвечать всем. Конечно, ему помогала жена, которая сама вела достаточно обширную корреспонденцию, и личный секретарь Ладислав Бендрихович Грунд, но работы хватало бы на целую канцелярию. Одни просили о материальной поддержке: кто для себя и членов семьи, кто для организаций или печатных изданий, — другие о помощи в получении визы, третьи — о содействии в устройстве на работу или учебу, либо о предоставлении гражданства. Некоторые обращались по разным поводам и многократно. Отдельные письма были полны отчаяния, некто — В. Ермолова писала из Югославии: "Если Вы мне не можете, то мне не к кому обращаться и незачем жить"⁹. Естественно, что не всем Крамарж мог помочь, отказы были, но стремление серьезно разобраться в каждой проблеме, по возможности найти ее решение присутствовало всегда. На всех письмах с просьбами есть его резолюции и распоряжения, в какое министерство обратиться с ходатайством. Многие петиции были удовлетворены, о чем свидетельствуют многочисленные благодарности эмигрантов в адрес Карела и Надежды Крамарж.

В письмах были не только просьбы, благодарности и поздравления. Супругам писали, чтобы выяснить их мнение и выразить свое по вопросам российской истории и современной политики. Интересны, например, послания А.И. Гучкова. В письме Карелу Петровичу от 12 декабря 1920 г. он информировал о намерении организовать "Русский парламентский комитет за границей" и просил Крамаржа узнать, кто из членов законодательных палат проживал в Чехословакии. 21 августа 1924 г. Гучков рассказывает о процессе в Лозанне в связи с убийством Воровского. Здесь же он, стараясь заинтересовать Крамаржа, сообщает, что в марте в Женеве было образовано временное Бюро для организации "Международного согласия для борьбы с III Интернационалом", а 23 — 24 июня в Париже состоялся международный съезд представителей девяти стран для его создания. Целью "Согласия против III Интернационала", по словам Гучкова, должна была стать борьба против сил, подрывавших основы современной цивилизации (семью, собственность, отечество). В качестве противника называлась советская власть в Москве. Работу планировалось координировать, созывая периоди-

ческие съезды и публикуя в Женеве бюллетень о жизни в России и заграничной деятельности Коминтерна. Высшим исполнительным органом должен был стать международный совет с постоянно действующим бюро. Ближайший съезд намечалось провести в сентябре в Будапеште при тесном сотрудничестве с национальными группами. Во главе организации стоял Теодор Оберт. Козицкий был занят созданием польской секции. Р. Дмовский также рассматривал возможность участия в этой организации и обещал способствовать формированию национальной группы в Польше, несмотря на то что в этот период стоял в стороне от активной политики. Переговоры об участии чешского политика в работе этой организации должен был провести П.Б. Струве. В этом же письме Гучков оценивал статью Крамаржа "Правда и Россия", опубликованную 12 сентября 1923 г. в "Народних листах" как "прекрасную"¹⁰. В июле 1929 г. К. Бельговского из газеты "Сегодня" (Рига) интересовало мнение Крамаржа о том, будет ли в течение 10 лет в Европе война и что будет с Россией. Ответы чехословацкого политика предполагалось опубликовать в юбилейном номере газеты¹¹.

В письме к Надежде Николаевне в декабре 1932 г. Гучков критикует политику Франции, рассчитывавшую оторвать СССР от Германии. Бенеш, по его мнению, разделяет французскую точку зрения. Франция толкает к сотрудничеству с Россией Польшу. Он полагал, что СССР пойдет на сотрудничество с Польшей, но с Румынией нет. В этом же письме он пишет, что имеет достоверные сведения о германо-советском военном сотрудничестве в области авиации¹². В феврале 1933 г. Гучков сообщает Надежде Николаевне, что положение центральной власти в Советской России устойчивое в результате победы Сталина над оппозицией. Указывая на некоторое отступление от генеральной линии в экономической политике, он предсказывает полную капитуляцию оппозиции, жесточайшие репрессии и террор. В этом же письме содержался гениальный политический прогноз развития международной ситуации: "Расправу с Польшей возьмет на себя одна быстро крепнущая Германия. В разгроме Польши советская власть примет участие 1) в качестве угрозы, нависшей над Польшей с востока и парализующей ее обороноспособность, 2) в роли участницы окончательного дележа"¹³.

В литературе нередко можно прочитать, что Крамарж ориентировался на правые реакционные, консервативные круги русской эмиграции и именно с ними поддерживал контакты. Дело обстоит не совсем так: он поддерживал все политические направления эмиграции за исключением левых, представленных в основном эсерами¹⁴. С ними нередко шла очень резкая

полемика. В 1919 г. Крамарж в Париже читал доклад о России, в котором в присутствии В. Лебедева (бывшего полковника) прямо обвинил некоторых социалистов-революционеров в том, что они на волжском фронте расстреливали неповиновавшихся крестьян. Тогда Лебедев смолчал¹⁵. Но позднее в эсеровском издании "Воля России" была развязана целая кампания против Крамаржа (см. гл. 12).

В эмиграции настроения многих россиян поправили; даже те, кто когда-то приветствовал Февральскую революцию, теперь видел в ней пролог Октябрьского большевистского переворота, ненависть к большевикам, из-за которых пришлось оставить Родину и скитаться по чужим странам, перешла и на тех политиков, которые не сумели удержать власть и навести порядок в стране. Среди эмигрантов отсутствовало единство, но эсеры, имевшие хорошие отношения с группой "Града" и сумевших захватить в свои руки распределение чехословацкой правительственной помощи ("русская акция"), очень не любили. Деятели Пражского Земгора вошли в земские и городские комитеты в основном в послефевральский период, а, следовательно, практически не имели отношения к активной деятельности Земгора в годы войны. Политические противники критиковали их за узурпацию самого названия организации, а также за партийный, эсеровский, состав руководства. 19 января 1922 г. князь Н. Щербатов выразил Крамаржу от имени собрания земских и городских гласных во Франции удовлетворение по поводу его речи против "самозванной" деятельности Пражского Земгора, так как его отношение к другим русским пражским организациям носило партийный характер. Щербатов считал, что вопросы виз и паспортов должны быть в компетенции прежнего консула, гуманитарную деятельность следует сосредоточить в руках Красного Креста. Чехословацкому правительству, по его мнению, следовало предоставить право представительства русской колонии в ЧСР лишь группам серьезным и беспартийным¹⁶. В письме к военному агенту генерала Врангеля в Праге М.Н. Леонтьеву¹⁷ от 26 февраля 1922 г. А.И. Гучков писал из Парижа: "Русское дело в Праге поставлено приниженно, кучка людей из Земгора и из социалистов-революционеров захватила в свои руки дело при поддержке и попустительстве некоторых чешских властей"¹⁸. Далее, обращаясь к генералу Леонтьеву, он вопрошал: "И что Вы и г. Рафальский¹⁹ бессильны этому противостоять?" Здесь же он дает рекомендацию: "Если у Вас не с кем посоветоваться из русских, то обратитесь хотя бы к человеку, который живет у Вас в Праге, который любит Россию и так за нее деятелен, как мало кто из русских, и которого я считаю одним из умнейших политиков, кото-

рых я когда либо встречал. Это и Вам хорошо известный Д-р К.П. Крамарж"²⁰. Возмущаясь политикой Бенеша, А. Гутманн писал Крамаржу в 1924 г.: "Его (Бенеша. — Е.С.) преступление против России, главным образом, заключается в том, что он дал приют и питает виновников русского позора: Чернова, Брушвита, Зензинова, Сталинского, Минора, Руднева, Лазарева, Слонима, Керенского, Махина, Мансветова, Вороновича, Климушкина и тысячи их товарищей и соратников, столь блестяще содействовавших победе большевиков над русским народом"²¹. Крамарж не разделял позицию чехословацкого президента и МИДа и требовал изъять акцию помощи из полномочий Земгора и передать парламенту. В 1925 г. был достигнут частичный компромисс: бюджет пражского Земгора был сокращен, дела русских эмигрантов — переданы отдельным министерствам, но основная часть средств оставалась в компетенции МИДа²².

Но не только правые были благодарны Крамаржу за его позицию в русском вопросе, политически нейтральные люди также высоко оценивали поддержку им русских эмигрантов. 24 декабря 1930 г., поздравляя Карела Петровича с 70-летием, В. Булгаков писал: "Вы знаете, что я не принадлежу ни к политическим, ни к националистическим кругам здешних русских. Но, право, не надо быть русским националистом и достаточно быть просто русским, чтобы оценить все, что Вы сделали и делаете для нашей Родины и, в частности, для ее сынов"²³.

Крамарж действительно весьма благоволил военным кругам, т.е. тем, кто реально противостоял большевикам и имел планы и дальше бороться против Советов. Он был инициатором создания так называемого Крымского комитета беженцев. Добровольческая армия Врангеля, вывезенная союзниками в Константинополь, на Галлиполийский полуостров, греческий остров Лемнос, в район турецкой Чатаалджи и в тунисский порт Бизерту, содержалась в военных лагерях, условия везде были крайне тяжелые, но несмотря на сопротивление союзников и местных властей она сохранялась²⁴. Главнокомандующий предпринимал попытки переправить солдат и офицеров на Балканы; в 1921 г. были достигнуты договоренности о вывозе части войск в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС) и Болгарию. Чехословацкое правительство в начале не хотело принимать на свою территорию военные контингенты, предпочитая сосредотачивать у себя "демократически настроенных эмигрантов" — правых эсеров, с которыми у чехов сложились тесные отношения еще во время Гражданской войны и "легионерской эпопеи" в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке.

В январе 1921 г. Врангель обратился к Крамаржу с просьбой посодействовать положительному решению чехословацкого

правительства принять около тысячи молодых людей (офицеров) в качестве студентов в университеты и вузы ЧСР. Он писал: "Обращение же мое именно к Вам вызвано той, всеми известной, любовью к России, которой проникнута вся Ваша деятельность, той отзывчивостью, с которой Вы неизменно откликаетесь на все нужды русского беженства"²⁵. Главкомандующий Русской армией сообщал Крамаржу, что в Прагу едет князь П.Д. Долгоруков, который должен будет возбудить надлежащее ходатайство перед чехословацким правительством. Прибыв в 1922 г. из Константинополя в Прагу, Долгоруков действительно один из первых визитов нанес в дом супругов Крамарж — "бастион национальной и славянской идеи"²⁶.

В конце июня 1921 г. депутаты шести чешских партий, среди них К. Крамарж, А. Гайн, Ф. Удржал, Й. Стршибрны и др., обратились в парламент с запросом о позиции в отношении русских беженцев. В запросе была ссылка на меморандум, поданный за месяц до этого министру иностранных дел Бенешу делегацией Союза русской трудовой интеллигенции (Магеровский, Ашкенази, Гурович). В меморандуме подчеркивалось, что вопрос помощи русским беженцам надо решать в государственном масштабе, и в качестве примера указывалась Югославия (до 1929 г. называлась Королевство СХС). Сравнение с Королевством СХС было совсем не в пользу Чехословакии: по сведениям Константинопольского бюро русской печати в Сербии находилось уже около 30 тыс. русских, в ЧСР — 5—6 тыс.²⁷ По примеру Югославии и Болгарии предлагалось для организации помощи поручить это дело государственной комиссии или правительственному органу. Авторы запроса задавали вопрос правительству и министру иностранных дел, разделяют ли они их взгляды на то, чтобы существовавшая до тех пор в Чехословакии частная забота о русской эмиграции была перенесена на государство, и предпринимались ли в этом плане какие-либо шаги. Бенеш сразу же ответил на запрос, заявив, что министерство иностранных дел от имени правительства берет на себя инициативу помощи русским, руководствуясь принципом, что речь идет исключительно об отношении всего чехословацкого государства ко всему русскому народу, несмотря ни на какую партийную принадлежность²⁸. Как отмечала в своей книге Е. Чиняева, на начало и развитие "русской акции" значительное влияние имело старое соперничество двух ведущих чешских политиков — Т.Г. Масарика и К. Крамаржа²⁹, имевших различные взгляды на русский вопрос. Тот факт, что вся акция осуществлялась под покровительством чехословацкого МИДа, играл большую роль. 11 июля 1921 г. А. Ванек сообщал в Париж:

«В Праге сейчас действует Алексинский³⁰, который ведет переговоры с министром Бенешем о расселении крымских беженцев и в кругах национальных демократов (партия Крамаржа) пытается создать настроение в пользу "Русского Совета"³¹ и даже перенесения его в Прагу. Алексинский был у Крамаржа. Он все время находится в тесном контакте с Магеровским. Реально едва ли Алексинскому что-нибудь удастся осуществить»³². Профессор А.И. Глазунов вспоминал, как в августе 1921 г. был командирован Русской академической группой из Константинополя в Прагу: «О политической борьбе, которая в тот период разыгрывалась в Чехословакии, мы не имели никакого представления и, конечно, решили, что в первую голову надо ехать к Крамаржу. Карел Петрович и Надежда Николаевна приняли нас в саду. Тогда я в первый раз увидел Надежду Николаевну. Высокая, уже седая, с красивым гордым лицом и в то же время с очаровательной улыбкой Надежда Николаевна произвела на меня незабываемое впечатление. Разговор велся главным образом о "русской акции". Как Карел Петрович, так и Надежда Николаевна очень живо и участливо относились к этой идее и обещали самую широкую помощь-содействие»³³.

Беженцы из России начали появляться в Чехословакии в 1919 г. Это были интернированные солдаты из Западной Украины, выходцы из европейской части России и из Прибалтики, с чехословацкими легионерами прибыли эмигранты из Сибири и с Дальнего Востока. Но организованная государственная помощь им пока не оказывалась. 7 июня только что прибывший в Прагу из Одессы через Константинополь, Софию, Белград, Люблян и Вену Я. Гижицкий писал Крамаржу: "К величайшему моему сожалению должен отметить значительное понижение чувств к русским здесь, чего не замечается в Югославии. Нет даже русского представительства в Праге"³⁴. Однако уже в июле 1919 г. в Прагу приехал Владимир Трифильевич Рафальский, который вскоре стал организатором и представителем русской эмигрантской колонии, во всяком случае, той ее части, которая не хотела сотрудничать ни с большевиками, ни с эсерами³⁵. Крамарж был в хороших отношениях с Рафальским, они часто общались в рамках созданного русским консулом клуба, где бывали также писатели Е.Н. Чириков, А.В. Амфитеатров и др.³⁶ Рафальский не раз занимал у Крамаржа достаточно крупные суммы на празднование Пасхи и другие мероприятия (только в 1925 г. — 15 тыс. крон)³⁷.

В марте 1919 г. газета "Národní listy" обратилась с призывом к чехам изучать Россию, поддерживать с ней дружеские контакты, помогать российским беженцам. Первым под обращением подписался К. Крамарж³⁸. Такое же воззвание к чехам помочь

"братьям русским" за подписью Крамаржа и других видных общественных и политических деятелей опубликовала газета "Národní politika"³⁹. В конце апреля 1919 г. в Праге было создано Чешско-русское объединение, у истоков которого также стоял Крамарж. Это была общественная организация, сыгравшая большую роль в чешско-русском культурном сближении, помогавшая русским эмигрантам сориентироваться в Чехословакии особенно в первое время. Председателем объединения с 1919 г. до конца жизни (1933 г.) состоял выдающийся чешский ученый славист профессор Й. Поливка. После него объединение возглавил Я. Калла⁴⁰. В первый же год существования объединения развило бурную деятельность, организуя лекции в университете, театральные постановки и концерты в "Мещанской беседе", создав русскую библиотеку-читальню с газетным залом, открыв курсы русского языка для чехов, учредив фонд для издания книг о России и издательство "Наша речь"⁴¹.

Крамарж с самого начала включился в организацию помощи российским эмигрантам, развив необычайно активную деятельность по сбору средств в их пользу. 25 января 1920 г. в "Татьянин день" члены старейшего пражского клуба "Měst'anská beseda" устроили вечер в честь проживавших в Праге русских, с приветственной речью на нем выступил председатель клуба Карел Крамарж⁴². В своем приветствии он отметил, что чехи любят русских, понимают их горе, славянская традиция не умерла, какой бы ни была политика. Вспомнил он и Парижскую мирную конференцию, подчеркнув, что Чехословакии там не на кого было положиться, чувствовалось отсутствие России⁴³.

В конце 1920 г. по инициативе чешского деятеля был создан чехословацкий комитет помощи русским беженцам (Крымский комитет). Он использовал даже торжественные собрания и вечера по случаю своего 60-летия для сбора средств в помощь русским. 12 января 1921 г. Русское бюро печати из Белграда и телеграфное агентство "Rus union" сообщали: "Сборы идут успешно. В настоящее время сбор в Чехословакии в пользу беженцев из Крыма дал на счет Чешского комитета помощи свыше 100 тыс. крон"⁴⁴. 2 февраля того же года Крамарж совместно с Обществом чехов и словаков из России, Русским клубом, Общественным клубом ("Мещанской беседой") и молодежью партии национальных демократов организовал Славянский концерт в пользу крымских беженцев. Перед концертом он выступил с речью, в которой подчеркивал: "Когда Россия будет великой, славянской и национальной, только тогда мы сможем делать спокойно и уверенно нашу политику"⁴⁵. Крамарж говорил о будущей демократической России и заключил свое вы-

ступление призывом доказать на деле любовь к русским. Зал реагировал бурно и восторженно. В марте под покровительством чешского деятеля был устроен благотворительный вечер ("Русский чай"). Присутствовавшие на вечере русские беженцы слушали "Коль славен" в исполнении 600 лучших чешских певцов под управлением В.Ф. Кибальчича, выступления г-жи Ещенко-Вондрак, профессора Гержмана, русской народной драматической труппы, "и их души", по словам автора заметки об этом мероприятии В. Волинцева, "наполнялись новой верой" и благодарностью Крамаржу⁴⁶. Средства от всех этих мероприятий шли на нужды эмигрантов из России⁴⁷.

Призыв Крамаржа помочь русским находил живой отклик. В середине февраля чехословацкий политик получил письмо от членов Союза словацких деятелей искусства, которые, узнав из газет о его деятельности по оказанию помощи беженцам из Крыма, обратились с просьбой направить к ним в Словакию восемь — десять русских писателей, музыкантов, художников: "Мы бы им создали условия, в которых они могли бы продолжать свою литературную работу, читать лекции, писать картины и этим поддерживать себя, русскую культуру и духовно обогащать нас"⁴⁸. Письмо было подписано председателем Союза словацких деятелей искусства Мартином Разусом, секретарями отделов: литературного — Й. Гашпаром, музыкального — Милешем Руппетем, художественного — Милешем Митровским. Одновременно со сбором средств в Чехии подобную акцию в Словакии вел единомышленник Крамаржа М. Дюла. В 1925 г. он передал право распоряжаться словацким фондом К. Крамаржу⁴⁹.

Пражский агент тайной организации Центр Действия⁵⁰ под конспиративным именем "Рцы" сообщал 7 марта 1921 г. в "столицу" русской эмиграции Париж: "Крамарж очень энергично работает в пользу русских беженцев. В предпоследнюю среду им был устроен грандиозный и блестяще прошедший концерт, а в прошлую — 5 o'clock. Еще до этого им было собрано более 1 млн крон. Курьезно, что Масарик прислал ему 10 тыс. крон, а на чае не было Бенеша, а была лишь его жена"⁵¹. Комитету жертвовали как отдельные лица, так и организации (несколько пожертвований внес Живнostenский банк). Суммы пожертвованных обычно составляли от 5 до 6 тыс. кр. В. Волинцев в статье "Славянская любовь" писал: «Собрано уже несколько сот тысяч крон, которые частью переданы отделению "Общего дела" в Праге, частью посланы в Константинополь. Газеты отмечают крупные пожертвования банков, торговых фирм и отдельных лиц. Трогательны внимание и любовь к русским беженцам, которые проявляют широкие народные массы Чехословакии»⁵².

Что касается крупных перечислений, то в апреле 1921 г. Объединение металлообрабатывающей промышленности перевело на имя Крамаржа 200 тыс. чехословацких крон на помощь беженцам⁵³. Согласно ведомости на 1 июля 1921 г. было собрано 327 764 крон 80 геллеров, выдано на помощь эмигрантам 323 049 крон 13 геллеров, остаток составлял 4 715 крон 67 геллеров. К ведомости прилагался список из 229 людей, организаций, союзов, групп, кооперативов, изданий, которым была оказана помощь. Выдачи составляли от 30 крон до 25 тысяч⁵⁴. Комитет помощи крымским беженцам выдавал денежные средства Чехословацкому Красному Кресту на содействие русским в Словакии, отправлял деньги и вещи в Белград⁵⁵. С осени 1921 г. начала осуществляться организованная государством "русская акция", поэтому сборы Комитета Крамаржа постепенно снижаются: с 12 июля 1921 по 8 февраля 1922 г. Комитетом помощи крымским беженцам было получено 155 759 крон и выдано 154 985 крон, с 8 февраля 1922 по 31 декабря 1922 г. принято 69 118 крон 54 геллера, выдано 67 531 крон 38 геллеров.

Комитет на первых порах собирал и распределял также вещевую помощь (ткани, обувь, рубашки, белье, платья, чулки, носки, платки, полотенца, постельное белье, нитки, иголки, мыло, книги). Да и в дальнейшем Н.Н. Крамарж вела переписку с некоторыми ателье, шляпными мастерскими, а также обувными предприятиями фирмы Т.А. Бати о льготных закупках для студентов, которые не находились на обеспечении Комитета помощи для обучения русских студентов в ЧСР. В начале 1927 г. было закуплено вещей на сумму в 18 459 крон⁵⁶. В 1928 г. деньги с чешского счета были исчерпаны, стали снимать со словацкого, но и к моменту смерти Крамаржа в 1937 г. Крымский комитет располагал еще небольшой суммой в 21,5 тыс. крон⁵⁷. Таким образом, особо значимой помощью четы Крамарж русским беженцам была до начала официальной "русской акции" правительства, а далее — тем, кто не получал правительственных стипендий и пособий.

Массовый исход из России требовал практического решения. На этом настаивали приверженцы всех политических течений в Чехословацкой республике⁵⁸. В августе 1921 г. появилось воззвание Русского совета, под председательством Главнокомандующего Русской Армией генерала Врангеля к народам мира по поводу бедственного состояния России, где свирепствовал голод. Летом 1921 г. чехословацкое правительство приняло решение о проведении "русской акции" помощи голодающей России и дало разрешение на прием первой партии русских студентов из Константинополя, которые в большинстве своем и были бывшими солдатами и офицерами Белой армии.

Шефом "русской акции" стал уполномоченный представитель министра иностранных дел Э. Бенеша В. Гирса, а с 1927 г. — К. Крофта⁵⁹. Без поддержки чехословацкого президента Т.Г. Масарика "русская акция", безусловно, не смогла бы принять столь внушительных масштабов, но, по мнению многих эмигрантов и их потомков, именно Крамарж был одним из активнейших инициаторов и "первой скрипкой" в этой акции.

19 сентября 1921 г. председатель Русского парламентского комитета в Константинополе И.П. Алексинский благодарил Крамаржа за помощь чехословацкого правительства русским беженцам. Одновременно он просил выделить средства на поезд хотя бы части русских студентов (тысячи человек) и 5 тыс. земледельцев, а также принять какое-то количество нетрудоспособных — стариков, женщин, детей и инвалидов⁶⁰.

Симпатии к военным кругам эмиграции проявились в том, что Надежда и Карел Крамаржи стали покровителями возникшего в Праге Галлиполийского землячества. Именно галлиполийцы считались наиболее дисциплинированной и боевой группой. А.В. Карташев в докладе "Впечатления о поездке в Галлиполи" (декабрь 1921 г.) указывал: "И лишь в одной группе, в Галлиполи, руководители состава военных частей остановились на задачах сохранить себя как армия, отражать себя как силу, готовую бороться с неравным врагом, идущей путем великим — что подымает людей, и без чего люди становятся маленькими. Эти части остались не только на высоте своей, но стали гигантски расти, глубоко, морально, национально"⁶¹.

Н.Н. Крамарж устраивала традиционные рождественские вечера в пользу неимущих студентов и безработных галлиполийцев⁶², а также членов Союза участников великой войны⁶³. Эти вечера посещали не только представители русской колонии, почетными гостями нередко бывали супруги чехословацких министров, генералов и политиков⁶⁴. В мае 1934 г. Галлиполийское землячество в Чехословакии в письме на имя Надежды и Карела Крамаржей выражало благодарность "за неизменную поддержку", которую они оказывали выборным органам Землячества по организации помощи нуждавшимся членам. "Но еще более мы, Галлиполийцы, — говорилось в письме, — ценим в вас ту моральную поддержку, которую мы всегда находим у вас в наших патриотических и национальных чувствах"⁶⁵. В 1936 г. скончалась Надежда Николаевна, и впервые за много лет не состоялся галлиполийский бал⁶⁶.

К Надежде Николаевне в связи с тяжелым положением 110 практически нетрудоспособных инвалидов войны в апреле 1924 г. обращался за помощью председатель Шипкинского отделения Союза русских инвалидов в Болгарии М.Л. Ревуцкий⁶⁷.

Поддержка инвалидам в разных странах оказывалась: 2 апреля 1924 г. доктор Крамарж послал Союзу русских военных инвалидов 10 тыс. крон⁶⁸. 14 апреля 1925 г. в адрес Карела Петровича была направлена благодарность председателя Центрального правления Союза русских военных инвалидов генерала от кавалерии Н.Н. Баратова "за заботу обо всех зарубежных русских военных инвалидах"⁶⁹. Крамарж помогал организовать в 1930 г. съезд Зарубежного союза русских военных инвалидов в Праге, в котором участвовали 30 представителей из восьми стран, а в сентябре 1933 г. он был приглашен участвовать в очередном, III съезде Зарубежного союза русских военных инвалидов в Софию⁷⁰.

Карел Петрович публично встал на сторону русских генералов Деникина и Врангеля в связи с развязанной против них в печати травли, заявив, что считает "нападки на всех тех, кто обнаружил энергию и способность к самопожертвованию, за верх русской интеллигентской нетерпимости"⁷¹. 12 февраля 1921 г. газета "Общее дело" опубликовало письмо генерала Врангеля К.П. Крамаржу. Это был отклик с благодарностью за его статью "Россия на распутье", напечатанную в той же газете 18 января. Врангель признавал, что Крамарж как никто другой понял суть происходивших в России событий, и соглашался со многими идеями чехословацкого политика. В частности он писал: "На Западе долго не понимали русский вопрос. Долго там господствовало убеждение, что большевизм завершил собой февральскую революцию, так как в действительности октябрьский переворот был контрреволюционным... А когда Деникин, а потом я шли походом против советской власти, то в Европе подымались крики о том, что мы боремся против демократии и несем реакцию... В России наступление юга на север было движением освободительным и стремилось к единственной цели: создать в России условия, при которых народ мог бы сам, свободно и сознательно установить государственный порядок, выбрать форму правления и начать новую жизнь"⁷².

Врангель поддержал высказанную Крамаржем идею о необходимости сплочения эмигрантов для борьбы за освобождение России, а также согласился с мнением лидера национальных демократов о том, что будущая Россия должна стать новой и демократической. «Я согласен с Вами, — писал Врангель, — что назрел момент, когда русские люди должны сплотиться в один национальный блок "для борьбы с большевизмом ради возрождения России" и создать национальный блок или Союз освобождения России»⁷³. Далее в открытом письме Врангель высказывал мысль о том, что политика требует обновления, новых людей, а очень небольшая часть антибольшевиков полити-

чески активна. Он считал, что склоки среди эмигрантов за границей приносят вред. Врангель признавался, что слова Крамаржа о русской армии нашли в нем живой отклик. Здесь же он заявлял: "Я не признаю возможным восстановление старой России. С прошлым покончено безвозвратно"⁷⁴. Верховный главнокомандующий Добровольческой армией считал, что "государственный разум народа в лице его свободно избранных представителей сам положит основы нового строя". В заключение он писал по поводу статьи Крамаржа: «Дай Бог побольше такого "вмешательства" в русские дела», выражал желание вступить с чехословацким политиком в личные непосредственные сношения и уверял в глубоком уважении и совершенной преданности⁷⁵.

В интервью директору пражского отделения редакции "Общего дела" и телеграфного агентства "Руссунион" Л.Ф. Магеровскому в марте 1921 г. Крамарж сказал: "Я очень жалею, что не смог до сих пор выполнить желания ген. Врангеля и не завязал с ним непосредственных сношений"⁷⁶. Крамаржа упрекали в том, что он вслед за русскими генералами выступал за старую Россию, но это не так. Характеризуя взгляды Врангеля, Крамарж заявил: "Мне доставило большое удовольствие, что ген. Врангель стал на точку зрения столь очевидную о необходимости реформирования в будущем всей внутренней государственной жизни России. Я вижу, что ген. Врангель хорошо отличает Россию наших дней от прежней России. Отсюда я вижу, что ген. Врангель любит свою родину и ставит вопрос о спасении ее выше всех других вопросов. Он, очевидно, твердо усвоил, что Россия будущего — совсем новая и особая Россия"⁷⁷.

Крамарж всегда очень хорошо относился к русской армии. В том же интервью он подтвердил это: "Я сердечно отношусь ко всем русским людям, которые борются за освобождение России от большевицкого ига и с благоговением приветствую русскую армию, как человек, который привык преклоняться перед теми, кто самоотверженно борется за свою родину не словом, а подвигом, кто жертвует ради нее жизнью, здоровьем, семьей, кто стремится завоевать своему народу свободу, вернуть ему национальную честь, которая так запятнана деяниями большевиков"⁷⁸. Вместе с тем лидер неославизма признавал, что Деникин и Врангель не были хорошими политиками и администраторами. "В будущем мне хотелось бы видеть поэтому, — говорил он, — около главнокомандующего самых лучших русских людей без различия партий, которые в своей деятельности поставили бы себе единственную цель: устройство территории, освобожденной от большевиков, не по партийным лозунгам, а на новых реальных началах..."⁷⁹ По мнению Крамаржа, "обви-

нять исключительно главнокомандующего и тех, кто ведет активную борьбу в том, что в тылу была спекуляция, разврат и политическая партийность — очень не справедливо", к тому же "главнокомандующий и военные круги не относились партийно к общественной работе"⁸⁰. В заключение он желал Врангелю сохранить остатки русской армии от распада. Весьма пророчески (во всяком случае в отношении Бенеша, если вспомнить события после Второй мировой войны) звучали его слова: "Весьма возможно, что многим, кто отрекся от всякой борьбы с большевиками, придется испытать всю горечь этого тяжелого пути и претерпеть все последствия напряженной борьбы с крупной организованной силой большевиков"⁸¹.

Завязалась личная переписка К. Крамаржа и П.А. Врангеля. 1 июня 1922 г. Главнокомандующий русской армией направил Крамаржу письмо из Сремских Карловцев о тяжелом положении русских в Болгарии. В январе 1923 г. он просил о помощи в устройстве около тысячи молодых людей из Болгарии и КСХС в качестве студентов, а также о переводе галлиполийской гимназии в Чехословакию, сообщая, что послал официальное ходатайство чехословацкому правительству через князя П.Д. Долгорукова⁸². 10 июня 1927 г. П. Врангель сообщает Крамаржу из Брюсселя, что он вместе с герцогом Г.Н. Лейхтенбергским, основателем Южной армии в Киеве, и светлейшим князем А.П. Ливеном предпринял издание летописи Белого движения под названием "Белое дело". Первые два сборника вышли в 1926 и 1927 гг. Редактором сборников стал военный представитель Врангеля в Дании, Венгрии и Германии А.А. фон Лампе. "Вся русская зарубежная пресса, — писал Врангель, — не исключая и занявших враждебную Белому движению позицию газет Керенского и Милюкова, встретили выход первых двух книг сборника полным одобрением и тем самым как бы подтвердили их надпартийный характер и историческую ценность"⁸³. Далее в письме Врангель просил чехословацкого политика поддержать это издание.

В личном фонде Крамаржа сохранились материалы о возникновении в 1920 г. и деятельности в России Всероссийской антибольшевистской лиги. Обращение этой организации к Крамаржу от 30 июля 1923 г. начиналось так: "Единственный и истинный друг славянской России!"⁸⁴ Крамарж состоял в переписке с генералом А.П. Кутеповым, выступавшим за ведение подрывной деятельности в СССР. Через П.Б. Струве Крамарж передал крупную сумму на организацию "разведки" Кутепова в России⁸⁵. В начале 1927 г. Кутепов приезжал в Чехословакию, посетил Прагу, Пржибрам и Брно, встречался с Крамаржем⁸⁶. В 1928 г. Кутепов стал председателем Русского Общевоинского

союза (РОВС). Как пишет Е. Чиняева, в 1929 г. генерал Кутепов вновь посетил Прагу, где сторонники устроили банкет в его честь, но были крайне удивлены его выступлением с критикой консервативной газеты "Возрождение" и отрицанием планов новой военной интервенции против СССР⁸⁷. Лидер национальных демократов состоял в переписке и с бывшим управляющим Китайско-Восточной железной дорогой, главой русской эмиграции на Дальнем Востоке, председателем Дальневосточного отделения РОВСа генерал-лейтенантом Д.Л. Хорватом. Поздравляя Крамаржа с 70-летием, Хорват писал, что Прагу и Пекин разделяет огромное расстояние, но "духовно" они близки⁸⁸. Последний в октябре 1931 г. сообщал Крамаржу о благоприятных внешнеполитических условиях для начала антибольшевистского движения, о своих планах создать Временное правительство Сибири и Дальнего Востока, о связях с генералом Р. Гайдой, просил о материальной поддержке⁸⁹. Чехословацкий политик поддерживал планы активного выступления против большевиков, установил связи с Советом Международного согласия против III Интернационала. В чехословацкий национальный отдел этой организации входили А. Гайн и А. Шебек⁹⁰. В начале 30-х годов при содействии философа И.А. Ильина Крамарж устроил совещание русских генералов⁹¹.

Многим эмигрантам импонировала постоянная четкая антибольшевистская позиция Крамаржа, его отказ от признания Советов и сотрудничества с ними. Многие эмигранты отмечали, что слово у чешского деятеля не расходится с делом⁹². Общее собрание представителей русских организаций в Праге в марте 1922 обратилось к лидеру национальных демократов поддержать протест против участия большевиков в Генуэзской конференции. Председатель Русского национального комитета А. Карташов писал Крамаржу из Парижа, выражая полную поддержку за его выступление в парламенте и статьи в газете "Národní listy" от 6 и 13 января 1924 г. по поводу "признания" коммунистической власти. В письме подчеркивалась смелость Крамаржа идти против течения. Через год Карташов прислал новое письмо с приглашением чехословацкого политика в Париж для совещаний в Национальном комитете⁹³. Национальное объединение русской молодежи во Франции в письме от 26 марта 1926 г. заявляло о признательности Крамаржу за его выступления против признания Чехословакией большевистской России. Русская организация в Болгарии "Труж" прислала Крамаржу выписку из протокола своего заседания от 1 августа 1926 г. с приветствием в его адрес "за благородство и мужество": речь шла об уходе чешского политика с официального обеда, когда его место оказалось напротив места советского пред-

ставителя⁹⁴. Совет международного согласия против III Интернационала (Женева) прислал Крамаржу в июле 1934 г. свой протест против принятия Советского Союза в Лигу наций⁹⁵. Супруга Крамаржа разделяла его позицию. Редакция выходившей в Белграде газеты "Новое время" (кстати, запрещенной в ЧСР и нередко подлежащей конфискации при доставке в эту страну) от лица группы русских эмигрантов выражала благодарность Надежде Николаевне и женщинам национально-демократической партии за их выступление против признания советской власти⁹⁶.

Вместе с тем, по словам писателя, грузинского князя Константина Чхеидзе, из-за того, что Крамарж слыл непримиримым врагом большевиков, многие более или менее успешно играли на этом, обращаясь к нему с самыми невероятными антибольшевистскими проектами⁹⁷, и, как правило, получали поддержку. Но у Чхеидзе сложилось впечатление, что Крамарж был добряком и, по-видимому, отлично понимая, что часто речь шла не о действительном осуществлении какой-то акции, а чтобы под этот проект получить аванс, все-таки предоставлял деньги⁹⁸.

Чехословацкого парламентария как прекрасного оратора звали участвовать во многих эмигрантских мероприятиях. 10 октября 1921 г. Крамарж произносит речь на открытии Съезда представителей Русских академических групп в Праге. Статью, посвященную съезду русских ученых, он публикует в газете "Národní listy". Там он писал: "Представители русской науки будут теперь среди нас, и я думаю, что они почувствуют сердечную, искреннюю нашу любовь и веру в славянство и новую жизнь"⁹⁹. 24 октября Крамарж выступает на Славянском вечере в пользу русских беженцев на тему "Русский кризис и будущее славянства".

Б. Суворин, сын редактора "Нового времени" А.С. Суворина, вспоминал в газете "Русское слово" (Харбин), как еще до войны встречали в Санкт-Петербурге д-ра Крамаржа и удивлялись тогда смелости речей этого прекрасного оратора: «Тогда д-р Крамарж был в расцвете сил и таланта. Высокий, прекрасно сложенный, с прекрасным голосом и с обладанием теми жестами, которые французы называют "трезвыми", то есть спокойными, он действительно был удивительным оратором»¹⁰⁰. Суворин уверял, что поражала в его речах глубокая искренность. "Прошли годы, — продолжал он, — России не стало, д-р Крамарж уже не тот молодой и горячий оратор, которого мы знали до войны, но все так же горяча его любовь к России, все так же он мечтает об исполнении своей славянской идеи"¹⁰¹. О своей личной встрече с К. Крамаржем писал в мемуарах К. Чхеидзе: "Его мощная коренастая фигура оставляла огромное впечатле-

ние. У него было необычайно пластическое лицо — как бы отлитое из бронзы. Впечатление создавалось такое, что перед вами памятник, монумент. Острые черты в облике выдавали пережитые лишения — пребывание в одиночке в ожидании казни оставило видимые следы. Его глаза, пронизательные, иногда строгие, быстро гасли, затем тут же загорались. Говорил он глубоким, усталым голосом"¹⁰².

Крамаржа приглашали не из-за занимаемых им должностей или постов как иных политиков и чиновников, а просто как "своего" человека. Можно сказать, что он жил жизнью русской колонии, отмечая с русскими праздники¹⁰³, юбилеи¹⁰⁴, участвуя в панихидах и тризнах¹⁰⁵. То же можно сказать и о Надежде Николаевне: 6 апреля 1920 г. она вместе с множеством русских и чехов в помещении пражской Российской миссии присутствовала на панихиде по А.В. Колчаку, устроенной по инициативе Российского поверенного в делах В.Т. Рафальского¹⁰⁶. Объединял Крамаржа с эмигрантами и постоянный интерес к современному положению в Советской России. Он отслеживал все события в ней, читал советские газеты, журналы, книги, собирал информацию от приезжавших из России командировочных¹⁰⁷, изредка доходили и письма из России. Историк, археолог С.Н. Вильчковский, живший в Германии и занимавшийся в эмиграции торговлей, переслал Крамаржу письмо его старого знакомого К.Я. Грота, посланное из Петрограда 18 мая 1922 г., в котором была такая фраза: «Мы теперь сыты телесно, но душевно голодаем непрестанно. После 45 лет ученой деятельности остался "научным сотрудником без содержания"»¹⁰⁸.

Его живо интересовали проблемы русской эмиграции, по этому поводу он нередко выступал в печати, призывая эмиграцию к сплочению. В статье, посвященной съезду русских ученых в Праге (24 октября 1921 г.), Крамарж писал: "Мы друзья и поэтому друзьям я могу сказать правду — русская эмиграция производит тяжелое впечатление своими спорами. Партий не должно быть тогда, когда идет борьба за свободу. Чехи сумели во время войны создать единение, того же надо достичь и русским теперь в столь тяжелый момент"¹⁰⁹. К. Бальмонт в письме Крамаржу от 19 октября 1931 г. писал: "Позвольте от сердца поблагодарить Вас за ту высокую радость, которую я всегда испытываю, читая в прессе Ваши, всегда верные, слова о России и русских. Знаю, что Вы наш друг и нам не измените. Спасибо Вам за это"¹¹⁰. Крамарж следил за эмигрантской прессой, в его личном фонде в архиве Национального музея (Прага) сохранились отдельные экземпляры различных эмигрантских газет и журналов и вырезки из них. Читал он очень внимательно, некоторые фразы подчеркивал красным карандашом, делал помет-

ки, выражавшие его мысли по сему поводу¹¹¹. Особо занимали его статьи, отмечавшие значение славянской идеи, содержавшие оценки Версальской мирной конференции, излагавшие представления о будущей России, и материалы по геополитике. Многие тезисы русских авторов напрямую переключались с его собственными идеями. 10 января 1924 г. Крамарж участвовал в организованной Национальным студенческим объединением беседе на тему "Духовные и душевные основы эмиграции"¹¹².

Он тесно сотрудничал с В.Л. Бурцевым, статьи и интервью чехословацкого политика публиковались в "Общем деле"¹¹³. По мнению А. Кунта, опубликовавшего статью в газете "Národ", Крамарж всегда относился к журналистам по-джентельменски, причем как к сторонникам, так и к противникам, никогда не давал неправильной информации, смело выступал в печати и не отделял личных интересов от национальных¹¹⁴. Русская эмигрантская пресса отслеживала выступления Крамаржа, охотно помещала и комментировала их.

В июле — августе 1926 г. Амфитеатров написал в газету "Возрождение" серию статей, посвященных русскому переводу книги Крамаржа "Русский кризис"¹¹⁵. Высоко оценивая труд автора, Амфитеатров укорял его за то, что "путеводителем по русской истории" тот избрал П.Н. Милюкова, а не С.Ф. Платонова¹¹⁶. Многие эмигранты с интересом прочли эту книгу Крамаржа. Профессор Белградского университета А. Билимович в письме от 23 июля 1926 г. благодарил Крамаржа за это произведение. В.П. Рябушинский писал из Парижа, что с интересом ознакомился с трудом Крамаржа и характеризовал автора как "славянина" и в то же время как "одного из западнейших из западных европейцев", которых он когда-либо встречал. Рябушинский был недалек от правды, предсказав, что удел "Русского кризиса" привлечь к себе большое внимание через 25 — 50 лет. И сейчас многие положения этой работы довольно любопытны и вызывают интерес у исследователей¹¹⁷. 17 мая 1927 г. М.Н. Гирс сообщал Крамаржу, что В.Т. Рафальский передал ему эту книгу¹¹⁸. Большой интерес у русских вызывали и другие работы Крамаржа, Д. Гримм в августе 1927 г. благодарил автора за присылку русского перевода книги "На защиту славянской политики"¹¹⁹.

Иногда материалов о Крамарже в русской прессе публиковалось даже слишком много. К.И. Зайцев на очередное предложение Амфитеатрова дать новую серию статей в "Возрождение" отвечал: "Ваши статьи о Крамарже застопорились, так как пришлось печатать самого Крамаржа и письма из Чехии о Крамарже — получилась перегрузка. Немного погоды можно будет

возвратиться — но ради Господа не шлите больше о Крамарже!"¹²⁰

Нередко русские эмигранты просили перевести и напечатать их статьи в печатном органе национальных демократов "Národní listy". С такой просьбой, например, обратился к Крамаржу в июне 1923 г. профессор русской литературы Одесского университета С.Г. Вилинский, живший какое-то время в Болгарии, а затем перебравшийся в Брно. Лично Крамаржа Вилинский не знал, политикой не занимался, а статья его была посвящена тяжелому положению русских в Болгарии¹²¹.

Кроме помощи отдельным эмигрантам и некоторым русским организациям, Крамарж давал средства на эмигрантские издания. С его помощью с 1920 г. в Праге выходил бюллетень "Rus Union" Л.Ф. Магеровского, причем деньги на это издание поступали по распоряжению Крамаржа и после его смерти — весь 1938 и 1939 г.¹²² Н. Давац, получивший от М.А. Суворина по его собственным словам "диктаторские" полномочия в отношении газеты "Новое время", сообщал Крамаржу в июле 1926 г. из Белграда о материальных трудностях и просил поддержать газету. Ее характер он определял как "национальная, консервативная, но не черносотенная", типа "Возрождения". Крамарж ответил согласием предоставить субсидию на девять месяцев в размере 4 тыс. чехословацких крон ежемесячно и исправно посылал деньги в Югославию¹²³. В 1927—1930 гг. И.А. Ильин был редактором-издателем журнала "русской волевой идеи" "Русский Колокол" (9 выпусков, Берлин). Несколько первых номеров профинансировал московский купец Н. Громов, остальные супруги Карел и Надежда Крамаржи, а также некоторые русские патриоты, в частности С.В. Рахманинов¹²⁴. Ильин поддерживал переписку с четой Крамаржей¹²⁵. В письме Надежде Николаевне от 22 апреля 1928 г. он писал: "С мая началось мое горение и кипение. Я оставил перед собой задачу — служить России и только России. Не лицам, не кружкам и не партиям. Печатать о том, что всего нужнее России — сейчас, сию минуту (для боевой борьбы), и на сто лет вперед (обновленный лик России). В одиноком и сосредоточенном углублении вырабатывал я программу журнала, тон его, необходимые темы и списывался с сотрудниками"¹²⁶. В другом письме Н.Н. Крамарж 19 мая 1932 г. Ильин характеризовал ее мужа: "Он, как остров, как твердыня и оплот, я чувствую в нем русскую душу и русскую волю, он как бы представитель России в Чехии..."¹²⁷ Через два года Иван Александрович, обращаясь к Надежде Николаевне, признавался: "Я храню Ваши письма все и только что привел их в порядок за все годы. Почти каждый день мысленно разговаривал с Вами, а временами обращался непосредственно к Кра-

релу) П(етровичу); статьи его, обращенные к Королю Александру, читал со слезами на глазах... Эти статьи К.П. — были полны такого истинно пророческого пафоса, что я испытал их как *исторические и вдохновенные свыше*"¹²⁸.

20 октября 1930 г. министр торговли Й. Матоушек сообщил Крамаржу, что за два года (1929 и 1930) еженедельнику "Россия и славянство", издававшемуся в Париже, при ближайшем участии П. Струве, в редакционный совет которого входили К.И. Зайцев, Л. Львов, С.С. Ольденбург, Г. Струве, Н.А. Цириков, было предоставлено в рамках акции помощи 800 тыс. крон. Представителем журнала в Праге был Петр Долгоруков¹²⁹. Он писал Крамаржу в сентябре 1934 г., что, благодаря помощи Матоушека, газета все еще выходит¹³⁰. С просьбой о совете и помощи обращались в марте 1931 г. к Крамаржу из Парижа редакторы журнала "Часовой", выходявшего третий год¹³¹.

Крамаржа всегда можно было встретить среди тех чехословацких политиков и государственных деятелей, которые проводили мероприятия в пользу русских эмигрантов¹³². Об одном из таких вечеров, устроенных осенью 1921 г. руководящими кругами чехословацкого общества, рассказывал в своей книге Д.И. Мейснер: «На этот бал собрался "цвет" пражского "общества", как чехи говорят *smetanka*, и в центре общего внимания — недавний премьер страны, один из организаторов подпольной борьбы против Австро-Венгрии, старый сторонник русской ориентации в чешской политической среде — П. Крамарж"¹³³. 9 января 1922 г. магистрат Праги, правительство ЧСР и Чехословацкий Красный Крест устроили рождественскую елку для русских детей, в числе присутствовавших — Э. Бенеш с супругой, В. Гирса, П. Шамал, К. Бакса, члены дипломатических миссий, и, конечно, К. Крамарж¹³⁴. 16 февраля того же года под патронатом дипломатического корпуса проводятся собрания "Русская беседа" в пользу русских студентов-эмигрантов, почетный гость — Крамарж. Известный социолог Питирим Сорокин, проживший в Чехословакии с женой девять месяцев в 1923 г., вспоминал о частых приглашениях на обеды и завтраки с Масариком, Бенешем, Крамаржем, Клофачем и другими чешскими политиками и деятелями культуры¹³⁵.

Много благотворительных вечеров и балов проходило непосредственно под патронатом четы Крамаржей; Надежда Николаевна принимала в их организации непосредственное участие. 12 октября 1922 г. был устроен вечерний чай в честь II съезда Русских академических организаций¹³⁶.

Большую помощь чехословацкий политик и его жена оказывали учащейся молодежи. И русская, и чешская молодежь любила Крамаржа. А.А. Хитьков писал: "Понимание настроен-

ний молодежи, ее постоянного "бунтарства", способность в яркой, заостренной форме высказать то, что молодежь чувствует, но не умеет передать, умение быть авторитетным без надоедливого и скучного менторства объясняют исключительный успех К.П. Крамаржа у молодежи"¹³⁷. Когда только русские студенты стали появляться в ЧСР, не все из них смогли сразу получить помощь от Русского комитета, организованного чехословацким правительством. Почти каждому из вновь прибывших пришлось переждать несколько тяжелых месяцев и учиться, не получая средств. Для помощи им была организована комиссия, которая помогала временно, выдавая обеды и одежду, оплачивая право на учение, поддерживая больных. В ее состав наряду с профессорами Д.Д. Гриммом, Е.Л. Зубашевым, Д.П. Кишенским, Е.В. Спекорским и студентами М.М. Ситниковым и П.П. Кириевым с самого начала входила Надежда Крамарж. В 1927 г. Комиссия превратилась в постоянную, в составе Н.Н. Крамарж (председатель), В.С. Ильин (заместитель председателя), В.А. Францев, А.А. Вилков, М.М. Ситников (казначей), А.И. Рыбасов (секретарь). Задачи комиссии изменились: в условиях сокращения правительственной помощи увеличилась необходимость привлекать частные пожертвования. Комиссия обращалась к чешской и русской общественности присылать взносы деньгами, бельем, одеждой, обувью и т.п. До 31 декабря 1928 г. комиссии удалось собрать 78 840 чехословацких крон¹³⁸.

Русские студенты Люблянского, Загребского и Белградского университетов в декабре 1922 г. писали Крамаржу о принятии его в почетные члены своих союзов¹³⁹. В январе 1923 г. председатель Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) Б.Н. Неандер благодарил Крамаржа за субсидии журналу "Студенческие годы", в апреле 1924 г. бюро конференции ОРЭСО под председательством И. Савченко приветствовало Крамаржа от имени 12 500 русских студентов¹⁴⁰. С октября 1924 по октябрь 1925 гг. К. Крамарж через Б.Н. Неандера выдавал ежемесячно по 2 тыс. крон для помощи студентам, не имевшим правительственных стипендий, с 1926 г. — по 1 тыс. чехословацких крон, сверх того отпускал деньги на издательскую деятельность русских студенческих организаций, 4 тыс. крон он предоставил делегатам РНСО в марте 1926 г. на дорогу в Париж на зарубежный съезд¹⁴¹. В отчете о расходовании 52 240 чехословацких крон, пожертвованных К.П. и Н.Н. Крамарж на оказание помощи русским студентам, не получавшим правительственные стипендии, значились следующие статьи расходов: на экипировку, обеды и ужины, академические расходы, т.е. плата за право учения и экзамены, усиленное питание больным, пособия семейным, устройство

елки для детей студентов, помощь нуждающимся¹⁴². В конце 20-х — начале 30-х годов XX в. в связи с тяжелым материальным положением, в виду плохого здоровья для улучшения питания, для уплаты за экзамены русские студенты различных учебных заведений, не получавшие стипендий (в 1928 г. таких было 34 человека, в 1932 — всего двое), обращались за помощью к Крамаржу. Карел Петрович выдавал им деньги через Комиссию помощи русским студентам в ЧСР¹⁴³. В 1930 г. Объединение русских окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗ) писало Крамаржу из Америки: "Мы русские, прожившие долгие годы в Чехословакии, никогда не забудем того, что было сделано лично Вами для всего студенчества русского за рубежом, профессоров и ученых"¹⁴⁴.

Преимущественно тяжелый физический труд, недостаточное питание, лишения предшествующих лет, стесненные жилищные условия сказывались на состоянии здоровья русских эмигрантов. Очень распространенным заболеванием был туберкулез. Денег на лечение не хватало. Чета Крамарж помогала больным и страждущим: епископ Сергей от лица общего собрания членов прихода при церкви св. Николая в мае 1927 г. благодарил Надежду Николаевну за предоставление русским больным, находившимся в пражских больницах суммы в 3 тыс. крон¹⁴⁵.

Многие эмигранты занимали у Крамаржа деньги в долг с обязательством "вернуть при первой возможности". Брали в долг на организацию дела, устройство кооперативных курсов, проведение мероприятий, театральные постановки... Сохранилось множество расписок, как правило, без указания срока возврата денег. Часто Крамарж через секретаря Л.Б. Грунда дарил небольшие суммы по 100—300 крон отдельным лицам¹⁴⁶. Помощь богатых людей нуждающимся, хоть и вызывает уважение, но по-христиански выглядит вполне естественной. Больше поражает помощь уже не богатых, а именно в таком положении оказалась семья Крамарж в 30-е годы — они были все в долгах¹⁴⁷. Вызвано это было разными причинами: потерей доходов Надежды Николаевны, расходами на строительство нового дома на родине Крамаржа в Высоком над Йизероу, кризисом начала 30-х, сильно сократившим прибыль на текстильных предприятиях главы семейства.

Работа над проектом дома в Высоком началась в июле 1927 г. архитектором В. Брандтом. Надежда Николаевна особо экономить не любила, привыкнув жить на широкую ногу, она размахнулась со строительством и на этот раз. Задуманный как летняя дача, дом производил впечатление сказочного замка. Но супруги старались не исключительно для себя: как и в случае с

крымской виллой "Барбо" резиденция в Высоком задумывалась не только как частный дом, но и как возможное место отдыха чешских писателей и журналистов¹⁴⁸. Непосредственно строительные работы вел архитектор Тумпах. На строительство ушло около 2 млн крон. 30 июля работы были закончены, но супруги никак не могли расплатиться с Брандтом (см. также гл. 3). В 1933 г. Крамарж решил взять под пражскую виллу кредит, но над ним нависла угроза исполнения когда-то взятых на себя обязательств городу о преимущественной покупке дома на Баште (Бастионе) св. Томаса за первоначальную цену (до войны строительство пражской виллы обошлось Крамаржу в 1 млн крон, а в 30-е годы вилла стоила около 10 млн). Крамарж обратился в городской совет с просьбой освободить его от этого обещания. Представители всех партий кроме коммунистов согласились удовлетворить просьбу Крамаржа, тем более что земельный участок под дом был куплен им самим¹⁴⁹. Однако несмотря ни на какие трудности, помощь эмигрантам продолжалась.

Многие русские эмигранты помнили Крамаржа как активного деятеля неославистского движения. Помощь беженцам из России можно рассматривать и как непосредственное выражение его славянской политики. Зная его интерес к славянской идее и истории славянского движения, организаторы торжественного собрания в Русском народном университете в честь 100-летия со дня рождения И.С. Аксакова, предоставили чешскому патриарху вступительное и заключительное слово¹⁵⁰. К нему и Т.Г. Масарику (иногда через Крамаржа) обращались некоторые эмигранты со своими проектами и планами, как теоретическими, так и чисто практическими. 26 июля 1919 г. Е. Кельчевский писал Т.Г. Масарику из Парижа, приглашая его участвовать в учреждении Славянского комитета и его руководстве для проведения единой политики государств Восточной Европы на основе славянской ориентации¹⁵¹. К письму прилагался детально разработанный проект устройства и деятельности комитета. В личном фонде Крамаржа отложились меморандум и записка С. Маракуева "О способах обновления народного хозяйства Юго-восточного края"¹⁵². К Крамаржу взывали и когда надежды на помощь Масарику не оправдывались¹⁵³. Русские эмигранты присылали ему свои книги, доклады, записки для ознакомления, желая знать его мнение¹⁵⁴. Председатель Русского Красного Креста в ЧСР, староста Русского сокольства за границей, один из соратников по неославистскому движению профессор Д.Н. Вергун в письме Крамаржу от 27 апреля 1927 г. делился своими впечатлениями от речи последнего на Славянском острове и от его книги "В защиту славянской политики".

Как генеральный секретарь Всеславянского исполнительного комитета, избранного на втором подготовительном неославянском съезде в Софии в 1910 г. (К. Крамарж был председателем этого комитета), Вергун напоминал, что в следующем 1928 г. исполнится 20 лет со дня первого подготовительного неославянского съезда в Праге в 1908 г. и предлагал созвать III неославянский подготовительный съезд в Братиславе на Пасху или Троицу 1928 г. К этому письму прилагался подробный план мероприятия и список возможных участников с темами предполагаемых докладов¹⁵⁵. Иногда эмигрантские проекты и идеи были просто-напросто фантастическими. И.А. Владиславлев в апреле 1936 г. предлагал, например, организовать наступление чехов на Дальнем Востоке, что, по его мнению, "отбило бы у Гитлера и поляков всякую охоту к военным авантюрам"¹⁵⁶. Участие Крамаржа в славянском движении не забывали: в декабре 1930 г. товарищ председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества А.А. Башмаков поздравлял его с днем рождения из Парижа¹⁵⁷. Надежда Николаевна покровительствовала комитету русских женщин-эмигранток — филиалу основанной Б. Смоларжовой-Чапковой организации "Единство славянских женщин"¹⁵⁸.

Русско-чешская чета тесно сотрудничала с отдельными русскими организациями. Кроме помощи галлиполидцам, Крамарж интересовался и поддерживал "Русский Сокол": I (1923) и III (1926) съезды русских сокольских организаций за границей присылали ему приветствия¹⁵⁹, на II съезде (1924) он состоял почетным гостем¹⁶⁰. Его супруга покровительствовала русским курсам при Академической группе во главе с И.И. Лаппо, а затем С.Г. Пушкаревым¹⁶¹. Курсы были организованы в середине 20-х годов для русских детей и детей из смешанных чешско-русских семей, учившихся в чешских школах. На курсах преподавали Закон Божий, русский язык, русскую историю и русское хоровое пение. Обучение было бесплатным, курсы существовали на небольшое пособие от министерства народного просвещения и ежегодные пожертвования из личных средств Н.Н. Крамарж. Два раза в год детей водили к почетной попечительнице и после короткого представления дети получали прекрасное угощение. С.Г. Пушкарев вспоминал: "Два или три раза в год я с радостным волнением отправлялся в усадьбу Крамаржей для личного доклада Надежде Николаевне. Она приветливо меня принимала и дружески со мной беседовала часок-другой"¹⁶².

Помощь Крамаржа русским эмигрантам заключалась не только в материальной поддержке. Обращались к нему с просьбами разного рода. В начале 30-х годов в Чехословакии было

крайне тяжело трудоустроиться. Связано это было как с экономическим кризисом, так и с тем обстоятельством, что многие русские эмигранты уже закончили среднетехнические и высшие школы в Чехословацкой республике и искали работу. Трудно было как недавним студентам, так и их профессорам. К чешскому политику обратилась целая группа русских профессоров, в числе которых В.С. Ильин, А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, Н.Л. Окунев и другие, с просьбой помочь в устройстве в чешские и словацкие высшие учебные заведения. Через советника министерства школ и национального просвещения доктора Гавелку удалось устроить с 1934 г. на философский факультет Карлова университета профессоров А.А. Кизеветтера, Н.Л. Окуневу и Д.И. Дорошенко, на факультет естествознания — М.М. Новикова, В.С. Ильина и Е.Л. Буницкого, на медицинский факультет — Н.Е. Осипова, в университет Коменского в Братиславе — Е.Ю. Перфецкого, в немецкий университет в Праге — С.И. Гессена и П.Н. Савицкого, с оплатой в 2 тыс. крон в месяц¹⁶³.

Закончивших вузы русских на государственную службу не брали, так как они не имели чехословацкого гражданства. Чтобы облегчить русской интеллигенции поиск работы, Крамарж обратился в министерство внутренних дел ЧСР с предложением предоставить русским эмигрантам возможность получить чехословацкое гражданство. Он полагал, что долг чехословацкого государства отблагодарить русский народ и его армию, из рядов которой и вышло большинство эмигрантов, за помощь, без которой чехословацкая независимость не была бы достигнута. В этом письме от 8 мая 1933 г. он писал: "Я не ставлю в вину тем русским эмигрантам, которые у нас уже долго живут и только теперь — вероятно из соображений материальных — просят нас принять их в чехословацкое гражданство — причина этому патриотизм и сила веры, что они вернуться на родину"¹⁶⁴. Да и сам он верил, что рано или поздно эмигранты возвратятся в освобожденную Россию, и считал, что если они сохранят благодарность Чехословакии, то и российско-чехословацкие отношения в будущем станут самыми тесными¹⁶⁵.

В начале 30-х годов Карел Петрович активно поддержал инициативу Русского кружка в Кошицах провести общественный сбор на территории всей республики с тем, чтобы получить средства на памятник русским воинам, павшим в северо-восточной Словакии в годы мировой войны. В сентябре 1932 г. состоялось торжественное открытие памятника в г. Бардеёв¹⁶⁶.

В мае 1934 г. Крамарж, желая помочь инициаторам создания Русского культурно-исторического музея председателю Русского свободного университета в Праге М.М. Новикову,

бывшему личному секретарю Л.Н. Толстого, а затем директору толстовского музея в Москве писателю Валентину Федоровичу Булгакову, членам музейной комиссии профессорам Францеву, Шахматову, Окуневу и доценту Саханеву, обратился к своему знакомому, владельцу зbrasлавского замка крупному предпринимателю-меценату Ц. Бартоню-Добенину с просьбой предоставить часть замка для размещения музейных коллекций¹⁶⁷. Усилиями Крамаржа и его друзей музей был создан¹⁶⁸. В июне 1935 г. директор Русского культурно-исторического музея В.Ф. Булгаков сообщал меценату, что музей создан при Русском свободном университете и его музейной комиссии и расположен в Зbrasлавском замке, удалось достать предметы внутреннего оборудования, собрать ценные коллекции: картины, скульптуру, предметы прикладного искусства, русской старины, миниатюры, книги, рукописи и т.п. Но, чтобы открыть музей для посетителей, нужны еще рамы, подставки, шторы, а также надо перевезти некоторые предметы в Зbrasлав. Организаторам требовалось еще 1500—2000 крон, которые они предполагали достать в виде кредита в банке; политика просили поддержать их ходатайство. В музее планировалось сосредоточить русские коллекции из Италии, Америки, Бельгии, Польши и других стран¹⁶⁹. Надежда Николаевна, большая поклонница театра, в свою очередь помогала пособиями как отдельным актерам и актрисам, так и театральным труппам¹⁷⁰.

В самом конце декабря 1918 г. к Крамаржу из Берна обратился М. Бибииков с вопросом о положении русского православного храма в Праге (речь шла о храме св. Николая на Староместской площади, арендованного Россией у Австро-Венгрии, но отобранного в связи с войной. — *Е.С.*). Он спрашивал, намерено ли чехословацкое правительство вновь его открыть для богослужения и оставить в нем прежний порядок, т.е. проводить богослужения по очереди на славянском и на чешском языках. "Сохранение этой церкви, — писал он, — было бы живым памятником уже близких отношений, которые существовали и, я уверен, будут существовать между Россией и Чехией"¹⁷¹. Здесь же он признавался, что не знает, где теперь находится бывший настоятель русской церкви в Праге протоиерей Рыжков¹⁷² и удалось ли ему выжить в Петрограде, но сообщал, что в Швейцарии проживает дьякон церкви А. Соловьев, который мог бы приехать в Прагу и обсудить этот вопрос как член прихода. Ответ чешского политика от 7 марта 1919 г. в отношении богослужений и приезда Соловьева был положительным.

Митрополит Евлогий прибегнул к Карелу Петровичу 15 марта 1923 г. за содействием, описывая плачевное положение русской церкви в ЧСР. Митрополит напоминал, что уже полвека

русская православная церковь в Праге, Карлсбаде, Мариенбаде и Францисбаде находилась под управлением русских церковных властей. Они поручили ему организовать в Праге приходскую общину, но назначенному туда протоиерею Спаскому не выдают визу, стесняют в отпращивании православных обрядов, ведении метрических документов, подчинили общину пану Червинке¹⁷³. Евлогий самому предложили покинуть Прагу в 74 часа. Митрополит просил Крамаржа поддержать самостоятельность русской церкви подобно той, которую она имела в Австрии¹⁷⁴. В 1923 г. сторонники чешского деятеля при его участии устроили в Праге манифестацию против гонений на русскую церковь¹⁷⁵.

Поздравляя Крамаржа с 65-летием, глава русской православной церкви за рубежом писал из Парижа: "Русским дороги не только симпатии к России, а глубокое и проникновенное понимание и истолкование России, широкая славянская идеология"¹⁷⁶. Б.Н. Лосский в своих воспоминаниях "В русской Праге (1922 — 1927)" писал: "Русский православный приход в Праге существовал с дореволюционных лет и помещался в той же великолепной барочной церкви св. Николая (бывшей католической), построенной в 1735 г. "пражским Растрелли" К.И. Динцехофером на Старогородней площади в 2-х шагах от главной ратуши. Там под сводами с вычурными штукатурными рельефами и фресками рококо, покачивалась, слегка ворочаясь в обе стороны, пожалованная в свое время последним государем, не идущая к стилю постройки богатая люстра в форме широкой диадемы из золоченой бронзы, украшенной хрустальными медальонами и подвесками, по виду, по примеру романтической люстры Хильдесхаймского собора. Не знаю, когда (вероятно около 1918 г.) и на каком основании в храм вселилась новооснованная чехословацкая церковь, и в наше время перед и после православных богослужений приходилось устанавливать и разбирать переносной иконостас. Настоятелем нашего прихода, принадлежащего парижской, возглавляемой митрополитом Евлогием юрисдикции, был епископ Сергей, в миру Королев, выпускник Академии петербургской Александровской Лавры, весьма подходивший к барочной архитектуре храма своей живописной внешностью архиерея елизаветинской эпохи, словно сошедший с портрета кисти Антропова"¹⁷⁷.

Супруги Крамаржи оказали неоценимую поддержку русским православным в создании храма-часовни на Ольшанском кладбище. Чета Крамаржей горячо поддержала начинание Приходского совета по строительству кладбищенской часовни. Приход не пользовался правами юридического лица, а церковное имущество необходимо было обеспечить правовыми гаран-

тиями. С этой целью было основано Братство для погребения православных русских граждан и содержания в порядке их могил. Благодаря посредничеству Карела Петровича устав Братства был утвержден властями, а Надежда Николаевна в июне 1924 г. единодушно была избрана его председательницей. Чета Крамаржей обеспечила и приток средств на храм Успения¹⁷⁸. Из полумиллиона чехословацких крон не менее четырех пятых было получено благодаря им¹⁷⁹. Кроме крупного личного дара и богатых сборов, К.П. Крамарж одновременно передал Братству от неизвестного щедрого жертвователя 300 тыс. крон¹⁸⁰. 11 сентября 1924 г. состоялась торжественная закладка храма-часовни и освящение фундамента православного храма, на которой присутствовала Н.Н. Крамарж¹⁸¹. В ноябре того же года Надежда Николаевна во главе Дамского комитета устраивает "Чай" в пользу строительства русского храма-часовни. Вечер предусматривал художественную программу и танцы при участии Е. Никольской и г-на Ремиславского и их балетных школ¹⁸². Надежда Николаевна еще не раз устраивала благотворительные "чаи" во дворце "Люцерна" и собрания профессионалов в своей вилле для обсуждения вариантов строительства¹⁸³. Автором проекта храма-часовни являлся профессор В.А. Брандт и его ученики С.Г. Клодт и Н.П. Пашковский. Пять колоколов пожертвованы королем СХС Александром¹⁸⁴, четою Крамарж, русскими эмигрантами в Чехословакии, митрополитом Евлогием и епископом Сергием. Снаружи храм украшен мозаиками по эскизам И.Я. Билибина, внутреннюю роспись стен, сводов и иконостаса выполнил К.М. Катков по проектам и под руководством того же художника. 22 ноября 1925 г. состоялось торжественное освящение храма при участии русского православного митрополита Западной Европы. Председательницей торжества была Н.Н. Крамарж¹⁸⁵. Супруги принимали участие во всех мероприятиях, связанных с освещением храма. В знак глубокой признательности за исключительную заботу их имена были увековечены в надписи старорусским письмом на фасаде церкви¹⁸⁶. А через год супруга лидера национальных демократов участвует в обряде богослужения, совершаемого епископом Сергием в Успенском храме по случаю посадки первых деревьев в честь годовщины освящения храма¹⁸⁷.

Надежда Николаевна долгие годы являлась председателем, а затем членом совета Успенского братства для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил¹⁸⁸. Карел Петрович был его почетным членом¹⁸⁹. Общее собрание Успенского братства в марте 1931 г. приняло резолюцию с выражением благодарности К. Крамаржу "за глубоко трогательное отношение к русскому горю, за

изумительную чуткость... в понимании потребности русских изгнанников иметь свой храм"¹⁹⁰. В связи с болезнью Надежда Николаевна решила оставить пост председательницы Братства. Но его члены в своем заявлении от ноября 1933 г. "протестовали" против ее ухода с этого поста, описывали историю возникновения Братства и построения храма Успения, а также огромную роль Н.Н. Крамарж в организации ряда паломничеств и торжеств, воздаянии дани преклонения павшим братьям, обеспечении достойных похорон умерших, в благоустройстве их могил¹⁹¹. Надежда Николаевна осталась почетной председательницей Братства, а председателем его стал епископ Сергей. Летом 1936 г. в связи с конфликтом внутри Братства Надежда Николаевна сложила с себя звание председательницы совета, и супруги отказались от звания его почетных членов. По этому поводу Постоянное совещание русских национальных организаций в Праге, обращаясь к чете Крамарж, писало: "Мы хорошо знаем, как бесконечно много сделано Вами для национальной России, для русских национальных организаций за рубежом и для многих членов этих организаций в отдельности. Мы знаем это, всегда это помним и никогда и ни при каких условиях не забудем"¹⁹².

Крамарж старался помочь русским православным в Словакии и Подкарпатской Руси: в апреле 1926 г. он обратился в президиум министерства по делам Словакии с запросом о государственной дотации на строительство православного храма в Ладомировой¹⁹³, получив ответ, что окончательное решение о выделении дотации будет принято министерством школ и народного просвещения. Здесь в Ладомировой усилиями архимандрита Виталия (Максименко) образовалась православная миссия, с 1924 г. действовала церковная типография, вскоре превратившаяся в единственный в Европе издательский центр православной литературы на русском языке, был построен храм¹⁹⁴. В мае того же года православная община с. Крива в округе Хуст просит Крамаржа оказать помощь для сооружения церкви (5 тыс. собрали прихожане, 20 тыс. обещали выделить местные власти в Ужгороде, не хватало 35 тыс). Крамарж, уже имевший опыт подобных ходатайств, ответил, что послал просьбу в министерство школ и просвещения, которое ведало и вопросами отправления культов¹⁹⁵. В 1930 г. в письме Крамаржу протоиерей В. Коломацкий рассказывал об открытии возведенного на народные средства храма в Ужгороде в память русских воинов, павших на Карпатах в годы мировой войны, и выражал надежду на пожертвования. Вероятно, надежды были не напрасными, так как в 1935 г. настоятель этого храма иеромонах Аверкий шлет Карелу Крамаржу горячие поздравления

ко дню рождения¹⁹⁶. Лидер национальных демократов старался помогать православным в Чехословакии, не вникая в тонкости и сложности отношений внутри православной церкви. Русская православная церковь в Праге находилась в юрисдикции парижского митрополита Евлогия, церкви Словакии и Подкарпатской Руси относились к юрисдикции Сербской православной церкви¹⁹⁷.

Достаточно широкий круг людей был вхож в дом Крамаржа. Еженедельно супруги устраивали "русские" приемы. Приглашенных бывало до 70 человек, и большой зал виллы пришлось даже расширить. Чхеидзе с иронией писал, что супруги Крамаржи, особенно Надежда Николаевна, принимали гостей с видом "коронованных особ"¹⁹⁸. Однако сколько людей, столько и мнений — профессор А.И. Глазунов, например, вспоминал об этих приемах иначе: «Дом Крамаржей был широко открыт. Вилла Крамаржей была как бы русским островом на чужбине. Приветливые, гостеприимные хозяева, роскошная, барская обстановка, незабываемое радушие и чисто русские беседы "обо всем", заставляли забывать, что мы не в России. На четвергах у Крамаржей собиралась вся элита русской эмиграции в Праге, и каждый русский, занимавший положение в дореволюционной России, попадая в Прагу, считал своим долгом быть у Крамаржей, и все уходило от них очарованными гостеприимством и хлебосольством. С виду строгая, даже величественная, Надежда Николаевна умела как-то подойти к человеку и до глубины души тронуть его своей заботливостью и участием. Те, кто часто посещал как их еженедельные "русские" четверги, так и большие приемы, на которых выступали — как русские артисты с мировыми именами, так и молодые таланты, которых Надежда Николаевна с такой радостью отыскивала, — никогда не забудут этого периода жизни в Праге»¹⁹⁹.

Д.И. Мейснер тоже оставил свидетельство о приемах в доме чешского деятеля: «На широкой аллее, ведущей к подъезду богатого особняка Крамаржа, можно было в определенные дни недели видеть направляющихся туда русских эмигрантов в их старорежимных пальто довоенного образца и плохо разглаженных брюках, в шляпах, как-то не по-пражскому надетых. Эти люди уже по внешнему виду сильно отличались от собиравшихся в вилле Крамаржа капитанов чешской промышленности, крупной торговли, пражских интеллигентов. Кто только там ни побывал! Многие известные русские генералы старой России, руководители белой армии, представители эмигрантского православного духовенства, ученые консервативного и умеренно-либерального направления, политики правого толка, писатели, а то и просто отощавшие на чужбине эмигранты,

ставшие прихлебателями. Все эти, часто совсем разные, люди находили у Крамаржа и стол, и дом"²⁰⁰. Сам Карел Петрович вспоминал об этом так: "Это были для нас обоих забываемые минуты; мы видели, что наши русские гости, приходя к нам, отдыхали душой и чувствовали себя в эти мгновения как дома. Наши воскресные обеды являлись для нас, действительно, большой радостью. У нас бывали С.Д. Сазонов, П.Н. Новгородцев, П.Б. Струве, Е.В. Спекторский, кн. П.Д. Долгоруков, Е.Н. Чириков, и многие другие, а Надежда Николаевна временами забывала, что она находится в Праге "На Баште". Было бы упущением с моей стороны, если бы я не упомянул о том, что С.Д. Сазонов оказался совсем иным человеком, чем его изображали политические противники, и как нам было приятно, что он так любил бывать у нас. Проф. П.И. Новгородцев вскоре умер, С.Д. Сазонов перебрался в Париж, разъехались и многие другие, и мы лишились этих приятных часов за нашими воскресными обедами"²⁰¹. Профессор Б. Немец вспоминал о напряженных отношениях правительственной группировки "Град" и Крамаржа. По его словам, доходило до смешного: "Между русскими эмигрантами, которых д-р Крамарж время от времени приглашал к себе в гости, Град нашел человека, который доносил о том, что в этой компании пили, а главное, о чем говорили. Мы узнали об этом от одного человека из Града, которому это шпионство показалось совсем непорядочным делом. Русские эмигранты выявили этого доносчика, и д-р Крамарж больше его к себе уже не приглашал"²⁰².

Достаточно близкие отношения были у Карела Петровича с П.Б. Струве, жившим в Праге в 1922 — 1925 гг.²⁰³ Тесно сотрудничал он с В. Бурцевым, помещая статьи в "Общем деле". В связи с 60-летием Крамаржа в 1920 г. Бурцев в телеграмме выражал ему наилучшие пожелания как "твердому чешскому патриоту и верному другу России". "Россия быстро освободится от большевистского ига и с благодарностью вспомнит о Вас за Ваше страстное к ней отношение в час тяжелых испытаний"²⁰⁴, — писал он. Естественно, что не со всеми у четы Крамарж устанавливались дружеские или приятельские контакты. Б.Н. Лосский, например, вспоминал, что у его семьи близкого общения с русофильски настроенным лидером партии национальных демократов и "его властной супругой" не установилось. Но и знакомый с его отцом философом Н.О. Лосским президент Масарик, бывавший в 1917 г. в их петербургской квартире, ограничился лишь тем, что после их приезда в Прагу "соблаговолил дать отцу и бабушке личную аудиенцию"²⁰⁵.

В мемуарах Чхеидзе говорится о том, что русские эмигранты не без основания полагали, что если бы Россия вышла из

войны вместе с союзниками победительницей, то Крамарж, безусловно, занял бы ведущее место среди чехословацких политиков, возможно, стал бы "наместником" в Чехии. Но Россия не присутствовала на Парижской мирной конференции, не определяла границы и устройство послевоенной Европы, соответственно и Крамарж не занял центрального положения на политической сцене ЧСР. «Тем не менее, — писал он, — значительная часть "правых" русских эмигрантов считала Крамаржа — если и не формально, так по существу — за первого мужа страны и относилась к нему с соответственным уважением, как если бы он и вправду был "наместником". Такое отношение льстило пани Крамарж, которая безоговорочно его принимала, а сам Крамарж, человек в высшей степени честолюбивый, трагически переживавший, что не стал "первым", допускал такую возможность хотя бы в стенах своего дворца»²⁰⁶. Уважение к чешскому политику эмигранты выражали, часто выбирая его почетным членом или председателем своих обществ. В марте 1923 г. он вместе с председателем Чехословацкого Красного Креста старшей дочерью Масарика Алисой и рядом чешских профессоров был избран почетным членом Союза русских студентов в Чехословакии²⁰⁷. Летом 1928 г. правление колонии русских из г. Белая церковь (Банат, Королевство СХС) обратилось к Крамаржу с просьбой прислать фотографию с тем, чтобы разместить ее "рядом с портретами лиц, наиболее близких и дорогих русскому сердцу" — короля Александра и Николы Пашича. В этом городе располагались русские Крымский кадетский корпус и Донской Мариинский женский институт. Письмо от имени почти 1 тыс. русских, составлявших эту колонию, подписал известный военный педагог генерал-лейтенант Владимир Валерианович Римский-Корсаков²⁰⁸.

Торжественно проходили празднования юбилеев самого патриарха чехословацкой политики. 23 декабря 1920 г. молодое поколение национальных демократов устроило вечер в честь отца-основателя партии. От русских на вечере выступил редактор пражского отделения "Общего дела" К. Белговский, заявивший, что юбилей Крамаржа — общий и чешский, и русский праздник. Выражая мнения многих русских, он сказал, что "никто из иностранцев так не понял, так не полюбил Россию и так много для нее не сделал, как Карел Крамарж"²⁰⁹. Продолжая, Белговский несколько патетически, но соответственно поводу, декларировал: "Еще, когда в Чехии распорядился австрийский режим, мы знали К. Крамаржа как вождя славян. В годы войны К. Крамарж спланировал славянские народы, вел большую освободительную борьбу за свой народ. Мы хотели помочь чехам, перейти Карпаты, но нам этого не удалось. Сейчас, когда мы

стали безвластны и бессильны, многие переменили свое отношение к России. Карел Крамарж остался верен. На Парижской мирной конференции он смело выступал за интересы России. Он остался лучшим другом России. Имя К. Крамаржа мы запишем на страницах нашей новейшей истории совместно с именами лучших борцов за освобождение и возрождение России"²¹⁰.

В чествовании 70-летия Карела Крамаржа принимали участие крупные эмигрантские организации, в том числе Земгор, Русское эмигрантское совещание. С приветствиями и поздравлениями выступали А.С. Ломшаков, С.В. Завадский, И.И. Лаппо, епископ Сергей, С.И. Варшавский, Н.А. Цуриков, генерал Ходорович, Д.Н. Вергун, И.М. Брушвит. После заседания был устроен концерт с участием певицы А.П. Свечинской и пианистки Е.М. Покровской²¹¹. Русская эмигрантская пресса всего мира не обошла это событие. Парижская газета "Последние новости" писала, что русская эмиграция без различия политических и идейных направлений поздравляла К. Крамаржа как "откровенного приятеля России и выдающегося славянского деятеля"²¹². Хотя, как отмечала А. Копрживова, "тесный контакт с супругами Крамарж вредил репутации эмигрантов в глазах большинства чешской общественности (из-за конфликта с "Градом". — Е.С.), однако окончательно расстаться с ними им не позволяло сознание долга и чувство благодарности за все, что супруги Крамарж для них сделали"²¹³.

Вышли в свет несколько книг и сборников статей о нем к юбилею, они при всей своей заданности, могут служить специальным историческим источником, не столько даже о его жизни, сколько о его связях и отношениях как с чешскими, так и с русскими деятелями. Все чешские крупные газеты поместили материалы к 70-летнему юбилею Крамаржа. Весьма показательна статья "Pravo lidu", где тот называется видным политиком чешской буржуазии и говорится, что во время возвращения его в Прагу осенью 1918 г. состоялась самая большая манифестация за чешское государство. Газета писала: "Можно сказать, что в русском вопросе д-р Крамарж более консервативен, чем в нашей внутренней политической жизни. Наметился поворот вправо от довоенной линии К. Крамаржа в отношении к немцам, не идет ему роль крупного националиста, так как он интеллектуальный европан. Он наш противник, но самый выдающийся"²¹⁴.

Некоторые чехословацкие политики упрекали Крамаржа в национализме, обращали внимание на его симпатии к итальянскому фашизму, его поддержку политического блока Й. Стршибрнего "Народное единство", поэтому в чехословац-

кой, а затем и в советской историографии политика Крамаржа в 30-е годы обозначалась как профашистская, нередко его просто называли фашистом. Но, как справедливо писал З. Сладек, несмотря на раздутый национализм, неприятие "режима партий" и яркий антибольшевизм, ни "Народное единство", ни Чехославянская Национально-демократическая партия не были фашистскими организациями. А между «немецким нацизмом и чешским "Народным единством" пролегла непреодолимая пропасть чешского антинемецкого национализма»²¹⁵. Отвечая на вопрос "стал ли Крамарж фашистом в 30-е годы?", Сладек писал: "Ни в коей мере", — называя Крамаржа "ультраконсервативным патриотом"²¹⁶, и с этим мнением чешского историка можно согласиться. К тому же русские эмигранты, наоборот, приветствовали его национализм²¹⁷. Писатель Е. Чириков писал в конце 1930 г.: "В наступившем хаосе социальных идей и отношений намечаются две устремленности: с одной стороны, вихрь интернационализма, а с другой — вихрь национализма. Даже в царстве самого III Интернационала, в Совдепии, никогда еще не было такого расцвета национальных устремлений, национального сепаратизма, как ныне... Порою кажется, что история утратила логику своих событий... И для нас, русских, нет иного орудия преодолеть Красного Дьявола и сбросить позорное рабское ярмо с душ и плеч своего народа — как пробуждение и заострение национального сознания, национального чувства и национального пафоса"²¹⁸. Крамаржа он называл национальным героем. Уже после его смерти его сторонник профессор Б. Немец говорил, что печатный орган национальных демократов "Národní listy" всегда был национальным и либеральным, и никогда не был шовинистическим. "Любовь к собственному народу без ненависти к чужому народу — это основа национализма Карела Крамаржа, и это знали немцы, обращались к нему с просьбами", — писал он²¹⁹.

Благодарность в адрес Крамаржа высказывалась не только в связи с его юбилейными датами. В октябре 1931 г. П. Витковский из Харбина писал ему: "Вы чувствуете и страдаете во сто крат больше за Россию, чем многие русские"²²⁰. Любопытно, что даже бывшие идейные противники Крамаржа с уважением отзывались о нем. 16 января 1936 г. он получил письмо от П. Звездича, который нередко критиковал Крамаржа в "Русских ведомостях". Он писал, что никогда примитивно не объяснял нелюбовь Карела Крамаржа к большевикам конфискацией имущества его супруги. "Вы умеете отделять политическую борьбу от личной вражды", — заявил он чехословацкому политику. «Мое критическое отношение к некоторым Вашим политическим выступлениям, — писал он далее, — не помешало мне

забить тревогу в печати, когда Вам венским судом был вынесен жестокий приговор, и выступил со статьей "Обезглавленная нация", в которой взывал к мировой общественной совести»²²¹.

Профессор Б. Немец вспоминал, что в широких народных кругах д-р Крамарж пользовался уважением и любовью. Он также подчеркивал, что "многие из его (Крамаржа. — Е.С.) политических противников высоко ценили его. Несмотря на то, что они во многом могли его упрекнуть, они признавали, что он проделал огромную работу на благо своего народа. Они признавали его честность и бескорыстие"²²². Это подтверждал и А. Сташек, который, хоть и разошелся с Крамаржем по политическим вопросам, отношению к славянам, России, социальным проблемам, но тем не менее признавал в нем выдающегося политика и одну из наиболее заметных личностей чешской истории на протяжении 40 лет²²³.

Карел и Надежда Крамарж оказали разнообразную щедрую помощь и поддержку россиянам в изгнании. Выражением глубокой благодарности супругам стало их захоронение в крипте православного Храма на Ольшанах. Надежда Николаевна покинула этот мир 3 декабря 1936 г. Как вспоминал К. Крамарж, он намеревался похоронить ее в своем семейном склепе в Высоком, но затем решил, что лучшим местом ее успокоения будет церковь-часовня Успения Пресвятой Богородицы. На самом деле представители местной католической церкви отказались дать разрешение на похороны православной Н.Н. Крамарж в семейном склепе в Высоком над Йизерой, тогда-то Карел принял предложение "Успенского братства" похоронить супругу в крипте церкви Успения Богородицы на Ольшанском кладбище²²⁴. Сам Карел пережил супругу всего на несколько месяцев, скончавшись 26 мая 1937 г. В своем духовном завещании он просил похоронить его рядом с женой. Погребение чехословацкого политика вылилось в солидную манифестацию любви и уважения. Но и здесь не обошлось без проблем. Кардинал Карел Кашпар не разрешил православному духовенству участвовать в католических похоронах, и после долгих переговоров позволил им лишь принять участие в траурной процессии без риз. По предложению премьер-министра М. Годжи правительство единогласно одобрило устройство ему государственных похорон. Три дня не скончался поток желающих проститься с ним, сначала в его вилле на Баште, затем в Пантеоне — центральной части Национального музея. По обеим сторонам гроба стоял торжественный караул из солдат чехословацкой армии, легионеров в русской, итальянской и французской форме, а также казаков, сохранивших форменное обмундирование Донского и Кубанского войск и русских "соколов".

В конце второго дня у гроба остались одни русские: началась православная панихида, которую служил архимандрит Исаакий в сослужении о. Михаила Васнецова. Торжественное собрание в Пантеоне, утопающем в цветах, состоялось 29 мая. На хорах располагался оркестр филармонии и хор Национального театра. На собрании от лица президента и правительства выступил с речью М. Годжа, подчеркнув особые заслуги К. Крамаржа как главы внутреннего сопротивления в годы великой войны в создании независимого чехословацкого государства. От имени членов созданной Крамаржем национально-демократической партии попрощался с покойным д-р Фишер. Похоронный обряд провел епископ Пыха вместе с настоятелем Страговского монастыря Мефодием Яном Заворалом²²⁵. Затем собравшиеся (около 70 тыс.) двинулись длинной траурной процессией на кладбище, провожая Крамаржа в последний путь. Русским было разрешено идти отдельной группой с национальным флагом. "Русские соколы" шли в парадной бело-синекрасной форме, а галлиполийцы и члены других военных формирований, хоть и были в штатском, но выделялись военной выправкой. В состав русской группы входила и делегация Эмигрантского объединения. Большую организационную работу проделали профессор А.С. Ломшаков, князь П.Д. Долгоруков, В.Т. Рафальский, генерал Г.И. Долгопятов, профессор В.С. Ильин, генерал В.Г. Хоржевский и капитан Г.А. Орлов. Отдельные русские организации возложили венки, а от Эмигрантского объединения — большой венок из живых цветов с надписью "Незабвенному другу России — русская эмиграция". На кладбище выступили по-чешски личный друг Крамаржа профессор Б. Немец и по-русски профессор А.С. Ломшаков. Немец говорил горячо и взволнованно, упомянув о "жесткой подушке неблагодарности, на которой не раз приходилось спать д-ру Крамаржу". После этой речи католическое духовенство удалилось, разошлись и некоторые чехи. Русские сплошным кольцом окружили гроб. Из храма вышел уже в облачении владыка Сергей в сопровождении архимандрита Исаакия, о. Михаила (Васнецова) и священника чеха. Владыка произнес краткое слово памяти К. Крамаржу и его супруге. После панихиды, при участии прекрасно певшего хора, слово было предоставлено профессору Ломшакову, который говорил от имени всех русских людей, ценивших заслуги К. Крамаржа перед нашей родиной. Утрата Крамаржа, по его словам, была не менее тяжела для русских, чем смерть короля Александра²²⁶.

Торжественная панихида по Карелу Петровичу состоялась и в Париже 6 июня 1937 г. в кафедральном храме на рю Дарю. В ней приняли участие редакция газеты "Возрождение", Рос-

сийское Национальное объединение, Русский Общевоинский союз, Военно-Морской союз, Национальный союз молодого поколения, Союз русских дворян, Национальное объединение русских писателей и журналистов во Франции, Русский промышленный и финансовый союз, Академическая группа в Париже, Союз русских адвокатов за границей, Русский высший технический институт в Париже, Всероссийский Земский союз и Национальное объединение русских дипломированных инженеров²²⁷.

И после похорон Крамаржа в печати не прекращалась дискуссия о том, куда отправить его останки: предлагалось перенести гроб с телом К. Крамаржа на территорию Памятника освобождения на Виткове или в фамильный склеп в Высоком над Йизероу, кремировать его или создать из виллы на Баште мавзолеей, куда перенести останки супругов²²⁸. Согласно последнему завещанию К. Крамаржа, написанному уже после смерти жены, фабрика в Либштате переходила к его племяннику Карелу Водседалеку младшему. Долю в Либштатской текстильной фабрике в Коштялове он завещал другому племяннику Миле Водседалеку, являвшемуся ее директором. Предприятия передавались племянникам на условиях взятия на себя соответствующей доли долгов Крамаржа. Остальное движимое и недвижимое имущество завещалось Обществу д-ра Карела Крамаржа, в которое входили руководящие члены Национально-демократической партии финансист, инженер Б. Бечка, министр финансов, профессор ун-та ботаник Б. Немец, генеральный секретарь этой партии д-р В. Горак, секретарь Крамаржа Л. Грунд, профессор Художественно-промышленного института Я. Бенеш и пражский адвокат д-р Я. Гохман. Виллу в Праге на Баште Крамарж хотел превратить в памятник культуры, где сохранить все вещи и документы, рассказывавшие о его политической деятельности, а также картины той эпохи. Дом в Высоком над Йизероу желал превратить в место отдыха чехословацких и вообще славянских художников и ученых, но ни в коем случае не в дом престарелых или лечебное заведение. В завещании специально оговаривалось, что из числа отдыхающих должны быть абсолютно исключены журналисты печатных органов социалистических партий, которые писали, что Крамарж выстроил себе дворец посредством потогонного труда своих работников. Обществу д-ра Крамаржа предоставлялась и возможность сдать или продать этот дом, если бы при выполнении замысла его хозяина оно встретилось с трудностями. Кирпичный завод в Семилах также переходил к Обществу. Если бы дома и завод приносили прибыль, то Крамарж распорядился разделить ее следующим образом: 40% Современной галерее в

Праге, 20% Центральной матице школьной, 10% Национальному объединению Северо-чешскому и 10% объединению Южно-чешскому, а остаток использовать при распределении стипендий студентам, изучающим государственно-правовые и экономические науки за рубежом. В случае продажи дома в Высоком над Йизероу, он просил вырученные деньги использовать на стипендии художникам и ученым для отдыха, оздоровления и поездок за границу "в целях культуры"²²⁹.

¹ Archiv Národního Muzea. (Далее: ANM.) Fond K. Kramář. Kart. 104.

² Ibid. Kart. 42.

³ Там же.

⁴ Колеров М.А. Русские писатели и "русская мысль" (1921 – 1923 гг.) // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Т. 18. С. 239 – 241.

⁵ Там же. С. 241. См. также: Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918 – 1939). Praha, 1998 (Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918 – 1939), Прага, 1998). (Далее: Документы...) С. 76 – 77.

⁶ ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.

⁷ Бальмонт К.Д. Душа Чехии в слове и в деле. Брно, 2001 (*Balmont K.D. Duše Českých zemí ve slovech a činech*. Brno, 2001).

⁸ Неделя. 1930. 24 дек.

⁹ ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Группа известных эсеров – Е. Брешко-Брешковская, И.М. Брушвит, В. Климушкин и другие – приехала в Прагу вместе с чехословацкими легионерами осенью 1920 г. Позднее, в марте 1921 г., эсеры создали Объединение русских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Земгор), оказывавшее помощь русским эмигрантам на деньги чехословацкого правительства.

¹⁵ Общее дело. 1921. 25 янв.

¹⁶ ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.

¹⁷ М.Н. Леонтьев был послан в Прагу в качестве военного агента еще А.И. Деникиным и исполнял там консульские функции. См.: Кононова М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917 – 1925 гг.). М., 2004. С. 100.

¹⁸ ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.

¹⁹ В.Т. Рафальский был направлен в ЧСР Советанием послов в качестве консула и временного поверенного в делах. См.: Кононова М.М. Указ. соч. С. 100 – 101.

²⁰ В дальнейшем глава русской военной миссии генерал Максим Николаевич Леонтьев поддерживал регулярные контакты с К. Крамаржем. См.: Chinyeva E. Russians outside Russia. The Émigré Community in Czechoslovakia. 1918 – 1938. München, 2001. P. 122.

²¹ ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.

²² Слагек З. Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия: согласие, противоречия, конфликты // Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике, белорусистике V – VI (2000 – 2001). Praha, 2001. (Далее: Rossica.) С. 49.

- 23 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 24 Подробнее об этом см.: Карпов Н.Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М., 2002.
- 25 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 26 Долгоруков П. Встреча с Н.Н. Крамарж в Праге // Надежда Николаевна Крамарж. Прага, 1938. С. 16.
- 27 Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a rusové v Čechach. 1914 — 1938. Praha, 1999. S. 161; Общее дело. 1921. 28 февр.
- 28 Письмо В. Воынца из Праги в Париж от 1 июля 1921 г. // Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 5784. Оп. 1. Д. 76. Л. 55.
- 29 Chinyaeva E. Op. cit. P. 36.
- 30 И.П. Алексинский состоял председателем правления Русского комитета в Турции.
- 31 Русский совет (или комитет) был образован в Турции, занимался вопросом эвакуации русских беженцев из Константинополя. В него входило 80 организаций, председателем был архиепископ Анастасий, прислал свои материалы К. Крамаржу, см: ANM. F.K. Kramář. Kart. 104.
- 32 ГАРФ. Ф. 5784. Оп.1. Д. 76. Л. 66.
- 33 Глазунов А.И. Из воспоминаний о Н.Н. Крамарж // Надежда Николаевна Крамарж. С. 11.
- 34 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 35 Savický I. Osudova setkání. S. 141.
- 36 Ibid. S. 196.
- 37 ANM. F.K. Kramář. Kart. 105.
- 38 Документы... С. 20.
- 39 Общее дело. 1921. 13 марта.
- 40 Дневник. 1933. 24 марта.
- 41 Бюлетень № 129 "Русспресс" (Варшава). 1921. 28 февр.
- 42 Славянская заря. 1920. 28 янв.
- 43 Там же.
- 44 ANM. F.K. Kramář. Kart. 103.
- 45 Общее дело. 1921. 13 марта.
- 46 Там же.
- 47 Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Прага, 2000. Т. 1: 1919 — 1929. (Далее: Хроника...) С. 42.
- 48 Общее дело. 1921. 19 февр.
- 49 Шетржилова Я. Карел Крамарж — отец русской эмиграции // Rossica. С. 65.
- 50 Организация была создана в Париже под председательством Н.В. Чайковского.
- 51 ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 79. Л. 24.
- 52 Общее дело. 1921. 13 марта.
- 53 ANM. F.K. Kramář. Kart. 105.
- 54 Ibid.
- 55 Ibid.
- 56 Ibid.
- 57 Шетржилова Я. Крамарж — отец Русской эмиграции ... С. 65.
- 58 Сладек Э. Русская акция помощи в истории русско-чешских и чехословацко-советских отношений // Russian, Ukrainian and Belorussian

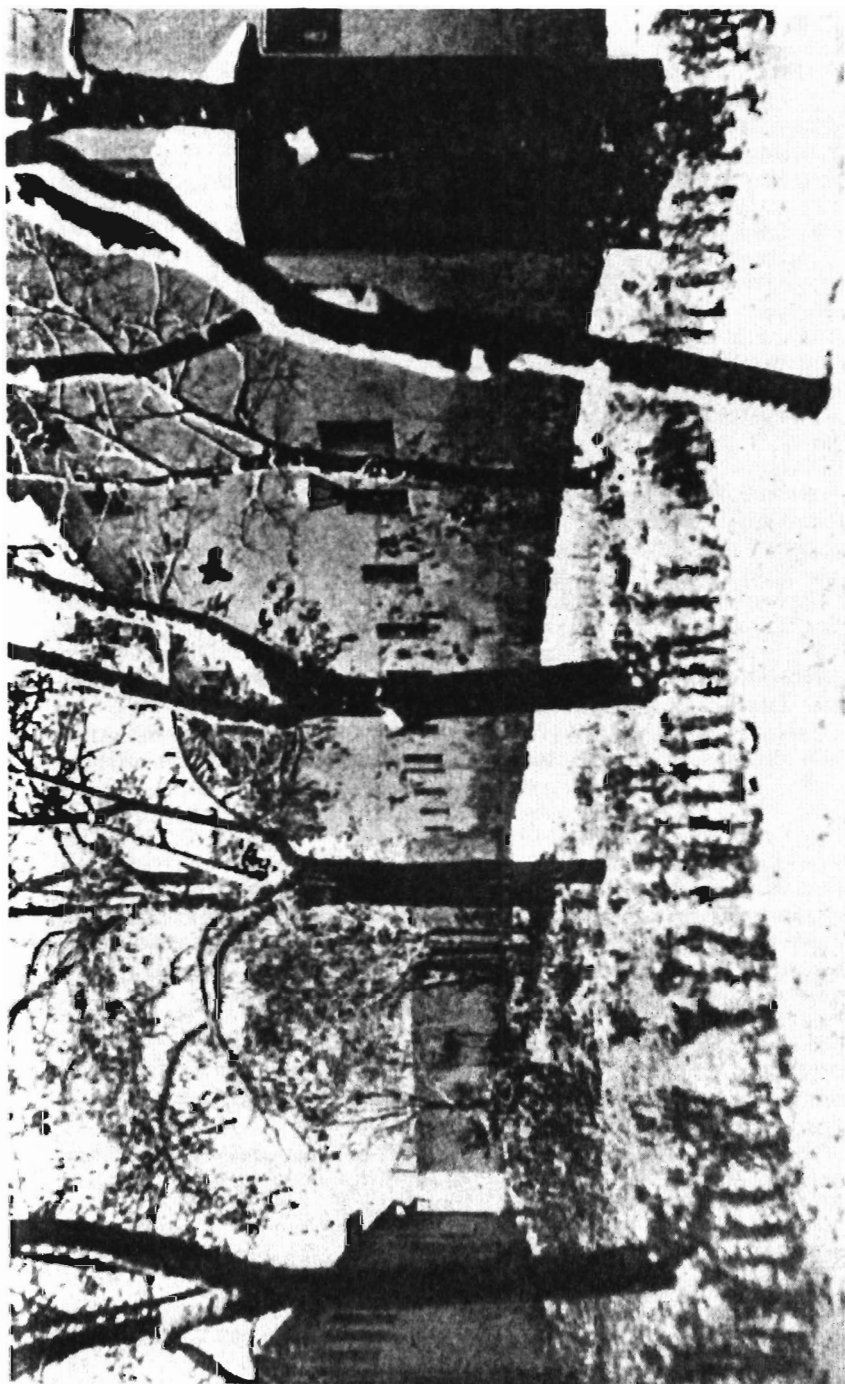
- Emigration between the World Wars in Czechoslovakia. Results and Perspectives of Contemporary Research: Holdings of the Slavonic Library and Prague Archives. Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между мировыми войнами. Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов). Praha, 1995. Т. 1. С. 18.
- 59 *Chinyajeva E.* Op. cit. P. 52.
- 60 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 61 Ibid. Kart. 103.
- 62 Хроника... Прага, 2001. Т. 2. С. 97, 167, 285. См. также: Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 121.
- 63 Такой вечер состоялся, например, в Национальном доме на Виноградах в январе 1931 г., см.: Хроника... Т. 2. С. 43.
- 64 Документы... С. 140.
- 65 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 66 Ibid. Kart. 105.
- 67 Ibid. Kart. 42.
- 68 Ibid.
- 69 Ibid. Kart. 19.
- 70 Ibid. Kart. 42.
- 71 Общее дело. 1921. 4 марта.
- 72 Общее дело. 1921. 12 февр.
- 73 Там же.
- 74 Там же.
- 75 Там же.
- 76 Общее дело. 1921. 4 марта.
- 77 Там же.
- 78 Там же.
- 79 Там же.
- 80 Там же.
- 81 Там же.
- 82 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 83 Ibid.
- 84 ANM. F.K. Kramář. Kart. 104.
- 85 Политическая история русской эмиграции 1920 – 1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 35.
- 86 *Savický I.* Osudová setkání... S. 236.
- 87 *Chinyajeva E.* Op. cit. P. 122.
- 88 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 89 Ibid. Подробнее о планах Владиславева, Гайды, Хорвата собрать армию на Дальнем Востоке см.: *Chinyajeva E.* Op. cit. P. 123.
- 90 Ibid. Kart. 104.
- 91 *Heman K., Sládek Z.* Slovanská politika Karela Kramáře. Praha, 1971. S. 72.
- 92 Общее дело. 1921. 13 марта.
- 93 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 94 Ibid.
- 95 Ibid. Kart. 104.
- 96 Ibid. Kart. 19.
- 97 Эмиграция была массовым явлением: среди ее представителей были как выдающиеся личности, так и фанатики, аферисты и даже преступники, см., например: Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. М., 2000. С. 53 – 69.

- 98 Zírající do slunce. Literárněvědný sborník o životě a díle gruzínského knižete Konstantina Čcheidzeho, spisovatele v Čechách. Sestavili V. Bystrov a J. Vacek. Praha, 2002. S. 268.
- 99 Огни. 1921. 17 окт.
- 100 Русское слово. 1933. 22 янв.
- 101 Там же.
- 102 Zírající do slunce. S. 269.
- 103 В 1924 г. в Союзе русских журналистов и писателей К. Крамарж отмечает Старый Новый год. См.: Хроника... Т. 1. С. 127.
- 104 В 1925 г. в Национальном студенческом объединении Крамарж отмечает 35-летие научной деятельности П.Б. Струве, в марте 1929 г. участвует в банкете в честь генерала А.П. Кутепова. См.: Хроника... Т. 1. С. 192, 338.
- 105 В ноябре 1924 г. Крамарж присутствует на погребении А.А. Архангельского, в январе 1934 г. воинские и общественные организации под патронатом К. Крамаржа устраивали тризну по случаю 5-летия со дня смерти великого князя Николая Николаевича. См.: Хроника... Т. 1. С. 170; Т. 2. С. 242.
- 106 Славянская заря. 1920. 8 апр.
- 107 ANM. F.K. Kramář. Kart. 104.
- 108 Ibid. Kart. 19.
- 109 Огни. 1921. 17 окт.
- 110 Ibid. Kart. 105.
- 111 Ibid. Kart. 103.
- 112 Хроника... Т. 1. С. 128.
- 113 ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.
- 114 Národ. 1930. 23. XII.
- 115 Парижский философ из русских евреев: Письма М. Алданова к К. Амфитеатрову. Публикация Э. Гарэтто и А. Добкина // Минувшее. Т. 22. С. 616.
- 116 Там же. С. 612.
- 117 См.: *Доронченков А.И.* Эмиграция "первой волны" о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001. С. 48–49, 64–65; *Серапионова Е.П.* Т.Г. Масарик и К. Крамарж: отношение к России // Европейские сравнительно-исторические исследования. Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 124–143.
- 118 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 119 Ibid.
- 120 Парижский философ из русских евреев... С. 612.
- 121 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 122 Ibid. Kart. 105.
- 123 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 124 Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы. М., 1999. С. 87.
- 125 Подборка писем И.А. Ильина к супругам Крамарж опубликована в его собрании сочинений. См.: *Ильин И.А.* Собр. соч. Дневник, письма. Документы. (1903–1938). М., 1999.
- 126 Иван Ильин и Россия. С. 101.
- 127 Там же. С. 100.
- 128 *Ильин И.А.* Собр. соч. С. 306.
- 129 ANM. F.K. Kramář. Kart. 13. inv.č. 23 6704.

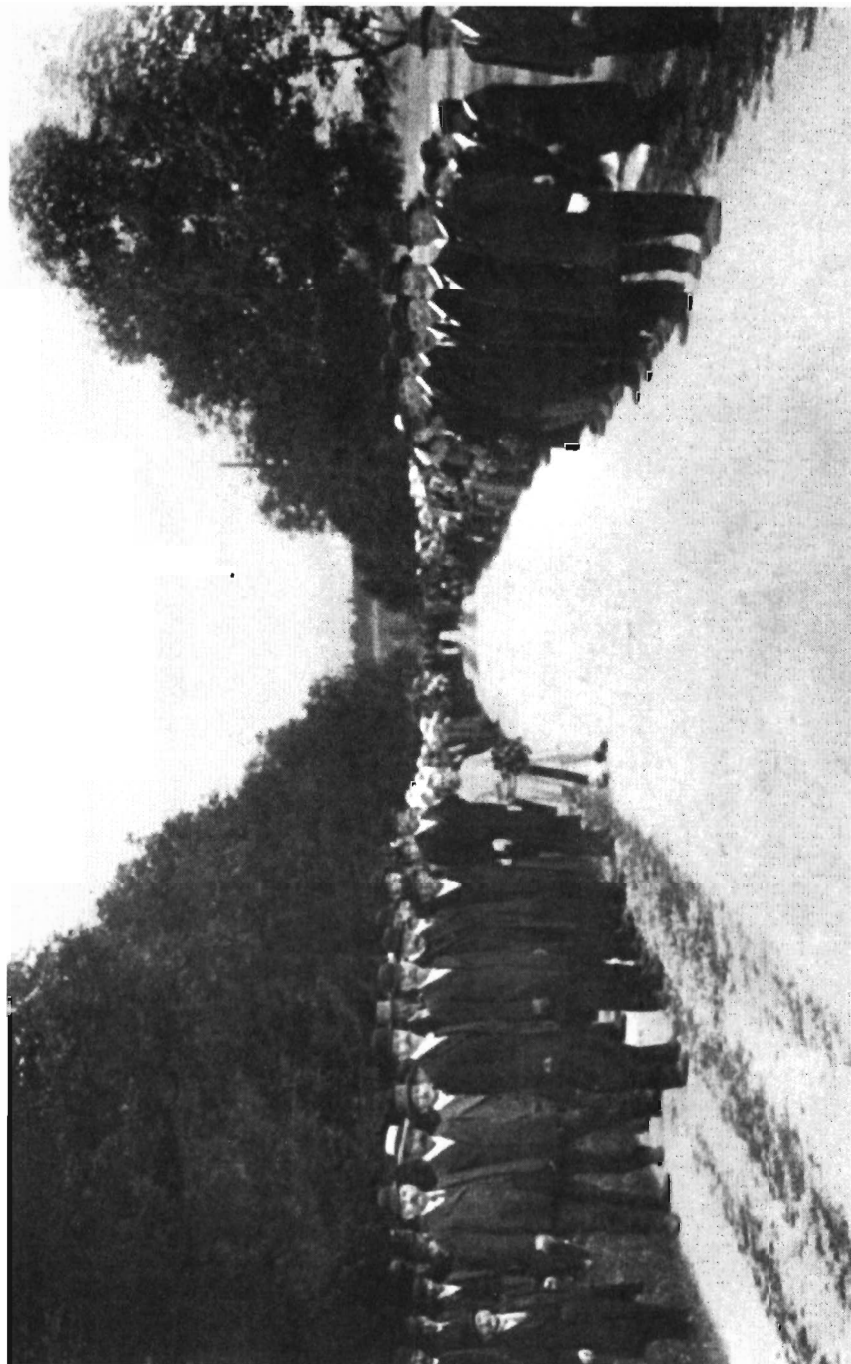
- 130 Ibid. Kart. 19.
- 131 Ibid. Kart. 42.
- 132 Хроника... Т. 1. С. 55 – 57.
- 133 Мейснер Д.И. Из книги "Миражи и действительность" // Прага. Русский взгляд. М., 2003. С. 115.
- 134 Хроника... Т. 1. С. 60.
- 135 Сорокин П.А. Из книги "Дальняя дорога: автобиография" // Прага русский взгляд. М., 2003. С. 123.
- 136 Хроника... Т. 1. С. 77.
- 137 Неделя. 1930. 24 дек.
- 138 ANM. F.K. Kramář. Kart. 105.
- 139 Ibid. Kart. 42.
- 140 Ibid.
- 141 Ibid. Kart. 104, 105.
- 142 Ibid. Kart. 106.
- 143 Ibid. Kart. 105.
- 144 Ibid. Kart. 42.
- 145 Ibid.
- 146 Ibid. Kart. 105.
- 147 К концу жизни имущество К. Крамаржа было обложено долговыми обязательствами в 21 млн крон. См.: *Слагец З.* Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия... С. 54.
- 148 *Matoušek J.* Pod bustu velkého horáka // S hor jsme. Sborník vydaný u příležitosti sbudování pamětní busty na rodném domě dra Karla Kramáře. Praha, 1927. S. 38.
- 149 *Шетржилова Я.* Вилла Крамаржа // *Rossica*. С. 36.
- 150 Хроника... Т. 1. С. 120.
- 151 ANM. F.K. Kramář. Kart. 103.
- 152 Ibid.
- 153 С. Видеманн в письме из Вены 24 апреля 1928 г. просил Крамаржа помочь в судебном разбирательстве, так как, по его словам, обращение к Масарику не увенчалось успехом. См.: ANM. F.K. Kramář. Kart. 19. Inv. Č. 25 – 519.
- 154 ANM. F.K. Kramář. Kart. 104.
- 155 Ibid. Kart. 19. Sign. Č. 25 519.
- 156 Ibid.
- 157 Ibid. Kart. 42.
- 158 *Zírající do slunce...* S. 267.
- 159 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 160 Хроника... Т. 1. С. 157.
- 161 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 162 *Пушкарев С.Г.* Воспоминания историка, 1905–1945. М., 1999. С. 101 – 102.
- 163 ANM. F.K. Kramář. Kart. 13. Inv. Č. 23 6747.
- 164 *Документы...* С. 180.
- 165 Там же. С. 181.
- 166 *Harbul'ová L.* Ruská emigrácia a Slovensko (Pôsobenie ruskej poobrodovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919 – 1939). Prešov, 2001, S. 156 – 158.
- 167 *Документы...* С. 96.
- 168 Подробнее о музее о его коллекциях см.: *Досталь М.Ю.* Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова (по новым архивным данным) // *Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии...* Т. 2. С. 548 – 556.

- 169 ANM. F. K. Kramář. Kart. 42.
- 170 Ibid. Kart. 106.
- 171 Statní ústřední archiv. Далее: F. Přednictvo ministerské rady 1918 – 1945. (PMR). Kart. 3802. Sign. 9020.
- 172 Отец Николай (Рыжков) скончался 6 февраля 1920 г. в Петрограде на 51-м году жизни, подробнее о нем см.: *Раглов И.* (по материалам, собранным В.А. Гавриным). Священник с петлей на шее // Русское слово. 2003. № 4. С. 16 – 17.
- 173 Подробнее о положении православной церкви в ЧСР см.: *Бурега В.В.* Проблема юрисдикции Православной Церкви в Чешских Землях в XX веке // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 158; Он же. Епископ Вениамин (Федченко) и православное движение в Закарпатье первой половины 1920-х годов // Церковь и время. 2004. № 1(26). С. 214 – 271.
- 174 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 175 *Лутохин Д.А.* Зарубежные пастыри // Исторический альманах. Минувшее. СПб., 1997. Т. 22. С. 29.
- 176 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 177 Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 10.
- 178 Подробнее о сборе средств и ходе строительства церкви см.: *Копрживова А.* Крамарж и "Братство для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил в Чехословакии // *Rossica*. V – VI. 2000 – 2001. С. 75 – 79.
- 179 Русские в Праге 1918 – 1928 / Ред.-изд. С.Н. Постников. Прага, 1928. С. 235 – 236.
- 180 Там же. С. 236.
- 181 Хроника... Т. 1. С. 161.
- 182 Там же. С. 169; ANM. F.K. Kramář. Kart. 108.
- 183 *Копрживова А.* Указ. соч. С. 77.
- 184 Королевство СХС предоставило также для строительства храма 30 тыс. чехословацких крон при условии, что церковь будет служить также надгробием сербским православным воинам, погибшим в Первую мировую войну и погребенным в Праге. См.: *Русские в Праге...* С. 235.
- 185 ANM. F.K. Kramář. Kart. 108.
- 186 *Копрживова А.* Указ. соч. С. 78.
- 187 Русские в Праге... С. 251.
- 188 Там же. Т. 2. С. 58; Документы... С. 119.
- 189 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 190 Документы... С. 121.
- 191 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 192 Ibid. Kart. 42.
- 193 Подробнее о православной миссии в Ладомировой и строительстве храма см.: *Harbul'ová L'.* Ladomirovské reminiscencie. Z dejin ruskej pravoslavnej misije v Ladomirovej 1923 – 1944. Prešov, 2000. С. 12 – 13, 108.
- 194 См. также: *Harbul'ová L'.* Ruská emigráciá a Slovensko (Pôsobenie ruskej rooktóbrovej emigrácie na Slovensku v rokoch 1919 – 1939). Prešov, 2001; а также рец.: *Серпионова Е. П.* на кн.: Славяноведение. 2003. № 4. С. 101 – 104.
- 195 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 196 Ibid.
- 197 Подробнее о положении православной церкви в Чехословакии см.: *Бурега В.В.* Проблемы юрисдикции Православной церкви.

- 198 Zírající do slunce... S. 267.
- 199 Глазунов А.И. Указ. соч. С. 11.
- 200 Мейснер Д.И. Указ. соч. С. 116.
- 201 Крамарж К. Моя жена: пер. с чеш. // Надежда Николаевна Крамарж. Прага, 1938. С. 6.
- 202 Rossica. S. 94.
- 203 Лутохин Д.А. Зарубежные пастыри // Минувшее. Исторический альманах: СПб., 1997. Т. 22. С. 32.
- 204 ANM. F.K. Kramář. Kart. 103.
- 205 Минувшее. Т. 16. С. 11.
- 206 Zírající do slunce... S. 267.
- 207 Хроника... Т. 1. С. 97.
- 208 ANM. F.K. Kramář. Kart. 42.
- 209 Ibid. Kart. 103.
- 210 Ibid.
- 211 Statní ústřední archiv. (Далее: SUA.) F. Národní rada česká. Kart. 215; Хроника... Т. 2. С. 41.
- 212 ANM. F.K. Kramář. Kart. 66.
- 213 Копрживова А. Указ. соч. С. 81.
- 214 Pravo lidu. 1930. 28.XII.
- 215 Сладек З. Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия. С. 52.
- 216 Там же. С. 54.
- 217 В историографии также существуют две точки зрения. Большинство исследователей определяли взгляды Крамаржа в 30-е годы как "профашистские", называя фашистским и Национальное объединение (созданное в 1934 г. Национально-демократической партией и небольшими националистическими группировками). Из новых работ см.: Winkler M. Karel Kramář (1860 – 1937) Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers. München, 2002. S. 290. Этой же точки зрения придерживался и З. Сладек. См.: Herman K., Sládek Z. Slovanská politika Karla Kramáře. Praha, 1971. S. 77. Хотя уже тогда Сладек отмечал специфику "славянского фашизма" Крамаржа. Однако позже З. Сладек пришел к выводу, что Национальное объединение было лишено основных признаков фашизма, а симпатии Крамаржа к Италии и Польше Пилсудского объяснялись его желанием создать сильное национальное государство. См.: Сладек З. Крамарж, Масарик, Бенеш и Россия. С. 52. Эта последняя точка зрения чешского историка представляется более правильной.
- 218 Неделя. 1930. 24 дек.
- 219 Národní listy. 1939. 1.I.
- 220 ANM. F.K. Kramář. Kart. 19.
- 221 Ibid.
- 222 Rossica. S. 93.
- 223 Stašek A. O mych stycích s drem Kramářem a s jeho rodinou // S hor jsmem... S. 55.
- 224 Копрживова А. Указ. соч. С. 83.
- 225 Там же.
- 226 Варшавский С. Великий славянин // Возрождение. 1937. 4 июня.
- 227 Возрождение. 1937. 4 июня.
- 228 Копрживова А. Указ. соч. С. 83.
- 229 Завещание Карела Крамаржа, написанное 7 мая 1937 г. в Праге // Rossica. С. 98 – 100.

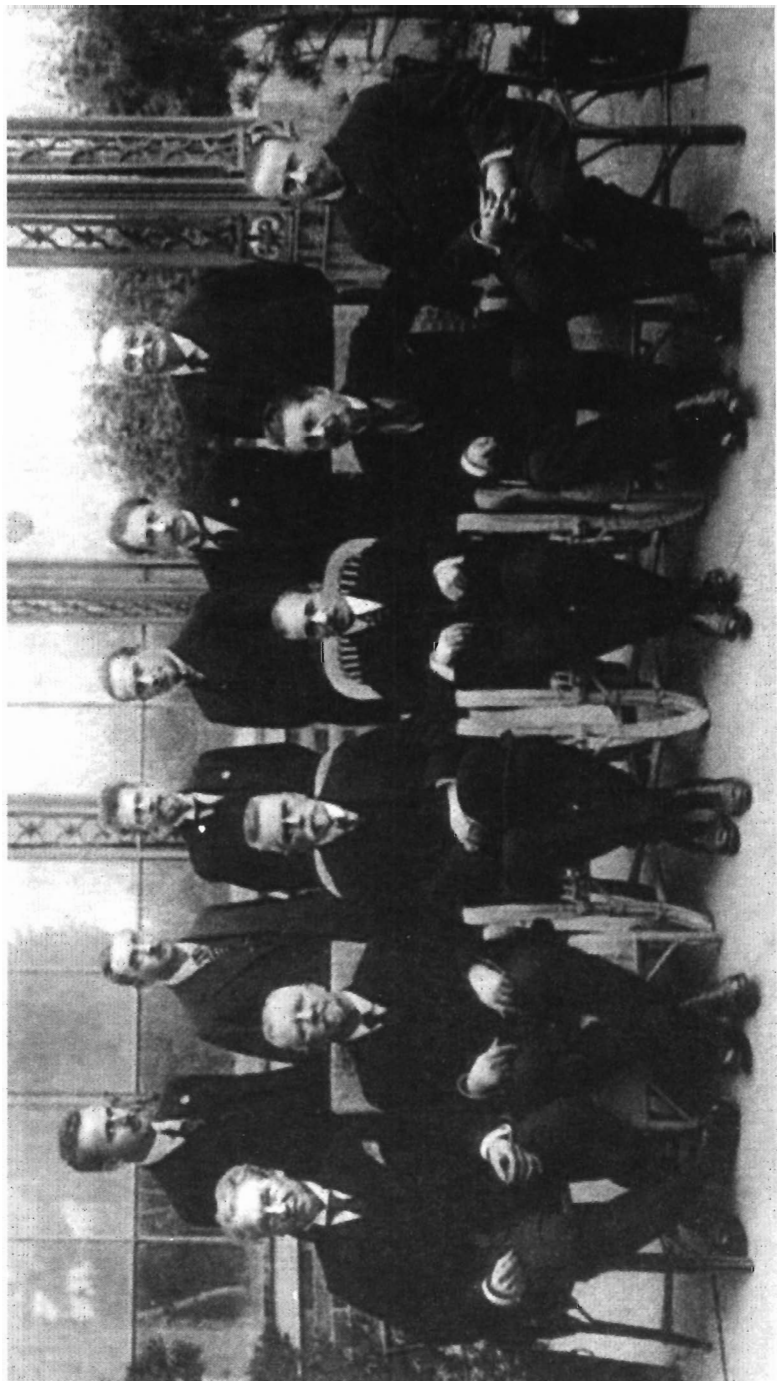
34. Тюръма в Мёленсдорфе

35. Встреча К. Крамаржа в родном крае после освобождения летом 1917 г.

36. К. Крамарж на митинге у памятника Я. Гусу на Староместской площади в Праге 5 декабря 1918 г.

37. К. Крамарж на переговорах с Э. Бенешем в Женеве в октябре 1918 г. Сидят слева направо: Г. Габрман, Ф. Станек, К. Крамарж, Э. Бенеш, В. Клофач, П. Шамал; стоят: И. Маркович, К. Свобода, А. Калина, Ш. Осуский, А. Стримпла, Я. Прейс

38. Рисунок К. Крамаржа на заседании первого чехословацкого Национального собрания. Прага, 1922. Из кн. Десидерия (Г. Боеттингера)

39. Встреча К. Крамаржа в Высоке над Йизероу после его возвращения с Парижской мирной конференции в 1918 г.

Милостивый Государь

Мароль Петровичъ,

Въ газетѣ "Общее дѣло" отъ 18 января 1921 г. я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ Вашу статью "Россія на распутии" и спѣшу выразить Вамъ мою горячую признательность за Ваши правдивыя слова, проникнутыя глубокимъ пониманіемъ русскаго вопроса и сердечнымъ сочувствіемъ къ судьбѣ нашей несчастной страны.

На Западѣ долго не понимали русскаго вопроса. Долго тамъ господствовало убѣжденіе, что большевизмъ завершилъ собою февральскую революцію, тогда какъ въ дѣйствительности октябрьскій переворотъ былъ контръ-революціоннымъ: онъ упразднилъ революціонные итоги, отвергъ демократію, парламентаризмъ, наложилъ господство одного класса, возстановилъ абсолютизмъ центральной власти, и притомъ въ такихъ безграничныхъ предѣлахъ, какихъ еще не видѣлъ свѣтъ. А когда Деникинъ, а потомъ я шли походомъ противъ совѣтской власти, то въ Европѣ подымались крики о томъ, что мы боремся противъ демократіи и несемъ реакцію. Реакція же въ самомъ подлинномъ смыслѣ слова сидѣла въ Москвѣ въ лицѣ совнаркома. Даже рабочіи классы въ Россіи это теперь прекрасно знаютъ. Вѣроятно цѣною затянутаго русскаго терзанія и дальнѣйшаго углуб-

ANM 2 5 604

40а. Письмо П.Н. Врангеля К. Крамаржу от 25 января 1921 г.

деня російской катастрофы это окончательно помянутъ вскорѣ европейскіе любители социальныхъ опытовъ на чужомъ тѣлѣ. и думаю стало яснымъ и другое: безъ установленія въ Россіи правового строя и опирающагося на выработанныя тысячелѣтнею культурою человечества начала порядка неминуемо устраненіе на земномъ шарѣ ни переживаемаго теперь экономическаго кризиса, ни мирное сожитіе народовъ. Коммунистическое лжеученіе воинствующая секта. Она притязаетъ на міровое владычество. Безъ него всё заданія секты обречены на гибель. Исторія оцѣнитъ подвиги и жертвы бѣлыхъ армій, боровшихся за интересы человечества въ то время когда общественное мнѣніе демократическаго запада не пропускало случая, чтобы не выразить русскимъ бѣлымъ арміямъ своего недовѣрія. Охотникамъ до скороспѣлыхъ историческихъ сближеній все мерещился Кобленцъ и борьба сторонниковъ стараго режима съ конвентомъ въ эпоху французской революціи. Тогда какъ въ Россіи наступленіе юга на сѣверъ было движеніемъ освободительнымъ и стремилось къ единственной цѣли: создать въ Россіи условія, при которыхъ народъ могъ бы самъ свободно и сознательно установить государственнй порядокъ, выбрать форму правленія и начать новую жизнь.

На этомъ я продолжаю стоять и теперь. На этомъ стоитъ и русская армія. Другихъ задачъ у насъ нѣтъ. Поэтому для меня звучать такъ странно препирательства русскихъ партій и политическихъ круговъ за границею, которые не могутъ стовориться относительно общаго противобольшевистскаго фронта. Вы глубоко правы, утверждая, что существовавшія русскія политическія партіи скончались въ революціи вмѣстѣ со старымъ режимомъ. Необходимо перестраиваться, а не оссориться. Въковыя каменные стѣны старом

Россіи рухнули, наши же партійные дѣятели воображаютъ, что общаго участіа извѣдѣли досчатѣя перегородки политическихъ организацій, сколоченныя въ условіяхъ дореволюціоннаго бременія.

Я согласенъ съ Вами, что назрѣлъ моментъ, когда русскіе люди должны сплотиться въ одинъ національный блокъ "для борьбы съ болшевиизмомъ ради возрожденія Россіи." Всѣ разномыслия должны были бы временно потонуть въ одномъ общемъ противоболшевиистскомъ движеніи, которое могло бы вылиться либо въ образованіи національнаго блока перестроившихся, какъ Вы предлагаете, партій, либо въ созданіи Союза освобожденія Россіи, имѣющаго заду чьмъ священную борьбу за ея спасеніе. Громадное большинство русскихъ людей, какъ бѣжавшихъ за границу, такъ и оставшихся по неволѣ въ Совѣтскіи составляютъ противоболшевиистскіи станъ. Только самая незначительная часть этого большинства входитъ активно въ партійныя организаціи и стѣснена политическими пережитками, партійнымъ устремленіемъ по инерціи. Вся же остальная масса представляетъ собою ножесть быть неопытныя, но во всякомъ случаѣ свѣжіа элементъ, изъ котораго могли бы выдѣлиться новые дѣятели. Въ новыхъ людяхъ ощущается острая нужда. Кадры политическихъ работниковъ нуждаются въ приливѣ молодыхъ силъ. Политика требуетъ обновленія. Новые люди, не связанные прошедшими политическими переживаніями, выродившимися въ партійныя предразсудки, легко могли бы сойтись въ новомъ политическомъ единеніи, имѣющемъ цѣлью спасеніе Россіи. Здѣсь всѣ толки и споры за границей о будущемъ ея устройствѣ - праздики. Мало того, - они приносятъ вредъ, потому что дробятъ людей, между тѣмъ, какъ все должно было бы быть направлено къ объединенію усилий.

Ваши слова о русской арміи, о предстоящей ея роли въ борьбѣ

ANM 2 5 605

40в. Письмо П.Н. Врангеля К. Крамаржу от 25 января 1921 г.

за освобождение России и о значении русской армии, какъ національнаго средоточія русскаго дѣла за границей, нашли во мнѣ живой откликъ. Да и Богъ побольше такого "высшаго дѣла" въ русскія дѣла!

Я не признаю возможнымъ воссозданіе старой Россіи, восстановленіе порядковъ, которые ее завели въ трясины. Съ прошлымъ покончено безвозвратно. Государственнымъ разумъ^{Корова} въ лицѣ его свободно избранныхъ представителей народа ~~само~~ ^{да} должны быть основы новаго строя. Предрѣшать пути, по которымъ онъ пойдетъ, я не берусь. Это относится къ области пророчества. Одно ясно: надо страну вырвать изъ коммунистическаго наравича. Остальное будетъ рѣшаться въ Россіи, самой Россіей.

Крѣпко жму Вашу руку, народъ Петровичъ. Я былъ бы радъ вступить съ Вами въ личныя непосредственныя сношенія.

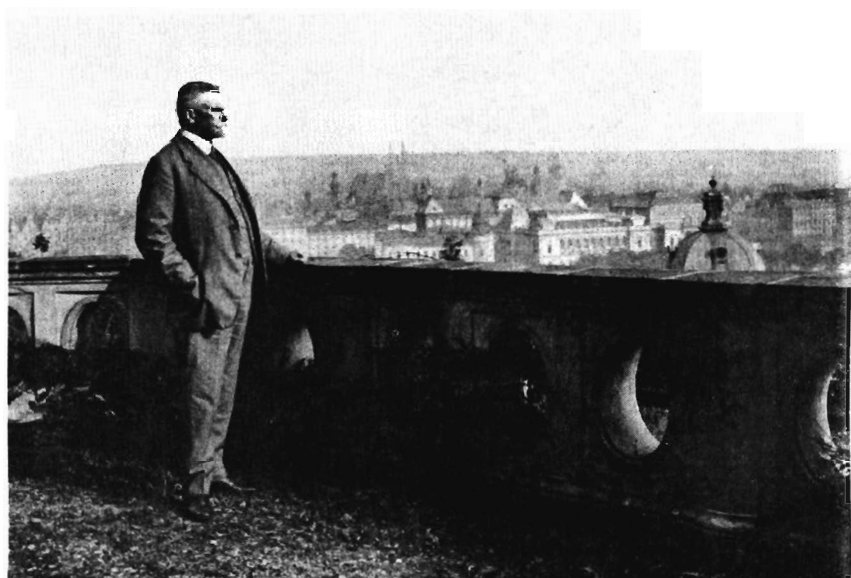
Примите увѣренія въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

П. Врангелъ

25 января 1921 года.

Константинополь.

40г. Письмо П.Н. Врангеля К. Крамаржу от 25 января 1921 г.

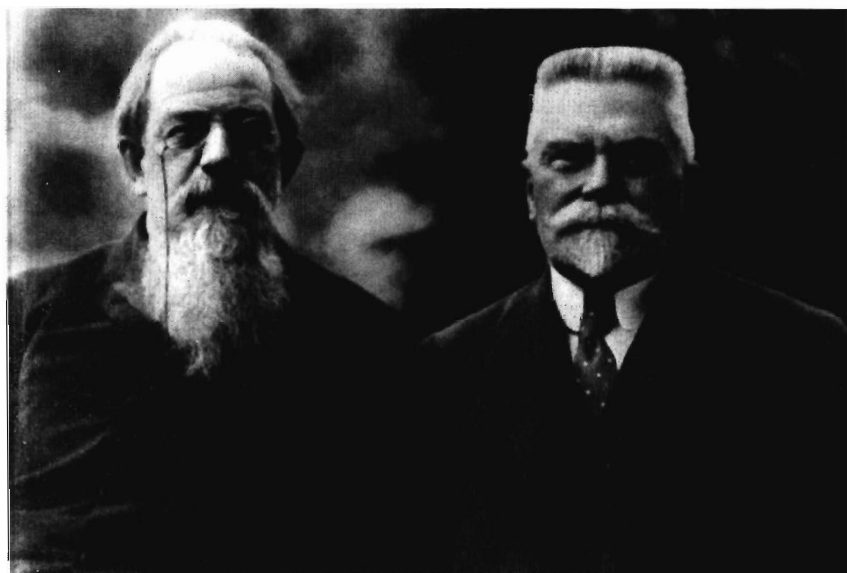
41. К. Крамарж у виллы на Баште

42. Супруги Крамарж у виллы на Баште

43. К. Крамарж в рабочем кабинете

44. П.Б. Струве и К. Крамарж

1, rue Jacques Offenbach
Paris XVI

Високоуважаеми Господине Доктор!

Поздравяте прикато Павел поно дълбоко сърдечно бла-
годаря за Ваше великодушное съдействие в днешт оказани
ми помощ со стороны Вашего Правительства.

Прилиже уверения в моеме уважении ко Вам
и моему супругу, че е какава съхраняваме о Вашем и
ко руской литературе и моему делу.

Ив. Бунинъ.

Парижъ,
12 декември 1921.

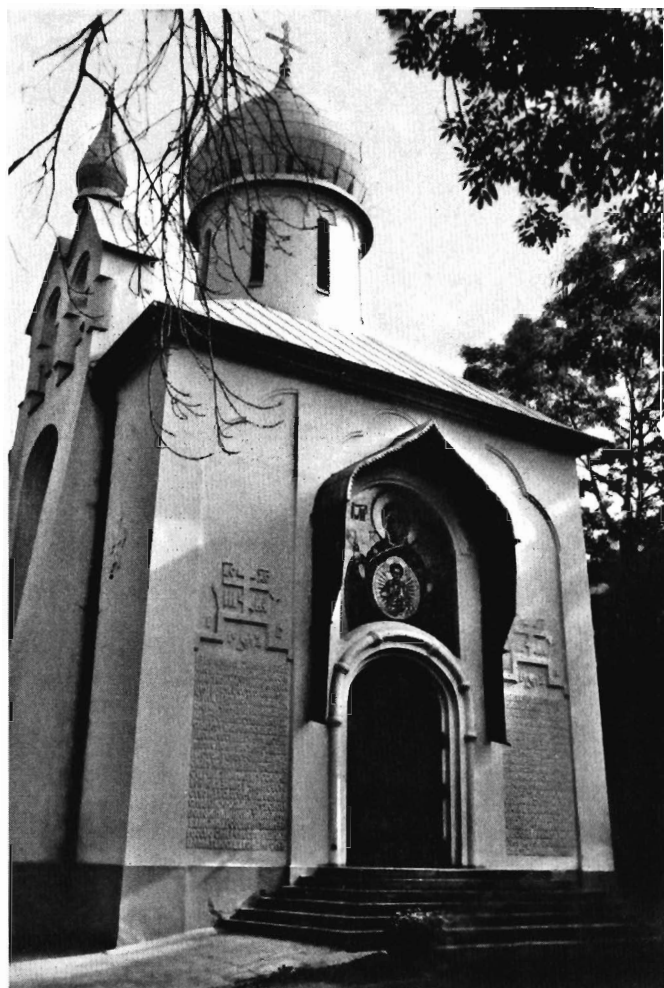
45. Письмо И.А. Бунина К. Крамаржу от 12 декабря 1921 г.

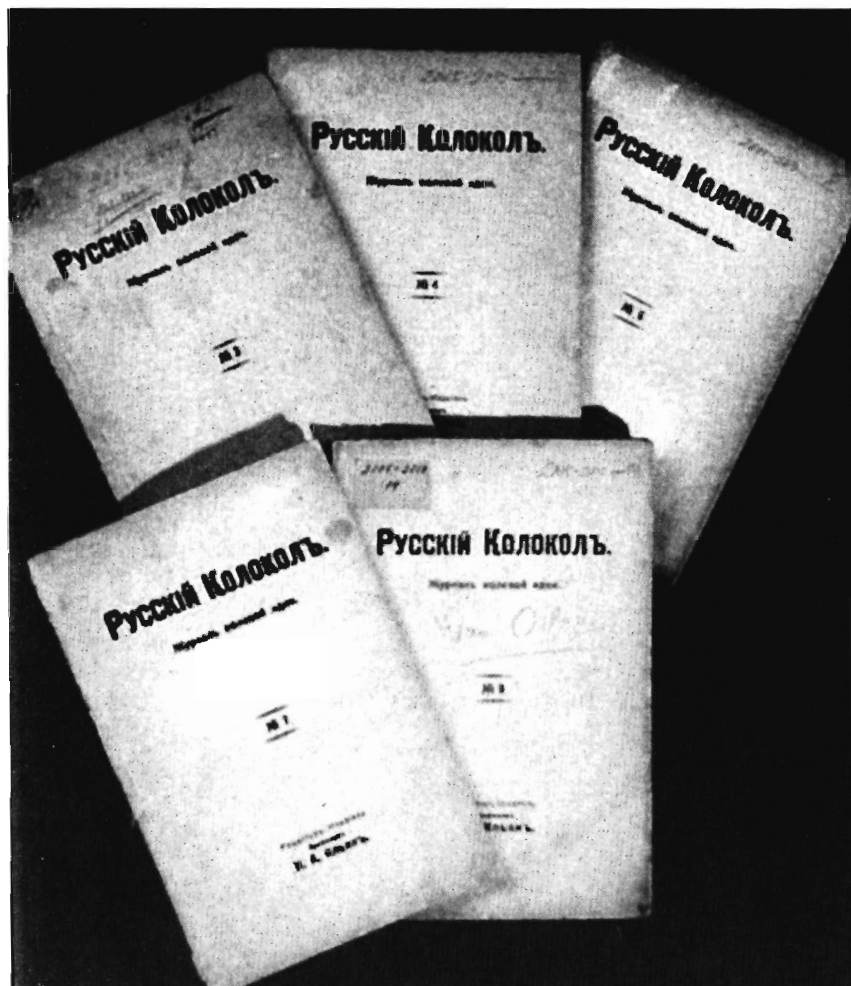
46. Сидят слева направо: В.И. Немирович-Данченко, К. Крамарж, Е.Н. Чириков, П.Б. Струве; стоят: С.И. Варшавский, П.Н. Савицкий, С.В. Завадский, В.Ф. Булгаков, К.И. Зайцев

47. Чета Крамаржей в кругу друзей и знакомых

48. Храм Успения Пресвятой Богородицы
на Ольшанском кладбище в Праге

49. Журнал И.А. Ильина "Колокол", субсидированный К. Крамаржем

Р.И.Прове по адр.:

TEXTIL EXPORT UND IMPORT
HANDELSGESELLSCHAFT M. B. H.

TELEFON: DREIUNDZWANZIG 11002, 5010, 5017 u. 5023

TELEGRAMM-ADRESSE: „УНИОНЪ“
ПР/ВБ.

BERLIN W. 50. DEN
JULIEN STR. 20

3-го Августа 8.

Госпожѣ

Надеждѣ Николаевнѣ Крамаржъ,

П Р А Г А

Многоуважаемая

Надежда Николаевна!

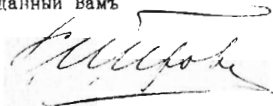
Согласно Вашему желанію я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы слѣдующія Вамъ дивиденды на Ваши 87 паевъ Кренгольмской Мануфактуры за 1927 г., по Mk. 83,50 за каждый, были переведены въ чешскихъ кронахъ въ суммѣ Kr. 45002,80 для Васъ въ Zivnosteska banka въ Прагу.

На Ваши пая, которые находятся въ Ревелѣ будутъ тамъ же поставлены штемпеля, устанавливающіе номинальную стоимость каждаго пая въ 5000 эст.кронъ.

Прилагаю при семъ квитанцію на сумму Rmk. 5594,50 и покорнѣйше прошу эту квитанцію съ Вашей подписью вернуть мнѣ въ Берлинъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

Преданный Вамъ

Приложение.

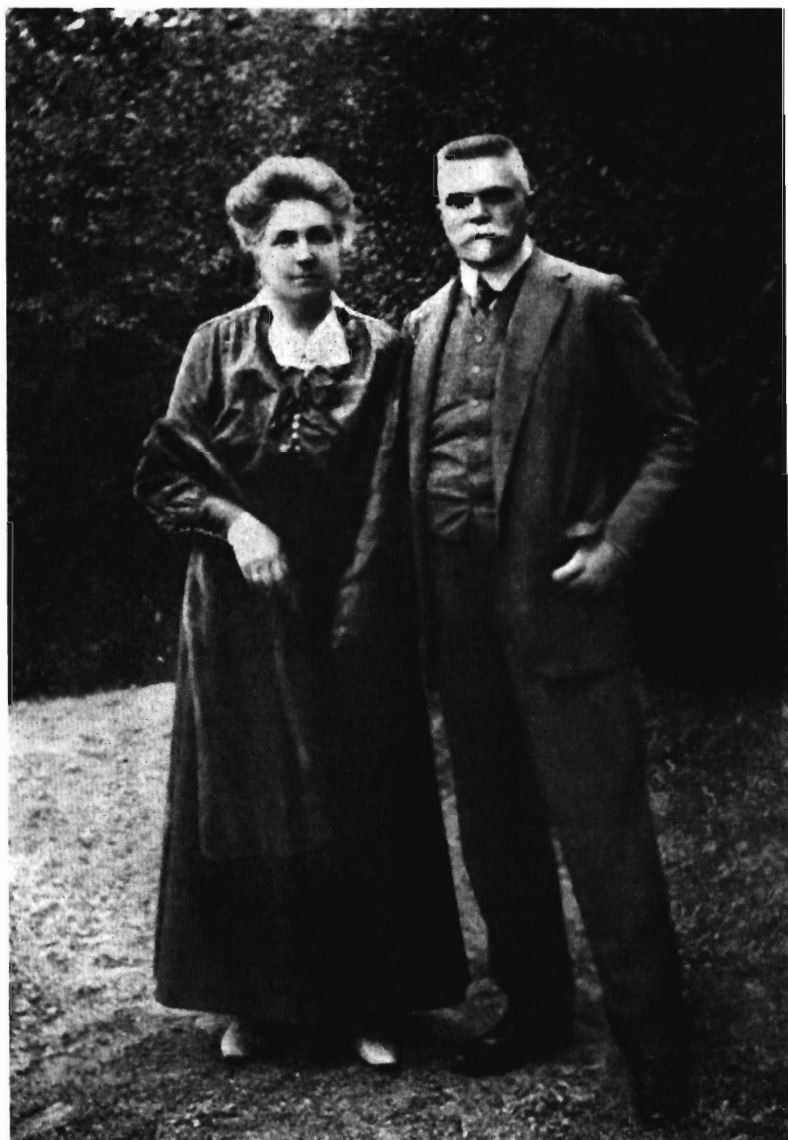
50. Письмо Правления Кренгольмской мануфактуры Н.Н. Крамарж от 2 августа 1928 г.

51. Вилла К. Крамаржа в Высоке над Йизероу

52. Вилла в Высоке над Йизероу

53. Надежда Николаевна и Карел Крамаржи. 30-е годы

54. Карел Крамарж в пражской вилле. 30-е годы

GALLIPOLSKÉ SDRUŽENÍ
POŘÁDÁ
TRADIČNÍ
RUSKÝ VÁNOČNÍ VEČER

ve prospěch Podpůrného fondu studentů-Gallipolců, nezaměstnaných a nemocných členů
= pod protektorátem PANÍ NADĚŽDY KRAMÁŘOVÉ =

za čestného předsednictví pí A. BRADÁČOVĚ, choti ministra národní obrany, pí H. Černé, choti ministra vnitra, pí A. DOSTÁLKOVĚ, choti ministra průmyslu, obchodu a živn., pí J. HODŽOVĚ, choti ministra zemědělství, pí G. HOMOLOVĚ, choti divís. gen. pí M. MATOUŠKOVĚ, choti ministra, pí M. ŠTŮLOVĚ, choti I. náměstkyně předsedy hl. m. Prahy a předsedkyně pořadatelského výboru, pí K. ASSEJEVĚ, choti generála s čestným výbořem dám.

11. ledna 1935 o 20. hodině ve všech sálech Národního domu na Král. Vinohradech.
Předprodej vstupenek v předprodejnách a v kanceláři Sdružení, Praha II., Malá Štěpánská 11,
telefon č. 271-62.

55. Пригласительный билет на традиционный Русский рождественский вечер галлиполицев, январь 1935 г.

56. K. Kramář после смерти жены. 1937 г.

Высокочитимный Карель Петровичъ,

Русскій Свободный Университетъ и его Музейная Комиссія настоящимъ имѣтъ честь обратиться къ Вамъ съ выраженіемъ глубокой, искренней признательности за Вашъ даръ состоящему при Университетѣ Русскому Культурно-Историческому Музею, а именно: прекрасный фотографическій портретъ покойной супруги Вашей Надежды Николаевны, память ^о которой такъ дорога всѣмъ намъ, русскимъ.

Позвольте надѣяться, что и впредь Вы не откажете въ нашемъ, высоко цѣнномъ, вниманіи, къ дѣлу развитія Русскаго Музея.

Благоволите принять увѣренія въ глубокомъ уваженіи и истинной преданности.

РЕКТОРЪ Проф. Д-ръ

ЗАВѢДУЮЩІЙ МУЗЕЕМЪ

СЕКРЕТАРЬ УНИВЕРСИТЕТА

М. М. Новиковъ
В. Ф. Булгаковъ
Д. В. Булгаковъ

57. Письмо ректора Русского Свободного университета в Праге
М.М. Новикова и директора Русского культурно-исторического музея
В.Ф. Булгакова К. Крамаржу от 18 января 1937 г.

Заключение

*

Карел Крамарж прожил достаточно долгую жизнь. Родившись в 1860 г., к началу XX в. он был уже вполне сформировавшейся личностью, известным политиком как в Австро-Венгрии, так и в России. Благодаря личным способностям, желанию учиться и обеспеченному материальному положению он получил прекрасное разностороннее образование в различных европейских университетах.

С молодых лет Крамарж проявлял интерес к политике. Обладая упорством и честолюбием, к 30 годам он, примкнув к влиятельной партии младочехов, стал самым молодым депутатом австрийского парламента. Его ораторское искусство и публицистическая деятельность сразу привлекли к нему внимание. В начале XX в., после смерти Й. Кайзла, он становится признанным партийным лидером. Несмотря на то, что его не раз критиковали за так называемую "позитивную" политику, она, как считают некоторые историки, вполне оправдала себя: после образования в 1918 г. независимой Чехословацкой республики чехи имели опытные административные кадры, что помогло сформировать государственный аппарат.

Борьба Крамаржа и его партии за всеобщее избирательное право в австрийской части монархии (Цислейтании) увенчалась успехом. В конце 1906 г. был принят закон о всеобщем равном прямом и тайном избирательном праве для мужчин старше 24 лет.

Как депутат рейхсрата Крамарж особый интерес проявлял к вопросам внешней политики, входя в совместный орган австрийского и венгерского парламентов — делегации. Его выступления в пользу союза Австро-Венгрии с Россией обратили на него внимание российской стороны. Российский посол в Австро-Венгрии пристально следил за парламентской деятельностью энергичного партийного лидера, российский МИД расценивал его как дружественного России политика, император Николай II был знаком с его мнением по отдельным вопросам.

Идею ослабления зависимости Австро-Венгрии от Германии и поворота ее внешней политики в сторону России Крамарж отстаивал вплоть до Боснийского кризиса в 1908 г., когда осознал тщетность своих надежд.

Интерес к России проявился у Крамаржа с гимназических лет; усиление русофильства в чешском обществе в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. немало способствовало этому. В 1890 г. известный юрист впервые едет в Россию. Пробыв в ней около полугода, Крамарж познакомился с жизнью обеих столиц и провинции, завел связи с российскими общественными и государственными деятелями, писателями, философами, публицистами. В это время он уже был увлечен идеями славянской общности, желая видеть славянский мир сплоченным, мощным и единым. Но для этого предстояла большая работа. Он сознавал, что славянские народы разобщены, входят в различные государственные образования, очень мало знакомы друг с другом. Осознание германской угрозы лежало в основе идей Крамаржа о славянском единении. Оживление славянского движения в России привело к формированию так называемого неославистского течения, одним из лидеров которого в начале XX в. он и стал. На первом этапе целями неославистов было взаимное ознакомление с жизнью разных славянских народов, сплочение их на основе культурного и экономического взаимодействия. На рабочих совещаниях в Петербурге и подготовительных славянских съездах в Праге (1908) и Софии (1910) вырабатывались конкретные проекты и планы отдельных мероприятий. Часть из них была выполнена, другая — нет. Серьезным препятствием к осуществлению целей неославистов стали политические противоречия между различными славянскими народами: русско-польские, югославско-болгарские, а также крайне негативное восприятие венгерской и немецкой стороной попыток установления межславянских связей, обвинения в панславизме. Параллельно с достаточно открытой стороной общественного движения неославистов, представители которого настаивали на исключительно культурно-экономической основе своей деятельности, существовали и тайные планы политического единения в весьма отдаленной перспективе, которые, однако, не предполагали поглощение Россией этих народов, а предусматривали добровольное вхождение в Славянский союз с сохранением значительной автономии каждой стороны. Неославизм Крамаржа имел окончательной целью объединить славянские народы Австро-Венгрии, а также с помощью России сделать славянский мир фактором международной политики, с которым бы считались великие державы, и в первую очередь Германия. Накануне Первой мировой войны

Крамарж передал российской стороне свой план создания послевоенной Славянской империи.

Русофильство и неославистская деятельность Крамаржа в начале века не были забыты, и в годы войны стоили ему трехлетнего тюремного заключения и смертного приговора, которого, к счастью, удалось избежать, в том числе и с помощью России, не забывавшей "своих" людей. Репутация человека, пострадавшего за чешские интересы, сделала его национальным героем, лидером внутреннего сопротивления на завершающем этапе войны и первым премьер-министром молодой Чехословацкой республики.

Ни политический союз России и Австро-Венгрии, ни славянское объединение после войны не стали действительностью. Однако Крамарж продолжал отстаивать идею о том, что именно Россия должна стать основой и гарантом внешнеполитической безопасности независимой Чехословакии. Прежней России после событий 1917 г. не существовало. Крамарж настаивал на необходимости создать общий фронт против международной опасности распространения большевизма, был сторонником активной борьбы с советской властью любыми средствами, включая интервенцию, чтобы помочь внутренним антибольшевистским силам внутри страны свергнуть установившийся режим. Его деятельность на Парижской мирной конференции, поездка к А.И. Деникину, близость с военными кругами русской эмиграции и сторонниками активных средств борьбы с большевиками объяснялись не его реакционными монархическими взглядами, не стремлением восстановить прежнюю Россию, а желанием ликвидировать большевистский режим и создать сильное демократическое Российское государство (хотя он не исключал и форму конституционной монархии с избираемым монархом). Свидетельства тому — его обширный труд "Русский кризис", составленный им проект Российской конституции, многочисленные статьи и выступления.

Позиция Крамаржа по русскому вопросу, не соответствовавшая официальной концепции политической группировки Пражского Града, явилась решающей причиной смещения Крамаржа с поста премьера. С 1919 г. он не занимал государственных постов, находясь практически постоянно в оппозиции к правительству, особенно во внешнеполитических вопросах. Крамарж оставался до конца жизни лидером созданной им национально-демократической партии, депутатом Национального собрания.

Его чувство искренней симпатии к России и сострадания к русским после войны выразилась в поддержке, которую он вместе с женой Надеждой Николаевной оказал российским

эмигрантам, как в Чехословакии, так и в других странах в самых разнообразных формах и огромных масштабах. Он организовывал сбор средств, хлопотал перед правительством и министерствами, проводил культурные мероприятия, выступал в печати, тесно общался с представителями русской диаспоры в ЧСР и за границей. Даже в 30-е годы XX в., когда его имущественное благосостояние существенно пошатнулось, он находил возможность оказывать материальную помощь русским студентам, детям, военным инвалидам. Многие эмигрантские издания выходили на его средства. Супруги Крамарж были гостеприимными хозяевами, устраивавшими приемы для многочисленных русских гостей. Строительство русской православной церкви в Праге являлось также во многом заслугой четы Крамарж, даром русским эмигрантам и противостоянием большевистскому атеизму. Защита и помощь, предоставляемая Крамаржем эмигрантам из России, способствовала укреплению связей двух народов в межвоенный период.

Любовь Крамаржа к России вряд ли можно назвать слепой. Он интересовался историей и современным положением в нашей стране, стремился нарисовать ее будущее. Нередко он остро критиковал негативные стороны истории и политики России, но эта критика шла не от ненависти и отрицания, а от любви и желания видеть это государство сильным и процветающим. Вместе с тем героизация и идеализация образа старой России тоже были ему свойственны, но это уже в 20 — 30-е годы, особенно в сравнении с Советской Россией. Он неустанно возражал против признания Советского Союза Чехословакией и установления контактов с советским правительством, не переставая верить в крах режима большевиков и возрождение новой России.

Возможно, во многом благодаря обстоятельствам личной жизни (женитьба на русской, с которой он был и душевно очень близок), Россия стала для него вторым домом: здесь были друзья, родственники и дети жены от первого брака, знакомые, любимая вилла в Крыму. Крах этого старого мира после войны, сочувствие вынужденным эмигрировать и оставшимся в России, снижение российского престижа на международной арене воспринимались им крайне болезненно.

Крамарж прежде всего был чешским патриотом, здоровый национализм понимался им как положительная политическая тенденция. Пророссийская позиция была связана с желанием гарантировать внешнеполитическую безопасность небольшой чешской нации. Славянская близость рассматривалась им как реальная возможность укрепления положения отдельных славянских наций.

Крамаржа нельзя назвать великим мыслителем или философом, скорее это был политик-практик, имевший свои геополитические взгляды и концепции, в центре которых всегда стояла Россия. Зная западный мир, считая свой народ его неотъемлемой частью, он вместе с тем видел внешнеполитическую опору чехов на Востоке. Русские и другие славяне представлялись ему дружественными и родственными народами, что, впрочем, никогда не мешало ему выступать с критикой их политики в спорных, конфликтных ситуациях.

В своей монографии немецкая исследовательница Мартина Винклер¹ приходит к выводу о том, что Крамарж не был выдающейся личностью, а лишь "продуктом своего времени". На это можно возразить тем, что все люди, включая гениев, несут в себе отпечаток времени, формируясь в зависимости от природных способностей, полученного образования и среды общения. Личность, на наш взгляд, отличается способностью идти против течения, отстаивать свои взгляды, подниматься выше собственных интересов, стремясь к общим целям и идеалам. О политиках принято судить не только по тому, каких результатов они добились, но и по тому, какие задачи они ставили, могло ли осуществление задуманного ими принести пользу как своему, так и другим народам. Крамарж не раз подчеркивал, что единение славянских народов не агрессивно по своей сути. Идея особого славянского мира была во многом наивной, романтической, но вместе с тем вполне позитивной.

Роль Крамаржа как политика, который всегда отстаивал чешские национальные интересы в имперском совете и делегациях, а также его вклад в создание чехословацкого государства вряд ли можно отрицать. Несомненным остается и факт, что его постоянно заботило обеспечение прочности этого государственного образования, не раз он предупреждал о грозящей республике опасности со стороны Германии и ненадежности внешнеполитических союзов ЧСР.

У части современников Крамарж вызывал критику и насмешки, кто-то испытывал к нему даже ненависть, о чем говорит покушение, совершенное на него в 1919 г. В то же время, он притягивал людей, пользуясь среди сторонников и единомышленников огромным авторитетом. Многочисленные свидетельства подтверждают, что даже противники испытывали к нему уважение. Имя Карела Крамаржа прочно вошло в чешскую и чехословацкую историю. Но оценки его как политика до сих пор расходятся. Современные чешские историки более объективно оценивают этого политика, но сказать, что эта личность пользуется популярностью и особой симпатией у чешских ис-

следователей, нельзя. Некоторые из них шутят, что в основном о Крамарже пишут иностранцы.

Как любой человек, Крамарж сочетал в себе противоположные черты: щедрость и экономность, склонность к компромиссам и непримиримость, аналитические способности и упрямство в отстаивании ошибочных суждений, великодушие и мелочность, здоровую амбициозность и неумеренное тщеславие. Что подкупает в его характере — это честность, прямодушие, идеализм, желание трудиться на благо ближнего, принципиальность — достаточно редкие для политика качества.

Для нас особо ценным является отношение Крамаржа к России, желание видеть ее сильной и великой страной, а ее народ процветающим. С Крамаржем считались и его ценили многие известные российские политики, государственные и общественные деятели, литераторы и люди искусства. Среди его знакомых и респондентов премьер-министр П.А. Столыпин и министр иностранных дел С.Д. Сазонов, депутаты Государственной думы В.А. Маклаков и А.И. Гучков, политики и публицисты В.Л. Бурцев и Б.В. Савинков, деятели славянского движения славист Д.Н. Вергун и медицинское светило В.М. Бехтерев, всемирно известный писатель Л.Н. Толстой и его секретарь В.Ф. Булгаков, лауреат Нобелевской премии И.А. Бунин, известные писатели и поэты, публицисты В.И. Немирович-Данченко, К.И. Зайцев, К.Д. Бальмонт, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, А.В. Амфитеатров, Е.Н. Чириков, философы В.С. Соловьев и И.А. Ильин, академики А.Н. Пыпин, П.Б. Струве, В.И. Ламанский, профессора К.Я. Грот, И.И. Лаппо, Д.Д. Grimm, Е.В. Спекторский, А.С. Ломшаков, П.И. Новгородцев, А.А. Кизеветтер и многие другие.

Кизеветтер писал, что Крамарж соединяет в себе способность видеть ближайшие цели и связывать их с широкими перспективами будущего, одновременно являясь идеалистом и реальным политиком². Многие из русских знакомых отмечали, что Крамарж — истинный патриот, а его русофильство и славянофильство — следствие последовательно националистической "чехофильской" позиции³. Русские ценили его "донкихотство", отмечали "европейскость" образования, привычек, стиля и, одновременно, славянскую доброту и задушевность. Немирович-Данченко сравнивал судьбы К. Крамаржа и Н. Пашича, находя их в чем-то схожими. Он приводил слова Пашича, что борьба Крамаржа в Австро-Венгрии намного сложнее борьбы сербов с Турцией. Немирович-Данченко вспоминал, что в Москве и Петербурге хорошо знали Крамаржа, о нем писал его соотечественник, долго живший в России Й. Вацлик.

Многочисленными нитями Крамарж почти всю свою жизнь был связан с Россией. Поэтому его имя принадлежит не только чешской, но и российской истории.

¹ *Winkler M. Karel Kramář (1860 – 1937). Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tscheschen Politikers. München, 2002. S. 379 – 386.*

² *Sborník Dra Karla Kramáře 1860 – 1930: K jeho 70. narozeninám / Uspořádali prof. Dr. B. Němec, šefredaktor A. Pimper, redaktor V. Holeček. Praha, 1930. S. 211.*

³ См., например, ст. А. Амфитеатрова: *Ibid.* S. 192.

Указатель имен

- Абрахамович 251
Абрикосов Алексей Алексеевич 43, 47, 56, 58 – 60, 67
Абрикосов Алексей Иванович 56 – 57
Абрикосов Андрей Львович 63
Абрикосов Борис 67
Абрикосов Иван Алексеевич 56
Абрикосов Лев Алексеевич 56
Абрикосов Николай Алексеевич 56 – 57
Абрикосова Маргарита Алексеевна 57, 60, 64, 67, 307
Абрикосова Надежда Алексеевна 57
Абрикосова Руфина Алексеевна 57
Абрикосова Татьяна Борисовна 67
Абрикосовы 56
Авдаков Н.С. 110
Аверкий, иеромон. 448
Аджемов Моисей Сергеевич 293
Айвазовский Иван Константинович 51
Айхенвальд Юрий Исаевич 45
Акимов Михаил Григорьевич 99
Аксаков Иван Сергеевич 43, 50, 72, 74, 92, 442
Аксаков Константин Сергеевич 72, 82
Аксаковы 123
Алданов Марк Александрович 460
Александр I Карагеоргиевич, король Югославии с 1921 г. 236, 240, 413, 439, 447, 451, 455
Александр I, рос. имп. 31, 39
Александр II, рос. имп. 31, 38, 334, 343, 374, 396
Александр III, рос. имп. 31, 334, 344, 349
Александр Михайлович, вел. кн., внук Николая I 78
Александр Николаевич, вел. кн. 33
Александра Федоровна, рос. имп., супруга Николая II 353
Александровский Сергей Сергеевич 415
Алексеев Михаил Васильевич, ген.-адъютант 309, 353
Алексей Михайлович, рос. царь 95
Алексинский Григорий Алексеевич 396
Алексинский Иван Павлович 426, 430, 458
Альберт Эдуард 58
Альфонс, исп. король 255
Амфитеатров Александр Валентинович 273, 413, 426, 437, 490 – 491
Амфитеатров-Кадашев Владимир Александрович 460
Анастасий, архиеп. 458
Андраши Дьюла, граф 26
Антонов-Овсеенко Владимир Александрович 405, 411
Антропов Алексей Петрович 446
Апраксин Н. 111
Арсеньев Константин Константинович 46
Архангельский Александр Андреевич 460
Астров Николай Иванович 310, 320, 420
Ауэсперг Адольф 26

- Ашкенази (Ашкинази) Зигфрид-Иосиф Григорьевич 425
- Бабаев** 56
- Багинский Л. 113
- Бадени Казимир Феликс, граф 81
- Баженов Иван Александрович 75
- Бакса Карел 234, 439
- Бакунин Михаил Александрович 40, 342 – 343
- Бальмонт Константин Дмитриевич 420, 436, 457, 490
- Баляк Душан 188
- Баратов Николай Николаевич, ген. 431
- Бартонь-Добенин Цирил 445
- Бартош Йозеф 222
- Батя Томаш 429
- Бах фон 153, 155
- Бахман 187
- Бахметьев Борис Александрович 286, 305, 307, 312, 315, 319
- Бахтурина Александра Юрьевна 262 – 265
- Башмаков Александр Александрович 91, 94, 97, 128 – 129, 443
- Бейст Фридрих Ф. 25, 172
- Бек Макс Владимир фон 98, 175, 251
- Белич Александр 178
- Белошевская Любовь 3
- Белова О.В. 373
- Бельговский Константин Павлович 422, 451
- Бенедикт XV 257
- Бенеш Эдвард 7, 9, 86, 225, 237, 241, 267, 272 – 274, 276 – 277, 279, 281 – 284, 286, 303 – 307, 317, 319, 380 – 383, 385 – 389, 392 – 396, 399 – 407, 409, 412, 415, 417, 422, 424 – 426, 428, 433, 439, 457, 461, 463
- Бенеш Ян 66, 456
- Бенкендорф Александр Константинович, граф 243
- Берауд Генри 408
- Бердяев Николай Александрович 373
- Берхтольд из Угерциц Леопольд, граф 174 – 175, 182 – 183, 256
- Бестерманн Леопольд 250
- Бехине Рудольф 280
- Бехтерев Владимир Михайлович 152, 156, 490
- Бечка Богдан 456
- Бибииков Михаил Михайлович 445
- Билибин Иван Яковлевич 447
- Билимович Александр Дмитриевич 437
- Билинский Леон Риттер фон 129
- Бинерт-Шмерлинг Ричард, граф 169, 171, 183, 251
- Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен, ген.-фельд. 88
- Блудов Дмитрий Николаевич, граф 83
- Блудова Антонина Дмитриевна, графиня 73, 83
- Бобринский Андрей 110
- Бобринский Владимир Алексеевич, граф 104, 107, 109 – 112, 119, 136, 139, 173, 248 – 250, 265
- Бобринский Георгий Александрович, ген.-адъютант, граф 242
- Бобчев Степан Саввич 130, 132, 137, 148 – 150, 152 – 154, 188
- Боголюбов, ген.-лейт. 74 – 75
- Боголюбов Алексей Петрович 51
- Богучарский Василий Яковлевич 152 – 153.
- Борзенко Александр Александрович 93 – 95
- Борский Лев 225
- Бостанжогло Михаил Николаевич 51
- Боучек Вацлав 225
- Брандт Владимир Александрович** 65, 441 – 442, 447
- Граф Альбин** 18
- Браунер Франтишек** 111
- Брешко-Брешковская** Екатерина Константиновна 457
- Брусиллов Алексей Алексеевич, ген. 237, 247, 352, 354, 376 – 377

- Брушвит Иван Михайлович 424, 452, 457
 Брюллов Карл Павлович 51
 Будилевич Антон Семенович 77
 Будницкий Олег Витальевич 3, 305
 Булгаков Валентин Федорович 424, 445, 461, 490
 Бунге Николай Христианович 32
 Бунин Иван Алексеевич 419 – 420, 490
 Буницкий Евгений Леонидович 444
 Бурега Владимир Викторович 462
 Бурцев Владимир Львович 273, 394, 437, 450, 490
 Бурышкин Павел Афанасьевич 48, 52, 68
 Быч Лука Лаврентьевич 286, 314, 316

 Вагнер Адольф 18
 Вагнер Ричард 58, 63
 Валуев Дмитрий Александрович 82
 Вандалковская Маргарита Георгиевна 372
 Ванек Владимир 425 – 426
 Варенцов Николай Александрович 52 – 54, 68
 Варшавский Сергей Иванович 452, 463
 о. Василий (Попов Василий) 61
 Васильев Александр Александрович 128
 Васильев Афанасий Васильевич 75, 77
 Вацлик Ян 75, 190, 490
 Ваянский Гурбан Светозар 145, 188, 227
 Вебер Георг 34
 Веденский Алексей Иванович 45, 272
 Вейдемиллер К.Л. 290, 292
 Вельц А. 222
 Вениамин (Федченков), епископ 462
 Вергун Дмитрий Николаевич 11, 76 – 77, 83, 88, 91, 94 – 97, 100, 110, 142 – 143, 160, 410, 442 – 443, 452, 490
 Веселы Франтишек 77, 225
 Видеман С. 461
 Виктор Эмануил II 29
 Викторов Д.В. 45
 Вилинский Сергей Григорьевич 438
 Вилюков Александр Александрович 440
 Вильгельм II Гогенцоллерн 249
 Вильсон Томас Вудро 252, 283, 285, 305
 Вильчковский С.Н. 436
 Винавер Максим Моисеевич 293
 Винклер Мартина 8, 489
 Винтерс Стенли Б. 8 – 9
 Виталий (Максименко), архимандр. 448
 Витковский П. 453
 Витте Сергей Юльевич 31 – 32, 44, 331, 344, 348
 Владиславлев И.А. 443
 Вогл Карл 250
 Водсеялек Йозеф 14
 Водсеялек Карел 456
 Водсеялек Мила 456
 Водсеялек Франтишек 15
 Водсеялкова (Гладик) Анна 15
 Водсеялкова Анна (младшая)
 Войтех Т. 8
 Волков Владимир Константинович 82
 Волков Н.Н. 109
 Володимиров Владимир Михайлович 89 – 92, 94 – 97, 104, 109, 115
 Вольтце В. 395, 428
 Вондрак Вацлав 251
 Воронский Вацлав Вацлович 421
 Воронин Степан Александрович, ген-лейт., 402
 Воронович Николай Владимирович 424
 Врангель Петр Николаевич, барон, ген.-л. 67, 315, 320, 324, 391, 423 – 424, 429, 431 – 433
 Вышеградский И.А. 32

- Вязьмитинов Василий Ефимович, ген.-л. 287
 Вячеслав (Вацлав) св. 112, 229, 258
 Габрман Густав 241, 276
 Габсбурги 81, 229, 244, 257, 392, 397, 400, 406, 410
 Гавелка 444
 Гавличек-Боровский Карел 20, 88
 Гавринев В.А. 462
 Гайд Рудольф (Радола) 434
 Гайн Антонин 225, 233, 237, 241 – 242, 410, 425, 434
 Гампа О.Ф. или Антонин 223
 Гарбулева Любица 3
 Гарвер Брюс М. 7
 Гартвиг Николай Генрихович 149, 153
 Гарэтто Э. 460
 Гауч фон Франкентурн Паул, барон 171 – 172, 251
 Гашпар Йозеф 428
 Гегель Георг Вильгельм Фридрих 72, 82
 Гей Ф.Я. 109, 130
 Гейнольд, барон 186, 251
 Гейровский Леопольд 18, 22
 Герасимов Александр Михайлович, вице-адм. 314
 Гербен Ян 225, 260
 Гердер Йоган Готфрид 82
 Гержман Ян 428
 Геркель Ян 82, 228
 Герман Карел 7, 265
 Геровский А.Ю. 268 – 269
 Герцен Александр Иванович 37, 40, 326, 342, 367
 Гессен Иосиф Владимирович 370
 Гессен Сергей Иосифович 444
 Гиза Антони 4
 Гижицкий Александр Степанович 109 – 110, 119, 135
 Гижицкий Я. 426
 Гиллерсон С.И. 382, 415
 Гилмар В. 17
 Гильснер Л. 263
 Гильфердинг Александр Федорович 72
 Гиппиус Зинаида Николаевна 419 – 420, 490
 Гирс 160
 Гирс Михаил Николаевич 233, 284, 286, 371, 437
 Гирса Вацлав 430, 439
 Гирса Йозеф 404
 Гитлер Адольф 414
 Главач Бедржих 141
 Главачка Милан 3, 8
 Гладик Вит 15
 Глазунов Александр Ильич 426, 449, 458, 463
 Глебовицкий Никита П. 96, 105, 110, 113, 115, 117, 120, 130, 134, 148
 Глонбиньский Станислав 162, 164 – 165, 251
 Гогенлоэ Х., князь 184
 Гогенцоллерны 254, 392
 Годжа Милан 403, 415, 454 – 455
 Голенищев-Кутузов Петр Аркадьевич, князь 111
 Голечек Йозеф 77, 91, 227
 Голл Ярослав 22, 30
 Головин Николай Николаевич, ген.-л. 402
 Голуховский Агенор Ромуальд, граф 79 – 80, 159
 Гончаров Иван Александрович 347
 Горак В. 456
 Горемыкин Иван Логгинович 75
 Горизонтов Леонид Ефремович 4, 347, 375
 Горлов Владимир Михайлович 77
 Горничек И. 222
 Горничек Я. 222
 Горчаков Александр Михайлович, князь 73
 Готвальд Клемент 418
 Готовский 149
 Гофштеттер Ипполит Андреевич 131
 Гохман Я. 456
 Градовский А.Д. 97

- Грегр Эдвард 24, 28
 Грегр Юлиус 28, 89, 107
 Грей Эдуард виконт Фаллодон 242
 Грибар Иван Ф. 95, 99, 105, 115, 120, 130, 164, 188
 Гримм Давид Давидович 437, 440, 490
 Гришина Ритта Петровна 3
 Грмела Ян 253
 Громадко Вилем 310
 Громов Н. 438
 Грот К.К. 33, 35
 Грот Константин Яковлевич 33—35, 45, 77, 108, 436, 490
 Грот Николай Яковлевич 33—35, 45
 Грот Яков Карлович 33—35
 Грот (Семенова) Наталья Петровна 33, 35
 Грош Карел 159, 179, 230—231, 239
 Грубый Яромир 227
 Грунд Ладислав Бендрихович 421, 441, 456
 Грушевский Михаил Сергеевич 113
 Гудец Йозеф 241
 Гулькевич К.Н. 286
 Гурбан Владимир 276
 Гурко Владимир Иосифович 77
 Гурович Александр Самуилович 425
 Гусев А.Ф. 77
 Гутманн А. 405, 424
 Гутнов Е. 322
 Гучков Александр Иванович 67, 152, 154, 156—157, 175, 260, 334, 348, 352, 416, 421—423, 490
 Гучков Николай Иванович 112
 Гушек В. 222
 Давац Н. 438
 Давидяк 148
 Данев С. 401
 Даниил, черногорск. кн. 75
 Данилевский Николай Яковлевич 43, 73, 87—88, 92, 97, 190, 400
 Дашинский Игнатий 120
 Дворжачек Я. 309
 Дедина Франтишек 223
 Дедушицкий (Дзедушицкий) Войтех (Адальберт), граф 125, 137, 162, 164
 Делькассе Теофиль 248
 Деманжери-Маргерит, адм. 309
 Дементьев Е.М. 96—97, 109
 Демидов Игорь Платонович 115—116, 123—128, 132—133, 139
 Дени Эрнст 248
 Деникин Антон Иванович, ген.-л. 7, 105, 282, 284, 286—288, 304—305, 307—311, 314—320, 350, 357, 386, 390—391, 406, 431—432, 457, 487
 Дешанеле 248
 Джунковский Владимир Федорович 29
 Дзержинский Феликс Эдмундович 407
 Динцехофер Криштоф 446
 Дмовский Роман В. 98, 101, 131, 146, 148—149, 163, 188, 422
 Добецкий Е.Е. 100
 Добкин А. 460
 Добровский Йозеф 222
 Добролюбов Николай Александрович 343
 Догудовская А.А. 60
 Долгополов Николай Савич 287
 Долгопятов Григорий Иванович, ген. 455
 Долгорукие 63
 Долгоруков В. А. 52
 Долгоруков Павел Дмитриевич 310, 314, 320—321, 413, 418
 Долгоруков Петр Дмитриевич 425, 439, 450, 455, 457
 Доппельмайер Порфирий Гаврилович 119
 Доронченков Аскольд Иванович 306, 460
 Дорошенко Дмитрий Иванович 444
 Досталь Марина Юрьевна 83, 107, 461

- Достоевский Федор Михайлович 34, 45
 Доубек Вратислав 3, 8, 82
 Драбек П. 259
 Драган Георгий Николаевич 41
 Драгомиров Михаил Иванович, ген. 54
 Држевецкий Д. 104
 Дртина Франтишек 223
 Дубски Густав 225
 Дударев А.И. 314
 Дудыкевич Владимир Ф. 110, 189
 Дурново Николай Николаевич 77
 Духонин Николай Николаевич, ген.-л. 356, 377
 Душек Кирилл 225, 281
 Дык Виктор 225, 260
 Дымша Любомир К. 96, 104
 Дюла М. 428
 Дюрих Йозеф 130, 143, 148, 267, 269–270
- Евлогий (Георгиевский Александр Семенович), митроп. 445–447
 Евреинов В.Д. 419
 Екатерина II, рос. имп. 328
 Екатерина Михайловна, вел. кн. 46
 Елманова Н.С. 306
 Енджевович 158
 Ермолова В. 421
 Ермолова Мария Николаевна 63
 Ефимов Николай Павлович, ген.-л. 287
 Ефремов Иван Николаевич 286
 Ещенко-Вондрак С.Д. 428
- Жилинский Яков Григорьевич, ген. 189
 Жуковский Николай Егорович 54
 Жуковский В.Г. 8, 142, 144, 159, 160–161, 175, 180, 184, 186, 187, 189, 225–229
- Завадский Сергей Владиславович 320, 452
- Зайцев Кирилл Иосифович 415, 418, 437, 439, 490
 Залесский 249
 Залогина Авдотья Устиновна 55
 Замазал Йозеф 250–251, 255, 257–258
 Заруба-Пфедерманн Й. 225
 Звездич Петр Исаевич 453
 Зверев 43
 Здеховский Мариан 89
 Зелены Вацлав 16–17
 Земан 14
 Зейферт 241
 Зензинов Владимир Михайлович 424
 Зиновьев Григорий Евсеевич (Радомысльский Евсей Аронович) 360
 Зитек О. 66
 Златарский В.Н. 178
 Зубашев Ефим Лукьянович 440
- Иванов Сергей Алексеевич 287
 Ивановский В.Н. 45
 Ивантышинова Татьяна 3
 Игнатъев Николай Павлович, граф 75
 Извольский Александр Петрович 83, 114, 116, 118, 133, 145, 248, 286, 401
 Изгоев (Лянде) Александр (Аарон) Соломонович 44, 322, 335
 Илешич Ф. 188
 Ильин Василий Сергеевич 440, 444, 455
 Ильин Иван Александрович 3, 67, 69, 434, 438, 460, 490
 Ильинский Григорий Андреевич 77
 Иоксимович Ч.М. 68
 Иосиф II Габсбург, австр. имп. 112, 328
 о. Исаакий (Виноградов Иван Васильевич), архимандр. 455
 Искендеров Ахмед Ахмедович 377
 Искрицкий Михаил Андреевич 109–110, 119

- Исламов Тофик Муслимович 84
Ичинский Б.О. 311
- Кадлец Карел 303
Казанский М. 220, 221
Кайзл Йозеф 18–19, 22, 24, 27,
29–30, 141, 328, 485
Калина Антонин 276
Калинков Г.И. 188
Калаш Йозеф 227
Кала Ян 427
Каменев (Розенфельд) Лев Бо-
рисович 360
Каменский И.В. 77
Кант Иммануил 82
Капков Яков Федорович 51
Капнист Петр Алексеевич 74
Каразин Николай Николаевич
55
Каракозов Дмитрий Владимиро-
вич 343
Кардиналовский, ген.-м. 156
Кареев Николай Иванович 272,
328, 373
Карл I, австр.имп. 257, 260, 397
Карл IV, чешск. и нем. король,
римск. имп. из дин. Люксем-
бургов 229
Карл Фердинанд 17, 29
Карник Зденек 249
Карпов Николай Дмитриевич
458
Карташев Антон Владимирович
430, 434
Катков К.М. 447
Кашпар Карел, кардинал 454
Келлер 239
Кельчевский Е. 442
Кербер Эрнст фон 98
Керенский Александр Федоро-
вич 31–32, 44, 323, 354, 356,
371, 376–377, 393, 399, 405,
424, 433
Керзл В. 255
Кернер Эдуард 255
Кибальчич Валентин Федорович
428
Кизеветтер Александр Алексан-
дрович 42, 46, 444, 490
- Киреев Александр Алексеевич
77
Киреевский Иван Васильевич
72, 82, 86, 336, 400
Киреевский Петр Васильевич 72
Киреевские 82, 123
Кириев Петр Петрович 440
Кирилл св. 70, 75, 112, 179
Кишенский Дмитрий Павлович
440
Клеванский Александр Харито-
нович 3
Клемансо Жорж-Беньямин 283,
285, 391
Клецанда Иржи 222–224
Клима Властимил 9
Климек Антонин 282
Климушкин Прокопий Диоми-
дович 424, 457
Клодт Сергей Георгиевич 447
Клофач Вацлав Ярослав 98, 112,
117, 125, 130, 142, 144, 148, 154,
159, 171, 175, 179, 187–190,
220, 222, 225, 227, 230,
233–234, 237, 243, 245–246,
275–276, 280, 285, 395, 405,
407, 439
Клюжев Иван Семенович 119
Ключников Юрий Вениамино-
вич 293
Кноп Людвиг Иоганн (Лев Гера-
симович) 48
Кнотек 243
Ковалевский Владимир Ивано-
вич 78
Ковалевский Максим Максимо-
вич 46, 94, 146
Козицкий С.И. 422
Козьменко В.М. 306
Коковцов Владимир Николае-
вич 174, 376, 401
Кокошкин Фёдор Фёдорович
356, 377–378
Кокорев Василий Александро-
вич 53
Коларж Йозеф Йиржи 34, 107
Колеров М.А. 457
Коллар Ян 71, 82, 111, 142, 222,
228, 262

- Коломацкий Всеволод, протоиер. 448
 Колчак Александр Васильевич, адм. 105, 284, 287, 305, 316—317, 386, 390—391, 399, 404, 436
 Комаров Виссарион Виссарионович 75
 Комаров Г.В. 80, 109, 110
 Кондаков Никодим Павлович 108
 Кони Анатолий Федорович 45
 Коничек-Горский Сватоплук 221—223, 240
 Коновалов Александр Иванович 287
 Коновалов В.С. 373
 Кононова Маргарита Михайловна 305, 457
 Константин Константинович (вел. кн.) 74
 Копрживова Анастасия 9, 69, 452, 462—463
 Кораблев Василий Николаевич 77, 109
 Корбель, полк. 309
 Корнилов Иван Петрович 77
 Корнилов Лавр Георгиевич, ген. 305, 309, 319, 356, 377
 Корольков, ген.-м. 287
 Корф Павел Леопольдович, барон 108, 135, 159
 Корш Федор Евгеньевич 77, 178
 Косик Виктор Иванович 3, 372
 Костюшко Иван Иванович 3
 Косцельский 146
 Котера Ян 63
 Котович, полк. 292
 Кошелев Александр Иванович 82
 Коштутич Р. 188
 Крамарж Йозеф мл. 14, 36
 Крамарж Йозеф ст. 14
 Крамарж Карел 2—3, 5—19, 22—25, 27—28, 31—44, 46—48, 53, 55, 57—67, 69, 80, 84, 86—88, 92—93, 95—96, 98—101, 103—105, 107, 110, 112—113, 115—121, 124—127, 129—134, 139—149, 151—160, 162—166, 168, 170—176, 179—181, 186—190, 220, 222—223, 225—227, 229—261, 266—267, 272, 274—278, 280—287, 293, 295—296, 298—319, 322—385, 388—420, 423—457, 460—463, 485—491
 Крамарж (Нечасек) Каролина 14
 Крамарж (Водседялек) Мария 15
 Крамарж Надежда Николаевна (урожд. Хлудова, в первом браке Абрикосова) 2—3, 6, 8—9, 13, 30, 43—44, 47—48, 54—69, 131, 144, 156, 246, 250, 256, 259—260, 278, 282—283, 307, 322, 350, 416, 418—419, 422, 426—427, 429—430, 435—436, 438—441, 443, 445—452, 454, 456—458, 463, 485, 487—489
 Крамарж Петр 14—15, 64
 Красин Леонид Борисович 382
 Красинский Адам 104
 Краснов Петр Николаевич, ген. 286, 371
 Красовский Михаил Васильевич 91, 97, 99—100, 108—110, 119, 130, 149
 Крейбих Карл 406, 411
 Кривенко Василий Силович 75
 Кривошеин Александр Васильевич 310, 320
 Крижанич Юрий 73—74
 Кропоткин Петр Алексеевич 273
 Крофта Камил 409, 412—413, 430
 Кудашев 252
 Кудрина Юлия Викторовна 376
 Кудэнговэ Карл, граф 170
 Кузьмичева Людмила Васильевна
 Кулаковский Платон Андреевич 77, 91, 128—129
 Кумберленды 194
 Кунт А. 437
 Кутепов Александр Павлович, ген. 433—434, 460
 Кшицова Д. 420
 де Кюстин Агюст, маркиз 325, 372

- Лавров Петр Лаврович 40, 272
 Лажанский В. 231
 Лазарев В.В. 287
 Лазарев Егор Егорович 424
 Ламанский Владимир Иванович
 27, 34–35, 45–46, 72, 77, 178,
 490
 Ламбл 36
 фон Лампе Алексей Александр-
 рович, ген.-м. 433
 Ламсдорф Владимир Николае-
 вич 80
 Лаппо Иван Иванович 443, 452,
 490
 Лаптева Людмила Павловна 82,
 373
 Лапшин Иван Иванович 272
 Лебедев Владимир Иванович 11,
 317–318, 423
 Левицкий К. 113
 Леже Луи 190
 Лемберг Г. 7
 Леньшина Маргарита Ивановна
 4
 Ленин (Ульянов) Владимир Иль-
 ич 323, 343, 356, 360, 373,
 389–390, 393
 Леонтьев Константин Николае-
 вич 87, 327, 372, 400
 Леонтьев Максим Николаевич,
 ген. 423, 457
 Леруа-Болье Генри Жан-Бап-
 тист 19
 Лесков Николай Семенович 55
 Лейхтенберский Г.Н., герцог 433
 Либих Ченек 17
 Либкнехт Карл 253
 Ливен А.П., кн. 433
 Литвинов Максим Максимович
 414
 Лихтенштейн А., князь 134
 Ллойд Джордж Давид граф Дуай-
 фор 283, 285, 390, 405
 Лобанов-Ростовский Алексей
 Борисович 79
 Лобковиц Йиржи, кн. 170, 181
 Лобковиц В.Э., кн. 238
 Ломшаков Алексей Степанович
 452, 455, 490
 Лопатин Лев Михайлович 34, 45
 Лорис-Меликов Михаил Гариэ-
 лович, граф 344, 374
 Лосский Борис Николаевич 446,
 450
 Лосский Николай Онуфриевич
 450
 Лутохин Д.А. 462–463
 Львов, кн. 74
 Львов Георгий Евгеньевич, кн.
 284, 287, 293, 307, 355–356,
 377
 Львов Л. 439
 Львов Николай Николаевич 91,
 98, 108–110, 119, 310, 320, 396
 ЛЫСЫЙ 234
 Любош С. 31
 Людендорф Эрих фон, ген. 394
 Людмила св. 112
 Людсканов А. 188
 Магеровский Лев Флорианович
 425–426, 432, 438
 Маккензен Август фон, ген.-
 фельд. 242, 389
 Маклаков Василий Алексеевич
 91, 98, 108–110, 119, 284, 286,
 293, 305, 307–316, 318–319,
 396, 490
 Макса Прокоп 285, 309
 Малиновский 186
 Мальков В.Л. 305–306
 Мамонтов Федор Иванович 51
 Мамонтова (Хлудова) Татьяна
 Алексеевна 51
 Маңдич 148
 Манес Йозеф 107
 Манжен, ген. 308, 311
 Мансветов Фёдор Северьяно-
 вич 424
 Маракуев Сергей Владимиро-
 вич 442
 Мария Терезия 22, 25, 258, 328
 Мария Федоровна, рос. имп.,
 супруга Александра III 376
 Маркевич А.И. 77
 Марков Дмитрий Андреевич 95,
 189
 Маркович Иван 148, 276

- Маркс Карл 356, 374
 Марьина Валентина Владимировна 263
 Масарик Алиса 451
 Масарик Томаш Гарриг 7–9, 11, 13, 22–24, 27, 29, 33, 35–36, 41, 45–46, 67, 121–124, 141–142, 166, 179–180, 225, 227, 229–234, 236–243, 245, 253, 258, 261, 263, 267–270, 272–274, 276–279, 282–284, 304, 306, 309, 317–319, 325–326, 328, 331, 336, 342, 350, 359, 372, 374, 378, 382–383, 385, 388–389, 392, 395–397, 400–403, 405, 415, 417, 425, 430, 439, 442, 457, 461, 463
 Масловский Евгений Васильевич, ген.-м. 287
 Масси Роберт К. 376
 Матвеев Геннадий Филиппович 2, 3
 Матоушек Йозеф 261, 439
 Матоушек Франтишек 311
 Матуш Карел 233, 237
 Махар Йозеф 61, 260
 Махин Ф.Е., полк. 424
 Махно (Михно, Михненко) Нестор Иванович 311
 Мачеевский Я. 373
 Маяковский Владимир Владимирович 324, 409, 417
 Мейснер Дмитрий Иванович 439, 449, 461, 463
 Мельников Георгий Павлович 3
 Менцель (псевд. Вольнец Владимир) Вячеслав Иосифович 458
 Меньшиков Михаил Осипович 80, 101–104, 151, 152
 Мережковские 54
 Мережковский Дмитрий Сергеевич 419–420, 490
 Мефодий св. 70, 75, 112, 179
 Мефодий Ян Заворал 455
 Милетич Любомир 178
 Миллер В. 222
 Мильчетич 178
 Милюков Павел Николаевич 98, 100, 104, 107, 121, 128, 142, 154, 166, 182, 270, 273–274, 279, 325, 345, 362–364, 379, 390, 396, 433, 437
 Милютин Юрий Николаевич 91, 94, 96–97, 108, 156
 Минор Осип Соломонович 424
 Мирбах Вильгельм, граф 358
 Митровский Милеш 428
 Михаил Александрович, вел. кн. 353
 о. Михаил (Васнецов Михаил Викторович), протоиер. 455
 Михайлов Н.М. 314
 Мишевцева Элла Петровна 44
 Модрачек Франтишек 324
 Модро 413
 Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович 414
 де Монзи Анатоль 406
 Монвилл Йозеф 119, 130
 Моравец Эмануэл 222
 Мордовцев Д.Л. 45
 Морозов Абрам Абрамович 50
 Морозов Абрам Савич 50
 Морозов Михаил Абрамович (псевдоним М.Юрьев) 50
 Морозова (Хлудова) Варвара Алексеевна 50
 Морозова (Широкая) Дарья Давыдовна 50
 Морозова Л.Е. 373
 Морозова Марья Кирилловна 51, 68
 Морозовы 50, 55
 Муравьев Михаил Николаевич, граф 74–75, 79, 183, 347, 375
 Мурашко Галина Павловна 3
 Мурко Матия 61
 Муромцев Сергей Андреевич 54
 Муха Алоис 278
 Наполеон I 331
 Наполеон III 29
 Нарышкин А.А. 99, 128
 Неандр Борис Николаевич 440
 Нелидов Александр Иванович 145

- Немец Антонин 241
 Немец Богумил 9, 450, 453–456
 Немирович-Данченко Василий Иванович 35, 490
 Немирович-Данченко Владимир Иванович 47, 50
 Ненадич Милан 311
 Ненашева Зоя Сергеевна 8–9, 12, 83–86, 105, 166–167, 196
 Нератов Анатолий Анатольевич 78, 238, 247, 287, 309
 Нечаев Г.А. 69
 Нечасек Йозеф 14
 Никанор, архиеп. 45
 Никитин А.К. 355, 375, 377
 Никитин А.М. 314
 Николай II, рос. имп. 75, 80, 100, 140–141, 173–174, 223, 344, 349, 355, 485
 Николай, черногорск. кн. 75
 Николай Николаевич, вел.кн. 221, 324, 460
 о.Николай (Рыжков Николай) 111, 445, 462
 Никольская Елизавета Николаевна 447
 Нова Яна 17
 Новак, штаб-кап. 314, 317
 Новак Ярослав 281
 Новгородцев Павел Иванович 65, 310, 319–320, 370, 450, 490
 Новиков Михаил Михайлович 444
 Новодворский Франтишек 104
 Нолькен Александр Людвигович, ген.-м. 309
 Нордман Н.Н. 290, 292, 339
 Носович В.П. 312
 Нуланс 309

 Оберт Теодор 422
 Окунев Николай Львович 444–445
 Олизар Ян, граф 108, 119
 Ольга, кн. 112
 Ольденбург С.С. 439
 Оман Бедржих 65

 Орлов Георгий Алексеевич, капит. 455
 Орсан Я.М. 223
 Осипов Николай Евграфович 444
 Островский Александр Николаевич 55, 63
 Осуский Штефан 276, 281
 Отт Д.О. 108
 Отто Э. 18

 Павленко Ольга Вячеславна 82
 Павлов, капитан 285
 Павлу Богдан 130
 Паздирек Франтишек 23
 Паларик Ян 71, 82
 Палацкий Франтишек 20, 25, 30, 74, 80, 88, 92, 107, 111, 179–180, 222, 226, 243
 Палеолог Морис Жорж 229, 397
 Пальмов Иван Саввич 128
 Панина Софья Владимировна 61
 Папоушек Ярослав 285
 Парвус (Гельфанд) Александр Львович 372, 390
 Пархомов Дмитрий Николаевич, ген.-л. 287
 Пастернек Франтишек 178
 Патера Адольф 34, 107
 Паточка Йозеф 15
 Пауль Ф.Ф. 223
 Пашич Никола 183, 401, 451, 490
 Пашковский Николай Павлович 447
 Пекарж Радован 57, 68
 Первольф Йозеф 33, 45
 Перигус 406
 Перов Василий Григорьевич 51
 Перфецкий Евгений Юлианович 444
 Петлюра Симон Васильевич 308, 383, 415
 Петрово-Сололово Василий Михайлович 108–109, 135
 Петряев А.М. 224
 Пеутлшмид Роберт 250
 Петр I, рос. имп. 328, 330–331, 339
 Петр III, рос. имп. 329

- Пинкас Л. 227
- Пирожкова Татьяна Федоровна 82
- Писарев Дмитрий Иванович 343
- Пишон Стефан Жан Мари 133, 287, 291
- Платонов Сергей Федорович 437
- Плеве Вячеслав Константинович 80
- Плесингер-Божинов Мирослав 281
- Плеханов Георгий Валентинович 273
- Победоносцев Константин Петрович 31 – 32, 331, 334, 373
- Погодин Александр Львович 127 – 129, 139, 411
- Погодин Михаил Петрович 51, 72, 87, 400
- Покровская Елена Максимовна 452
- Покровский Виктор Леонидович, ген. 318
- Полавцев В.И., ген.-м. 287
- Поливка Иржи 227, 427
- Понксиньский М. 373
- Постников Сергей Порфирьевич 462
- Потоцкий Генрих, граф 119
- Праженский Станислав 17
- Прейс Ярослав 110, 130 – 131, 186, 188, 227, 276
- Премингер Маркус 250
- Пржемысл I Отакар, чешск. Король 228
- Приклонский М.Г. 270 – 271
- Принцип Гаврило 220
- Прове Р.И. 66
- Протопопов Александр Дмитриевич 352
- Протопопов А.С. 306
- Проخورов Константин Васильевич 51
- Проخورова (Хлудова) Прасковья Герасимовна 51
- Прунар 234
- Псота 227
- Птицын Дмитрий Александрович 3
- Птицына Надежда Николаевна 3
- Пуришкевич Владимир Митрофанович 139
- Пушкарев Сергей Германович 65, 328, 373, 443, 461
- Пыпин Александр Николаевич 35, 45 – 46, 77, 490
- Пыха, еписк. 455
- Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич, ген. 107, 356, 378
- Радлов И. 462
- Радлов Эрнест Леопольдович 34, 45
- Раевский Михаил Федорович 111, 135
- Разовский К. 152
- Разус Мартин 428
- Раковский Х. 415
- Ранда А. 18
- Распутин (Новых) Григорий 345, 352 – 353, 376
- Рафальский Владимир Трифильевич 371, 404, 423, 426, 436 – 437, 455, 457
- Рахманинов Сергей Васильевич 438
- Рашин Алоис 225, 230, 241 – 242, 250 – 251, 255 – 261, 272, 280, 283, 303, 317
- Рашинова 259
- Ревуцкий М.Л. 430
- Регнер Фрейхер фон Блейлебен Октавиан 239
- Резек Антонин 22, 30
- Рейман Зденек 91
- Рейнгард 36
- Рейф Франтишек 222
- Ремиславский (Шимборский) Ремислав 447
- Ригер Франтишек Ладислав 14, 17, 23, 92, 107, 134, 222
- Римский-Корсаков Владимир Валерианович, ген.-л. 451
- Риццони Александр Антонович 51
- Робинсон Михаил Андреевич 2 – 3, 45
- Ровинский Павел Апполонович 91

- Рогатко Сергей Александрович 68
- Родзянко Михаил Владимирович 252
- Родичев Федор Измайлович 98, 139, 396
- Розанов Владимир Васильевич 45, 77
- Рокина Галина Викторовна 82, 228, 262
- Романовы 222, 236, 240, 258, 273
- Ростовцев Михаил Иванович 272
- Рубакин Николай Александрович 372
- Руднев Вадим Викторович 424
- Рузский Николай Владимирович, ген. 356, 378
- Руппет Милеш 428
- Руссо Отто 250
- Рыбасов А.И. 440
- Рыхлик Ян 3
- Рябушинский Владимир Павлович 437
- Рябушинский Павел Павлович 352
- Саблер Владимир Карлович 35, 46
- Савваитова М.Д. 229, 263
- Савинков Борис Викторович 284, 287, 293, 490
- Савицкий В.И. 287
- Савицкий Иван Петрович 3, 8, 12, 285, 371
- Савицкий Петр Николаевич 444
- Савченко И. 440
- Сазонов Сергей Дмитриевич 65, 73, 83, 87, 105, 139, 184, 195, 229, 233, 243, 252, 269, 284, 286, 351, 397, 402, 450, 490
- Самарин Дмитрий Федорович 36, 46
- Самарин Юрий Федорович 34, 46, 72, 82
- Саравьев 44
- Саханев Всеволод Васильевич 445
- Сватковский Всеволод Павлович 62–63, 69, 75, 77–78, 100, 109, 125–126, 129–130, 139, 144, 147–148, 153–155, 161–165, 167–168, 170–171, 175–176, 181–182, 184, 186–187, 190, 195, 197, 225, 230–242, 247–250, 252, 269–270
- Свенцицкий Генрих 100, 119
- Свербеев Сергей Николаевич 125–126, 144–147
- Светлик Франтишек 411
- Свечинская Антонина Петровна 452
- Свобода Карел 276
- Святополк-Мирский Петр Дмитриевич 344, 374
- Северин-Четвертинский, кн. 189
- Сейда Я. 189
- Сейдл Густав 250
- Сементовский-Курило Д.К. 148
- Семенов Николай Петрович 33
- Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович 33, 35
- Серационова Елена Павловна 2, 9, 12–13, 29, 69, 262–263, 265, 279, 371–372, 374, 460
- о.Сергий (Булгаков Сергей Николаевич), протоиер. 89
- Сергий (Королёв), еписк. 441, 446–448, 452, 455
- Сетон-Ватсон Роберт Вилиам 231
- Симич Дьордже 182
- Сиротинин Василий Николаевич 156
- Сис Владимир 53, 225, 338
- Сис Франтишек 225, 257, 259–260
- Ситников Михаил Михайлович 440
- Скаба А.Д. 305
- Скаржинский С., граф 131
- Скобелев Михаил Дмитриевич, ген. 44
- Скугаревский, ген. 128
- Славейков П. 152
- Славик Владимир 281, 303
- Сладек Зденек 7, 9, 11, 279, 306, 417, 453, 457–458, 463

- Сладковский Карел 28
 Слоним Марк Львович 424
 Смирнов Лев Никандрович 82
 Смоларжова-Чапкова Б. 443
 Смолька Станислав 92, 132
 Соболевский Алексей Иванович 77, 128–129, 178–179, 271–272
 Соболевский Василий Михайлович 50
 Соколов Борис Федорович 357
 Соколов К.Н. 286, 305
 Соколов П.П. 45
 Соколовский 77
 Соловцов Александр Владимирович 54
 Соловьев Александр 445
 Соловьев Владимир Сергеевич 35, 45, 47, 54, 490
 Сорокин И.Л. 378
 Сорокин Питирим 439, 461
 Соукуп Франтишек 241, 275
 Спасович Владимир Данилович 45
 Спасский Георгий, протоиер. 446
 Спекторский Евгений Васильевич 45, 65, 440, 450, 490
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович 360, 414, 422
 Сталинский Евсей Александрович 424
 Стамбулийский С. 188
 Станек Франтишек 190, 274, 276
 Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич 47
 Стасюлевич Михаил Матвеевич 40, 46
 Стахович Михаил Александрович 286, 293
 Сташек Антал 14, 303, 454
 Стеклов Юрий Михайлович 406
 Степаненко 95
 Стилд Генри Уитхам 231
 Стодола Эмил 237
 Столыпин Александр Аркадьевич 96–97, 101, 110, 112, 114, 120, 136, 189
 Столыпин Петр Аркадьевич 93, 95, 99, 115, 120, 126, 152, 249, 320, 340–341, 344–345, 348, 374, 396, 401, 490
 Стоянович Л. 178
 Странский Адольф 190, 239, 405, 417
 Страхов Николай Николаевич 34, 45
 Страшевич Людвиг 188
 Стримпл Людвик 276
 Струве Глеб 439
 Струве Петр Бернгардович 49, 55, 65, 68, 293, 310, 320, 375, 419, 422, 433, 439, 450, 460, 490
 Стршибрны Йиржи 425, 452
 Ступецкий Й. 18
 Суворин Алексей Сергеевич 195, 435
 Суворин Борис Алексеевич 110, 176, 195, 410, 435
 Суворин Михаил Алексеевич 438
 Суворов Александр Васильевич, граф., кн., генералиссимус 323
 Сузуки 311
 Сулиговский Адольф 104
 Сумбатов-Южин Александр Иванович 50
 Сухомлинов Владимир Александрович, ген.-адъютант 389
 Счастный Алоис 278
 Сыхрава Лев 225, 272, 279
 Тааффе Эдуард Франц Йозеф, граф 26
 Такахаси 311
 Талирж М. 18
 Танеев Сергей Иванович 54
 Теофилов И.В. 66
 Терещенко Михаил Иванович 352
 Тимашев Николай Сергеевич 19
 Тимашев Сергей Иванович 18
 Тимирязев В.И. 80
 Тоболка Зденек Вацлав 250, 259–260
 Тодоров Петко 152

- Толстой Лев Николаевич 27, 32–34, 40–43, 45, 153, 336, 445, 490
- Томайер 63
- Томанович Л. 188
- Томичек Карел 14
- Тресич-Павичич А. 95, 117, 130, 134, 148, 188
- Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович 356, 360
- Трубецкой Георгий Николаевич, кн. 99, 310
- Трубецкой Григорий Николаевич, кн. 133
- Трубецкой Евгений Николаевич, кн. 34, 45, 222, 326
- Трубецкой Николай Николаевич 34, 45, 51
- Туган-Барановский Михаил Иванович 345, 375
- Тумпах 442
- Тун-Гогенштейн Франтишек Антонин, граф 26, 28, 126, 170–171, 175, 184–185, 187, 229, 234, 239, 251, 257
- Тун-Гогенштейн Леопольд Лев, граф 20
- Тургенев Иван Сергеевич 35
- Турн-Вальсасин, граф 173
- Тусар Властимил 276, 392, 416
- Тучек Алоис 221–223, 240, 261
- Тютчев Федор Иванович 73
- Уваров Сергей Семенович, граф 72, 83, 336, 374
- Удржал Франтишек 179, 425
- Урусов Л.П., кн. 134, 140, 155–156, 158
- Успенский Федор Иванович 186
- Фадеев Александр Владимирович 4, 44
- Фадеев Ростислав Андреевич 43, 87, 400
- Фадеева Екатерина Александровна 4
- Федоров Михаил Михайлович 94, 100, 109, 128
- Федотов Павел Андреевич 51
- Фердинанд I, чешск. и венг. король, римсконем. имп. Из дин. Габсбургов 229
- Фердинанд I Саксен-Кобург-Готский, болг. царь 137, 184
- Фидлер Франтишек 159–160, 168, 276
- Филевич Иван Порфильевич 92, 95, 97, 104–105, 109, 112, 114, 117, 169
- Фирсов Евгений Федорович 8, 12, 83
- Фихте Иоганн Готлиб 82
- Фихтенгольц П. 78
- Фишер Отакар 455
- Флоринский Тимофей Дмитриевич 27, 30, 78, 228
- Флоря Борис Николаевич 4
- Фортунатов Ф.Ф. 178
- Форшт Йозеф 251
- Фош Фердинанд, маршал 283, 285
- Франта Б. 225, 230, 234, 239, 259
- Франц Иосиф I 21, 79–80, 100, 103, 137, 172–173, 234, 244, 254–255
- Франц Фердинанд де'Эсте 170, 175, 184, 186, 195, 220–221, 249
- Францев Владимир Андреевич 440, 445
- Фридрих II, прус. король 328
- Фридрих Мария Альбрехт, эрцгерцог 247
- Жаккы Паша 157
- Харламов Василий Акимович 314, 321
- Херриот Эдуард 406
- Хитьков Александр Алексеевич 48–52, 55, 439
- Хлудов Алексей Иванович 48–52, 54–55
- Хлудов Василий Алексеевич 50, 53–54
- Хлудов Герасим Иванович 48, 50–52
- Хлудов Давид Иванович 48, 55

- Хлудов Егор Алексеевич 52 – 53
 Хлудов Иван Алексеевич 49 – 50
 Хлудов Иван Иванович 48
 Хлудов Михаил Алексеевич 50, 52 – 53
 Хлудов Назар Иванович 48
 Хлудов Николай Назарович 48, 55
 Хлудов Савелий Иванович 48 – 50
 Хлудов Тарас Иванович 48
 Хлудова Авдотья Степановна 48
 Хлудова (Щербакова) Авдотья Яковлевна 48
 Хлудова Евдокия Васильевна 48
 Хлудова (Борисовская) Мария Ивановна 48
 Хлудова (Залогина) Надежда Ивановна 55
 Хлудова (Широкая) Пелагея Давыдовна 50
 Хлудовы 48 – 49, 51 – 53, 55, 68
 Ходорович Николай Александрович, ген. 452
 Хольман, ген. 314
 Хомяков Алексей Степанович 72, 86, 123, 135, 376, 400
 Хомяков Николай Алексеевич 43, 99, 108, 135, 349, 376
 Хорват Дмитрий Леонидович, ген.-л. 434
 Хоржевский В.Г., ген. 455
 Хотек София фон Гогенберг, герцогиня 126, 195, 220
 Хотулев В.В. 374
 Хоц Вацлав 230, 237, 280
- Цар Л. 188
 Цркал Вилуш 257
 Цурганов Юрий Станиславович 372, 379
 Цуриков Николай Александрович 439, 452
- Чайковский Николай Васильевич 284, 287, 317 – 318, 458
 Чапек Карел 27, 30
 Чарыков Николай Валерианович 114 – 115, 123, 126, 132, 156 – 157
- Чаславский К.О. 311
 Чебышев Н.Н. 310
 Челаковский Яромир 227
 Челпанов Г.И. 45
 Чентуриони, маркиз 161
 Червенный В.О. 223
 Червинка Винценс 250 – 251, 255, 257 – 258
 Червинка Милош 446
 Чермак Богумил 222 – 223
 Черников Иван Иванович 262, 264
 Чернин Отакар фон, граф 275
 Чернов Виктор Михайлович 393, 399, 424
 Черны Адольф 227
 Черны Вацлав 82
 Черны Вратислав 110
 Чернышевский Николай Гаврилович 343
 Черняев Михаил Григорьевич, ген.-л. 53
 Черчилль Уинстон Леонард Спенсер 285
 Чех Святоплук 222
 Чижов Федор Васильевич 72
 Чиняева Елена Владимировна 8, 425, 434
 Чириков Евгений Николаевич 65, 368, 426, 450, 490
 Чичерин Георгий Васильевич 382, 415
 Чхеидзе Константин Александрович 435, 449 – 450
- Шамал Пршемысл 225, 241, 259, 439
 Шарапов Сергей Федорович 128 – 129
 Шафарик Павел Йозеф 51, 142, 222
 Шахматов Алексей Александрович 178, 270, 272
 Шахматов Мстислав Вячеславович 445
 Швегда Антонин 230, 233, 237, 275, 404, 419
 Шверма Ян 418
 Швига Карел 186 – 187

- Шебор О.А. 34, 45
 Шебек А. 434
 Шебеко Н.Н. 186, 195
 Шевяков В.Т. 177
 Шедивы Иван 225, 249, 255
 Шейнер Йозеф 130, 176–177, 188, 220, 227, 231, 233–234, 236, 241–245, 247–248, 256
 Шеллинг Фридрих Вильгельм 72, 82
 Шелухин С. 415
 Шемякин Василий Иванович 75
 Шемякин Андрей Леонидович 2–3, 83
 Шенрок Владимир Иванович 45
 Шетржилова Яна 9, 458, 461
 Шидловский Сергей Иллиодорович 108
 Шиллинг Маврикий Фабианович, барон 188, 225
 Шимачек А. 186
 Шимов Ярослав 328, 372–373
 Шингарев Андрей Иванович 100, 356, 377
 Шмаков Алексей Семенович 54
 Шмелев Иван Сергеевич 419–420
 Шмераль Богумир 241
 Шмоллер 18
 Шола А. 188
 Шробар Вавро 233, 237, 260, 303
 Штейн Борис Ефимович 304
 Штепанек Витезслав 189–190
 Штепанек Карел 188
 Штернберг, граф 394
 Штефанек Антонин 233, 237, 260
 Штефаник Милан Растислав 267–268, 270, 276, 278–279, 283, 305, 318
 Штоловский В. 222
 Штур Людовит 71, 74, 228
 Штыбнар Вит 222
 Штюргк Карл, граф фон 172, 175, 179, 184, 248, 251, 257
 Штюрмер Борис Владимирович 352
- Щегловитов Иван Григорьевич 164
 Щербатов Николай Борисович, кн. 423
- Эммонс Т. 305
 Энгель, барон 251
 Энгельс Фридрих 374
 Энглиш Карел 405, 417
 Эрбеен Карел Яромир 107
 Эренраль-Лекса Алоис 35, 80, 116–118, 120, 125–126, 157–158, 174, 401
- Юнгман Йозеф 222
 Юренев (Кротовский) Константин Константинович 404
 Юсупов Феликс Феликсович, кн. 376
- Яваров П. 152
 Яворский Юлиан Андреевич 123
 Ягич Ватрослав 78, 178
 Яначек Ян 77
 Янотка С.Н. 311
 Янсон Э.И. 60
 Ястребов Николай Владимирович 77, 253–255, 272
 Ячевский А.А. 97
- Amfiteatrov Alexandr Valentinovič 418
 Auerbach 11
- Balmont K.D. 457
 Beneš Edvard 11, 305
 Bystrov Vladimír 460
- Chinyeva (Činňajevá) Elena 13, 457–459
 Čcheidze Konstantin 460
 Čechurova (Šeřfilová) Jana 12, 69
 Černý Václav 82
- Doubek Vratislav 30
- Harbul'ová L'ubica 305, 461–462
 Herman Karel 12, 29–30, 46, 197, 262, 265, 280, 417, 459

- Hillgruber A. 11
Hlaváč Bendřich 30, 166
Holeček V. 491
- Galandauer Jan 264
Garver Bruce M. 12, 135, 166
- Jirásek Josef 45
- Kamenický J. 28
Klimek Antonín 263, 280, 304, 306,
417
Kolčák A.V. 305
Kramář Karel 11–12, 28, 30, 44, 46,
68–69, 84, 105–106, 135–137,
166–167, 196–197, 262–263,
265, 279–280, 304–305, 319,
321, 373–374, 415–418,
457–463, 491
Kramářová (Abrikosová, Chludová)
Naděžda Nikolaevna 12, 46,
137
Kučera Martin 12, 30, 44–46
Kvaček Robert 12, 30, 45, 280
Kubů Edvard 417
- Lemberg Hans 11, 319–321
Lustigová Martina 12, 306
- Maria Theresa 29
Masaryk Tomáš Garrigue 12, 30,
44, 166, 305
Matoušek J. 266, 461
Mullerová A. 69
- Nasková R. 265
Němec Bohumil 491
Nová Jana 28
- Odlouzilík Otakar 12
- Palacký František 12
Pekař Radovan 12, 46, 68
Pimper A. 491
- Rašín Aloise 12, 265
Rataj Jan 11
Rychlík Jan 280
- Savický Ivan 12, 305, 457–459
Schramm G. 11
Serapionova Jelena 69
Seton-Watson Robert William 278
Sís František 265–266
Sís Vladimír 11, 13, 28–30, 68,
137, 196, 374
Sládek Zdeněk 12, 29–30, 46, 197,
262, 265, 280, 417, 459
Stašek Antal 29, 463
Šauer Jaroslav 12, 304–306, 321
Šedivý Ivan 262, 264–265, 376
Šetřilová Jana 12
Šolle Zdenek 305
- Tejchmanová Svetlana 135
- Vacek Jiří 460
Valenta Aleš 12, 30
Vencovský František 46, 69,
265–266, 280
Vojtech T. 12
Vykoupil Libor 12, 415
- Winkler Martina 12, 491
Winters Stanley B. 12, 29

Оглавление

От автора	3
Введение	5
Глава 1 Начало пути	14
Глава 2 Знакомство с Россией	31
Глава 3 Надежда Николаевна Крамарж	47
Глава 4 Истоки неославизма: славянская идея в России и за рубежом	70
Глава 5 Во главе движения неославистов	85
Глава 6 От Пражского к Софийскому съезду	108
Глава 7 Развитие славянского движения. Софийский съезд	139
Глава 8 Накануне мировой войны	169
Глава 9 В годы военных испытаний	220
Глава 10 Чехословацкое национальное движение и образование государства	267
Глава 11 Парижская мирная конференция. Проект Конституции Российского государства К. Крамаржа	281
Глава 12 Последняя поездка в Россию	307

Глава 13	
"Русский кризис"	322
Глава 14	
Непрекращающаяся дискуссия	380
Глава 15	
Чета Крамаржей – покровители русской эмиграции	419
Заключение	485
Указатель имен	492

Источники иллюстраций

1. Еженедельное приложение к газете "Новое время", 1908 г.
2. Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы / Автор-составитель Ю.Т. Лисица. М., 1999.
3. Надежда Николаевна Крамарж. Прага, 1938.
4. Семейный архив Надежды Николаевны Птицыной – правнучки Н.Н. Крамарж.
5. *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20 – 30-е годы). М., 1995.
6. Archiv Národního Muzea v Praze. Fond K. Kramář.
7. *Karel Kramář.* K šedesátým narozeninám. Praha, 1920.
8. *Karel Kramář.* Studie a dokumenty k 65. výročí jeho úmrtí. Praha, 2003.
9. *Kárník Z.* České země v éře první republiky (1918 – 1938). Díl první Vznik, budování a zlatá léta republiky (1918 – 1929). Praha, 2000.
10. *Krečmer J.* Václav Klofáč a jeho národní socialismus. Praha, 2000.
11. *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914 – 1938. Praha, 1999.
12. *Sís V.* Karel Kramář. Život a dílo. Skizza. Praha, 1930.
13. *Střeha.* 1999. Č. 4. S. 8 – 22.
14. *Šedivý I.* Češi, české země a velká válka 1914 – 1918. Praha, 2001.
15. Z hor jsme. Sborbřík vydáný u příležitosti zbudování pamětní busty na rodném domě Dra Karla Kramáře / Sebral a uspořádal Ing. C. Ant. Vodsed'álek. Praha, 1927.

Научное издание

Серапионова Елена Павловна

**Карел Крамарж
и Россия.
1890–1937 годы**

*Идейные воззрения,
политическая активность,
связи с российскими
государственными
и общественными
деятелями*

Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *О.В. Арегова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 19.01.2006
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 32,0 + 0,6 вкл. Усл.кр.-отг. 32,6
Уч.-изд.л. 33,4. Тираж 500 экз. Тип. зак. 3097

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9-линия, 12

ISBN 5-02-033997-0

9 785020 133997 2

Е.Д. Серапионова

Карел КРАМАРЖ и РОССИЯ *1890-1937 ГОДЫ